

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск третий

Кемерово
Кузбассвузиздат
2006

ББК 84-44
Г61

Издание подготовлено при участии:

*Кузбасского регионального отделения Союза Правых Сил,
Российского издания из Кузбасса «Наша газета»,
Омского регионального отделения Союза российских
писателей,
Омского государственного литературного музея
имени Ф.М. Достоевского,
Сектора истории общественно-политического
развития Института истории Сибирского отделения
Российской Академии Наук,
Кемеровского областного отделения Всероссийского
общества охраны памятников истории и культуры.*

Слово к читателю

Редакционная коллегия номера:

Вайнерман Виктор (Омск), Кинг Виктория (США),
Кушникова Мэри (Кемерово), Лейфер Александр (Омск),
Папков Сергей (Новосибирск), Тоголев Вячеслав (Кемерово),
Шагиахметов Дмитрий (Кемерово)

Г61   Голоса Сибири. Литературный альманах. –
Вып. третий. - Кемерово: Кузбассвузиздат,
2006. - 828с.

Третий выпуск литературного альманаха «Голоса Сибири»
посвящен памяти генерала белой армии *Александра
Трифоновича Антоновича.*

ISBN

© Коллектив авторов. 2006
© Кушникова М.М., Тоголев В.В., сост., 2006
© Брагин А.В. - компьютерная верстка. 2006
© Издательство «Кузбассвузиздат». 2006

Все слито воедино: добро и зло, великодушие и правосудие, религия и политика...

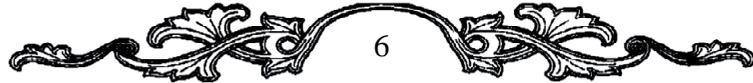
Томас Гарди

Третий выпуск «ГС» отнюдь не случайно открывается материалом *Дмитрия Шагиахметова*, редактора первой неподцензурной газеты России, созданной на волне забастовочного движения шахтеров в декабре 1989г. Значение газеты (в общественный совет которой долголетнее входили *Лариса Богораз*, *Людмила Алексеева*, *Отто Лацис*, *Егор Гайдар* и другие видные общественные и политические деятели), как это не раз отмечалось, никак не ограничивается полем СМИ, и распространяется, думается, на российскую словесность и культуру в целом: в ходе перестроечных перипетий слово литератора, журналиста, наконец-то стало свободным, и этим все сказано.

Публикуемый сегодня «рабочий дневник рабочего движения» его автор вел как раз в забастовочное лето упомянутого 1989г. – он фиксировал «по горячему» те события, за которыми, затаив дыхание, все мы, тогдашние, следили.

Кстати: в этом же номере мы приводим текст еще одного дневника, принадлежащего перу генерала белой армии *Александра Трифоновича Антоновича* (1918-1922гг.) – уникальный исторический источник, подготовленный к печати *Сергеем Папковым*, проникнут подлинным патриотизмом. Этот «белогвардеец», который сражался не за какую-либо власть, а за Родину, Россию, в отличие от многих других, отнюдь не стремился в эмиграцию, потому что не хотел лишиться троих своих сыновей отчизны. Героизм его и честность не помешали тому, что в эпоху культа он загадочно сгинул в Красноярской тюрьме.

Рукописное наследие представлено также дневником *Анны Степановны Малород* (1948-1969гг.), которая была одним из уцелевших, избежавших расстрела, инициаторов толстовского движения в Сибири в 30-х годах. Дневник проникнут толстовской светлотой духа и его же религиозностью, что в те поры могло

рассматриваться не иначе, как вопиющее инакомыслие.

Но вернемся к «дневнику рабочего движения». Представим себе, что в начале французской революции XVIII века кто-нибудь вел бы подобный – а, может быть, и вел, да только сохранился ли? Как пристально вчитывались бы в такие свидетельства сегодняшние историки!

Полагаем, через полстолетия «Дневник 1989 года» окажется бесценным во многих отношениях. Читая его, ощущаешь степень накала, охватившего не только шахтерский край, но и всю страну, и недоумеваешь, сколько же нужно было допустить промахов, чтобы вернуть российский климат к прежнему «мне до лампочки» – правда, сейчас говорят цветистее: «мне все фиолетово» и «мне все по барабану».

Время – неподкупный судья. Оно делит людей на тех, «кто делает время», и кого оно выдвигает как общественную необходимость, и на тех, «кого делает время», вознося не за личностные деяния, а за «верткость», умение «ухватиться за хвост событий». Живущие в Кузбассе, судя по названному дневнику, хорошо усвоили цепь тогдашних перемен и запомнили, «кто был кто» в ту пору, и кто кем стал сегодня. И сделанные выводы бывают огорчительны.

Как уже было сказано, «Наша газета» – детище рабочего движения 1989 года. Время «было беременно» первой бесценной газетой страны – в приведенном дневнике находим несколько записей, касающихся мук ее рождения. Предыстория газеты – это баталии, развернувшиеся вокруг Совета рабочих комитетов Кузбасса, свидетелями коих *Д. Шагиахметов* как раз и являлся.

И вновь – ассоциация с веком осмнадцатым: тогда выходила газета «Пэр Дюшен» (дословно «Папаша Дубовик»), и стиль ее был никак не мягче и не изысканнее, чем тот, который в первую пару лет смущал в «Нашей газете» чересчур щепетильных читателей. Каждое

время требует своего стиля. И в ту пору те, кто изощрялся в «радикальном» стиле, – впрочем, скорее, для самовыражения, – были газете полезны. Когда «запал» перестал быть повседневностью, эти люди от газеты закономерно отпали, хамовито «самовыражаясь» в иных изданиях.

А «Наша газета», первая легальная бесцензурная, вот уже шестнадцать лет набирает обороты и читательские симпатии, правдивостью, честностью и свежестью информации (см. раздел «Из первых уст», построенный на корреспонденциях «НГ»).

«Историческая» тема вновь прозвучит в кропотливых разысканиях журналиста той же газеты *Александра Водозадова*, развенчивающих некоторые мифы, связанные с одной из величественных эпопей сталинского «ампира» – истории Севморпути. Таким образом, некоторые темы альманаха «сквозные», и продолжают из номера в номер. В рубрике «Памятки истории», например, мы опять возвращаемся к биографии литератора *Дмитрия Орестовича Тизенгаузена*, расстрелянного в 30-е годы (там же – очерк барнаульского коллекционера *Егора Ревенко* об «опознании» загадочного провинциального портрета подполковника *Семена Павловича Юренева*, скончавшегося полтора столетия назад).

В «Изыщной словесности», как всегда, представлена проза наших даровитых омичей, с которыми «Голоса Сибири» дружно сотрудничают – особо хотелось бы выделить мастерски написанный рассказ *Григория Петровича*, ныне проживающего в Германии. В этой тонкой и остроумной реконструкции сегодняшнего психологического климата, под маской детектива – лейтмотивы: «в шкале человеческих ценностей на первом месте стоит жизнь, а на втором – свобода», и: «высокоинтеллектуальный человек пойдет в атаку, а не пойдет в штыковую атаку высокоинтеллектуальный трус!».

Открывающая ту же рубрику «Апокрифическая повесть» посвящена неканоническому толкованию роли

Иуды Искариота в житии *Иисуса Назарянина*, и основана на апокрифе от *Фомы* и других малоизвестных апокрифах, а также на преданиях о юности *Христа*, что сохранились в фольклоре тюркских народов. Непреходящий интерес к личности *Иуды* ныне актуализирован рядом сенсационных открытий – как сообщала пресса, недавно было обнаружено «Евангелие от *Иуды*», которое, как слышно, исследователи расшифруют к католической Пасхе 2006 года.

Непосредственностью и сияющей сочувственностью ко всему живому покоряет «Повесть про кота Никиту» кемеровчанки *Натальи Лопатиной* – раздел «*О малых сих*» становится традиционным, как и ставшие уже привычными в «ГС» переводы – см. очередную главу повести *Фабьенн Вердые* «Пассажир тишины» о последствиях китайской культурной революции, с невероятной тупостью и жестокостью пытавшейся уничтожить в человеке мысль, талант, – словом, личность. Также растаптывалась личность не только взрослых, но и детей в сталинские 30-е, о чем читаем в рецензии *Виктории Кинг* на роман *Светланы Василенко* «Дурочка» и в воспоминаниях *Михаила Шмулева* «Побег из колхоза».

Публикация еще двух переводов приурочена к 185-летнему юбилею *Ф.М. Достоевского* (продолжение книги «Семь лет каторги» с воспоминаниями поляка *Шимона Токаржевского* о личных встречах с Федором Михайловичем в Омске, и эссе французского философа 30-х годов *Андре Суареса*, автора книги «Портреты без модели» с неординарной трактовкой личности писателя – в очерке доминирует лейтмотив «преступление без покаяния и покаяние без преступления»).

Итак, – содружество «ГС» с сибиряками крепнет, проект набирает силу.

г. Кемерово
январь 2006г.

Памятки истории

Дмитрий Шагиахметов
ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ «НАШЕЙ ГАЗЕТЫ»
Рабочий дневник
(август-сентябрь 1989г.)

Первый визит в рабочий комитет¹. За телефоном Герольд² – скупой на эмоции, рассудительный, суховатый, малоулыбчивый, поздоровался сдержанно. Такая манера у него. Впрочем, – иногда прорвется вдруг юмором, шуткой. Но – не сейчас.

– У меня селекторное совещание. Пройдите в другой кабинет – там вами займутся.

– Может, я посижу с Вами рядом? Просто послушаю...

– Нет, – у нас же могут быть свои секреты!

Откуда-то вынырнул Асланиди³, тут же утащил меня курить и пытаться:

– Как Вы относитесь к нашему движению?

Отвечаю – и боюсь, что начну поддакивать и лебезить.

К Землянухину⁴ относится настороженно, у меня тоже к нему отношение двойственное. Асланиди на заседании Совета заявил:

– Землянухин занят больше личными перспективами, чем общим делом!

Притом именно с Землянухиным договорились мы идти к Лебедеву⁵. Пришел я раньше намеченного часа, и Лебедев принял меня одного. Говорит – в забастовочной среде много судимых. Рудольф⁶, например, имеет две судимости, отсидел восемь лет. Я, как мог, обходил острые углы, тема очень скользкая, не до конца все ясно.

Сажу у Лебедева, листаю месячные итоги работы областного пресс-центра. Впечатление: буксующая машина с минимальным КПД – во главе с Панковым, кругленьким, испуганным, службистом до мозга костей. И вот подходит Землянухин:

– Надо открыть рабочую газету⁷, Мельников⁸ обещал разрешить.

– Не известно еще, кто по новому положению должен принимать решение об учреждении, – возразил Лебедев.

Многие пожары в мировой истории разгораются от искры Божьей, попавшей не в ту голову.

Валентин Домиль

И – всячески уговаривал не торопиться, а пользоваться уже имеющимися в области СМИ, а он пока будет узнавать, кто и как будет заниматься открытием газеты.

Ох, и не хочется же им этой новой газеты! В курилке я посоветовал Асланиди выходить напрямую в Госкомитет по печати, а второй экземпляр ходатайства направить Слюнькову⁹. Землянухин возражал:

– Я привык к джентльменским отношениям – не будем прыгать через голову, подождем!

На следующий день – разговор с Герольдом. Наконец-то он спросил, как меня зовут.

– Дима.

– Ну, давай, как американцы Боб и Джек – без отчеств, у нас все запросто!

Сказано, впрочем, без особого дружелюбия.

Пытаюсь согласовать с Герольдом минимальную правку, внесенную в его статью. Надулся, забеспокоился – не пытаюсь ли убрать эмоциональную, ядреную часть обращения к руководителям, обороты «партийные функционеры», «административно-командная система и вы, винтики в ней». Обнаружив, что на стиль не посягнули, успокоился.

* * *

18 августа. На 10 утра назначено совещание Совета (полного состава). К 11 из городов приехало человек 11 из нужных для кворума 18. Повестка дня, по-моему, рядовая (после обсуждения будет видно, насколько я понял правильно это). Ждали до 14 часов. После, после ругани и матюга Рудольфа, который был произнесен при Ларисе (девице-секретарше, которую, однако, посадили именно для того, чтобы остерегаться матов), после голосования, при двух против – решили: если с первого раза не умеем собраться, то что будет потом. Сами своей недисциплинированностью загубим дело. Решили действовать по принципу выборов папы Римского: хоть до утра, хоть до завтра, хоть до понедельника ждать, собирать неприехавших (в том числе и Авалиани¹⁰, сидящего сегодня на городском комитете) – но

совещание провести!

Герольд: «Все! Я объявляю голодовку!» (Шкала протеста: забастовка, голодовка, харакири).

* * *

Продолжение вчерашнего совета (сегодняшнего? Закончили-то в три ночи!).

Пришел в 10 вечера. Темный вестибюль облизполкома, с настольной лампочкой, за столом молоденький милиционер. Проверил документ. Обстановка, антураж – как у заговорщиков.

Наверху все еще ждут приезда дальних (из Междуреченска, Новокузнецка и др.) членов Совета. Помаленьку матерясь, полусонные. Выясняется, Авалиани не приедет, категорически отказался. Тут же вспоминаются к нему другие претензии: не участвует, не крутится с ними вместе, как это положено бы председателю, то есть не возглавляет, «а сидит свадебным генералом». Есть претензии и к его позиции, «он против второго пункта, о хозяйственной самостоятельности предприятий». И никогда не заходит в рабочие комитеты в городах, когда там бывает. И прошлое совещание собирал, нас, рабочую группу, не предупредил, случайно, со стороны, об этом узнали. Асланиди подозревает его в двойной игре, другие не хотят торопиться с выводами, требуют разбирательства в его присутствии.

В долгом томительном ожидании обнаружили, что среди них кто-то незнакомый. Выяснили: парень послан коллективом гидроузла. Прежде зам. главного инженера строительства основных сооружений.

– Мы просим принять нашего представителя хотя бы с совещательным голосом. Наши вопросы решают, а мы вроде за бортом. Коллектив-то большой.

Асланиди начал допрос: «А Вам близки наши идеалы?»

Почти детское желание нащупать родство.

Упорно ждут едущих. Если так беспощадны к себе, то, дай бог, будут беспощадны и к другим, заставят крутиться всех. Лидером, пожалуй, Герольд. Впрочем, и Рудольф, впрочем, и

Асланиди, впрочем, и несколько других.

Совершенно непередаваемая атмосфера дружеского подтрунивания, подъялдыкивания, беззлобных насмешек, тут же парирование колкостей.

Неизвестно, кому больше повезло, им или мне, что работать получается вместе. Для меня шанс оказаться в самом центре мировых событий, увидеть, стать свидетелем огромного дела, о котором не подозревал и сам, и не знают многочисленные коллеги, приходящие на полчаса для интервью. Даже, кажется, Санька Сорокин, забегавший туда одно время очень часто. Для них – получить у себя корреспондента, мало того, постоянно с ними работающего, но и еще достаточно квалифицированного, обученного многолетним сидением в партотделе «Кузбасса», тоже подарок.

Эх, не сглазь!

Для меня вчерашнее совещание, похоже, шанс написать роман о II съезде РСДРП.

... Дождались-таки. Встретили их в 23-30 (вместо 10 утра!) очень мирно, даже дружески. «Здорово, мужики, чего долго ехали?». Никто не застыдился. Попрек был только со стороны Асланиди и Герольда, открывавших заседание, напомнивших, что их послали каждого тысячи, и эти тысячи нельзя обмануть, чувствовать надо их за собой.

Долго (в утомительно полусонном состоянии, кажется, напрасно долго) – выясняли, есть ли кворум, есть ли нужное представительство от каждого города. Сейчас, по трезвому размышлению, эта щепетильность кажется крайне симпатичной. Желание не оторваться от пославшего народа, не стать неизвестно кого представляющим аппаратом, говорящим без полномочий от имени народа.

Наконец, выяснили, кворум есть. Информация Кислюка¹¹ о том, что происходило, что сделано со времени переезда в Кемерово. Мало народу – 7 человек – в рабочей группе, но сделано много. С этой оценкой не согласен Асланиди. Эффект маленький, много работали, но пользы мало. Не успеваем за аппаратом и с анализом выполнения протокола, заедает текучка и т.д.

Спор вокруг письма Ельцину, как сопредседателю межрегиональной группы народных депутатов. С его представителем уже встречались, он приедет еще раз. Герольд, подписавшись, как зам. пред. Совета, направил Ельцину частное (впрочем, не вполне и частное) письмо, где констатирует, что туго идут экономические разработки перехода на региональный хозрасчет и сообщает, что были бы признательны за любую помощь и советы крепких экономистов.

Спор был не по поводу обращения как такового, а по характеру действий рабочей группы, которая, оказывается, не выполнила запрета общего совещания, которое рекомендовала воздержаться от такого контакта. Впрочем, после такого замечания, принятого к сведению, само письмо одобрили.

Выяснилось, что группа экономистов под руководством Абалкина будет в области (и объезжать города с тем, чтобы и им помочь) в конце августа.

Снова претензии к Авалиани, который держится сторонним наблюдателем.

По области немало случаев, когда предприятия на грани нового взрыва из-за перебоев с моющими средствами – с мылом на шахте. Новокузнецк – ШСУ, разрез какой-то...

Из вывода «не успеваем, опаздываем, не можем угнаться за событиями» последовал логичный следующий – надо менять структуру работы, привлекать всех членов Совета, освободив их от работы. Предложена новая структура. Восемь направлений, которыми руководят восемь сопредседателей, каждый из которых имеет право подписи и по очереди (по полгода?) руководит работой Совета. Направления:

Идеология движения.

Связь со средствами массовой информации.

Контроль за пакетами требований.

Экономическая группа.

Финансисты.

Центр сбора информации.

Связь с трудовыми коллективами.

Связь с партийными, советскими, профсоюзными и другими органами.

Выяснилось, что работу свою планируют как минимум на пятилетку (или что-то около того). Но – надолго. Как общественную организацию, защищающую права рабочих, борющуюся за лучшую их жизнь. Неясно, как независимые профсоюзы или другую партию – но надолго, даже на постоянно. Впрочем, поиски аналогий (партия? профсоюз?) может быть дело пустое, от наших стереотипов. Работу будут строить по принципу Верховного Совета и съезда, каждый будет призван по мере необходимости. Впрочем, на первых порах, скорее всего, на постоянно.

Реплики при обсуждении: «Так, дошли уже. Уже по трое сразу говорим!»

– Объясните мне, я не понял... Так сказать, для ВГСЧ отдельно (*«повторяю для тупых» – аналог этой идиомы*).

– Мы здесь собрались, как 26 бакинских комиссаров (26 членов Совета).

– Герольд, у тебя сталинские замашки (*смеются и критик, и сам Герольд*).

После обсуждения структуру организации приняли.

Вышли ночью из облисполкома на площадь Советов большой толпой – хоть Зимний бери. Шутка моя при этом: «Может, попробовать для начала захватить почтамт?». Ночь с пятницы на субботу, большая куча совершенно трезвых шахтеров.

Поехали в обратный путь. По пути заезжали в гостиницу «Кузбасс» за вещами, и попить чаю-кофе. Звали меня, я пошел домой, может быть, и зря.

В ходе ожидания уже были знакомые реплики: «Вступай в Совет, будешь работать».

Милиционер с вахты звонил, пускать ли Ларису – секретаря. Ему дали разъяснения, меж собой балагуря: ты ему скажи, чтобы он всех женщин пускал.

Требуют от Асланиди – председательствующего – более четкого ведения собрания, и подтрунивают над ним одновременно. Но чисто организационно собрание велось идеально для ночного бессонного времени – невысказано хорошо.

Расстались, чтобы собраться во вторник, в присутствии Авалиани. При ультимативном заявлении Асланиди: Если он останется председателем, я уеду, не буду работать в Совете.

Симптоматичный эпизод: когда обсуждали кандидатуру сопредседателя, который отвечал бы за связь с прессой, Асланиди сказал: Есть две кандидатуры, такой-то (фамилию не помню) и Землянухин. Мое мнение, Землянухин мне меньше нравится, хотя и более грамотен. У меня с ним есть разногласия.

Резюме: давайте назначим Землянухина именно потому, что у него есть разногласия с Асланиди. Он будет с тобой не соглашаться, а это полезно. В спорах больше пользы, выйдется решение лучшее. Асланиди – мгновенно! – согласился. Хотя и голосовал все же – единственный – против Землянухина.

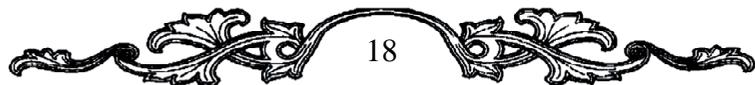
Еще. Решено, что при голосовании в протокол вносится мнение проголосовавших против, их аргументы. Которые, хотя и обязаны будут выполнять общее решение, но снимают с себя ответственность за неверное, по их мнению, решение.

На конференцию собираются вынести предложение о наделении Совета полномочиями: принимать обязывающие решения. Правда, только двух видов – об объявлении и о постановке забастовок. В остальном городские Советы существуют на правах конфедерации.

По-моему, они не играют в забастовку, а очень ответственно озабочены реальными изменениями в жизни населения области, настроены до победы бороться за эту лучшую жизнь. В эту ночь все показалось мне очень серьезным явлением, политическим явлением, значительным куда более, чем представлялось до того.

Расходясь, шутили: сегодня ночью мы не спали вместе с Лютенко¹² и Мельниковым - похоже, тем должны были сообщить, что Совет собирался ночью (!) для принятия, должно быть, чего-то очень серьезного (!), съезжаются со всей области (!).

Еще детали. Среди членов Совета есть освобожденные партийные секретари, к ним относятся без предубеждений,

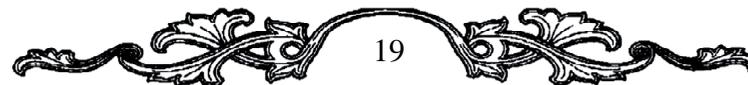
об этом вспоминают только тогда, когда встает вопрос об их освобождении от основной деятельности для работы в Совете. Есть очень много разных национальностей: грек Асланиди, Авалиани, Герольд, Рудольф, финансист татарин, русские. Занятые делом, глупостей (национальной принадлежности, партийности, судимости и т.д.) не замечают. Откровенны и открыты, как в бане. Каждый есть то, и отношение к нему только такое, как он думает, действует, спорит. Одним словом, настоящие мужики, без интриг и дворцовых подковырок, без озабоченности, как будут выглядеть, какое слово подобрать при споре. Цельные.

Похоже, достаточно высокий и официальный уровень грамотности, начитанности. И очень хорошо развиты. Парню, например, с гидроузла, который забыл фамилию Леонтьева, разом несколько человек подсказали ее¹³.

* * *

Встреча достаточно короткая. Я пришел к концу заседания «круглого стола» в облисполкоме. Поднялся в 602-ую – пусто, спустился в зал, а там – Кислюк. Повел меня в «Кузбасс» – хотел в гостинице согласовать выводы своего комментария к решению Совета «Кемеровоугля» (по сути, штрейкбрехерскому). По пути задержались у входа в ресторан «Шалго» – стоят там кучей члены Совета, Рудольф представляет меня публике «как нашего специального корреспондента, который пишет хорошие статьи». А по лицу его видно – читает чуть ли не по складам. Хотя, если серьезно, он поражает меня каким-то глубинным природным разумом, позволяющим ему говорить на равных с выпускниками институтов – с Кислюком, например, и другими «образованными». Предложил ему встретиться в редакции – тот согласился: надо так надо!

Кислюк спрашивал о Сорокине¹⁴, но от оценок и характеристик я мягко уходил. Впрочем, дал понять, что отношение к Саньке у меня неоднозначное. Сказал о желании Попка¹⁵ работать в газете Совета – дал ему «суперхарактеристику»: сказал, что готов у него «карандаши точить».

Приглашали меня за стол – отказался, хотя завтра – заседание, и необходим «совет в Филях» – это понятно. Жаль уходить, но – не все сразу.

* * *

Вторник, 22 августа. Расширенное совещание. Пишу на следующий день, потому что сил после шести- или даже семичасового ора не осталось. Вообще, планировалось обычное заседание, в повестке – выборы сопредседателя (оставалось вакантное место для Авалиани или Асланиди). Вдруг выяснилось, что кем-то заранее созванные и обработанные в духе неприятия и подозрения председателя городских комитетов настроены дать бой рабочей группе, которая якобы «совершает дворцовый переворот». Они с ходу бросились в атаку.

Маханов:

– Рабочая группа, областной Совет занимаются не тем. Вы тут начальники, от городских отрываетесь.

Выступление Литвиненко (Белово) – все о том же.

Доходило до истерик, до полублатных выкриков:

– Заелись, падлы!

И все это – своим же ребятам, которым полностью доверяли полторы недели назад, причем, – в отличие от Маханова, – они-то, приехавшие из разных городов, сидят в Кемерово, а не у себя дома.

Требуют:

– Переизбирайте семерку!

Непонимание:

– Какие-такие семь сопредседателей? Зачем это нужно?

– Ну, пусть они как угодно называются – старший сержант, младший дворник, начальник группы...

– Нет, вы объясните, что за дележ портфелей вы тут устроили?

Кричали до иступления.

Раза три уже почти объявили о недоверии рабочей группе:

– Не верим в вашу честность и в то, что вы выкладываетесь не за страх, а за совесть.

Авалиани:

– Асланиди, Герольд и Кислюк борются не за дело, а против меня, затеяли подковерную возню.

Похоже, что именно Авалиани инициировал скандальное разбирательство. Телеграмму от его имени направили по городам прокопчане вместе с Рудольфом.

Через два-три часа немного успокоились и признали: предложенная структура руководства – очень даже неплохая. Проголосовав, ее поддержали. Далее – опять с претензиями:

– А зачем тогда вы нас вообще сюда вызывали?

– А кто вызывал-то?

Удивил всех Землянухин, выступивший против тех, с кем, помалкивая до поры, работал в группе, всячески подыгрывал Авалиани, поддерживая его линию обвинения:

– Мне надоела вся эта возня и организационные игры! Не должно быть никакой структуры, все будут работать вместе. Надо одного председателя и одного зама – и все!

Авалиани:

– Володя сказал правильно!

Асланиди (устало):

– Мы в пятницу решили за глаза никого не обсуждать. А слух разошелся. Кому-то это на руку.

Рудольф:

– У каждой организации должна быть программа-минимум и программа-максимум. Без последней – топчемся и будем дальше топтаться на месте. Что мы такое? Зачем мы?

Авалиани:

– Председателя хотят устранить! Я постоянно чувствую недоверие рабочей группы.

Проголосовали за подтверждение полномочий Авалиани. За проголосовало 17, против 9, воздержался 1.

Заседание произвело странное впечатление. Многое настораживало. Словно кто-то намеренно разваливает дело. Как бы не сам Авалиани, решивший возглавить Совет, чтобы в подходящий момент навредить движению. По крайней мере, со стороны это выглядит именно так.

Руководители городских комитетов показали себя не лучшим образом. Они почти не в курсе дел «семерки» – но готовы к самым горячим, необдуманным обвинениям, вплоть до оскорблений:

– Вы не думаете о ребятах, которые сидели на площадях, забыли о них!

Но смени семерку, поставь другую, – тоже не справится. Чтобы развивать движение, нужны постоянные кадры, умение руководить не приходит само собой. А пока получается, что с криками «Да здравствует рабочее дело!» мы это дело на корню хороним.

Иногда кажется, что назавтра в рабочий Совет будет некому прийти. Герольд и Асланиди однажды уже подавали в отставку с постов сопредседателей, а Кислюк уходит прямо с середины заседаний – торопится на телевидение. Как же работать-то?

Но сейчас решили – уходить нельзя, оставляя все Землянухиным. Теперь сопредседатели будут освобождены и смогут всецело посвятить себя Совету. Будет кому и за дисциплиной смотреть – а то ведь на собрании опять не все трезвые. Ну как таким доверять?

Многое, конечно, не продумано. Связь с городскими комитетами слабая. Нужен твердо определенный день, чтобы раз в неделю съезжаться, обмениваться информацией, отчитываться перед низами. А сегодня даже курили по разным углам – рабочая группа от городских комитетов отдельно. Хотя «городские», действительно – малосимпатичны. Не все, конечно. Вот Женя Говоров – приехал с таким же, как у всех, настроением, но уже через два дня разобрался и перешел к нам – в стан «заговорщиков».

Главные претензии к Авалиани сформулировали достаточно четко: сидит в Киселевске, и за полмесяца в рабочей группе так и не появился. И вообще – работает два дня в неделю, а не семь, как надо бы, не координирует, не отвечает за действия Совета в целом, не берет на себя ответственность. Второе – он, по сути, противник хозяйственной самостоятельности шахт и разрезов, то есть выступает против

второго пункта Протокола¹⁶, коим руководствуется в своей деятельности Совет. Сегодня он это почти признал – сознался, что выступает за автономию трестов, а не отдельных предприятий.

Асланиди:

– Я признаю, что Теймураз Георгиевич много сделал во время работы правительственной комиссии, никто из нас не смог бы так с ними сотрудничать. Но сегодня его авторитет работает против нашего дела. Против наших решений. Работать в одном с ним органе я не смогу.

Но после совещания Асланиди заявил перед телекамерами:

– Поздравляю Теймураза Георгиевича с победой!

Все это снимала Западно-сибирская кинохроника – для истории или для органов. Пообещали, правда, до первого января в свет не пускать. Был еще какой-то мужик с видеокамерой, у которого Рудольф потребовал удостоверение, оно оказалось сомнительным – якобы от тележурнала «Человек и экономика».

Позднее Землянухин увел меня в сторону, – пытался выяснить, какой материал я буду готовить. Мне было просто физически неприятно говорить с этим парнем. Он явно преследовал свои цели. Когда кто-то интригует, мне всегда противно. А ведь именно Землянухину поручили заниматься открытием рабочей газеты! Он ее погубит, конечно!

Идеальная среда для интриг – разобщенность. Пока «городские» не будут точно знать, чем занимаются в Совете – их можно возбудить любым криком, отравить демагогией, с легкостью противопоставить нам. Вот почему нужна газета. Но в чьих руках она окажется?

После совещания под председательством Авалиани делили портфели по направлениям. Герольд наотрез отказался от предложенного кресла заместителя. Обсуждение отложили до конференции, до 5 сентября.

Стало очевидно, что Авалиани должен работать в Кемерове постоянно. Хотя многие склонны держать его просто как знамя, «для веса» – имя тоже иногда стоит миллиона, так что пусть живет, где хочет, лишь бы оставался в Совете.

Единством надо дорожить. Даже с такими людьми, как Авалиани.

Маханов, кажется, не совсем понимает, что значит подлинная сплоченность. Угрожал, что Прокопьевск выделится из общего движения и пойдет своей дорогой.

Вместе – мы сила, а порознь нас всех съедят. Поодиночке – это не организация, а анархия, шаг назад. В июле было много стихийного, чего нельзя допускать ни при каких обстоятельствах. В Новокузнецке, например, кто-то, подогревая население, разобрал километр трамвайных путей, а в Осинниках – пешеходный мост!

На четверг наметили встречу в редакции. Будет ли Авалиани? И решит ли что-нибудь его присутствие? Говорить он умеет. И Землянухин тоже – прямо по писанному шпарит:

– Когда я ехал сюда, я мечтал, что мы создадим организацию нового типа, без бюрократии, без структуры, будем все вместе работать, будем понимать друг друга с полуслова. И будем делать то дело, которое начали – борьбу за рабочий класс! У нас работы нет, цели нет, но есть идиотская структура. Почему возникает вопрос о снятии председателя – мне это непонятно. Тех людей, кто в рабочей группе дестабилизирует обстановку, кто нагнетает, давайте этих людей будем убирать!

В чем подоплека? В зависти к уму тех же Кислюка и Герольда, в невозможности говорить с ними на равных? Обида и ущемленность?

* * *

23 августа. С утра ходил в Совет, искал Кислюка – он обещал передать материал для статьи. Кислюка не нашел, все остальные тихо и мирно работали. Асланиди угрюмый; внешне спокойный Рудольф; сжатый, как пружина, Герольд.

В курилке подошел к Асланиди, но он не мог быть вполне откровенным – рядом стоял еще какой-то мужик.

Политика – искусство возможного. Нельзя бороться, не считая потерь, – ведь, в конечном счете, можно потерять и

главную цель. Это то, что я успел сказать Асланиди. Вчера, в разгар всеобщего рева, у него на столе появилась упаковка валидола – сегодня она там же, но уже распечатанная.

Асланиди взялся за комментарий (составление и сбор подписей) к одному штрейкбрехерскому материалу, сфабрикованному в Кедровке. Для него это возможность разрядиться, заявить о принципах.

Рудольф поведал об одном эпизоде, анекдоте даже, из июльских дней. К нему на прием в Прокопьевске пришла женщина – явная шизофреничка. Жалуется: пенсия 45 рублей, 20 уходит на квартиру и хлеб, а остальное тратит на... инструменты.

– Какие? Зачем?

– Ну, я же двигатель разрабатываю, чтобы он на воде действовал, потому что бензин дорогой и его мало. Да вот беда – не могу дрель купить, и все дырки приходится сверлить вручную. Жалуюсь же я не на безденежье, а на нехватку металла – необходимо красное и желтое золото, а также белое, мягкое, в нем дырки крутить легче.

Рудольф звонит директору завода Ильину:

– Помогай, это же от твоего округа избиратель! У тебя на заводе есть обрезки?

– Есть.

Сели на машину, прикрепленную к комитету, отправились на завод, нагрузили полный багажник металлических обрезков и болванок. Женщина была счастлива, все время оборачивалась в сторону багажника, волновалась – не откроется ли, не выпадет ли богатство. Удовлетворили ее страсть на полгода вперед.

Самое главное в этой истории – не отмахнулись даже от ненормальной, помогли и ей, нестандартно решили, в общем-то, тупиковый для любого чиновника вопрос.

* * *

24 августа. Накануне в 10 вечера позвонил Кислюк, я попросил согласовать правку материала, справился о самочувствии после шумного совещания.

– Все нормально. Это обычное дело, это борьба, к которой надо было готовиться.

Поговорили на пределе откровенности.

Работу Авалиани мы оценили одинаково, и Землянухина тоже.

Очень двусмысленно выглядит поступок Рудольфа – он ходил к Авалиани и доложил, что того, похоже, собираются снимать. Рудольфа не понимаю, но не могу быть к нему строг.

Сегодня из рабочего комитета, кто может, придут в редакцию на встречу с журналистами газет, радио и телевидения. После внутренних баталий никто не расклеился и, похоже, будут и впредь действовать не менее энергично.

* * *

25 августа. В редакцию пришли пятеро: Рудольф, Землянухин, Асланиди, Голиков¹⁷, Кунгуров. Перед встречей волновались, потом успокоились, прошла она с явной пользой для дела и журналистам понравилась. Потом пили чай у Золиной¹⁸, болтали.

Главное – вбил в голову Голикову и Асланиди, что нельзя доверять организацию рабочей газеты человеку, который не способен этим заниматься (про личные свойства и вовсе умолчим!).

И вот первая реакция – звонит ко мне сегодня Герольд:

– Не придешь ли завтра в гостиницу обсудить вопрос о газете, надо помочь составить письмо, мне это поручили – может, даже в Москву поеду.

Сегодня же утром к редактору пришел Авалиани. Принес материал, который редакция поручила готовить именно мне. Видимо, Теймураз Георгиевич решил набирать очки перед конференцией, что вполне понятно.

Мы беседовали с Авалиани вполне дружески. Кстати, многие обратили внимание на слова Рудольфа:

– Сейчас у Совета налаживаются контакты с «Кузбассом», вот Дима с нами работает!

Очень сильно вокруг них вился Васька¹⁵, и я его представил, как очень заинтересованного в сотрудничестве человека.

Асланиди записал его телефон.

Вообще, отношения с Асланиди откровенные, этим дорожить надо – не растерять бы. Он когда-то работал в Осинниковском горкоме партии инструктором отдела пропаганды, а Кислюк – в обкоме. Совет сотрудничает и с сегодняшними партийными функционерами. Я предложил Асланиди подробнее проинформировать читателя, кто есть кто в Совете, получится весьма любопытная картинка.

* * *

26 августа. Когда я после встречи бродил с кем-то, Рудольф сказал Золиной вполне откровенно:

– Шевяковцы¹⁹ нас опередили, хотя забастовку готовили именно мы. Я знаю, что мною интересуются органы – они знают даже, чем я какал в детстве.

Вчера, когда я был в приемной у редактора, зашел туда Авалиани. Обратился к секретарю:

– Могу я видеть редактора?

– Вы кто?

– Авалиани, народный депутат (*с достоинством, без нажима*).

– Погодите минуточку!

Он повернулся и увидел меня:

– Здорово!

Пара малозначащих фраз – и он зашел к Трутневу²⁰, который вызвал меня через полчаса (об этом я уже писал).

В течение дня я несколько раз звонил Авалиани, согласовывая правку – тот когда услышал о ней, сначала затопорщился. Потом договорились, что на пути в Киселевск он заедет ко мне и прочитает готовый текст, что и сделал. Подписав в печать, заинтересовался:

– Трудно меня править?

Спросил, возможно, в расчете на комплимент, которого, однако, не получил.

– Неважно, люблю я Авалиани, или нет, но я не собираюсь с ним скандалить из-за правки.

– А почему Вы говорите о нелюбви ко мне?

– ???

– Когда Тихомиров брал у меня интервью, он почему-то тоже спросил, были ли и есть ли у меня друзья, – в том смысле, что я похож на человека, который плохо располагает к себе сторонников.

Потом вместе посмотрели вторую передачу «После забастовки», Авалиани выглядел очень оживленным – мне показалось, что более всего заинтересовался эпизодами, где он сам в кадре. Расстались вполне дружески.

Утром зашел в гостиницу к Герольду. Обнаружил его в комнате одного, спящего. Разбудил. Долго – кажется, слишком долго – говорили. Убеждал его по поводу газеты и даже взялся составить проект решения. Наконец, Герольд открыл блокнот, записал мои советы по поводу отношений с прессой. При разговоре присутствовали Асланиди и парень-контрразведчик. Обсуждали вчерашнюю «Панораму недели», где Саня Колпаков²¹ вдруг стал ловить очки в беседе с Лютенко и, по сути, подтвердил его мнение, что оснований для беспокойства нет, хотя представители Донецка и Кузбасса, собравшиеся в Москве, утверждали: протокол соглашений¹⁶ выполняется медленно и неудовлетворительно. Сказал же он примерно следующее:

– Похоже, слегка задремав, рабочие комитеты решили как бы взбодриться, – ущипнуть себя, что ли...

Вот он – уровень понимания ситуации на местном ТВ!

Удивило, как он вчера обратился к Лютенко:

– Александр Федорович, Колпаков не был бы Колпаковым, если бы не задал вам такой вопрос...

Уже говорит о себе в третьем лице...

На волне рабочего движения многие делают себе имя...

На улице встретил сегодня Котлярова²². Поприветствовал меня:

– Здорово, забастовщик!

Похоже, записали меня братья по перу в «рупор забастовки».

Почитал материал Герольда на свежую голову – показался сыроватым. К членам комитета у меня каждый день

меняется отношение. Долго и подробно объяснял ему: СМИ формируют общественное мнение и, значит, нужно иметь свою, независимую, неподконтрольную газету. Не помню, в связи с чем, невольно вырвалась у меня расхожая фраза:

– Да, сильны мы задним умом!

– Это вообще характерно для русского человека.

Себя, что ли, русским считает? Отвечаю:

– Да и для наполовину татарского человека, как оказалось, тоже характерно!

Смеется.

Пили в Совете густой чай. Матерились на вчерашнюю «Панораму». Между делом:

– Купить бы бутылочку на праздники...

Скоро день шахтера...

По поводу того самого Обращения в Москву, где ставили вопрос о собственной газете – договорились, что получу его в понедельник для публикации. Убедить бы только Трутнева, чтобы напечатать разрешили. Но если не позволят – используем запрет как аргумент: вот, мол, как относятся у нас к прессе...

В Новокузнецке – разговоры о предположительном повторном приезде Слюнькова в Кузбасс²³. Хорошо бы подгадать решение вопроса о газете под этот приезд...

* * *

28 августа. Глаз помаленьку «замыливается» и не все уже замечается и запоминается так остро, как в первые встречи с ними.

Эпизод – кто-то, решив поделиться конфиденциальной информацией, спросил, оглядываясь по сторонам:

– Чужих здесь нет? – и сам себе ответил:

– Нет.

Скользя по мне взглядом, как по собственному отражению в зеркале.

С утра пришел в Совет по двум причинам. В субботу договорились, что возьму у них проект московского обращения и комментарий к нему Герольда, и принесу вариант письма

Слюнькову про открытие газеты. Вариант внимательно прочитали и одобрили, а с обращением все затянулось: одна его версия есть у Землянухина, который куда-то запропастился. Землянухина, кстати, ждал какой-то парень с жалобой. Куда, спрашивается, делся?

Иным работникам надо бы – по шее, в качестве меры профилактики...

Пока костерили Землянухина, в столе в папке с копиями обращение, наконец-то, обнаружили. Тут же составили комментарий. Позвонили также в Прокопьевск – нужна информация о состоявшемся там митинге.

С большей частью ребят перехожу на ты. И, обнаглев, даю чуть ли не указания:

– Надо создать пресс-бюро.

– Проанализировать сообщение пресс-центра и с критическими замечаниями обратиться в газету.

– Застолбить пять минут на телевидении для наших выступлений.

Принес им «Соц. индустрию» с декларацией донецкого Совета о необходимости создавать Совет рабочих комитетов страны. «Велел» обсудить это на завтрашнем заседании.

Стараюсь быть не навязчивым, но настойчивым. Им все же не хватает педантичности, аппаратной четкости. А каждый вопрос нуждается в особом «ритуале» исполнения. Надо постоянно подталкивать.

Сегодня должны встретиться с министром здравоохранения. А в завтрашнем «Кузбассе» идет большой кусок Авалиани.

Как быть на будущее, если Трутнев откажется ставить в газету материалы рабочих комитетов? Посоветовал им в споре с Трутневым использовать такой аргумент: будете игнорировать нашу информацию, – мы обратимся с призывом бойкотировать подписную кампанию «Кузбасса».

* * *

30 августа. Вчера – заседание Совета, на которое приехали практически все председатели городских рабочих

комитетов.

Асланиди:

– Вы уже как член комитета работаете.

– Это не очень хорошо. Мне надо бы не увлекаться, нужна известная дистанция. Для объективности.

Мельников в открытии рабочей газеты решительно отказал. Сначала крутил про нехватку бумаги, а потом высказался прямее:

– А вдруг вы Демсоюз публиковать начнете!

– Но ведь мы же будем контролировать! Вы же свой «Кузбасс» контролируете?

– У меня нет прав и полномочий разрешать вам открыть свою газету.

Что ж, на то он и верхушка Обкома. Впрочем – снял копию с ходатайства об открытии и сказал, что переговорит со Слюньковым 1 сентября. Ребятам-то дело совершенно понятное. Иронически переглядывались, выслушивая явно надуманные причины.

Голиков насел на меня:

– Дилетантизм захлестывает, надо написать от имени Совета обращение по поводу освобождения наиболее честных работников для обучения контролю в составе ОБХСС²⁴, чтобы СТК приняли такие решения: освободить на тех же условиях, что и членов рабочих комитетов.

Есть и сложности: профессионалы за равный труд будут получать разные деньги. В Белове уже с этим столкнулись, отправив своих рабочих в органы уголовного розыска (попытка «муниципализировать» милицию). Через некоторое время начались взаимные трения в угрозыске.

Главным вопросом совещания было утверждение повестки дня конференции (5 сентября) и Устава²⁵. Устав в проектах написали Герольд и Асланиди, другой – Рудольф (он же привез еще один вариант, подготовленный юристами по просьбе рабочего комитета из Прокопьевска). Может показаться, что различия лишь в деталях, но это только на первый взгляд, поэтому решили создать редакционную комиссию под председательством Рудольфа.

Начали не в 10, а в 11-30 из-за опоздания Авалиани. Но все в целом прошло гораздо спокойнее, чем в прошлый раз. Ни взаимных упреков, ни личных выпадов. Всеми силами старались поддерживать атмосферу доброжелательности, – как бы усвоили уроки, памятуя о былых баталиях.

Утвердили, в принципе, мысль Голикова, поручили написать обращение о милиции (фактически передоверив это дело мне).

Герольд докладывал о создании общесоюзной организации. К этому времени у нас уже была на руках бумага от Донецкого регионального Совета с предложением собраться всем 10 сентября в Москве. Отбили телеграмму – предложение поддерживаем, общесоюзная организация необходима, нужно собрать учредительную общесоюзную конференцию после нашей всекузбасской. Рассуждали обо всем с уверенностью в своих силах, как солидный купец-миллионщик говорит с лавочником, приглашающим к интересному проекту. Вполне отдавали себе отчет, что без Кузбасса всему этому общесоюзному делу не обойтись, и одновременно побаивались, осторожничали – как бы не вляпаться, не влипнуть в невыгодную ситуацию. Решили всем отправляющимся в Москву делегациям дать статус наблюдателей в любых совещаниях, без права принимать решения и с обязанностью по возвращении в Кузбасс докладывать о том, что видели. Очень не хватает информации, что именно происходит в Донецке и Москве.

Авалиани:

– К сожалению, у нас нет достаточно подготовленных теоретиков, которые могли бы дать квалифицированные объяснения. Москва сильнее. Но бросаться в объятия к первым встречным нельзя. Надо четко определить, кого тот или иной оратор представляет: два-три человека за ним, или целая область.

Асланиди в курилке пытался объяснить место Совета в общественной иерархии:

– Мы – Союз Советов трудовых коллективов. Ведь у них вся власть. И именно они, кстати, принимали решение о

нашем направлении сюда.

Спорили о «Болейзолоте», там партком и начальники подготовили, а рабочие утвердили обращение в Верховный Совет – упрекают Кузбасс в рвачестве: «Не надо толкаться локтями, надо уважать людей. Приезжайте и посмотрите, за чей счет вы хотите улучшить свою жизнь».

Споры: надо ли вообще отвечать на такие выпады.

Надо. Асланиди был нынче в Сочи, там отдыхает много шахтеров, постоянно дискутируют. Донецкие уверены, что мы живем лучше их. А в Кузбассе, мол, одни рвачи. Он – им:

– У нас в магазинах даже сыру нет. Чтобы перечислить, что у нас на прилавках – хватит пальцев на руках.

Не верят.

Надо отвечать!

– А не получится, что мы оправдываемся?

– Правды никогда не бывает слишком много. Мы им не просто ответим, а опубликуем в «Кузбассе», чтобы и у тех наших, у кого рваческие настроения, было ясное представление, как нас в стране воспринимают.

Авалиани:

– Решим так: опубликуем в Болейской газете и в «Кузбассе», поручим товарищу Шагиахметову подготовить материал в центральной прессе о целях нашего движения.

Поступило также предложение пригласить гостей и показать им наши трущобы и обратиться к председателю Гос-телерадио, чтобы посодействовал объективному освещению жилищных и бытовых проблем.

– Вспомните, как на ТВ готовили сюжеты о забастовке. Показывали, в основном, народ на площадях. А как люди живут – нет.

Литвиненко из Белова:

– Не хотим мы ничего ни у кого отбирать. Надо, чтобы правительство решало головой, а не руками – у этих взять, а другим отдать. Так-то и я могу!

Кислюк написал комментарий, но над ним еще много работы.

О газете докладывал Герольд. Рассказал о встрече с Мельниковым, зачитал мой проект письма Слюнькову. Авалиани, не врубившись, начал критиковать, но не шибко, не по сути (надо, мол, ужать, убрать кое-какие слова).

Решили, что Мельников, наверное, уже поговорил со Слюньковым, и надо напрямую обращаться с телеграммой к Горбачеву. Переписка, конечно, хуже личного контакта, но посылать делегацию в Москву не отважились.

Критику моего варианта письма воспринял как должное: ум хорошо, а два лучше.

Очень важный пункт – информация главного инженера ГТУ Шахматова. Оказывается, Щадов²⁶ бегал по Госплану и Госснабу, убеждая, что нельзя план на будущий год верстать из цифр пятилетки, – объемы добычи заложены не те. Но там – глухое непонимание. А Щадов, видимо, хорошо еще помнит ужас наших площадей.

Неграмотное верстание плана, как объяснил Шахматов, приведет к тому, что всю добычу съест госзаказ и штрафы за недопоставку, на экспорт продавать будет нечего:

– Только единый выходной съест по ГТУ каждую седьмую тонну угля. Надо принимать меры, или все уйдет псу под хвост.

– То есть Вы хотите, чтобы мы к Вашей справке приложили наш кулак? Нет возражений!

Редактор, когда я ему рассказал об этом, велел подготовить материал, который бы так и назывался – «К справке приложен рабочий кулак».

На конференцию выносят семь или восемь крупных вопросов. Приглашают партийных, советских, профсоюзных работников, журналистов, посылают телеграммы в другие региональные советы.

Выступили посланцы из Воркуты, которые трутся здесь уже несколько дней и сегодня уедут. Они внесли в требования политические пункты и поэтому проиграли. Хотя 6-ю статью Конституции, вероятно, в скором времени отменят, и выборы в местные Советы будут проходить иначе²⁷.

Политические требования воркутинцев напугали местные власти. С газетой у них скандал. Нет регистрации, нет счета – просят у нас моральной поддержки. Предлагают поднять на нашей конференции вопрос о недоверии Щадову и Сребному²⁸.

Оказывается, что кормятся в Воркуте все же лучше. Зарплата у ГРОЗа²⁹ в среднем 950. В Совет у них входят не только угольщики. Это, кстати, всплывало и во время обсуждения общесоюзных планов организации, и какой, интересно, она будет – сугубо отраслевой? Ведь в Донецке региональный Совет – «угольный», а у нас представлены все слои населения, область.

Добился предварительного согласия членов Совета сходить на день знаний в ШРМ-12. Гвардейцева накануне вечером звонила мне:

– Мы объявляем забастовку!

Я отговорил ее. А требования передал с обещанием рассмотреть и внести в общий пакет. Хочу свести ее с руководством Совета – пусть встретятся с пионерами, Юра Сергеев³⁰ снимет – благо, всевозможными открытиями и детскими мероприятиями занимался не раз.

Землянухин в конце пригласил всех на встречу с театром Спесивцева³¹, который очень заинтересован в контакте с самым «модным» – с тем, что на слуху.

Напуганный перспективой открытия рабочей газеты, Мельников дал команду Трутневу предоставить РК хоть полосу, хоть сколько, – вообще дать зеленый свет. Те не отказываются, но продолжают настаивать на своем. Для полного освещения деятельности РК мне позволено даже взять в напарники Карзову³². О ней очень хорошо отзывался, распрашивая меня, киселевский парень – член Совета.

Анжерские мужики бросились ко мне здороваться, как к родному. Я кричал им:

– Что же в гости не зовете?

Убежал от них с раскаленной головой, обессиленный. В перекурах много разговаривал, а надо бы больше слушать и записывать. Важно не только участвовать в движении, но и

документировать. Не увлекаться!

* * *

31 августа. В обкоме состоялась встреча, длилась шесть часов, Трутнев представил меня как аккредитованного.

Утром зашел в Совет – сидят, слушают Дроздова о работе облсовпрофа. Тот вначале пытался встать в позу начальника:

– Как это я должен отчитываться?

Спесь сбили быстро. Конкретный разговор показал, что знает он ситуацию плохо, а влиять на нее не пытается. Его убеждали быть защитником интересов рабочих, а он крутил.

Между прочим, я его прижучил:

– Вы собираетесь вызывать высокую комиссию еще раз. А сможете ли отчитаться о своей работе?

Опять начал крутить:

– Я Марата-то³³ хорошо знал...

Сказал в Совете, что Карзова с 5 сентября будет работать со мной. Шучу:

– Мы, в отличие от вас, будем сотрудничать на принципах сопредседательства, с ротацией, одну неделю я начальник, одну она.

Рудольф хохочет.

Асланиди подошел ко мне с моим же раскритикованным вариантом письма Слюнькову – не внесу ли правку? Отказался:

– У меня не получится.

Во время встречи в обкоме устал пожимать руки. Собкоры, Катриченко, Торубаров, Макаркин. Анжерские ребята. Дыбенко, Авалиани. Кроме того, как порученец, раздавал собкорам пригласительные на конференцию.

Особо оживленно лаялись по поводу газеты. Не хотят они ее открывать! А ребята настаивают. Посоветую им в «Кузбассе» опубликовать статью под заголовком «Зачем рабочему движению нужна газета?». Не пройдет – аргумент. Пройдет – польза.

Землянухин, конечно же, ничего не сделал.
Ребята вчера активно собирались на сегодняшнюю встречу в школе рабочей молодежи у Гвардейцевой. Даже высказали идею – взять шефство, превратить школу в особый центр.

Во время встречи приводили много примеров чиновничьего саботажа. Но об этом пока не буду.

* * *

1 сентября. Поход с Асланиди, Рудольфом и Андреем Щегловым в ШРМ к Гвардейцевой. Очень торопились, опаздывали. Но успели.

На крыльце девчонки и мальчишки открыто курят. Елизавета всех нас приветствовала в липучей своей манере. Построили ребят на линейку. Ну, пацаны, понятно, не сахар – шумят. Мало что хотят слушать. Разболтаны любовью и попустительством Елизаветы.

Рудольф, затем Щеглов и Асланиди неплохо и недлинно сказали речи. Поздравили. Потом пошли в класс, сели и в течение примерно часа разговаривали – после суеты с подсветкой, которую настраивал Юра Сергеев. Говорили о простых и очевидных вещах – нехватке машин для скорой помощи, моющих средств – добились даже некоторого интереса: пошла дискуссия по углам с каждым в отдельности.

«Под занавес» Елизавета повела пить кофе и немного нас расслабила. Уходили, пообещав еще раз вернуться. Без всяких оговорок поддержали ее маниловские идеи и обещали «сделать все, что надо, чтобы сдвинуть дело, дойти даже до Правительства», чем повергли ее в полную экзальтацию.

В машине обсуждали пацанью жизнь. Рудольф молчал. Не знаю, по каким статьям «сидел» – о прошлом он никогда не заикается, избегает скользкой темы, хотя отлично понимает – о его судимости всем известно.

Щеглов очень загорелся помочь школе; проболтался, что в детстве прокурор для него восемь лет просил.

Взял в комитете у Голикова – на бегу – черновики обращения по поводу перевода рабочих в БХСС. Составил он их

не очень удачно. Землянухин всегда мрачный и многозначительный, все время шумит про свою занятость и что готовит телеграмму Горбачеву о будущей газете.

Анчаров:

– Многозначительность – стартовая площадка кретина.

Очень хорошо держится Рудольф. Обаятельность у него естественная, «природная». Мужик.

В классе на беседе:

– Некоторые девочки у нас беременные, стесняются в школу ходить.

Рудольф:

– Надо через себя перешагивать. Когда вижу беременную молодую женщину – у меня совсем другое чувство, очень хорошее.

Он же:

– Надо все равно учиться. Вот сейчас мне понадобилось, и жалею, что бросил институт (?). Теперь приходится даже по ночам заниматься, наверстывать.

И так душевно, на равных, не снисходительно, не покровительственно, не понарошку разговаривал с пацанами!

Поддержали мою идею о шефстве. Это прецедент, прорыв, пример позитивного в работе Совета.

По-моему, поездкой в ШРМ все остались довольные. А Сергееву нужны были общие улыбки. Он пытался всех развеселить. Девице, стоявшей рядом с Рудольфом, крикнул:

– Ты его потискай, потискай!

Рудольф:

– Если так, я сюда еще приду!

Все смеются.

* * *

4 сентября. Забежал ненадолго, почитал им отчет о встрече в редакции. Все с шуточками, по-дружески. Оценили на «нормально», попытались навалить кучу других заданий. Я отбивался:

– Еду к деду копать картошку!

Асланиди:

– Мы тебе от Совета в помощь дадим двоих, чтобы шустрее копали.

– Так там дед все равно в день не отпустит, надо же и посидеть.

– А мы дадим таких, что и в этом пособят.

Смеемся.

Землянухин, конечно, ничего не сделал. Опять начал важно надуваться и крутиться. Говорит, что анализ работы пресскцентра кому-то перепоручит.

«Пустой и неработоспособный дуб», - кто же это сказал? Не помню...

Послали Марианну Лобанову в рабочий комитет, который вызвал комиссию по Крапивинскому гидроузлу (Коптюг, Васильев)³⁴. Там же выяснилось, что наши были в Новосибирске, где обсуждали вопрос о Катунь, требовали прекратить стройку.

Позвали меня с Кислюком в 15-00 к Кузнецову (генерал ГТУ), послезавтра – в Березовский на тамошнюю конференцию, а 14 сентября – на комиссию по гидроузлу (с Лобановой).

Захожу к Рудольфу:

– Я отвлеку на минуту. Я ведь человек занятый, в отличие от вас, бездельников.

Смеется. Довольный. Оценил снимок в воскресной газете (ШРМ).

Пришел Трутнев из обкома – вломили ему за то, что на первой полосе у него снимок с зеком в центре (Рудольф в ШРМ среди школьников!). В обкоме Трутневу сказали, что Рудольф освободился только в феврале. Я ему:

– Это пусть они сами думают, как довели до того, что у них зек с непогашенной судимостью подписывает Протокол вместе с членом Политбюро ЦК.

А вообще – как он им, видимо, мозолит глаза!

А мне – все равно. Не я его выдвигал в Совет, не мне его любить или критиковать. Хотя по-человечески, мне он крайне симпатичен.

* * *

11 сентября. 5 и 6 сентября прошла конференция рабочих комитетов. По сути – скандальная. Не очень хорошо сработались, только на второй день еле собрали кворум. Но приняли пакет резолюций и, самое главное, устав новой организации – Союза рабочих Кузбасса³⁵.

Много гостей.

Атмосфера какая-то... рваная. Выступали очень искренне и рьяно от Караганды и Воркуты, и вдруг какой-то «памятник» из Новосибирска вылез. Снимали и американцы.

Выступил Пронин из облисполкома. Лебедев молчал, но когда «загорелось» – побежал и призвал Мельникова и Лютенко.

Сам я был только в первый день и в начале второго. Наших сидело человек пять.

Общие ощущения – надо торопиться, иначе все уходит в песок, в том числе и поддержка со стороны низов. А аппарат наглеет не по дням, а по часам. Минуглепром, говорят, издал указ, аннулирующий рабочие комитеты на предприятиях.

Мельников пришел на конференцию, когда в разгаре было обсуждение устава новой общественно-политической (в чем и заковыка!) организации. Этот устав, в начале не принятый как сырой, подрабатывали всю ночь. Наутро, кстати, делегация междуреченцев отказалась за него голосовать: заявили, что не уполномочены – надо посоветоваться с коллективами. Их застыдили: в принципе, вы правы, но второй раз нам, может, собраться не удастся. Они все же уехали, оставив одного человека со всеми семью мандатами.

Мельников вышел на трибуну и начал увещевать:

– Если это будет рабочая партия, мы будем вынуждены вступить в политическую борьбу с ней!

Маханов:

– Александр Григорьевич! А с кем вы собираетесь бороться?

Мнение Мельникова не обсуждали, как бы отмахнувшись, стали разбирать устав, как ни в чем не бывало.

После конференции аппарат развернул яростную борьбу. Сначала Трутнев ломал нас с Карзовой. Хотел, чтоб мы написали осуждающую информацию. Не добившись, поехал в обком. Причем, похоже, сам не в восторге – уж очень памятно давешнее постановление обкома о несовместимости членства в партии с забастовкой.

Я помог в Совете сочинить ответ, приложил к нему письмо-ультиматум – не опубликуете, значит, мы призовем к бойкоту подписной кампании. Вручили в обкоме, куда членов комитета пригласили на встречу с членами бюро, она прошла довольно сумбурно. Судя по всему, там испугались самого факта принятия устава.

Мельников:

– Нам очень жаль, что вы не прислушались к нашим призывам и внесли раскол. Мы отрываемся от конкретной работы и занимаемся политикой. После конференции мы собрали актив. Многие участники, а также рабочие коллективы негативно восприняли итоги конференции. Политическая конкуренция, на которую вас толкают заезжие идеологи, не дает товара. Нужно взамен всего этого – социалистическое соревнование. А то, что вы не посоветовались с людьми – бюрократия высшей марки. В вашем уставе нет ни одного пункта об ответственности. Союз кого? Каких желающих? Тех, кто занимается подготовкой к зиме и заготовкой овощей? Возникает конфронтация села и города, нарушается союз рабочего класса и крестьянства. От попыток перейти на политическую конкуренцию пострадает народ. Это выгодно лишь политическим интриганам, которые сбили вас с толку. Это не будет способствовать вашему авторитету. Партийные организации будут против тех коммунистов, которые войдут в Союз. Ведь вы же говорите, что это другая партия (в зачатке). Нам надо наполнять действующие структуры властью, давайте направлять туда на работу ваших людей – в любые органы. Давайте вместе решать. Вы хорошо работаете, оказывая помощь по выполнению Протокола. Думаю, профсоюз тоже не поддержит создание вашего Союза, потому что ваш устав его ни во что не ставит. Сильные

СТК, прав Теймураз Георгиевич, – вот выход. Не Союзами разными, а делом надо заниматься. Не туда мы идем.

Асланиди:

– Почему вы испугались устава? Он же весь из последних требований ЦК состоит. Слишком спокойная у нас жизнь. Стабилизация или застой? Мы не партия, но стимулятор, подталкивающий к более конкретной работе над перестройкой.

Выступал также Г.Н. Лопатин, пугал всех забастовкой селян. Неубедительно.

Авалиани:

– Устав регистрирует организация, которая его принимает, и только. Где, каким документом зарегистрирован устав ВЛКСМ?

Прокурор области жуликовато «анализировал» ошибки – пытался внушить, что устав плохой. Но убедил лишь в том, что его надо распространить среди коллективов и, обсудив, доработать и принять.

Устав мы публикуем в завтрашнем номере. Не уверен, что сможем напечатать резолюции, некоторые из них очень не по нутру Мельникову.

В «Кузбассе» – информация, слепленная Трутневым. Панков звонил Малашенковой в «Комсомолец Кузбасса» и настойчиво рекомендовал, чтобы их оценки не расходились с трутневскими. А накануне в 9 вечера по поручению Лебедева интересовались, пойдет ли устав в газете.

Маргарита Ильяшенко собрала актив и открыто поливала Совет, распуская сплетни: им, де, 35 рублей суточные платят и они обедают рабочий класс.

Большинство делегатов разъехалось сегодня по городам – доносить до масс решения конференции.

* * *

13 сентября.

Тамара Зильбер³⁶:

– Прокурор уклоняется давать правовой комментарий Устава.

А Мельников на собрании секретарей парткомов заявил:
– Ну, кто там, в этих рабочих комитетах? Девяносто процентов в татуировках, надо повнимательнее посмотреть, приглядеться к их составу.

Но кто же мешал это сделать в июле, во время забастовки?

Вчера я побывал на городской конференции в Ленинске. Обсуждали отношение к третьей всекузбасской конференции. Смятение умов – явное: ничего в итоге не решили, разошлись по коллективам на обсуждение. Сложилось впечатление, что у членов городского комитета – каша в голове, и они сами неясно представляют смысл и значение Устава.

Приехав, предложил Рудольфу срочно провести прямую линию с читателями, четко и подробно объяснить позицию Совета по Уставу и организации Союза. Надо срочно рассыпаться по низам, взять там местных корреспондентов и пойти с ними посмотреть на собрания, после чего дать отчеты в их газетах. Нужна широкая разъяснительная работа.

На 18 сентября планируют двухчасовую забастовку в Прокопьевске, это было бы идеально. Причины – неудовлетворительное выполнение Протокола – надо требовать приезда комиссии. Это еще раз подтвердило бы силу и решимость рабкомов, а может, предотвратило бы полную остановку области.

* * *

18 сентября. Заленился и долго не записывал. Точнее, события так надвинулись, что не успевал фиксировать.

Пришел Рудольф и мы долго и хорошо говорили. В том числе о том, за что он «сидел».

– Я уже рассказывал об этом в интервью по радио.

По радио? Прокопьевскому?

Он продолжал:

– Я сначала отказывался войти в рабочий комитет, но мужики настаивали: «Мы же тебя знаем!». Если это начнет мешать делу – подам в отставку! Освободился я действительно в феврале, но не в этом году.

Оказывается, он работал сначала на шахте в Прокопьевске, учился на вечернем (в КузПИ?). Ему предложили, за башковитость, идти в лабораторию, занимающуюся новой техникой. Не соглашался: денег мало, жить не на что. Настаивали: будем доплачивать ежедневные командировочные. Уговорили. Но даже с командировочными хватило ненадолго, пришлось рассчитаться. В это время жена заболела. Стала резко – до потери сознания – реагировать на климат, на пургу.

– Иной раз идем в кино в тихую погоду. А выходим – метель. Приходится мне снимать пальто, заворачивать ее голову, чтобы хоть как-то довести до дома. А сам в пиджаке. В общем, уехали в Узбекистан, где живут родственники. Там вначале работал на урановом руднике. Называлось место – «новая Москва», потому что там не действовали специфические узбекские порядки, а было все по закону. Потом рудник выработал ресурсы и его стали закрывать. Пошел на золотодобывающую шахту, на проходку вентиляционного штрека. Организовал людей на авральную, по сути аккордную, работу. Рассчитывали, что получать будут по 900, а на самом деле выходило по 500, хотя тоже неплохо.

Рассказывает о своем умении организовывать людей, не боится быть неверно понятым.

Им в бригаду стали вешать «мертвых душ». Его непосредственный начальник блатовал его на приписки и липу в нарядах. Между прочим, на вопрос, кто он по специальности, отвечал:

– *Руководител!*

Рудольф возмутился, стал выступать, а кончилось тем, что приехал узик, впахнули его туда и увезли в милицию. Сначала хотели пришить ему грабеж – не вышло. Потом пытались на него повесить изнасилование женщины в соседнем селе – тоже не получилось: она сказала, что насильник был корейцем. Милиция выдвинула версию: может, он специально глаза руками «суживал», чтоб на корейца походить?

И все-таки посадили его – за уголовщину.

Статью не называет, считает себя политическим.

Дали ему десять лет.

В зоне пользовался авторитетом, особенно после того, как наладил в цехе производство по вулканизации галош (там из-за неправильной постановки дела шло до 90 процентов брака).

Рискнул на «эксперимент». Поставил одну «галошную» печь «на ремонт», попробовал на ней небольшое количество обуви, потом дал это «обнаружить». Руководство изумилось, потребовало повторить в присутствии технолога. Для виду произвел несколько «лишних», как будто не влияющих на процесс, манипуляций, и произвел партию стопроцентного качества, чем всех удивил. А перво-наперво ему поставили условие: если напортачишь – прибавим срок, а выйдет, как надо – ничего тебе не будет. Вытаскивая первую пару галош, тресся. Увидел, что нормально – спокойно пошел заполнять журнал.

После эксперимента зеки заварили чефиру. Рудольфа поставили сначала старшим по цеху, а потом чуть ли не начальником цеха, давали всяческие поблажки, выделили даже кабинет. Но при этом строжились. А, надо сказать, что прежде весь брак, получавшийся из-за низкой квалификации и нежелания вольных технологов разобраться в тонкостях, списывался на зеков, и даже сроки добавляли.

Очень большую воспитательную работу проводил среди пацанов. Которые, по его словам, попав в зону малолетками, готовы были впитывать всю благоту, а он их переубеждал. А один из самых нервных, когда расставались, поблагодарил его:

– Я еще психую, но это из меня прет старое, а тебе за все, что дал мне – спасибо.

Жена и соседи удивляются, что после зоны на нем не осталось «тюремного» налета.

В принципе договорились, что обо всем этом можно будет сообщить в рубрике «Кто есть кто». Что касается реабилитации - адвокат трижды подавала, но документы дальше Ташкента не уходили, трижды терялись. Мать извела все сбережения, пока он ей не сказал:

– Не траться, не надо!

После выхода из зоны еще раз подали на апелляцию – но ответ пришел за подписями тех же людей, которые сажали.

Поменявшись портфелями, они остались все на плаву и при власти.

Провели пресс-конференцию с журналистами. Прошло все хорошо, получилось даже лучше, чем в первый раз. Асланиди говорил о провокаторах, внедрявшихся в легальные структуры с целью разложения:

– Я иногда даже ночей не сплю. Если мы что затеем – нас раздавить ничто не стоит. Переловить и скомпрометировать – нетрудно. Поставят укол, подкинут в карман пакет с анашой – и отвезут на экспертизу к самому честному доктору. И самые настоящие понятия подтвердят – виновен. И все.

Сказал все это уверенно, спокойно.

Тамара Зильбер:

- Так выразился, будто с ним самим подобное случалось. Похоже, что так?

В субботу провели прямую линию с читателями «Кузбасса». На ходу меняли тактику, расспрашивая позвонивших о том, что их интересовало. Сидели шесть часов. Прощаясь, Асланиди, пожимая руку, не сдержался:

– Вы делаете очень важное и большое для нас дело!

– Еще не известно, для кого я это делаю.

Подошли с разговорчиком, где бы чего купить выпить. Имея ввиду и меня. Но я один на один сказал Асланиди:

– В последние годы – берегусь. В такой большой компании пить не стану. Зачем вам и мне нужны такие разговоры, что он, мол, с вами водку пил?

Рудольф сначала ушел вместе со всеми, после вернулся, пожал руку. Вижу за этим жестом и его личное – и все же несколько зековское «не обидеть», повышенную щепетильность в мелочах.

Заспорил Рудольф с кем-то – до 16 или до 15 часов объявлена «прямая линия». Устали отвечать на звонки. Я нашел газету с объявлением:

– Вам, как всякой нарождающейся бюрократии, надоело общаться с народом! До 16 часов!

Рудольф хохочет, как пацан...

Егор Ревенко
К ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА
(записки барнаульского коллекционера)

Посвящаем
КЛЕЙСТУ Виктору Владимировичу,
ПАТРАКОВОЙ Анне Леонтьевне,
ПОДУШКОВУ Дмитрию Леонидовичу,
нашим деятельным помощникам на стезе
архивных и библиографических разысканий

I. НЕДОСКАЗАННАЯ БИОГРАФИЯ

Надо лететь в Москву. Экспертиза, которую в течение месяца проходил наш портрет во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика Грабаря, готова.

Господи, ну что дают эти экспертизы? И без них ясно: мужской портрет, неизвестный художник. Изображен военный, с орденами. Надпись на обороте: «Вышневолочаевский помещик подполковник Семен Павлов сын Юренев». Судя по одежде – 30-40-е годы 19 века.

Но нет, формалисты мы неисправимы. Каждую букровку перепроверяем.

Экспертиза стоит 100 баксов. И билет в один конец – 5000 рэ. Но для Юренева - нам не жалко. Хотим знать о нем все.

«Имеет коллекционное и антикварное значение...»

Москва. Домодедово. Толчая. Самолет тяжело переносим. Возраст, вес избыточный. Метро не для нас. Придется откупить такси до вечера, до обратного самолета. Калькулируем: еще 200 баксов. Разорение.

На дорогах пробки. Газ, суета. От частых остановок укачивает. Но вот мы у цели. Держим в руках экспертизу. Как и следовало ожидать, портрет – подлинный. Известные в Москве специалисты эксперт Гельенек и зав. отделом научной экспертизы Киселева подтвердили: изображен на портрете

вышневолочаевский помещик Юренев, написан он во второй трети девятнадцатого века, «по времени и качеству исполнения произведение имеет коллекционное и антикварное значение» и «может представлять интерес для исторического и краеведческого музея». Подписи, печати – на месте, ссылка на протокол экспертного совета имеется.

Теперь – рама. Момент ответственный. Рама должна украшать портрет, но притом – не «убивать», то есть не мешать восприятию деталей изображения. Подлинная рама в ходе перипетий советских времен оказалась утраченной, к портрету относились варварски: содрали его с подрамника, скатывали в трубочку, о чем говорит характер кракелюр – то есть маленьких трещин на красочном слое. Если трещинки расположились по кругу - значит, холст подвергался каким-то точечным ударам. Если они продольные, от края картины до края - портрет скручивали.

Старого подрамника тоже не оказалось – пришлось делать новый. Реставратор – молодчина, очень методичная и кропотливая работа выполнена блестяще. На местах загибов холста – «музейная» обкладка – это чтобы кромки полотна не стирались при соприкосновении с рамой.

Крымский Вал

Рама... Едем в Центральный Дом Художника. Современное роскошное здание у моста на Москве-реке, на Крымском валу. В ЦДХ несколько багетных мастерских. Почти весь багет импортный, штампуют его по старым образцам. Для портретов более всего идут рамы широкие, с крупным рисунком, рельефные. Чтобы багет выглядел «теплее» и натуральнее, и походил на старинный, его тона намеренно вручную «приглушают» черными подмалевками. Размер полотна 62 на 49 сантиметров плюс срезы на углах – итого уйдет более двух с половиной метров. Да за срочность платить двадцать процентов, к тому же налог на добавленную стоимость и налог с продаж, все вместе вышло 400 долларов. Дорого. Но ничего не поделаешь: восприятие картины во многом зависит от рамы.

Доводилось слышать: рамы, мол – мещанство. Главное – холст, а рама тут не при чем. Право, эти бы речи слышать тем, кто заказывал художникам картины лет двести-триста назад. Во что попало полотна тогда не одевали. Рамы – это прикладное искусство, в них вкладывали не меньше мастерства и умения, чем, скажем, в фарфор или бронзовое литье. Увы, многие секреты изготовления багета, особого штучка и лепнины, ныне утрачены.

Режут багет быстро. Через двадцать минут все готово. В мастерских нам всегда рады: покупаем багет часто и самый лучший. Упаковывают его для самолета по особому, чтоб в багаже не побился.

Перевозить антиквариат в самолете – проблема. В багаж картину не сдашь (перепады температуры в багажном отсеке не лучшим образом сказываются на красочном слое). А уж фарфоровые вазы – те и вовсе можно только в салоне провозить. Если ваза большая – приходится заказывать отдельное место, да еще в бизнес-классе, – там сиденья шире, и никто ее ненароком не заденет.

Нашего Юренева тоже везем бизнес-классом: там есть место за сиденьями, где картина не будет подвергаться никаким случайным ударам, коих в обычном салоне, в толкотне, увы, не избежать.

Вышний Волочек

Итак, портрет в Барнауле. Висит в вестибюле на почетном месте над компьютером – здесь мы работаем над книгами.

Сурового вида военный. Насупленно сдвинутые, почти сросшиеся брови. Аккуратно подстриженные усы, бакенбарды. Бороды нет. Глаза смотрят в сторону. Взгляд человека бывалого, многое в жизни повидавшего.

Вышневолочаевский помещик...

Где это – Вышние Волочки?

Снимаем с полки 14-й том Брокгауза, неизменного нашего спутника в любом исследовательском поиске.

Ага, вот она, статья Д. Рихтера о Вышнем Волочке.

Сведений не так чтобы много: «Уездный город Тверской губернии... Городом Вышний Волочек наименован в 1772г. Вышний Волочек выстроился на месте бывшего болота, из которого когда-то брали начало реки... Окрестности Вышнего Волочка тоже болотисты. Климат сырой и крайне нездоровый. Холера, посещая в нынешнем столетии несколько раз Тверскую губернию, ни разу не миновала Вышнего Волочка. Смертность в городе превышает рождаемость... Несмотря на это, население города фактически растет: в 1783г. было 3909 жителей, в 1830 – 7247, а в 1886г. 15881... В настоящее время Вышний Волочек один из самых людных и благоустроенных городов Тверской губернии, много красят его каналы и шлюзы, окруженные садами и бульварами, исправно содержимыми ведомством путей сообщения... По площади Вышневолоцкий уезд занимает первое место среди уездов губернии. Поверхность холмистая... Рек в уезде много... До 15% всего уезда покрыто камнем (валунами). По земским исследованиям половина уезда в почвенном отношении находится в условиях невыгодных для земледелия... Вышневолоцкий уезд лесистый; преобладающие породы: сосна, ель, береза... много диких зверей: медведи, лоси, дикие козы и рыси..., забегают и олени... Климат суровый...».

Удомельские погосты

Да, невеселое место. Болота, холера, смертность, звери дикие «забегают». Суровость климата, о которой пишет Рихтер, сразу же ассоциируется с флегматичным обликом Юренева, запечатленным на портрете.

Но где же он обитал, наш Юренев – в самом городе, в Вышнем Волочке, или в окрестностях его, в уезде? Написано же: помещик. Значит, имение где-то было. Но где?

Подключаемся к Интернету. В поисковой системе Яндекса запрашиваем данные о Семене Павловиче Юреневе. Результат превосходит наши ожидания: на безвестного Вышневолочаевского помещика обнаруживается ссылка. Сайт краеведческого альманаха «Удомельская старина» предоставляет

лаконичную справку. В публикации некоего Д.Л. Подушко-ва под названием «Захоронения на Удомельских погостах» в списке похороненных читаем: Юренев Семен Павлович, подполковник, умер 1 июля 1855г. в возрасте 55 лет, похоронен в селе Черные Ручьи (храм Георгия Победоносца).

Он! Слава богу, хоть годы жизни теперь знаем и место погребения. Однако вот вопрос – что это за Черные Ручьи такие, о какой-то «Удомельской старине» речь? Какое отношение загадочная Удомля имеет к Вышневолоцкому уезду?

На том же сайте находим краткую историческую справку. Удомельский район входит в состав Тверской области, до революции был частью Вышневолоцкого уезда. Райцентр Удомля находится всего в 56 км от Вышнего Волочка. С Удомельской землей связаны такие громкие в истории России имена, как граф Алексей Андреевич Аракчеев, Дмитрий Иванович Менделеев, Антон Павлович Чехов, художники Иван Ильич Левитан и Алексей Гаврилович Венецианов.

Вот, значит, где бытовал наш герой, помещик Семен Павлович Юренев. Справку на Удомлю находим и в словаре Брокгауза и Ефрона: оказывается, озеро Удомля, Вышневолоцкого уезда «очень живописно», «местность озера Удомля исстари была заселена и названия многих донныне существующих селений упоминаются в новгородских летописях». В 16 веке близ Удомли «существовали два монастыря».

«Бычачья голова черного цвета...»

Вышний Волочек, Удомля, погосты, исторические места... Черный Ручей, где похоронен Юренев – это где-то под Удомлей. И что это за селение? Может быть, именно им и владел Юренев? Или похоронен там случайно?

И как узнать, какими именно селениями владел наш помещик?

Раз помещик – значит, дворянин. В дворянских родословных, наверное, немало можно найти сведений о владениях.

На сайте библиотеки Тверского государственного университета находим изображение герба дворянского рода Юреневых. Есть и описание герба: «В щите имеющем голубое поле изображена Бычачья голова черного цвета, сквозь которую виден диагонально с права на лево пронзенный серебряный Меч. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Короною и тремя Страусовыми перьями. Намет на щите голубой подложенный серебром».

Действительно, очень живописно. Сразу видно, что представители рода связаны с несением воинской службы. «Бычачья голова», меч... Очевидно, Семен Юренев был не просто подполковником, а потомственным военным.

Небольшую справку о роде находим также в 81-м томе Брокгауза. Она подписана сокращенно: «В.Р-в». И в самом деле – род потомственно военный. Он берет начало от некоего Андрея Юреневского, прибывшего в Россию из Польши. Один из Юреневых, Семен Васильевич, был стрелецким сотником, и в 1590-1593гг. отражал в Соловецком монастыре нападения шведов и финнов. Иван Игнатьевич участвовал в битвах во время Северной войны, Семен Игнатьевич отличился в Крымских походах 1687 и 1689гг., Николай Алексеевич воевал против Наполеона, а позже дослужился до должностей вице-губернатора костромского и архангельского, Петр Александрович (вторая половина 19в.) был Сенатором.

О Семене Павловиче Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона умалчивает. Зато в упомянутом томе находим ссылку на книгу «Род Юреневых», которая была выпущена в Санкт-Петербурге в 1903 году и содержала генеалогическую роспись рода, начиная с 14 столетия.

А вдруг в этой книге что-нибудь, касаемое Семена Павловича Юренева, обнаружится?

Но где найти ее, эту книгу?

Салтыковка

Библиотеки сейчас компьютеризировались. Во многих начинают действовать электронные каталоги. Как правило,

работают они плохо. Каталог главной библиотеки страны - бывшей Ленинки, вызывает лишь раздражение: ее сайт находится в полурбочем состоянии.

Лучше дело поставлено в Петербурге.

Бывшая Салтыковка, а ныне Российская Национальная Библиотека, имеет сайт, на наш взгляд, самый лучший в своем роде. Книг, правда, очень много, и в электронный каталог еще не все успели вписать. Вношу название книги «Род Юреневых» в строку поиска – и это ничего не дает: сведений нет. То же самое – когда пытаешься найти книгу по составителям (в словаре Брокгауза они обозначены как Г.Н. и Н.А. Юреневы).

Придется вступить в непосредственный контакт с работниками генерального каталога. На сайте – номера телефонов и фамилии сотрудников. Делаю контрольный звонок в сектор библиографии – там отсылают меня к дежурному библиотеки и в службу каталогов. И вот удача: книга обнаружена, она имеет шифр 38.76.7.3 и содержит 454 страницы.

При библиотеке действует институт генеалогических исследований. Звоню туда и следом по электронке отсылаю запрос. Прошу сотрудников института посмотреть указанную книгу и проверить, имеется ли в ней какая-нибудь информация о Семене Павловиче Юреневе.

Через одиннадцать дней получаю ответ. Научный сотрудник названного института Анна Леонтьевна Патракова книгу «Род Юреневых» изучила внимательно. Оказалось, что Семен Павлович упоминается в третьем разделе книги, на страницах 421-423. «Он, - пишет Анна Леонтьевна, - принадлежит к потомству Афанасия Юренева. Сын Афанасия – Василий, внук Андрей и правнук Тимофей служили в Новгороде дворянами. За Андреем Васильевичем состояло в 80-х гг. 17 века поместье в Новгородском уезде Бежецкой пятине в ее Тверской половине, на которое он получил грамоту от царя Федора Алексеевича».

И – сведения, которые непосредственно касаются Семена Павловича. Прадед его Сидор Андреевич был драгуном,

деда звали Никита Сидорович (жена: дочь Василия Федоровича Милюкова), отец служил прапорщиком (жена: дочь майора Анна Степановна Прибылова).

Указано также, что сам Семен Павлович (это мы уже знаем) был подполковником, а вот из неизвестных сведений – жену звали Варварой Александровной (дочь майора Филисова), а детей – Александр (родился 23 декабря 1845г.), Дмитрий (19 октября 1849г.), Николай (10 апреля 1851г.), Федор (7 января 1853г.), Анна (22 ноября 1846г.), Марья (16 апреля 1848г.), Ольга (20 мая 1854г.). Из дополнительных данных – сын Николай дослужился до земского исправника.

Архив Департамента Герольдии

Низкий поклон Вам, Анна Леонтьевна!

Вы не просто скрупулезно и педантично выполнили нашу просьбу и внимательно изучили книгу «Род Юреневых», но еще подсказали пути возможного дальнейшего поиска.

Так, узнав из комментария к поколенной росписи, что в 1852г. Семен Павлович с детьми был внесен во вторую, а в 1856 году – в шестую часть родословной книги Тверской губернии, Анна Леонтьевна предположила, что более подробные сведения о Юреневе можно найти в фонде Департамента Герольдии в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, и порекомендовала обратиться туда с запросом, указав при этом и адрес архива, и его телефоны, и номер электронной почты.

Такое внимание к запросу нас тронуло. Мы написали Анне Леонтьевне ответное письмо с признательностью за помощь. Поблагодарили мы также генерального директора библиотеки Владимира Николаевича Зайцева – уж очень вдохновили нас результаты поиска.

Патракова, конечно, права. На повестке дня – запрос в исторический архив (сокращенно РГИА).

Архив находится в самом центре Петербурга, на Английской Набережной, дом 4.

Направляем электронной письмо. Так, мол, и так - Патракова Анна Леонтьевна посоветовала к вам обратиться.

Но в архиве проблемы. Электронный адрес не срабатывает. неполадки на сервере. Посылаем запрос факсом.

Марш протеста

Звоним: дошел ли запрос? Четко ли пропечаталось факсовое сообщение?

Сотрудница архива Людмила Вячеславовна Белокопытова успокаивает: не волнуйтесь, письмо получили. Однако – беда: на исполнение тематических запросов очередь. Кроме того, РГИА в любой момент могут закрыть. Причина? Власти собираются переместить архив из его родных стен в современное здание. На месте старинного хранилища решили разместить чиновные апартаменты. Перевозка бесценных древних фолиантов грозит обернуться трагедией: резкая смена микроклимата, в котором документы пребывали сотни лет, может сказаться на них губительно. В Интернете создали неофициальный сайт, культурная общественность города протестует, устраивает пикеты и митинги...

Так что выполнение запроса – проблематично. Но сотрудники сделают все возможное. Во всяком случае, результаты будут не раньше, чем через два месяца.

Пробуем ускорить процедуру оформления заказа. Просим выслать счет для оплаты аванса по факсу. Получаем факс, в тот же день осуществляем платежи. Аванс 600 рублей, предварительная сумма заказа - 3900. А вообще, по правилам, заказ исполняется в пределах полугода.

Итак, остается только ждать...

Но поиск прекращаться не должен. Пока архивисты работали над запросом, изучали описи и дела, мы вернулись к отправной точке разысканий – публикации пока неизвестного нам Д.Л. Подушкова об Удомельских погостах на сайте «Удомельской старины». Она представляет собою огромный список захоронений на означенных погостах до 1917 года. В алфавитном порядке перечислены старинные кладбища Удомельского района и погребенные на них лица преимущественно духовного и дворянского сословия, о чем Д.Л. Подушков предупреждает нас в подзаголовке своей публикации. Исконно

«расейские» названия храмов и селений привораживают: Верескуново, Грибны, Ивановское, Илово, Паношино, Перхово, Поддубье – все эти названия сел были Юренину более чем знакомы. И схороненных на означенных погостах он знал, скорее всего, лично.

«Спи, мать моя родная...»

В Черных Ручьях, на погосте при храме Георгия Победоносца, кроме Семена Павловича Юренина похоронено еще несколько человек. Поминается некая Мария Павловна Самуйлова, умершая в 1875 году в возрасте 40 лет. Ее Юренин мог знать в малолетстве. Эпитафия на надгробии гласила: «Спи мать моя родная, покой тебе в земле, а Бог даст мир твоей душе».

Похоронены там также Филисовы.

Филисовы...

Стоп! Ведь супругу Юренина, Варвару Александровну, в девичестве звали Филисовой, она была дочерью майора, это следовало из данных, обнаруженных А.Л. Патраковой в книге «Род Юрениных».

Но погребения Филисовых на погосте Черных Ручьев датированы 18 веком. И, значит, родство с Юрениными было вовсе не случайным – оно как бы венчало знакомство двух родов, которое длилось десятилетиями!

Памятник на захоронении Филисовых 18 века был один на несколько человек. Общая эпитафия незамысловатая: «На сем месте погребены тела вдовы Федосии Петровой, сына ее подпоручика Никифора Стахеева, жены его Настасьи Ивановой и сына Степана Филисовых, которые представились: Феодосия 1754-го марта 19-го, Никифор 1775-го сентября 1-го, Настасья 1763-го сентября 12-го, Степан 1770-го мая 12-го годов и чисел».

Кому принадлежали Черные ручьи в 18 веке? Если Филисовым, то как они перешли потом к Юрениным? Ведь Юренин похоронен, конечно, в своем родовом имении? Загадка...

Где-то на Удомельских погостах, возможно, покоился прах и художника, писавшего портрет Юренина. Школа провинциальная, это видно невооруженным глазом, и подтверждено

экспертизой реставрационного центра Грабаря. Скорее всего, художник тоже проживал не так чтобы далеко: у столичных признанных мастеров подполковнику в отставке, обитавшему в глуши, среди болот, озер, и диких зверей, в богом забытых Черных Ручьях, вряд ли была возможность заказать портрет. Хотя...

Школа Венецианова

С Удомельскими местами, как уже было сказано, связаны жизнь и творчество известного художника Алексея Гавриловича Венецианова. Жил он приблизительно в те же годы, что и Юренев, и похоронен на Удомельской земле, на Дубровском погосте (храм Спаса Нерукотворного Образа). На его могильном памятнике – надпись: «Живописец Его Императорского Величества академик Алексей Гаврилович Венецианов скончался в 1847 году декабря 4 дня на 68 году жизни. Незабвенному родителю от двух дочерей его».

У Венецианова была школа. Провинциальные художники упражнялись в мастерстве своем под надзором признанного академика живописи. Ученики тоже жили и работали на Удомельской земле. Возможно, кто-то из них и написал наш портрет. Из самых известных учеников Венецианова – Григорий Васильевич Сорока, родился 15 ноября 1823г., он был крепостным художником, и погребен в селе Поддубье, отпевали его в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Скончался 10 апреля 1864г. В том же селе погребен и друг художника Венецианова, который был хозяином Сороки - Милюков Николай Петрович. Он скончался 5 декабря 1889г. 87 лет от роду.

Очаровательный портрет девочки-подростка, что хранится ныне в Государственном Русском музее, Сорока написал с Е.Н. Милюковой. Предки же Юренева – в родстве с некими Милюковыми, и, возможно, именно с теми, к потомству коих принадлежал Николай Петрович. Что касается надгробия Николая Петровича Милюкова, то автор публикации об Удомельских погостах Д.Л. Подушков сообщает: оно в советские времена будет использовано под бюст Ленину в селе Молдино...

Однако, сравнивая кисть Сороки с манерой письма на нашем портрете, сходство если и улавливается, то в степени незначительной. Сорока писал очень контрастно, почти лубочно. Юренев же изображен с некой паволокой мягкой дымки. У Венецианова, конечно, были и другие ученики. При помощи князя П.М. Волконского Венецианов в Вышневолоцком уезде организовал подобие школы, из которой вышли достаточно приметные художники Г. Михайлов, А. Тыранов, С. Заряно и другие. Но кто из них мог написать портрет Юренева?

Генеалогический портал

Какая жалость, что мы так заняты и не можем себе позволить сколько-нибудь длительную командировку в столицы, в Тверь, в Вышний Волочек, в Удомлю – в общем, съездить туда, где можно было бы прояснить пока такие смутные реалии биографии Юренева.

Случай, впрочем, свел нас с исследователями, которые могли бы нам помочь. Член Совета Русского Генеалогического Общества Станислав Экземпляров заинтересовался нашими запросами и порекомендовал нам петербургского знатока архивов Виктора Владимировича Клейста, с коим имел предварительные разговоры о путях возможного поиска.

В.В. Клейст – потомок древнего прусского баронского рода, происходящего из Померании. Виктор Владимирович разыскивает представителей этого рода в России, с 2001г. ведет поиски в архивах Прибалтии и Белоруссии. Он очень хорошо знаком с историческим архивом в Петербурге, и почти с ним сроднился.

Обмениваемся электронными письмами. Просим ускорить процесс копирования дела о дворянстве Юренева, обнаруженного в РГИА Людмилой Вячеславовной Белокопытовой. Доплачиваем архиву за срочность заказа. Виктор Владимирович просматривает заксерокопированные листы, и проверяет - насколько копии читаемы.

В РГИА – многодневная очередь не только на копирование, но и на отсыл копий заказчикам. Звоним в архив – просим выдать ксерокопии на руки В.В. Клейсту, попутно

пишем благодарственное письмо Л. Белокопытовой на имя директора архива А.Р. Соколова. С запросом она справилась блестяще: найденное дело содержит более сотни страниц рукописного текста. Виктор Клейст берется отправить нам его с центрального петербургского почтамта, предварительно сняв страховочную копию: а вдруг в дороге затеряется?

Попутно узнаем, что Виктор Владимирович в скором времени будет в Москве, в военно-историческом архиве. Какая удача! Ведь Юренев был подполковником и, значит, в военном архиве о нем что-нибудь, да найдется.

Электронки из Барнаула и обратно следуют ежедневно. В.В. Клейст информирует нас о мельчайших деталях поиска, а мы взяли за правило советоваться с ним – что можно предпринять на будущее, чтобы побольше разузнать о портретируемом. Клейст советует: надо связаться с Тверскими краеведами!

Дмитрий Подушков

Тверские краеведы? Мы знаем только одно имя: Д.Л. Подушков, автор публикации об Удомельских погостах. Кто же он такой – человек, который в буквальном смысле проповедует «любовь к отеческим гробам»?

Заходим на сайт краеведческого альманаха «Удомельская старина» вторично. Оказывается, Дмитрий Леонидович Подушков – создатель и главный редактор названного альманаха, уже вышло в свет 32 номера. Вот и биографическая справка на него: 63-го года рождения, с 1976г. проживает в Удомле, окончил Рязанское высшее воздушно-десантное училище, в 1987-88гг. командует разведгруппой в батальоне особого назначения в Кандагаре (Афганистан). За боевые заслуги награжден орденом «Красная Звезда» и высшим афганским боевым орденом «Красное Знамя». В 1989г. добровольно уволился в запас, до 1991г. работал учителем в школе. В 1991-93гг. директорствовал в «Авторской школе» – одной из первых частных школ в России, был депутатом Удомельского райсовета, председателем комиссии по вопросам образования, культуры и социальной политики, с 1996г. –

замглавы местного самоуправления. С 1997г. издает альманах «Удомельская Старина», организовал издание серии книг по истории родного края.

Уважаемый человек. Вот и фотография – чем-то похож Подушков на Юренева, такие же сдвинутые насупленные брови, и взгляд – повидавшего жизнь и отмеченного печатью пережитого. Ни дать, ни взять – Юренев нашего времени. Так мы его про себя и «окрестили»: Юренев. Вот и телефоны «Бизнес-центра», который он возглавляет. Звоним – соединиться не удастся. Провинция, связь плохая. Есть еще адрес электронной почты – шлем ему обстоятельное письмо. Кланяемся в ножки: помогите, дескать, разобраться – в Вашей публикации сказано, что Юренев в Черных Ручьях похоронен, и дата смерти обозначена. Так сохранилась могила-то? Если сохранилась – сфотографируйте памятник, будьте любезны. И соседние памятники, захоронения Филисовых, Самуйловой, сделайте, пожалуйста, фото также видов селения Черный Ручей – может, дома какие старые остались.

Один лишь камень...

Электронка не вернулась. Значит, вроде бы, дошла. А телефоны молчат. Ну не могут же не работать в районном центре телефоны? Звоним на телефонную станцию, перепроверяем – оказывается, номера вот уже год как изменились.

И вот – дозвонились. Очень немногословный он, Дмитрий Подушков. Письмо получил, – скоро ответит. Мы, в свою очередь, по мере перевода дела Юренева в электронный вид, обещаем частями его скидывать Подушкову по электронке.

Невдолге приходит e-mail. Всего несколько строчек: высылаю вложениями три фотографии, письмо напишу позднее.

Вскрываем файлы со снимками. В названии файлов – кресты и название: Черный Ручей. Понятно, значит: погост при Черных Ручьях.

А вот и фото. Первое: чистое поле, вдали деревья. Второе: деревья ближе, около них виднеется какой-то камень.

Третье: сам камень под деревьями.

Господи, что это? Все, что осталось от погоста? Только один камень?

Похоже, что так. Но все же теплится надежда. Отсылаем фото Клейсту, спрашиваем: что бы это могло быть? Погост? То, что от него осталось?

Как-то в одной газете прочитали: снесли большевики кладбище, какая жалость! Тут же последовали возражения: сносили не просто так, нужды производства и жилого строительства требовали! Но вот вам чистое поле. Глушь. Черных Ручьев в помине нет. Ближайшее жилье – не близко. Никакого строительства – ни жилищного, ни промышленного. Так что ясно: сносили только затем, чтобы – снести, вытравить память о таких, как Юренев. И памятника на месте бывшего погоста никто в Удомле ныне ставить не торопится. Точно также, – сообщали кемеровчане, – как в Кемерове, Новокузнецке и по всей стране. И становится ясным: от того, что сегодняшние власти предерживающие – со свечкой в руках, в соборах перед видеокамерами позируют, природа тех властей осталась прежней – свирепо-антигуманной.

Приехать, что ли, в Удомлю, и на свои средства памятник заказать? В крупных сибирских городах такие бы акции не прошли – никто не позволит без согласования с властями памятники устанавливать. Но в Черных Ручьях-то, в чистом поле, – может, имела бы шансы на успех подобная затея? Или – разобрали бы наш памятник? Ведь снесли же надгробие, установленное частными лицами в конце 80-х на могиле известного художника Ивана Егоровича Селиванова, имевшего мировую славу «сибирского Пиросмани». Нечего, мол, «партизанить»...

Он ли?

Тем временем пришла бандероль от Клейста. Очень аккуратно упакованная, проложенная мультифорками – чтобы, невзначай, не замочилось содержимое: архивное дело о дворянском роде Юреневых.

Почерк у писцов ужасный, не всегда достаточно определенно можно сказать – о каком населенном пункте или лице идет речь. Приходится сопоставлять разные документы, это помогает.

Но, конечно, перво-наперво – послужной список Юренева. Очень важно еще раз проверить – он ли изображен на портрете. А в формулярах, конечно, должны быть сведения о наградах. И если ордена, изображенные на портрете, будут соответствовать формулярам – значит, действительно, речь идет именно о Семене Павловиче Юреневе.

Листы 3 и 24-26 содержат копии свидетельства генерала от инфантерии, командира отдельного Гренадерского Корпуса Набокова, выданного Семену Юреневу в 1839 году. Набоков – человек авторитетный, имеет множество воинских регалий, которые в конце документа педантично перечислены: Орден Святого Александра Невского, алмазами украшенный, орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3 класса, Орден Равноапостольного Князя Владимира 2 степени, Орден Святой Анны 1 степени, императорской короной украшенный, прусский Орден Красного Орла 2 класса, прусский Железный Крест, золотая шпага с надписью за храбрость, алмазами украшенная, польский Знак Отличия за военное достоинство и Знак за 30-летнюю беспорочную службу. Человек – авторитетнее не представишь.

Свидетельство Набокова помечено 8 июля 1839 года. Оно удостоверяет, что Юреневу, имевшему грекороссийское вероисповедание, шел 41-й год. Что полностью согласуется с уже известными нам данными (вспомним: в статье Д.Л. Подушкова – Юренев скончался в 1855 году в возрасте 55 лет). По Набокову выходит, что Юренев родился приблизительно в 1799 году, а судя по изданию «Русский провинциальный некрополь» (1914), которым пользовался Д.Л. Подушков – около 1800 (дельта в арифметических подсчетах вызвана разницей между точной датой рождения Юренева, датой смерти и датой составления свидетельства Набокова). Так что с временем рождения – все сходится.

Гренадерский полк

Набоков свидетельствует далее, что Юренев происходит из дворян Тверской губернии, и что за ним состоит «родового имени... в Вышневолоцком уезде семь душ крестьян». Немного. Название самого имени, увы, не упомянуто. Зато сказано, что в военную службу Юренев вступил 1 апреля 1817 года подпрапорщиком в Киевский Гренадерский полк (позже переименованный в полк Его Королевского Высочества наследного принца Оранского, а в Энциклопедическом Словаре Брокгауза обозначенный уже как генерала-фельдмаршала князя Николая Репнина). Полк этот был сформирован еще в 1700г., стал называться пехотным в 1708-м, а в 1849-м его шефом назначен король нидерландский. В 1805г. полк получил георгиевское знамя за сражение при Шенграбене, ему были дарованы серебряные трубы за взятие Берлина (1760) и сражение при Кацбахе (1813), а также особые знаки на шапки за военные походы в 1812-13гг.

В этом прославленном полку Юренев получил следующие военные звания: прапорщик (с 17 апреля 1818г.), подпоручик (с 9 декабря 1820г.), поручик (24 апреля 1822г.), штабс-капитан (с июля 1826г.), капитан (7 сентября 1829г.), майор (с 4 февраля 1833г.) – в этом звании он был переведен в другой полк, 5-й Карабинерский, а после реформы армейской пехоты – в гренадерский полк фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского (в апреле 1833г.).

Однако главное, чем отличился Юренев за время службы – это был поход по усмирению Польши в 1831г. Четыре из пяти полученных им наград – за Польшу (последняя, пятая – за выслугу лет).

К военной компании против «польских бунтовщиков и мятежников» относились и относятся по-разному. Интеллигенция всегда сочувствовала полякам, ибо справедливо видела в их мятежах ростки инакомыслия, которое во все времена в России жестоко подавлялось. Тем не менее, как известно, Пушкин сверхпатриотично ликовал при взятии Варшавы,

равно как и его близкая приятельница Александра Осиповна Смирнова-Россет, которая ему и сообщила эту весть и поздравила с «русской победой». Вряд ли героев подобных военных компаний, подобных Юреневу, можно в чем-либо винить, да и не винит никто: он, как и все в России тех лет, был связан строгой дисциплиной и послушанием, после декабрьского восстания основы престола оберегались, как никогда, и подавление польских мятежей было неизбежно. Да и верность воинской присяге дворянством считалась священной. Блистательные вельможи и мелкопоместные помещики, все – «слуги государя».

Польский поход

Как известно, польский Сейм 13 января 1831г. объявил династию Романовых лишеною польского престола. 24 и 25 января главные силы русских войск пересекли польскую границу. Юренев переходит её 26 января (это следует из упомянутого свидетельства) и, значит, был в первых эшелонах войск.

13 февраля одержана победа при Грохове. Поляки отступают на левый берег Вислы и вооружают укрепления Праги. Дух русских, тем не менее, падает: сражение под Гроховым было кровопролитным. Именно в эти дни Юренева представляют к Орденом Св. Анны 3 степени с бантом (наградные документы за надлежащим подписанием, однако, появятся только в августе). При «падении духа», как известно, командиру требуется удвоенная и утроенная храбрость, так что свою «Анну» Юренев получил, очевидно, по праву...

После Гороховских и Пражских событий Юренев участвует в движении армии к реке Вспружню и на селение Седльце. Последнее отмечено тем, что во время 4-недельного бытования там русской армии из-за дурных санитарных условий появилась холера (в апреле было уже 5 тысяч больных).

Юренев тоже заболевает, ибо из свидетельства следует, что он попадает «по приключившейся болезни» в Одлицкий военный временный госпиталь.

Холера в ту пору была роковой болезнью. Юренив заболела в апреле. А в июне она уже свирепствует в Петербурге (именно в 1831г. холера впервые появилась в столице) и унесла 7 тысяч жизней: панический страх перед болезнью привел к известному холерному бунту. Под влиянием паники, охватившей столицу, Пушкин, «замурованный» в Болдино и из-за карантина отрезанный от Петербурга, пишет «Маленькие трагедии», где весь ужас, обуявший Общество, отражен в «Пире во время чумы».

Смертность составляла примерно 50 процентов от зараженных, причем в начале эпидемии - все 70-90%. Лекарства от холеры, в общем-то, не было, и даже много позже, через полвека, эту болезнь лечили клистирами из смеси теплой воды с карболовой кислотой.

Второй поход

После выздоровления Юренив возвращается в полк. 25 и 26 августа 1831г. участвует в штурме Варшавы и овладениях передовыми Варшавскими укреплениями. Под Варшавой было до 70 тыс. чел. русских войск.

На воззвание императора с предложением покориться поляки ответили отказом. 25 августа в 5 часов утра начался бой. После короткого затишья на ночь, 26 августа штурм укреплений продолжился. Юренив участвует в бое и... в ночь на 27-е августа попадает в плен. Однако 28-го из плена возвращается, и его награждают орденом Святого Владимира 4 степени с бантом и Серебряной Медалью за взятие приступом города Варшавы. И, похоже, эта награда тоже была «отработана» им вполне...

После падения Варшавы поляки не сдаются. Русские их преследуют до прусской границы. Юренив участвует в двухдневном бою под Модлиным (потом переименованным в Ново-Георгиевск). В этом бою погибло 539 русских офицеров и 10.000 нижних чинов, с польской стороны убито и ранено до 7800 чел. и взято в плен около трех тысяч. В документах Юренива особо отмечено, что 17 сентября 1831г. он находился «при тесном обложении крепости Модлина».

Юренива награждают Польским Знаком Отличия за военное достоинство 4 степени.

После военной кампании в Польше Юренив отпуска не получил. Не положено было. Таковой выдадут ему лишь в октябре 1833-го (4 недели) и в январе 1835-го (3 недели). Это были суровые реалии тогдашней службы.

Семен Павлович Юренив - человек педантичный и исполнительный. Не случайно как до, так и после похода в Польшу он неоднократно получал в числе прочих офицеров Высочайшие благоволения за смотры, учения, парады и маневры в Орле, Москве, Старой Руссе и Князем Дворе (1823, 1826, 1829 и 1833 соответственно).

Впрочем, рескриптов и похвальных листов от своего начальства, как сказано в свидетельстве, не получал. С другой стороны, под судом и в штрафах тоже не был: «высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался, состоит в комплекте при полку налицо, к повышению чином и к награждению знаком отличия беспорочной службы аттестовался достойным, ... отчеты по должности какие имел, представлял в срок, жалобам не подвергался, слабым в отправлении обязанности службы замечен не был».

Словом, Юренив достиг того, что только мог получить помещик из глухомани, владелец 9 душ крепостных. К тому же – он опоздал родиться. Если бы во время Наполеоновских войн ему было бы хотя бы 17 лет, то, несомненно, при его храбрости, выказанной в Польше, совсем иные эполеты могли бы украсить его мундир. Участвуй он при Бородине, иным был бы и послужной список. Юренив родился не в то время и не в той среде. Вполне очевидно, что влиятельные родственники, коих он не имел, приписали бы его чуть не с пеленок к какому-нибудь престижному полку, так что фактическую службу он начал бы уже хотя бы поручиком. Например, как Сергей Волконский, который «к службе» был приписан в 8 лет.

После отставки

3 марта 1839 года Юренив подает в отставку. По болезни. Исходатайствован ему пенсион аж 666 рублей. Поначалу

казалось: что за число такое «масонское»? Уж не связан ли был с новомодными веяниями, охватившими столицы и генералитет? Но нет, не вяжется это как-то с чертами его психологического портрета. И загадка объясняется просто: в отставку выходили с пенсионом, составлявшим две трети жалованья. А жалованье у Юренева было – 1000 рублей. Так что – никакой мистики...

Пенсион получал Юренив в Вышнем Волочке. Притом обязался никакого казенного жалования больше нигде не просить.

Незадолго до отставки наградили его званием подполковника. А за полгода до сего, 1 декабря 1838г. – он получил за выслугу лет орден Святого Георгия 4 степени.

Итого, значит, было у Юренева пять наград: Святая Анна, Святой Владимир, Святой Георгий, польский Знак Отличия и Серебряная медаль за взятие Варшавы. Сравниваем с регалиями, изображенными на портрете – все сходится, награда действительно пять: четыре креста вверху, медаль внизу. И так, еще раз доказано неопровержимо – портрет подлинный, изображен на нем Юренив.

Когда написан портрет? Конечно, после отставки. Потому что Юренив – хоть и подполковник, но изображен в одежде гражданской. Приехал домой уже не в отпуск, а навсегда – и тут же себя запечатлел, со всеми воинскими регалиями. Это могло быть, судя по всему, только после 1839г. Хотя на обороте портрета проставлена другая дата – год 1832-й. Это свидетельствует о том, что надпись сделана много позднее самого портрета. Память человеческая отчетливо запечатлевает яркие события и, как правило, имена родственников, но всегда слаба на даты. На портретах делали надписи, в основном, уже после смерти портретируемого: чтобы не дать забыть потомкам, кто изображен. И вот потомки повелели написать: вышневолочаевский помещик подполковник Семен Павлов сын Юренив. А год? В самом деле – какой год? Когда война с Польшею была? То ли в 1831-м, то ли в 1832-м. Напишем 1832-й – вернее будет.

Но для 1832-го портретируемый слишком уж в годах. Тогда ему было 32, максимум 33. А на портрете – уже за сорок, ошибиться нельзя никак. Значит, писали Юренива уже в годах 1840-х. На это указывает и экспертиза, – правда, эксперты подстраховались и обозначили срок возможного написания портрета второй третью 19 века. Но косвенно «родная» датировка все-таки ими оспорена, это факт. Так сегодняшняя искусствоведческая «наука» подправила слабую на даты память наших предков.

Подушков

Разумеется, полученными из дела Юренева сведениями мы тут же поделились с Дмитрием Подушковым. Который, – уверены! – отнесется к истории Юренева с тем большим интересом, что не чужд не только краеведения, но и военной истории, сам будучи военным в отставке, да к тому же – автором прелюбопытного очерка о графе Аракчееве.

Оказывается, Аракчеев – родом из Вышневолоцких мест, он провел детские годы в селении Гарусово на озере Удомля. Юренив, конечно, не мог не быть слышан о своем знаменитом земляке, современнике, прославившемся столь радикальными военными реформами, правдивая оценка которых, вполне очевидно, – дело будущего.

Кроме того, мы послали Дмитрию Подушкову фотоснимок с портрета Юренева. И получили ответ. Подушков выдвинул гипотезу, созвучную нашей: портрет написан кем-то из учеников Венецианова. «В Удомельском крае, – писал он, – активно работали художники – ученики Венецианова... Разного уровня были, – возможно, портрет мог написать кто-то из них... Можно обратить внимание на это обстоятельство искусствоведов. Возможно, нас ждет большое открытие!».

Что касается погоста в Черных Ручьях – то «сегодня это совершенно заброшенное место. Глушь. До ближайшего жилья 5 км». Камень, что запечатлен на одном из присланных Подушковым снимков, как и следовало ожидать – «единственный материальный след от надгробий». Там же – фрагменты фундамента: возможно, все, что осталось от церкви.

Дмитрий Леонидович прислал также подробную карту Удомельского района 1849 года. Поскольку Черных Ручьев сегодня не сыскать ни на одной карте, важно представить, где хоть они находились. Подушков подсказывает: смотрите близ селения Мартусы, а рядом – Черные Ручьи, он же Пог. Егорьевский. Недалече – усадьба Венецианова Сафонково...

В глубь веков

Карта Удомельских земель, присланная Подушковым, очень помогла при изучении актового материала семнадцатого века, также приложенного в копиях к делу Юренева. Выяснилось, что отец Юренева, Павел Никитович, служил во второй Сенатской роте солдатом в Санкт-Петербурге; дед, Никита Сидорович, – в Рязанском пехотном полку сержантом; прадед, Сидор Андреевич, – в Луцком драгунском полку дворянином, а прапрадед, Андрей Васильевич, – в Новгороде.

Документы 17 века, даже в копиях, читать трудно. Практически нет знаков препинания, многие слова пишутся слитно. А уж если почерк у копииста ужасный, или он не разобрал чего – и вовсе. Тем не менее, удивительно, но найден довольно обширный список документа, датированного аж 1682 годом и относящегося еще к царствованию Федора Алексеевича.

И главным действующим лицом этого редкого акта – упомянутый прапрадед Юренева, Андрей Васильевич. Дело идет о выдаче ему специальной ввозной грамоты, закрепляющей его права на владения селениями и душами «в Бежецкой пятине Тверской половине». Пятины и половины – это административные деления той поры. В документе перечисляются владения, указывается количество сажень и десятин пашенной и непашенной земли, поминаются населенные пункты и пустоши (иные наличествуют и на карте Подушкова): Михайловский погост в Костве, деревня Пономарева на реке Кездре, деревня Погостища на реке Кездре, деревня Демшина, Петровское поместье, пустошь Горка на озере Кездре, пустошь Терешина, Сумгуровское и Савинское поместье, Сорогошинский погост, пустошь Позориха,

пустошь Осташово, деревня Старосельская на озере Белом, деревня Терпилец на озере Наволоке, деревня Тяпуль на Черной Гязи, деревня Шинякова, деревня Ехлирева, деревня Курова на озере Наволоке, пустошь Сергеева на озере Белом, Никольский погост в Удомле, пустошь Шитникова на озере Наволоке, Черный Ручей, пустошь Сергеева.

Деревни небольшие, по 3-6 дворов. Иные пусты – «хоромы сгнили и обелились». В деревне Курово и в Черных Ручьях, что уже известно читателю, С.П. Юренев, праправнук Андрея Васильевича, будет проживать два с половиной века спустя. Имение было потомственным, родовым, корни уходили в века, в те поры, когда в царевом указе предписано было: «тем поместьем... со всеми угоды и со крестьяны владеть Андрею Васильеву сыну Юренину, и крестьянам и бобылям, которые в том его поместье живут, помещика своего Андрея Юренина во всем слушали, пашню на него пахали и доход ему помещицкий давали», что скреплено было печатью боярина и воеводы Василия Семеновича Волынского. Сверял же текст грамоты много позже дворянский секретарь Капитон Яковлевич Сукин.

«Глушь конкретная и сегодня и тогда...»

Названный Андрей Васильевич Юренев, прапрадед нашего героя, поминается в книжке Н.А. Архангельского «История Удомельского района», изданной в 1995 году при ближайшем содействии Д.Л. Подушкова: он готовил ее к печати. Подушков поделился с нами цитатой из книги, касающейся рода Юреневых: «Род Юреневых впервые вписан в дворянское сословие в 1680 году, когда рейтеру Андрею Васильевичу было пожаловано поместье. В это время в Бежецкой пятине было два Юреневых с 98 душами в поместье. На Удомельской земле этот род вовсе не новичок. Об этом свидетельствуют записи середины 18 века. В середине 19 века подполковник Семен Павлович Юренев, женатый на Варваре Александровне – дочери майора Александра Петровича Филисова, имел семерых детей: четыре сына и три дочери. Подполковник умер во время реформ. Вдова его, Варвара

Александровна, осталась править в Мартусах на 469 десятинах земли. В том же году она принимает участие в размежевании деревни Погорелец, пытается продать часть Мартусов. Когда Варвара Александровна завещала детям свое богатство, то оказалось, что его почти не осталось. Николай и Федор Семеновичи получили на двоих 48,25 десятины, а Ольга Семеновна – 168,5 десятины. На этом землевладельческий род дворян Юреневых и кончился».

Подушков не соглашается с Архангельским, что род Юреневых внезапно «кончился» - автор следовал основному своему источнику – книге «Генеалогия господ дворян Тверской губернии», а она не содержала более обстоятельных данных, касаемых потомства С.П. Юренева. Что касается Мартусов, которыми владела вдова Семена Павловича, Варвара Александровна, сведения у Д.Л. Подушкова более определенные: «Мартусы – деревня. Она сохранилась. Глушь конкретная и сегодня, и тогда. Она не относилась к приходу Черных ручьев (храм Георгия Победоносца 1731г., фотографии нет), хотя приходы, может быть, и перекраивались. А вот Филисовы (1806 год первого упоминания) были прихожанами Черных Ручьев, владели дворами в деревнях Сошниково, Аксово». Из дополнительных данных: между Мартусами и Черными Ручьями по прямой 16 км, дорогами сегодня – не менее 25, до усадьбы же Венецианова от Черных Ручьев по прямой – 26 км.

Семейная сага

Но вернемся к седой старине, к прапрадеду Юренева, Андрею Васильевичу. У него было два сына: Тимофей и Сидор. Тимофей распорядился пустошью Староселье на озере Белом, селением Терпильцом на озере Наволоке, пустошью Горка, владел также Демшиной, Погостицей, Пономаревой, Терешинной, Позорихой. Часть владений он, как следует из документа, «променял полюбовно» некоему Ивану Васневу. У Тимофея был сын, Иван.

И вот – семейная драма. Андрей Васильевич погибает: «В последнем Крымском походе на государевой службе у крымских людей взят в полон и в полону помер». После него

остаются жена, да два сына. Тимофей тоже умирает. У Тимофея сын – Иван, он приходится племянником Сидору. Иван бьет челом и просит отцовские поместья отписать себе в собственность. В челобитье же утаил о существовании дяди своего: «повыток отнимает, хочет один завладеть насильно». Племянник – против дяди; коварство, хитрость, тайные пороки – все переплелось в этой саге. Документы относят историю сию к царствованию императора Петра Первого.

Так или иначе, Иван скончался, и о потомстве его ничего не известно. Владения же его, по крайней мере часть оных, оказались заложенными. В мае 1729 года он, будучи в чине капрала, отдал под заклад в деревне Староселье шестнадцать четвертей земли, помещицкий двор «с дворовыми людьми и с всяким хоромным строением, да во дворе крестьян», пустоши Горка и Терпилец с пашней, «с хлебом стоячим и молоченым и в землю посеянным», с покосами, угодьями и скотом, «не оставляя за собой ничего». Стоимость закладной – 150 рублей, она оказалась просроченной некоему Александру Федоровичу Мордвинову. Дело дошло до вотчинной коллегии.

Распродажа и дробление имения

Таким образом, при потомках прапрадеда Семена Павловича Юренева, Андрея Васильевича, имение закладывается, или распродается. Драгун Сидор Андреевич в марте 1751 года за 10 рублей из недвижимого отцовского имения продал близ Усадища Староселье в пустоше Осташове пять четвертей земли «со всеми угодья», по купчей, майору Якову Кондратьевичу Философову.

У прадеда Семена Павловича Юренева, Сидора Андреевича, было три сына – Агей (служил в Преображенском полку солдатом, ушел в отставку подпрапорщиком), Никифор (служил в Ингермонландском полку солдатом), и Никита, дед Семена Павловича. После смерти Сидора Андреевича имение разделили между сыновьями и сестрами. Агей свою часть имения продал «всю без остатку» по купчей, за 90 рублей, новгородской помещице Марине Семеновне Салтановой, дело происходило в марте 1769г.

Дед же Семена Павловича Юренева, Никита Сидорович, напротив, именем прирастал. У Вышневолоцкого помещика Панфила Федотовича Милюкова выкупил он земли в пустоше Ермолине с лесами и санными покосами, с рыбными ловлями «и со всеми угоды», за что заплатил 60 рублей, дело происходило в году 1784-м. При купчей присутствовали подпоручик Василий Григорьевич Мамышев, подпоручик Герасим Павлович Кутузов, секунд-майор Никита Маркович Строилов (все военная косточка!), сам же документ составлен местным писарем Ефимом Раздадуриным.

Отец Семена Павловича Юренева, Павел Сидорович, унаследовал всего 20 душ крестьян в сельце Курове. Поступил на службу в марте 1785г. рядовым в Сенатские роты, 7 апреля 1789г. был назначен младшим курьером, 11 января 1793г. – старшим, а 31 декабря того же года – прапорщиком, но в сентябре 1796г. ушел в отставку за болезнью. Ордер об увольнении подписал граф Александр Николаевич Самойлов, репрезентативный портрет коего долгое время находился в нашей коллекции картин (такое вот совпадение!).

Таким образом, имение временами прирастало землями и угодыми, но все же по большей части – дробилось, делилось меж наследниками, в 19-м же веке от него и вовсе почти ничего не осталось...

Имение Семена Павловича

После смерти Павла Никитича, отца Семена Павловича Юренева, имение наследовала мать, Анна Степановна. Имение – не ахти какое: движимое и недвижимое имущество при сельце Курово, пустошах Сошниково, Сергеево, Терпилец, Тепелево, Ермолино, Глохово, Осташово.

За матерью, кроме того, остались немалые долги.

В 1834 году она распорядилась: имение разделить меж детьми, и долги – тоже.

Раздел был осуществлен так. За матерью остался господский одноэтажный деревянный дом в Курове со всеми прилегающими к нему постройками: скотным двором, хлебными амбарами, гумном, пелевнями, погребом и каретным

сараем. Из людей она оставила себе Дементья Дмитриева, Назара Дмитриева, девку Василису Дмитриеву, Ивана Прокофьева, Силу Терентьева с женою Авдотьей Ивановной с сыном Алексеем и падчерицею Ульяною Андреевой.

Семену мать оставила людей: Никиту Корнилова с сыном Николаем, Прокофия Изотова с сыном Гавриилом и дочерью Афимьею, Аксена Кудилова с женою Марьею Филипповой и с сыном Антоном, и вдову Ульяну Анкудинову.

Дочери Елене достались люди: Александр Никитин, некто Степанов с неразборчивым именем, жена его Дарья Филипповна и теща Домна Ивановна, а также Александр Аленьев с женою Александрою Васильевной и сыном Никитою.

Сыну Михаилу мать отписала в деревне Ивановко людей: Герасима Изотова с женою Миремьяною Ипатовной, с сыновьями Емельяном, Ерофеем, Агафоном, Игнатием, также девок Марью и Прасковью Прокофьевых, Прасковью Маркову. Михаилу достались также постройки и земли в пустошах Осташове, Ерденева (?) и Голшнихе (?) – «все без остатку».

Сыну Алексею, штабс-капитану, мать отдала людей из деревни Погорельцы: Ивана Анкудинова, Никифора Анкудинова с женою Федосьею Тимофеевной, с сыном их Никитою и дочерью Соломонией, вдову Устинью Куприянову, Савелия Александрова, Дмитрия Прокофьева, вдову Елену Леонтьеву. Алексей владел отныне также землями в Погорельцах и в пустоше Якушкине.

Долги

Были и другие земли, которыми весьма рачительно распорядилась Анна Степановна Юренева в 1834 году, - их она поделила меж детьми, как считала справедливым.

Трудно сказать, насколько рады были дети такому решению матери. Потому что отныне долги, которые после нее остались, надлежало выплачивать им. 200 рублей ассигнациями Бежецкой помещице Александре Михайловне Колобакиной, а также господам Филисовым 250 рублей отныне был должен сын Михаил. Семену надлежало выплатить госпоже

Коллюбакиной ассигнациями 100 рублей и девке Афимье Васильевой серебром 200 рублей. Дочери Елене пришлось задолжать Коллюбакиной 200 рублей ассигнациями, девке Афимье Васильевой 50 рублей, и еще какие-то загадочные 100 рублей «мелочные, известные всем нам». Сыну Алексею выпал долг Коллюбакиной 300 рублей ассигнациями и девке Афимье Васильевой серебром 150 рублей.

Итого долги составили 1550 рублей. Для такого мелкого поместья – сумма астрономическая. Притом, что всему движимому и недвижимому имуществу Юреневых была дана оценка (скорее всего, завышенная) в 15000 рублей.

Спустя пять лет после этой раздачи долгов и земель, Семен Павлович Юренев, как уже было сказано, вышел в отставку и вернулся на свою малую родину. Его годовой доход составлял 666 рублей. Выходит, что общая сумма долга равнялась чуть не трехгодичному пенсиону подполковника! Правда, на его часть приходилось всего 300 рублей – к тому времени, возможно, уже сполна оплаченную.

Итак, - девять душ крепостных, часть пустошей, и долги. Это все, что имел Юренев по воле матери. Та, скорее всего, потихоньку отходит от дел, раз решила разделить и без того уже многожды поделенное имение. Мелкопоместное дворянство явно разорялось. Притом, что было довольно именитым. Например, при акте раздела мизернейшего по размерам имения Юреневых в 1834г. присутствовали аж два подполковника: Николай Степанович Кутузов и Антип Сукин. Удивительно: столь приметные особы – казалось бы, при такой не очень значительной сделке...

Мы бедные, но благородные...

Впрочем, чего удивляться. Дворянство бедное, но - благородное. К слову сказать, все дело, которое мы обнаружили в историческом архиве, касается именно вопроса о благородных корнях Юренева.

Незадолго до смерти он пожелал быть внесенным в шестую часть дворянской родословной книги Тверской губернии. Завязалась переписка, бюрократическая машина работала

несколько лет, запрашивала данные о предках Юренева, свидетельства о рождении его детей, разные имущественные документы, купчие, формулярные списки, акты о награждении Юренева Орденами, - то есть те данные, которые сегодня помогают нам восстановить детали психологического портрета мелкопоместного дворянина не вовсе большой руки.

К какой части родословной книги быть отнесенным - вопрос для Юренева крайне важный. Воинские регалии его – явно не генеральские, образования почти никакого («читать, писать умеет, арифметику знает»), зато имеет честь вести дворянскую родословную свою с 17 века!

Родословные книги делились на шесть частей. В первую вносились те, чьему дворянству – не более ста лет. Во вторую часть вносят «по военным чинам и орденам». В третью – «по гражданским чинам и орденам». В четвертую – «иностранные роды». В пятую – «баронские, графские и княжеские». В шестую – «древние благородные дворянские роды», кои ведут счет дворянству своему никак не позднее чем с 1685 года.

Юренев стремится попасть именно в шестую часть - самых древних. Не по амбициям стремится, а – по праву. Представляет доказательства, которые сочли безупречными. И – достигает своей цели. Правда, жить осталось – всего ничего. Зато – восемь детей, о них думать надо.

«Ел живьем лягушек...»

Юренева – потомственная военная кочка. Семен Павлович, судя по портрету – человек суровый. Именно таких людей и должна была рождать Удомельская глушь. Потомки, похоже, тоже унаследовали означенную суровость нравов. Подушков пишет: «Одна бабушка, сейчас к слову вспоминаю (Агафья Ниловна Семенова – см. о ней «Удомельскую Старину» № 31), вспоминала о помещике Юренева, который перед революцией жил, видимо, где-то в районе озера Островно: был очень свирепого нрава и, дословно: «Ел живьем лягушек, в порыве злости грыз холки лошадям и шеи гусям»...».

Вместе с тем, Юреневы, очевидно, были не очень крепки здоровьем. Военные походы, частая смена климата и места пребывания нещадно сокращали их лета, и умирали они рано. Из биографии Семена Павловича видно, что вся жизнь уходила на то, чтобы отдать стране свой воинский долг, озаботиться продолжением рода, и передать детям права владения.

Вышедший по болезни в отставку Семен Павлович имел такого же «болезного» брата, Михаила. В 1851 году имения у того не было, а от родителей он унаследовал 11 душ крепостных: 6 «мужеска» и 5 «женска» пола, в сельце Иванькове. Вехи службы зигзагообразны – они зависели от состояния его здоровья. В августе 1817г. поступил из 2-го Кадетского Корпуса в 9-ю артиллерийскую Бригаду прапорщиком (еще один военный!). Однако прослужил только три года. Заболел. Уволен с чином подпоручика в феврале 1820г. Недуг, очевидно, продолжался около двух лет. Потому что только в апреле 1822г. он смог определиться на службу в провиантский департамент. Но и тут послужил только полгода и уволился с чином подпоручика. Можно полагать, тому причина очередное обострение болезни, которое на этот раз длится пять лет. И только в марте 1827г. по выборам Благородного Дворянства он был определен в Вышневолоцкий Земский Суд Дворянским Заседателем. В 1829г. – уволился. Через два года – снова служит Дворянским заседателем, там же, до 1833г. Потом шесть лет нигде не служит. В 1839г., однако, определяется помощником Пристава Черногрязского Заставного Дома Шоссейного Сбора. Да вот беда: в 1842 году вновь захворал «и никаких обязанностей по службе не исполнял», хотя до сего момента «аттестовался способным и достойным», и было лишь одно облачко в его плавном и спокойном карьеротечении: как-то на десять дней припозднился вернуться из отпуска, ссылаясь на недуги, но болезнь сия «не была доказана законными документами». Однако, видно, была она серьезна, коли несколько месяцев спустя последовала отставка, причем по тем же мотивам, а жениться он так и не смог – в чем при желании можно тоже узреть последствия опасного нездоровья.

Филисовы

Дмитрий Подушков, наш Удомельский новый знакомый, касательно перспектив дальнейшего исследовательского поиска, считает необходимым обратиться в военно-исторический архив: «Думаю, что запрос в РГВИА (Москва) – очень перспективно. Полковник, награды... Я тоже там запрашивал сведения, но не по Юреневу. Если у Вас не получится – я могу подключиться».

Военно-исторический архив? А почему бы и нет? В.В. Клейст как раз собирается в Москву, и любезно соглашается помочь нам. Однако поиск неуспешен: указателей фамилий военных по интересующему нас периоду первой половины 19 века в РГВИА почти не имеется, то же самое относится к событиям польской войны 1831г. Некоторые фонды находятся в состоянии реорганизации, – документы даже с поверхности архивного поиска извлечь не так-то просто. Потребуются дополнительные запросы в РГВИА, которые неизвестно еще, какой результат принесут.

А жаль. Мы, честно говоря, питали надежды, что найдем в РГВИА данные не только на Юренева, но и на его ближайшее окружение, которое тоже ведь связано с военной историей. Как, например, не обратить внимание на то, что отец жены Юренева, Александр Петрович Филисов, – в чине майора, и, стало быть, налицо некий родственный союз служивых.

Контакты с Филисовым поддерживаются тесные. Настолько, что он приезжает на крещение детей Юренева. На то есть документы – метрические свидетельства. В 1845-м году Филисов с дочерью, Марией, присутствовали на крещении сына Юренева Александра. И не просто присутствовали – а были восприемниками. Сегодня мало кто знает, кто такие восприемники. Согласно Брокгаузу, это лица, которые ручаются перед Православной Церковью «за веру крещаемого», и в случае чего обязуются «принять крестника под свое попечение и должны его наставлять в вере и благочестии».

На следующий год (1846) при рождении у Юренева дочери Анны восприемником опять был майор Александр Петрович

Филисов с родственницей – Верой, дочерью помещика Петра Федоровича Филисова. В 1849 году у Юренева опять прибавление семейства - сын Дмитрий, и Филисов вновь посещает Черные Ручьи с третьей своей дочерью – Надеждой, а за год до этого, в 1848-м, приемницей при крещении дочери Юренева Марии оказалась помещица Прасковья Петровна Филисова.

И, наконец, в 1853 году Александр Петрович Филисов находится в Черных Ручьях с дочерью Анною при крещении Федора Юренева, а в 1851г. – он же, с дочерью Надеждою, при крещении Николая Юренева.

Переплетенные корни

Филисовы, конечно, присутствуют при крещении детей Юренева не только по родственному зову. Ведь, как уже сказано, в Черных Ручьях, в церквушке которых проходит торжественный церемониал, похоронены также предки Филисовых. Наверное, во время побывок в Черных Ручьях Филисовы посещают погост, и отдают дань памяти и благодарности предкам своим.

Юренивых сближает с Филисовыми никак не менее чем вековая связь: вспомним, надгробия Филисовых в Черных Ручьях относятся ко второй половине 18 века, а в 1729 году Иван Тимофеевич Юренив продает часть своих земель помещику Федоту Стахеевичу Филисову. В 1796 году Богдан Федорович Филисов свидетельствует в числе прочих купчие акты, касающиеся опять-таки земель Юренивых. Как и следовало ожидать, Богдан имеет воинское звание: Филисовы и Юренивы – одна косточка. В документе написано, что Богдан был констапелем (первый офицерский чин в морской артиллерии).

В словаре Брокгауза статьи о роде Филисовых нет. Но должны же быть о них какие-нибудь сведения помимо почерпнутых из дела Юренивых! Заходим в Интернет. Запрашиваем через поисковую систему Яндекс данные на Александра Петровича Филисова, отца жены Юренева.

И тут – полная неожиданность!

Еще один портрет

Некий литератор Петр Алешковский пишет о поместье Александра Филисова. Но совпадение имен – случайное. Это, очевидно, родственник Александра Петровича, потому что, как следует из текста Алешковского, его героя звали не Александром Петровичем, а Александром Порфирьевичем. Алешковский сообщает об имени А.П. Филисова, «брата генерала Сергея Порфирьевича Филисова, героя 1812 года. Александр Порфирьевич Филисов во время смерти императора Павла Петровича был на карауле во дворце и после катастрофы немедленно подал в отставку и переехал на житье в имение Дарское, где жил с женой своей Евдокией Петровной, урожденной княжной Шелешпанской».

Очевидно, речь идет об одной из ветвей рода Филисовых, и очень именитой. Но интересно другое. Возможно, имеются прямые свидетельства о «нашем» А.П. Филисове, тесте С.П. Юренева. Из статьи кандидата географических наук, старшего преподавателя кафедры экономической географии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Сергея Львовича Швыркова, посвященной истории города Любима (ярославщина) узнаем: «Любимская земля – родина героев войны 1812г. братьев Филисовых. Александр Петрович Филисов воевал вместе с Суворовым. Когда началась война с Наполеоном, он привел в Петербург отряд любимских жителей, которых обмундировал, выучил. Александр Петрович партизанил, дружил с Денисом Давыдовым. Его двоюродный брат Павел Андреевич Филисов – тоже герой войны. Портрет одного – в галерее героев 1812г. Эрмитажа, другого, кисти Кипренского, в музее-панораме «Бородинская битва»...».

Портрет! Еще один! И Юренив, и Филисов увековечили свое изображение для потомков. Не исключено, что Юренив следовал примеру тестя, когда заказывал свой портрет?

Вот только неясно из статьи Швыркова, который поминает Александра Петровича Филисова и его двоюродного брата Павла Андреевича, чей портрет где находится. Написанное

можно толковать по-разному. Ну да бог с ним, со стилем. Главное – другое. Нашлись сведения о еще одном портрете, и это радует.

Полемика в «Московском журнале»

Итак, портрет Александра Петровича Филисова – либо в Эрмитаже, либо в музее «Бородинская Битва» (Москва) - причём кисти Ореста Кипренского. Кипренский любил писать военных. В нашем доме более трети века бытовал портрет неизвестного военного, написанный именно Кипренским. Алма-Атинский музей в свое время выпрашивал его – нельзя ли приобрести в фонды?

Кипренский... Громкое имя...

Поисковик Яндекс неожиданно выдал еще один результат: статью кандидата наук А.В. Кибовского «Предсказатель прошлого». Поминался в нем тот самый портрет Филисова, данные о коем мы разыскивали. Статья была опубликована в «Московском журнале» в 2002 году (№9) и содержала острую полемику с научным сотрудником музея-усадьбы А.Т. Болотова «Дворяниново», исследователем Е.Н. Перкиным, долготлетним изучавшим творчество Кипренского.

Тон статьи нас озадачил. Суждения А.В. Кибовского о персоне Е.Н. Перкина очень категоричные: «С этим человеком все ясно, и сегодня при упоминании имени Е.Н. Перкина искусствоведы, музейные работники и историки, которым автор щедро презентовал свою книгу, только посмеиваются».

Однако нас интересует лишь портрет Филисова. Ему, а также портрету Коновницына, А.В. Кибовский уделяет всего несколько строк: «Потративший, по собственному утверждению, много лет на изучение творчества О.А. Кипренского, Е.Н. Перкин сокрушается, что неизвестно местонахождение портрета А.П. Филисова, хотя каждый желающий может сегодня увидеть его в экспозиции Музея-панорамы «Бородинская битва». Грустит Е.Н. Перкин и об утраченном «портрете П.П. Коновницына кисти Кипренского», опубликованном в 1905 году. Работа действительно замечательная, но к творчеству Кипренского отношения не имеет, поскольку была выполнена в 1819 году

А.Г. Варнеком. Сегодня копия этого полотна, сделанная с оригинала П.А.Олениным в 1836 году, тоже находится в экспозиции Музея-панорамы «Бородинская битва»...».

Досадные умолчания

Стоп! Портрет Коновницына приведен в издании «Русские портреты 18 и 19 столетий» (1905), и стоит там подпись: Кипренский. Полемикует, стало быть, А.В.Кибовский с книгой 1905 года. Между тем, выставляет злостным извратителем истины именно Перкина. Возможно, в полемическом запале могли выпасть какие-нибудь аргументы против авторства Кипренского. Надо связаться с А.В. Кибовским и попросить более обстоятельно аргументировать вывод.

Еще более немногословны сведения о портрете Филисова. Со слов А.В. Кибовского выходит: Е.Н. Перкин не знает, что портрет находится в музее-панораме «Бородинская битва» (Перкин же в телефонном разговоре такое свое «незнание» отрицает решительно). Из контекста ясно, что речь идет о кисти Кипренского. Но, как выяснится позже, в музее-панораме «Бородинская битва» и ведать не ведают, что портрет А.П. Филисова написан Кипренским. Там – другая версия, о чем – ниже.

Но ведь Швырков пишет именно о Кипренском. И, стало быть, имеет ввиду именно портрет А.П. Филисова, касающийся музея «Бородинская битва». Между тем, в атрибуции, хранящейся в музее, о Кипренском нет ни полслова.

Пишем письмо В.В. Клейсту. Он как раз в Москве - работает в военно-историческом архиве. Виктор Владимирович берет на себя труд сходить в музей. Он изготовил фотографии с интересующего нас портрета А.П. Филисова и с окружающего его экспозиционного антуража. Сфотографировал он и табличку под портретом А.П. Филисова. На табличке написано: художник Тропинин.

Разнобой трактовок

Тропинин...

Еще одна гипотеза!

В.В. Клейст продолжает удивлять. Он купил в вестибюле музея-панорамы книжку «... Бессмертен тот, кто Отечество спас: М.И. Кутузов». На 271-й странице – портрет А.П. Филисова и надпись под ним: неизвестный художник.

Так! Не много ли версий вокруг одного портрета? Тропинин, Кипренский, и вот теперь – неизвестный художник.

Сделаем-ка запрос в этот музей. Объясним: так, мол, и так – есть у нас портрет помещика Юренева, который был зятем А.П. Филисова. В родстве и дружбе находились эти люди, Филисов с дочерьми присутствовал при крещении детей Юренева. И как скромным провинциальным собирателям старины, ведущим разыскания об Юренине и круге его общения, нам интересно буквально все об Александре Петровиче Филисове.

А заодно отправим им по электронке дело Юренева, в котором многожды поминается Филисов. Ведь и в музее «Бородинская Битва» это должно вызвать какой-никакой интерес. Попросим также определить по фотоснимку – соответствуют ли награды на портрете Юренева тем, что обозначены в его формулярах.

Посылаем запрос, и через некоторое время звоним в музей-панораму. Завязывается знакомство: Сергей Владимирович Львов, заместитель директора музея по науке, любезно согласился проконсультировать нас.

Награды Юренева? Львов посмотрел фото и согласился: да, вроде бы награды те же, что в формулярах.

Портрет Филисова? А какого Филисова? У нас портреты двух Филисовых, и оба они были военными. Вас интересует А.П. Филисов? И не только он? Другой Филисов – тоже?

Да, конечно, нас интересуют оба Филисовых, потому что находились они в родстве, это несомненно.

И вот приходит ответ на запрос.

С.В. Львов сообщает: портрет А.П. Филисова имеет инвентарные номера ОФ-167, Ж-21, размеры 67 х 54 (почти такие же, как портрет Юренева). Он был куплен 12 декабря 1962г. у знаменитой русской арфистки Елены Георгиевны Дуловой. Предполагалось авторство Тропинина. В 1965г.

П.И. Барановым проведены реставрационные работы: «передублирование с металла на холст, подведение грунта, удаление записей и лака, покрытие лаком, тонирование».

Загадки

Но что значит – передублирование с металла на холст, и подведение грунта? А то, что картина претерпела очень серьезные вмешательства извне. Точно также, как портрет Юренева. Холст сначала был наклеен на металл, его с металла сняли, переклеили на дублировочное полотно и натянули на подрамник. Вряд ли при таком значительном реставрационном вмешательстве, коснувшемся даже грунта (перед тем, как писать маслом на холсте, его покрывали специальным составом, он и называется грунтом), впоследствии можно будет достаточно точно определить, кто автор полотна. Потому что каждый художник грунтовал по-своему, это один из отличительных признаков, по которому зачастую можно установить и время написания, и имя художника.

Так или иначе, но в 1985 году портрет А.П. Филисова прошел экспертизу во Всесоюзном художественном научно-реставрационном центре. Эксперт Л.В. Гельенек, которая до сих пор работает в реставрационном центре Грабаря, сделала заключение: «По технологическим признакам и стилистическим особенностям произведение можно отнести к русской школе живописи первой половины 19 века. При сравнении с подлинными произведениями В.А. Тропинина в построении красочного слоя аналогий не найдено. В соответствии с изображенной прической и костюмом портрет следует датировать периодом с 1820 по 1835 гг.».

Итак, эксперт Л.В. Гельенек в 1985г. авторство В.А. Тропинина решительно отвергла. Удивительно, но в 2003 году экспертизу на портрет Юренева тоже делала Л.В. Гельенек! Это очень требовательный эксперт, который с большой ответственностью подходит к анализу картин. Тем не менее, даже после того, как авторство Тропинина не подтвердили, в музее под портретом А.П. Филисова продолжала висеть табличка: художник Тропинин. Означает ли это, что с мнением Л.В. Гельенек

не согласились?

И откуда тогда взялась версия, что портрет написал Кипренский?

Выставка 1812 года

Упомянутый портрет А.П. Филисова экспонировался на выставке, посвященной войне 1812 года в Историческом музее. В каталоге выставки, как сообщил С.В. Львов, портрет значился под номером 39. А под номером 38 шел другой портрет – тоже Филисова, но уже Павла Андреевича (С.В. Львов ссылается на издание 1913 года).

Интересно, что портрет Павла Андреевича тоже сейчас находится в музее-панораме «Бородинская битва» (инвентарные номера ОФ-3721, Ж-123, размер 66 на 54 см). В ноябре 1962г. он был подарен государству Ольгой Григорьевной Зограф, а в 1965 году реставрировался Б.М. Шаховым. Датируется второй половиной 19 века, и, стало быть, является копиям, потому что одет П.А. Филисов в мундир 20-30-х годов.

Звоним в службу каталога Российской национальной библиотеки. Нам отвечают: Каталог выставки 1812 года в фондах наличествуют, называют шифр книги. Просим Анну Леонтьевну Патракову просмотреть это издание. Она сообщает: сведений в Каталоге оказалось немного, имя художника не указано. Сказано только, что портрет является собственностью Н.Ю. Зографа.

Стало быть, именно через потомков Н.Ю. Зографа попали портреты (по крайней мере, один из них) в музейный фонд. Открываем Брокгауз – о Зографе есть статья: Николай Юрьевич Зограф родился в 1851г., был профессором зоологии, занимался эмбриологией, ихтиологией, аквариумистикой. В Интернете о Николае Юрьевиче тоже сведений немало. Фотография: очень солидного вида ученый, с седой бородкой. В селе Мытники (Подмосковье) - храм Рождества Христова, недалеко от него Н.Ю. Зограф в конце 19 века имел усадьбу.

Состоял ли в родстве с Филисовыми Зограф? Потомки-то уж, наверное, имя художника должны были бы знать. Мы

связались по телефону с упомянутым выше Евгением Николаевичем Перкиным, который работает ныне в Государственном литературном музее в отделе 19 века. Он удивил нас: Зограф был родственником Филисова. Какая жалость: прошло всего лет 80 с момента написания портрета – а имя художника предано забвению. И это – в относительно мирные «допереворотные» поры...

Место в памяти

С музеем-панорамой «Бородинская битва» завязалась переписка. Пришли к выводу: нужно дать возможность высказаться всем исследователям, которые занимались портретами Филисовых. В первую очередь – А.В. Кибовскому и Е.Н. Перкину. Возможно, рамки их статей в «Московском журнале» не позволяли им изложить свои точки зрения развернуто. Пообещали опубликовать их материалы без купюр в любом объеме.

Уверены: музею-панораме «Бородинская битва» такое внимание, проявленное к одному из самых загадочных его экспонатов, будет только на пользу. Прекрасно, что вокруг экспонатов ведутся споры! «Это значит, - пишем С.В. Львову, - что Ваша экспозиция – это не история в мертвом виде. На наш дилетантский взгляд, в том и состоит назначение музея, чтобы будоражить чувства и память».

Возможно, имело бы смысл произвести более детальное обследование портрета Филисова. Как уже было сказано, очень авторитетный и лично нами глубоко уважаемый эксперт Л.В. Гельенек авторство Тропинина отвергла. В 1985г. она пришла к выводу, что «в построении красочного слоя» никаких аналогий с кистью Тропинина не выявлено. Однако, на наш взгляд, этот вывод надо аргументировать более обстоятельно. Хотелось бы знать, в чем конкретно состояли упомянутые расхождения «в построении красочного слоя», какие картины Тропинина были выбраны для сопоставления, и насколько часто он употреблял пигменты, которые использовались при написании портрета Филисова. Хотелось бы также, чтобы было произведено аналогичное сопоставление с картинами

Кипренского.

Того требует не только искусствоведческая заинтересованность, но и просто уважение к памяти как портретируемого, так и художника, который портрет написал, кем бы он ни был...

«Как в старое помещичье время...»

Что было с именами Юреневых и Филисовых после «переворота»? Реквизировали их. На то есть документы, которые для нас любезно скопировали работники Государственного архива Тверской области. У нас появились новые знакомые – архивисты Галина Михайловна Дмитриева (исполнитель запроса) и Галина Викторовна Баруткина (заведующая отделом), которые помогают нам в поиске. После обработки данных, полученных с их помощью в Тверском архиве, мы поделимся с читателями результатами, касающимися незавидной судьбы означенных имен, подвергшимся разграблениям (конфискациям) в 1920-е годы.

Любопытный материал прислал Д.Л. Подушков. Он пишет, что среди его знакомых есть Юреневы – очевидно, потомки Семена Павловича. Подушков обнаружил также небольшую заметку из газеты «Наш край» за 13 июня 1923г. Она тоже – о потомках Юренева, что можно узреть уже из ее названия: «Гражданин Юренев забывается». Некий злословный аноним сообщает: «В Кузьминской волости, в совхозе Котлован-Воздвиженское, заведующим которого состоит бывший помещик Юренев, практикуются такие вещи. Крестьянские лошади, попавшие случайно на совхозную землю, загоняются в совхоз, где на них и работают целыми ночами, а часто даже гоняют в Удомлю. В то же время, крестьяне, не зная, где их лошади, рыщут в розыске их по всем окрестностям, иногда по несколько дней подряд. Наконец же владелец лошади случайно узнает, где его лошадь и приходит за таковой, там же его встречают, как в старое помещичье время, с руганью и требованием уплатить штраф за потраву. Вообще отношение гражданина Юренева к рабочим совхоза и местным крестьянам очень напоминает времена помещиков. Надо Юренева одернуть».

Куда как ясно: времена Юреневых безвозвратно минули...

Поместья конфискованы, потрава в чужом владении не считается нарушением вековых устоев, надгробия разрушены...

Вместо эпилога

В нашем исследовании личности мелкопоместного благородного, но малоимущего и отчаянно храброго дворянина-вояки, подполковника Юренева, мы столкнулись с рядом фактов, наталкивающих на размышления.

Например, мы встретили представителей двух ветвей Филисовых. Оба – участники наполеоновских войн. Но один – П.А. Филисов, в генеральских эполетах и явно, не только при чинах, но и при славе, и на виду; другой, А.П., «наш» Филисов, и партизанил, и отчаянного вояку Дениса Давыдова знал, то есть, вернее всего, со смертью «был на ты», в гуще боев, но на его портрете в гражданской одежде – лишь самые скромные регалии.

В чем причина такого различия? А вспомним пушкинского «Дубровского». Ведь вельможный, знатный, изрядно богатый Троекуров и скромный старик Дубровский, проживающий в деревянных «хоромах» - соратники по Бородину. И встретились как братья. Но войны давно кончились, и неизбежный сословный барьер разделил и насмерть рассорил бывлых товарищей по оружию.

1812 год был еще тем славен, что как бы сгладил хотя бы на время сословные различия. Дворяне были разные. Бедными и богатыми. Влиятельными и, если не «худородными», то весьма ограниченными в знатности. При условии совершенно фантастической храбрости, так называемого «молодечества» - разница стиралась.

Однако мелкопоместный дворянин, чтобы добраться до эполет и высших наград, должен был не только выказывать чудеса на поле боя, но еще на поле боя попасть, хоть под каким-нибудь покровительством. А для этого – нужны связи. А для связей – мало-мальски приличная экипировка, которую, особенно в престижных родах войск, надо было покупать на собственные средства. Так продавались «души», дробились и опять же продавались не ахти какие имения, потому что – как не испытать фортуны? Военская карьера, если посчастливится, сулила наибольшие

выгоды небогатому дворянину в будущем.

Если отпрыски знатнейших фамилий чувствовали постоянную поддержку «тылов», то есть близких ко двору или высшему свету родственников, мелкопоместный дворянин мог рассчитывать только на то, что какими-нибудь сверхподвигами поразит воображение соратников, которые примут его «в стаю» на равных.

Наиболее безумные подвиги числились, вероятно, именно за такими вояками. Причем «на равных» их все равно, в конечном счете, не принимали.

В первом номере «Голосов Сибири» отражена тема декабристов и в этой связи поминалась судьба армейца Каховского, повешенного 13 июля 1826 года за бунт 14 декабря 1825-го.

Ничто так не выравнивает сословия, как общая смерть. Но и на бруствере около виселицы, Каховский все равно как бы отделен от сотоварищей невидимой чертой.

А что, - разве нельзя «нашего» Юренева представить в роли Каховского? Беден, но благороден, отчаянно храбр...

В итоге – всего лишь подполковник и девять «душ» имения...

Тем не менее, дружен с Филисовыми и даже в родстве. Но с какими Филисовыми? С теми, что при «скромных регалиях». До тех, один из коих в генеральском чине, Юренину, пожалуй, не дотянуться...

Откроем скобку. Позднейшие разыскания приведут к обескураживающему, на первый взгляд, выводу: изображенный на упомянутом выше портрете А.П. Филисов не являлся тестем Юренина - находящиеся в дальнем родстве оба Филисовых («наш» и «музейный») имели одинаковые инициалы, и только. Поиск в очередной раз сбился на неверную стезю, однако помог разгадать очередную загадку, о чем - в следующих номерах «ГС».

В последнее время все больший интерес вызывают у нас провинциальные портреты. На них – представители большинства русского дворянства. Не состояло российское дворянское общество сплошь из генералов. А состояло из мелкопоместных дворян, что мирно и смиренно, отслужив воинский долг, жили после отставки в усадьбах и имениях, довольно бездумно порождая множество детей, между которыми непрестанно делилось

былое богатство или просто былой достаток...

Так что в 1917 году, когда вспыхивали крестьянские бунты, пылали имения и усадьбы, налеты на «господ» были весьма мало оправданы в большинстве случаев. Нередко господа были ненамного богаче какого-нибудь крестьянского старосты. Достаточно вспомнить дом старика Дубровского и поглядеть на картины художника Сороки, изображающие интерьеры в доме его барина Милюкова: деревянные бревенчатые стены, невысокие потолки, добротная, но далеко не роскошная мебель, хотя стены и увешены родовыми портретами, писанными, возможно, не искуснее, чем портрет подполковника Юренина...

Нам все более и более интереснее узнать, каковы они были, эти рядовые обитатели скромных усадеб, чем наполнилась их жизнь, чем славны или бесславны были их деяния. Все меньше верится в «зверства», какими всех нас потчевали по школьной программе, применительно к помещикам. И все больше рисуются они нам, похожими на гоголевских «старосветских помещиков». Наверное, такими были Юренин и Филисов, пока в 1917 году не явились к их потомкам с экспроприацией. Но явились таки...

Что случилось с подобными гнездами после того, можно судить хотя бы по тому единственному камню, который остался от целого погоста, где схоронен Юренин.

Во всяком случае, Семен Павлович Юренин, уже прижившийся в нашем доме, весьма насупившись, вряд ли с одобрением взирал на то странное время, коему ему посчастливилось не быть свидетелем...

II. В ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕДОСКАЗАННОЙ БИОГРАФИИ

Итак, часть очерка, посвященная вышневолочаевскому помещику Семену Павловичу Юренину (1799-1855), портрет коего ныне хранится в Барнауле, завершена. Мы установили, что герой русско-польской войны 1831 года, кавалер четырех орденов, проживал в имении Черные Ручьи Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, там и

похоронен.

Напомним: погоста, на котором погребен Юренев, – ныне не существует. Снесли. «Единственный материальный след захоронений», как сообщил краевед Дмитрий Леонидович Подушков – лишь камень, что лежит на краю поля, где когда-то находилось кладбище. От Черных Ручьев тоже ничего не осталось, разрушен до основания и располагавшийся поблизости храм Георгия Победоносца.

Но как все это произошло? Как канули в небытие люди и селения, как вытравлялась память о них?

Тверской архив

На одном из сайтов в Интернете обнаружили сведения из госархива Тверской области, касающихся именно Черных Ручьев, равно и некой О.С. Юрениной, предположительно – дочери Семена Павловича, проживавшей в имении Павлово (как и Черные Ручьи, это – в Вышневолоцком уезде).

На упомянутом сайте имя и отчество Юрениной не обозначены. Но мы знаем, что седьмого ребенка С.П. Юренина звали Ольга (родилась в 1854г.). Так не она ли?

История разворачивается в 1920-е – Юренину выселяют, отбирают землю. Значит, было ей уже за 70...

Мы тут же написали в Тверь. Попросили скопировать материалы об Юрениной и Черных Ручьях.

Невдолге пришел ответ: архивные дела существуют, они достаточно хорошо читаются, чернила не выцвели. Завязывается знакомство; исполнительница запроса Галина Михайловна Дмитриева и заведующая отделом Галина Викторовна Баруткина изготовили копии документов и составили биографические справки о Семене Павловиче Юренине и его детях.

Архивные справки

Изучив метрические записи, относящиеся к Черным Ручьям, архивисты подтвердили: Семен Павлович Юренев действительно скончался 1 июля 1855 года (о чем, впрочем, нам уже было известно из публикации Д.Л. Подушкова об

Удомельских погостах). Из новых сведений – Юренев владел также селцом Куровым, а умер от чахотки.

«Семен Павлович Юренев, – сообщали из Твери, – происходил из старинного дворянского рода. Родился в семье прапорщика Павла Никитича Юренина и его жены Анны Степановны, дочери майора Прибылаго. Точная дата рождения неизвестна (предположительно, в 1798-1800гг.). Начал службу в 1817 г. в Киевском гренадерском (позднее Его Высочества принца Оранского) полку подпрапорщиком, 17 апреля 1818г. произведен в прапорщики, 8 июня 1839г. уволен со службы по болезни в чине подполковника. За участие в военных действиях и выслугу лет награжден орденами Св. Анны 3-й ст., св. Владимира 4-й ст., св. Георгия 4-й ст. и польским знаком отличия за военное достоинство. Был женат на дочери майора А.П. Филисова Варваре Александровне и имел детей: Александра (род. 23 декабря 1845г.), Анну (род. 22 ноября 1846г.), Марию (род. 16 апреля 1848г.), Дмитрия (род. 19 октября 1849г.), Николая (род. 10 апреля 1851г.), Федора (род. 7 января 1853г.), Ольгу (род. 23 мая 1854г.)...».

Итак, в справке поминаются семь детей Юренина, и среди них Ольга. Уже в годы 1920-е Ольга официально засвидетельствует, что у нее не осталось в живых ни братьев, ни сестер, не знает она также ничего о их наследниках, сама же – бездетная. Наиболее близки ей – племянник Михаил Николаевич Юренев и двоюродная сестра. Вероятно, «генеалогическая» ветвь Семена Павловича Юренина со смертью дочери Ольги прекратилось. При таком многочисленном семействе, казалось бы, и намека не было на то, что род когда-нибудь угаснет, – во всяком случае, по линии С.П. Юренина.

Не исключено, конечно, что Ольга Семеновна что-то не договаривала. Время – суровое, и она могла намеренно утаить какие-нибудь данные о родственниках, или вовсе не подозревала о существовании некоторых.

Так или иначе, но со слов Ольги Семеновны выходило, что она одна из потомства Семена Павловича доживала свой век на Вышневолоцкой земле, всеми забытая и покинутая, в постоянном страхе, что имение реквизируют, а ее выставят

за двери собственного дома.

Черные Ручьи

А что же Черные Ручьи? Ведь там жил когда-то Семен Павлович Юренев.

Увы, на момент переворота селение принадлежит, по-видимому, уже не Юреневым. Новый владелец – некто Бажанов (так мы считали поначалу, однако время привнесло в поиск неожиданные коррективы!).

Ветры перемен заставляют Бажанова покинуть усадьбу, которая не раз подвергалась разграблениям. Все имущество постановили передать ведомству путей сообщения.

Имение погибло. Лишившись хозяина, оно зачахло и, наконец, опустело вовсе.

Сохранилась опись «господских» вещей. Благодаря этому документу мы можем сегодня совершить подобие виртуальной экскурсии по месту, некогда принадлежавшему, как мы полагали, помещику Юреневу – впрочем, дальнейшие разыскания докажут ошибочность некоторых наших выводов, о чем – ниже...

Опустевший дом

Мы бродим по большому опустевшему дому. В нем одиннадцать комнат, хотя он и одноэтажный, и деревянный, и архитектурными изысками не блещет.

Прислуги уже нет – потому что нет хозяина. Да и присматривать, в общем-то, не за чем. Весь скот (одна лошадь, четыре коровы и три теленка) по предписанию Уземотдела перемещены в мае 1919 года в селение Афимьино.

Построек тоже поубавилось: людские уничтожены пожаром (сожгли, значит?), каретный сарай и скотный двор – тоже. Огонь, впрочем, пощадил птичник, гумно, амбар, два сарая и баню. Было еще семь особых сенных сараев, четыре из них Бажанов якобы продал – вместе с флигелем, что вменяется ему в вину: поскольку он поражен в правах, торговать имуществом запрещено. На Бажанова заводят дело в суде – хотя, скорее всего, исчезнувшие строения самовольно

разобраны на дрова предприимчивой челядью.

А вот и первая комната. Перво-наперво бросаются в глаза вещи громоздкие. Мягкий диван, на нем – мягкая подушечка (позже похищена, как чистосердечно признаются авторы документа). Неподалеку – два венских кресла и три венских же стула.

Стулья, очевидно, стоят около обеденного стола. На столе – клеенка столовая. На полу – клеенка половая.

По углам – три маленьких столика. Они так и называются – угольные. Два их них – круглой формы.

Явно – здесь обедали, подолгу сидели вечерами за самоваром. Составители описи, возможно, не случайно заинтересовались прежде всего именно этим помещением. Посидели за обеденным столом, выпили по рюмочке – и принялись за работу. За описывание «буржуйского» добра.

Столовая

Заглянули, конечно, в буфеты. В комнате их два. Содержимое: 132 тарелки (60 штук исчезло), 9 бокалов (пропало 5), 3 бокальчика, 2 металлические «долгие» тарелки, 9 молочников (пропало 5), 4 столовых миски, 35 чайных чашек (27 пропало), 33 чайных блюдечка (8 пропало), 4 стакана, 46 рюмок (27 пропало), 17 розеток (10 пропало), 3 чайника, 3 сливочника, 2 полоскательницы (1 медная, – очевидно, золоченая или серебряная, привлекала внимание, а потому и пропала), 1 солонка, 10 сахарниц (3 пропало), 1 сухарница, 1 графин, 4 вазы (1 пропала), 10 столовых блюд (все пропали), 6 долгих тарелок (тоже пропали), 2 соусника, большая фарфоровая чашка (пропала), 2 столовых масленки (пропали), 3 металлических чашки. Столовую салфетку и 5 кусочков холста также унесли.

В описи есть оговорка: кое-чего не оказалось «по выезду Бажанова». То есть как бы подразумевается, что Бажанов уехал, прихватив розетки, блюдечки и тарелки. Вероятнее всего, конечно, другое объяснение: имущество растащили. А виновником выставили – Бажанова. Ну, не представляется как-то, что человек, в спешке покидающий насиженное

место, будет грузить на телегу десятки тарелок и чашек.

Но вернемся к столовой. Недалеко от стола – медная плевательница. Медь – металл дорогой, поэтому ее тоже стащили. В описи же отметили: «Не оказалось по выезде Бажанова». Ну зачем Бажанову брать с собой в долгий путь плевательницу? Обтекаемость формулировок заставляет задуматься: неужели в имении не знали точно, кто же именно уволок добро? Почему не написано конкретно: «Увез Бажанов»? Удивляет к тому же, что похищена приблизительно половина предметов – из 132 чашек, например, исчезло 60. Кто-то явно боялся спроса: куда девались вещи, теперь уже – национализированные? И, чтобы не сильно в глаза бросалось – воровали с осторожностью, соблюдали «меру».

Таким образом, буфеты «ополовинились».

Кое-что «пропало» и со стен. Остались две гардины оконные (стало быть, столовая – большая, на два окна). Барометр, градусник, и 3 картины в рамах реквизировали для культурных нужд какого-то коллектива. Что касается четырех портретов, то они никому не понадобились – никто на них не позарился.

Портреты! Скорее всего, родовые! Кто знает...

Подсобка

Рядом со столовой – нечто вроде подсобки. Или бывшая буфетная. В ней нет ни стульев, ни столов. Сесть негде. Она небольшая по размеру. Похоже на место для складирования посуды и столовых принадлежностей. Это не жилая комната. Вещи, в ней находящиеся, похитителей не прельстили, поэтому все они на момент составления описи оказались в наличии.

Из мебели – комод с бельем, и два ящика, в которых тоже хранилось белье (скатерти, салфетки?). Оно могло показаться не очень хорошим по качеству, – ведь, обычно, ветшало, передаваясь из поколения в поколение. Но для пришельцев – просто сильно бывшие в употреблении предметы, коли они не описаны поштучно, по примеру сундуков и ларей, находящихся в других помещениях.

Очевидно, именно на комодке стоят два подсвечника. Имеется также столовая лампа. Посуда есть – но явно не в избытке: 10 тарелок, 1 столовое блюдо, 2 столовые миски, кувшин, 2 железные кружечки.

Возможно, здесь готовили чай для господ. Примусы – под боком, тут же – фарфоровая сахарница, и разные чайнички, включая мельхиоровый. Обращает на себя внимание также машинка для колки сахара. Фарфоровый молочник – чтобы разбавлять чай молоком. Ну, и, конечно, емкости для жидкостей: 3 стеклянных банки.

Даже в подсобке – элемент декорации: две вазы. Похоже, парные. Расположены на комодке. Или на окне – если они для цветов.

Кабинет

Далее – кабинет.

Мягкий диван и три мягких стула. Один венский стул – именно он стоял когда-то перед письменным столом. «Когда-то» – потому что стол «увезли в Усовхоз через Уземотдел». Однако письменный прибор с двумя чернильницами, равно как и мраморный подсвечник, «письменный бювар», счета и корзину для бумаги – не тронули.

Около стола – висячая этажерка. А также несгораемый шкаф – там хранились деньги и важные документы. Имеется еще «столик со шкафиком» – там, возможно, держали письма, приходо-расходные книги.

Комната жилая, – иначе не объяснить, почему в описи значится ширма для кровати. Хотя самой кровати – нет. Означает ли это, что хозяин спал на диване? Или просто приходил сюда отдыхать днем. Именно поэтому в комнате – ширма. Ее похитили. Кому-то глянулся гобелен или вышивка, а, может, просто взяли на растопку, как вещь, в деревенском хозяйстве бесполезную.

Коврик, который, скорее всего, лежал перед диваном – тоже исчез. Не оказалось на месте и оконных занавесок, хотя гардины – в наличии. Их две, и, значит, здесь – два окна.

Для вечерних бдений – 4 лампадки. Их зажигали, наверное, перед иконами, коих – 19, из них 17 – «в серебряных ризах». Набожные люди проживали, видно, в имении Черный Ручей! При иконах – специальный угольник, из чего заключаем, что находились они в углу.

Вечерами, когда лампы горели, блики от сумеречных всполохов играли на родовых портретах – тут их было три. Что случилось с ними? Сгнили? Сгинули в печах?

Спальня

Следующая комната – спальня. Стояла в ней «железная кровать с матрасом» (после отъезда Бажанова пропала). Неужели с собой даже кровать забрал?

Особый ночной столик, шкафчик (для разных успокоительных снадобий?), а также литература – отходя ко сну, хозяева читали. Книг духовного содержания – 30, и беллетристики – 52. Их держали в специальном буккэйсе.

Ломберный стол. Использовался для игры в карты. Возможно, просыпаясь, еще в халатах, господин и госпожа, дабы взбодриться и поднять тонус на день грядущий, развлекались игрой в покер? Не угадали. Тут удобно раскладывать пасьянсы – на зеленом, обычно, сукне, когда столик раскинут, карты не скользят.

На ломберном столике – клеенка.

На стене – зеркало. После утреннего туалета как же не поглядеться в него? Для настроения также – картина. На подоконнике – горшок с цветами. Перед кроватью – коврик, чтобы ноги не зябли после постельного тепла.

Но опись явно неполная. Нет лампад, подсвечников, икон. Или после отъезда хозяев все это переместили в другие комнаты? Зато наличествуют предметы, которые явно не вяжутся с общей обстановкой. Зачем, например, в спальне два шила и отвертка, косая стамеска, буравчик, клещи и садовая пила? Или буфеты да секретеры – на замках, и первые «визитеры» после отъезда Бажанова пытаются вскрыть их с помощью столярного инструмента?

Гостиная

Гостиная – выдержана в привычном для усадеб стиле.

Хозяева музицировали на пианино и фисгармонии (и то, и другое реквизировали для школ), слушали граммофон. Здесь же находился «музыкальный ящик» (музыкальная шкатулка?).

Ломберных игровых столов – 4. Значит, в имении собирались гости, и в немалом количестве. Очевидно, столики сдвигали, и составляли из четырех – один большой. Или за каждым собиралась своя партия игроков.

Комната рассчитана на большие приемы. Об этом говорит и количество окон – 6 (именно столько зафиксировано в описи «гардин оконных»). Над дверями – тоже гардины. И, поскольку гардин две, то и дверей было столько же.

Диванов нет. Зато венских стульев – 12.

Из мебели – только трюмо и этажерка с книгами (передали в Саковскую школу).

Гостиная – самое красивое место в доме. Здесь находится 9 горшков с цветами, 3 хрустальных вазы, на стенах – 2 портрета, еще одна картина и 13 икон (10 из них в серебряных окладах). Под иконами – две лампы, где-то в углу расположился угольный столик.

Единственная вещь, которая не очень вписывается в интерьер – это глобус. Впрочем, он должен коммутировать с книжной этажеркой. Его передали Саковской школе, отобрали также 3 венских стула и 1 ломберный стол (в совхоз), лампы же кто-то похитил (хрупкое стекло Бажанов вряд ли увез с собою).

Вторая гостиная

Была в доме и вторая гостиная, поменьше, на четыре окна (в описи: 4 «гардин оконных» и 4 «штор оконных»). Если в первой стояли только венские стулья, то здесь – обстановка уютнее, комфортнее, – возможно, это гостиная хозяйки. 2 мягких дивана, 12 мягких кресел и 6 мягких стульев. Стоят также два табурета – для прислуги, которая всегда под рукой.

Перед диваном – низкий столик, на нем салфетка. Еще есть два круглых маленьких столика. На полу – ковер и дорожка.

Освещение: металлическая лампа-тюльпан, висячая лампа-фонарь и лампадка (под двумя иконами).

Комната проходная, имеет два входа (в описи: две «гардины дверные»), и довольно велика, поскольку в ней поместился рояль. На стенах – 4 картины, под одной из них трюмо.

Обстановка сохранилась почти нетронутой: Узмотдел изъял только 1 мягкий стул.

Будуар

Отдельное посещение – под будуар. В нем, как и в гостиных, не было кроватей. Нет и дивана. Первое, на что обращаешь внимание – комод с туалетом и бельем. Есть и трюмо. Здесь женщины могли прихорашиваться, примеряя платья. На стене – зеркало.

Вся мебель мягкая – пять стульев, четыре кресла, даже табурет. Прислуга, экономка или портниха, работают в комфорте.

Комната довольно большая – четыре окна (в описи: «гардин оконных 4», «штор оконных 4»).

В углу икона, под ней лампада.

Один портрет – возможно, батюшки, память о родительском доме. Две картины – должны быть в дамском вкусе (пейзажи?).

На письменном столе – подсвечник. Письменного прибора нет – вероятно, его приносили в случае редкой надобности из кабинета: дамы более охочи до нарядов, любовникам в глуши записки не сочиняли, а вот приглашения на музыкальные вечера, раз в год, причем в стихах, – иное дело.

На столе клеенка. Вряд ли в ней была потребность, если бы стол часто использовали по прямому назначению.

На полу – коврик и особый «ковер из линолеума», чтобы у дамы в жестокие холода ножки не мерзли. Ну и, конечно, градусник (утащили его в 1920-м). Чуть что – истошный крик, и переполох на весь дом: «Олухи, царя в голове нет,

почему плохо топлено, вы что, нас заморозить хотите!».

Захаживает в будуар и муж. Ему дозволено иногда и покурить – на этот случай имеется пепельница.

Гостевая комната и портняжная

Вот еще комната, восьмая по счету. Ее назначение определить затруднительно. В ней три спальных места (2 железных кровати и мягкая кушетка), есть и удобства – матрац, комод с туалетом («в ящике белье»). Мебель деликатная: круглый столик, два мягких стула, а также венский.

На уголок для прислуги – не похоже. Возможно – детская. Или, что еще более вероятно – гостевая.

Излишеств – никаких. Три иконы, лампадка под ними, коврик и два половика. Помещение небольшое – всего два окна (в описи: «гардин оконных две»). Вряд ли хозяева сюда часто захаживают.

Далее следуют «рабочие» апартаменты гувернантки, портнихи или экономки. Господа здесь бывают – не случайно же на стенах две картины. Комната маленькая, на два окна, но в нее поместилось 2 шкафа, 4 мягких кресла и 2 венских стула. Судя по тому, что в описи указана ножная швейная машинка – тут шили платья. Два столика – для глажки и кройки туалетов. Имеются и часы (на случай, если прислуга забудет о каких-нибудь делах насущных). В углу – икона и лампада, на потолке – висячий фонарь.

Курительная и место для прислуги

Десятая, предпоследняя, комната, – нежилая, – невелика, на одно окно (в описи: «коленкорových оконных штор 1»). Кроватей и диванов нет. В ней, казалось бы, – самые несочетаемые вещи. Похожа она на бельевую: есть комод и конторка с тремя ящиками и бельем (пропало «по выезде Бажанова», конечно!).

Однако зачем в бельевой – 5 мягких кресел и 2 венских стула? Значит, собирался в ней иногда домашний люд?

В центре перед креслами – два маленьких столика, на полу – коврик.

Тут же, явно не к месту – сломанный велосипед (вскоре его реквизировали в Уземотдел).

Загадка: если это «подсобка» или бельевая, – к чему на стенах такое обилие икон (двадцать шесть!). Возможно, они разделены на две группы, по двум углам. Оттого и лампад две.

Может быть, это курительная комната? Тогда понятно, почему ее интерьером хозяева не очень озабочены...

И, наконец, последний «закоулок» дома – для прислуги, с платяным шкафом, вешалкой и двумя венскими стульями.

Две кровати. Мраморный умывальник, под ним – железное ведро. На стене зеркало и 4 иконы (внизу лампада). На окнах – соломенные шторы (куда-то пропали!). За дверью в коридоре стоит бельевой каток.

Сараи и кладовые

Итак, мы совершили виртуальную экскурсию по дому. Предприняли попытку реконструировать интерьер усадьбы, основываясь на конфискационных описях. Теперь мы примерно знаем, что находилось в мелкопоместных дворянских гнездах. Приходится согласиться: обстановка если и не роскошная, то очень удобная и довольно изысканная. Картины, иконы, портреты, стеллажи с книгами, мягкая мебель, рояль и пианино...

Прочие пожитки – в сараях и кладовых. Не будем утомлять читателя перечислением всяческой хозяйственной утвари в деталях, скажем только, что здесь можно встретить самые необходимые в большом хозяйстве вещи: весы и гири, счеты и часы, градусники, кадки и бочки, бидоны и корыта, баки и лукошки, ведра и шайки, лейки, бутылки и банки (значит, солили, квасили и ставили настойки на зиму), ванны, кастрюли и подносы, тазы и сковороды, тарелки, блюда и миски, кувшины и соусники, подойники, оконные рамы (очевидно, выставляли на лето), совки, рыболовные снасти, мелки, лопаты и грабли, серпы и багры, плуги, ломы и косы, пилы, топоры, молотильные машины и веялки, токарные

станки, конные грабли и прессы, пожарная машина, насосы, огнетушитель, буравы, гвозди и цепи, самоварные трубы, колеса, лари и ящики, чемоданы, корзины, колокола, соль, лыжи, башлыки и боты, фуражки, сапоги и брюки, чулки, куртки и юбки, гейши и армяки, пальто и плащи, корсаж, платья, тужурки и воротники, шапки и шляпы, валенки и бурки, костюмы, мундиры, ковровые дорожки и тюфяки, подушки и перины, одеяла, покрывала, куски материи, запасы льна, мех, войлок, клеенки и занавески, подсвечники и канделябры, упряжи и кровати, краны и крышки, мясорубки и астролябии, фонари, лампы, письменные приборы, пачки бумаги, сани, скамейки, сита и терки, ухваты, клюки, лодки, коляски, аквариум, искусственные цветы, веера, иконы и много еще чего.

Словом, это нечто вроде склада, где хранились не только каждодневно нужные, но и вышедшие из обихода предметы, которыми, тем не менее, дорожат и не выбрасывают. Имелся даже «железный ящик с перепиской». Он представляет особый интерес. Чьи письма двухвековой и вековой давности, чьи дневники хранились в нем?

Неважно, – бумага сгодится на сигарки...

Разорение и запустение имений

Часть обстановки усадьбы, конечно, могла перейти Бажанову от прежних владельцев. Не исключено, что именно в этом доме (если он, конечно, не перестраивался) жил С.П. Юренев – так мы сначала полагали, но, как ни странно, ошиблись, о чем еще поведаем читателю. Мы думали: трудно представить, чтобы при переходе от одного собственника к другому из имения вывозился бы весь скарб целиком, а потому – не было ли там личных вещей Юренева?

Однако интересно другое: зачем составлялись упомянутые описи? На тех, коими мы пользовались, проставлены даты: 5, 6 и 7 октября 1920 года. Инвентаризация длилась три дня. Кроме того, существовали акты таинственного сожжения предметов, кражи фиксировались особыми протоколами. Строгому учету подлежала передача национализированного добра

советским органам. Складывается ощущение, что новые власти не знали, как обойтись с богатством помещиков, преимущественно из поколения в поколение. Что-то, конечно, пустят на нужды Уземотдела или школ. А остальное как же? На сей счет установили жесткий порядок – описали имущество, запретив бывшим хозяевам отчуждать его: коммунисты, по сути, и сами не пользуются, и другим не дают! Бажанов увез с собой какой-то скарб – и подвергся судебному преследованию: на него завели дело в суде.

А имение между тем приходило в упадок и растаскивалось. Одно время оно использовалось артелью. Казалось бы: можно устроить образцово-показательное хозяйство, ведь инвентарь наличествовал!

Но без Бажанова все зачахло. И не только оттого, что земля – бросовая, для земледелия не очень годилась. (Пашни всего 65 десятин, под сенокосы – 100, под лес – 81, под выгон и кустарник – 44, неудобных угодий 290 десятин).

Еще более печальна участь селения Курово – оно, напомним, также когда-то принадлежало С.П. Юреневу, а накануне революции – помещику Чернову. Земли там – немного, всего 22 десятины, советской власти она совсем не понадобилась. Курово полностью запустело.

Как сообщил нам Д.Л. Подушков, еще жива внучка Чернова: «Что-то из мебели с Черных Ручьев, если я не ошибаюсь, хранится в нашем краеведческом музее. И я запрошу своего корреспондента из Солнечногорска, внуку Чернова из Курова, – кажется, эти вещи вывозили оттуда ее родители в 1930-х гг. – может быть, она расскажет что-то и про Черные Ручьи с их слов».

Бессмысленные реквизиции

Однако обратимся к документам. Черные Ручьи какое-то время не пустовали – они не сразу обезлюдели. В начале 1920г. решили их приспособить под нужды Железнодорожного Комитета по топливу и лесным заготовкам (главный офис коего находился в Петрограде в доме №104 по бывшему Невскому проспекту, который большевики переименовали в Проспект

25 Октября).

Цель – «снабжение рабочих по лесозаготовкам продуктами». То есть имение, что кормило раньше его обитателей, должно теперь вырабатывать съестной продукт для дрово-секов. По линии оргинструкторского отделения подотдела обобществления Тверского губернского земельного отдела (такая вот сложная иерархия!) «живой инвентарь» (коровы да лошади) передан железной дороге наполовину, а вещественный – полностью.

Трудно представить, для чего понадобились железной дороге старые портреты, иконы и ломберные столики, и в какой мере все это могло насытить голодный пролетариат. Или речь шла в первую голову о сельскохозяйственной утвари? Но таковой в Черных Ручьях не так чтобы много: 3 плуга, 2 сеялки, конные грабли, веялка, 2 телеги, дровни, да 3 сбруи.

До ближайшей станции неблизко – 8 верст (Спирово), так что не совсем понятно, как именно неудобное для земледелия поместье поможет железнодорожному комитету.

Необходимые оговорки

Так писали мы, изучив присланные из Твери документы. Отправили наш очерк для ознакомления специалисту по истории Удомельского края Дмитрию Подушкову. Невдолге приходит ответ: «В Ваше повествование вкралась ошибка! Черные Ручьи, где жил Юренев, принадлежали к Парьевской волости (сегодня это территория Удомельского района), а не к Песчаницкой (сегодня – Спировский район, сильно на юг)! Это другой конец уезда!».

Еще раз перепроверяем наименования волостей – действительно, мы ошиблись! Существовало как минимум два имения «Черный Ручей». Д.Л. Подушков разъясняет – такое случается: «Некоторые названия дублируются в масштабе губернии, и в масштабе уезда. Именно поэтому долго не могли понять, в каком Гарусово родился граф А.А. Аракчеев, их в Вышневолоцком уезде штук 5-6 было».

Казалось бы – досадный промах! Мы совершили «экскурсию» по месту, которое к имени Юренева никакого отношения

не имело. Но, как ни странно, нисколько не огорчились. Разыскания, даже если они сбиваются на неверную стезю, никогда бесполезными не бывают. Мы получили представление о родовом дворянском гнезде – довольно типичном для своего времени. Хотя, похоже, поместье Бажанова до переворота – из самых благополучных...

Тучи над домом

Пример Черных Ручьев (Бажановских или Юренинских – все равно) иллюстративен. Некогда до переворота самостоятельные поместья шли прахом. Однако многие приходили в упадок еще до революции! Дмитрий Подушков предполагает, что «Юренинских» Черных Ручьев в конце 1900-х годов – и в помине нет! Его уверенность зиждется на скрупулезном изучении картографического материала. Он пишет: «Посмотрел документы и карты. И так, вероятно, к 1917 году усадьбы в Черных Ручьях уже не существовало. Усадьба уже не обозначена и на карте 1890 года. Осталась только церковь. Ниже еще одна цитата из Н.А. Архангельского, «История Удомельского района» (Тверь, 1995): «На погосте Черные Ручьи была деревянная, постройки 1731 года, церковь Георгиевская. В 1900 году здесь служил священником Александр Павлович Фруктов, который в 1901 году был переведен в Котлованскую церковь, а на его место был назначен Федор Петропавловский, которого, в свою очередь, 15 марта 1910 года сменил Василий Никольский. Псаломщиком служил Александр Васильевич Соколов, ему в 1900 году было уже 68 лет. С 1909 года священником в Георгиевской церкви был Александр Суетинов»...».

Разложение помещичьих хозяйств, таким образом, – налицо, а потрясения 1917г. лишь ускорили этот процесс. Однако, как правило, экспроприация в любом случае была экономически неоправданной, а сведение счетов с «богатеями» и вовсе напоминало разбой.

Взять хотя бы дочь Семена Павловича Юренина – Ольгу, владелицу имения Павлово Кузьминской волости Вышневолоцкого уезда. Во время реквизиций ей уже за 70. Какая

нужда заставила власти отобрать у немощной больной старушки дом, в котором и поживиться-то оказалось нечем? Имела она всего две десятины, то есть смехотворный участок размером приблизительно 200 метров на 100, причем неудобной земли, покрытой зарослью, больше половины, а остальная на треть занята огородом и на две трети – под покос. В услужении у «помещицы» – никого. Стало быть, реквизировали имущество не потому, что его много, а потому – что дворянка.

«Над вечным покоем»

Но, может, Юренина была капиталистка какая-нибудь, владелица фабрик и заводов?

Оказывается – нет. До переворота получала пенсию – «из дворянских сумм». Имела дом, сарай, птичник и погреб. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, сдавала покос до революции в аренду, но не за деньги, а за продукты.

Родственники у Юрениной – не самого близкого колена, так что, можно сказать, совсем одинокая старушка. В 1920-е годы в живых только – племянник Михаил Николаевич Юренин (заведующий совхоза Понофидино Тверской губернии), да двоюродная сестра Мария Станиславовна Туровская, обитавшая в Вышнем Волочке на Валдайской улице в доме Панова, – о ней известно, что «играла на рояле в Кинематографе».

Жила Ольга Семеновна, тем не менее, не совсем одна: предоставляла кров еще трем женщинам – Вере Ивановне Коркачевой, Софье Владимировне Ушаковой и Анне Алексеевой.

Дмитрий Леонидович Подушков делает существенное добавление: упомянутая Софья Владимировна Ушакова интересна тем, что у нее гостил в свое время известнейший художник Левитан. В №4 «Удомельской Старины» из очерка Д.Л. Подушкова черпаем относящиеся к этому факту сведения: «Впервые Левитан посетил эти места в 1893 году с художницей Софьей Петровной Кувшинниковой... Левитан с Кувшинниковой остановились в доме помещиков Ушаковых на берегу озера Островно, в пяти-шести километрах от

озера Удомля. Мать, две сестры Варвара Владимировна и Софья Владимировна Ушаковы (она! – *авт.*), а также их брат Николай Владимирович, радушно принимали гостей, снявших две комнаты на втором этаже дома с видом на озеро. Сами хозяева жили в пристройке. Результатом пребывания Левитана в Удомле в тот год стала картина «Над вечным покоем», написанная по этюдам, сделанным на озерах Островно и Удомля... Николай Владимирович Ушаков, по зафиксированным воспоминаниям старожилов, был человек непутевый, «пропитуха». Он был отставной военный, прокутивший свою часть наследства и возвратившийся в отчий дом на иждивение двух сестер. Видимо, он доставлял последним определенные неудобства, поэтому ему была построена избушка – флигель в саду... Ушаковы жили в двухэтажном доме в Верхнем Островно... Дом Ушаковых с фасада изображен на картине В.К. Бялыницкого-Бируля «Дом с клумбой перед ним» (1912г.). По его же воспоминаниям, старинный дом Ушаковых в стиле Амбир, с зеленовато-голубыми от древности стеклами в окнах и широкой лестницей, спускающейся несколькими маршами и площадками балкона в сад, весь утопал в сирени. Ею была заполнена большая часть имения «Островно», и она была почти ровесница старому дому. На картинах А.В. Моравова «Старый зал. Островно» (1912г.) и «Интерьер с лампадой» изображен зал с колоннами и одна из комнат... (и) старшая из дочерей Ушаковых Софья Владимировна, пораженная своим сходством с Екатериной II».

Последние отблески «серебряного века»

В альманахе приводятся репродукции известных полотен. На одном из них – Софья Владимировна в изысканном интерьере усадьбы на озере Островно, она сидит за круглым столиком. На заднем плане – колонны, так что действительно, нельзя не согласиться: дом выстроен в стиле амбир. Мебель – тоже скорее амбирная, чем рококошная. На стенах – картины (не случайно же Островно посещали художники!).

Каким же образом Софья Владимировна Ушакова, лично знавшая Левитана, могла оказаться на жительстве у Ольги Семеновны Юреновой? Не потому ли, что роскошный особняк Ушаковых уже реквизирован, а у Юреновой дом не богатый, так что его оставили хозяйке до поры до времени, и вот она предоставляет кров Ушаковой, поскольку той – жить негде, как, впрочем, и самой Юреновой – спустя всего несколько месяцев после составления описи имущества.

Поражает судьба этих старых женщин, представительниц древних дворянских родов (шестая книга!), не только своей трагичностью, но и типичностью своей. Никого не впечатлила тесная связь Ушаковой с Левитаном, который почему-то же именно у нее снимал квартиру. Творческому человеку для работы нужны не просто стол и постель, а художнику – «вид с террасы». Ему нужен созвучный и комфортный домашний климат и уклад жизни. На дворе – последние отблески «серебряного века», осколками которого и были разоренные усадьбы и искореженные судьбы их владельцев. Ностальгическая тихая печаль, овевающая картину Левитана «Над вечным покоем» не была ли навеяна предчувствием близящегося распада былой блистательной русской культуры и гибели ее представителей!

«Нельзя разрешить себе преступление...»

Как следует из данных Д.Л. Подушкова, в своих предчувствиях Левитан не ошибся. После переворота сестры Ушаковы были арестованы, а их брат, Николай Владимирович, послуживший прототипом для Сорина в «Чайке» и для помещика Белокурова – настоящий помещик в поддевке тонкого сукна и вышитой рубахе, «человек, который хотел», но не состоялся, - он попросту умер от голода. И опять же никого не впечатлило, что все это семейство входило в орбиту не только плеяды художников, но и в орбиту Чехова, который в своей «Чайке» не раз поминает дом, что «на другом берегу озера» (Чехов жил в усадьбе Турчаниновых, близких соседей Ушаковых).

Вслед за Левитаном уже в горькую пору экспроприаций и выселений в Ушаковском же доме гостит известнейший русский художник Коровин с семьей и философ Борис Петрович Вышеславцев (см. альманах «Удомельская старина»!). 1918, 1919, 1920 годы... Уже решена судьба усадьбы, уже решена судьба Ольги Владимировны Ушаковой, а Коровин в старом усадебном доме Островно еще продолжает писать свои нарядные, изощренные, праздничные творения. Ни он, ни философ Вышеславцев еще не подозревают, что их ждет эмиграция, блестящий, но чужой Париж...

Читаем публикации Дмитрия Подушкова. Вышеславцев пишет очерк «Парадоксы коммуны», в котором проскальзывают впечатления от выселения несчастных владелиц маленьких усадеб, таких, как Юренева и Ушакова: «Нельзя разрешить себе преступление, хотя бы оно было уничтожением скверной старушонки или мучением ребенка, необходимым для «блага человечества»... Для христианина вопрос этот решен... Если бы действительно удалось на некоторых «необходимых и неизбежных» преступлениях построить общее благосостояние, то оно было бы особенно мерзким, гнусным и обреченным на вечное проклятие... А если такая жизнь устраивается не индивидуальным, а социальным преступлением, то ее называют «завоеваниями революции»!...».

Горькие слова, несомненно. Навеяны тем, чему он был свидетелем – разорением помещичьих гнезд, разрушением привычного уклада жизни, и выселением старых и немощных женщин «в никуда» из их мирного и никому не вредящего бытования...

«Буржуйское» добро

Дом у Юрениной, где проживала также, как уже было сказано, Софья Владимировна Ушакова, не очень большой, но все же – господский, одной в нем жить страшно. Построен в 1902-1903гг. из двух крестьянских изб и перенесен в имение Павлово, купленное Юрениной в 1912г. у потомственного дворянина Николая Ивановича Харламова всего

за 20 рублей (нотариальные и прочие «чиновные» издержки дополнительно составили 7 рублей 60 копеек, в доказательство чему – выпись из крепостной книги по Вышневолоцкому уезду). Акт купли засвидетельствован Вышневолоцким нотариусом Илларионом Филимоновичем Михалевичем «в конторе его по Казанской улице в доме Монастыря под номером 85-м».

Итак, вся стоимость «поместья» – 20 рублей! Правда, *те* деньги никак не чета нынешним...

Немного же оказалось «буржуйского» добра. Но, может, личных вещей у Юрениной предостаточно, и купается она в роскоши?

Ответить на этот вопрос несложно – сохранились описи имущества. В 1925 году Юрениной принадлежало аж 28 наименований предметов, причем в документах специально оговаривалось, что некоторые весьма незатейливы, то есть «простые».

Итак, чем же владела Вышневолоцкая помещица Ольга Семеновна Юренина?

Читаем: 1 самовар на четверть ведра, 1 «кровать деревянная простая», 2 маленьких столика «черной краски» (черное дерево?), 1 шкаф с тремя полками и дверкой, 2 «гардероба простых», 1 комод «желтой краски» (карельская береза?), 1 умывальник «желтой меди с прибором» (бронза?), 1 письменный стол, 1 диван «мягкий пружинный», 1 стол «на одной ножке простой», 2 настольные лампы, 1 зеркало настенное, 1 качалка «венская неисправная», 1 стол «большой простой», 1 этажерка, 2 подзеркальных столика, 10 «багетных рамок и картин» (очевидно, правильно так: «10 картин в багетных рамках»), 1 «рояль неисправный», 1 стол ломберный, 1 стол «деревянный простой», 1 стол «для самовара с медным тазом», диван большой и диван маленький, 2 шкафа «ясеневых с фанерой», 2 шкафа «обыкновенных простых», 1 ширма, часы «стенные с боем и кукушкой», 7 «кресел обыкновенных», 11 венских стульев.

Как видим, все «простое» да «обыкновенное», хотя угадываются, возможно, остатки потомственной дворянской

обстановки...

Есть еще опись, датированная 1922 годом. Но там – все те же предметы, против некоторых стоит отметка о плохом или неисправном состоянии.

Выселение

Занятный акцент в биографию Юрениной привносит еще один документ – выписка из протокола пленарного заседания Кузьминского волысполкома от 9 июля 1925г.: оказывается, Юренина еще в 1923г. единый сельхозналог выплачивала одновременно, и ее хозяйство постановлением Уземсовещания «признано трудовым».

Значит, жила Юренина трудами праведными, это подтверждала даже советская власть. Однако весной 1925г. происходит очередной вираж в судьбах бывших владельцев поместий. Было обнародовано Постановление ВЦИК и СНК от 20 марта: те дворяне, которых не успели расстрелять, посадить или выгнать из собственных домов, подлежали выдворению. Даже такие, как Юренина.

8 июля 1925г. губернский прокурор по Вышневолоцкому уезду Королев, заведующий Вышневолоцким уездным земельным управлением Виноградов и заведующий ГЗИ решили: Юренину выселить. Кузьминский волысполком, однако, на следующий день, 9 июля, рассмотрев анкету Юрениной, предложил оставить хозяйку в пределах ее имения. 12 августа, тем не менее, последовало постановление противоположной тональности за подписью членов особой губернской комиссии (председатель Козьмин, от ГПУ Хандриков, от прокуратуры Церпицкий). Констатировали, что Юренина «хозяйства никакого не ведет (ссылка на престарелые лета, очевидно, не в счет! – *авт.*), землю сдавала в аренду за продукты, до революции получала пенсию из дворянских сумм». А посему, коли не имела она «никаких заслуг пред Революцией», постановили ее, больную и немощную, «выселить со всеми зависящими от нее лицами».

Как реагировала Юренина? Когда пришли к ней «производить обследование, учет и оформление с разграничением имущества», как сказано в акте от 5 декабря 1925г., «со стороны

упомянутой владелицы никаких протестов и претензий предъявлено не было, что собственноручно подтверждено особой надписью на приложенных при сем описях».

В результате у Юрениной отобрали: дом, конюшню, курятник и погреб. Все остальное милостиво разрешили «считать собственностью владелицы», причем особо подчеркивалось, что «изъятые... имущество (надлежит) передать в круг волостного хозяйства для эксплуатации и использования такового волысполкомом в общеустановленном порядке».

Остается только дивиться: как власти собирались воспользоваться, скажем, конфискованным у Юрениной курятником? А что собирались сделать с погребом?

Все более убеждаемся: дело не в курятниках, и не в имуществе помещицком, а в желании унижить естество человеческое, в глумлении над достоинством людей, которые отныне становятся равными в своем бесправии.

«Решительно не имею, куда бы выехать»

Итак, власть расправилась с немощной старушкой. Сыграл, как видим аргумент, что она - дворянка и получала при царе пенсию.

Выяснилось, однако, что государственное казначейство до революции платило Юрениной пособие как сироте. Ныне стало известно также, что выселение Юрениной из собственного дома производилось в зимнее время. Вот что пишет сама Ольга Семеновна в заявлении, направленном в Тверской губисполком: «От роду я имею 72 года. Вот уже 9 лет страдаю «эмфиземой» легких и решительно не имею куда бы выехать, да и выходить на холод при такой болезни не могу... Постройки мои слишком ветхи и никакой серьезной ценности не представляют. На основании вышеизложенного ходатайствую пред Тверским ГИКом (губернским исполнительным комитетом, - *авт.*) о пересмотрении вопроса о моем выселении, так как признать меня помещицей решительно невозможно и ходатайствую оставить за мной мои постройки, в которых я могла бы дожить свой век. Отнюдь не желая оказать какое-либо правонарушение распоряжениям о власти по данному вопросу, я прошу лишь

о всестороннем рассмотрении моего дела и в крайнем случае, если не представится возможным удовлетворить настоящего моего ходатайства, прошу разрешить мне прожить здесь до теплых летних дней, т.к. абсолютно не имею теплого платья, не могу переехать даже и тогда, если бы удалось найти себе где-либо приют...».

Эпилог

72-летняя женщина просит хотя бы повременить с выслением до теплых дней. Остается удивляться, что постановление, принятое в декабре 1925г., совершенно не учитывало того, что сегодня принято называть «человеческим фактором» или просто человечностью. Нужды пресловутой «диктатуры пролетариата» требовали разделаться с престарелой Вышневолоцкой дворянкой, и можно ли сомневаться, что она-таки окажется на улице со всем своим скарбом.

С кончиной Ольги Семеновны ветвь Юреневых, которая идет от Семена Павловича, пресекалась. Имена пустели, материальная и вещественная аура некогда отнюдь не процветавшего, однако крепкого рода разрушалась, деяния предков стирались в памяти потомков. Были еще расправы с погостами и разрушение кладбища, где схоронен Семен Павлович, реквизиции картин в усадьбах. И среди них – портрет Юренева. Чудом сохранившийся, как уже сказано...

1920-е годы... Сколько людей погибло, сколько портретов изничтожено! Потускнели, осыпались тщательно выписанные ордена, добытые геройством, плесень и грибок «съели» молодцеватые лица...

Ордена... На груди у нашего Юренева Георгий, Анна, Владимир. Не каждому давали. Где они? Может, хранились у Ольги Семеновны в какой-нибудь заветной шкатулочке и сгнули вместе с ней. Можно представить, как прятала она ордена. Зная немало семей, где «царского» Георгия деда или прадеда утаивали, как кощунственную улику...

Погибают люди – вещи остаются. И всплывают то тут, то там в антикварных лавках Москвы завидные предметы наживы, на части коих – кровь наших предков. И мало кто

помнит, что о памяти и славе русского оружия в первые послевоенные годы и знать никто не хотел. В царских же войнах добыты ордена! А потому – на поругание, на поругание обречены портреты, как и все помещичье.

В перечне описанного добра Ольги Юреневой портрета отца не значилось. Но, может, оно и к лучшему. Вряд ли смогла бы Ольга Семеновна уберечь в перипетиях последних лет НЭПа отцовский портрет. И, значит, - худа без добра не бывает...

Продолжение следует...

Марианна Фаликова **ДРЕВО С МОГУЧИМИ КОРНЯМИ** **(в продолжение темы)**

В первых двух выпусках «Голосов Сибири» опубликованы историко-краеведческие материалы о жизни Дмитрия Орестовича Тизенгаузена, представителя блистательного дворянского рода, напрямую связанного с тем Тизенгаузенем, с которого Л.Н. Толстым был «списан» Андрей Волконский. Как читателю уже известно, Тизенгаузен после долгих мытарств был расстрелян в 1937 году в тот же день, что и его сын Орест.

Анастасия Темникова (один из соавторов материала в первом выпуске «ГС»), сообщила много подробностей о жизни семьи Дмитрия Орестовича, и, наконец, прислала несколько фотографий из родового архива. Глядеть на них – печально и щемительно. Беспечные счастливые люди, трогательные детские личики в обрамлении локонов – все изображены в самую счастливую пору их жизни, когда они и ведасть не ведают, что рождены с печатью злого рока на челе.

21 апреля 1891 года в Санкт-Петербурге на Мойке в фотографии А. Ясвоина появилась юная девица в нарядном платье с буфами на рукавах, с высоким воротником, заколотым столь модной в ту пору брошью, «бабочкой». В овале – полноватое, еще хранящее детское выражение, лицо, высоко взбитые светлые волосы с пучком на макушке – все по последней моде. Это – Зинаида Петровна, супруга Дмитрия Орестовича Тизенгаузена.

Могла ли подозревать девица «из прекрасной семьи», только что вернувшаяся из свадебного путешествия в Венецию, что ее дважды будет допрашивать сам Дзержинский и дважды же станут ее выводить на расстрел. Судьба, однако, была милостива к ней, она осталась жива – необъяснимо, каким чудом, но впоследствии вся ее жизнь прошла под непрерывным страхом и закончилась рядом с одним ее сыном, которого постигла тоже нелегкая судьба: он оказался в ссылке.

А вот и он, Алексей Тизенгаузен. На фотографии-портрете, обрамленной кругом, маленький мальчик, моложе пяти лет, судя по тому, что пышные светлые волосы с девчоночьей прической подвязаны на макушке крохотным бантиком. В ту пору еще оставалась традиция начала XIX века – до шести лет одевать мальчиков в девчоночьи платья и причесывать шелковистые локоны так, что чувствительные дамы при виде такого личика неизменно говорили: «Ах, какой ангельчик!». Однако одет Алексей в традиционную же опять для начала уже XX века матроску, в какой мы часто видим на фотографиях будущего наследника престола Алексея Романова.

«Ангельчик» вырастет, жизнь его превратится в крестный путь, он будет дважды арестован и, наконец, сослан, куда за ним последует его мать Зинаида Петровна и останется с ним до конца своих дней.

И вот фотография, помеченная 1912 годом, на стульчиках-грибочках около маленького столика в виде яркого гриба-мухомора, сидят два мальчика в матросках. Мы узнаем Алексея в матроске и черкесской папахе, и мальчика чуть постарше, это Орест Дмитриевич Тизенгаузен, у него очень «взрослое» выражение лица и пытливый взгляд, и, конечно же, та же матроска. Рядом – очевидно, любимая игрушка, совсем «всамделишная» маленькая пегая коровка на колесиках – надо представить себе, с каким азартом катали они ее по коврам родительского дома.

Рок уже простер над ними темные крыла – бутуз в черкеске окажется два раза в тюрьме и потом в ссылке и вечном страхе возможного расстрела, мальчик же с пытливыми глазами, Орест, будет расстрелян в 1937 году в тот же день, что и его отец.

Большая фотография «с интерьером». На ней – Алексей и Володя Дмитриевичи. Младшенький, еще в девчоночьем платье с кружевами, сидит на столе, скрестив ножки на резном стуле, обитом брокаром. На стуле же стоит, крепко упираясь пухлыми ножками, и сжав руки кулачком, все тот же Алексей. Он повзрослел, его остригли, как положено мальчикам, локоны «ангельчика» забыты. Видно, он гордится тем, что одет в настоящий «взрослый» мальчиковый костюмчик.

Над обоими нарядными мальчиками, как уже было сказано, всю жизнь довлекло их «плохое происхождение» - они имели несчастье родиться дворянами.

А вот и любимая дочь Дмитрия Орестовича, Елена, Лёля, на фоне роскошно вышитой ширмы. На Лёле юбка в складочку с кружевным подолом, широкий шелковый кушак, длинные волосы распущены, и чуть схвачены на виске кокетливым бантиком. В чуть раскосых глазах – озорство, чуточная улыбка тронула изящно очерченный маленький рот на круглом лице девочки-подростка.

Пройдут годы – сожжена будет в военной «буржуйке» (печурке) живописная ширма, как, наверное, и многие-иные предметы мебели этого дома, а сама Леля умрет от голода вовремя ленинградской блокады.

А вот и Володя, Владимир Дмитриевич. Тонкое и нежное юношеское лицо – на фотографии ему лет восемнадцать, едва пробиваются усики. Узнаем чуть выпуклые выразительные глаза под густыми бровями, мы видели их на парной фотографии, на которой изображены Алексей и Володя еще крохами.

В 1941 году он будет расстрелян по особому указу Сталина – по фамилии Тизенгаузен он считался немцем и числился таким, на него было заведено дело, но в связи с срочной высылкой немцев расследование даже не довели до конца – куда проще было, «к стенке», и девять грамм в затылок.

И вот еще парная фотография. Алексей и Владимир Дмитриевичи. Кануло в небытие счастливое время столиков-грибочков и забавных игрушек, они давно забыли о своих былых утехах, теперь они модные столичные молодые люди. И кто бы узнал теперь в Алексее милого бутуза в черкесской папахе, и

нежного юношу Володю. Теперь это Владимир Дмитриевич; между двумя пальцами видна папироса, щегольская бабочка вместо галстука, из кармана пиджака чуть глядит платочек – все по последней моде.

Обоим предопределено всю жизнь «убегать от судьбы». Владимиру – не удалось. Учиться ему мешало «происхождение» и дважды его отчисляли из престижных вузов. К тому же, как уже было сказано, он числился немцем, и в 1941 году был расстрелян в Самаре.

Другая фотография. Перед нами спокойная дама, уверенная в стабильности устоев мироздания, изящно опирается на спинку обитого кретоном стула, на плечи накинута шелковая шаль, шею обвивает несколько ниток жемчуга. Перед визитом фотографа она, очевидно, побывала в парикмахерской, или же к ней приезжал парикмахер на дом – это видно по свежей завивке волос. В ней мы едва узнаем, – однако же узнаем! – прелестную девушку, только еще стоящую на пороге жизни, с фотографии, помеченной 1891 годом. Это Зинаида Петровна Тизенгаузен, которая после долгих мытарств, потеряв троих сыновей и дочь, окажется в Нижнем Тагиле, у единственно уцелевшего сына Алексея, двукратно пребывавшего в тюрьме.

И, наконец, групповая фотография, на которой написано: «В Венеции». На ней мы видим Дмитрия Орестовича – какое открытое благородное лицо и как четко обозначены в нем родовые черты Тизенгаузенов, если сравнить с былыми портретами двухсотлетней давности. Около него, очевидно, Леля, уже барышня, и неизвестная нам семейная пара – наверное, родственники.

Какое горькое сопоставление этой фотографии, где Дмитрий Орестович так покойно сидит в плетеном кресле, держа в руках котелок и изящную трость, с его же фотографиями, сделанными в заключении.

Единственное неизменно – благородство черт, коими отмечены все представители этого славного рода.

Как мы помним, Дмитрий Орестович был расстрелян в 1937 году, по роковой случайности, в один и тот же день, что и его сын Орест, – несчастливые ветви могучего родового древа.

Изящная словесность

Мэри Кушникова
АПОКРИФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

И наступила Пасха. И собрались ученики Иисуса садиться за стол, на котором были опресноки и вино. Но Иисус сказал: «Не ждите меня, начинайте праздновать. Я буду неподалеку и недолго в Гефсиманском саду».

И кивнул Иуде – пойдём за мною.

Все остальные на Иуду покосились недобро: мало того, что учитель доверил ему казну, значит, считает наиболее честным и достойным, так еще и зовет с собою, когда хочет уединиться от нас.

Иуда почувствовал недоброежелательство и не последовал сразу за Учителем.

Учитель же, оказавшись в Гефсиманском саду, сел на камень, облокотясь локтями о колени, и вперил взгляд в высокое темно-синее небо, на котором уже сверкали звезды.

– Так должен я или не должен свершить задуманное? – задался вопросом. Советоваться не с кем. Разве что с Иудой. Он наиболее других понимает мои тайные мысли. И вот медлит...

Тут появился Иуда.

– Что ж медлишь? Тебе одному могу сказать то, что никогда более уже не скажу. В глазах твоих – понимание, и разум обширнее, чем у других.

– Равви, мне страшно. Чувствую, ты скажешь мне сокровенное, о чем, может, потом будешь жалеть.

– Нет, жалеть я не буду. Унести с собой то, что хочу сказать тебе, не имею права. После нас пойдут роды и роды человеческие и надо, чтобы они – вот именно они! – узнали, зачем и на что я решился. Так слушай же. Ты, наверное, давно понял, что никакой я не сын Господа, ибо Высшая Сила, что создала весь этот прекрасный мир, не имеет ни облика, ни пола.

– Так зачем же ты везде называл себя так?

– Видишь ли, ученики мои – люди простые, честные и доверчивые. Они привыкли к торжественным служениям в

Надо запретить абсолютно все слова. Исключить даже паузы. Они слишком красноречивы. Молчание многозначительно. Значит, следует запретить молчание...

Лешек Шаруга

Храме Иудеев и запомнили, что теперь, когда римляне уже который десяток лет топчут иудейскую землю, вершить такие торжественные службы опасно. И – значит, вершатся они во славу очень могущественного Бога, а то бы никто не решился. Римляне не уйдут из Иудеи никогда, потому что мы слишком слабы, чтобы изгнать их оружием. Кресты на дорогах будут множиться столетиями. Я один знаю, как справиться с римлянами. Я взорву Рим изнутри.

Иуда в испуге прикрыл рот рукою и прошептал: «Равви, ты, возвестник мира, говоришь такие слова?»

– А какие слова я говорю? Разве я не оповестил, что принес с собой не мир, но меч? Только меч мой – это Слово. Это многие слова, которые я уже который год говорю всем вам, чтобы вы прониклись ими. Это многие дела, которые мы совершали вместе, чтобы все вы их запомнили и после меня творили их до тех пор, пока Иудея не проникнется заветами добра и они не станут грозным оружием против римского сапога, и падет Рим, и падение его начнется в Иудее, и причиной его падения станет Учение, которое вы будете нести по миру, и все мои слова донесете до каждого уха живущих не только в Иудее, но далеко за ее пределами, потому что римский сапог топчет чуть не полмира.

– Равви, что ты задумал, поведай мне. По сравнению с тобой я немощен мыслью, как младенец, и не понимаю, что скрыто за твоими словами!

– Понимаешь, я должен противопоставить блеску Иудейского Храма то, что запечатлится в умах моих учеников так сильно, что они никогда этого не забудут, и понесут весть о том, что увидят, из страны в страну, а дети их – из рода в роды. Я должен напитаться силой и держаться так, как будто я на самом деле Сын Божий. Иначе они не поверят мне и не понесут мое Слово далее. Они – как дети. Им нужно увидеть то, что потрясет их до конца жизни. И они увидят.

Ты знаешь, еще лет десять назад, когда мы были юнцами, и носили деревянные кресты на шее, которые всем нам очень мешали, так, что даже есть было трудно, римляне только посмеивались: что с них возьмешь, они еще почти дети.

Но теперь эти деревянные кресты и смешны, и бессильны. Я – свой буду нести до конца, потому что я первый, который его надел, и я должен запечатлеться в памяти учеников таким, каким они впервые увидели меня и последовали за мной. Но это уже не тот крест, который впечатлит их навеки.

– Равви, мне страшно! Я не смею думать так, как подумал сейчас.

– Ты верно подумал. Ты смысленнее их и потому я позвал тебя. Ты говоришь, тебе страшно? Мне тоже страшно. Ибо нет на небе того отца, который утолит мою боль, когда мне будет больно, и отведет от меня руки палачей. И все же, теперь слушай внимательно. Сегодня Пасха, а римляне догадливы. Они знают, что все мы где-нибудь соберемся, чтобы отпраздновать этот вечер. Только они не знают, где. Так вот, ты пойдешь и скажешь им. И более того. Все мы с годами стали похожи друг на друга, и бороды у нас у всех одинаковые, и волосы отросли длинные. И ночь темна, так что тебе придется им показать меня.

– И что тогда будет?

– Тогда меня схватят и поведут на суд к римлянам. Римляне не так жестоки, как Иудеи себе их рисуют. Римляне неуверенны в себе и Иудеев опасаются, поэтому и воздвигают кресты на дорогах. Уже не помню сколько было смут и сколько мятежных Иудеев им пришлось распять. А римляне – помнят. Поэтому и кажут себя жестокими.

Если они будут судить меня, то не осудят – у них какое-никакое, а есть право и закон, и они его придерживаются, если их не довести до крайности.

Но Иудеи их до крайности доведут, они нашепчут, напишут, и будут кричать на площади, что я называл себя Сыном Бога и царем иудейским, и вот это для римлян самое страшное: значит, власть Рима в Иудее не так уж сильна.

Наместник побоится за свою должность, он не захочет покинуть эту обильную, хоть и беспокойную, страну, и попасть в свое имение, чтобы там выращивать капусту. Говорят, один римский император так и сделал, когда ему надоела власть.

Но Пилату власть не надоест никогда. А коли ему здесь жить, – надо, чтобы Иудеи верили, что они при нем достаточно свободны в своих решениях. И он отдаст меня на их суд. А те боятся новой римской расправы. Подумай: «царь иудейский» - звучит? Насколько звучит? На наказание плетью или на распятие?

– Равви, но это же верное распятие, ведь они же распнут тебя, сами Иудеи будут орать: распни его, распни, они же боятся римлян, а вдруг те опять начнут свирепствовать?

– Вот именно. Пока мы были юнцами, деревянные кресты на шее нам сходили. Сейчас мы мужи в зрелых годах и с нас совсем другой спрос. С меня – первого.

– И ты сознательно хочешь пойти на страдание?

– Я же тебе сказал, мой меч есть Слово и то Учение, что римлянам никогда не было и не будет ведомо, я должен запомниться на кресте как Сын Божий, который принимает страдание во имя того, чтобы ученики мои не забыли меня и не забыли того, что я говорил, и понесли это дальше. И чем более ужасающей предстанет перед ними моя смерть, тем вернее они запомнят ее.

– Равви, но раз ты сам говоришь, что ты не Сын Божий... так, может, Бога вообще нет? – опасливо спросил Иуда. – Потому что у Иудеев ведь нет ни изваяний, ни изображений того, кого они называют Богом. У них есть только книга за парчовой завесой. И они молятся этой книге. И во имя ее каждодневно приносят тучные жертвы.

– Вот именно. Но первосвященники про то забыли, что не человек для Субботы, а Суббота для человека, и что царь Давид и его воины, в нужде, ели хлеба предложения. Они приносят жертвы всесожжения и хлебы предложения не Слово, а Книге. Они уже не ощущают силу Слова. Они боятся его, а потому – и меня. Я им мешаю. Книга – это Слово. Мне надо, чтобы ученики мои продолжили Слово, сказанное тысячелетия назад и приспособили его к сегодняшнему римскому владычеству, так, чтобы оно взорвало Рим изнутри, я уже тебе сказал.

– И ты в самом деле не ожидаешь помощи от того, кто в небесах?

– В небесах – сейчас звезды, а завтра будет солнце, а через сколько-то дней настанет новолуние, вот что в небесах. А больше я не знаю, что может быть за тем, что мы в небесах видим. Так что теперь ты иди к остальным и скажи им, что я спрашивал тебя о состоянии казны, поскольку скоро нам предстоит опять идти в путь, и ждите меня, теперь я уж точно недолго.

– Но что я должен делать. Как я должен поступить – что, просто позвать стражу сюда?

– Да, просто позвать стражу и, когда стражники начнут, подняв факелы, вглядываться в лица учеников моих, ты должен указать на меня.

– Но что будет со мною? Ведь они плюнут мне в лицо и назовут предателем, и это клеймо будет на мне и на детях моих из рода в род.

– Да, тебя заклеймят предателем. Но в веках твое имя всегда будет рядом с моим. Я знаю, ты сильный человек, поэтому только тебе могу предложить такое же страшное испытание, какое решил взять на себя. Мое испытание будет болью, твое испытание будет позором. Не знаю, что страшнее.

Подумай хорошо. Готов ли ты мне помочь взорвать Рим и навсегда избавить полмира от римского ига. Если да – то сделай, как я сказал. И еще раз подумай, потому что ты верно предвидишь. Позор предателя ляжет на тебя и на потомков твоих на веки веков.

И ляжет также незаслуженно, как обо мне будут говорить, что вот, де, Сын Божий принес себя в жертву во искупление грехов человечества. Потому что и ты не предатель – а я тебя прошу о помощи, и я не Сын Божий – я смертный человек, и боюсь смерти также, как любой другой. Но я приму ее, поскольку другого выхода нет. Оружием мы римлян не прогоним. А я хочу, чтоб эта страна была не только обильной, но и свободной.

Ты подумал, ты хорошо подумал, ты готов взять на себя позорное клеймо предателя, которое передашь в наследство

потомкам?

– Равви, я готов разделить с тобою твой великий подвиг спасения Иудеи, а, может, и всего мира от римского ига, от ига их идолов, их разврата, их мздоимства и всего того, что так чуждо нам, твоим ученикам, и что должно стать чуждо всему здешнему народу, который уже заражен их пороками, как проказой.

– Тогда иди и ждите меня.

– Но я трепещу, Равви, ибо, открывая себя стражникам, не лишаешь ли себя жизни самовольно, что есть великий грех?

– Брат мой, Иуда, это я трепещу от сознания своей вины перед тобой. В руки твои отдаю свою жизнь и на тебя возлагаю бремя моей гибели, а ты покорно принимаешь угрозу проклятья, что будет дозвель над тобой и твоими потомками. И ты, и я, поступаем так во имя торжества Учения, которое сблизит людей и сломит границы царств, и переступит через них.

И поклонился Иисус перед Иудой поясным поклоном, а тот упал к ногам Учителя и облобызал их. Поднявшись, сказал:

– Равви, дай я обниму тебя. Если ты просто человек, то ты самый великий человек, какого рождала эта земля.

– Не обнимай меня сейчас, мы с тобой простимся, когда за мной придет стража.

Иуда ушел, потрясенный и согбенный тем бременем, которое возложил на него Учитель наш Иисус.

Ученики уже заждались.

– Ты где так долго пропадал? – спросили у Иуды.

– Отчитывался о казне.

– А Равви скоро придет?

– Сказал, скоро.

Иисус же сидел все на том же камне и вспоминал последние доводы Иуды: «Не убивай себя, Равви, ты еще молод, вспомни, как любит тебя Магдалина, ты спас ее от позора, ты мог бы жениться на ней, у тебя были бы дети, которые бы славили тебя из поколения в поколение». И, вспоминая

эти его слова, Иисус явственно почувствовал запах печеных лепешек, которые его жена готовила бы по утрам для него и их детей...

Но это было лишь мгновение. И он сказал сам себе:

– Я сказал, что взорву Рим, и я это сделаю, я оставлю в памяти учеников весь ужас моей гибели, и они понесут его дальше по миру. Только имел ли я право скинуть на Иудины плечи то, что скинул? Я запомнюсь в венце страдания, он же – в богопротивном образе предателя.

Хотя, в каком-то богопротивном? Я – Бога не видел ни разу. Я даже его не слышал. Я слышал свой внутренний голос, который меня посылал вершить то или иное, и мне все удавалось, не знаю почему. Может быть, потому что я знал, что ученики должны запомнить, что я могу делать то, что недоступно им. И тогда они поверят моему Учению и понесут его дальше.

Хотя, собственно, что такое – мое Учение. Мудрее десяти заповедей пророка Моисея никто еще ничего не придумал и не придумает никогда. А все, что сверх того, – от фарисеев и книжников, не во славу Слова, а во славу им самим.

Но как я боюсь, о небо, как страшно мне, как хотел бы я увидеть рассвет свободным в этом благоуханном саду!...

Когда он пришел к ученикам, они уже с нетерпением ожидали его и пододвинулись на лавках так, что он сел посередине их, и заметил, что Иуда стоит в сторонке. На самом конце скамьи сидела Магдалина.

Он сказал Иуде: «Сядь и ты!».

Ученики умолкли. И вдруг Петр решился и спросил:

– Почему эта женщина сидит здесь, наряду с нами? Неужели ты любишь ее так, как нас, и если да, то за что?

– За ее страдания. А почему я не люблю вас так, как эту женщину, я не знаю, и никто бы не ответил на такой вопрос... А вот скажи, Петр, любишь ли ты меня?

– Господи, я люблю тебя так, что следую каждому твоему слову!

– И еще раз скажи мне, Петр, любишь ли ты меня?

– Равви, я люблю тебя так, что отдаю за тебя жизнь!

– И все же запомни: петел не прокричит и трех раз на рассвете, как ты отречешься от меня.

– Да я лучше лишу себя жизни!

– Ты не смеешь и думать так. Я сказал: ты отречешься от меня. Так предопределено.

Все сидели в смятении. Только Иуда, вздрогнув, вдруг догадался: если Иисус обречет себя на распятие, но не останется никого, кто бы понес его Учение далее в мир, то зачем ему подвергать себя такой страшной казни. Как он все продумал! Ему нужно, чтобы ученики отреклись от него, чтобы их отпустили, и они были спасены.

Тем временем Иисус, обмакнув опресноки в вино, раздал каждому по куску и сказал: «се есть тело мое и се есть кровь моя. Ешьте и пейте, ибо все мы смертны и кто знает, когда мы вновь будем справлять Пасху все вместе».

– Но ты - Сын Божий! – вскричали ученики. - Ты не можешь быть смертен!

– Я настолько же смертен, как и вы, ибо тело у нас у всех одинаковое, и я также бессмертен, как вы, поскольку Дух не имеет начала и не имеет конца.

И подозвал к себе Иуду. И сказал: «Вкуси тела моего и испей крови моей. И что имеешь сделать, сделай быстро».

И тот повернулся и ушел.

А ученики продолжали дальше отмечать Пасху. Издалека послышался шум, приближались тяжелые шаги, слышно было бряцание оружия, и все испугались.

Иисус же сказал им: «Не бойтесь, не вас ищут эти люди».

И когда стража приблизилась, Иуда подошел к Иисусу и сказал:

– Вот он! – и спросил:

– Равви, теперь мне можно обнять тебя?

– Да, обними и поцелуй меня, и я поцелую тебя, потому что сегодня мы вступили с тобой в вечный союз и ты взял на себя ношу не менее тяжкую, чем я на себя.

– Прости меня, Равви, за то, что исполнил волю твою.

– И ты прости меня за то, что я, Сын Человеческий, возложил на тебя непосильное бремя. Лучше бы тебе не родиться

на свет, чем взвалить его на себя.

И стража спросила у учеников:

– Это на самом деле Иисус Назарянин, а вы его приспешники? Не галдите все разом. Вот ты скажи за всех! – и схватили Петра за плечи и начали трясти его.

На миг все и всё умолкло вокруг. Близился рассвет и слышался крик петуха.

– Мы не знаем этого человека. Я его никогда прежде не видел. Он – странник и мы позвали его справить Пасху, ибо негоже никому пребывать в одиночестве и печали в этот вечер.

И вновь вскричал петух.

– Ну, ты, бородастый, не хитри, ты-то наверняка его видел раньше.

– Не подобает мне, с сединой в бороде, лгать в такую ночь. Я никогда не встречал этого человека.

Стражники приставили нож к его горлу.

– А теперь – вспомнил? Разве ты не ходил по городу вместе с той шайкой, что носила деревянные кресты на шее? И разве не был у вас вожаком Иисус Назарянин?

– Так это когда было! Теперь у нас семьи, жены, дети, не до баловства, а Иисус – он одиночка, бродяжка, то здесь появится, то еще где. Ему нет дела до нас, а нам до него.

И третий раз вскричал петух, да так громко, что последние слова Петра уже были еле слышны.

– Ну, от вас толку не добьешься. Пусть судьи сами с вами разбираются. Пошли! Где ты, наводчик? Тебе от Синедриона причитаются. Хоть один честный нашелся. Хотя я бы такого честного на первой же осине вздернул. Все вы, Иудеи, предатели. Ни один римлянин не выдал бы своего друга, тем более учителя!

Но Иуда исчез, словно истаял в предрассветной сини. Казну же оставил в ларе на скамье, на которой сидел.

И тут, откуда ни возьмись, Иисусова любимица-голубка. Невзрачная, темно-сизая, видно, отринутая стаей. Как-то Иисус нашел ее на дороге со сломанным крылом и выходил. С тех пор голубка привязалась к нему, сидела у него на плече,

и когда они всей гурьбой входили в Иерусалим, а люди растилали пальмовые ветви перед белым осликом, что вез Иисуса, многие восклицали:

– Вот голубь на плече Учителя, это, наверное, Дух Божий, его верный страж.

Сейчас голубка полетела за стражниками и уселась, было, на плечо Иисусу, но стражники ее прогнали и она летела следом за своим спасителем.

Ученики же Иисуса очнулись как бы от оторопи:

– Мы правильно поступили! Мы, может быть, даже спасли его. Ведь мы его не признали. Не догадались – надо было страже дать мзду, хотя римские солдаты мзды не берут, но кто знает...

– А Иуда! Ему Учитель доверял больше всех, а он предал его. И, наверное, за деньги. Ведь объявляли: 30 серебряников тому, кто укажет, где Иисус. Да будет проклят до семьдесят седьмого поколения за предательство. И как это он казну не украл...

А стражники вели Учителя в город, где около дворца наместника уже толпился народ, и темно-сизая голубка все летела следом за ними...

Петр стоял в недоумении. В словах Иисуса ему послышалось как бы предупреждение, он еще не понимал, чего хотел от него Учитель. Однако отрекся же от него. Правильно ли он понял Учителя? Было ли в его словах сомнение или повеление?

* * *

Стражи вели Иисуса через проснувшийся город к дворцу прокуратора Понтия Пилата.

Ранним утром тот имел обыкновение сидеть на террасе и обдумывать предстоящие на день дела. Еще вчера ночью его успели предупредить, что ему надлежит распутать очередной «иудейский узелок»: определить, кого из намеченных к казни распять сегодня. Он не любил эти иудейские разборки. Почти всегда в основе их были мелкие склоки, личные неприязни, и редко когда осужденных карали за настоящие

провинности.

Настоящими провинностями он считал только те, которые направлены против величия Рима и его власти в Иудее. Почему-то в прошлую ночь он долго не мог уснуть, ему чудился блистательный Рим и ему очень хотелось вернуться в этот несравненный город, но вместе с тем еще больше хотелось закончить срок своей службы в этой стране, которая, при всей ее неприглядности, уже стала ему привычной, и он только-только стал разбираться во всех хитросплетениях между ее жителями и служителями Храма, который, сверкающий белой с золотом громадой, высился на холме.

Пилат слыл человеком бывалым, и в боях испытанным, и искушенным в придворной жизни. Он всегда умел найти причину событий и предвидеть их следствия. Сейчас он смутно чувствовал, что в Иудее назревает великая буря. Фарисеи совсем распоясались. Они мнили себя выше Рима. Они роскошествовали. Храм роскошествовал. Народ же – нищий и уже не было в нем той безропотности, которая удивляла Пилата, когда он только появился в Иерусалиме. Сейчас народ доходил даже до того, что, потрясая кулаками, грозил Храму и грозил прокураторскому дворцу. Ему бы не хотелось, чтобы та буря, которую он предвидел, произошла при нем. Он хотел спокойно вернуться в Рим.

Теперь, сидя на террасе, он вдыхал упоительный аромат роз, который, казалось, обволакивал весь этот нелюбимый им город. Нелюбимый, но привычный.

Солнце уже золотило верхушки деревьев, когда двое стражников ввели еще молодого человека, рыжеватого, в голубом вылинявшем хитоне.

– Вот тот, кого ты искал, – Иисус Назарянин, – объявил один из стражников.

Понтий Пилат вгляделся в этого человека. В этого опасного человека, непонятно как подымавшего смуту в Иерусалиме. Никто не помнил, чтобы он призывал Иудеев к непослушанию, или к каким-нибудь предосудительным действиям против Храма или против самого Пилата. Но находил же он какие-то вкрадчивые слова, которые смущали сердца

людей...

Правда, поговаривали, что он далеко не такой смиренный, как кажется, и что как-то он ворвался в преддверие Храма и разогнал бичом менял и торговавших там жертвенными голубями и прочими атрибутами для жертвоприношений, мелких торговцев, и кричал, что не подобает в господнем доме вести торги. Впрочем, возможно, это были слухи...

Теперь он вглядывался в него, молча, и заметил, что у незнакомца глаза цвета морской волны и взгляд загадочен. Вдруг откуда-то из сада прилетел голубь. Темно-сизый и невзрачный. Покружил над осужденным и опустился на его плечо.

Так начался разговор:

– Это твоя птица? – спросил Пилат.

– У меня, игемон, нет ничего своего, также как нет у тебя.

– Ты хочешь сказать, что этот дворец не мой?

– Ни у кого нет ничего своего. Все мы временные держатели домов, дворцов, садов, и всякой живности. Мы уходим, а после нас приходят другие держатели того, что мы оставляем. И так – из рода в род.

«О, да он не так прост!» – подумал Пилат.

– Так все же сегодня ты и есть временный держатель этой неказистой птицы?

– У нее было сломано крыло, и я голубицу выхаживал. Я вложил в нее часть своей души, потому что пожалел. И теперь она ко мне привязалась.

– А ты умеешь лечить животных?

– Я рос среди живности и мне нравилось наблюдать за жизнью животных и птиц, и я многое заметил и многое запомнил – потому и могу помочь им, когда с ними что-нибудь случается.

– Так, наверное, ты можешь лечить и людей?

– Думаю, - нет. Но мне удастся угадать причину их беспокойства и иногда успокоить их. А спокойный человек выздоравливает скорее, чем человек в смятении.

– Так, может, ты чародей? Может, умеешь предсказывать будущее?

– Нет, этого я не умею. Просто мне удается нередко предвидеть возможное развитие происходящего.

– Ну, и как ты расцениваешь свое будущее?

– Это совсем нетрудно. Я думаю, ты осудишь меня на жестокую казнь, потому что я мешаю тебе.

– Как *ты* можешь мешать *мне*? Твои бредни насчет того, что ты царь иудейский – слова полоумного. Кто к ним прислушается?

– Но ты же прислушался. Иначе зачем бы велел доставить меня к себе?

– Кто твои родители?

– У меня нет родителей.

– У всех есть родители, не вводи меня в заблуждение. Твою мать зовут Мария. А твой отец – плотник Иосиф, вдовец, у него два сына от первой жены. И поговаривают, что он из колена Давидова. Потому тебе и пришлось в голову называть себя царем иудейским.

– Ты это сказал, но не я.

– А каким тебе рисуется будущее Иудеи?

– Иудею ожидает великая скорбь, кровь, и слезы. Я даже думаю, что этот храм недолго будет выситься на своем холме.

– А почему ты так думаешь? Считаешь, что Рим истребит Иудеев?

– Ну, этого я не знаю, просто я думаю, что Риму и Иудее тесно рядом.

– А каково, по твоему, будущее Рима?

Иисус на мгновение задумался. Дать ли понять Пилату то сокровенное, что он предвидел, и решил – намекнет...

– Рим ожидает блистательная победа и черед императоров, каких Рим достоин, после чего он начнет дряхлеть.

– Как это дряхлеть? Рим всегда будет жемчужиной мира.

– Нет, игемон, ничего не бывает всегда. Как люди поднимаются на ноги, сойдя с колыбели, потом мужают, достигают зрелой мудрости и начинают спускаться с холма жизни, пока не сойдут в прах, так народы, и города, и страны живут своей жизнью и с ними происходит все то, что происходит с человеком. Всему свое время: разбрасывать камни и

собирать камни, насаждать сады и вырубать их.

– Ты говоришь мудро. Ты умеешь читать и писать?

– Умею. По-гречески, по-арамейски и немного по-римски.

– Ты хотел бы повидать прекрасный Рим? Я мог бы отправить тебя туда, чтобы там подробнее разобрались в твоей вине, – спросил Пилат, и про себя подумал, какой толковый управитель делами получился бы из этого странного человека, и не отправить ли его, в самом деле, в Рим, а там уж, при желании, «замотать» его дело – проще простого. Но Иисус ответил:

– Нет, игемон, ты не сделаешь этого, потому что так предопределено. А что до моего желания – единственное, чего я хочу, – чтобы все кончилось сегодня, потому что нельзя иначе.

Понтий Пилат ударил в гонг и на террасу взошли стражники, которым он велел удалиться, перед беседой с Иисусом, и приказал увести его.

Оставшись наедине с самим собой, решил, что этот узник либо чародей, либо полоумный. А, может быть, и мудрец?

Но – не его это дело.

И вообще, узник – Иудей и пусть с ним разбирается царь Ирод Антипа, их Иудейский тетрарх, правитель Галилеи, тем более Иисус – галилеянин и его подданный.

И усмехнулся: тоже мне судья! Женился на Иродиаде, жене своего брата Филиппа, а это все равно, что на родной сестре по местным обычаям, растлил их дочь Саломею и в угоду ей заточил еще одного полоумного, которого все называли Иоанн Креститель. А Саломея в него влюбилась и, поскольку тот – полоумный же! – прогнал ее, потребовала, чтобы тетрарх его казнил. И он так и сделал, и преподнес своей то ли дочке, то ли племяннице голову казненного на блюде. И она поцеловала отсеченную голову в уста, прямо на пиру, на виду представителей всех подвластных Ироду городов. Это ли не дикость. Вот пусть тетрарх и разбирается с этим «царем иудейским».

Он же, Пилат, никакой вины за ним не видит. Полоумного казнить нельзя – какой же он мудрец? Такая мысль – наваждение, и все в этой стране наваждение...

* * *

Иисуса препроводили к Ироду Антипе, который как раз прибыл в Иерусалим к празднику Пасхи, низкорослому тучному немолодому человеку с бабьим лицом и угольно-черной бородой, завитой продольными локонами на ассирийский манер. У него был негромкий голос и кошачьи повадки, он велел принести одежды из светлого льна и нарядить в них Иисуса, потом предложил ему присесть: «Мы же с тобой оба цари! Или меня обманули, что ты называешь себя царем Иудей?»

– Я никогда не называл себя так. Я – плотник, также как и человек, который воспитал меня.

– А что это за история, будто твой отец Иосиф из дома Давидова и что при последней смуте отца твоей матери казнили, а ее мать со всеми домочадцами скрылась и подкинула свою дочь Марию в Храм? И будто первосвященник Кайафа приказал овдовевшему плотнику Иосифу пригреть ее и назвать женой, поскольку римский солдат, то ли Пантера, то ли Пандира ее обесчестил и даже оставил на сносях – потому и мать отреклась от нее?

– Ничего этого я не знаю. И никогда о том не слышал.

– Как, ты не знаешь? Что Иосиф был в Храме и просил развести его с твоей матерью, потому что не хочет покрыть ее позор и что первосвященник сказал ему, что его долг перед Богом спасти обесчещенную девицу?

– Я сказал: ничего этого я не знаю.

– Ну как ты можешь ничего не знать о своих родителях?

– У меня нет родителей.

– Так не бывает, у каждого есть мать и отец.

– И я, и ты царь Антипа, дети небес, и наши родители – небеса. Оттуда в положенный час нас посылают на землю, туда же и возвращаемся.

– Как это возвращаемся, – что, прямо такими, какие есть, вот я, например, так и вернусь на небо в царской короне и в царском одеянии?

– Нет, это все истлеет и превратится в прах, также, как и твоя плоть и твои кости, но то, что заставляет тебя двигаться, говорить, идти войной на соседей, радоваться и горевать, – твой Дух! Вот он вернется в небеса.

– Ну, теперь я точно убедился, что ты полоумный! И слава Богу! Я велю отвести тебя вновь к Пилату и пусть он сам решает, как с тобой поступить. Его воля в Иудее сильнее моей.

* * *

Ирод Антипа не заставил себя долго ждать. Он явился к Понтию Пилату во всем своем величии с зубчатой короной на голове, в пурпуровой бархатной мантии, в сопровождении рабов и стражников.

Пилат принял его на террасе.

– Для чего ты привел с собой целую свиту? Ты боишься меня?

– Я никого не боюсь, – сказал Антипа. – Я – царь!

– Не много ли царей посещают меня в этот день? – усмехнулся Понтий Пилат.

Ирода Антипу он не терпел.

– И как ты решил, игемон, с этим «царем иудейским»? – осторожно спросил Ирод.

– Я жду твоего решения.

– Ты господин от Рима, игемон, ты и решаешь.

– Ты у себя дома, Ирод Антипа, тебе решать. Что до меня, я считаю, что человек этот ни в чем преступном не обличен.

– Лучше всего спросить у народа. Мы узника мало знаем, а среди народа он бродит уже несколько лет. Его тут все знают.

– Будь по-твоему.

– Не перекладывай всю вину на меня, могущественный Пилат. Поговорим как зрелые и опытные мужи. Жители Иерусалима возбуждены этим человеком, может вспыхнуть

смута. Тебе это надо? Мне – нет! Ты слышал суд Синедриона – все были едины. Кроме оригинала Иосифа Аримафейского – у него всегда особое мнение. При его богатстве он может себе это позволить. И я не думаю, что тебе полезно вступать в пререкания с первосвященником храма. А, насколько мне сообщили, Кайафа и первосвященник Анна очень и очень настроены избавиться от этого странного человека. Нам не нужно, чтобы ваши войска вновь начали облаву и водрузили опять череду крестов на дорогах. Нам нужен покой.

– Хорошо! Выйдем к народу.

Они спустились с террасы, прошли через сад и вышли на верхнюю ступень лестницы, что вела к городу. Около лестницы бушевала толпа.

– Приведите узника! – велел Пилат.

Стражники ввели Иисуса, обряженного в светлые льняные одежды, подаренные Иродом Антипой, но на голову кто-то надел ему вместо короны терновый венец, а на груди повесил табличку «царь иудейский».

И тут послышался рев толпы:

– Вот видите? Теперь римляне скажут, что мы выбрали собственного царя и тогда – горе нам. Всех вырежут до одного.

– Смотрите, смотрите на Ирода Антипу! Он еще злее Пилата. Недаром же его отец Ирод Первый велел казнить всех младенцев, что родились тридцать три года назад, потому что какой-то маг предрек ему, что нынче родится иудейский царь!

– Представляете, как он боится этого, полоумного?

– Нет, нам надо с Антипой быть в дружбе, он может навредить похуже Пилата! Его отец Ирод Первый тоже дружил с римлянами и в угоду им ущемлял Иудеев.

Пилат поднял руку и этого было достаточно, чтобы воцарилось полное молчание. Он велел стражникам привести еще двоих осужденных, известного всему Иерусалиму вора и еще более известного преступника и убийцу Варавву. И обратился к толпе.

– Считаете ли вы этих двоих виновными и достойными казни?

– Считаем! – ревела толпа.

– А этого человека? – указал Пилат на Иисуса.

– И этого тоже казнить!

Ирод Антипа как бы беспомощно развел руками: «Вот видите? Что тут скажешь» – и его бабье лицо расплылось в улыбке. И эта улыбка как хлыстом подстегнула Пилата.

– А я не считаю его виновным, этот человек скорбен разумом, а таковых казнить не положено!

– Но он же называл себя «царем Иудеи», значит, он против Рима? Ты что, прокуратор, тоже против твоего императора? – орала толпа.

Это уже было слишком. Надо было прибегнуть к маневру, и он прибегнул.

– Слушайте же меня, жители Иерусалима, сегодня Пасха. По закону в честь этого вашего великого праздника мы можем помиловать одного из виновных. Кого скажете – того отпустим.

– Варавву! Варавву! Отпусти Варавву! – бушевала толпа.

Пилат поежился. Вот так и начинаются смуты. Ведь он сказал свое слово. И оно для них ничего не значило. Может быть, и в самом деле этот странный человек вызвал в Иерусалиме такое брожение умов, что не сегодня-завтра может начаться восстание. Большой костер начинается с малой искры.

– Будь по-вашему! – сказал он и под одобрительный гул толпы прошествовал в сад, а за ним семенила свита, и когда они поднялись на террасу, Антипа даже позволил себе протянуть ему обе руки и изобразил попытку объятия. Пилат вежливо и решительно отстранил его и, не отпуская, велел принести воды в чаше. Ему принесли воду, он погрузил в нее руки и ему показалось, что вода окрасилась кровью.

– Я умываю руки, Антипа, ты видишь? В этом деле я умываю руки. Да будет все на тебе! – и, не простившись, удалился в свои покои, и еще долго вытирал руки о льняную повязку, пытаясь избавиться от малейших следов

соприкосновения с ревушей толпой и с гадливым заплывшим жиром Иродом Антипой.

* * *

Поистине, то был тяжелый день. Влажная духота накрыла город. Пилат метался по своему обширному дворцу в поисках хоть сколько-нибудь прохладного уголка. Сел в кресло около рабочего стола. На столе лежала табличка от первосвященника Кайафы: «Наводчику Иуде Искариоту выдано тридцать серебряников за известную тебе услугу».

Пилат вздрогнул. Неужели же эта прилипчивая история так и будет тянуться за ним всю жизнь... что до денег, он уже знал – ему успели сообщить – Иуда подошел к дворцу Синедриона и перебрал полученные деньги через забор. И исчез. Куда? Никто не знал. Если бы Пилат мог, он бы собственноручно покончил бы с Иудой. Не будь его, и он, Пилат, не чувствовал бы преследовавший его запах крови...

Сзади к нему подошла жена:

– Ты все-таки отдал им на растерзание этого человека?

– Я не мог иначе. Я собственными глазами видел, как назревает восстание. Настоящее восстание, не просто смута, каких на моем веку здесь было немало. А восстание – это война. Я не хочу войны. Ни для Рима, ни для Иудеи. Рим сметет Иудею вместе с ее бело-золотым Храмом и всеми Кайафами и Иродами, но будет ли это победой для Рима? Представь, что хотя бы половина этой толпы, убегая от гибели, ринется в Рим. И принесет с собой свое непостижимое для нас видение мира, войны, всего сущего. В наш честный, спокойный, белокаменный Рим они принесут темное, загадочное, смутное, с чем даже не поборешься. Они – вязкая стена. Ударишь кулаком – и не пробьешь, а рука застрянет – не вытащишь.

– И все-таки я так просила тебя! Мне всю ночь снились зловещие сны. Его повесят сегодня?

– Да, сейчас его поведут на Голгофу.

– Иосиф Аримафейский уже навещался ко мне и просил повлиять на тебя, чтобы ты после казни отдал ему тело

Иисуса. Ты это сделаешь?

– Пусть обратится ко мне. Я это сделаю.

– Не сердись на меня, супруг мой, но я здесь принесла пелены из белого льна, так что, если Иосиф Аримафейский придет к тебе, передай ему их от меня, чтобы он пристойно обернул тело казненного перед погребением.

– Нет, этого я не сделаю. Это женское дело – сама ему передашь.

Жена ушла и Пилат велел негритенку, который пребывал при нем постоянно, позвать стражу.

Вошел стражник и Пилат сказал ему:

– Найди и приведи ко мне такого человека, кто бы писал по-гречески, по-арамейски и по-римски. А теперь уходи!

Страж вышел и Пилат прикидывал, что задуманное, может быть, и не сойдет ему с рук, но он все равно сделает, как задумал. И еще вспомнил, что этот странный человек как раз и был таким, какой ему нужен сейчас: чтобы умел писать на всех трех языках, имевших хождение в Иудее. Но это было уже невыполнимо...

Тем не менее, такой человек нашелся, и Пилат усадил его за свой рабочий стол, и велел принести деревянную таблицу, и продиктовал писцу, что следует на таблице изобразить. Это его немного успокоило, но он все равно метался по дворцу и запах крови преследовал его...

* * *

Казалось, что весь Иерусалим устремился к Голгофе, к «лобному месту», где происходили казни. И были в толпе беднейшие жители Иерусалима, и были посланцы первосвященников Кайафы и Анны, и были люди из свиты и рода Антипы, и множество фарисеев и книжников, которые, наконец, дождались своего часа.

Во главе шествия ступал Иисус в терновом венце, из-за которого по лицу у него струились тонкие ручейки крови. Он оглядывался, еще не вполне понимая, что это – конец. Тот конец, который он, не только предвидел, но даже сам вдумчиво и заботливо подготовил.

Среди толпы вдруг увидел знакомое лицо и понял, что это кто-то из той юношеской ватаги, что смущала Иерусалим своими деревянными крестами на шее. Не потому он понял это, что человек походил на юношу.

Это был здоровенный, бородатый, черноволосый муж, но на шее у него болтался *тот* крест. И он встретился взглядом с Иисусом, и приподнял этот крест, и указал на него пальцем, чтобы Иисус понял: он не отрекся от былых юношеских воззрений. Иисус понял, и это согрело его сердце. Свой деревянный крест, что он всю жизнь носил на шее, ему пришлось снять – его заставили. Но он нес на себе тот, на котором его распнут.

Толпа бесновалась. Одни кричали:

– Ты говорил, что можешь разрушить наш Храм и за три дня построить новый такой же, когда этот Храм, наша гордость, строился тридцать шесть лет, - так теперь спаси себя самого.

– Ты учил нас как толковать Святое Писание и заветы Моисеевы, так посоветуй самому себе, как избежать казни.

– И все же он много хорошего сделал для нас. И даже прокуратор три раза предлагал освободить его, потому что вины на нем нет.

– Не гоже мы все это затеяли. Да не падет на нас кара Господня.

Слышались среди рева толпы, слышались, - хоть и редко, – также и такие суждения...

Толпа изменчива. Сегодня она жаждет крови и готова разорвать в клочья попавшуюся жертву. Но стоит хоть одному голосу раздаться в защиту обреченного, а, главное, разжалобить толпу, как она тотчас же начнет истязаемого жалеть и привечать и приписывать ему все самое лучшее, что только сумеет вспомнить. Но сейчас это уже не могло ничего изменить.

Иисусу было все тяжелее нести свой крест. Он был избит и измучен последними часами судилища и часто спотыкался и падал. И кто-то из стражи пожалел его и подзвал юнца из толпы:

– Возьми и понеси этот крест до самой Голгофы.
И юнец понес.

Минул полдень и наступило самое жаркое время дня. Иисуса распяли между двумя отпетыми разбойниками, которые, когда их прибывали к кресту, плевали в лицо солдатам и всячески богохульствовали и обвиняли Иисуса, в том, что его Бог – жестокий Бог, раз позволяет так мучить людей. Они винили его, что он разозлил Иудеев и разъярил прокуратора, и потому, де, приблизил не только свою, но и их казнь.

Кресты с разбойниками водрузили в землю, а к кресту, на котором был распят Иисус, еще лежащему на земле, из среды стражников, подошел центурион, которого раньше никто не замечал, и прибил на навершие некую таблицу, а уже потом крест всадили в землю.

В толпе раздался крик ликования. Все-таки тех, кто ненавидел этого слишком прозорливого человека, было куда больше, чем тех, кто был ему благодарен за добрые слова, услышанные от него, и за успокоение, которое он нес им в их бедах.

Удивительно, как много в столь жаркий день оказалось в толпе членов Синедриона, превыше всего ценивших покой и удобства, – удивительно, сколь много таких, оказалось у подножия креста.

Один из них силился прочесть, что написано на таблице, прибитой к навершию. И прочел: «Иисус из Назарета Царь Иудеи». И подозвал к себе стражника и велел подать коня. Неуклюже и непривычно, едва-едва вскарабкался в седло и поскакал к дворцу прокуратора.

На пороге столкнулся с другим членом Синедриона, богачом Иосифом Аримафейским, о котором поговаривали, что он тоже тайный ученик Иисуса.

– Что ты делаешь здесь, Иосиф из Аримафеи? – спросил, весь в мыле и поту, прискакавший вестник с Голгофы.

– А ты, – разве тебе пристало скакать на коне – ты же один из череды первосвященников. Кто бы сказал – я бы не поверил! – насмешливо отозвался Иосиф.

– Я тоже по делам. Причем срочным. И хоть ты был здесь раньше меня, я все равно пройду к прокуратору первым. Эй, стража, доложи прокуратору – вести с Голгофы.

На террасу вышла жена Пилата. Она была бледна и заплакана.

– Сообщи Понтию Пилату, прокуратору императора Тиберия, что я, член Синедриона Иерусалимского Храма, принес ему вести с Голгофы. Он – поймет.

– Я не стану беспокоить его, – ответила женщина, – он только что уснул. А тебя, Иосиф, прошу пройти со мной в мои покои.

И к ярости неудачливого всадника, оба они удалились куда-то вглубь дворца.

Тем временем Пилат, как бы почуввав недоброе, уже проснулся и вышел на террасу:

– Что имеешь сказать мне, Иудей? – спросил высокомерно, так что член Синедриона даже поежился. Пилат редко выказывал так явственно свое презрение к жителям этой страны.

– Я имею сказать тебе, что на навершии креста, где распят лжепророк, которому ты покровительствовал, – нарочито подчеркнул вестник, – прибита таблица.

– Ну и что?

– А то, что на таблице чья-та преступная рука начертала «Иисус из Назарета Царь Иудейский». Таковую руку надлежит отсечь. Для черни ничто не служит наукой, даже такая страшная казнь, как распятие.

– У тебя есть меч? – насмешливо спросил Понтий Пилат, – хотя что же я спрашиваю, ведь у вас, у книжников и фарисеев, совсем другое оружие: злословие и лицемерие.

– А зачем тебе меч? – уже встревоженно спросил вестник.

– Чтобы ты мог отсечь мне правую руку. Это я написал, то, что ты прочел на таблице.

– И ты не побоялся? Значит, ты согласен с этим лжепророком? Значит, ты считаешь, что он на самом деле царь Иудеи? Вели снять таблицу, пока не поздно.

– Я написал, что написал. Каждому – по весу его. Более мне нечего сказать тебе. Уходи!

Не успел вестник с Голгофы, сконфуженно и дрожа от ярости, удалиться, как к Пилату, откуда-то из внутренних покоев, вышел Иосиф Аримафейский, держа в руках узелок. В проеме двери чуть мелькнуло лицо жены римского прокуратора.

– Будь здоров и радуйся, великодушный Понтий Пилат! – обратился к нему Иосиф. – Твоя жена сказала, что я могу обратиться к тебе с уже известной тебе просьбой.

– Можешь! – рявкнул Пилат, еще не остывший после последнего разговора с ненавистным представителем Синедриона.

– Я хочу просить тебя отдать мне тело казненного Иисуса, сразу же после его кончины, так, чтобы я мог похоронить его по божескому обычаю в моем личном саду, в гробнице, которую я там воздвиг для своей семьи.

Понтий Пилат молча подошел к рабочему столу и на покрытой воском дощечке начертал несколько слов и подал Иосифу Аримафейскому.

– Предъявишь страже и унесешь тело. Ступай с миром!

* * *

Иисус висел на кресте уже несколько часов и силы покидали его. Мухи облепляли лицо и раны на руках и ногах, там, где вбиты были гвозди. Он был еще жив, и не только жив, но в полном сознании, и потому ощущал всю меру боли, которую решительно взял на себя, чтобы взорвать Рим одним только своим Словом, без войны и меча.

Живы были и разбойники, распятые по обе его стороны. Они вяло переругивались, осыпали бранью стоящих внизу стражников и даже находили в себе силу дразнить Иисуса:

– Что же ты, и царь, и божий сын, ничем не можешь себе помочь? Ты же говорил, что разрушишь Иерусалимский Храм и за три дня построишь его вновь, а с креста сойти не можешь!

– Храм разрушу не я, но вскоре все увидят новый Храм Слова.

А тем временем в мире происходило нечто необъяснимое. Среди бела дня сумрак покрыл Голгофу и весь город Иерусалим, и так было с трех часов дня до девяти вечера. Громы и молнии сотрясали небеса, и вдруг на плече у Иисуса появилась его невзрачная голубка. И он прошептал: «Сила покидает меня, а ты все еще со мной, душа моя?».

Но голубка просидела недолго на его плече, вокруг крестов кружили вороны, и она улетела. И Христос прошептал: «Жажду».

Стражники услышали его слова и подали ему на шесте укус, разбавленный водой, что утоляет жажду. Но увидели, что только губка коснулась его уст, как он, опустив голову, сказал: «Свершилось», и испустил дух.

А между тем из Иерусалима прискакал всадник и среди грома и молний сообщил: в Храме во всю длину сама по себе разорвалась парчовая завеса, что закрывала Книгу. В испуганной толпе начался ропот:

– Вот и еще знамение. Мало было тьмы кромешной, так еще осквернен Храм! Воистину, Бог разгневался на нас, ибо мы потребовали казни Сына Божьего.

– Ну, мало ли какие слухи ходят по городу...

– Может быть, сейчас, наконец, когда завеса упала, не только первосвященники, но и мы все, грешные, тоже узнаем Слово, что они замуровали в Книге, как в темнице...

– Не будет вам доступа в Храм, пока мы у его истоков! – воскликнул кто-то из фарисеев в толпе, – и тут же раздался такой раскат грома, что, казалось, мертвые изыйдут из гробниц.

– Это все вы, фарисеи, лицемеры и книжники, закрыли от нас и Храм, и Книгу, и Слово, что в ней. Все вы – на погибель Иерусалимскому Храму. Верно говорил этот праведный человек – разрушится ваш Храм и порастет сорняком место, на котором стоял!

Тем временем тьма рассеялась и все увидели, что еще совсем светло и лучи солнца золотят кресты с распятыми.

Стражники советовались и решали, следует или нет перебить голени Иисусу, как это делалось всегда. Но тут к ним подошел человек, отозвал в сторону, вручил кошелек, после чего они, дабы увериться, что Иисус на самом деле уже мертв, кольнули его копьем, и, увидев кровь и сукровицу, решили, что перебивать голени ему не будут...

И тут в толпе началось смятение. Несмотря на темноту, никто так и не разошелся. Толпа и сейчас стояла плотной стеной.

– Вы убили праведного человека, – слышались голоса.

– Мы убили пророка, – вторили другие. – Да не падет на нас кара небесная, – молили иные, падая на колени.

Стражники же совещались: была пятница, а в субботу хоронить мертвых нельзя. Значит, надо было тела казненных снять с креста и, поторапливаясь, нести к месту, где хоронили обычно распятых. И тут один из стражников показал кошелек, и с крестов сняли двух разбойников, Учителя же оставили и, вместе с постепенно расходящейся толпой, тоже удалились и направились в Иерусалим.

* * *

Вскоре у креста, на котором с поникшей головой все еще висел Иисус, подошел Иосиф Аримафейский со слугами. Они бережно сняли тело и, расстелив на земле льняные пелены, переданные женой Пилата, завернули в них снятого человека, и унесли.

И в эту ночь многие в Иерусалиме вовсе не спали, или спали так беспокойно, словно душа их собиралась покинуть тело.

На супружеском ложе Понтий Пилат взял руку жены в свою и с силою сжал ее: «Ты мой друг и спутница жизни!» – сказал он.

В хижине, где обитала Мария Магдалина, и куда пришла Мария мать Иисуса, плач и рыдания оглашали убогое жилище. Им предстояло дожидаться начала недели и лишь тогда навеститься в гробницу, что построил Иосиф Аримафейский, потому что в субботу не подобает приближаться к усопшим.

Ученики же Христа собрались все вместе и гадали, куда мог скрыться Иуда. И предвиденное Христом бремя, что он возложил на Иуду, уже давало о себе знать, поскольку проклятья сыпались из уст учеников и слово «предатель» так и вилось над ними...

* * *

Нелегко было Иосифу Аримафейскому найти человека, который походил бы на Учителя, чтобы при виде его обманулись даже хорошо знавшие, а особенно – любившие его.

Потому, после того, как он унес обернутое в пелены тело Распятого к искусному лекарю и тот осмотрев Иисуса, сказал, что попытается вернуть его к жизни, и что, слава Всевышнему, ему не перебили голени, так что он сможет стоять на ногах, после всего этого он послал слуг с пеленами в новую гробницу, которую воздвиг для своего семейства в собственном саду, и те разложили пелены на каменном ложе и чуть поодаль бросили на землю головную повязку, так, будто человек, сойдя с ложа смерти, очнулся, снял повязку, и ушел. После чего прикатили к входу большой камень, но не придвинули вплотную, потому что ночь еще предстояла длинная и многое должно было свершиться.

А произошло то, что Иосифу Аримафейскому пришла в голову как нельзя более простая мысль: он позвал к себе юношу из своей родни, одел в блестящие праздничные одежды, отвел в гробницу и велел сидеть на ложе смерти весь следующий день, а для того оставил ему вдоволь воды, опресноков и мяса свежезаколотого агнца, и еще велел, чтобы он дождался, когда кто-нибудь отвалит от входа камень и взойдет в гробницу. И тогда пусть скажет: «Тот, кого вы ищите, давно ушел, радуйтесь!».

Юнец был понятливый и, поклявшись, что все сохранит в тайне, выполнил в точности указы Иосифа.

На следующий день после субботы у входа в гробницу послышались рыдания – похоже, две женщины сокрушались, что не могут отвалить камень и проникнуть к погребенному усопшему. И тогда юноша сам отвалил камень и женщины

вошли в гробницу, а он радостно сообщил им:

– Что ищите мертвого среди живых? Иисус Назарянин, как предупреждал, так все и сделал. Встал с ложа смерти и велел сказать, что пойдет в Галилею, и там вы его увидите среди учеников.

Женщины возрадовались и устремились в путь. Вскоре встретили Петра, который тоже бежал к гробнице, чтобы увидеть своего Учителя.

– Не иди туда, Симон Петр, мы только что там были. Мы видели ангела в праздничных одеждах, который сказал, чтобы мы шли в Галилею, ибо там найдем Иисуса, воскресшего от смерти. Пойдем с нами.

И все они устремились в Галилею.

Тем временем лекарь вернул Иисуса к жизни и тщательно и любовно принялся залечивать его раны. Иосифу же сказал, что не пройдет и шести недель, как он сможет предстать перед своими учениками.

Но что было делать Иосифу? Ведь «ангел», что явился в гробнице Марии Магдалине и матери Иисуса Марии, велел им идти в Галилею и обещал, что они встретят Учителя. Казалось, выхода нет.

Но на то он и был тот самый Иосиф, что всегда ставил в тупик членов Синедриона своими вопросами и заключениями, и часто двумя-тремя словами срывал их долго и мудро принимаемые решения.

Теперь он подумал, что вряд ли только что воскресший из мертвых человек, сколь бы свят он ни был, останется точно таким же, каким он был до смерти. Значит, нужно найти – и опять-таки среди родичей, – такого, кому можно верить, взяв с него клятву, – ему нужно найти человека в возрасте Распятого и явить его ученикам.

И он нашел такого. Но уже не праздничные одежды были на нем, а лишь набедренная повязка и старый хитон самого Иосифа. Он проводил своего родича до полпути в Галилею и разъяснил ему, почему так важно выполнить его поручение и, главное, чтобы никто о том не узнал. Напрасны были бы страдания Иисуса, если бы он разочаровал учеников,

которые ждали его воскрешения, а, разочаровавшись, не преисполнились бы решимости нести его Учение дальше, по всей Иудее, до самого Рима и далеко за его пределы.

– И если тебя ученики не признают, пусть это не смутит тебя, если найдешь их за столом, не называй себя, а преломи с ними хлеб и испей вина. Они жаждут заблуждения и все равно увидят в тебе того, кого ожидают. Иди с миром!

* * *

Когда Симон Петр вместе с Марией матерью Христа и Марией Магдалиной добрались до Галилеи, как раз прошло три дня после распятия Учителя. Учеников они нашли за столом. Те возбужденно обсуждали, когда же явится им Иисус, – ведь он обещал!

– Радуйтесь, братья, радуйтесь! Наш Учитель воскрес и ушел из гробницы, и в точности исполнилось все, что он возвестил. На ложе смерти он оставил ангела, который нас встретил и велел искать его в Галилее. Вот мы и пришли.

Радость охватила учеников, теперь они с часа на час ожидали явления Иисуса.

И он явился им. И они вроде бы сразу узнали его по росту, по рыжеватой бороде и длинным волосам, и он приблизился к ним, но они все-таки оставались в сомнениях, ибо не совсем узнали в нем Учителя своего.

Он же приблизился к столу, и они раздвинулись на скамье и дали ему место, и он преломил хлеб, и раздал каждому по небольшому куску, и сказал:

– Разве не так мы расстались в вечер Пасхи и разве вы не узнаете меня?

И тут ученики возрадовались и пали на колени перед ним. Он же поднялся из-за стола и сказал:

– Вот и исполнились мои слова. Теперь вы поняли, почему я говорил о Храме, что могу разрушить его и построить вновь за три дня?

Нерушимый Храм в душе человека, а я, Сын Человеческий, и вот я восстал из мертвых и принес с собою в мир новый нерушимый Храм, в котором главное будет Слово, а

не тучные жертвы, и не хлебы предложения, и не парчовая завеса, закрывающая Книгу от алчущих знаний, – главным станет Учение мое, которое вы понесете в мир.

Ибо для этого я принял на себя муки распятия, чтобы воскреснуть, и чтобы вы поверили мне и помогли мне взорвать Рим изнутри со всей его мерзостью идолов, мздоимства и разврата, ибо я сказал вам, что принес с собою не мир, но меч! Возьмите мой меч и, вооружившись им, идите в мир.

Ученики же возрыдали:

– Равви, неужели ты навсегда покидаешь нас? Неужели никогда более не увидим тебя? Как будем черпать силу и нести твоё учение, если ты не покажешься нам более?

– Вы увидите меня ещё, и не раз, тогда, когда сами окажетесь в нужде, или когда душа ваша поколеблется...

И, повернувшись, стал удаляться от них, а они так и остались на коленях и вскоре потеряли его из виду, а Мария и Мария Магдалина в слезах пошли следом за ним.

* * *

Иосиф Аримафейский торжествовал. Он, который, будучи членом Синедриона, так тщательно скрывал, что является тайным учеником Иисуса, теперь мог доказать свою преданность ему въяве. Но то, что сошло два раза, удасться ли в третий? А ведь до выздоровления Распятого ещё оставалось не менее десяти дней.

И он вновь велел призвать к себе того молодого мужа из своих родичей, который уже раз встречался с учениками Иисуса, и, тайно наведя справки, услышал, что ученики собираются на рыбную ловлю. Узнав точно день и час, когда они соберутся на берегу Тивериадского моря, чтобы закинуть сети, он снова послал родича своего с тайным поручением к ним.

Между тем ученики Распятого не пребывали в едином мнении по явлению его. Фома, называемый ещё «близнец», более всех испытывал смятение:

– Я не почувствовал в пришедшем Учителя. Сердцем своим не почувствовал. К тому же, если бы это был он, его

голубка, конечно, нашла бы его, и он явился бы нам с нею, сидящей на его плече.

– Ну что ты такое говоришь, многознающий Фома! Кто Много знает, тот Мало верит. И причем здесь голубка? Мало ли что могло с ней приключиться за это время!

– Голубка очень причём, – насупившись, сказал Фома. – Учитель сказал ведь, что вылечил её, и как бы вдохнул в птицу часть своей души и своего Духа, и потому она прилепилась к нему и повсюду следовала за ним.

– Ты вверг нас в смущение и да будет это на твоей совести! – вскричали ученики.

– Не будемте допускать распри меж нами, – унимал их Симон Петр. – Он ведь сказал нам, что явится ещё не раз. Наберемся же терпения и подождём Его.

На том и успокоились и сговорились пойти ловить рыбу, поскольку запасы их истощились, а показываться в Иерусалиме они боялись.

* * *

И настал день, когда они собрались к Тивериадскому морю, и волокли за собою лодку и сети. Близился закат солнца, а в это время рыба хорошо ловилась. Они заранее предвкушали, как с богатым уловом выйдут на берег, разведут костер и сядут за трапезу, поминая те радостные дни, когда все вместе с чистым сердцем, не омраченным никакими сомнениями, сопутствовали Учителю.

Но рыба как будто исчезла. Несколько раз закидывали они сети, и всего-навсего попались им две малые рыбы. Они взглянули на берег и уже думали, не возвращаться ли? Но тут увидели Учителя, а, вернее, того самого человека, что преломил с ними хлеб совсем недавно, и в котором усомнился Фома.

– Радуйся, Равви! – крикнули они ему. А он ответил:

– Богат ли улов?

– День неудачный, мы поймали всего две рыбы, а есть нам более нечего.

– Вернитесь в лодку, и плывите не к тому месту, где удилы, а во-о-о-н туда, – показал он пальцем намного дальше. –

Там вас ждет богатый улов.

– А как же ты, Равви? Ты не покинешь нас?

– Нет, я тоже направлюсь туда и буду ждать вас на берегу.

Они повиновались, и закинули сети, но с трудом смогли вытащить их в лодку – рыба в них так и кишела.

«Чудо! Чудо!» – вскрикивали они, радуясь улову.

Когда же подплыли к берегу, увидели, что Распятый уже развел костер и приготовил котел отваренной рыбы и много хлеба и сильно удивились, откуда все это взялось.

Знали бы они, что сметливый родич Иосифа Аримафейского был заядлый рыбак и хорошо знал места, где ловится рыба, и время дня, когда ее всего лучше ловить. К тому же он был запаслив и, по совету своего дяди Иосифа, запас и хлеб и рыбу, которую, пока ученики изумлялись улову, успел запечь, а также приготовить похлебку, так что рыбаки, с трудом вытащившие полные сети на берег, с удивлением увидели, что трапеза готова, а из чего ее приготовил Учитель, вопросом не задавались.

«Чудо, очередное чудо!» – шептались рыболовы.

И все уселись вокруг костра, и преломляли хлеб, и ели печеную рыбу, но сомнение Фомы все еще червячком сидело в душе каждого. И они вглядывались в лицо нежданного гостя, а сумерки все сгущались, и черты были все менее различимы, так что они так и пребывали в смятении.

Наконец, родич Иосифа поднялся и сказал, что ему пора уходить и обещал, что вскоре они вновь увидят его. И пусть помнят, что отныне они – не просто ловцы рыбы, но ловцы людских душ, которые должны привести к единственному истинному Учению.

– И все же голубки с ним не было, – вздохнул Фома. К тому же сердце мое не дрогнуло при виде его. Не знаю, что и сказать...

Ученики только замахали руками:

– Не смущай нас, Фома-близнец. Много ведение – многие печали – еще в Старом Завете сказано, не нами придумано. А что говорил Учитель? Будьте просты, как дети...

– Но мудры, как змии! – добавил Фома.

Они еще долго сидели у костра и обсуждали случившееся, и увиденное ими въяве новое чудо Равви, и не хотели сомневаться, в том, что он воистину воскрес.

* * *

Так незаметно прошло сорок дней после распятия Христа. И лекарь объявил Иосифу Аримафейскому, что Иисус выздоровел, во всяком случае настолько, чтобы появляться на улицах города.

На улицах Иерусалима Иисусу, конечно, показываться никак нельзя было, но показаться ученикам было самое время.

И он пришел к хижине Марии Магдалины, и ожидал, пока она появится во дворе. Ожидая ее, почувствовал легонькое пощипывание на плече, то были коготки его голубки. Она все-таки нашла его. И тут появилась Магдалина. Он уже успел отвыкнуть от нее и потому как бы увидел вновь, и она показалась ему прекрасной. Она же тотчас кинулась к Иисусу, упала к его ногам и сказала:

– Реввуни, садись, я сейчас принесу воды и омою тебе ноги.

И принесла, и омыла ему ноги, и вытерла их своими золотистыми волосами. И Иисус почувствовал, что душа его спокойна – он выполнил все, что для себя определил, самая прекрасная из всех женщин, которую он когда-либо видел, сидела у его ног.

Теперь надо было показаться ученикам. Он ничего не знал о произошедших подменах, придуманных Иосифом Аримафейским, чтобы поддержать нерушимой веру учеников в него.

Он явился им вечером, когда они, сидя за столом, живо обсуждали все произошедшее за последний месяц. Он явился им и спросил:

– Что так живо обсуждаете? Или что-нибудь случилось в городе такое, что мертвые перевернулись в гробах?

– Добрый человек, мир тебе! Разве ты не из здешних мест и не знаешь о распятии сына человеческого, которого мы все называем Сыном Божьим?

– Почему же? Я знаю об этом все, что Сыну Человеческому надлежит знать. Приблизьтесь, разве вы не узнаете меня?

И тут Фома вскрикнул:

– Голубка! Она тут! Это Равви. Сердце мое вздрогнуло! Ученики зашумели.

– А ты сомневался, ты, многознающий! Нет, ты пойдешь, удостоверься, чтобы больше не смущать нас!

– Как я могу удостовериться? Я же говорю: мое сердце дрогнуло, и голубка у него на плече.

– А ты пойдешь, присмотришься к его ранам.

– Когда были те два явления, никаких ран я не видел, а сейчас вижу. Это его тело. Но я пойду и вложу персты в рану на ребре, куда укололи его римские солдаты, чтобы успокоить всех вас. И не потому что я хочу удостовериться. А потому что сердце мое вздрогнуло от дуновения его Духа. Что может сказать тело больше Духа?

И он приблизился к Христу и тот сказал ему:

– Фома, ты – неверующий, а будь – верующим. Дай твой перст, я сам вложу его в свою рану.

И Фома дал ему руку. И Христос приложил ее к ране в ребрах. Но Фома смотрел на голубку и сказал:

– Я вижу господнее создание, которому ты передал часть твоей души, когда пожалел его. Что может сказать мне твоя рана, когда я и так знаю, что это – Ты, Сын Человеческий, Посланец неба.

Христос улыбнулся:

– И все же ты поверил, только когда увидел. А настоящий верующий верит, когда и не видел никаких доказательств.

– Равви, я знаю, что это Ты, не потому что дотронулся до твоей раны, а потому что мое сердце дрогнуло. Если тело создано, чтобы вместить душу – это великое чудо. Но если душа есть то, что оживляет бездыханное тело – это чудо из чудес. Только я изумляюсь: как может тело, созданное из убогой глины и возвращающееся в прах, быть настолько достойным, чтобы стать вместилищем такого сокровища, как Дух Человеческий, который сам Бог вдохнул некогда в Адама.

И после того, все они еще долго сидели за столом, и радовались встрече, и все смятения покинули их, и они спрашивали Иисуса:

– Говорят, римлянин долго беседовал с тобой. Правда, что он допытывался, «что есть истина»?

– Правда.

– И что ты сказал ему?

– Я сказал, что думаю: у каждого, в каждый год, час и миг есть своя истина, и он вправе ее чтить. И нужен не один десяток лет, а, может, и не один век, чтобы из всех этих истин соткалась единая истина, что соединит, а не разъединит народы.

– И какова же она?

– О, братья мои, неужели вы думаете, что даже за тысячу лет кто-нибудь выскажет более мудрые заветы, нежели десять заповедей, завещанных Всевышним иудеям! Но там сказано: «не сотвори себя кумира». А для римлян кумир – их император. Иудеи же построили свой храм и поклоняются ему. И сей кумир – их истина этого мига.

Там сказано «не убий», но я объявил вам, что «принес не мир, но меч». И это была истина того мига. Единая же истина наступит, когда тигр и лань станут пить из одного источника без тревоги и ненависти.

А еще ученики негодовали:

– И все-таки проклят будь римлянин, что предал тебя мукам!

– Не судите строго, братья, – улыбнулся Учитель. – Он хотел спасти меня и даже подсказывал, что следует говорить, а о чем мне следует молчать. Но он – человек. Он ненавидит иудеев и боится их. А они – боятся его. И над всеми здесь – высокомерный храм, который не я разрушу, а падет он от рук римлян, ибо время храма прошло, и он пережил себя.

– Ты в доброте твоей готов простить и предателя Иуду, что погубил тебя! – вскрикнули ученики.

– Он такой же брат мне, как каждый из вас. И когда народы сольются в почитании Учения моего – поймут: я, сын

человеческий, и Пилат, сын человеческий, и Иуда, сын моего же народа, – едины останемся в людской памяти. И каждого помянут не по делам его, а по велению сердец наших. И тогда Пилат будет спутник мой, а Иуда – запомните! – окажется вознесен выше многих по заслугам сердца его.

– Скажи, Благословенный, увидим ли мы тебя еще? – забеспокоились ученики.

– Увидите, всякий раз, как вместо рыбы станете улавливать и приближать к себе Души Человеков, – я буду рядом. И если не увидите меня, то сердцем услышите слова, что я подскажу вам, и вы скажете их людям, и они поверят вам, и пойдут за вами. И так будет из рода в род, пока не падет Иерусалимский бело-золотой Храм и великая скорбь не смоем с этого города грех неверия, и пока римская скверна не будет изжита везде, куда успела проникнуть. Радуйтесь, братья мои, я буду с вами вечно!

Однако все искусство чудодейственного лекаря не смогло надолго сохранить брэнное тело Распятого среди живых, и настал день, когда Дух его вознесся ввысь, а тело Иосиф Аримафейский уложил на ложе смерти в своем саду, и на сей раз весьма надежно привалил камень к входу в усыпальницу.

Ученики же Иисуса, рассеявшись по градам и весям, несли его Учение и не раз, впадая в сомнение, или став жертвой врагов Истины, слышали его голос: «Помните, вы – ловцы Душ Человеков во имя Учения и потому все превозможете». А некоторые, подняв очи горе, видели в облаках его лик, сияющий, как солнце, в золотом венце...

* * *

После описанных здесь событий прошло менее полувека, а Иудея все более вскипала опасной пеной, пугавшей римлян. И Учение, которое многие сподвижники Иисуса, как он и предвидел, понесли далеко за пределы своей страны, а многие, ставшие в свою очередь уже их учениками, даже добрались до Рима. И Рим, хоть и не взорвался изнутри, как мечтал Учитель, но основы его все более колебались,

и тому способствовали все более незначительные императоры, занимавшие первое место в сенате и в стране – точно так, как и предрек учитель в беседе с Понтием Пилатом. Они были как раз такими, каких сейчас заслуживал Рим, уже ставший далеко не тем Римом, что был при Цезаре, или даже при Тиберии.

Немногие сподвижники Учителя дожили до свершения его предречения о гибели Иудеи и о разрушении Храма, которое потрясло весь Восточный Мир.

Так рушились измышленные народами кумиры.

В 70 году после рождения Иисуса из Назарета вспыхнуло такое восстание, которого и опасался в свое время Понтий Пилат, предвидя, что оно перерастет в большую войну.

И началась война. Рим всей мощью обрушился на Иудею и та выказывала чудеса храбрости и стойкости, которые удивляли римлян и были для них неожиданными, так что временами они даже жалели, что затеяли эту войну с загадочной и полной чар восточной страной.

Иерусалим подвергся долгой осаде и последним оплотом оставалась бело-золотая глыба Храма на холме.

Пока римляне Храм щадили.

Случилось то непредвиденное, что часто меняет лики истории, хотя бы ненадолго. Сын фельдмаршала Веспасиана, которого император Нерон поставил во главе войска и который стал сейчас фактическим наместником в Иудее, а именно доблестный Тит, горячо полюбил внучку Ирода Антипы царевну Беренику, в жилах которой причудливо смешалась иудейская и эллинская кровь, не получив от нее взаимности. И тщетно пытался угадать, чем бы мог склонить ее к себе.

Однажды, она как бы вскользь спросила:

– Если вы, римляне, захватите Иерусалим и всю Иудею, что сделаете с Храмом?

– Разрушим его, конечно, – недоуменно ответил Тит, удивляясь ее наивности – что же можно было еще сделать с этим самым могущественным символом иудейской власти на Востоке...

– А если я, доблестный Тит, попрошу тебя сохранить Храм, оценишь ли ты мою благосклонность к тебе?

Тит даже задрожал от волнения. Наконец, наконец-то она сказала, чем он может склонить ее к себе и, может, даже завоевать ее любовь.

– Я сохраню Храм, обещаю тебе, прекрасная Береника. Это будет как бы мой дар тебе. Но и ты, хотя бы иногда, одари меня такой улыбкой, какую озаряешь твоего брата, царя Агриппу.

– Никто никогда не займет места моего брата, мы росли с ним вместе, мы правим совместно своей страной, живя в Тибериаде, и во всем наши вкусы и понятия едины, тогда как с тобою, Тит, хоть ты и станешь, наверное, наследником престола, – я так предвижу, своим восточным чутьем! – у нас с тобой нет ни одной точки, на которой твои и мои глаза остановились бы одновременно. Но я никогда не забуду, если ты сохранишь Храм, и стану для тебя надежной подругой.

Так была решена судьба Храма. Но это только казалось. Римский воин Тит не мог простить себе своей слабости, и как бы ни любил Беренику, она была – чужая, также как Иерусалим, также как вся Иудея, и особенно этот загадочный бело-золотой Храм. Он хорошо знал надменную поговорку Иудеев: «Мир – глазное яблоко, Восток – радужная оболочка, Иерусалим – зрачок, а Храм – отражение Духа Всевышнего в нем».

И когда после долгой осады, которая должна была выгнать из Храма и сдать на милость римлян всех запершихся в нем первосвященников и книжников, а бело-золотая глыба все же безмолвно и неприступно высилась на холме, кто-то из солдат, юный римский наемник, явился к Титу и сказал, что нынче ночью он вступает на дозор около боковых ворот Храма, вместо заболевшего товарища, который слыл любимцем и доверенным лицом Тита.

– Ну что ж, ступай, такая твоя служба! Только смотри, чтобы ни одна щелочка во внутрь Храма не оставалась открытой для нападения наших войск. Я хочу, чтобы Храм уцелел, и горе тому, кто это мое желание не исполнит.

Желание Тита исполнено не было. Оказалось, что юный солдатик вдруг узрел как бы отблески пламени через решетку над боковыми воротами, где нес службу. Он вскричал:

– Сюда! Все сюда! В Храме пожар. А наш Тит велел Храм сберечь. Надо пожар потушить!

– Тогда придется сперва проникнуть в здание, как же без этого? – ухмыльнулся кто-то из старых и опытных вояк.

И тут вдруг все дозорные воины, окружавшие дорогой сердцу Тита символ власти и Духа Иудеи и залог сердца прекрасной Береники, разразились непристойным хором, который уже много дней постоянно звучал около осажденного города: «Хеп! Хеп! Хеп!», что означало: «Hierusalima est perdita!» (Иерусалим погиб! Иерусалим погиб!), и многие кинулись на боковые ворота, и высадили их, а когда проникли в Храм, остановились в изумлении перед его великолепием.

– А где же их Бог?

– Кого это они так охраняют в этом здании?

– Где его статуя?

И тут они увидели парчовую завесу, не ту, что разодралась в день гибели распятого Иисуса, а уже новую, еще прекрасней прежней, и кинулись к ней.

– Наверное, статуя за ней, за завесой. Так они скрывали своего Бога даже от народа. Это вам не наш Капитолий, где каждый может увидеть и просить Богов о милости к себе. Эти жадины и скупердяи, не то что хлеба, а даже своего Бога жалели дать народу!

И кто-то отдернул завесу.

И все остолбенели.

В пустой нише, чисто побеленной и скупо украшенной золотой росписью, стояла Книга. Переплет ее, золотой и усыпанный драгоценными камнями, ослепил пораженных воинов.

– И это все? – восклицали они.

– Ничего, один переплет чего стоит!

– А вот мы посмотрим, что в этой книге написано!

И они сняли книгу с постамента и кинули ее на землю, и разодрали переплет, и унесли его в угол, чтобы потом поделить сокровища между собой, а внутри увидели только свитки священной Торы, в которой сокрыта вся премудрость Старого Завета, поведенного еще пророком Моисеем, но свитки были им малоинтересны, и они кинулись делить переплет, рубить его мечами и выковыривать драгоценные камни..

Впрочем, нашелся среди них весьма практичный воин, у которого походные сандалии сильно натерли ноги. Он развернул один из свитков и, поставив на него ногу, очертил мечом на бесценном пергаменте форму своей ступни, а потом и другой, и вырезал превосходные стельки для своей походной обуви.

Поделив добычу, солдаты как бы потеряли интерес к внутренним покоям Храма, и, прихватив по пути несколько золотых и серебряных сосудов, пошли к парадным воротам, выбили их и вышли вон.

Но всем было известно пожелание Тита сохранить Храм в целости.

А они что сделали? Оставалось одно: сослаться на пожар. Но как на грех никаких следов огня, кроме длинной толстой свечи, которая горела ровным пламенем, и которая обманула неопытного юного солдата, иного огня в Храме не было.

– Нет, говорите, никакого огня? Значит, будет!

– Сейчас мы устроим такую иллюминацию, что ее не только вся Иудея, но и Рим увидит! – восклицали солдаты и снова пели свое: «Хеп, Хеп! Хеп!». Они вышли из храма и подожгли его с четырех сторон. Наконец, с этой громадой, которую они даже в разговорах называли «это самое», а не Храмом, было покончено.

Храм пылал всю ночь и немногие жители Иерусалима, которые еще не успели бежать, стояли на коленях, воздев руки к небу, и молились, твердя:

– Все случилось, как предрек Распятый.

– Он сказал, что разрушит этот Храм и камня на камне от него не останется.

– Но он не говорил, что призовет римлян, ведь не говорил же?

– Значит, римляне были орудием в руках Господа, призванным свершить его проклятие над нами.

Так пал кумир, воздвигнутый иудеями, вопреки заповедям Завета.

* * *

На следующий день Тит узнал о гибели Храма и призвал к себе воинов, что несли дозор ночью. Они, правдиво глядя ему в глаза, рассказали о пожаре, который они ринулись тушить, но вот, так неудачно получилось, что им это не удалось, так что они едва успели унести ноги...

Тит хорошо знал своих воинов, как и они хорошо знали его. Они догадывались, что в сердце Тита на чаше весов колеблются желание истребить Храм и желание сохранить его. И что на той чаше, где было истребление, не хватало лишь малой крупицы, чтобы она перевесила. И обманчивый свет длинной и толстой свечи, что горела в храме и привиделась юному солдатику как предвестник пожара, упал той зловещей крупницей на чашу истребления. И потому они не боялись его гнева.

Ему еще предстояло пройти с ними немалый путь и озлобить их резона не было. И потому он сделал самое неожиданное, чего никак представить нельзя было.

Он широко улыбнулся и, прямо глядя в лица своим солдатам, пропел, как бы вопросительно:

– Хэп! Хэп! Хэп! Не так ли? Конец Иерусалиму? Так?

– Так, повелитель наш! Так! Мы это сделали, и ты доволен нами, мы это знаем!

Объяснение с царевой Береникой было печальным. Их странная и долгая связь длилась много лет, и потом угасла, как пламя затушенного пожара...

* * *

В Риме шла обычная жизнь, сперва императором стал Веспасиан, потом доблестный Тит, – он особенно полюбился

народу триумфом, который устроил в память о разоренной Иудее.

А в Иудее немногие, кто остался жив в этом теперь полумертвом городе, иногда восходили на холм, где когда-то высился Храм, и подбирали осколки камней, что уцелели после его разрушения, и клали их себе за пазуху, как священный амулет.

То место же, где стояла Святыня, поросло чертополохом и странными кустарниками с черной сморщенной корой, на которых не росло ни листика. Люди удивлялись и говорили, что никогда здесь таких не видели, что, наверное, это тоже свидетельство проклятия, посланного Всевышним на народ Израильский, за то, что не сумел сберечь Сына Человеческого, который оказался-таки Сыном Божьим, каким многие его и считали при жизни.

Иногда в этом скорбном месте появлялись древние старцы, согбенные, опиравшиеся на посохи, и веско рекли:

– Что вы знаете? Вы ведь его не видели. А мы видели и шли за ним, куда бы он ни шел, и в каждое открытое для Истины ухо проникало Его Учение, а многие другие прошли через страны и страны, и дошли даже до Рима, и там тоже теперь есть христианская община, где чтят имя Спасителя Человечества.

– И вы в самом деле видели его? Какой же он был? Говорят, совсем неприметный и даже как бы полоумный?

– Скорбны разумом те, кто несут о нем такие вести и прокляты те, кто повторяют их. Он был лучист, как ангел, и некоторые даже видели сияние вокруг его головы, и когда его распяли, сотрясалась земля и мертвые взошли из могил, вот какой он был, и глаза наши все это видели! – восклицали старцы, искренне веря, что все на самом деле так и было...

– А куда делся тот самый, который предал Распятого?

– Говорят, он повесился на осине, – кто-нибудь его видел повешенным?

– Никто его повешенным не видел. Он просто исчез. А про осину – это все придумали те, кто сами бы хотели его повесить, и за дело, конечно, ибо нет хуже греха, чем предательство!

– А еще мы слышали, что сам Понтий Пилат, который тогда был прокуратором и римским представителем в Иудее, сказал, что собственными бы руками вздернул предателя, как, бишь, его звали – Иуда, кажется, да-да, Иуда Искарот, – на первой же осине. Вот, наверное, отсюда и пошло, что Иуда повесился. Но видеть его никто не видел.

– Тоже, наверное, косточки давно истлели, много ведь лет прошло...

– Не так уж много, – возражали старцы, вот мы же, вот они, живехоньки, и даже сподобились увидеть исполнение грозных предречений Спасителя и гибель Храма. Да-да, глаза наши все это видели...

* * *

А тем временем к Иерусалиму приближался древний старец, что едва волочил ноги. Видно, за свою жизнь он прошел по многим путям и мало что видел такого, что хотел бы запомнить.

Его белая борода, серебряной белизны, ниспадала ниже веревки, которой он опоясал чресла, хитон же был черный, с клобуком, на манер тех, что носили жители Армении, которые изредка навевывались в Иерусалим, с тех пор, как в нем появились редкие христианские общины. Редкие оттого, что пока «то самое», то есть Храм, как его называли римляне, чтобы даже не произносить вслух ненавистное слово, высилось на холме, и первосвященники, несмотря на брожение в городе, и на все более жестокое давление римлян, все же приносили своему невидимому Богу тучные жертвы.

Древний старец брел, опустив очи долу, но когда вглядывался вдаль, видно было, что они пылко-черные и что был он некогда весьма красив и черен волосом.

Он поднимался по холму, что вел к Храму, и вдруг - остолбенел.

Храма не было.

Может, он ошибся дорогой? Он бы не удивился, ведь он чуть не полжизни скитался на чужбине.

– Добрый человек, – спросил он у зрелого мужа, что повстречался ему, – не скажешь ли, разве не стоял здесь Храм – Око Иерусалима?

– Эка вспомнил! Стоял, конечно, только римляне его сожгли, так что и следа не осталось.

– Но разве это не был Дом Господа нашего – как не отсохли руки, что жгли его?

– Сам Всевышний послал нам эту кару и руки, что жгли Храм, были лишь орудиями Всевышнего нам в наказание за убийство.

Старец содрогнулся и все же спросил:

– Смею ли вновь потревожить тебя вопросом, – какое же в этом благословенном городе произошло убийство?

– Э-э, да ты видно издалека, что ничего не знаешь о приключившемся здесь не так уж и давно, только мне недосуг, это долгий сказ, а я спешу к больной жене. Мы все тут словно источены болезнями после окончания войны с римлянами. Зайди в любой дом – тебе расскажут.

И старец побрел дальше, и все же взошел на холм, и тоже, как и многие, подобрал цветной камушек, и положил себе за пазуху.

Близился вечер. Пора было думать о ночлеге.

Он постучал в дверь небольшого дома, который тоже, видно, пострадал от войны, там и сям видны были трещины и свежие нашлапки глины, прикрывавшие щели.

– Не пустите ли чужестранца в свой дом на эту ночь, добрые люди? – смиренно спросил он.

– Входи, чужестранец, в нашем городе осталось так мало людей, что никто не помешает другому, – ответила женщина болезненного и скорбного вида.

Хозяйка тут же принесла и поставила перед старцем на стол миску с вареной чечевицей и свежеспеченную лепешку, видно, она ожидала своего мужа, который должен был вот-вот вернуться.

Старец ел молча и хозяйка ни о чем не спрашивала его, равно и он тоже молчал.

В проеме двери появился тот самый муж зрелых лет, с которым старец встретился на дороге.

– Вот неисповедимы пути Господни! Не чаял вновь увидеть тебя сегодня! – вскричал хозяин. – Но я рад тебе, как и любому, кто входит в мой дом. Преломи же хлеб со мной и возблагодарим Спасителя нашего, что он дал нам этот хлеб сегодня!

Сказав же, осенил себя крестным знаменем, какое старец видел уже во многих пройденных им странах, и даже в Риме, где ему тоже довелось побывать.

– Ты христианин? – спросил хозяин.

– Я-то? – улыбнулся старец. – Да, один из первых...

– Ты очень стар, не помнишь ли кого из тех, что приняли Святое Учение Сына Человеческого, которого распяли здесь на Голгофе, а он вознесся ввысь и оказался Сыном Божьим? Или ты не жил тогда в нашем городе?

– Нет, я из далекого края, но про все, что ты сказал, слышал от многих. Даже в Риме об этом рассказывают.

– А еще говорят, что его бы не распяли, если бы его не показал стражникам один из учеников. Иуда его звали, да будет проклято это имя в веках!

– А за что же этот Иуда так ненавидел своего Учителя, что предал его? – изумился старец.

– Наверное, завидовал ему, он умел вершить чудеса, и все его любили.

– Если его все любили, так почему не вызволили его?

– Боялись, что самих распнут. Все живые боятся смерти.

– А много у него было друзей, у Распятого, – ты говоришь, его все любили?

– Ну, не так уж много. Всего двенадцать. Хотя, что это я – всего одиннадцать, Иуда ведь не в счет.

– А врагов? Имел он врагов?

– Имел, конечно. Так сказать, – через одного. Он своим Учением смущал людей, призывал все имущество раздать бедным, любить своих недоброжелателей, – а кому это приятно? Да и все служители Храма были ему враги – он их все поучал-поучал, и посты, мол, ни к чему, и руки перед

трапезой мыть совсем не обязательно, а лучше взвешивать каждое слово, что исходит из уст, потому что, де, не то оскверняет, что входит в уста, а то, что из них исходит. Ну, да много всего...

– Так, выходит, врагов у него было больше, чем друзей, а ты говорил, что все его любили.

– Ну, любили, конечно. Да только все мы люди, если даже друг раздражит тебя, поневоле замахнешься и даже ударишь, а потом будешь жалеть, а он еще и не простит. Люди ведь всякие бывают. Возьмет и затаит в себе зло, так что и не догадаешься, а потом где-нибудь и ножку подставит – а ведь раньше любил. Что делать – так ведь это жизнь...

А Распятый учил, что врагов надо прощать. И за зло платить добром, что сказать, – святой был человек – простодушный, как дитя. И совсем жизни не знал.

– Но вот же ты чтить его, и крестом себя осенил в память о Распятии.

– Ну так все христианские общины так поступают. Так заведено и законы общины надо почитать. Да ты ешь, ешь, твоя похлебка остыла, жена, подлей гостю горячего.

Жена подлила, и все ели молча.

– Ну, я пойду, пожалуй, – сказал старец. – У вас тесно, и я вам мешаю.

– И не вздумай, места всем хватит! – радушно воскликнул хозяин.

Старец остался.

Утром, поблагодарив хозяев, гость отправился на рынок, купить еды. Прошло так много лет, как он покинул этот город, что он не ожидал, да и не боялся встретить знакомых.

– Ты армянин? – подошел к нему мужчина в годах. – Твое лицо походит на лица жителей здешних мест. Ты путешественник?

– Да, я долго пребывал в пути.

– Искал забвения в горе, или бежал от вины?

– И то и другое! – ответил старец.

– И помогло?

– Нет, все мое – при мне, – вздохнул путешественник.

– Это я так просто спрашиваю, потому что некоторые бывают такие слабодушные и своей вины боятся так сильно, что даже руки на себя накладывают, а ведь это смертный грех!

– И много у вас тут таких слабодушных? – спросил старец, придав всему облику вид самый безразличный.

– Немного, но были случаи. Вот жил тут лет тридцать, а, может, и пятьдесят, назад иудейский юноша. Красавец – на загляденье. Все женщины по нем помирали. И умница. Он на них – никакого внимания, а пошел в кампанию к ученикам Спасителя, и тот его приблизил – да ты знаешь ли про Спасителя? Может, ты тоже христианин, как и я? – так он однажды, этот юноша, ни с того, ни с сего на своего Учителя донес римскому наместнику, что он, де, вознамерился поднять мятеж против римлян. И те судили Учителя и распяли. Так он, предатель, потом так раскаялся, что даже удавился. Понимаешь, и предал, и удавился. Два смертных греха взял на душу. Теперь, наверное, горит в аду, будь проклят, тьфу! – плюнул рассказчик через плечо.

– А, может, Учитель его обидел и он ему мстил?

– Да нет, он просто жадный был, ему, говорят, тридцать серебряников римляне дали – а тогда это были деньги ой-ой! – он Учителя им и продал.

– Спасибо тебе за рассказ, добрый человек, вот что значит надолго покидать свой город – приходишь, а ничего не знаешь, что произошло, никого не узнаешь, и тебя никто не узнает, – грустно вздохнул старец.

И пошел себе своей дорогой, как вдруг его нагнал давешний рассказчик.

– Постой, тебя как зовут?

– Зачем тебе? – спросил старец.

– Затем, что лицо твое мне кого-то напоминает, кого я видел еще мальчишкой. Глаза особенно, огненные у тебя глаза. Несмотря на старость. Да нет, не может быть. Хотя... эй, ты, – позвал он мужа в зрелых годах, – не вспомнишь, как звали того, что повесился, ну, которому римляне тридцать

серебренников заплатили и он им своего Учителя продал, и сказал, будто тот хотел учинить бунт?

– Иуда его звали. Иуда Искариот – предатель, кто ж не знает? Будь проклят, да горит в аду! Только он своего Учителя не римлянам продал, а фарисеям. Хотя говорят по разному...

– Да какая разница! Все равно предал и деньги получил.

Когда на рынке в Иудеи собираются трое, значит, есть, что обсуждать. Особенно – в смутные времена. Так что стоит подойти – послушать и вмешаться в разговор.

Вскоре собеседников обступило еще человек пять.

И все спрашивали старца, откуда он родом, как зовут, откуда путь держит.

И тут подбежал малыш, за которым семенила старуха, позвякивая серебряными браслетами и подвесками на висках, несмотря на почтенный возраст.

– Ты куда, пострел, наказание мое!

И вдруг, подняв взор на старца, всхлинула:

– Иуда, огненные глаза твои! Неверный, изменщик, всю жизнь мне разбил. Ну, была я уличной женщиной, так ведь ты обещал жениться, а потом исчез. Ты еще жив? Ненавижу тебя! Да горит земля у тебя под ногами!

Обступившие старца окружили его вплотную и стали теснить:

– Ты – Иуда? Ты – Искариот, что продал Учителя? Эй, люди, все сюда. Иуда жив, вот он перед вами. У него даже не хватало смелости повеситься!

– Сгинь, враг рода человеческого! Будь проклят, предатель! – неслось со всех сторон.

Потом полетели камни.

Старец попытался бежать, но не те были его годы.

Один камень угодил ему в плечо, другой – в висок. Он упал. Пополз к ограде како-то палисадника около неказистого дома и прислонился к странному низкорослому дереву с черной сморщенной корой, – на дереве, несмотря на разгар весны, не было ни одного листочка.

Так он сидел в изнеможении, а камни все летели со всех сторон.

Он закрыл глаза и негромко сказал:

– Реввун, прости меня за то, что я согласился исполнить твой приказ. Мне и в самом деле лучше бы не родиться на свет, но я счастлив, что сделал, как ты велел.

Народ еще более разъярился: «Он еще жив? Что это он там бормочет?».

И вдруг вокруг старца воцарилась тишина. Дерево, о которое он опирался, внезапно все сплошь расцвело розово-сиреневыми крупными цветами, а высоко над поникшей головой старца раздался глас, подобный грому:

– Это ты прости меня, верный Иуда, что обрек тебя на позор во имя мое. Ты – мой избранный среди многих и подвиг твой равен распятию на кресте.

Все молчали, как сраженные молнией. У некоторых в руках еще были камни, что они не успели бросить в Иуду.

И вновь зазвучал глас:

– Уже недалек час, когда вы, смертные, одумаетесь, и благословите этого человека, а дерево сие да будет отныне называться «Иудиным деревом», и да станет символом Иудеи, что отвергла нас обоих в своем неразумии...

Виктория Кинг
ДАННИКИ ГРОЗНОГО ЧУВСТВА
(из нового романа «Мачехи»)

Утро выдалось хлопотным. К одиннадцати я справилась с текущими делами и, освободившись, решила заскочить домой, а затем отправиться к матери.

На дороге - гололед и мне приходилось сосредотачиваться - до боли в кистях, крепко сжимающих руль автомашины. Старенькая «Хонда» повизгивала на поворотах, но, несмотря ни на что, я наконец-то вырулила во двор знакомых многоэтажек и припарковалась на стоянке. Перешагивая через сугробы с черными оплывами сажи на верхушках, - ничего не поделаешь, живу в шахтерском городе! - добралась до своего

подъезда. Потыкав с усилием кнопки на дверях, мельком увидела, что номер кода нацарапан на стенке рядом. Прямо скажем: и смех и грех!

По всей стране, для большей безопасности жильцов, устанавливают в подъездах секретные замки, но у каждой двери на стенке обязательно увидишь четыре цифры кода, так что ни вору, ни хулигану не составит труда пробраться и сделать свое лихое дело. Зачем надо было собирать с жильцов деньги, если мы о пресловутом секрете на весь мир со стен дома сообщаем! Как глупо!

С этими мыслями я вошла в темноту пахнувшего кошками подъезда. Привычным движением нашарила в кармане ключ, и, поднимаясь вверх по лесенке к лифту, столкнулась с высоким мужчиной. Резким движением он рванул мою сумку. Удар по голове. На секунду мне показалось: лечу куда-то в преисподнюю, громко зову на помощь и ругаюсь. В следующий момент все исчезло...

Очнувшись в полумраке подъезда. Осторожно ощупывая голову, наткнулась на огромную шишку. Боль пронзила челюсти и связала их в узел, - казалось, даже лицо перекошилось и глаза смотрят в разные стороны. «Жива. Уже лучше. Хорошо, хоть не убили. Мир совсем охренел - среди бела дня нападают! Что было в сумке? Деньги и блокнот. Косметичка. Любимая помада».

Скомканный анализ «ситуевины», как выразился бы мой старший сын Борька, вызвал мощный прилив злости и гнева. Я поднялась на колени, прислушалась. Вокруг - никого. Вытянувшись в полный рост, ощутила легкое головокружение. Осторожно передвигая ноги, доплелась до лифта и в мареве медленно текущего времени с помощью техники донесла свое тело до лестничной площадки и доковыляла до квартиры.

В вестибюле рухнула на банкетку и никак не могла прийти в себя. «Может, в милицию сообщить? Матери не скажу - испугается, начнет нервничать, беспокоиться. Но, что же делать? Хулиганье. Бандиты. Вот ведь паскудство какое... Ничего не бояться».

С громким урчанием зазвонил телефон. Схватив трубку, сдавленным голосом ответила:

- Да. Слушаю... А, мам! Я скоро. Скоро приеду... Да... Да... Целую.

Положив трубку, разрыдалась от обиды. Отплакавшись внаглую, зашла в ванную и долго мыла лицо холодной водой. Разнимая пряди волос на затылке, попыталась краем глаза увидеть шишку. Она была большой, на кончиках пальцев остались следы крови. В аптечке нашла йод и, открывая бутылочку, нечаянно пролила его на белый свитер. На самом видном месте красовалось пятно. «Все! Любимый свитер пропал... И пальцы теперь не отмоешь! Гады!»

Испорченную вещь бросила в мусорку, переделалась. Натянула джинсы и уже через несколько минут сбежала по лестничным пролетам вниз, пренебрегая лифтом. Приблизившись к первому этажу, остановилась и, сдерживая дыхание, прислушалась. В ушах - звон от напряжения, но даже шороха не было слышно.

Стрелой промчалась через пространство подъезда и, выскочив на улицу, не помня себя, очутилась в «Хонде». Завела мотор и рванула на скорости в сторону единственного места, где всегда ощущала покой и безопасность. «К матери, к маме, скорей!».

Я обогнала машины, тормоза визжали - гнала, как бешеная.

Мать встретила меня в дверях, расцеловала в обе щеки и затащила на кухню. Пахло свежесдобитыми пирогами и мятой.

- Доченька, а ты говорила - вырваться с работы не можешь?!

- Мамуля, не суетись, ты же знаешь, перед Новым Годом столько отчетов, работы - невпроворот.

Сердце колотилось в груди, словно раненная птица.

- Понимаю, понимаю. Хорошо, что приехала. Я пирогов напекла - твоих любимых. Садись, поешь. Как дела, доченька? Что нового? С тобой все ли в порядке? Что-то ты

бледненькая?

- Мам..., - мне очень хотелось выпалить обо всем, что со мной случилось, но я остановилась на полуслове. - Ты у меня странная какая-то! Я ж с тобой каждый день по телефону разговариваю. ТЫ – все про меня знаешь.

- О текущих делах - наслышана, а чем моя дочь дышит – и ведать не ведаю.

- Ну, да! Счас все брошу и буду по душам разговаривать!

- Вот-вот, бросай свои пакеты и разговаривай с матерью по душам.

- Приказы отдаешь, командирша?

- Пока тебя не прижмешь - ничего толком не узнаешь.

- У-у-у-у, - чмокнула я ее и, схватив со стола пирог, откусила, зажмурив глаза от удовольствия.

- Что ж у тебя все пальцы... в йоде?

- Аптечку открывала, а он упал... Крышку не закрутила.

- Ох, и не аккуратная же ты бываешь!

- А... ерунда - пустяк.

Через несколько минут мы пили чай с ароматной мятой.

- Дочь, что ж ты крутишься лошадь по одному кругу?

Я поперхнулась и мгновенно представила себя кобылой с глазами, закрытыми шорами, прикованной к стойлу и цокающей копытами... Точно – по кругу: работа - дом, работа - дом... И еще по башке дают в прямом и переносном смысле.

- Ну ты и сказала, мама, - пробормотала я, еле-еле сдерживая подступившие слезы.

- Сколько в девках сидеть будешь? Дети выросли, почему не найдешь себе мужичка хорошего? Чего выжидаешь? Сорок лет - и те уже улетели! Не успеешь оглянуться - в старуху превратишься!

- Да, где ж его, мужичка неженатого, найти-то? Они на дороге не валяются.

«Какой к черту мужик, когда тут живу бы быть! О чем она говорит, Господи!», - подумала я, подсыпая мяты в заварочный чайник.

- На дороге? А когда ты в последний раз на до-ро-гу-то выходила? В машине с утра до вечера! Ты же света белого

не видишь!

- Куда же я пойду? В бар, ресторан? Одна? Не смей!

- А что тут плохого? Соберись с духом, проветришься с подружками. Потанцуешь, - может, кто и углядит.

- Мам, не морочь мне голову пустыми разговорами. В моем-то возрасте и по ресторанам шарахаться по ночам?! Не по-ло-же-но.

- Кто сказал – «не положено»? Ты сама себе напридумывала. Никакого задора в тебе не осталась. Корягой сидишь, а жизнь проходит!

- Задор, задор... Ладненько, не волнуйся, вот на новогоднюю елку схожу - расслаблюсь, подарки тебе принесу.

Мать прыснула со смеху.

- Вот-вот, походи хотя бы на новогодние елки, все дело будет.

- Мам, приглашений много, но... там же молодняк, или женатые. Холостяков не осталось.

«Какие там холостяки, мам, меня чуть не убили!», - с возмущением думала я про себя.

- Бог даст, твой холостячок и найдется.

- Мама, я замечательно живу одна. Свободы – хоть отбавляй, сыновья выросли, - продолжала я играть свою роль. – Помнишь, как я с ними, с погодками, мучилась, иногда казалось - не выдержу. Тяжело было. А сейчас? Я на обоих снизу вверх смотрю. Высоченные. Парни – загляденье, умные, работают, и деньги у них водятся.

- Да уж, всем взяли. Не одно сердце девчачье разбито. Пора бы и им жениться. Носятся как угорелые, а не думают, что семью и деток заводить надо вовремя.

- Да разве сейчас заставишь молодежь? Они от свободы дуреют.

- Нет в них чувства долга.

- Да нет, мам. Молодежь думает, как обеспечить семейное существование, больше, чем мы в свое время.

- Вот, вот. Деньги, комфорт, - помешались все на этом! Выгоды ищут, а о любви - тайком думают, когда головой в подушку уткнутся. Любовь найти - вот что человеку силы

дает, и деток, и счастье, наконец.

- О-о-о. Поехали...

- Ну что – «поехали». Я - правду говорю. Ту, что каждый знает, но в такие «кушары» ее заталкивает, что ее, милую, и не найти... Деньги – хорошо, да тепло человеческой душе надобно – без него жизни нет. Плечо крепкое, да слово ласковое. А это за деньги не купишь. Ты посмотри вокруг - молодежь на сексе помешалась, скоро нагишом ходить станут, лишь бы себе партнера денежного подхватить. И ведь не только девки, - и парни туда же. У моей соседки сынок подцепил дамочку с денежками, паразитом на ней сидит, сосет ее кровь без стыда и совести. Ну скажи-ка мне, видано ли, чтобы мужик за счет бабы жил. И знаешь, ничем не брезгует. Она и счастлива - храпун под боком, задарила выше крыши: и квартиру ему купила, и машину, в одну из своих компаний идиота на работу устроила. И что?! Он интриги развел, перессорил ее с работниками, что верой и правдой ей десять лет служили. Представляешь?! И она ему верит, - не людям своим, а е-му-у-у!

- Да знакомо мне все это!

- Доча, ты у меня умная, такого не подберешь. Лучше уж... как их там называют... эскорт?! Да?

- Да, да. Эскорт... Мальчики красивые для богатеньких дам-одиночек.

- Вот. Ему заплатила за ночку и...

- Mam, ты хоть соображаешь, о чем говоришь? Где твои моральные устои?

- Устои? Они, доченька, у меня здесь, - и мать положила руку на сердце. - Только женщине не надо с кривдой в душе жить, лучше за биологическую необходимость заплатить, а судьбу себе не ломать.

- Mam! Это называется откупить проститутку. Мужик или баба – нет разницы!

- Не слушаешь ты меня никогда. Нет - слушаешь, а не слы-ши-шь!

- Mam, пироги отличные.

- Даже поговорить с матерью не хочешь.

- Mam, мы не разговариваем, а спорим.

- Ладно... Что за новогодняя елка намечается?

- Представляешь, мне приглашение пришло на губернаторскую елку, банкет и все такое...

- Здорово! Платье купила?

- Ещё чего не хватало! Есть у меня подходящие наряды.

- Освежить гардероб приятно любой женщине.

- Мама, зачем зря тратить деньги, если у меня полно тряпок?

- Пойми ты, когда женщина покупает себе обновку, она по другому мир начинает ощущать. Одеда новое платье - и чувствует себя королевой.

- Хорошо, хорошо. Я подумаю. Мамусь, мне пора бежать.

- Я тебе пирожков на дорогу соберу, дома поешь.

Я ехала от матери со странным чувством. Такое ощущение появляется только после походов к самому близкому человеку в тяжкий момент жизни, о котором никому не смеешь рассказать...

Mать любила меня в любом качестве: плохой, хорошей, злой и доброй. Для нее имела значение только я - ее дочь. Она прощала все мои ошибки, жалела и желала добра. Рядом с ней я оставалась маленькой девочкой, которую ей приходилось постоянно воспитывать.

Голова побаливала, - горечь пекла изнутри оттого, что на мою жизнь почему-то посягнули, обида растекалась по жилам. Решила позвонить старшему сыну Борьке. Он живет в Москве и заканчивает университет. Встречается с девушкой, дочкой ведущего дизайнера, - намекнул мне, что любит ее. Надеется, что отправят его в Гарвард, было бы здорово, - в наше время хороший диплом котируется. Как-то само собой получилось, что после развода с первым мужем Борька стал мне опорой и главным мужчиной в доме. Поплакаться бы сыну, он бы меня понял.

- Боренька, дорогой, здравствуй, сынок, ну, что там у тебя? Да... да... В Гарвард попал?! Вместе с ней? ...Ах, какой же ты у меня молодец, домой приедешь? Нет... жаль. Убегаешь? Ну,

счастливого, сынок, с наступающим тебя... Пока. Целую.

Вот и поговорила, называется! Ох, как жмет в груди!

Села за руль, выехала на центральную улицу. Наглые шоферы подрезали меня, теснили, и так мне от этого дорожного хамства стало не по себе, что захотелось до зеленых чертиков выпить. Куда бы податься? К Вальке, старой подружке? Не-е... Она, наверное, стряпает, - для нее каждый праздник, как поход на фронт, все сама кулинарит, не доверяет домработнице. Да и что ей расскажешь, - разволнуется, закудахчет с перепугу. А домой возвращаться нет мочи, - так не поехать ли, в самом деле, за новым платьем?

- А-А-А-А, - услышала я свой собственный душераздирающий крик, крик ярости и боли. Очередной мерс легонько царапнул бок машины. Да что же это такое! Сумасшедший мир и все в нем пристукнутые!

Я дала газ и, догнав мерс, погрозила кулаком в сторону затененных стекол.

- Буржуй чертов!

И вдруг меня сотряс истерический хохот. Да ведь и я сама – буржуйка, разве нет? Буржуйка... Печка-буржуйка... Бессмысленные параллели и сопоставления рассмешили меня до слез. Курьезы надо встречать с юмором, - да-да, так веселее жить, госпожа Катерина Рыкова, - сказала я себе.

* * *

Берег моря. Солнце стремительно поднималось из-за горизонта. Рассвело почему-то позже обычного и лучи жгли неимоверно, пронзали водную гладь и оставляли ожоги на лице мужчины. Он сидел, не шелохнувшись.

Ждал.

Легкий бриз трепал его седые волосы и обдавал жаром. Песок постепенно накалялся. С моря поднималось марево. Стало душно.

К полудню море отступило, обнажая дно, полное бьющихся от возбуждения рыб. Крабы спешно забирались поглубже в песок, который на глазах превращался в камень.

Море уходило...

Он смотрел неотрывно на воду, убегающую далеко-далеко к линии горизонта. На третий день солнце остановилось в зените. Ночь не пришла. А море все уходило, оставляя после себя пенящиеся воронки, где еще трепыхалась морская живность.

Он знал и ждал.

Кожа на лице и полуобнаженном теле струпела, выступающая из ран кровь засыхала на глазах. Боль стала существованием и ожиданием.

На девятый день он сказал себе: «Пора!», - и начал спускаться, но не с берега, а с горы, в которую тот превратился. Человек шел с усталой опущенной головой, неспешно ступая босыми ногами по тверди земли, обходя гигантские выступы, остовы античных галер, останки взорванных подлодок, человеческие скелеты, сундуки с сокровищами. Странные усохшие существа морских глубин разевали зубастые пасти в последнем иступленном усилии продлить жизнь.

Время и тени прошлого спрессовались в единый чудовищный мираж катастрофы.

Он спускался в долину мертвого моря. Небо было окутано дымом страшных пожаров, оставшихся за спиной у старика.

* * *

Иван Семенович проснулся в поту от кошмара. Тело ломило и мозги, казалось, выворачивались наизнанку. Образ старика колотился в голове красными всполохами. Перед глазами мелькали круги, пятки жгло неимоверно.

«Что это было? Приснится же! А обещали стресс стрессом выбить. Ничего себе - выбили! Так и с ума сойти можно!».

Он резко сбросил одеяло и пошел в ванную. Долго стоял под холодным душем, успокаивая нервы и приводя в порядок мысли. В комнате зазвенел телефон, сквозь шум воды он слышал его тиликанье, но желания выскочить из кабинки и разговаривать с кем-либо не было.

«Что я делаю? Зачем согласился? Дурью маюсь! А ведь стар уже для таких подвигов!»

Рассуждения о себе, грешном, продолжались под струей душа добрые полчаса. Обтерся полотенцем, оделся, вышел в коридор из своего люкса, увидел на полу стопку свежих газет, рассердился вдруг и пнул их ногой, потом двинулся по направлению к лифту. Спустившись на первый этаж, оказался у дверей приемной.

Отель-санаторий был выдержан в современном стиле и находился в лесу, найти его было непросто. За высокой бетонной оградой разглядеть здание с дороги невозможно. Запретная зона. Территория бывшей военной части, давно выкупленная предприимчивыми людьми.

- Доброе утро, Иван Семенович! - улыбнулась секретарша в короткой юбке, со стройными ногами, обтянутыми чулками в сетку.

- Доброе, доброе.

- А вас уже ждут. Проходите, пожалуйста, в кабинет.

Он вальяжно проследовал в офис.

- С вас пятнадцать тысяч зелеными. Распишитесь здесь, Иван Семенович, - крашенная блондинка мило улыбнулась уважаемому мужчине и изогнулась таким крендельком, что так и хотелось откусить краешек и посмаковать.

- Надеюсь, вам хорошо спалось, - прозвучал вкрадчивый голос хозяина кабинета.

- Да... спалось. Как вы думаете, она жива? - спросил Иван Семенович.

- Конечно. Мы проверили, - ответил хозяин. - Наше агентство всегда отслеживает клиентов и трагических случаев никогда не бывает. Надеюсь, вам у нас понравилось.

- Да.

- Адреналин - на сто процентов подскочил, - так?

- Даже на все триста!

- Ну что ж, тогда переходим к третьему этапу!

- Да-а-а. По расписанию у нас охота на танках!

- Охота на волков с танками и с пулеметами.

Иван Семенович вытащил из карманов пачки долларов, расписался мелкой вязью в контракте и посмотрел на часы:

- В какое время выезжаем?

- Сразу после обеда, машина будет ждать у центрального входа.

- Добро.

Иван вышел из офиса, его подташнивало, и верхние зубы ныли той болью, от которой на душе воротило.

До вчерашнего вечера он был почти удовлетворен своими авантюрами. Сыграть бомжа-попрошайку на центральной улице города, в самом деле, - очень забавно. Удивляло, каким образом этой чумной конторе удавалось договориться о месте с нищими и милицией. Целый день продрогший Иван просидел с шапкой, уговаривая прохожих подать копейку Христа ради. В основном, подавали старухи и сердобольные толстые тетki. Сновавший обезьянник торопившихся бизнесменов и шустрых дорого одетых девчушек не желал раскошелиться.

«Эк их всех расповало от мнимого и реального богатства! Не помнят, как их предки лыко чесали и лес валили! Совсем народ оскотинел. Болезному человеку рубля не бросят», - думал в те минуты новоиспеченный загримированный бомж, сидящий на морозе, прямо на снегу. Откуда ни возьмись, проснулась в нем совесть предков - бунтарей и большевиков. Про себя он, конечно, решил, что будет теперь подавать нищим не только возле церкви, но и при случае. Хотя какой там к черту случай, - в магазины он сам не ездит, ему все домой привозят, по улицам не ходит, при его положении - не пристало. Иван чаще бродил по улочкам европейских столиц, чем по собственному городу. Так что понаблюдать за народом сейчас ему было в удовольствие и в новинку.

«Нет, что ни говори, здорово придумали ребята, как деньги с богатых дураков снимать. Хотя есть, конечно, в подобных забавах резон: окунешься в дерьмо - и начинаешь явственно представлять, до чертиков в глазах, как все брэнно в этом

мире. Посидишь часик, поклянчишь у прохожих, и сразу на философский лад настраиваешься».

За весь день набралось у него несколько сотен. Ночь провел в подвале с «отбросами общества», почувствовав на собственной шкуре, что значит быть Оливером Твистом из книги детства. И, правда, спать вповалку с вонючими бомжами – занятие не из приятных, но надо выполнять положения контракта, и Иван улегся вместе с ними, с краю. Рядом пристроился мальчишка лет четырнадцати. Пацану стало плохо ночью от передоза и он блевал прямо на голову Ивана. С другой стороны примостился убогий старик, покрытый какой-то ветошью, он то и дело чесался и матерился.

Хорошо – сугробы во дворе. Несколько раз за ночь Иван Семенович вырывался из подвала на простор и катался в снегу с остервенением. Еле до утра выдержал. Но – вытерпел же, все снес! А вот поиграть в бандита не получилось, нервы не выдержали, так что второй этап игры пришлось как бы форсировать. Теперь предстоит третий, последний. Охота. Может, необычность происходящего взбодрит его, поднимет тонус. С берданкой он хаживал раньше на уток, но стрелять волков ему еще не приходилось.

После обеда, облачившись в военное обмундирование, Иван готовился к охоте. В лесу, куда они приехали на старом газике, на обширной поляне, стояли три танка старого советского образца, и две бронемшины. Вокруг толпились молодые ребята и пожилые бодрые мужички. Водка ходила по кругу и в послеобеденном воздухе стояла разноголосица мата, хохота и скабрезных шуток. Ясно, что в погоне за острыми ощущениями Иван не будет одинок.

- Новоприбывшим салют и чарка, - протягивая стакан, сказал пожилой, но крепкий мужик, в высоченных, подшитых пимах. Он лукаво улыбнулся, оценивая новичка цепким взглядом.

Иван Семенович взял стакан и одним махом его опустошил, всем видом показав, что не лыком шит.

- Как вас величать?

- Иван.

- Тимофей Петрович, - важно представился мужик и, оглядев всех присутствующих, громко объявил:

- Инструктаж по облове и стрельбе даст Николай. Давай, парень, - кивнул он молодому егерю, - объясняй доходчиво.

Молодой человек сразу преобразился и поставил бутылку из-под водки на гусеницу танка:

- Значит, так, мы обложили волков по кругу в два с половиной километра. Привадили их падалью на взгорке, - он показал куда-то вдаль. – Большой запас падали заставляет хищников держаться одного места, и не уходить с территории. Бдительность у сытых волков притуплена. Да... Волки привыкли к танкам, от шума техники за красные флажки не убегут. Военная часть здесь испокон века стоит, мг... стояла, так что стрельбы не очень испугаются.

- Расскажи им про правила охоты, - попросил Тимофей Петрович.

- Правила нехитрые. Между каждым стрелком, то есть танком, расстояние не должно превышать 60 метров. Стрелять будете только по зверю, который выскочит на вас... Если подранили, то добивать при условии, если животное побежит... После окончания охоты, - а Тимофей Петрович даст нам знак, - всем разрядить оружие. Поняли? Тогда по коням!

Иван Семенович потом пытался вспомнить, как проходила охота, но единственное, что осталось в памяти, - клочущая кровь в жилах и обжигающий щеки мороз. Его волк выскочил на расстоянии выстрела только к концу облавы.

В тот момент Ивану показалось, что его подменили, он орал во все горло, расстреливая волка на бегу, под урчание танка, и никак не мог попасть в него. Приклад отбивал плечо, и на минуту показалось, что с матерым справиться невозможно - он бросался из стороны в сторону. Меткий выстрел решил все дело - волка зацепили, он подпрыгнул и кубарем покатился по снегу, оставляя кровавый след. Позже, когда Иван Семенович подошел поближе, его чуть не стошнило от запаха крови. Хорошо, - водку поднесли вовремя.

На вопрос, не нужна ли ему шкура, он наотрез отказался.

Нет, нельзя кривить душой перед самим собой, Ивану понравилось охватившее его состояние бешенно-распаленной страсти. Наверное, память предков выталкивала в кровь желание убить.

После охоты, прямо на снегу, разбили бивуак. Ошкуривали убитых зверей, набралось ни много ни мало - шесть туш. Каждый охотник хвастался своими подвигами, егеря в ответ ухмылялись. Холодная водка разогревала желудки и, заедая салом и черным хлебом, мужчины хозяйственно раскладывали снесь на импровизированном столе, хлопая друг друга по плечу.

В наступивших сумерках рассказы егерей прерывались страшными историями о лесных оборотнях. Мужская компания наслаждалась. Уже прощаясь, Ивану все же вручили на память желто-серый клык убитого им волка. Иван засунул талисман в нагрудной карман рубахи. Вернувшись в гостиницу ночью, - сразу же уснул и не вставал до полудня.

Контракт по снятию стресса был выполнен полностью, компания по предоставлению таких специфических услуг заработала тысячи баксов, а взрыв адреналина в жилах заказчика стучал головной болью двое суток.

Отныне об охоте напоминала лишь небольшая коробочка, обтянутая голубым бархатом, - в ней мирно покоились трофеи: клык волка, розовая помада секретарши из офиса, и медный советский пятак 1963 года, брошенный хромой старухой в его шапку на углу улицы Кирова.

Иван Орлов после своих походов вернулся совершенно разбитый. Дом встретил пустотой и тишиной. Он жил один. Затянувшийся бракоразводный процесс шел бурно. У Орлова было два сына тринадцати и пятнадцати лет. Его бывшая приложила все старания, чтобы оставить детей себе до их совершеннолетия. Копья ломались, в основном, из-за отторжения имущества и дележа акций многочисленных компаний, названия которых Иван Семенович вспоминал только при получении ежемесячной зарплаты как генеральный

директор оных. Бизнес процветал, затрачено много сил и изобретательности, чтобы поднять его, и Ивану казались несправедливыми посягательства супруги. Он хотел разойтись полюбовно, предлагая ей миллионы, но она стремилась не только к кушу в виде отступного, но и к дивидендам в будущем. Адвокаты стоили немало, но тяжба никак не заканчивалась и длилась два года. Все это изрядно изматывало и не давало спокойно жить.

Первым делом Иван проверил автоответчик - поступило двадцать два сообщения. Нажал на кнопку прослушивания - половина звонков от адвоката, остальные от когда-то любимой женщины, ее голос ввинчивался в мозги, кровь закипала от ярости. Бывшая жена напоминала о потерянном три года назад колье, просила поискать его в загородном коттедже, а лучше - послать ей ключ, чтобы она сама там все обыскала.

«Понятно! Еще не все вещи вывезла. Когда же ты успокоишься, вздорная баба!» - возмутился Иван Семенович, стер все сообщения и плюхнулся в кресло.

Сумерки наступили быстро, и в полумраке комнаты стало тоскливо. Он прикрыл глаза. Дурацкий сон, приснившийся в гостинице, не давал покоя. Ему показалось, что видение - как нельзя в руку. Что и говорить, он помнил еще времена, подобные безбрежному теплому морю, когда и любовь в доме, и успех - все грело душу. Родились и подрастали сыновья. Потом вдруг все рухнуло. Сам виноват. Зарвался и заврался.

Завел флирт с секретаршей - хотя серьезного-то ничего не было. Не собирался он оставлять ради нее семью. Но - слухами земля полнится и... жена не простила, ушла и увела детей. Как ни пытался загладить вину, - ничего не получилось.

«А, отдам половину, спокойней спать буду!» - решил он неожиданно. - Так дальше продолжаться не может. Скорей уж развод оформить - и делу конец. Завтра же дам задание адвокату». С этими мыслями Иван Семенович отправился спать. Впервые за много лет сон его был безмятежным.

В шесть утра он соскочил с кровати свежим и отдохнувшим. Кто-то, может, и скажет, - эка невидаль! - но для Ивана ощущение бодрости было утеряно много лет назад. Все последние годы - жизнь на «автопилоте», дикая загруженность и работа сутками, - давали о себе знать.

Крепкого сложения, - что называется, в соку, - хоть и с сединой в волосах, Иван, ни с того ни с сего, приступил к зарядке: покачал пресс, отжался несколько раз от пола, покрутил руками, поприседал. Наконец, вспотев и почувствовав внезапный прилив сил, с удовольствием принял душ.

Навязчивый мотив популярной песенки неотступно следовал за ним. Иван развеселился, вспомнил вдруг дни молодости, когда он с самого утра устраивал распевки, докучая соседям по комнате. Сколько же лет ему и в голову не приходило напевать спозаранку! Настроение поднялось, лицо омолодилось, изменилась походка, и, приехав на работу, он заметил, как заинтригованные подчиненные провожали его удивленными взглядами.

За неделю он оформил развод. Бывшая жена нашла пропавшее кольцо в коттедже, обрадовалась дополнительным средствам, предложенным в виде отступного, никак не связанного с официальным разделом имущества. Она осталась удовлетворена, изумилась разительным переменам в его внешности и поступках и, довольная, даже разрешила ему посещать сыновей три раза на неделе. Иван Семенович, казалось, был счастлив, и в знак особой благодарности выписал адвокату премию.

Город и окружающие бурно готовились к встрече Нового Года. Все вокруг носились с подарками и деликатесами, постоянно перезванивались, договариваясь, где и с кем встречать праздники. Женщины вытаскивали из сумок наряды и показывали друг другу, обсуждали распродажи в бутиках. Каждой хотелось иметь платье до пола, с «блесточками» и вырезами до пупа, или на пол спины. Раньше, во время оно, приятельницы Ивана по университету и мечтать не смели о таких моделях. А сейчас, - щеголяли обновками, стоимость которых превышала годовичную зарплату. Хоть он сотрудницам и платил

хорошо, но все равно удивлялся, - откуда у них столько денег?

Партнеры и немногочисленные друзья приглашали его на праздники к себе, но он отказывался. По долгу службы ему край как нужно было посетить губернаторский новогодний бал. 31 декабря, одев фрак и белую накрахмаленную рубашку, - ее воротник натирал шею, - он явственно почувствовал, как злость вновь медленно вскипала в груди. Сама идея этих балов ему не нравилась. Этаким костюмированный спектакль с подтекстом: и у нас тоже «голубая кровь». Секретарша заговорщическим шепотом убеждала его взять частного учителя танцев и выучить полонез с мазуркой, - на балу надо выглядеть прилично и показать «класс» молодым. Вальс-то, слава Богу, он умел танцевать!

Он вдруг представил учителя танцев в образе смешно подпрыгивающего на сцене артиста, игравшего Фрике в опере «Пиковая Дама», которую он слушал в Большом театре.

«Просто фарс какой-то! В моем возрасте я еще только польки не танцевал. Напридумывают невесть что! С другой стороны, конечно, где молодым богатым отрокам развеяться? Может, и мне какая-нибудь а ля Наташа Ростова встретится? А что? Я теперь свободная птица, - Онегин, да и только! Состояние я все-таки сохранил, так что богатенький теперь жених!»

В общем, не в лучшем настроении ехал он на бал.

Иван Семенович медленно прохаживался по залу, благоклонно кивал знакомым, брал с подноса «посольские бутерброды» - то есть на один укус, и шампанское, благо, Щелкунчики, - так он обозвал официантов, одетых под оловянных солдатиков, очень похожих на тех, из балета Чайковского, - крутились возле ног без устали. И, вспомнив Петра Ильича дважды за один вечер, чуть не поперхнулся, - он никак не мог понять, чего же это его на классику-то повело...

Дамы и кавалеры танцевали, обменивались мнениями - и о чем? О политике? Бизнесе? Новых книгах? Ничего подобного - о детях, кухне и прислуге. Краем уха Иван Семенович

прислушивался к разговорам. Рядом с ним щебетали две дородные матроны в декольтированных длинных платьях от известных кутюрье:

- Смотрите, как мой Мишенька грациозно танцует с Леночкой Ковалевой.

- Прекрасная пара, все ж она в Сорбонне учится, Франция на нее повлияла-таки, а у вашего такие манеры, просто молодой граф!

- Я не нарадуюсь, глядя на Мишеньку, а ваша – прямо принцесса из сказки. Как нежно она прижалась к Андрею Потанину!

- Деточка так волновалась! Домработница плохо отгладила воланы и Оленька до слез расстроилась.

- Но это же совсем незаметно!

- Что вы? Это другое платье, супруг позвонил куда надо, - бутики открыли и платье нашли... сами понимаете. Приличная прислуга в наше время – большая редкость!

- Да... да...

- Как вы думаете, чем они нас кормить будут?

- А вы не знаете?

- Нет! Правда, мне говорили, подадут севрюгу фаршированную и...

- Диких кабанчиков в серпантине из ананасов, нашпигованных черносливом под соусом...

- А, это же Степан Ильича, губернаторского шеф-повара, секретный рецепт.

Вот такая болтовня раздавалась со всех мест, голоса сливались в единый гул, напоминающий пчелиный рой. У Ивана Семеновича разболелась голова. Он не на шутку проголодался и, чтобы заглушить разыгравшийся аппетит, отправился в курительную. Едкий дым ударил в нос. Мужчины, развалиясь в креслах, прикидывали стоимость очередной сигары, закуриваемой соседом, дискутировали о качестве табака, повышении цен на нефть и ценных бумагах.

- Иван Семенович, проходите к нам! – пронзил пространство срывающийся дискант господина из местной администрации.

Из внутреннего кармана фрака Иван вытащил пачку «Парламента». Закурил сигарету, но ему тут же преложили несколько сигар на выбор и бокал коньяка. Спиртное ударило в голову, разогнало кровь, настроение улучшилось. Наконец, прозвучал звук гонга и все потянулись к торжественному столу. У каждого имелся свой номер - место, где надлежало сесть.

Иван оказался рядом со знакомым банкиром и его супругой, стул справа оставался не занятым. Разговор не клеился, вялые замечания по поводу льгот на долгосрочные кредиты прерывались длинными паузами. За спиной зашелестело платье – Иван почувствовал чье-то присутствие.

Обернулся, - очаровательная женщина! Короткая стрижка обрамляла узкое лицо. Серо-голубые глаза. Двойная нитка серого крупного жемчуга на шее придавала особый блеск взгляду, шелк стального цвета и воланчики на рукавах подчеркивали округлые формы. Она произнесла отрывистое «Здравствуйте», Иван Семенович задержался с ответным приветствием всего-то на миг, но этого было достаточно, чтобы соседка с долей сарказма над избитостью фразы желала всем и никому: «С наступающим вас, господа!». Банкир, нагнувшись, с улыбкой откликнулся: «С праздником!», и только потом Иван Семенович промямлил что-то вроде «Новогодним!», от чего сконфузился, но тут же взял себя в руки:

- Давайте познакомимся...

- Я знаю, как Вас зовут, - ответила незнакомка и показала на табличку с его именем.

Иван, в свою очередь, прочитал ее имя на спинке гнутого стула, кивнул головой:

- Очень приятно! А вы любите светские разговоры?

- Ничуть, - кокетливо тряхнула она волосами.

- Я тоже их не люблю. Как вам здесь нравится?

- Очень симпатично, с помпой, вот только вода и соки на столе в пластмассовых бутылках.

Иван не удивился ее замечанию. Пластмассовые бутылки, в самом деле, на балах выглядят странно.

- Да...
- Не досмотрели, - продолжила она.
- Не досмотре-е-ли.

Вскоре подали закуски, а перед горячим вышел Дед Мороз со Снегурочкой и под бой часов громогласно провозгласил наступление Нового года. Конечно, без красивых и длинных речей высокого начальства не обошлось. Звучки звенящих бокалов сочетались с трелями мобильных телефонов - их не отключали и беспрестанно отвечали на звонки с поздравлениями.

К двум часам ночи Иван со своей соседкой уже неприужденно болтали о всякой чепухе, выходили вместе курить, танцевали танго, да-да, после полуночи звучала уже другая музыка, а молодежь перебралась в дискотечный зал.

Он забавлял ее небылицами, в которые она упрямо не хотела верить. Рассказал, что еще несколько дней назад был нищим и собирал в шапку милостыню. Она хохотала, грозила пальчиком, который Иван успел перехватить и поцеловать. Женщина руки не отдернула. Встретившись взглядом с ее глазами, он увидел, как они потемнели, и в этот момент Иван почувствовал странное тепло в груди и осторожно начал:

- Вы когда-нибудь бывали в замке Хёрста в Калифорнии?

- Нет.

- У него огромная столовая с гигантским, на пол стены, камином. Столы узкие, но длинные. Если помните, он был газетным магнатом Америки. К нему приезжало много гостей: писатели, актеры, бизнес-элита. Был такой негласный закон, который неукоснительно исполнялся. Только что появившийся гость садился рядом с Хёрстом, а на следующий день вечером, за ужином, все сдвигались на один стул в сторону камина, только хозяин и хозяйка оставались на своих местах. Гигантский очаг растапливали каждый день, невзирая на погоду. Ровно через месяц, постепенно перемещаясь, в конечном итоге, оказываешься около горящих

поленьев. Долго сидеть там невозможно. Обычно, не дожидаясь конца ужина, приходилось прощаться и уезжать.

- Вы намекаете, что мы так долго тут сидим? - и она оглянулась по сторонам.

- Хотите со мной встретить Новый Год по московскому времени? Только мы вдвоем?

- А...

- Я один, и разведен к тому же, у вас тоже я не заметил обручального кольца.

- Я не замужем.

- Поедемте!

Она посмотрела на него, слегка нахмутив брови, и, озорно улыбнувшись, ответила:

- Поедемте, почему бы и нет!

Дома, в прихожей, Иван притянул ее к себе, помогая снять шубу:

- Только один поцелуй, один!

Ее губы приоткрылись и поцелуй получился робкий, юношеский, и оттого еще более трепетный.

За окном шел снег, в комнате мерцали свечи, их пламя колыхалось от дыхания и сдавленных стонов влюбленных. Шепот загадочно парил среди теней в гостиной.

- Ты веришь в любовь с первого взгляда?

- Любимая, я мечтал ее встретить когда-нибудь!

- Я тоже.

- Такое чувство, что я знаю тебя всю жизнь.

- Странно, но я тебя чувствую всего, всего до последней клеточки. Знаешь, какие у тебя крепкие мышцы на спине?

- Нет.

- Они теперь мои.

- Пусть так!

- Это безумие.

- Да. Выходи за меня замуж!

- Хорошо!

- Как с тобой все просто и прекрасно!

- А не пожалеешь?

- Родная, у нас будет уютный дом и большая семья.
 - Я буду делать тебе завтраки, ты любишь оладушки по утрам?
 - Да. Я буду каждый день возвращаться к ужину.
 - Но ты же занят... Работа... и...
 - Нет. К тебе я буду возвращаться и днем, я буду работать с девяти утра до семи вечера.
 - Не может быть! А командировки?
 - М... ты права. С этим мы разберемся позже. А сегодня поженимся!
 - Но ведь первое января и ЗАГСы закрыты!
 - Подожди.
 Он подошел к телефону.
 - Сергей, позвони Ирине Дмитриевне, она с Егором Борисовичем встречается... Скажи, я женюсь сегодня... Да, не ослышался... Договорись на три часа дня...
 Прикрыв трубку ладонью, повернулся к ней:
 - Какой у тебя размер кольца?
 - Шестнадцать с половиной.
 - Да, - продолжил Иван разговор с Сергеем, - найдите обручальные кольца, размеры шестнадцать с половиной и восемнадцать, белые розы, доставь к двум часам и закажи ужин на двоих на семь вечера в «Метрополе». Ты и Витя будете свидетелями, оденьтесь поприличней.
 - Ты – сумасшедший! У меня нет платья и взрослые люди так, как мы, не поступают! - нараспев протянула она.
 - Я люблю тебя. И под венец пойдешь в моем любимом сером платье!
 - И я люблю тебя, родной! Но ведь это единственное платье, которое ты видел на мне.
 - Телохранители будут нашими свидетелями.
 - Ангелами-хранителями!
 - Да... Я чувствую себя мальчишкой, все прожитые годы – как в тумане...
 - Мы сгорим в аду.
 - Нет, в нашем доме будет любовь, а, значит – рай!

- В три часа дня под сводами центрального ЗАГСа прозвучало:
 - Екатерина Владимировна Рыкова, согласны ли вы взять в мужья Ивана Семеновича Орлова?
 - Да, согласна.
 - Иван Семенович Орлов, согласны ли вы взять в жены Екатерину Владимировну Рыкову?
 - Да, согласен.
 Казалось, что сама любовь, распластав невидимые крылья над данниками испепеляющего чувства, изрекла хорошо поставленным голосом служащей дворца бракосочетаний:
 - Объявляю вас мужем и женой.

Заведующая ЗАГСа Ирина Дмитриевна, закрывая за собой двери на ключ, подумала, что эта пара проживет долго. За двадцать лет работы, она повидала десятки тысяч молодоженов, и почти всегда могла определить по виду: будут вместе до гроба или вскорости разбегутся. «Безумство любви непредсказуемо, - дай Бог им выдержать!».

Мысль оборвалась. Ирина Дмитриевна, зевнув, забралась на заднее сидение машины и поехала домой.

Виктор Вайнерман **ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ** *Рассказ*

При движении снег хрустит под ногами через равные промежутки, как будто я, разминая кожаные краги, приподнимаюсь на носки. Хрум–хрум, хрум-хрум. Из рта валит пар. Тёплое пальто, рукавицы и нахлобученная по самые брови шапка не дают замёрзнуть. Да и мороз пока ещё только примеряется, как и за что ему получше ухватиться. Не мороз, а морозец. Шалун! Засыпал всё вокруг ледяной крупой, а «взрослое» солнце её высеребрило, заиграло на ней. Как много приятных ощущений! Хруст, блеск, ослепительная белизна. Лицо приятно пощипывает. Здорово!

И эти упоительные зимние запахи! Почему-то на них особенно обращаешь внимание накануне Нового года: свежий - хвой, романтичный - апельсинов, сытный – пельменей. От желаний, вызванных запахами, кружится голова, а сердце замирает в предвкушении скорого праздника.

Хочется поозорничать, порезвиться. Мне – семнадцать, самое время почувствовать себя авантюристом. На носу первая зимняя сессия, а я согласился по-дедморозить. А что – заработаю немного – встречу Новый год, как люди.

В комнате у Надьки пахнет по-особому. Когда-то похожий запах я слышал в гримёрке Дворца пионеров. Сегодня Надежда поможет мне стать Дед-Морозом.

Я стою перед ней, ещё румяный.

- Да тебя и гримировать не надо, - шутит моя помощница. До сих пор я в упор её не видел. Ходит себе по университетским коридорам девушка как девушка. Ничего особенного. Впервые она стоит так близко ко мне. Слышу её дыхание и ощущаю всю. Прямо жаром пышет... Интересно, все девушки такие горячие? Подняла ко мне лицо. Взяла одной рукой за подбородок, чуть приподняла вверх, а другой стала плавными движениями, едва касаясь, что-то втирать в лоб и щёки. Приятно – не то слово!.. В школьном театре мы гримировали себя сами. Наш «грим» лишь слегка подправляла взрослая тётенька - руководитель нашего кружка. А тут – девушка... Сердце ёкнуло и упало вниз. Усиленно смотрю на люстру. Упавшее сердце колотится как сумасшедшее. Животом ощущаю мягкие прикосновения. От них учащается дыхание, и мне кажется, что Надька сейчас заметит, точнее, почувствует, с моей стороны ответные и вовсе не мягкие прикосновения... Она учится на четвёртом курсе и старше на шесть лет. Успела поработать до поступления, сходить замуж и развелась всего год назад. Мне почему-то стыдно показаться ей мальчишкой. Хотя – что в этом стыдного? Я и есть мальчишка. Но ведь она обязательно расскажет кому-нибудь, как я краснел, дышал, и стеснялся, и ничего не делал, когда это... ну, в общем... Да ещё и посмеётся надо

мною. А я перед сокурсницами хочу слыть выдавшим разные виды и смело действующим в любых ситуациях – фил-фак всё-таки. У нас на курсе из семидесяти студентов всего пятеро парней... Хотя какое дело Надьке и её четвертому курсу до нас? Мы для них ещё неоперившиеся птенцы...

Ладони сами собой ложатся на изящные изгибы, расширяющиеся к низу. Талия? Угум-с.

- Дедушка Мороз, убери, пожалуйста, ручки. А то Снегурочка будет сердиться...

- Извини, Надя. Вдруг упаду – хотел подержаться.

Надежда ещё какое-то время раскрашивает моё лицо. Приносит усы, бороду. Она решила не цеплять их на резинку, а приклеить. Чтобы всё было по-настоящему. Вдруг я ощущаю, что мягкие прикосновения стали плотнее. Надя прильнула ко мне всем телом. Одну руку она согнула в локте и положила мне на плечо, в другой кисточка. Она не то мажет виски клеем, не то наносит грим. Теперь двумя руками действовать неудобно – слишком близко. Не могу же я, ни с того, ни с сего, обнять Снегурочку. Разве что по-родственному... Кладу правую руку на то место, где Надькина спина прогибается и плавно переходит в... чёрт! как же назвать это место?.. и, неожиданно осмелев, прижимаю девушку к себе. Она смотрит мне в глаза долгим-долгим... бесконечным взглядом. Приподнимается на цыпочки и... и... тянется ко мне губами. Они горячие, мягкие и такие нежные. М-м-м... Долго целую каждую губку в отдельности, потом припадаю к ней, и пропадаю...

Вдруг Надя отрывается от моих губ и прячет голову у меня на груди:

- Постой. У меня голова кружится.

Я испуган. У неё даже голос тоньше стал, и звучит так жалобно. Смотрю за спину Наденьки, вижу стул и осторожно усаживаю мою Снегурочку.

- Дать воды? Тебе плохо?

- Немножко. Пожалуйста...

Подаю стакан и вижу искорки в мелькнувшем Надькином взгляде. Что это? Насмешка? Я что-то сделал не так?

Может, обидел чем?

- Всё. Спасибо.– Она прокашлялась. – Так. Ну-ка садись за стол. Молодец. Я уже почти закончила тебя гримировать. Сейчас займусь собой, а ты пока повторишь текст.

На её щеках, даже на носу, на шее – следы ярких дедморозовских поцелуев...

Утренник в детском саду, потом ещё один. Хороводы вокруг сверкающих огнями разукрашенных ёлок. Конкурсы, вручение подарков. Потом нас везут в детский дом. Там программа повторяется.

Уф-ф... На сегодня всё. Мы устали. Приезжаем обратно. Надька холодна. А я жду продолжения! Я ждал его весь день! Утренний поцелуй растревожил моё воображение. Но Снегурочка протягивает флакон со смывкой, вату и отворачивается к своему зеркалу.

- Надь! Пойдем вечером на танцы.

- Как же сессия?

- Да куда она денется?

- Твоя, может, и не денется, а мне надо заниматься. Завтра утром приходи, как договорились. Помогу тебе загримироваться.

Это звучит как обещание! Обнадёженный, ухожу. Вечером не могу уснуть, кручусь, вздыхаю. Вспоминаю запах Надькиной кожи и вкус поцелуя. Я целовался с женщиной, не с девчонкой какой-нибудь. Она знает, чего хочет. А я? Вдруг облажаюсь в самый ответственный момент?

Завтра всё повторяется, правда, с некоторыми приятными отличиями. Мои руки не просят убрать с талии. И поцелуи начинаются значительно раньше. Они длятся также долго и томительно-сладко. Но едва мои пальцы начинают двигаться по направлению к груди, Надька снова отстраняется, и я опять слышу:

- Постой... постой. Голова сильно кружится.

Снова сажу на стул, даю воды. На этот раз опускаюсь перед ней на корточки, кладу руки на её колени и смотрю в

глаза. Что-то здесь не так. Но она старательно прячет взгляд. Кто бы научил – как себя вести в подобной ситуации?..

И снова - утренники, утренники, утренники.

Надька согласилась встретиться вместе со мной Новый год! Ура!

Хотя и не вдвоём. Да и к лучшему. Что с ней делать – вдвоём-то?.. На этаже народ разбился на смешанные компании. Вместе держатся только девчонки из Киргизии. Они пригласили в гости парней из города, закрылись, и мы их не видели до вечера 1 января. Наша комната на пять человек опустела. Трое уехали по домам в область. Серёга Охотников, мой сосед, позволил третьекурсницам уговорить себя встретиться Новый год с ними. Он со своей гитарой и в обычные дни нарасхват. Вечерует только с теми, кто ему приятен. Если разговор не нравится, или не Серёга вдруг оказывается в центре внимания, обрывает музыку на середине песни, встаёт и уходит. Сегодня Серёга, судя по составу компании, засидится допоздна. Девчонки в 536-й комнате совершенно без комплексов. Чёрт! Зачем же он ключ от комнаты уволок? И куда я дел свой? Ладно, потом разберусь...

Весело у старшекурсниц. Вроде, небольшая у нас разница в возрасте, а не сравнить с вчерашними школьницами. Даже комнату украсили так уютно, что и уходить не хочется. Салфетки повсюду вышитые. На постелях – красивые покрывала. На книжных полках – разноцветные маленькие фигурки из прозрачного стекла. На столе – не кухонная клеёнка, а домашняя тканая скатерть. И посуда не с надписью «Общепит», а тонкой работы. Ёлочные украшения вроде, тоже развешены, но мишура, шары, гирлянды подобраны совсем иначе, да и висят по-другому, не как у всех. В чём отличие? Да по-взрослому как-то... Даже выпивка, закуска – не то, что у нас. Никаких тебе килек в томатном соусе и портвейна «три семёрки». А наши вчерашние школьники даже на Новый год портвейн закупили. Шампанского взяли всего пару, а дешёвых «огнетушителей» набрали, кто сколько унёс...

Посидели мы, встретили Новый год, покричали, позагадывали желания, поели-попили. Включили музыку, зажгли свечи. Танцы.

Прижимаю к себе Надю, касаюсь губами её волос над ухом.

- Надь, а Надь... а у меня в комнате никого нет. Пойдём ко мне?

Она молчит какое-то время. Смотрит, чем занимаются девчонки. Убедившись, что они не обращают на нас внимания, слегка пожимает мне руку. Танцуя, мы потихоньку приближаемся к двери и быстро выскальзываем в коридор.

Моя комната - у окна в самом конце. Держу Надину ладошку в своей. Идём не спеша. Только бы никто не встретился. Потом замучают вопросами - что, да как... Со всех сторон - музыка, взрывы смеха, звон посуды. Почти дошли. О-па! Распахивается дверь напротив и, гремя гитарой, в коридор выплывает Серёга. Подхожу к нему.

- Серый, где ключ?

Серёга смеётся и качает головой, склоняясь над гитарой. Надюха стоит рядом и с иронией разглядывает его. Серёга подмигивает ей, делает мне знак приблизиться и шепчет на ухо:

- Я буду здесь. Покараулю... Сейчас девчонки подойдут.

Благодарю друга и вместе с Надей исчезаю в комнате.

На всякий случай изнутри подпираю дверь столом. Теперь я уже не могу не видеть его обшарпанную до ветхости поверхность. Стыдно перед гостьей. В центре стола стоит большая оплетённая бутылка из-под «Гымзы» с сырой водой. Рядом в куче хлебных крошек лежит чёрствая полубулка хлеба, к которой мы с ребятами припадали ещё сегодня утром.

Зато у нас посредине комнаты установлена маленькая ёлочка. Молодец Пашка! Уехал домой, а о друзьях позаботился. Она только начинает оттаивать, и щедро пахнет морозом и смолой. Эти ароматы - единственное украшение нашего студенческого жилища.

Забираемся с Надей на сдвинутые кровати. Она быстрым движением пододвигает подушку к центру. Я делаю то же

самое. Мы ложимся лицом друг к другу.

- Прямо как на супружеском ложе...

Луна заглядывает в окно, и я вижу Надину чуть горькую улыбку. Ляпнул, не подумавши: человек же недавно развёлся. Ещё решит, что я намекаю, воспримет, как издёвку. Глажу её по волосам, провожу по щеке. Она ловит мою руку и целует ладонь...

Вскоре у неё снова закружилась голова. Но на этот раз я не иду за водой. В конце концов, она лежит в постели, значит, не упадёт. На мгновение отстраняюсь и вопросительно смотрю Наде в глаза. Мои дальнейшие действия могут быть восприняты, как подлость: я собираюсь в полной мере воспользоваться её слабостью. Знать бы ещё, как да что... Неожиданно Надя сама тянется ко мне, шепчет:

- Глупый...

...Сколько времени мы проводим в путешествиях друг по другу, сказать невозможно.

Вдруг - грохот! Кто-то пытается открыть дверь. Грубо так ломится.

- Стой! Не лезь туда! Там целуются.

Серёгин голос. Получив такую ценную информацию, неизвестный обрушивается на дверь всем телом. Стол отъезжает в сторону. Я не успеваю прикрыть ни себя, ни Надюху. Вспыхивает свет. Виталий. Тот самый! Вот гад! Он учится с Надей на одном курсе. Парень неприятен многим. Глаза хищно смотрят из-под густых бровей. Длинный нос. Губки неестественным бантиком. К тому же сильно пьёт, и когда напивается, вечно затевает драки. А мне от чего-то становится легче. Здесь-то я не стану ломать голову над тем, как себя вести, задумываться, играют со мной, как кошка с мышкой, или нет. Между мужчинами всё ясно и просто. Словно катапульта выбрасывает меня из кровати. Хватаю стул и с размаху обрушиваю его на Виталия. Нечего ломиться, куда не следует. Предупреждали ведь! При этом из меня изрыгаются жуткие матерные слова, выученные за месяц пребывания на практике в колхозе. Серёга вытаскивает ошеломлённого Виталия в коридор и закрывает за собой дверь.

Смотрю на Надежду и понимаю, что произошло непоправимое. Она такая бледная... Заправляет нарядную белую блузку в наспех надетую юбку, одновременно пытаюсь попасть ногами в туфли. Поправляет волосы и быстро направляется к двери.

- Надя!

Резкий поворот в мою сторону, колкий взгляд.

- *Guod licet Iovi, non licet bovi...*

Смысл незнакомых слов не доходит до моего сознания, но заставляет остаться на месте. Это по-английски? Немецки? Французски? А! скорее всего, это латынь. У нас латынь только началась. Мы ещё не дошли до пословиц и поговорок. Дурацкая ситуация. Только что чуть сам в обморок не падал, когда у девушки голова кружилась, и вдруг, после такого трепетного отношения – мат. Конечно, она обиделась. Но я же не знал, как себя вести! Всё-таки меня уели. Досадно!

На утро раздобыл у девчонок со второго курса тетрадку с пословицами. Вот и перевод. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Кто Юпитер – Виталий? Или он – бык? И если ему позволено материться при даме и вламываться, когда люди целуются, то почему я должен терпеть такое поведение? А, может быть, это я Юпитер и мне не позволено материться при даме?.. Оно, конечно, ни тому, ни другому не позволено. А что, если Виталий и Надька... И она расстроилась из-за... Не может быть!..

Так. Кажется, теперь у меня с головой не всё в порядке...

Эх, чёрт возьми! Что нынче за головокружительный Новый год. Не знаешь, радоваться или огорчаться.

...Почему-то первого января снег под ногами хрустит не так вкусно. Солнце по-прежнему играет с морозом. Но первого января оно серебрит ледяную крупу уже равнодушно, буднично как-то. Блеск закончился у светила, или подустало? Или морозец подрос, и играть с ним теперь не так интересно? Острые запахи хвои и апельсинов притупились и сильно отдают бензиновыми выхлопами, табачным и водочным

перегаром. Пельменный дух валит из каждой закуской и вызывает отвращение. Да, мороз, действительно, нашел себе точку опоры и жёстко давит на землю. Особенно достаётся всему живому. Тёплая одежда не спасает. Кажется, с каждым вздохом мороз вымораживает частицу внутри. Всё тепло сосредоточилось в области сердца. А в сердце – Надюха. «Ах, Надя-Наденька, мне за двугривенный в любую сторону твоей души», - доносится из общежитских окон.

Если бы так!

Георгий Петрович
ПОД ФИГОВЫМ ЛИСТКОМ ЛАОКООНА
Рассказ

В однокомнатной полутёмной квартирке с облезлыми обоями - выцветшие васильки по полю, стоит перед овальным зеркальцем стройная женщина.

«С тех пор, как я катастрофически подурнела, - обращается она к зеркальцу, как к внимательному собеседнику, - раздражает всё. Совершенно идиотская реклама или призыв, чёрт их там, в телевизоре, разберёт: «Россия – щедрая душа!». Щедрая на что? Щедрая к кому? Чего это там у неё так много? Доброты? Сообщите, к кому? Нет, вы скажите, к кому конкретно, пока я не разбила к такой матери телевизор вместе с его вреднейшим враньём в телепрограмме «Окна». Он - Дмитрий - за кого меня держит? Он, что? Думает, что я поверю, что истории эти не придуманы? Что их исполняют реально существующие персонажи? Симпатичный Дима! Ты кого хочешь обмануть? Да я столько уже оставила в унитазе, сколько ты ещё не съел за всю жизнь, плейбой! Беспардонное, развращающее и, повторяю, вреднейшее враньё потому, что в твоих окнах: зловонный дух нравственных нечистот, всё разрушающая алчность, умышленное выпячивание самых гадких сторон человеческой природы, гнусное предательство на каждом шугу, циничная демонстрация самых низменных страстей, всевозможных извращений и конкретный стриптиз души, в худшем его проявлении. Почему в

худшем? А потому что в хорошем обнажается красота, а в плохом – уродство. Что я сказала? Конкретный? Вот, милый Дима, и результат. Ненавижу все эти: «чисто отдохнуть», «реально выпить», «конкретно побазарить», «типа – поговорить». Ненавижу, но благодаря таким, как ты, против воли, говорю. Ты сам излагаешь правильно, но твои подставные утки?! Ненавижу, когда вместо «довольно-таки мало» говорят бессмысленное и взаимно исключающее друг друга: «достаточно мало». Нет, вы скажите мне, дебилы с высшим образованием: «достаточно» вам или вам всё-таки «мало»? Я что-то не въехала в проблему, не врубилась и «как бы» не догнала. А за это идиотское «как бы», вообще, нужно морду бить. Она мне как бы жена! А жена стоит рядом и у нее вертится на языке: «а, ты, павиан, мне как бы муж, и дети у меня как бы от тебя. И заметь, сохатый, не конкретно твои, а «как бы» от тебя».

А этот певец – профессор? Как он мне надоел? Я так и говорю, когда меня сильно достают: «ты мне надоел, как...». Не скажу фамилию. И что интересно? Прекрасный голос, типа вокал, и потом реальные заслуги - «не думай о секундах свысока, настанет время, сам поймешь, наверное» - это, вообще, святое, светлое и ностальгическое, как утраченная невинность, но ведь не трогает меня, конкретно, больше голос, ну, ни капельки, не берет за душу потому, как объелась, и душа, как бы это поконкретнее выразить? А вот как: когда пермяк наелся пельменей, а ему щедрая душа предлагает ещё, он говорит: «спасибо, на пельменях сижу». Здорово, правда? Но не говорить же: «на народном певце сижу». Это было бы невежливо. Знаю, что невежливо, знаю, что не права, но ничего с собой поделывать не могу. Ну, не трогает меня больше твой голос, хоть запойся, и потом зачем нормально ориентированному мужику стесняться лысины? Не понимаю. Ею – плешью - гордиться надо потому, что: чем гуще волос на тылке у хорошо созревшей особи, тем меньше гормонов в самце. И соответственно – наоборот: лысый, значит, половых гормонов полный комплект. Вон Саша Розенбаум, ему она даже идёт. Ни одного кучерявого и рядом не поставлю.

Разумеется, я не права: у профессора совершенно не стареет голос, - пой, пока поется, но безумно хочется кого-нибудь уесть?! Совершенно очевидно, что эта моя вредная сварливость спровоцирована моим вынужденным бездельем. Меня не веселят больше юмористы, и не потому, что они плохие, а потому, что я сама стала скучная, как лекция по научному атеизму. Нет, не так: я стала занудная, как нотация. Я обожралась песнями, юмором и последними известиями. Я торчу у телевизора целыми днями, и в результате у меня развилась к нему наркотическая зависимость. Я боюсь, что, когда я отойду, там, в ящике, покажут что-то очень важное, но там одни только катастрофы, катаклизмы и конкретный криминал. Скажу больше: мне стыдно признаться, но когда в последних известиях никого не ограбили, не убили, не изнасиловали в подъезде, не удушили в лифте, не подожгли в собственной квартире, не разоблачили и не посадили, - я чувствую некоторое разочарование и не потому, что я стала кровожадной, а потому, что с происшествиями жить реально веселей.

Сколько раз я употребила слова-паразиты: «реальный» и «конкретный?». Страшно сказать, а ведь я образованная женщина. Вот до чего ты меня довёл, милейший Дима. Ты, думаешь, что я в твоих окнах на этих бездарей смотрю? Это из-за тебя я глазею на этот дрянной спектакль потому, что я люблю элегантных и хорошо сложенных мужчин. – Женщина пытается рассмотреть себя в профиль. Она поворачивается к зеркалу боком, и говорит с отвращением к себе:

- Пора делать перетяжку, пока я совсем не озверела и не перебила все зеркала. Сказка-то про «свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду Расскажи» вовсе и не сказка, а былль потому, что в ванной, где чуть потемнее, я выгляжу ещё терпимо, в зале – уже пострашней, а в зеркальце на окне, там, где безжалостный дневной свет, нет, это не выразить словами, это такое страхуёбище, что будь я на месте самого завалящего мужика, разве совратилась бы на такую, как я? Ну, а телепрограмма Отарика, не скажу фамилию, забыла название его передачи, лучше, что ли? Однако я брюзга! Брюзга и

старушенция, раз память типа склероз. Телепередачи молодежь испортили? А что сказал Экклезиаст? Он, мудрейший из мудрейших, изрёк: «И не говори, отчего это прежние времена были лучше нынешних, ибо не от мудрости спрашиваешь ты об этом».

Нет, просто мне не везёт. Страшны не беды, а победы. Как это верно. Сначала пьяный водитель сбивает отца, и его не довозят живым до Склифосовского. Потом сгорает мамин дом со всеми её сбережениями, а через день мама умирает от огорчения. Собственно конкретных сбережений никогда и не было, но зато было одно из лучших в России собрание авторов авантюрного и детективного жанра. Скажите, рукописи не горят? Это у Булгакова в романе не горят, а у нас в Мытищево так полыхают – не затушишь. Сорок лет мама, работая в крупном книжном магазине, собирала личную библиотеку.

«Только дремучие слои обывателей, - говорила мама, - прячут деньги в чулок. А просвещённая часть общества вкладывает средства в книги».

И вот, что осталось, - женщина окидывает взглядом слишком большую для современных столов скульптурную композицию «Лаокоон и двое его сыновей» с остроумно вмонтированной мастером художественного литья в ногах у отца замысловатой чернильницей и стопку книг, чудом спасшихся от огня. Она вдыхает пахнущий дымом воздух в квартире, - вздрогнули тонкие ноздри и подчеркнули тем самым благородство профиля хозяйки квартиры, - а теперь из-за вас, - она снова укоризненно смотрит на книги, - пропах тревожным запахом костра весь мой нехитрый гардероб. - Женщина подходит к вешалке и старательно обнюхивает одежду. – Ну, конечно, эта мымра из отдела народного образования учуяла запах и решила сократить именно меня, чтобы мною в школе и не пахло. Может быть, меня бы и оставили, если бы не этот болван Клепиков. Я дала каждому из сорока учеников по одному сонету. Их ровно сорок во второй главе Евгения Онегина. Хотела блеснуть перед проверяющими. Клепикову достался сонет номер тридцать три.

Ну, это всем известное: «Бывало, писывала кровью она в альбомы нежных дев, звала Полиною Прасковью и говорила нараспев».

И вот он встаёт: «Бывало, писывал я кровью» - и онемел. Ему подсказывают – он в глубоком ступоре. Его ущипнули за седалище – он очнулся и очень громко с выражением: «Бывало, писывал я кровью» и этот снова замолк. До конца урока замолк кровописающий мальчик.

Если бы он вместо «Ядра – чистый изумруд» честно признался: «Я – дробистый изумруд», я бы, конечно, заподозрила его в саботаже, но не обиделась, и даже похвалила бы его про себя, ведь эту прелесть он сподобился прочесть у одарённого; в моём же случае, он по тупости своей зарезал меня без ножа, вот что досадно.

«Ваши ученики, - поддела меня потом на педсовете желчная дамочка из комиссии, - не в состоянии выучить всего четырнадцать бессмертных Пушкинских строк». В результате я теряю работу и сижу теперь на мели потому, что денег у меня «достаточно мало». Вот такие дела, Димочки и Отарики. А за окном дожди, а на носу очки, а под очками морщины, «а в душе осень». И ничего, кроме одинокой и нищей старости мне не светит, ничего. Я не открою своё дело, а могла бы – я неплохо шью и крою, и, кроме того, у меня врождённое чутьё на стиль и на фасон; чутьё есть, а рубликов на малосенькое ателье – нет, и ссуду мне – безработной - никто не даст, и никто мне не займёт, а без толковой суммы ничего не организуешь. А если бы даже и нашлась «щедрая душа» и одолжила мне деньги, то ничего путевого из этого бы не вышло, потому как с последних денег даже гуси не ведутся.

Женщина присела перед стопкой книг и стала протирать их от копоти. Популярнейшую среди «дремучих обывателей» детективного склада ума дамочку с её асимметричным, и оттого жутковатым оскалом, - она швырнула под кровать. Туда же полетел, изгнанный из порядочного общества за профнепригодность, неизлечимо травмированный от ежедневного общения с взбесившимся бандюганом, известный

среди определённой группы читателей, писатель. Максимально тактично, но неумолимо, в ту же компанию была отправлена, несомненно, талантливая пышнотелая красавица. Женщина на минуточку задумалась, прежде чем дать писательнице определение, и обосновать причину её изгнания:

«У вас, роскошная вы наша Татьяна (не скажу фамилию, а то вас перестанут по телевизору показывать), всё очень забавно и мило, но у вас, на фоне неоправданно ярких постельных сцен, совершенно закономерно блекнет интрига. И потом, зачем дразнить малообеспеченных граждан этим вымышленным и вожделенным мирком, когда не просто ужин, а Лукуллов пир, когда не просто совокупление, а звериный рык и до упора, а если вещь, то непременно от Версаче, и все при этом взаимно пересношались, и все после безумного коитуса напрочь позабыли: кто, кого и когда, должен был замочить? Это какая-то Камасутра с пистолетом»

Хотела женщина указать автору на то обстоятельство, что у неё любовная линия напрочь забивает детективную, но вспомнила, что она об этом уже сказала вначале, подумала ещё немного и со словами: «детективный Декамерон!» отправила всю продукцию под кровать.

Равномерным слоем, как пеплом, покрыли кучку отверженных все тома плодovитейшей и горячо любимой народными массами детективщицы: «Пусть вас, уважаемая, и, я не побоюсь этого слова, горячо читаемая, Александра, - с ядовитой вежливостью оправдывалась хозяйка, - листают в автобусах, троллейбусах, трамваях, в метро, на яхтах, на вахтах, на пароходах, на производственных совещаниях, во время заседаний государственной Думы, в аэропланах, в дирижаблях, и даже на борту космического корабля; и я, поверьте, против вас ничего не имею, но другого места у меня для вас нет. Вы уж не обессудьте».

Карточным веером легли на пыльный пол перед кроватью: Агаев Самид Сахитович «Ночь волка», Левин Леонид «Только демон ночью», Руденко Елена «Новая Жюли», Кондратенко Евгений «Участковый Брыкин взятку не берёт».

Их протёрли и поставили рядом с постелью. Их предстояло ещё прочитать. Из соотечественников первыми удостоились почетного места на книжной полке: Борис Акунин – весь. Сраженная невероятным для нашего хамского времени благородством, доверчиво и почти интимно прижалась к «Любовнику смерти» Эрасту Фандорину теплым бочком Кленкина Мария «Не горячись или из Жизни Хладнокровных». Женщина одобрила выбор Марии и даже погладила ее рукой: «Умная, вы девочка Маруся! Тонкая у вас интрига и необыкновенно сложная. Но должна вас предупредить, чтоб вы не обольщались насчёт любовников. Перу Гриши Чхартишвили подвластно всё, кроме описания любовных сцен и вообще он не сечёт в сложных взаимоотношениях полов. Одно из двух: либо у него нет соответствующего опыта, во что трудно поверить (все-таки южная кровь), либо он патологически застенчив и целомудрен. Но каков язык? Конфетка! Его можно читать с любой страницы, не вникая в сюжет. Читай и тащись. Я бы съела его за язык».

Ещё спаслась от забвения под кроватью Вера Воронцова с её «Будь моей смертью». И её тоже погладила и похвалила хозяйка за остроту сюжета, за простоту и изящества стиля, за блеск композиции и за тонкую романтику детектива. А потом стройными рядами пошли на полки: Эдгар По – «Золотой жук», Дик Френсис – весь, Агата Кристи – «Пять поросят», «Десять негрятят», «Убийство в Восточном экспрессе». Дороти Сайерс «Чей труп?». Раймонд Чандлер – «Дева в озере». Гильберт Кит Честертон с его «Отцом Брауном», Дешил Хемпет – «Красная жатва». Ричард Остин Фримэн – «Красный отпечаток пальца». С.С. Ван Дайл – «Чему учил Ницше?». Рональд Нокс – «Убийство у виадукка». Раймонд Чандлер – «Дева в озере». Морис Леблан – «Одна женщина». Клод Авелин – «Кошачий глаз». Рекс Стаут с его Ниро Вульфом и Арчи Гудвином.

Отдельно, очень благосклонно, на почётное место рядом с подушкой было позволено прилечь томику этого писателя с собачьим именем Рекс исключительно из-за его безумного предположения о том, что доктор Ватсон был женщиной. -

Тут какая-то аномальность, непременно надо вникнуть.

Компактно поселился на полке Жорж Сименон – корешки его томов красиво разделили собратьев по перу на две равные части.

На нижней полке разместились: Ален Робеспьер Грийе «Резники» и «Ступени наслаждения». За ним Дидро Дени – «Монахиня», потом Мишель Бютор – «Миланский проезд», рядом аргентинец Хорхе Луис Борхес – «Форма сабли». Замкнул стройный ряд книг старый добрый Даниель Дефо с его «Молль Флендерс». Бедняга обгорел по углам, но текст сохранил, а главное – он спас корешок. Так что со спины и не догадаешься, что он – инвалид.

Хозяйка пробежала глазами по спинам томов и снова остановила взгляд на опалённом дедушке Дефо: «А вас, Молли, я бы вообще освободила от уголовной ответственности. Вы же сами признались, что даже после накопления суммы, достаточной для покупки ренты и законного существования с этой ренты, вам всё равно хочется заниматься воровством. Вам, милочка, нужно обязательно проконсультироваться у солидного психиатра потому, что я подозреваю у вас, дорогая Молли, наличие пренеприятнейшей болезни. Клептомания у вас, милейшая Молли, кле-пто-ма-ни-я! Что вам теперь делать? Ах, Молли, не разочаровывайте меня! Не мне же вас учить. Объявляете доктору, что желание тиснуть то, что плохо лежит, совершенно непреодолимо – «сама у себя, доктор, даже ворую, прячу, а потом забываю, куда». Ну, положите немного в доме скорби, зато выпишитесь с замечательным и заветным диагнозом. И воруйте потом себе в удовольствие – вам даже штраф по инструкции не положен. Что касается меня, то посчастливиться мне хоть однажды заполучить необходимое количество дензнаков для более или менее комфортного существования, и я никогда больше не вступила бы в конфликт с законом».

* * *

Промозглое начало марта. Вечер. В комнате с едва уловимым «тревожным запахом костра» на смятой постели лежит

женщина. Скука, граничащая с безутешным отчаянием. Сумерки сгущают синь и заполняют комнату. Пора включить свет, но лень встать. Были бы деньги, надо бы купить торшер и поставить его рядом за головой. Удобно, щёлкнул выключателем и читай себе дальше. Но денег нет. И зачем читать без толку?

Ни одного подходящего рецепта. Ни одного. У этих – взгляд на полку с иноземными авторами, – всё так сложно, запутанно, неосуществимо, а главное – абсолютно оторвано от нынешних реалий, а у этих – презрительный кивок под кровать: кровь, насилие, чернуха. Надо сломать стереотип. Ни один волос не должен упасть с будущих жертв этой аферы – это раз. Наказан должен быть жулик, но никак не честный человек – это два. Сценарий должен быть упрощён до минимума. До минимума!

Разговаривая с собой (она давно уже привыкла разговаривать сама с собой), женщина встаёт и идёт к зеркалу. Она всегда сначала идет к зеркалу, а уже потом – ко всему остальному. Она внимательно рассматривает себя, с кошачьей грацией поднимает руки, кончиками пальцев осторожно натягивает кожу на висках. Всё в ней необыкновенно изящно и овално – ни одного угла, ни в облике, ни в движениях.

Вот, если так натянуть, то исчезают мелкие морщинки за глазами. Но немного, совсем немного, пусть глаза станут, как у игривой киски, а если перетянуть – станешь похожей на пожилую гейшу. Господи! О чём это я? Какая перетяжка, когда торшер купить не на что. А всё мечтается о море: «на вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко». Интересно, Осип эти слова, уже, будучи в тюрьме, написал или ещё на свободе их сочинил? Неужели такое может быть? Волшебная ночь, где-нибудь в Ливадии. Загорелись звёзды! Запах водорослей и море, волнительно пахнущее мужским извержением? Серебристый свет и не песок, ни в коем случае не загаженный потными телами отдыхающих песок. Только большие теплые валуны в зелёных шарфиках из пушистеньких водорослей, похожих на обыкновенный мох. Та часть, что выступает над водой – серо-стального цвета, а там, где

волны лижут бока – зелёный шарфик. Валуны нагрелись за день и теперь щедро отдают тепло. Я обнаженная, мой новый знакомый – тоже. Мы сидим у костра и пьём сухое вино. А потом мы купаемся, и он овладевает мной прямо в ласковой воде. Нет, не надо мной овладевать, я сама любезно позволю ему войти ко мне. Я не жеманная, я – гостеприимная. Он – мой новый партнёр - мне еще не надоел, как этот майор милиции. Этот мент достал меня, как поющий профессор, не скажу фамилию: «я не ем после шести», а я ем, если есть что поесть, я бы и сейчас с удовольствием съела бы что-нибудь, а он сует мне грушу, а меня с них дует, груша с шампанским – это такая газогенераторная установка, и только одна мысль: «Как бы не оконфузиться, прямо под кавалером».

И зачем так бить лобком? Понятно зачем. Он думает, что таким образом создаётся иллюзия увеличения размера его естества. Какая глупость. Впрочем, будь он искусен в любви, как Казанова, и тогда он был бы мне противен. А эти расспросы во время того: «тебе хорошо со мной?». Все время хочется ответить ему вопросом на вопрос: «Товарищ майор, это половой акт ваще или пресс- конференция в натуре?». А это ликование после благополучного завершения процесса? Каждый раз он страшно волнуется до того и радуется после, как будто он чудом сдал трудный экзамен. Не уверен в собственных силах офицер. Не уверен! Отчего это? Потому, что: «от чёрного хлеба и верной жены мы бледною немочью заражены?». Но он не женат и черный хлеб не ест из принципиальных соображений: «пусть черняшку жрет черная кость». Противно это тщательно скрываемое и с трудом преодолеваемое бессилие.

А ведь это так легко и так радостно, если ты настоящий мужик без комплексов и без условных лжеморальных тормозов. И зачем продолжать трогать меня после? Он, видите ли, где-то прочитал, что женщинам просто необходимы ласки после этого. Какой дурак это придумал? Я содрогаюсь, как от наждака, мне после этого, как минимум, полчаса ничего не надо, мне неприятно даже лёгкое прикосновение там,

а он всё норовит ухватить за самое чувствительное. И всё обнюхивает меня и этот дубовый юмор: «А я люблю, когда мясо с дымком». Мясо – это я после маминого пожара. Нюх у него действительно, как у легавой: «Твоя мышка сегодня пахнет мышкой». Еще один образец казарменного юмора.

А я что, виновата, что у меня мышцы развелись и ходят безбоязненно, как члены семьи, пешком по квартире. Вывели мышат под комодом. И теперь все бельё в комод отдают мышатиной. Жрать самой нечего, а мышцы завелись. Стыдно, конечно. Стыдно и ужасно. Нет, я не так выразилась, надо говорить: «ужасно стыдно». Моя Мышка не должна пахнуть мышкой. А чем она должна пахнуть? Моя Мышка должна источать чудесное амбре, состоящее из тёплых восточных благовоний и... Нет, нет, саму Её ни в коем случае нельзя искусственно ароматизировать: «не надо душить фиалку». Только вокруг её на животе и на бёдрах должно присутствовать лёгкое дыхание классного парфюма, а в Ней самой, в самой моей серединочке, ненавязчиво, должен присутствовать источаемый с самого доньшка, едва ощутимый, натуральнейший, провоцирующий на немедленную и желанную близость запах благороднейшего белого гриба. Сушёного, заметьте, господа мужчины, всенепременно сушёного! Островок, так сказать, природного, среди моря изобретённого.

Но о чём это я? Я же говорила об этом борце с организованной преступностью.

А эта пена в углах рта? Он не замечает, и всё пытается проникнуть обложенным языком мне в рот. Я сблую когда-нибудь прямо на золото его погон. Одно утешение, что больше ты мне не понадобишься, товарищ майор. Корми грушами другую дурочку, и пусть её с них вздувает, а я уже надавила твоим ключом на пластилин.

Но не будем думать о гадком. Продолжим мечтать о возвышенном, о празднике жизни в Ливадии, о золотых бликах заката, о таинственных сумерках, о розах, о пахнущих дорогим французским лосьоном мужских волевых и ненасытных губах, о тепле его рук в предутренней свежести ночи, о

страсти, об одновременном стоне на гребне девятого вала любви, о нежности, об экстазе.

А на следующий вечер мы пойдём с моим спутником в приморский ресторанчик. Закажем вкусного и необыкновенно изысканного. Негромко звучит маленький оркестр. Ни одного духового инструмента. Нет, пусть играет труба, я разрешаю, и пусть ее подбадривает аккордеон, а сам аккордеон пусть возьмёт себе в помощники что-нибудь щипковое. И скрипка, обязательно скрипка пусть нежно поёт о любви. Мой спутник щеголеват и импозантен и мне завидуют дамы за соседними столиками, а я специально говорю с ним еле слышно, и он напрягает слух и весь внимание, и чуточку подается ко мне, и это расценивается дамами как необыкновенная в меня влюблённость, и они просто истлевают от зависти.

За окном темнеет, музыка усиливается, мужчина встаёт в щедром сиянии ресторанных светильников (он непременно должен быть в белом) и приглашает меня на танец; обязательно медленный танец: танго или вальс-бостон, он ведёт меня легко и профессионально, и когда его нога попадает мне между колен, я совершенно отчётливо ощущаю низом живота затвердевший знак его вдохновения. Танец окончен, но я не хочу утратить чудесное ощущение его желания низом моего чуткого живота, и маэстро выручает меня – он взмахивает палочкой и оркестр теперь уже полнозвучно, пригоршнями синкоп, щедро бросает нам под ноги развратное аргентинское танго.

Когда я училась в седьмом или в восьмом классе, я прочитала тайком от мамы рассказ великого пролетарского писателя «Несколько испорченных минут». Там приятный баритон, ночью, где-то в темных кустах утешает совращённую им замужнюю женщину, а она восклицает в муках раскаяния: «Мои милые детки! Ваша мамка грязная». Если бы мне посчастливилось тогда подсмотреть то, что неразумные называют грязью, то и тогда я бы не испытала столь ярко пережитый мной предвестник физического восторга, но вот это с магдалиновским выражением лица: «детки, ваша мамка грязная»,

совершенно непонятным образом передало мне - девочке - такое сладкое телесное ощущение греха, что подойди ко мне в тот момент любой урод мужского пола, и я, не в силах побороть это сладкое томление внизу живота, отдалась бы ему, не задумываясь.

Женщина отходит от зеркала, включает свет, слабенькая лампочка окрашивает убогое убранство комнаты чем-то неприятно жёлтым и неудобным. – А потом мы поедем кататься на прогулочном теплоходе, - женщина пытается продолжить игру воображения, но этот всё обедняющий жёлтый свет убивает фантазию и, как бы очнувшись, она говорит обречённо:

«Нет, никогда я не сяду в комфортабельную каюту белоснежного парохода, да о чём это я? Я даже дикарем не поеду в Крым – нет денег на билет. Мне не на что сделать химку, а про перетяжку я уже и не думаю. Вот тут я вру, именно, о ней я всё время и думаю. Все, у кого есть бабки, уже перетянулись, кого-то натянули лучше, кого-то хуже, все они стали чем-то неуловимо похожи друг на друга, как даунята, но есть и совершенно потрясные результаты. Конечно, риск, вот эта актриса, не скажу фамилию, носик ей не нравился, а сейчас, что? Бабизм-Ягизм и углы рта тянет к ушам, как удилами. А я бы согласилась, я бы рискнула, но там такие цены! Теоретически я могла бы накопить, если не есть, не пить, а откладывать всё пособие, то лет примерно через пятьдесят, нет – это поздно. Надо сейчас, непременно, сейчас нужно подмолодиться и вырвать у судьбы хотя бы лет десять нормальной жизни. Серёжа такой душка, хоть и возится со своими червями, ах, если бы чуточку подсвежиться, да куда бы он делся? У Серёжи тоже нет денег. У него есть старенький «Жигулёнок»- «шестерка», - отцовское наследство, но не на что купить бензин. Он деликатный, обаятельный, у него интеллект, он посещает драматический кружок, а денег у него нет.

А, может быть, в данном случае работает вот это Евангельское: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет». Но ведь там

Христос наградила предприимчивого раба ещё одним талантом¹ за то, что тот удвоил первоначальный капитал, не воюя. А теперь таких почти нет.

Я начинаю склоняться к мнению, что ни у кого из честных денежек нет. Они есть у тех, кто выносит грены из Кремля в коробках из-под ксерокса. Но это же несправедливо. Они же не умнее моего любимого биолога Серёжи? Или умнее, если ориентироваться вот на это хамское: «А, если ты умный, то почему у тебя денег нет?». Вот этот, интересующий меня директор? Я навела справки. Он бывший гоп-стопник, потом беспредельный и беспощадный рэкетиер, потом чей-то спонсор, потом помощник депутата, а вот теперь он директор, не скажу пока чего. Он умней Серёжи или подлей? Ну, конечно, он не умней. Просто он лучше Серёжи приспособлен к существованию в период становления сумасшедшего капитализма. Такие, как этот жлоб, червями пролезают через дырки в законе и ужом проскальзывают через прорехи в правовом поле. Не про таких ли, как он, сказал сын Давидов, царь в Иерусалиме:

«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их».

Вот так прямо и объявляют в священном писании, что не у разумных богатство, а у тех, кто воспользовался случаем, иными словами – неразберихой и временным ослаблением власти. Обрати внимание, Сержик, как я тебя реабилитирую, а директора этого предаю дальнейшему остракизму. Такие, как он, бандиты организуют сейчас фирмы, участвуют в выборах, покупают дипломы, берут уроки риторики в перерывах между перестрелками. Да разве только он – директор один такой? Он затребован временем, как был затребован временем Гитлер, он продукт объективной реальности, когда мизерные или вообще отсутствующие, как у большинства бюджетников, доходы, когда вокруг низкие душой злые и грубые люди, а если и не злые, то смертельно уставшие от холода и бытовых проблем, когда отношения с работодателем –

полный беспредел, когда при приёме на работу пишешь сразу два заявления: одно о приёме, а другое – об увольнении с открытой датой, когда рад чёрной зарплате и согласен работать без отпусков.

Да я согласна, я согласна, я на всё согласная, но ведь не берут, берут молодых, привлекательных, здоровых, стройных и потенциально пригодных для постели. Я не подхожу работодателю ни по одному из вышеперечисленных параметров».

Женщина снова, уже наощупь, осторожно потянула кончиками пальцев кожу на висках; пальцы длинные, но не худые, и как только кончики пальцев вдавились в виски, ногтевые фаланги, удерживающие кожу, податливо, как у маленьких детей, грациозно изогнулись вверх, как реснички. Теперь она положила ладонь под подбородок. Чуть вдавила подушечки большого и указательного пальцев под углом нижней челюсти, и сразу же исчезло то, что предательски выдает количество прожитых лет. Исчезла едва намечившаяся обвислость щёк, линия подбородка послушно выровнялась и тут же украла у возраста лет эдак восемь. Легкий вздох – и женщина идет к Лаокоону. Женщина поднимает тяжеленного эллина вместе со змеями, пустой чернильницей в ногах и с двумя его сыновьями. Тот, младший, который справа, уже задушен, а левый ещё жив и просит помощи у отца. Сам отец сопротивляется из последних сил, но его уже кусает змея за незащищенный левый бок, и он тоже обречён, хотя с точки зрения герпетологии – эта сцена с укусом противоречит логике. Ведь если змея ядовитая – она никого не душит, ей достаточно ужалить жертву, а если змея типа – удав, то она не ядовитая и не кусачая. Женщина ставит, гибко прогнувшись спиной, скульптурную композицию на широкий подоконник, на столе ему не место – можно поцарапать чугунякой лак столешницы, находит старый дырявый носок и начинает протирать металл.

– Ты у меня антиквариат, ты помнишь ещё мамино прадедушку, а, может быть, и прапрадедушку – откуда я знаю? А он тебя откуда-то из под Нижнего Тагила привез. Он у самого

Демидова в заводе управлял. Ты понял теперь, чем заканчиваются пророчества. Понял? Жрец ты Троянский бога Аполлона? Это ты просил глупых граждан не затаскивать деревянного коня в город. И кто тебя послушал, и кто тебе помог, когда тебя с сыновьями душили эти гадины? Никто не помог, вот так-то. А ты, сам-то, знаешь, что ты уникам? Охотно объясняю. Когда тебя откопал итальянский крестьянин Феличе де Федис, то у тебя не было никакого фигового листка. Торчало нечто непропорционально маленькое по сравнению с твоим мускулистым телом, и, видимо, тот мастер, который отливал тебя из чугуна, стыдливо прикрыл по своей инициативе то, что прикрывать, по мнению Родосских скульпторов Агесандра, Полидора и Афинодора, было не положено. Так что можешь гордиться: ты у меня единственный и неповторимый. А ты, змей Горыныч, - женщина старательно протирает голову кусачей змеи, - тоже уникам, - у тебя глаза выпцвели, как у алкаша, и большие, как у лошади. Уважающие себя разъяренные гады не имеют таких выпуклых стеклянных глаз.

Стихи на тему тебя, Лаокооныч, я так и не сочинила, ты уж меня извини. Это мама, пытаюсь развить во мне поэтическое начало, безуспешно хотела посадить меня на Пегаса.

Она задала мне совершенно не выполнимое, по моему разумению, задание - написать четверостишие, которое начиналось бы словами: «Под фиговым листком Лаокоона».

И не надо понимающе ухмыляться. Все было в рамках приличий. Мама имела в виду не ваше мужское достоинство, а массивную чернильницу прямо под причинным местом. Ничего себе задание?! Зарифмовать что-либо с твоим именем – это было для меня всё равно, как попытаться продолжить стихами библейское: «Время разбрасывать камни и время собирать камни». Что только я не придумывала:

*Под фиговым листком Лаокоона
Чернильницы пустой массивный бок.*

Вот этот бок меня и приводил в тупик, и почему я решила, что нужно написать «бок», а не всю чернильницу –

Под фиговым листком Лаокоона

непонятно. А с именем твоим вообще катастрофа. Лаокоон – одеколон – граммофон – охламон, всё это так не вяжется с драматизмом происходящего. А когда я, совершенно отчаявшись, пришла к выводу, что с твоим именем прекрасно рифмуется только одно - аббревиатура организации объединенных наций ООН - и прочитала вслух «Лаокоон вступил в ООН» - я осознала полную свою бездарность и прекратила бесплодные творческие потуги. И как это часто бывает, я злилась не на себя за своё поэтическое убожество, а на тебя, и мстительным шепотом, так, чтобы не слышала мама, я дразнила тебя подслушанным на улице:

*На мосту стоит статуя,
Дует ветерок.
У статуя вместо ..я
Липовый листок.*

А вот сейчас, мне кажется, я бы без проблем родила что-нибудь короткое и в меру фривольное, ну, например:

*Под фиговым листком Лаокоона,
Куда не смог проникнуть этот змей,
Гораздо толще, чем у Аполлона,
И смотрится значительно длинней!*

Ну, чем тебе не комплимент? У, гадюка! – женщина щёлкает розовым ногтем по черной змеиной голове, усаживает за стол, берет шариковую авторучку, раскрывает чистую тетрадь и задумывается.

– Нет, сначала надо узнать самое главное, иначе интрига утрачивает смысл.

Она подходит к телефону.

- Добрый день, это магазин «Рубин?». Секретарь генерала Григорьева беспокоит. Вы получили письмо из управления. Ещё не получили? Да какой там допрос? Успокойтесь. Никого не вызывают на допрос. Думаете, если ювелирный, так обязательно уже и на допрос? Просто в последнее время участились случаи нападения на инкассаторов. Рекомендуют

Георгий Петрович

усилить охрану при передаче денег. Как часто вы общаетесь с ними? Один раз в конце недели? К концу рабочего дня? Ну, в общем, письмо получите, там все инструкции. До свиданья.

Удовлетворённая полученной информацией, женщина делит лист горизонтальными линиями на шесть частей, задумывается ненадолго и пишет:

1) *Имя человека – самый сладостный звук на земле.*

2) *Воспользоваться методом Сократа: сформулировать первые три вопроса так, чтобы он непременно ответил на них утвердительно. Тогда на последующую за вопросами просьбу он, вероятней всего, ответит положительно.*

3) *Чего хочет каждый? Прославиться! Сознания своего превосходства. На этом нужно сыграть. Ключевое слово – «чемпион».*

4) *Не просто похвалить, а сердечно выразить признательность.*

5) *Заставить принять участие в деле разоблачения. Это воодушевит и заставит утратить бдительность даже закоренелого преступника.*

б) *Не дать времени на анализ ситуации.*

Женщина перечитывает текст, дописывает: «Купить дорогие и броские перчатки, шило и мыло» и идёт к телефону.

Она снимает трубку, тут же кладёт её на место, снова снимает, снова кладёт, долго стоит, напряжённо, о чём-то размышляя, и, наконец, решительно набирает номер.

- Это охранное предприятие «Трезор»? Могу я поговорить с Зонтовым?

- Виталий Павлович занят, перезвоните через пять минут.

- Зонтик? Привет! Узнал?

- Старуха! Агатик! Ну, ты даёшь. Ты где пропала? Как поживаете, Агата Георгиевна? Сколько тысяч детективных романов у маман? Растёт коллекция? Как папа Жора?

- Нет больше папы и мамы нет. И уникального собрания авантюрных романов тоже нет. И работы нет. Ничего,

старик, больше нет.

- Так! Спокуха! Встречаемся в Ротонде.

- Не встречаемся.

- Не понял! Проясни.

- Виталик! Мне не в чем идти в ресторан.

- Я сейчас проявлюсь.

- Мне нечем тебя накормить.

- Обижает! Я как всегда: «Omnia mea mecum porto» – что в переводе с латинского означает: «Все моё ношу с собой».

- Давай лучше у тебя в машине?

- А что? Это романтично.

Женщина мечется по квартире. – Господи, как надоела эта нищета, в моей одежде только на папёрть с протянутой рукой, а ведь он любил меня в институте, и я его - тоже. И что интересно? Влюблённость была, а романа не было. Взаимная симпатия переросла во влюблённость, но влюблённость, минуя роман, плавно перетекла в дружбу. Оба были невинны и побоялись прыгнуть в постель. Ах, если бы сейчас мой опыт, да к той моей весенней свежести: «Ах, если б молодость знала, ах, если б старость могла». А, может быть, это и хорошо, что у нас ничего не было? Я бы, наверное, ему изменяла, когда он сидел в тюрьме. А он верный, он надёжный, и он может всё.

Звук сигнала автомашины за окном. Женщина выбегает из подъезда, садится в машину.

- У твоей машины солидный голос. Не включай в салоне свет. Я такая страшная.

- И тебе не стыдно? – мужчина целует ей руку.

- Не стыдно. Ты называл меня в институте старухой в шутку, а вот теперь это стало реальностью. А почему, собственно, Трезор? Это что – имя любимого собакиша?

- Несчастливая двоичница. «Der Tresor» или «Schatzkammer» или «Geldschrank» переводятся, с немецкого, как сейф.

- Но я же не училась, как некоторые, на инязе. А здорово было бы, если бы твоя фирма называлась не просто «Трезор», а «дер Трезор». Это, как сейчас принято говорить, было бы прикольно. Давай, заколбась такую вывеску.

- Что случилось, Агатик?
 - Долго рассказывать. В двух словах: папу убил пьяный водитель, потом сгорел мамин дом, и через день умерла мама. И всё это в течение одной недели. А потом я потеряла работу.

- Давай-ка по грамулке, - Зонтик достает из бардачка коньяк и бутерброды. – Пусть будет им земля пухом.

- Пусть.

- Денег занять не могу. Не обижайся. Во-первых, они у меня все в обороте, во-вторых, я не хочу, чтобы эти вонючие бумажки изговняли нашу дружбу. Я недавно прочитал в монологе Полония: «В долг не давай и займы не бери, легко и ссуду потерять и друга, а займы тупят лезвие хозяйства». Ты видела, какой я был в больнице?

- Да уж.

- А ведь я выяснил, кто меня заказал. Мой должник. Видишь, как людишки устроены? Они пять минут радуются, что им денежки одолжили, а потом начинают мечтать, чтобы кредитор умер, сгорел, утонул, погиб в авиационной катастрофе, повесился, отравился, в общем, чтобы исчез. Об этом мечтают все, а наиболее отвязанные пытаются мечту превратить в жизнь. Поэтому я после больницы исповедую принцип Конфуция: «Не надо давать нуждающемуся рыбу. Нужно подарить ему удочку и научить его рыбачить».

Зонтик протягивает бумажник.

- Возьми, Агатик, - это тебе подарок на восьмое марта. Там немного, но на первое время хватит, и я тебе ничего не давал.

- Не надо, Виталик, денег. Конфуций прав. Меня они не спасут. Мне нужно удостоверение майора милиции. Фамилию сказать?

- Не надо. – Зонтик делает предупреждающий жест. - Чем меньше знаешь, тем спокойней спишь. И ты хороша, а вдруг я мент?

- Ты не можешь быть ментом. Ты сидел, а все, кто сидел – по другую сторону баррикад.

Мужчина пристально смотрит на институтскую подругу.

- Агатик! Эти игры не для тебя.

- А сидеть в провонявшей дымом и мышами каморке для меня? А ходить в стоптанных сапогах для меня? Та игра, из-за которой ты пошёл на нары, тоже была не для тебя, но ведь ты выстоял и, в конечном счете, избавил себя от необходимости существования на жалкую зарплату учителя немецкого языка.

- Я сведу тебя с людьми, - мужчина наливает коньяк в пластмассовый стаканчик, - но не нравится мне всё это, очень не нравится. Тебе не пойдёт тюремная роба.

- Не пей, Виталик, за рулем.

- Я грамулку. За тебя, Агатик! За успех твоего предприятия.

- Спасибо, Виталик. Я рада, что ты не осатанел в твоей охранной фирме. Там же у тебя в подчинении, мягко выражаясь, сложный контингент?

- За одного битого двух небитых дают.

- Сколько это будет стоить?

- Для тебя – нисколько. Эти свободные художники – мои должники.

- А говоришь, что больше не занимаешь.

- А я им и не занимал, я их должников подлечил от забывчивости.

- А знаешь, я вчера думала о тебе и пришла к ошеломляющему выводу. На всём белом свете, во всем мире, на всей планете у меня остался только один человек, к которому я могу обратиться за помощью. Знаешь, как зовут этого человека?

- Не надо! Не произноси имя. Заверения в дружбе неизбежно ведут к комплиментарной зависимости, а любая зависимость вредит отношениям.

* * *

Пахнущая морозной свежестью, с едва ощутимым, и в чем-то даже приятным запахом дыма, женщина с большой полосатой сумкой в руках входит в квартиру биолога Серёжи.

Объятие, промазанный мимо щеки поцелуй: «какая ты холодная».

- Как айсберг в океане?

- Серёжа, ты смог бы на меня одеть вот эти наручники?

- А потом ты меня в свою очередь прикуешь к кровати, усядешься на меня верхом, и как Шура Стоун Мишу Дугласа острым ледорубчиком типа стамески прямо в горло по самую рукоятку.

- Ты не понял. Ты смог бы надеть на меня эти наручники в ювелирном магазине? Хорошо, не отвечай. Подумай пока. А какой у тебя размер шеи? Сорок второй?

- Угадала. Не хочешь обнять меня за выю молодецкую и уточнить размер? - Сережа подходит к женщине, берет ее за талию и прижимает к себе.

- Подожди, - женщина отстраняется и вытаскивает из сумки мундир.

- Примерь, пожалуйста.

- По-моему, брюки коротковаты.

- В самый раз, - женщина с удовлетворением оглядывает биолога, - ты прелесть, тебя нужно пригласить на главную роль в сериал.

- В «Ментов?». А где хозяин этих эполетов?

- Он на курорте «Трускавец».

- Он желудочник, у него несвежее дыхание и мерзко обложен язык?

- Ты себе не представляешь, как ты прав.

- А ключи от квартиры он сам тебе оставил? Подожди. Не отвечай. Я знаю. Ты совратила доверчивого Скалозуба, а когда он, утомленный твоими ласками, уснул, ты сделала отпечаток на воске, потом залила негативное изображение ключа гипсом, ну, а все остальное – дело техники. Я угадал?

- Не угадал, ревнивец. Гипс – это вчерашний день. Он же хрупкий. Ты видел, как делают дубликаты? Зажимают в тиски оригинал с заготовкой и стачивают лишнее. А как ты зажмешь гипс? Он раскрошится на кусочки. Я купила в магазине «Медтехника» стоматологическую пластмассу «Норакрил» и ею залила, как ты изволил выразиться, «негативное

изображение». Она такая крепкая, что можно таким позитивным изображением ключа открыть любую дверь. Ну, а для страховки я заказала ещё и металлический вариант.

- Это тебя твои обгорелые авантюристы научили? Нет, ты не Агата, ты Мата Хари.

- Я не Мата Хари. Я Сонька - Золотая Ручка, век свободы не видать. Давай-ка, Серёженька, мы с тобой перекусим, выпьем по капельке, а потом поговорим.

Женщина ставит на стол вино, сыр, шпроты, ветчину.

- Гуляй рванина, от рубля и выше, открой, Сержик, сосуд с нектаром.

- Откуда деньги? От майора? Я не буду есть. Как называется мужчина, живущий на средства куртизанки?

- Ты знаешь, как, но майор не имеет к этой еде ни малейшего отношения. Он жмот и скупердяй.

- Жмот и скупердяй – это одно и то же.

- Ничего подобного! Скупердяй ещё противней. Я заложила сегодня мамины серёжки, мои серёжки, золотую цепочку, мамино обручальное кольцо и два моих перстенька. И с сегодняшнего дня я буду жить без этих оков империализма. Доедай, Сержик, садись и представь себе, что ты главный редактор модного толстого глянцевого журнала, а я – жалкий графоман - представила на твой суд убогий детективчик. Ты – вредный, въедливый придира. Я буду читать тебе сценарий преступления, а ты можешь меня прерывать, не стесняться в выражениях и задавать мне любые вопросы. Готов?

- Готов. Нет, подожди, я не надел ещё на себя бюрократическое выражение лица. Минуточку. – Сережа максимально суровит лицо, - я вас слушаю.

- В большом, процветающем ювелирном магазине, где выручку сдают один раз в конце недели, после окончания рабочего дня...

- Информация достоверна?

- Абсолютно достоверна. Седьмого марта, где-то около шести часов вечера женщина моей внешности долго выбирает себе колечко, просит померять ей пальчик, много раз

снимает и надевает дорогие лайковые перчатки, наконец, она приобретает нехилый перстенёк, рассчитывается, и очень быстро покидает магазин, забыв на видном, максимально приближенном к продавцу, месте перчатки.

- Для чего максимально приближенном к продавцу?

- Для того, чтобы их не украли посетители.

- Через десять минут после её ухода к магазину подъезжают «Жигули» шестой модели, из них выходит бравый майор, он стремительно пересекает пространство между дверями и прилавком, находит глазами главного и, вежливо обращаясь к директору по имени отчеству, говорит дословно:

- Добрый вечер, Николай Иванович! – тут офицер поднимает до уровня глаз заведующего удостоверение майора, одновременно представляется и, заметив, что директор магазина успел зафиксировать его фамилию, имя, отчество, и даже не преминул рассмотреть фото и печать Министерства внутренних дел, майор привычным движением достаёт из внутреннего кармана кителя фотографию женщины, - у вас была сегодня в магазине эта дама?

- Да, она забыла у нас перчатки.

- Она купила у вас что-нибудь?

- Да.

- Она была одна?

- Не знаю точно. Народу-то видите, сколько перед праздником. Надо у продавщиц спросить. Я думаю – одна.

- Я вас поздравляю, Николай Иванович. Вы у нас чемпион. Вам премию положено дать, жаль только, что дама не успела от вас сбежать. Вы первый, у кого мы засветили, наконец, эту мадам. В городе орудует шайка фальшивомонетчиков. Они рассредоточились по магазинам и пытаются перед праздником сбыть фальшивку. Так что в вашей кассе уже имеются самопальные рублики.

В этот момент в магазин возвращается дамочка и спрашивает у продавца, не видел ли он её перчатки.

- Вон она, вон она, вон она – взволнованно показывает пальцем директор.

Бравый майор подходит к даме, объявляет ей, что она арестована и приковывает наручниками её правую руку к своей левой руке.

- Снимаем кассу, - говорит он тоном, не терпящим возражений. И не давая опомниться:

- Вы сами поедете с нами или охранника пошлёте? Там у нас в управлении имеется суперсовременная установочка. За пять минут проверяет сто тысяч рублей на наличие фальшивых купюр.

Выходят втроём на улицу. Директору с саквояжем предлагают сесть сзади. Майор снимает со своей левой руки наручники, фиксирует ими обе руки фальшивомонетчицы, усаживает её на переднее сиденье и трогается. Отъезжает десять метров, и вдруг арестованная скованными руками хватает его за волосы со словами: «Мент поганый, мусорюга вонючий, волчара позорный, ненавижу». Майор резко тормозит, подаёт машину вправо, освобождает волосы от рук преступницы и оборачивается к директору:

- Николай Иванович! Усадите, пожалуйста, дамочку назад, а то она мне последние три волосины вырвет. У вас она не побалуует, разрешаю применять физическое воздействие, только не убейте её ненароком. Здоровья вам не занимать.

Директор, гордый от полученного задания, выходит из машины, саквояж с деньгами остаётся на заднем сидении. Он захлопывает заднюю дверцу и, не успев взяться за ручку передней двери, замирает с протянутой, как для подаяния, рукой. Машина рвет с места и скрывается за первым поворотом.

- Ну, как сценарий?

- Ты сумасшедшая. Твой план абсолютно неосуществим. Ты, что, думаешь, этот директор такой дурак, что не знает, какое ведомство занимается фальшивомонетчиками?

- Знает, наверняка. И ты сам ему об этом скажешь, избрав легкое недовольство: «Вообще-то эта дамочка не нашему ведомству, но на ней статей висит – пол уголовного кодекса. Сначала её закрыть нужно, а там разберемся».

- Он может запомнить номер.

- Ты закрасишь цифры заднего номера обыкновенной зубной пастой, а потом одним движением тряпки сотрёшь пасту, отъехав на нужное тебе расстояние.

- Он может поймать любую машину и пуститься за нами вдогонку.

- Не поймает, нужно выезжать не на центральную улицу, а в направлении набережной, там нет машин, но полно арок. Это нужно всё отрепетировать. И ловлю тебя на слове, ты первый сказал «за нами» - значит, тебя заинтересовал мой план.

- Он может знать непосредственного начальника твоего майора.

- Конечно. И ты тоже должен его знать. Твой начальник – беспощадный генерал Григорьев. И запомни: у твоего директора рыльце в пуху. Он закупает в Индии золотые побрякушки за копейки, и потом перепродаёт нелегальный товар в своем магазине втридорога. Он будет стараться тебе угодить, как ты не понимаешь?

- А если он заподозрит интригу?

- А ты бы заподозрил, если бы предоставивший тебе удостоверение интеллигентного вида, и что удивительно – абсолютно трезвый майор приковал преступницу к своей левой руке? Не к твоей, заметь, а к своей руке в присутствии многих людей. Заподозрил бы?

- Нет, но бывают же самые досадные совпадения и случайности. Ты приковал к себе преступницу, а в это время в магазин заходит мент, действительно курирующий этот участок и знающий в управлении каждую собаку.

- Да, этот вариант не исключен, но, во-первых, подобные совпадения встречаются один на миллион, а во-вторых, нужно бдительно, бдительно и бдительно, идя на такое дело. При появлении любого старшего офицера из ментуры мы должны немедленно сесть в машину и укатить.

- А если он достанет мобильник и поинтересуется в управлении на предмет наличия в их системе конкретного майора?

- Такой майор есть. Он сейчас лечит свой гастрит в Трускавце. Только никто ничем не заинтересуется. Тут всё должно

быть психологически рассчитано и хорошо сыграно. Ты еще посещаешь свой драматический кружок. Что вы там сейчас ставите?

- Пьесу А.Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

- Очень хорошо. Это в тему. Только я бы переименовала название: «На всякого мудреца довольно и простаты».

- А если у него есть пистолет, и он прострелит нам колеса, а, может быть, и головы?

- Если бы у него был пистолет, он бы не держал вооружённого охранника.

- А если он пошлёт вместо себя охранника с пистолетом?

- Ты лучше меня знаешь, что не пошлёт. У него в кассе будет гораздо меньше денег, чем драгоценностей на витрине. Он не оставит магазин без охраны, тем более, что ему уже звонила секретарша и просила от имени генерала Григорьева усилить охрану магазина.

- Тебе об этом секретарша генерала доложила?

- Нет, это я доложила директору под видом секретарши.

- Последний вопрос. На какой куш ты рассчитываешь? Сколько может быть в этой кассе?

- Не знаю. Это вообще дурная примета – считать деньги, ещё их не заполучив. Но если сто мужчин, а их должно быть гораздо больше, захотят купить своим любовницам, женам и дочерям по одному колечку, то уже будет сто тысяч рублей. Ты видел стоящее колечко дешевле тысячи? И я не видела.

- А ты не прокрутила такой вариант. Этот гнилой урка директор не проявил никакого энтузиазма, и у него не загорелся в глазах охотничий азарт разоблачительства: «Командир! А меня эти фальшивки не парят. Мне они по барабану. Я их не клепал. Пусть с ними монетный двор разбирается». И что тогда делать? Унизительно уговаривать его снять кассу?

- Ни в коем случае. Нужно вежливо поздравить его жену с наступающим международным женским днём и спокойно уехать.

- Но у меня нет удостоверения майора внутренних дел.

- Дай мне фотографию «три на четыре» и завтра утром у тебя будет удостоверение.

- Ты сама – то осознаешь, какой это риск? Ты рискуешь свободой!

- Нищий человек не может быть свободным по определению. Ты хочешь до седых волос вскрывать своих мерзких червей за мизерную зарплату? Да о чем я говорю? Даже её тебе выплачивают нерегулярно, и ты униженно стреляешь чирики до полочки. А вокруг жирует ворьё и смотрит на тебя с нескрываемым презрением потому, что ты хуже их одет. Потому, что ты одет, как последний бомж. Пожалуйста! Дело хозяйское, но я так жить больше не хочу. Мне нечего терять. Я уже всё потеряла.

- А можно, – Сергей поднимает руку, как прилежный школьник, – можно я внесу маленькую коррективу в твой сценарий?

- Не можно, а нужно.

- Ты сказала, что инкасаторы приезжают раз в неделю? Значит, если уж рисковать, то нужно устроить все так, чтобы директор взял на проверку в управление не только дневную выручку, но и всю наличность за неделю.

- Садись! Пять! Не продолжай. Я уже вижу, что ты умный, и что в тебе пропадает криминальный талант. Я сегодня была в магазине и изнасиловала глупыми вопросами сначала продавщицу, потом какую-то мадам в норковой шубке тысяч за пятнадцать баксов. Зачем? А чтобы гарантированно засветиться у продавцов, у охранника, и у самого директора магазина. Лучше всего было бы, если бы в течение нескольких дней я покупала бы у них ежедневно хотя бы по одной вещичке, но у меня нет денег на такую игру. Придется купить золотишко вечером седьмого марта. А пока я делаю следующее. Я спрашиваю хорошо прикинутую мадам: «А вы случайно не знаете, какие камни подходят для девы? У меня, видите ли, сестра – «дева» по гороскопу и я не знаю, что ей купить на день рождения». Дама не знает и говорит, что она, лично, - «львица».

Ах, львица! Я тоже! И тут уже я тактично подсказываю даме, что ей просто необходимо носить три «с» - это сердолик,

сардоникс и сапфир. Я ей любезно объясняю, что сердолик хранит супружеское счастье и верность, а кроме прочего – охраняет от колдовства. Сардоникс оберегает ото лжи. Ну, а сапфир – это символ целомудрия, верности и скромности. При слове «скромность» богатая хватуша румянится от смущения, а я продолжаю просвещать мадам, говорю, что сапфир приносит счастье в любви, тут моя собеседница начинает светиться от предвкушения счастья, а я ещё добавляю, что сапфир, как и сардоникс, защищает честную женщину от клеветы.

Вот так, разговаривая, мы выбираем ей перстень, стоим рядом у кассы, и выходим из магазина, чуть ли не держась за руки. После таких ежедневных вольтов у сотрудников ювелирного магазина не должно быть никаких сомнений в том, что эти хорошо упакованные дамочки – мои сообщники. Они обязательно вспомнят меня, когда бравый майор наденет на меня наручники. А когда вспомнят, то будут уверены, что фальшивки есть не только в кассе, но и в сейфе, где хранится недельная выручка.

Подожди, выключи хотя бы свет!

Странное дело. Ощущение надвигающейся опасности почти у всех нормальных мужиков резко повышает сексуальность. Это, наверное, природа так хитро предусмотрела, чтобы самец успел оплодотворить самку чуть раньше, чем разъяренный мамонт наступит ему на фиговый листок.

* * *

Седьмого марта около шести часов вечера в элегантном, но с изрядно потёртым воротником пальто, стройная женщина поскользнулась на ровном месте. Она не упала, а лишь грациозно взмахнула руками, стараясь удержать равновесие. Видимо, что-то случилось с её ногой, потому что она захромала и поставила ногу на бордюр, куда с хозяйской наглостью заехал джип и занял собою половину тротуара. Женщина наклонилась, расстегнула замок на голенище сапога, прошла между джипом и кустами по узкой полоске занятой машиной тротуара, ещё раз наклонилась, видимо, пытаясь

застегнуть неподатливый замок – это ей удалось; она взглянула на часы и ровно в шесть часов вечера она вошла в расположенный рядом ювелирный магазин «Рубин». Она долго и придирчиво выбирала колечко, попросила померять ей палец, много раз снимала и надевала дорогие лайковые перчатки, наконец, она выбрала нехилый броский перстенёк, рассчиталась и быстро покинула магазин, забыв на видном, максимально приближенном к продавцу, месте перчатки.

Агата Георгиевна подождала десять минут – майор милиции не появился. Она обошла здание кругом. Туда её довез биолог Серёжа, а сам остался в машине, чтобы в назначенное время лихо подкатить к дверям магазина. Машины не было на месте.

Она ждала еще четверть часа, потом ещё и ещё, озябла до дрожи, поняла, что сообщник сбежал, вошла в магазин, забрала перчатки – их, к счастью, не украли и не присвоили себе продавцы, – и отправилась домой. У неё не было денег на такси, она долго добиралась до дому в насквозь промёрзшем общественном транспорте и только к ночи Агата Георгиевна добралась до квартиры. Около её дома стоял знакомый «Жигулёнок», а в подъезде на широком подоконнике, свесив ноги на горячую батарею парового отопления, сидел Серёжа.

- Ждешь, что я тебе устрою воровскую разборку? Сцену у фонтана? Не бойся, я так сражена твоим благородством, что у меня нет сил на выяснение отношений. Спасибо тебе, что хоть в ментуру не рванул с чистосердечным раскаянием.

Они вошли в квартиру.

- Дай сюда удостоверение. Ты недостойн носить высокое звание майора родной милиции.

- Я тебе всё объясню. Я увидел его джип и понял, что мы не учли самого главного, что мы на грани провала.

- Как Штирлиц?

- Не иронизируй. Даже, если бы все события развивались по твоему сценарию, то всё равно бы он не сел к нам в машину. Зачем крутому бандюгану позориться в моей трахоме? Тем

более, что ему всё равно нужно было возвращаться назад в магазин. Он бы обязательно предложил нам свои услуги, а когда бы мы отказались, он бы сказал: «Хорошо. Покатили. Я поеду за вами». И представь себе потом глупейшую ситуацию.

Мы бы постарались оторваться от преследования и убежали бы от него. И при этом самое смешное и трагичное было бы в том, что мы, нищие, убежали бы от него без денег, в сущности, ничего криминального не совершив, а он, догадавшись, что его хотели кинуть жалкие дилетанты, с деньгами в мощном тёплом джипе куражливо таранил бы мою малосильную и тихоходную старушку с заиндевевшими стеклами, звонил бы на ходу по мобильнику гаишникам, нас бы непременно поймали, и мы бы сели с тобой в тюрьму ни за понюшку табаку. И, вообще, я всё хорошо обдумал и поставил под сомнение твой главный тезис о том, что нам нечего терять.

- Развей антитезу.

- Пожалуйста. До тех пор, пока человека не упрятали за решётку, ему всегда есть, что терять. В шкале человеческих ценностей на первом месте стоит жизнь, а на втором – свобода. Вот её-то и можно потерять. А, по моему мнению, она, – свобода, разделяет первое место с жизнью по значимости, иначе бы её не разменивали на жизнь убегающие из тюрем за три дня до освобождения. Читала у Солженицына? Знали, что убьют при поимке, а всё равно убежали. Убежали потому, что смерть на свободе предпочтительней жизни в неволе. Я не прав?

- Может быть, ты и прав, но почему ты меня на машине обратно не довёз, почему бросил одну?

- Ты знаешь, я так реально себе представил, как меня притормаживает из праздного интереса любой гаишник, просто так машет жезлом от нечего делать, останавливает машину, видит мою милицейскую форму, требует у меня документы, находит у меня липовое удостоверение майора милиции, а это уже срок за подделку документов, в общем, всё это так страшно, глупо, а главное – всё это так бессмысленно, что я

хотел только одного: поскорее снять эту ненавистную мне форму и прекратить опасный спектакль.

- Я однажды слышала интересный диспут. Некто утверждал, что высокоинтеллектуальный человек никогда не пойдёт в штыковую атаку потому, что у него слишком развито воображение. Он будет живо представлять, как ему в живот вонзается штык врага, как он пронзает кожно-мышечную защиту, вспарывает внутренности и упирается прямо в позвоночный ствол, и, пораженный этим страшным видением, он не сможет заставить себя покинуть спасительный окоп. И знаешь, что ему ответил оппонент? Он сказал дословно следующее: «Высокоинтеллектуальный человек пойдёт в атаку, а не пойдёт в штыковую атаку высокоинтеллектуальный трус!»

- Трус – это я?

- Не знаю, знаю только, что Зонтик бы меня не бросил.

- Это тот отмотавший срок преподаватель немецкого, который из шайки матёрых уголовников организовал криминально охранную фирму «Трезор?».

- В его команде, кроме уголовников, есть ребята, прошедшие Афган, Чечню и другие горячие точки, а что касается этих, как ты выражаешься, уголовников, так должна тебе сказать, что они, в отличие от некоторых, имеют понятие о кодексе мужской чести и по степени порядочности дадут фору очень многим так называемым законопослушным гражданам.

- У нас есть что-нибудь выпить?

- У нас нет ничего выпить потому, что на последние деньги я купила перчатки, шило, мыло и этот дурацкий перстень.

- А шило с мылом зачем? Ты хотела заколоть директора магазина? Это можно сделать и без мыла.

- Я не такая кровожадная. Прежде, чем зайти в магазин, я проколола с правой стороны джипа два ската. Намыленное остриё лучше заходит в тугую резину.

- Почему только с правой?

- Потому что, во-первых, мою диверсионную акцию нельзя было заметить с дороги, а, во-вторых, потому что

машина стояла правым боком на тротуаре, чуть на возвышении. Так что когда скаты опустели, она стала горизонтально и не вызвала бы подозрения, даже если бы хозяин вздумал взглянуть на нее из окна. Поехали, отвезём милицейскую форму её хозяйину, пока он не вернулся с курорта, а потом ты доставишь меня обратно, и я одна пойду спать. Ты не заслужил сегодня поощрения в виде ночи любви, ты заслужил сегодня служебное взыскание.

* * *

Женщина возвращается домой. Обессилено падает на кровать. Долго и неподвижно лежит, не раздеваясь. На ощупь находит пульт, включает телевизор. На морально устаревшем экране высокопоставленные жулики с помощью омоновцев в бандитских масках успешно решали споры двух хозяйствующих субъектов.

- ОМОН – Лаокоон, ОМОН – Лаокоон, Лаокоон – ОМОН! – а ведь тебя, жрец ты мой троянский, можно вполне успешно зарифмовать с этой мерзостью.

*Под фиговым листком Лаокоона,
От глаз прохожих тщательно таясь,
Сидела я, спасаясь от ОМОНа,
За член античный радостно держась.*

Бессмысленно и распутно. Распутно, но не стыдно. Имею право. Маргарита Николаевна, уходя от мужа, написала ему в прощальной записке: «От горя я стала ведьмой». А от какого, позвольте спросить, горя? Потеряла след сошедшего с ума Мастера? Горько, конечно, а каково мне, если я вообще все потеряла. Всё потеряла и с горя стала распутной. Что это я заладила: распутная, распутная. Давай разберемся. Распутная и порочная – это синонимы? Но я категорически утверждаю, что во мне нет порока. Просто я естественна, как животное, а животные не стесняются своих желаний. И правильно делают.

Неприлично похожий не тётеньку диктор с блестящим от бриолина пробормом на манер бодрых советских репортажей

радостно объявил, что в городе организован прокат дорогих лимузинов. Невеста в свадебном наряде, розовая от восторга, садится с женихом в буржуазный автомобиль. Диктор объявляет цену эксплуатации лимузина в долларах за один час. Женщина тут же переводит «зеленые» в рубли: «Среднестатистическая пенсия за час в этом блядове?!». Крупным планом подозрительно долгий и чувственный для непорочной невесты поцелуй.

«И девы розы пьём дыханье, возможно, полное чумы» - с возвышенным сарказмом декламирует женщина. - Пир во время чумы! - И к диктору с невыразимым презрением: «Заткнись, пидар».

С гадливым выражением лица она выключает телевизор и подходит к телефону.

- Алло, Зонтик! Привет! Поздравь своих женщин с праздником.

- Агатик? Все о кей? Эти архаровцы выполнили твой заказ?

- Да, спасибо, Виталик. Все сделали. Ты не знаешь адрес нормальной скупки, а то я была на Чкалова - там такие людоеды.

- Что? Ломанули ювелирный магазин? Шучу!

- Виталик! Ты такой умный, что мне просто страшно. И вот я-то как раз и не шучу.

- Сходи к Моисею, он работает каждый день, даже на Новый год, и знаешь почему? Потому, что он свой иудейский новый Год празднует где-то в сентябре. Когда я был на мели, я ему носил отцовские часы. Там на внутренней стороне крышечки по позолоте было написано: «Павел Буре поставщик двора его Величества». Представляешь, они уже сто лет, как не шли, а он мне отвалил за них кучу денег. Он чудной старик, тебе понравится. Его контора рядом с цирком, через дорогу. Подожди, Зина трубку врёт.

- Агатик! – в трубке слышен был шум застолья, музыка, смех, звон посуды. - Ты, где пропала, зараза? Я тебе сегодня звонила, тебя дома не было. Слушай, мне Виталик рассказал про твоих – это же ужас! Давай к нам, я твой любимый

фаршированный перчик приготовила, целую гусятницу. Чё, ты одна там сидишь.

- А я не одна, - мстительно врёт женщина.

- Тем более, если не одна. Не одна, значит, наших мужиков совращать не будешь. Он симпатичный? Давай дружить семьями, а? Давай? В, общем, ждём, приезжай. Посидим, покушаем.

Женщина открыла шифоньер, пробежала глазами по вешалкам.

Ненавижу, когда вместо «ем», говорят – «кушаю». Убила бы! А за что, собственно? Глагол «кушать» имеет такое же право на жизнь, как и глагол «есть». Нет! Я становлюсь законченной мизантропкой. Была доброй, а стала злой. Точно так, как в моих любимых стихах:

*Романтик в годы молодые,
А ныне – зоркий мизантроп,
Я не хочу, чтобы родные,
Лобзали, брезгуя, мой лоб.*

Интересно, изменяет Зинка Виталику или нет? Думаю, что нет. Таким, как он, не изменяют. Даже я, неисправимая блудница, ему бы не изменяла – он этого не заслуживает. А, может быть, я потому и блудница, что мне такие, как Виталик не попадаются? Ну, и в чем я туда пойду? Ни в чём. Мало того, что старье, дак оно ещё и с копотью. Когда пахнет дымком копченая говядина по-гамбургски – это запах благополучия. Когда тем же самым несет от одежды – это запах нищеты. Веселиться мне не в чем. В таких доспехах я завяну, а мне для совращения нужен кураж. Мужики ничего не заметят, а вот бабы... Нет, это унижительно на праздничный вечер в таком тряпье. – Женщина подошла к зеркалу, долго смотрела на своё отражение, потом заплакала, и сама, сквозь влажную пелену, отметила, как нехорошо искривилось лицо, и слёзы горькие и злые стекают по носогубной бороздке на подбородок, и от этого ей стало еще жалче самую себя, и она заплакала еще сильнее и безутешней, и ещё

мучительней напрягся подбородок и растянулись, как при улыбке, губы, и ещё она подумала, как, в сущности, похожи мимически улыбка и плач, так похожи, что закрой ладонью глаза и не поймешь, в радости человек или в печали. Та, что плакала в зеркале, трансформировала своё состояние на ту, что смотрела на своё плачущее отражение, и женщина, не в силах сдерживаться, зарыдала в голос, как по покойнику. Вот так стояла в стареньком зимнем пальто и плакала до тех пор, пока слёзы не растворили ледяной комок в груди, унесенный ею с могилы матери.

* * *

- Ну, показывайте, что там у вас? – согбенный временем старик в ермолке пытливо смотрит на женщину. – Вы же пришли не затем, чтобы поздравить старого Моисея с восьмым марта.

Женщина кладет на стойку перстень.

- Когда мне приносят вещи с ценником, - старик рассматривает украшение через лупу, - я чувствую угрызения совести. И я объясню, почему. Если на колечке ценник, - значит, вещь ещё не носили, а ведь вещь покупают для того, чтобы её носить, чтобы ей радоваться. Ну, а если радость отнесли в скупку, то что осталось у человека? Осталась одна печаль. А вы удивляетесь, почему я такой грустный. Потому, что все принесенные мне вещи излучают печаль. Я вам честно скажу. Я вам не дам ту цену, что нарисована на этой бумажке, но я вам дам гораздо больше, чем вам дадут другие. Если вы мне не верите, походите по моим коллегам и уверяю вас, вы вернётесь ко мне.

- Я не буду ходить по вашим коллегам, мне вас рекомендовали, как добрейшего из них.

- Кто рекомендовал?

- Он вам приносил однажды сломанные швейцарские часы.

- Я прекрасно помню этого замечательного молодого человека, я его запомнил больше, чем его сломанные часы. Вот проследите мысль старого Моисея. Может быть, вы найдёте мой образ мышления оригинальным и следующую вещь

принесете именно ко мне, а не к кому-нибудь другому. Когда он вошёл, я почему-то сразу вспомнил однажды мной прочитанное. Ну, вот эту фразу: «В конце концов, он понял, что может убить человека, и странным образом это поняли окружающие и прониклись к нему уважением». Я, конечно, бессовестно переврал текст, но смысл был такой или примерно такой. Ну, и что вы мне на это скажете? Я не удивлюсь, если неправильно высчитал молодого человека. Я стал такой ненаблюдательный.

- Вы более чем наблюдательный, - женщина положила деньги в сумочку, - у меня дома есть уникальная вещь, но она очень тяжелая. Это скульптурная композиция «Лаокоон и двое его сыновей».

- И в чем же её уникальность?

- У отца вместо краника – фиговый листок, а в том, найденном в окрестностях Рима, Лаокоон был обнаженным.

- А из чего отлита скульптура?

- Из чугуна.

- Вы шутите? Оригинал из чистого белого мрамора, а копия из презренного чугуна? Величественная красота не может быть увековечена в черном цвете неблагородного металла. Впрочем, мир перевернулся, чему я удивляюсь. Недавно одна певица, не знаю, почему она взялась не за своё дело, пропела: «Я вернусь, когда раскинет ветки по-весеннему наш белый сад». Хорошо, что моя Розочка не слышала этот ужас. Она бы это не пережила. Она у меня была преподаватель русского языка.

- Я тоже преподавала русский язык и литературу.

- Что вы говорите? А вас эти ветки не коробят? Нет, я ничего не имею против веток и веточек, но в данном конкретном случае у Есенина были задуманы именно ветви, а не ветки. И между этими понятиями громадная разница. Это всё равно, как прийти на оперу Джузеппе Верди, а вам вместо арии Виолетты споют матерную частушку. Принесите мне вашего троянца, я посмотрю его.

Женщина благодарит, берётся за дверную ручку, но её останавливает голос:

- Послушайте! Это один самых потрясающих сюжетов Троянской войны. Я помню его наизусть: «Лаокоон опаслся греков. Он схватил громадное копьё и бросил его в деревянного коня. Содрогнулся конь от удара, и глухо зазвенело внутри его оружие. Но помрачили Боги разум троянцев, не услышали они звона оружия и решили они ввезти коня в город». Фигурный листок можно слепить даже из глины, напряжённое тело античного героя можно отлить из железа, но изобразить при помощи рыхлого чугуна искажённое судорогой лицо, лицо, содрогаемое мучительными конвульсиями, нет – это невозможно.

- Я должен посмотреть композицию. Вы далеко живёте?

- Рядом.

- Вы разрешите мне взглянуть на вашего стесняшку?

- Разумеется. Вы меня очень обяжете.

* * *

Моисей смотрит через лупу на Лаокоона. Он стучит по нему перламутровым, жёстким от древности ногтем. Потом ещё и ещё. Он похож на старого доброго земского врача, исследующего больного, страдающего неизвестным доктору заболеванием. Ещё немного и будет выставлен интереснейший диагноз.

- Я приготовлю вам кофе, - кричит из кухни женщина, - только у меня нет сливок. Будете пить с молоком?

- Не надо кофе, если я ещё не совсем сошёл с ума, то у вас, уважаемая Агата Георгиевна, скоро будет и кофе, и какао, и сливки, и сметана. Будете ванны из молока с мёдом принимать, как Клеопатра. Мне нужны: тряпка, ацетон, уксус и обыкновенная пилочка для ногтей.

- Ацетон для снятия лака пойдет? Он не слабый?

- Именно для снятия лака мне и нужен ацетон. И прошу вас. Посидите на кухне, пока я вас не позову. Я хочу сделать вам сюрприз. А, может быть, правильней сказать: «преподнести сюрприз?». Я стал такой глупый. Старость – это дурные манеры.

- Можно, - в нетерпении спрашивает женщина.

- Минуточку, у меня мало ацетона, но то, что мне нужно, я уже отмыл, заходите, и не падайте в обморок.

Женщина входит, старик стоит, умышленно закрывая спиной скульптуру.

- Римский ученый Плиний Старший утверждал, что скульптура была сделана из цельного куска мрамора, но Микеланджело по просьбе папы Юлиана Второго исследовал композицию и обнаружил, что три фигуры изваяны не из одного, а из двух кусков мрамора. Великий зодчий насчитал четыре скрепы – прямоугольные пластинки, с помощью которых на мраморных статуях присоединяются к корпусу отдельно изваянные части тела. А если на статуе обнаружены такие скрепы, то можно смело утверждать, что это копия, выполненная в мраморе с оригинала, который был отлит из бронзы.

- Так вот, прелестнейшая Агата Георгиевна! – старик придает торжественности голосу. - Я утверждаю, что ваш Лаокоон тоже отлит из двух частей: тело его отлито из серебра высочайшей пробы, а голова, голова - из чистой платины. Но это еще не все. Глаза этих змей - не стекло, глаза этих змей - искусно обработанные алмазы, другими словами – бриллианты.

Старик отходит в сторону. Белым огнем полыхает искаженное предсмертной мукой лицо троянского жреца бога Аполлона. Как живые струятся серебром тела морских гадов. Грозным предупреждением поблескивают отмытые грани алмазных змеиных глаз.

- Но зачем дедушка покрасил эту красоту?

- Это сделал не дедушка. Я голову даю на отсечение, что скульптура была покрыта хорошим современным лаком. Старинные лаки так не боятся ацетона, как современные.

- Значит, мама?

- Выходит так.

- Сколько стоит такой отмытый Лаокоон?

- У меня нет таких денег.

- Ну, примерно! Мне хватит денег, чтобы открыть ателье?

- Любезная Агата Георгиевна! Вам хватит денег на то, чтобы устроить вашу жилплощадь и прожить в ней без забот много лет, без всякого ателье.

- А кому мне его продать?

- Никому! Куда бы вы ни обратились, везде вас бессовестно обманут. И это ещё в лучшем случае. При существующем уровне криминалитета вы нажили себе такую головную боль, что я уже жалею, что отмыл этого негра. Есть только один человек, который даст вам за эту вещь настоящую цену. Я сведу вас с Ароном, но вы дадите мне три процента комиссионных.

- Почему только три?

- Потому, что вы краснеете по пустякам.

- И что? За это с меня должны брать меньше комиссионных, чем с других?

- Конечно! Только утонченные натуры, совестливые и очень ранимые, имеют способность розоветь лицом от переполняемых их чувств. А, кроме того, вы красивая женщина и достойны лучшей жизни. Это, во-первых, а во-вторых, я знаю, когда я умру. Если бы я был молодой или если бы у меня были дети, я бы купил у вас этот шедевр как чугунное безобразие за копейки, и вы бы никогда не узнали, что вас ограбили, но я один на земле и уверяю вас, что даже три процента мне хватит для безбедного существования до конца. Завтра утром я зайду за вами, и мы поедем к Арону.

- А сегодня нельзя?

- Можно, но сегодня закрыты все учреждения. Я впаду в глубокое уныние, если с вами что-нибудь случится из-за меня. Вам нужно найти надежного охранника, чтобы без приключений обменять деньги на валюту и донести их до ближайшей сберкассы. У вас есть надёжный человек?

- Есть. Вы себе не представляете, какой он надёжный человек. А вы знаете, что вы похожи на профессора Плейшнера из «Семнадцати мгновений весны»?

- Конечно, знаю. Он сам мне об этом сказал.

- Кто сказал?

- Профессор Плейшнер, - лукаво улыбается старик и церемонно раскланивается.

- А можно я вас поцелую?

- Канэщно хачу, - Моисей искусно имитирует грузинский акцент и подставляет щёку, - но учтите: даже после вашего волшебного прикосновения я не уступлю вам ни копейки из моих честно заработанных трех процентов комиссионных. Я вам там под Лаоокооном оставил малюсенький экспромт, но прочитайте его только после того, как я уйду. Я такой застенчивый.

Женщина закрывает за Моисеем дверь, достает и читает вслух записку.

О, лучезарная Агата!

Пылает кровь под тонкой кожей.

Я сам умел краснеть, когда-то,

Когда душа была моложе.

Горят ланиты ярко ало,

Глаза лучатся светом тоже,

А я, прожив уже немало,

От сильных чувств бледнею рожей!

- Бесподобно! А как, интересно, выглядит этот Арон? Он, наверное, не так стар, как Моисей? Хотя и Моисей еще ничего. Он такой смешной и галантный: «канэщно хачу». А какую прелесть он мне написал? Похоже, что в молодости он был большой шалун. Он – шалун, а я геронтофиличка. Распутная геронтофиличка.

Женщина пересчитывает деньги, полученные за перстень, - надо бы хоть что-нибудь новенькое купить из одежды. Я должна завтра хорошо выглядеть. Эти Арончики такие кавалеры. А я такая кокетка! Нет, - это я на себя наговариваю. Просто я умная и знаю, что к хорошо одетым и приятным женщинам мужчины относятся снисходительней. А это что означает? Это означает, что мне могут больше заплатить. Первое, что я куплю, – это хорошую косметику.

Косметика – это главное.

Звонят.

- Надо обязательно приобрести импортный звонок. Такой не очень громкий и приятно мелодичный.

Женщина открывает дверь. На пороге стоит Серёжа – биолог. Он протягивает цветы, целует, поздравляет с праздником, по свойски проходит на кухню, шумит там кульками, а женщина бежит к окну в комнате и поспешно набрасывает на Лаокоона кофточку: « Не скажу. Ни за что сегодня не скажу. Сделаю евроремонт, или даже квартиру сменю, оденусь, как богиня, всех приглашу и только потом расскажу. Зинка умрет от зависти».

Серёжа чувствует себя неловко после вчерашнего позорного побега. Замученный раскаянием, он чаще обычного наливает коньяк и больше обычного пьёт. А она совсем на него не обижается.

– В сущности, он прав. У меня было нечто, похожее на помешательство. Я натуральным образом тронулась умом от горя, нужды и безысходности. Это же представить страшно, что могло вчера произойти. Под конвоем в туалет, годы за решёткой и ради чего, вернее, из-за чего? Как это глупо, как это не мудро, как это бессмысленно! Пока у человека есть кусок хлеба и стакан воды – он не имеет причин для недовольства. Вот сейчас, в данный момент, есть люди, которых ведут в туалет под конвоем? Есть. А есть люди, умирающие от рака? Есть! А есть несчастные, лишённые возможности видеть, слышать, передвигаться, влюбляться, наконец? Да полно таких, и кому из нас хуже? Мне или им? Дура я! Какая же я дура! Но Серёжу сегодня надо во что бы то ни стало отправить домой. Я должна выспаться, чтобы хорошо завтра выглядеть. Когда выспишься, по-молодому блеснут глаза. Но что ему наврать? Надо ему наврать, что у меня расстройство желудка. Не будет же он приставать к даме, которой в самый неподходящий момент приспичило в туалет? «А это – сексуально» - сказал мне однажды майор. Извращенец несчастный! Для успеха задуманного мероприятия мне нужно облегчить Серёжу хоть разочек, а уж потом

начать симуляцию.

Серёжа ушел, но женщина не могла уснуть.

«Вот всегда так, когда нужно выспаться, я, как назло, не могу уснуть. Завтра буду как кролик с красными глазами, а этот Арон, он, наверное, такой ироничный? Надо было не есть шоколад. Шоколад с коньяком страшно возбуждает. Зачем я напилась, как дура? Надо вскипятить чай и выпить снотворное».

Женщина достаёт аптечку, читает названия лекарств. Так, есть сто лет назад купленный фенобарбитал, а он хорошо растворяется и всасывается с горячим сладким чаем. Откуда я это знаю? Как это, откуда? Это мне мои опалённые пожаром мастера детективного жанра рассказали.

Женщина ставит чайник. Наливает себе рюмочку коньяку – «Мои обгорелые авантюристы утверждают, что белую горячку доктора снимают спиртом с барбитуратами. Буквально тридцать грамм спирта, тридцать капель брома, три таблетки, – больной засыпает и выздоравливает. Но у меня же нет белой горячки? Нет, слава богу. Значит, нужно выпить всего одну таблеточку под коньячок и запить это все горячим сладким чаем. И бай, бай. И завтра я буду, как огурчик».

Женщина глотает таблетку, лихо опрокидывает рюмашку, и ждёт, когда закипит чайник. Она сидит за столом, подперев голову руками. – «А я молодец! Не раскрыла тайну. Прямо на языке вертелось. Человек пару лет учится говорить, а потом всю жизнь учится молчать. Я раньше была такая болтушка, а сейчас от горя и бесконечных унижений я научилась молчать».

Женщина засыпает, неловко уронив голову на согнутое предплечье. Внезапно она вскрикивает, поднимает голову и снова погружается в сон. За ней бежали ОМОНовцы в страшных ку-клукс-клановых масках, и она страшно испугалась их во сне. «Господа! Вы звери, господа» - кричала она им голосом Елены Соловей. Потом они исчезли, но в ресторане в Ливадии к ней подошёл Лаокоон, один, без сыновей и без фигового листка, и учтиво пригласил её на

танец. А за соседним столом сидела Зинка-зараза, а с ней в обнимку – две змеи с алмазными глазами. И она, танцующая аргентинское танго, чувствовала низом живота совершенно определенные намерения троянского жреца Лаокоона, чувствовала и не стеснялась своего томления, а эти гадюки с Зинкой завистливо шипели на неё и обсуждали между собой её аморальное поведение. Лаокоон вдруг поднял её на руки, в тот же момент на них поплыли тремя четвертями тактов высокие волны безумного вальса и Жрец закружил ее по залу, с запрокинутым к небу лицом.

Любопытный вихрь кружения заглянул под шёлк и обнажил ноги выше дозволенного – не стыдно! Тиски сильных рук, прижимающих мои бёдра к мощной груди, – не больно! Ожидание неминуемого падения – не страшно! Muskatный запах мужского пота! Золотой прилив желания! Жар крови по извилистому коридору страсти. Опустите меня, Жрец, пониже. Ещё! Ещё! Я хочу ощутить тебя чутким низом моего живота. Как тогда, когда прочитала «несколько испорченных минут». Несколько испорченных минут, несколько испорченных лет, несколько испорченная жизнь. Я не вижу выражения твоего запрокинутого лица, Жрец! Не вижу, но знаю, что нёт больше на нем признаков конвульсий. Конвульсии во мне. Они ритмично сотрясают восторгом низ моего живота. Наполни мне чашу до краев, Жрец! Растворись во мне! Шипит игристое вино в золоченых кубках, шипят змеи.

Шипит газ, утративший огонь. Огонь потушил расплескавшийся кипяток из чайника. Никто так не жаждет огня, как утративший пламя газ. Он рвется в нетерпении наружу, страстно ожидая запала.

«Мне душно! Почему мне так душно? Вынеси меня из этого душного ресторана, мой любимый Жрец. Свежесть ночи. Луна, отраженная в воде. Затейливый хоровод звёзд. Блаженство. Упоение. Необратимо тускнеет свет. Неумолимо приближается мрак. Невозвратно уходят все. Усталость. Покой. Темнота».

29 декабря 2003 года

Николай и Светлана Пономарёвы ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ

Наши дети будут жить при коммунизме.

Н. С. Хрущёв

1

Бом-м-м... бом-м-м... бом-м-м... – доносилось сквозь тишину. Перед глазами стояла белая пелена, которая то вилась, как дым, то переливалась, как молоко. Голова была словно обтянута ядовитым жгутом. «Где я?» – подумалось краем сознания. Это самое сознание то концентрировалось на колокольном звоне, то на пелене, через которую стали проступать какие-то очертания, но никак не хотело вспоминать, что произошло... Сашка попытался сконцентрироваться на зрительных ощущениях. Звон прекратился. Сквозь туман проявился белый потолок с чуть заметной паутинкой в углу, и Сашка решил, что это казарма. Потом туман рассеялся... Это была не казарма, а совсем небольшая комната: возле кровати стояла тумбочка, чуть дальше стол, табурет и ещё одна свободная кровать. За столом, склонившись над каким-то журналом, сидела толстая женщина в брючном медицинском костюме. Сначала и женщина эта, не виданная раньше, и комната, и жуткий запах хлорки вокруг существовали как-то отдельно, ничем между собой не связанные и ничего не значащие. Потом вдруг сложилось: санчасть. Он в санчасти Корпуса. Значит, случилось что-то серьёзное, значит – он ранен. Сашка с трудом оторвал голову от подушки. Жгут на голове оказался всего навсего марлевой повязкой. За окном садилось солнце и протяжно свистел ветер...

Лежать было неудобно, и Сашка попытался повернуться на бок, чуть не вскрикнув от боли, пронзившей половину головы. Пружинная койка под ним заскрипела. Женщина оторвалась от своего журнала и обернулась.

– Скажите, – с трудом выговорил Сашка, – зачем я здесь? Я ничего не помню. Меня ранили? Чем?

– Поговоришь с доктором, когда он подойдёт, – нехотя отозвалась она. – Я сообщу ему, что ты очнулся.

Сашка посмотрел, как она уходит, и закрыл глаза. Голова всё ещё болела. И лезла в неё всякая чепуха: вспоминались учения их роты в степи. Пятые учения за год. Зачем их вспоминать? Все кадеты выезжают на учения. Все пробегают то по дождю, то по жаре бесконечные километры. Иногда налегке, иногда – волоча на себе кучу ненужного груза. Конечно, выматываются, устают, добираются до нужного блокпоста почти ползком... Это нормально, так было всегда. Он к этому привык. Почему же он здесь? Что-то произошло на учениях такое, чего он не запомнил. Он ударился головой. Только как? Никаких предположений... Ничего, кто-нибудь придёт и всё расскажет. Илья придёт... Сашка отогнал наваливающийся сон. Почему же он сразу не вспомнил? Была буря. Пыльная буря, суховей с южных пустынь. Они с лучшим другом Ильёй отошли в сторону от блиндажей. В поднявшейся пыли ориентироваться было сложно. А дальше Илья подвернул ногу и захромал. Значит, он тоже здесь, только в другой палате, он расскажет завтра всё. От этого стало легче...

Сашка пролежал всю ночь, то приходя в себя, то опять проваливаясь в забытие. За окном так же ветрило, как и в степи. Под потолком от скачков напряжения мигала, то тускнея, то ярко вспыхивая, одетая в нелепый стеклянный плафон лампочка. Пару раз приходил огромный мужик в белом халате, ставил укол в вену и удалялся, не разговаривая с Сашкой, хотя тот и пытался расспросить про ранение и про Илью. А потом вдруг наступило утро. Ветер за стенами санчасти улёгся, и, как ни странно, прекратилось у Сашки изматывающее головокружение. Он смотрел в потолок и ждал, что же будет дальше. После ранений, если они случались в Корпусе, кадетов обычно отправляли в отпуск. Значит, он на неделю-другую попадёт домой. Это было приятно, как будто получил неожиданный подарок. Целая сентябрьская неделя свободы...

Колокол на улице пробил утреннее построение, и вскоре пришла толстая медсестра, заспанная и хмурая. Принялась менять Сашке повязку.

– Мне ещё долго лежать? – спросил он.

– Если захочешь, можешь потихоньку встать. Только из палаты не выходи.

Он встал, подошёл к окну, оперся на подоконник. Оказалось, что палата находится на втором этаже: внизу был виден кусок двора, поросшего чахлой пыльной травой, кустик шиповника и плотный деревянный забор, опоясывавший Корпус по периметру. Гвардейский Корпус был самым престижным учебным заведением в городе. И был совершенно от города отделён. Отделён не только высоченным забором и предупреждающими табличками: «Территория Корпуса. Стой! Посторонним вход воспрещён!», но и общим осознанием того, что гвардия – элита. Что только тут, за забором, можно жить настоящей жизнью, сделать хорошую карьеру и принести пользу Главе. Городские мальчишки мечтали стать офицерами гвардии. Сюда брали лучших. Отсюда отчисляли за малейшую мелочь. Сашка учился в Корпусе уже второй год и знал здесь каждый клочок земли. Плац, казармы, учебное здание, склады, подсобки... Вот теперь и санчасть, в которой бывать не приходилось... Корпус строился очень давно для обучения парадного полка президента тогда ещё огромной федерации и выстроен был на совесть: здания до сих пор не ветшали и выглядели внушительно. Первые ученики засадили территорию Корпуса тополями и голубыми елями, и теперь это были могучие красивые деревья. Да, почти всё здесь было не так, как в измученном войной городе...

Сашка пожалел, что окно палаты не выходит на другую сторону. Тогда можно было бы посмотреть на утреннее построение и на то, как марширует по плацу очередная рота. Или как более взрослые кадеты демонстрируют приёмы самообороны...

Он отстранился от окна и, повернувшись к медсестре, которая собиралась выйти, спросил:

– А в какой палате Илья Яснов?

– Я не знаю, кого как зовут. Много вас привозят. Ищи сам, – сказала она сердито, – только не сейчас.

Сашка пожал плечами, добрался до кровати и лёг. Перед глазами расплылся чёрный штамп на сероватой больничной наволочке... Их рота, наверняка, сейчас на теоретических занятиях. Решают задачи по алгебре, или переводят куски текста из какой-нибудь книги легенд, написанной пустынноиками. А он будет валяться здесь неизвестно сколько из-за того, что каким-то непостижимым образом прошиб себе голову... А Илья, может быть, уже и выписался из санчасти. Вправили ему вывих и вернули в роту. Интересно, успеет ли он, Сашка, вылечиться до конца сентября? Сегодня ведь уже восемнадцатое число. А с октября начнётся новый блок занятий. Обещали снайперскую стрельбу и маскировку... И скоро зачёт по языкознанию. Сашка вспомнил, что одолжил свой учебник по языку пустынноиков кадету из другой роты. А учебник у него хороший – не по стандартной программе, а по университетской. Мама покупала. Сашка вздохнул. Всё-таки лазарет – очень скучное место, особенно если не пускают в коридор...

За дверью раздался шум, и в палату ввалился плотный невысокий мужчина, седоволосый и с забавными усищами. Это был один из лучших тренеров Корпуса – капитан Григорий Краев. Обычно подтянутый и аккуратный, сегодня он выглядел взвинченным и растрёпанным. Оглядев палату, он, наконец, взглянул на своего ученика.

– Здравствуйте, господин офицер! – вскочил и поднял руку вверх в привычном приветствии Сашка.

– Сядь! – скомандовал Краев. Сашка, глупо улыбаясь, сел, а тренер опустился на табурет и негромко продолжил: – У нас с тобой несколько минут. Я спрашиваю – ты отвечаешь.

– А что, что-то случилось? – удивился Сашка. – Нас повезут на войну?

– Нет, пришёл бы я из-за этого... – Краев нервно поводит рукой по волосам, как будто решая, стоит ли разговаривать или прямо сейчас повернуться и уйти, и, наконец, выпалил: – К тебе приходили из Управления Безопасности?

– Нет, – только успел вымолвить Сашка.

– Значит, придут. Как только медики им доложат, что ты оклемался. Придут или вызовут к себе... Не знаю, как там сейчас принято. Так вот... Я хотел тебе сказать – мне всё равно, что вы там с Яновым задумали! В любом случае это бред и детство. Главное – ни в чём не признавайся. Понял?

Сашка смотрел на капитана большими бессмысленными глазами и ничего, совсем ничего не понимал. Краев это увидел.

– Ты вообще помнишь вчерашний день? Учения? – спросил он уже гораздо медленнее.

– Да, мы с Ильёй заблудились. Была буря... Подвернул ногу... – Сашка мучительно пытался вспомнить что-то, что являлось ключом к непонятным словам Краева, но ничего не вспоминалось. – Потом что-то ударило по голове...

– Не что-то, а Янов. Это он ударил тебя, а потом убежал на юг. Его ищут, но до сих пор не поймали. Так что, выходит: Илья Янов – дезертир и предатель города. Понял?

– Илья? – внутри у Сашки похолодело. – Он не мог убежать. Не может быть! Он ведь хромал...

– Ты ж не маленький, – невесело усмехнулся Краев, – всё понимаешь. Илья оказался предателем. Теперь его будет искать Контора. Знаешь это заведение? Не рекомендую туда попадать. Они найдут Янова и расстреляют. Но это уже его беда. Сейчас я тревожусь за тебя...

Сашка молчал. Бежать в бурю через степь в другой город! Это не просто предательство, это самоубийство! Зачем Илье бежать?

– У тебя есть только одна зацепка, – Краев прикоснулся пальцами к повязке вокруг Сашкиной головы. – Ты пытался его задержать – он ударил тебя камнем. Ты кровью смыл подозрения...

– Я не пытался его удержать! – выдохнул Сашка. – Он никуда не собирался, правда! Мы отстали от группы из-за его ноги! А потом...

– А потом он ударил тебя, чтобы ты ему не мешал дезертировать, – чётко сказал Краев. Потом поднялся и добавил тише: – Ему ты теперь ничем не поможешь. Думай о себе.

Допрос следователя из Конторы – не шутки...

Краев ушёл, как будто не хотел, чтобы его видели в санчасти, а Сашка остался один. Наедине со странными и страшными словами про дезертирство. Сказанное капитаном было настолько невероятным, что даже думать об этом было сложно. Как будто заявили Сашке, что мир вдруг перевернулся или что он сам вовсе не Александр Ерхов, а совсем другой человек. Сашка встал и снова подошёл к окну. Как будто вид из него мог что-то прояснить. Хотя и в самом деле – мог. Всё на прежних местах, значит, мир не рухнул. А раз так, то и Илья не может быть дезертиром. В самом деле, почему вдруг все решили, что он куда-то убежал? Наверняка, это ошибка. Илья заблудился. Да мало ли что в такой буре могло случиться. С чего взяли, что Илья его ударил? Он, Сашка, этого не помнит. А ведь он не слепой и не сумасшедший, чтобы не заметить, что на него напали. Сашка потрогал повязку. Голова почти не болела. Это было ещё одним доказательством того, что Илья его не бил. Да окажись у него в руке камень, да стукни он этим камнем человека в висок – неужели не убил бы?

– Санёк!

Сашка опёрся на подоконник и заметил то, на что, занятый своими мыслями, не обратил внимания – на газончике внизу стояли его приятели: Василь, Макар и Вовка. Сашка подёргал шпингалеты и распахнул окно.

– Нас исключают, – крикнул Вовка, – всех, кто был вчера в нашей команде, переводят рядовыми в бронечать. Это на южной окраине. В Корпусе такой шорох! Офицеров опрашивают, везде обыски!

– Всё из-за Яснова, сволочи! – добавил Макар.

– А меня? Меня куда не переводят?

– О тебе молчат. Может, оставят кадетом. Вон как тебе от этого психа досталось! Небось, больно?

– Больно, – пробормотал Сашка. – А что, Яснова не нашли?

– Нет. Вчера вертушки поднять не могли из-за ветра, только сегодня полетели. Да за ночь куда только не удерёшь!

Санёк, ты слышишь?

Но он уже не слышал – он сел на кровать, обхватил колени руками и закрыл глаза. Неужели всё – правда? Неужели Илья действительно убежал?...

– Тебе кто разрешил окно открывать? – ворвалась в палату толстая медсестра и тут же заругалась на мальчишек: – Пошли вон, идиоты, не видите надпись: «Не шуми»!

Голос у неё был визгливый и раздражённый. Она грохнула створками так, что стекло зазвенело, и повернулась к Сашке:

– Тебя выписывают. Форма в приёмнике. Спускайся на первый этаж...

На первом этаже, в крохотной каморке, дежурный кадет-первогодок выдал Сашке его форму. Сашка кое-как натянул гимнастёрку со следами крови на воротнике и посмотрел в зеркало. Вид у него был теперь абсолютно не гвардейский: лицо бледное, чёрные глаза лихорадочно блестят, да ещё марлевая повязка вокруг выбритой головы. Сашка вздохнул, щёлкнул каблуками и заученным жестом отсалютовал отражению. Получилось так дурно, что передёрнуло...

В приёмнике врач, не отрываясь от заполнения бумаг, сообщил, что кадету Ерхову срочно велено явиться в кабинет начальника Корпуса.

– Вообще-то выписывать тебя рано, но есть такое распоряжение, – он отложил карандаш и подал Сашке стеклянный флакончик, – будешь пить эти таблетки утром и вечером, повязку поменяешь завтра. Конечно, лучше бы тебе полежать, но раз уж такое дело... Давай, держись.

Сашка сунул таблетки в карман и вышел на улицу. Неужели его тоже переведут рядовым в бронечать? В команде вчера были десять человек. Как можно выгнать сразу всех?

Стоял тёплый сентябрьский день, в воздухе носились паутинки, и пахло хвоей. Сашка медленно пошёл в сторону административного здания. Форменные сапоги бухали по асфальтовой дорожке и казались невероятно тяжелыми, воротничок жал горло, Сашка мигом взмок и страшно устал... И всё-таки он верил, что ничего плохого случиться

не может. Он ведь не виноват. Это сразу понятно. Значит, всё будет хорошо.

2

В администрации было душно и людно. Сновали по своим делам секретари в отутюженных разноцветных костюмах, приносили документы офицеры в мундирах цвета хаки. Сашка присел в уголке и закрыл глаза, отстраняясь от человеческого круговращения. Вспомнилось, как больше года назад он сидел на этой же скамейке. Его привёл знакомый отца, посадил у окошка, а сам исчез в кабинете начальника. Сашка был тогда ещё малолетним – ходил в гимназию, дома из глины замок лепил, а об армии даже и не мечтал. Да и мама считала, что хватит уже в семье военных и её сын должен закончить университет. Даже факультет ему выбрала – медицинский. А он не возражал – медицинский, так медицинский. А потом, в странно душный для мая день, когда город был буквально придавлен серыми мрачными тучами, а воздух, казалось, не двигается, отец с работы не вернулся. Пришли какие-то люди в парадной офицерской форме, что-то долго объясняли маме на кухне, а Сашка стоял у закрытой двери и мучился от неизвестности... Отец погиб, защищая жизнь Главы. Вместо отца у Сашки теперь был только серый камень на офицерском кладбище. Того, кто стрелял в Главу, тут же поймала Контора. Только изменить это ничего не могло. И Сашке оставалось только недоумевать: как в их городе, лучшем из всех городов, мог появиться такой сумасшедший... Своей смертью отец заслужил венки, возложенный Главой на его могилу, и возможность для своего сына быть принятым в гвардейский Корпус. Об университете теперь не могло быть и речи.

Сашка приоткрыл один глаз – над ним наклонилась пожилая женщина.

- Тебе что, плохо? Ты к кому пришёл?
- Я к господину полковнику. Кадет Ерхов Александр.
- Сейчас сообщу, – женщина быстро ушла.

Сашка опять погрузился в воспоминания. Тогда, год назад, из кабинета тоже вышла женщина. «Хорошенький мальчик» – сказала она про него, как про куклу. Даже противно стало... Но, видно, она оказалась права, раз взяли Сашку именно в парадную роту.

«Тебя приняли, – сказал знакомый отца. – Не подводи!» И он не подводил...

– Ерхов, проходи! – крикнули из кабинета.

Кроме начальника Корпуса, полковника Белова, в кабинете находился Краев и незнакомый Сашке худой мужчина в сером костюме. Лицо у незнакомца было желтушно-измождённое, и посмотрел он на Сашку так, как будто тот является его личным врагом и виноват во всех его несчастьях.

– Садись, Ерхов, – полковник кивнул в сторону свободного стула у стены.

Сашка сел.

– Да-а, – протянул незнакомец, – бардак в вашем учебном заведении, господин Белов. И хуже всего, подозрительный бардак. Вы нам всё Управление на уши поставили своими сопливыми перебежчиками...

Краев чуть слышно кашлянул.

– Ну, займёмся делом, – незнакомец вновь посмотрел на Сашку, – я следователь из отдела дознания Управления Безопасности. Ты – Ерхов Александр?

– Да, – выдавил Сашка.

Следователь порывлся в лежащей перед ним коричневой папке и стал зачитывать:

– Возраст – пятнадцать лет. Отец, Ерхов Александр, полтора года назад героически погиб, защищая жизнь Главы; мать, Ерхова Клавдия, учительница в младшей школе, проживает по улице Братская, дом 8, квартира 6. Всё верно?

Сашка кивнул.

– У тебя и дед герой был?

– Да.

– Вот так... А ты, значит, предатель.

Внутри у Сашки похолодело.

– Я не предатель! Это ошибка.

– А я тебя ещё ни о чём не спрашиваю, – рявкнул следователь. И перевёл взгляд на Краева: – Совсем личный состав распустили. Я что сюда, за его оправданиями пришёл? Такой позор на Корпус, а все ведут себя, как будто ничего не произошло...

Сашка смотрел то на Краева, то на полковника. Те молчали и, похоже, вступаться за него не собирались. Краев рассеянно вертел в пальцах неприкуренную сигарету. Следователь встал, подошёл к Сашке вплотную и, наклонившись, спросил:

– Ты, сын героя, ты вообще соображаешь, во что ты вляпался?

Сашка вжался в спинку стула.

– Давно Яснов собирался в Бельск?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Да я правда ничего не знаю! – Сашка с ужасом смотрел на следователя. – Мне Илья ничего не говорил!

– Понятно, – процедил следователь. – Мальчик решил задурить голову трём взрослым мужикам разом. Думает: соврёт и его отпустят... Думает: сможет и дальше спокойно учиться в Корпусе. А честь будущего офицера для него, видимо, пустой звук!

– Никак нет!

– Нет? – следователь приблизил своё лицо к Сашке настолько, что тот почувствовал его дыхание. Пахло от следователя дешёвыми сигаретами и чем-то сладковатым. Сашку затошнило. – Знаешь, что бы на твоём месте сделал человек, дорожащий воинской честью? – он сделал паузу и выдохнул: – Пустил бы себе пулю в лоб!

В кабинете повисла нехорошая тишина.

– Ну, теперь я хочу услышать от тебя что-то более стоящее, чем «я не виноват», – следователь вернулся на своё прежнее место за столом. – Итак, с кем чаще всего общался Яснов, кроме тебя, и кому он мог выдать свои планы?

Сашка подавленно молчал. Голова кружилась, мысли лезли одна на другую и никак не давали возможности ухватиться

за какую-нибудь конкретную.

– Ерхов, тебе задали вопрос, – подал голос полковник.

– Он... – Сашка запнулся. – Яснов дружил только со мной. Он был из приюта, у нас тут не любят приютских...

– Кадеты не любят, или тренера тоже? – заинтересовался следователь.

– Нет, тренера нет... Тренера ко всем нормально...

– К примеру, тренер ориентирования? Вот он, перед тобой, – следователь кивнул на Краева. – Скажи при нём, как он относился к кадету Яснову? Плохо?

– Хорошо.

– А почему хорошо? Он выделял его из остальной массы кадетов?

Сашка кивнул, потом помотал головой и беспомощно уставился на Краева.

– Да, – сказал тот, не переставая крутить сигарету, – я выделял Яснова. И выделял Ерхова. Они способные ребята, и их трудно не выделять.

– Господин капитан, – внушительно проговорил следователь, – я сейчас задаю вопросы Ерхову, а не Вам. А Ерхов почему-то не хочет оказать мне помощь. Он всё время ожидает подсказки от Вас. Это можно рассмотреть как организованную вредительскую группу. Кто-то ведь внушает кадетам, что можно отправиться во вражеский город. Не сами же они до этого додумались, верно?

– У нас в Корпусе нет вредителей, – сказал Краев.

– Значит, они есть за пределами, – гаркнул следователь. – Яснов ходил в увольнения?

– Как все. Раз в месяц на два дня.

– Куда он уходил в последний раз?

– И в последнее, и во все предыдущие в этом году увольнения он уходил вместе с Ерховым к нему домой, – сказал Краев.

– Да, Ерхов... Куда ни глянь, везде всё сводится к тебе, – следователь вытащил из кармана блокнот, карандаш и стал что-то туда записывать. – Твоя вина настолько очевидна, что и доказывать нечего...

– Подождите, – вмешался Краев, – какая вина? Яснов ударил его по голове, чтобы он не мешал ему покинуть район учений. Если бы Ерхов был виноват, они бы ушли вместе...

Следователь посмотрел на него ледяным взглядом.

– Вы ведь не дознаватель. Вы всего лишь тренер по ориентированию. Даже, вернее сказать, бывший тренер... А про удар по голове разговор отдельный. Слишком уж аккуратно стукнул. Знаете, чтобы и не убить, и подозрения отвести... И потом, так не бывает, чтобы человек вынашивал план и никто вокруг ничего не знал. Тем более Яснов не сверхшпион какой-то и не сумасшедший, чтобы раз – и убежать без подготовки. А что касается Ерхова... Если ему друг-предатель дороже карьеры, учёбы в Корпусе, выбор его. Посадить бы его по-хорошему в наше Управление, да улик маловато. Впрочем, я надеюсь, в гвардии он не задержится...

– Не отчисляйте меня, – прошептал Сашка, – я ни в чём не виноват.

– Ты, может быть, и нет. Но вот друг у тебя – враг города. Вот в чём беда-то... – следователь встал, спрятал блокнот в карман и кивнул полковнику: – Полагаю, на сегодня мы с Вами закончили. Если будет необходимость, кадетов будем вызывать. Всего хорошего.

Он вышел. Несколько секунд в кабинете было мертвенно тихо, потом полковник приблизился к столу, взял в руки папку, открытую следователем, и почти по слогам сказал:

– Твои документы, Ерхов. Ты отчислен. Казённое имущество сдай на склад.

– Вы его куда не переводите? – спросил Краев.

– Чёрный штамп в личное дело. В профессиональной армии предатели ни к чему. Может быть, отряды гражданской обороны или штурмовые отряды...

Всё вокруг Сашки завертелось. Он вцепился руками в сиденье. Краев взял из рук полковника папку и почти выволок Сашку в коридор.

– Ничего, – сказал он, – ещё ничего не потеряно. Насчёт чёрного штампа тебя просто пугают. Пара лет – и можешь попытаться поступить в танковое училище, или в вертолётчики, –

потом внимательно посмотрел на Сашку, – или вообще получишь гражданскую специальность. Так даже лучше. Ты у матери один. Зачем платить за учёбу там, где тебя в любую минуту пристрелят...

– Пристрелят? – Сашка поднял на Краева глаза. – Я сам должен застрелиться. Все теперь будут считать меня предателем.

– Не все, а Контора. Если бы стрелялись все, кого они подозревают, в городе жителей бы не осталось. Понял? Пошли.

Они вышли на улицу. Территория Корпуса выглядела как обычно: ели, дорожки, плакат: «Мы – на защите города». Жизнь в Корпусе, уставная, чётко расписанная, продолжалась. Роты маршировали в столовую и из столовой. Мимо Сашки и Краева то и дело проходили кадеты, вскидывали руки в приветствиях и спешили дальше. Сашка смотрел на кадетов, деревья, здания и думал, что никакой жизни, кроме этой, себе и не представляет. Как можно вдруг оказаться дома? Там, где он почти не бывал за последние полтора года. Что он будет делать? На учёбу в университете у них нет денег, а никакой профессии он не обучен. Его даже в мастерские не возьмут. А что будет с мамой? У мамы большое сердце, она вообще может не пережить, что его отчислили...

– Ты меня слушаешь? – откуда-то сверху донёсся голос Краева. – Я говорю: держись. В жизни бывает всякое. Может, оно и к лучшему повернётся. Как знать...

Продолжение следует...

Евгений Асташкин ПОЛ-КОЛИ

1

На бетонной бровке бездействующего фонтанчика празднично сидели на свежем воздухе мужики из ближних многоэтажек, подстелив под себя обрывки картонок. За их спинами надоедливо тархтел мини-компрессор, который подкачивал воздух в надувной павильончик с

потешной головой Петрушки на коньке. Время от времени какая-нибудь мамаша приводила сюда своё чадо, чтобы оно попрыгало на пухлом резиновом полу павильончика, подлетая до самого потолка. Предприимчивый молодец каракумской внешности собирал с мамаш мелкие купюры. Видно, кто-то из детворы пробил каблук об обложку, поэтому, едва компрессор выключали, все четыре угловые колонны павильончика начинали на глазах худеть, подламываться, Петрушка клевал носом, и крыша мягко рушилась, как в замедленной киносъёмке. Тогда компрессор снова начинал монотонно хлопать - слоновьи ноги-опоры вздымали крышу вверх, а Петрушка задирает нос.

С лиц «прифонтанных» мужиков не сходила гримаса мучительного выжидания. Они с утра подкарауливали знакомых и простачков, которых можно было бы «раскрутить на выпивон». С орлиной зоркостью наблюдали они за всеми прохожими. Прилегающий отрезок тротуара, длиной в сотню метров, был наиболее оживлённым местом этого нового микрорайона по самой простой причине. Здесь сконцентрировалась торгашеская братия. У автобусной остановки располагались дачницы со своими кошелками, а дальше с обеих сторон на асфальт тротуара надвинулись бесчисленные грибки палаток, спозаранку затягиваемые однообразным зелёным тентом. Такая незамаскированная торгашеская беспардонность призвана была ненавязчиво подталкивать прохожих к единственной требуемой от них функции, - они очень рисковали в обход своей воли значительно облегчить свой кошелек и потом запоздало рассуждать: «Ну не глупость ли я сделал?..» А за палатками прихватил целый квартал основательный универсам.

Одна из торговок, перекупщица Савельевна, вечно прятала под подолом сумку с тошнотворной самогонкой. Местные алкаши, если им удавалось впарить кому-нибудь из прохожих найденные в мусорных баках стеклянные банки или что-нибудь тайком вынесенное из дома, разживались отравой у Савельевны.

Среди мужиков выделялся своими неохватными телесами не старый ещё очкарик, ходивший в любую жару в одном и

том же коричневом вельвете, измятом до неприличия, словно он и спал в пиджаке. Жил он бобылём и о себе не любил распространяться, лишь по пьянке пробалтывался, что сидел в камере смертников, но ему несказанно повезло. Предложили в Афганистане такую работёнку, на которую нормальный человек вряд ли бы согласился. За это обещали свободу, считая, что он вряд ли выйдет живым из пекла. Он чудом выжил. Естественно, собутельники считали, что им «вешают лагман на уши», но иной раз очкарик выносил «загнать» прохожим какой-нибудь басурманский поднос с орнаментной чеканкой или выдавшую виды суконную афганку. Раз положил на расстеленную газету кривой афганский тесак, который тут же изъял в свою пользу проходивший мимо участковый. Очкарик не был похож на обыкновенного пропойцу, устраивался только на денежную работу, пока не попадал под сокращение. И что-то было в нём такое, отчего мужики интуитивно его побаивались.

Афганец не вертел головой, как другие, и не участвовал в общем трёпе. Он словно выел жизнь до дна, завтрашний день не сулил подарков. Оживлялся он лишь, когда мужики начинали оценивать прелести проходившей мимо профурсетки, явно демонстрирующей себя развинченной походкой.

Словно вспомнив что-то, очкарик склонился на сидевшего рядом пенсионера со сливовым носом, вслух страдавшего на неизменную тему: «Что бы хряпнуть?..»

- Ты так и не сказал, когда отдашь мой полтинник?

- Нету, Вася, денег-денег, - зашепелявил сосед угодливо, у него была дурная привычка дважды повторять слова. - Моя Машка вчера вытащила из кармана всю пенсию, не успел сделать-сделать заначку...

Провинившийся завёл какую-то «бодягу», но не очень убедительно. Очкарик, не вставая с места, избоку саданул кулаком соседу в ухо и даже не посмотрел в ту сторону, куда он откатился. А тот едва не угодил на бетонированное дно фонтана. Беззлобно покряхтев, старикашка отряхнулся и снова присел на холодном окружении фонтана, правда, обезопасив себя более дальней дистанцией и не решившись взять

свою нагретую картонку.

На горизонте нарисовалась странная парочка. В сторону мужиков шёл очередной собутыльник, прижимая к животу увесистый горшочек с диковинным цветком, а следом катил на своей «тачанке», сделанной из детской коляски, безногий инвалид, отталкиваясь от грунта толокушами - деревяшками, похожими на те, которыми штукатуры растирают свеженабросанный раствор на стене. На эти деревянные были набиты куски от велосипедной покрышки.

Цветок был установлен на фонтанной бровке, инвалид оставил свои деревянные на земле, зацепил пальцами солдатскую рубашку на груди и стал потрясывать материю, нагоняя под неё воздух:

- Фу!.. Разок проедешь, и мокрый, как лягушка...

- Здорово живёшь, Колян! - отдельно поприветствовали инвалида бездельники. - Что это за цветок вы припёрли?..

- Вы такой не видели, - ответил инвалид, по привычке жуя морщинистыми губами, прикрывавшими единственный зуб на верхней челюсти. - Одно семечко стоит пятьсот рублей. Я его выписывал по почте.

- Да ну тебя! Свисти больше! - раскрыли рты мужики.

- Его на выставке, на «Флоре», можно загнать тыщ за пять. Но туда добираться замучаешься - с пересадкой. Жигун меня ушатал, говорит, здесь толкнёт его за три штуки...

Мужики, не скрывая глумливого выражения, уставились на того, кто был назван Жигуном. Этому жоху верить - себя не уважать. Неужели Коля такой наивный? Или будет сторожить свою диковинку?..

- Как называется цветок? - просипел в сторону инвалида испитой бич, у которого все руки были в ссадинах из-за того, что он сезонами рылся на загородной свалке в поисках цветного металла. Там и жил летом. Он был парией даже среди местных алкашей, потому что никогда не мылся, а к ним сегодня присоседился в надежде, что перепадёт от их щедрот.

- Ты всё равно не выговоришь, - отмахнулся от него безногий.

- Зачем тебе деньги? - не отставал «бывший интеллигентный человек».

- А ты уже без денег живёшь, в собственном коммунизме? -огрызнулся инвалид. - Ты, наверно, в магазине всё берёшь бесплатно, за квартиру не платишь, на маршрутке тоже едешь бесплатно...

Его прорвало, он вычитывал и вычитывал бичугану:

- И потом, я с тобой не разговаривал, я тебя знать не знаю. С тобой на брудершафт не пил. Я вообще, к твоему сведению, не переносу алкоголь. Что смотришь? Ты меня видел пьяным? И что за привычка вмешиваться в чужие разговоры?..

Инвалид прекрасно знал, что алкаши говорят о нём за глаза. Кто бы ни спросил, как он оказался без ног, обязательно следует придуранный ответ: «А-а, он их по пьянке отморозил...» Все именно так и считают. Думают, что он такой же пропойца. Коля уже устал всем втемняшивать, что ноги ему отняли из-за гангренного расширения вен. С любым может случиться...

Бич снисходительно потупился, а разгоряченный инвалид ослабил на животе нечто, вроде пояса, которым он пристёгивал себя к тележке, иначе в ней не удержаться. Поначалу просто вылетал из неё при торможении.

Припекало. Инвалид, морщась, приподнял на руках худое тело, словно отсидел попу, потом снова опустился и резво пошевелил в подвёрнутых штанинах обрубками. Они были такими тонкими, словно под сукном шевелились детские ручки. Ноги Коле отняли по самое «не могу».

- Ну ладно, я поехал на своё место, - инвалид перекинул через плечо лежавшую в ногах сумочку, снова пристегнул себя поясом и привычно заработал толокушами, покотив в сторону торговых палаток.

Когда Коля проезжал мимо дачниц, одна из них поманила его и положила в его сумку пяток аппетитных яблок. Её сосед, замшелый подслеповатый дедок, протянул Коле полиэтиленовый мешочек с перьями лука:

- Ещё давесь приготовил, да тебя не было видно... Коля издала оценил содержимое мешочка, лук уже обвял и напоминал

сорную траву. Инвалид не стал брать его, комкая раздражение в горле:

- Да ещё тот лук не кончился в холодильнике... У меня вырезано три метра кишок, всё идёт навывлет...

Ему показалось, что и этот дедок в душе считает его недочеловеком, которому можно совать в руки что угодно - всё примет за милую душу. Дедок догадался, что его неправильно поняли и чертыхался, что не посмотрел внимательно в мешочек с давешним луком. Кто знал, что он так быстро завянет?

Когда Коля отскрипел коляской, кто-то из мужиков снова спросил, обращаясь к Жигуну, у которого квартировал калека:

- Зачем ему деньги?

- Опять хочет послать детям. Сыновья уже взрослые лбы, а дочка ещё учится в школе. Теперь больше ей помогает. Я сколько раз ему говорил: «Брось ты это!..» И так им оставил квартиру. Что с него взять? Да хоть бы разок приехали к нему в гости, сами чем помогли. Он постоянно заказывает переговоры с детьми, живут в каком-то райцентре недалеко отсюда. А со своей женой он даже не разговаривает. Вытупила его, когда стал таким...

- Каждое лето ездит за город на могилку-могилку матери, - вставил пенсионер, получивший в ухо от «афганца».

- Да знаю! - резко ответил Жигун. - Всё время рассказывает, что добирался до кладбища своим ходом, на тележке. Я же знаю, что его на трассе всегда кто-нибудь подбирает и довозит до места. Да и кто проедет мимо, если свободно в салоне? Пять километров на коляске! Что заливать-то... Наверное, хочет, чтобы все его жалели...

- Он и на озере бывает, что в карьере за мостом, - опять вспомнил схлопотавший в ухо. - Раз я с ним купался. Он по мелководью шёл вот так на руках-руках, а потом угодил в какую-то яму и давай барахтаться. Без ног, видно, особо не поплаваешь. Ну я его и вытащил-вытащил на мель...

- Сейчас ему накидают монет возле универсама, - сказал Жигун «с выражением» - без пяти минут позавидовал. - Опять купит какую-нибудь кассету с рок-н-роллом. Он только

такое слушает. Лучше бы вставил челюсти, не пойму, как он жуёт одним клыком?..

- Тебе, наверное, выгодно держать такого квартиранта, - подначивали Жигуна дружки. - Сознайся уж! Еду всегда притаранит, да и деньжата водятся...

- Это летом. А зимой он на улицу не высовывается. Разве по сугробам проедешь на коляске? Целыми днями слушает свои буги-вуги. Эх, что-то в горле дырынчит!.. Рэкетнул бы, Вася, того чурека на канистру пива...

Страдальцы оглянулись на черноглазого «делаваара», который уже сам ползал по полу надувного теремка, отыскивая, где пропускает. Компрессор всё так же тарыхтел. Все знали, что очкарику Васе ничего не стоит взять любого «за шкварник». Он частенько выгонял отсюда чужаков, которые вздумали разложить у тротуара свой хлам, чтобы выручить копейку. Если «афганцу» кто-то из таких не понравится, подойдёт и начинает наступать на железяки своими ужасающими безразмерными башмаками, пока чужак не догадается побросать своё барахлишко обратно в рюкзак или отдать его за бесценок, зная, что оно тут же будет перепродано.

Очкарик никак не откликнулся на провокацию, сидел безучастно. Вдруг он порывисто поднялся и молчком протиснулся в прореху, что была в живой изгороди, отделявшей тротуар от скверика с худенькими берёзками. Верзила, слегка удалившись, притулился к подстриженной живой изгороди, которая была ему по грудь. Невозмутимо смотрел на прохожих, а те лишь догадывались, что он там делает, за гущей мелких ветвей: журчание скрадывал густой ковыль...

2

Коля жарился на августовском солнцепёке сбоку универсамовского крыльца с таким видом, словно ждал кого-то. Не заглядывал в лица, даже как бы отворачивался от людей. Он никогда не располагал рядом с собой пластиковый одноразовый фужер или более классический атрибут попрошайек - перевёрнутую кепку. Деньги ему и так бросали - на пустые брючины, в то место, где должны были находиться колени.

Народ двигался безостановочно, туда-сюда. Бумажные купюры Коля убирал в нагрудный карман, чтобы не унесло порывом ветра, а мелочь оставалась блестеть в глаза. Он никогда не благодарил за милостыню, молчал - и всё.

Ближе к полудню Коля опять взялся за свои деревяшки и поехал меж палаток, лавируя среди бесчисленных ног. В это время лиц он не видел, одни ноги вокруг мельтешили, уступая ему дорогу или становясь преградой и по их положению он безошибочно определял, когда его просто не видят: стоят в очереди; не будешь же толкать, их хозяин всё равно заметит калеку или соседи подскажут.

Подъезжая к мужикам, Коля уже издали заметил, что его цветка на фонтане нет - значит, продан. Компрессор умолк, чернявый индивидуал грузил в большую ручную тележку спущенный резиновый теремок, сворачивая и укладывая его слоями. Многочисленные школьники сновали вокруг, собирая мусор в мешки, рылись в траве за живой изгородью. Нынче директор школы пообещал каждому заплатить по восемьсот рублей, вот они и старались. Вытаскивали из укромных мест картонные коробки, старые, размоченные дождями, и новые, которые дачники использовали в качестве столиков, а уходя припрятавали.

Мужики самозабвенно квасили, беззвучно чокаясь податливыми пластиковыми стаканчиками. У их ног стояла старая сумка, из которой торчали бутылочные горлышки. Осовелый пенсионер со сливовым носом сидел рядом со своим вельветовым обидчиком и смотрел на него добрыми глазами цвета выгоревшей синьки на давно не беленой стене.

- Колян! - разгульно раскинул руки Жигун. - А мы обмываем твой цветок.

- За сколь продали? - насторожился Коля.

- Э! Деньги - мусор, - попытался укрыться за уличной философией Жигун.

- Что ты темнишь? - инвалид багровел буквально на глазах.

- Да махнулись с Савельевной, - указал Жигун стаканчиком на сумку с самогонкой, словно это было для него главным сокровищем. - Тут и тебе хватит. Присоединяйся, пей

от пуза! Савельевна и закуской снабдила. А цветок - унесла...

- Ты издеваешься, что ли? - инвалиду не хватало воздуха, он дышал, как выброшенная на берег плотвичка. - Да я за одно семечко отвалил «пятихатку»!..

- Брось ты, Коля! Кому ты говоришь? - стал его осаживать Жигун. - Тебе всё дают бесплатно. Ещё дадут...

- Ну, придёшь домой, я тебе... - безногий не мог подобрать нужных слов.

- Что? - ёрнически уставился на него Жигун.

- Я тебе навешаю таких п...лей!..

- Кто? Ты? - раскрыл рот донельзя удивлённый Жигун. - Эх, ты... Пол-Коли!..

Это получилось у него машинально, как, например, слишком высокого человека называют Полтора Ивана.

- Ну, ты, следи за базаром! - цыкнул на Жигуна захмелевший очкарик и вдруг заикал, налился кровью, в его безразмерном животе клокотала революция. Через мгновение изо рта толстяка вырвалась струя и, огибая полушарие живота, приземлилась у ног, чудом не запачкав рубашку, выглядывающую из расстёгнутого пиджака. Всем в ноздри ударил едкий уксусно-сивушный запах.

Инвалид развернул коляску и потерянно покатил восвояси, не разбирая дороги. Очкарик мучительно зажмурился, борясь с новым приступом икоты, ещё разок облегчил желудок. Безмолвно махнул рукой собутыльникам и неверным шагом вперевалку потопал к автобусной остановке.

Когда Коля, не помня себя, докатил до девятого этажа, в одной из квартир которой он снимал комнату, он был насквозь мокрый. Вдобавок не работал лифт. Пришлось сойти с тележки и по нескончаемым ступенькам забираться с помощью рук на пятый этаж, волоча за собой своё средство передвижения на верёвочке, которую он перекинул за шею.

Двухкомнатная квартира представляла собой контрастное зрелище: везде неприбранность, хлам на проходе, батарея пустых нестандартных бутылок на кухне под столом - из тех, которые не принимают нигде, иначе их бы тут же

сдали; и лишь в комнате, где обитал Коля, почти идеальный порядок. Инвалид поддерживал его, как мог. Свою постель он никогда не оставлял неприбранной.

Отдышавшись и переодев рубашку, Коля стал собирать свои пожитки в рюкзак. Единственным его богатством был магнитофон с коллекцией кассет. По комнатам Коля передвигался, перекидывая тело на руках, это у него получалось плохо. Покончив со сборами, он стал ждать, теребя в руке палку, с помощью которой включал свет.

Мысленно возвращаясь к знакомцам-алкашам, Коля особенно не удивлялся, что они пропили его цветок, за которым он всю зиму ухаживал, как за ребенком, накрывал банкой, чтобы не пропал, - так советовала инструкция. Конечно, было жаль трудов, в результате которых разживётся эта пройда Савельевна. «Флора» через неделю, сто процентов, что Савельевна в этот день ринется туда с самым первым автобусом. Смертельно задело Колю другое. Были сказаны слова. Теперь понятно, кем его считает Жигун. Мало того, что постоянно выклянчивал у него деньги на пропой, но ещё повернулся язык сказать такое. Была пересечена запретная черта, уже ничего не исправить, проживание под одной крышей теперь невыносимо.

В двери заклацал ключ. На свою беду Жигун пришёл один. Он захлопнул дверь и как ни в чём ни бывало прошёл на кухню, не сняв ботинок. Набрал из крана кружку воды, громко выглотал её. Заметив, что строптивый квартирант собрал свой рюкзак, подошёл к непонятно отмалчивающемуся инвалиду, глядя на него сверху вниз. Его губы еле сдерживали ухмылку: мол, попугаешь и передумаешь...

- Ну? - лениво произнёс Жигун, не зная, о чём говорить.

- Держи! - выдохнул Коля, и пропойца почувствовал внезапный удар в висок. «Это не кулак, - сообразил Жигун, - это он палкой...»

Жигун инстинктивно откинулся к стене, закрываясь руками, и стал отступать в сторону кухонной двери. Придя

в себя, он взглянул сквозь переплетение пальцев, чтобы сориентироваться и тут же получил ощутимый удар по рукам. Потом палка затрещала вниз, и стрельнула боль в правой коленке.

Повернувшись лицом к стене, Жигун открыл глаза, не обращая внимания на прохаживания палки по его затылку. Он понял, что ему отрезают путь к отступлению. На уровне пояса он слышал тяжелое дыхание разгневанного постояльца. Не справиться с таким?!

Жигун резко развернулся и чуть было не схватил безногого за горло. Но тот, не обращая внимание на его руки-крюки, так ткнул ему торцом палки в солнечное сплетение, что он волчком закрутился на грязном полу, натываясь лицом на разбросанную обувь. Он ждал, когда его перестанет корчить боль, чтобы подняться и дать отпор. Едва он попытался это сделать, палка засвистела с новой силой, удары посыпались градом. Жигун никак не мог сгруппироваться. Ему не хватало скорости, чтобы сделать необходимое движение к подъёму, палка опережала все его попытки. Едва Жигун приподнимался на коленях, следовал удар в поясницу, и он снова пластался по полу, матерясь и причитая.

Время от времени Коля прекращал экзекуцию и раздавался его голос, который Жигун привык слышать с высоты его метрового ростика:

- Ну как оно? Ничего?..

Когда Жигун перестал сопротивляться и только прятал под себя кисти рук, постоялец бросил палку на пол. За стеной в соседней квартире гудел телевизор и в его шум вплетались охи лежащего. Коля отдышался и произнёс в никуда, в пустоту:

- Значит, пол-человека?..

Закинул рюкзак за плечи и потащил свою коляску к выходу. Открыв дверь, он оглянулся и швырнул ключи прямо на лежащего.

Спускался по ступенькам Коля, пуская коляску впереди себя, она сама катилась вниз, а на лестничной площадке он её разворачивал.

На улице Коля снова пристегнулся ремешком и покатил в сторону стоянки маршруток...

3

У фонтана снова сидели местные мужики, присматриваясь к прохожим. Все были в куртках, октябрьское солнце уже не грело, да и дачников стало поменьше. Савельевны тоже не было.

Афганец, пальцем надвинув очки на нос, снял свою бейсболку и задумчиво хлопнул ею по ладони:

- Что-то не видно бича... Каждый день тут ошивался...

- Ты разве не знаешь? - угодливо отозвался пенсионер со сливовым носом. - Его позавчера нашли на остановке. Вон в том заброшенном киоске, что рядом. Пацаны залезли туда в окно-окно и наши его там уже готовенького. Он, видно, там ночевал-ночевал...

- Что за дрянь подмешивает Савельевна в своё зелье? - поморщился толстяк. - Иногда не идёт в горло. Последний раз хотел ей всё вылить за шиворот. Нашкодила и прячется. Сколько уже людей загнулось в этом году...

- Ну-ка, подсчитаем, - пенсионер стал загибать на руке пальцы. - Семён, который всё время приносил дачницам банки.. Мишка с Космического... Жигун...

- Ну, Жигун скопытился от трояра, - перебил очкарик. - Я такую гадость не пью...

- А здорово тогда Жигуна отделал Коля безногий, - вспомнил кто-то. - Целый месяц в больнице провалялся. Кто бы мог подумать! Действительно отдубасил его по всем правилам за свой цветок. Даже милиция Коляна искала, ездили к его бывшей жене, но там он не появлялся...

Пропавший безногий породил целую цепную реакцию воспоминаний.

- Где теперь наш Колян?..

- Может, зазноба какая пригрела... Ходила же к нему Ганка...

- Ну, той только по карманам-карманам шастать... Так и смотри за ней...

- Как сквозь землю провалился. У кого ни спроси - никто не знает...

Наталья Елизарова БИФШТЕКС ДЛЯ КОШКИ

Самолёт начал снижение. «Приземляемся», – возвестила стюардесса, входя в салон. Её голос разбудил Тунцова, мирно дремавшего в своём кресле. Он открыл сонные глаза, зевнул и равнодушно уставился в иллюминатор. Четыре часа пролетели хоть и незаметно, но скучно. Сосед попался неразговорчивый, мрачный, думающий о чём-то своём. Тунцов, как ни старался, не мог вытянуть из него ни слова. Стюардесса, ходившая по салону, была настолько непривлекательной, что Тунцов подумывал даже обратиться с жалобой в дирекцию авиакомпании. С недовольством поглядывая на плоскую грудь, мослатые ноги, на которых мешком висела юбка, Тунцов пришел к выводу, что, очевидно, девушку взяли на работу только из-за безупречного знания английского языка.

Книга о буддизме, которую Тунцов купил в аэропорту незадолго до посадки, тоже оказалась малоинтересной. Тунцов несколько раз открывал её, пытался читать, но челюсти сводила зевота, и он начинал бросать завистливые взгляды на соседку напротив, увлеченно листавшую страницы детектива.

В аэропорту было шумно и многолюдно, так что Тунцов с трудом протискивался сквозь толчею. Выбравшись на улицу, он с облегчением вздохнул и вытер платком лоб. Держа в одной руке книгу о буддизме, в другой – чемодан, он отправился на стоянку, где можно было нанять такси. Проходя мимо газетного киоска, он остановился, прикинув лицом к стеклу, среди газет, журналов и брошюр отыскал глазами небольшую книгу в ярком кожаном переплете, на котором вычурным, с загибулинами шрифтом было написано «Константин Тунцов. Свет твоего окна. Сборник стихотворений». Губы Тунцова растянулись в довольной улыбке. «Поразительно, - удивился он, привлекая своей репликой внимание девушки, покупавшей последний номер «Вечёрки». - Не бог весть какой городишко, а самые последние бестселлеры уже в продаже». Девушка равнодушно посмотрела на

Тунцова, расплатилась за газету, и пошла своей дорогой. Тунцов уныло посмотрел ей вслед и хотел было купить книжечку, но пожалел денег; к тому же дома у него уже имелись сотни две не раскупленных экземпляров.

В такси Тунцов лениво смотрел в окно и думал лишь о том, как бы поскорее снять номер в гостинице и выспаться. А вечером можно будет хорошенько кутнуть, - благо, есть деньги. Да и скользившие по тротуарам девицы в разноцветных топиках горячили кровь, но на них нужны были силы, а после полёта Тунцов был до крайности измотан.

Таксист поймал в зеркале рассеянный взгляд пассажира.

- Девочки интересуют? – понимающе улыбнулся он. – Если надо, могу свести кое с кем.

- У меня свои кадры, - тоном заправского гуляки ответил Тунцов и отвернулся к окну; продолжать разговор не было охоты.

...Вечером город загорался мерцающими вечерними огнями. Вспыхивали окна домов, витрины магазинов, фары машин.

Тунцов, выйдя из своего номера, спустился в гостиничный бар. На нем был прежний костюм, но свежая рубашка. Подойдя к стойке, он заказал сто пятьдесят грамм коньяку. Бросил взгляд вглубь зала: спившиеся таланты, юркнувшие в тень, отцы семейства с дамами, кутившие после рейса, дальнобойщики.

За одним из столиков Тунцов заметил молодую привлекательную блондинку. Девушка явно грустила в одиночестве. Подхватив свой коньяк, Тунцов направился к ней. Подойдя ближе, он разочарованно отметил, что блондинка ненатуральная, крашенная, но поскольку ничего более стоящего на горизонте не маячило, он сделал выбор в её пользу.

- Одна скучаете?

Девица, взглянув на него, близоруко прищурилась, искривившись блёстками, веки. За сотую долю секунды она оценила и золотые часы на его руке, и дорогой костюм, и купленный в Швеции галстук. В её глазах что-то заметно дрогнуло: то был азарт рыбака, заметившего, что поплавок на удочке внезапно

дёрнулся. Яркие полные губы обворожительно улыбнулись.

- Позвольте? – спросил он разрешения сесть.

Она кивнула.

- Пожалуйста.

Он грузно опустился на стул.

«Кг под сто пятьдесят. Раздавит», – подумала женщина, прислушиваясь к скрипу разъезжавшихся по полу ножек.

Развалившись на стуле, Тунцов пригляделся к блондинке. «Длинные рукава, декольте – тю-тю... На заслуженный отдых пора, девочка!» Её сухая воспалённая кожа и вовсе показалась ему подозрительной. Тунцов инстинктивно ошупал карманы брюк, проверяя, на месте ли пачка презервативов. «Наверняка и кокаином балуется, - отметив лихорадочный блеск в глазах женщины, подумал он. - Нет, больше так рисковать нельзя! Надо постоянную заводить. Любовь – морковь на уши навешать, чтобы не таскалась ни с кем, моего с женой развода дожидалась... Шлюхи нынче дорогие, а если по любви – духов на праздник за глаза хватит. И главное, всё чистенько, чинненько, никакой заразы, никаких проблем».

- Я могу узнать, как вас зовут, или это секрет? – игриво улыбнулся Тунцов.

- Ванда. А вас?

- Алексей, – соврал он на всякий случай. - Что вам заказать, Ванда?

- На ваш выбор.

- Значит, Ванда. - У этих женщин всегда такие надуманные имена: Виолетта, Симона, Лолита. Один раз ему попалась Роксана.

Тунцов подозвал официантку. Привередничал, изучая меню.

- Гм...цыплята табака...Их хоть есть можно? Поди, одни сухожилия?

- Напрасно вы так, - обиделась официантка. – У нас вполне прилично кормят.

Тунцов бросил взгляд на соседний столик, за которым кто-то яростно вгрызался в цыплячью ножку. «Наверное, очень голодный», - посочувствовал Тунцов.

- Не надо мне ваших цыплят... Не внушают они мне доверия... Принесите-ка лучше салат «Оливье» и бифштекс. Надеюсь, он не из котят?

«Вот, дерьмо!» – раздражённо подумала официантка. Ванда поняла её без слов и еле приметно улыбнулась.

- Что будете пить, Ванда?

- Вино, если можно.

- Мне – еще коньяку, и вино для девушки.

Официантка отправилась выполнять заказ.

Тунцов вытащил из кармана пачку сигарет, протянул Ванде. Она, привстав, через весь стол потянулась к ней. Он дал ей прикурить. Смотрел, как девушка затягивается, слегка поглаживая его пальцы, державшие зажигалку. В глубоком вырезе платья вызывающе поблескивала золотая цепочка с кулоном. Тунцов и не заметил, как она расстегнула несколько пуговиц.

«Хочет показать товар лицом», - подумал он.

Ванда пустила замысловатую струю сигаретного дыма поверх головы Тунцова, томным взглядом скользнула по его крупному, сильному телу. Отработанный, профессиональный взгляд – приглашение, красноречиво дающий понять, что с формальностями покончено, пора переходить к делу.

- Ну, иди сюда... - разрешил он.

Ванда с готовностью подседа к Тунцову, тесно прижавшись к нему, обняла за шею.

- Пиджак не прожги.

Ванда отвела руку. Клиент ей не нравился. Она хорошо знала этот тип мужиков. «Брючки будет снимать складочка к складочке, аккуратно развешивать, чтоб не помялись. Обязательно жене позвонит из номера: «Дорогая, как твоё давление?»»

Официантка расставляла на столе заказанные блюда.

Под столом к ноге Тунцова подошел пушистый откормленный кот, потёрся мордочкой о ботинок. Тунцов заглянул под стол.

- Это ещё что такое? – проворчал он.

- Это Барсик. – ответила Ванда. - Прошлой зимой пригласился.

- Хозяйка пожалела, что замёрзнет, запустила сюда... Ну, он и прижился, – засунув руку под стол, погладила кота. – Ишь, какой жирный стал!

Тунцова передернуло.

- Не трогай! Потом этими руками меня будешь лапать! – носком ботинка он отпихнул кота. – Брысь! Пошёл отсюда! Терпеть не могу кошек.

Ванда кокетливо куснула мочку мясистого уха, красного не то от злости на Барсика, не то от выпитой рюмки коньяка.

- А я тебе нравлюсь?

- А это мы сейчас проверим, – смягчился Тунцов, стискивая коленку в чёрном, в сеточку, чулке.

Гладко отполированные, вишневым накрашенные ногти девушки легли на ширинку.

- О! – прошептала она и залилась смехом.

Тунцов вдруг с грустью ощутил, что в постели она его вряд ли устроит.

Слишком манерная. Неестественная. Конечно, глупо требовать от проститутки чего-то большего, но, если он платит, причем, не мало – месячную зарплату какой-нибудь медсестры – почему бы ему не получить то, что хочется? «Когда, наконец, Гос. Дума примет закон о том, чтобы проституция стала легальной? – раздраженно подумал Тунцов. – Тогда, если бы клиента плохо обслужила проститутка, он бы имел возможность обратиться в Общество защиты прав потребителей!»

За соседним столиком изрядно пьяный господин, не вставая со стула, пытается танцевать, размахивая руками, в которых нож и вилка, как дирижер. Его приятель, подозвав к себе кота, угощает его водкой; кот, потянув носом воздух, отходит. Тунцов неожиданно чувствует себя оскорблённым. Что он – известный столичный писатель – делает здесь среди всего этого сброда? Тунцов смутно припоминает, что в этот жалкий провинциальный городишко он прилетел на мастер-класс по приглашению каких-то бездарных местных писак. Вечно нищий Союз писателей выдал такие командировочные, которых на приличную гостиницу не хватило. Вот и пришлось

порядочному человеку, без пяти минут классику остановиться в этом притоне. Тунцов мысленно поклялся, что завтра, как только завершится банкет, ноги его в этом городе не будет.

- Ну что, крошка, пошли ко мне.

Ванда промурлыкала в знак согласия.

Тунцов подозвал официантку.

- Счёт, пожалуйста.

Официантка извлекает из кармана передника калькулятор и начинает считать. Ванда, вытащив из сумочки пудреницу, поправляет макияж. Тунцов суёт руку во внутренний карман пиджака – бумажника нет.

- Гм... что за чёрт! – он принимается растерянно обшаривать все карманы. – Я не могу найти свой бумажник.

Официантка выжидающе смотрит на него.

- Может, в номере оставили? – не отрываясь от зеркальца, предполагает Ванда.

- Не мог я его в номере оставить, я пол часа назад здесь за коньяк расплачивался.

- Может, выронили? - Ванда озабоченно заглядывает под стол.

Официантка скептически усмехнулась.

- А вы уверены, что он у вас был?

Тунцов рассвирепел.

- Полегче, ты! Соображай, с кем разговариваешь! Привыкла со всякой швалью дело иметь!

К ним подошел здоровенный накачанный парень, именуемый в просторечии «вышибалой».

- Чё, приятель, проблемы с оплатой?

- Да погоди ты! – сказала вышибале Ванда. – Может, правда потерял?

Тунцов, выворачивая карманы, выкладывал на стол сигареты, зажигалку, носовой платок, валидол, упаковку презервативов, авторучку.

- Сдается мне, крошка, - проговорил Тунцов, когда его карманы опустели. – Что мой бумажник ухнул, когда ты ко мне подседа.

- Чего-о? – заорала Ванда писклявым голосом.

- А куда бы он делся?! – в свою очередь орал на неё Тунцов. – Я, когда вошел, за коньяк платил. Это я точно помню! А потом ты ко мне со своими объятиями пристроилась... и где теперь мои деньги?

- Ты, чё, на меня что ли катишь? – тыкала себя в грудь пальцем Ванда. – Ты, чё думаешь, я взяла?

- Тут и думать нечего!

Ванда хлопнула себя по бёдрам.

- Нет, атас просто! – она умоляюще взглянула на вышибалу. – Хотя ты ему, Алик, скажи.

Вышибала смерил Тунцова оценивающим взглядом, прикидывая, можно ли тому набить морду. Элегантный костюм и серебристые бакенбарды Тунцова молчаливо выражали протест против всякого мордобоя.

- Спокойно, Ванда, разберёмся, – вышибала обратился к официантке. - Слышь, Нинка, дуй к хозяйке. Сама пусть решает.

Через пару минут к столику подошла красивая шатенка лет сорока в строгом брючном костюме в сопровождении официантки Нины.

- Лана Аркадьевна, хозяйка нашего бара, – сказал вышибала Тунцову.

Шатенка пристально посмотрела на Тунцова.

- Добрый вечер, меня ввели в курс произошедшего инцидента.

- Да не брала я ничего у этого козла! – взвизгнула Ванда.

- Свистит он, Лана, насчет денег, – поддержал девушку вышибала. – У него и бумажника-то никакого не было! Нарочно разбухтелся, чтобы не платить.

- Ты свободен, Алик, я сама разберусь - сказала Лана Аркадьевна. – Девочки, идите работать.

Они ушли. Хозяйка заведения в упор посмотрела на Тунцова.

- Если я правильно поняла, вы обвиняете нашу девушку в краже?

Тунцов отвел глаза.

- Если это не так, то тогда я хотел бы знать, где мои деньги?

- Сколько у вас было при себе?

Он смутился.

- Ну...сотен пять, шесть...долларов, – ему вдруг показалось, что она ему не верит, и он смутился ещё больше. – Но вы поймите меня правильно, не в деньгах дело. Просто вся эта сцена так унижительна. Для ваших...гм, с позволения сказать, сотрудников может и ничего, они привыкли всякую шушеру обслуживать, а я, простите, не привык к такому.

Лана Аркадьевна внезапно ядовито усмехнулась.

- Ну да, шушеру...вам, столичному поэту, не чета.

- Мы знакомы? – изумился Тунцов.

- Я читала ваши стихи, – она насмешливо улыбнулась. –

Скажем так, я ваша горячая поклонница.

И тут Тунцов что-то нащупал в пиджаке. Покраснев, как варёный рак, он вытащил бумажник.

- Карман внутри порвался...за подклад завалился...- он готов был провалиться на месте. – Н-да...ситуация...Сколько я вам там должен?

- А перед девушкой, господин писатель, не хотите извиниться?

Брови Тунцова удивленно поползли вверх.

- Перед проституткой? С какой стати!

Лана Аркадьевна, покачив головой, негромко рассмеялась.

- Действительно, Костя, с какой стати?

Тунцов замер на месте.

- Светлана...Света, ты?

...Двадцать лет назад она была королевой двора. Обладая яркой, броской внешностью и сильным почти мужским характером, она затмевала собой всех в округе девушек. Старушки, сидящие на лавочке у подъезда, когда она проходила мимо, крестясь и брезгливо морщась, называли её «прости господи». Тунцов, не раз слышавший это оскорбительное прозвище, хотя и знал, что произносят его известные на весь район сплетницы, резонно рассуждал: «Нет дыма без огня».

Любовь к Светлане доводила Тунцова до безумия. Он ненавидел её и любил одновременно. Ненавидел за равнодушные, за то, что позволяла себя целовать другим парням, за то, что смеялась над его маленьким ростом и щупленьким, хиленьким тельцем, дала ему обидную кличку «Шпрот», которую во дворе с восторгом подхватили и приклеили к нему намертво. Осмеянный, униженный, он представлял, как срывает с неё одежду и избивает до полусмерти. Он, не задумываясь, отдал бы пол жизни, лишь бы увидеть её на коленях, в слезах, умоляющую о пощаде.

Целые вечера он простаивал под её окнами, мечтая увидеть знакомый силуэт. Однажды ему посчастливилось наблюдать за тем, как она снимает платье. Шелковое, стального цвета, вероятно, очень нежное на ощупь. Светлана осталась в узеньком белом бюстгальтере. Тунцов поклялся, что во чтобы то ни стало завладеет им. Все последующие дни он караулил балкон её многоэтажки. Наконец, вещь из белой тончайшей материи показалось на бельевой верёвке. Тунцов, вечный двоечник по физкультуре, ловко, как пума, взобрался на дерево. В тот момент, когда он, дотянувшись до влажных бретелек, щёлкал пластмассовой прищепкой, приоткрылась форточка и показалась лохматая голова Светланиной младшей сестры. «Светка! – заорала она. – Здесь какой-то придурак торчит!» Ломая ветки, Тунцов рухнул на землю. Сгорая от стыда и охая от боли, он пустился наутек.

Доподлинно неясно, или чувство к Светлане было очень сильным, или при падении с дерева у Тунцова что-то потрясло в голове, только с этого дня он начал писать стихи. Свои первые неуклюжие вирши он посвящал, разумеется, ей. Он проклинал и возвеличивал свою грустную первую любовь. Любовь без взаимности...

Лана Аркадьевна распечатала принесённую официанткой пачку сигарет. Закурила прежде, чем Тунцов успел чиркнуть своей зажигалкой. Он почувствовал себя неловко. Чтобы не сидеть с зажигалкой в вытянутой руке, он закурил сам.

Она стряхнула пепел с сигареты. Её голубые, схваченные по уголкам краской, глаза в упор, не мигая, смотрели на него.

Она по-прежнему была невероятно красива. Былая подростковая дерзость сменились уверенностью знающей себе цену женщины. Её губы кривила колкая улыбка. Тунцов почти не сомневался, что сможет ударить её, если она снова посмеет его оскорбить.

Он сделал попытку расслабиться. Ему хотелось, чтобы она видела, что он уже не тот худенький невзрачный подросток, которого можно дразнить Шпротом. Он достиг довольно приличного положения в обществе. Его имя стабильно мелькает в толстенных московских журналах. Без его персоны не обходится ни одна светская тусовка. Он тот, кто может сам себе сказать: «Жизнь удалась!» Она же – содержательница притона, и, очевидно, гостиничная шлюха в прошлом. Он имеет полное право смотреть на неё сверху вниз.

Тунцову хотелось быть язвительным и злым.

- А ты теперь, как я вижу, бизнес-леди, – сказал он, вальяжно откидываясь на спинку стула. – Торгуешь шлюшками оптом и в розницу.

- Каждый зарабатывает так, как может. Кто-то шлюшками торгует, кто-то подставляет задницу директору издательства, становится известным поэтом.

- Только давай не будем обсуждать мою карьеру! – подавившись дымом, как ужаленный, взвился Тунцов.

- Ну, и ты меня не обсуждай.

- Да нет, мне просто интересно... Неужели тебе действительно нравится находиться в этом гадюшнике? Среди хамья, воря, проституток...

- Привыкла, – просто ответила Лана и неожиданно расхохоталась:

- Бедный мой Костик, ну если тебя всё тут так корбит, зачем ты пришёл сюда? Лежал бы на диванчике дома, с женой развлекался. Или что... она тебя уже не заводит?

- Давай оставим в покое мою жену! Это неинтересная тема.

- Но почему же неинтересная?

- Не понимаю, тебе-то какое до моей личной жизни дело?

- А может, есть дело? Тебе это не приходило в голову? ...Хороший ты поэт, Костик, и стихи у тебя хорошие. У меня

все твои книги есть. А про директора прости, что напомнила. Знаешь, как говорят, – таланту надо помогать. Так что не вини себя ни в чем.

Произнесённая ею фраза: «А может, есть дело» не давала ему покоя.

- Ты всё время издевалась надо мной. Почему? – спросил он.

- Слабый ты, Костик, а бабы ой как не любят слабых мужиков! И я не люблю. Да и не судьба нам. Разные у нас с тобой пути.

Она поднимается из-за стола.

- Прощай, Костик, – резким решительным жестом она тушит в пепельнице окурочок. – Спасибо за стихи.

И уходит.

Тунцов, словно парализованный, сидит, не шевелясь, на стуле, уставясь в пепельницу, в которой тлеет оставленная Ланой сигарета. Потом просит официантку принести ему водки. К спиртному его уговаривают заказать ещё один бифштекс. Тунцов мрачно соглашается, лишь бы от него отвязались.

Ставя тарелку на стол, официантка роняет бифштекс ему прямо на колени. Девушка тут же рассыпается в извинениях и начинает вытирать брюки салфеткой, но всё бесполезно – они уже непоправимо испорчены. Судя по тому, как прыснула от смеха Ванда, сидящая на коленях у нового клиента, Тунцов понял, что девушки сговорились ему отомстить.

Тунцов вспоминает брошенную Светланой фразу: «А может, есть дело» и представляет, как она возвращается в ресторанный зал, увольняет официантку, а потом ведёт его к себе домой, чистит брюки и, наконец, увлекает в свою постель. Почему бы и нет, должны же его когда-то вознаградить жестокие боги?

Светлана не возвращалась, да он и не хотел этого. Его больше не привлекали ни запятые, ни многоточия. Их история закончена.

К нему под столом снова подошел пушистый кот, принялся поедать упавший бифштекс. «Лопай, лопай, – снисходительно

разрешил Тунцов. - У, толстяк! Откормила же тебя Светка».

Он поднялся со стула. Подойдя к стойке, попросил позвонить. Бармен выставил перед ним телефон. Тунцов набрал номер: «Девушка, скажите, когда ближайший рейс на Москву?»»

Петр Ореховский **БАЛЛАДЫ ОСЕНИ**

1

Вот они – загорелые, отдохнувшие, радующиеся встрече со знакомыми лицами... и недовольные тем, что предстоит работать. Закончились отпуска, самые хитрые зарезервировали себе уход в бархатный сезон с отъездом на юг, чтобы продлить лето. Опять наступил он, этот вечный Август, победивший Антония с Клеопатрой... и пошли в ход придуманные за два летних месяца замыслы, уловки и интриги. Лавр Корнилов и ГКЧП с Беловежской Пущей, дефолт и Первая мировая война... да и вторая недалеко ушла. Не могут подождать до октября, эти Львы в пору звездопада.

Октябрь, а лучше ещё – ноябрь, вот время для победителей в России. Начало отопительного сезона – как много значит для русского сердца эта простая канцелярская фраза! «Водка в запотевшем хрустальном графине, ниточка укропа, прилипшая к солёному огурцу – нет, не надо снимать! – вот мой манифест, в этом смысле я октябрист...»¹ Тяжёлые дожди, первые снега – и что бы я пошёл защищать этот Белый дом/ Останкино/ Зимний дворец/ нужное подчеркнуть... да они что там, совсем сдурели, что ли? Другое дело, когда холодно в доме и на душе... пойти к народу, потолкаться, что ли.

Созревший урожай, созревшие тела, опустевшие мозги... книжные ярмарки, выставки, новые кинофильмы, начало театрального сезона. Депутаты падают в сессию, как покрасневшие листья: начинаются слушания по бюджету. Коты начинают свои свадьбы – кто сказал, что они делают это только

в марте? Собаки становятся в стойку, высматривая поднимающихся на крыло уток, прозрачность в воздухе за городом... и горечь во рту.

Ты ещё не умер, ты ещё шевелишься... и тебя выкатывают в кресле на балкон. Семья и друзья собираются к вам в гости, и ты можешь посмотреть на них. Как тебе хочется, чтобы эта осень жизни длилась вечно... и ты не хочешь зимы, а ведь уже через два месяца их оживление спадёт, они все войдут в рабочую колею, и новый праздник будет уже только к Новому году... но это будет не твой праздник. Только сейчас, когда они собрались после отпускных разлук, все с особым вниманием, теплом и жалостью смотрят на тебя и ждут твоих слов, которые ты должен подобрать... и ты копишь их целый год. Это – твоё время, ты можешь научить их, предупредить их... осень, а не весна, время настоящих, непредсказуемых, страшных и счастливых перемен, когда кажется, что всё так ровно, стабильно и навсегда. Они отдохнули, они готовы слушать... а может, не слушать, а просто потерпеть твой маразм. И тебе становится вдруг жалко своих слов, и ты вдыхаешь горький запах астр и хризантем... никогда не мог научиться твёрдо различать эти цветы.

2

«Лето красное пропела, и зима катит в глаза...» Как ты мог увлечься этой дурочкой... Она всё ещё в лете вашей страсти и липнет к тебе каждую свободную минуту. Но деньги кончились, а делать твой бизнес в её городке невозможно, а тёплые моря, куда вы рванулись из весенней промозглой Москвы, теперь так далеко, что это кажется былой чужой жизнью. Она уже продемонстрировала тебя всем своим друзьям и подругам, таким же, как она сама: молодым, гибким и таким же безмозглым, и тебя тошнит от разговоров об автомобилях, тряпках, кто где был и кто куда едет. Все они устроились в этой жизни при помощи своих родителей... и живут за их счёт, за счёт маленького семейного дельца, позволяющего отнести стоимость поездки на Кипр на командировочные расходы. Так здесь будет всегда, и надо идти

учиться торговать телевизорами и мебелью, знакомиться с местными таможенниками и будущими тещей и тестем. Они сразу предложили тебе это, но ты гордо тратил деньги, которые забрал из семейной тумбочки, сказав, что оставляешь жене с малышом квартиру... и они без тебя не пропадут. Жена сказала, что вам нужно всё обсудить, но ты ничего не хотел обсуждать... ты считаешь, что она умнее тебя, будет хорошо и умно говорить, а ты только и сможешь что сидеть с надутым видом, поджатыми губами и злиться.

Это осеннее чувство горечи стыда переполняет тебя, когда ты смотришь на твою новую любовницу; ей двадцать три, тебе тридцать... и ты чувствуешь себя стариком, глядя на неё. Ты – журналист, а ещё ты издал книжку прозы и думаешь, что со временем можешь стать писателем... и тебя два раза показывали в последний год по центральному телевидению... куда же теперь тебя занесло. Надо возвращаться в Москву, к бегодне по метро и автомобильным пробкам, стопроцентной концентрации внимания в скоротечных разговорах... холодному сарказму женщин вместо той жаркой обнажённой страсти, в которой вдруг расплавились твои мозги... и которая теперь, осенью, кажется такой душной, липкой и фальшивой. Ты уже почти не в силах сдерживаться, в тысяча первый раз слыша кокетливое: «конечно, у вас там во столицах...», но стыд возвращения першит в горле пеплом сгоревшей былой страсти.

...И когда деньги кончатся, и тебе уже не хватит пары тысяч на самолёт, так что придётся ехать через страну поездом, ты ещё успеешь заметить эти красоты тайги, степи, мостов и рек... и даже дождь на перроне какого-то полустанка покажется тебе твоим союзником. Это ты запомнишь навсегда, потому что в Москве ты долго не будешь замечать времени года, едва ориентируясь во времени суток... и в отношениях с твоей женой на десять лет наступит долгая осень, когда ты будешь называть её на «вы». Тебе будет сниться этот поезд, вёзший, как думалось, к катарсису очищения, но оставивший в конце только горечь сожалений. Память в очередной раз обманет тебя, и глупое далёкое

красивое лицо останется навсегда только свежим и красивым, как те леса, которые пламенели по ходу твоего рокового поезда, прежде чем на всё это лёг холодный злой первый снег.

3

Осень... оказывается, сейчас осень. Ты похудел на пятнадцать килограмм после летних игр с алкоголем и анашой... когда кончились деньги, ты перешёл на обычную российскую коноплю, растущую повсюду, от которой потом долго болит голова и снятся кошмары. Дурь она и есть дурь. Как ни странно, ты ещё помнишь, как сдавал летнюю сессию, и даже помнишь начало работы в институтской лаборатории – ты устроился туда проходить практику, а потом ты влюбился... или решил, что влюбился? впрочем, какая разница... кстати, она бросила тебя, и ты начал пить, а потом налетел на колёса? или всё произошло наоборот? Наверное, кто-нибудь со временем расскажет.

Они не верят в то, что ты вернулся и сможешь стать прежним. Да и кто бы на твоём месте смог стать прежним, когда лицо напоминает череп Йорика, а сам ты по примеру принца датского периодически начинаешь размышлять вслух о преимуществах существования по ту и эту сторону реальности и дышишь, как загнанная лошадь, преодолев один пролёт вверх по университетской лестнице. Но в двадцать лет способности регенерации практически неограниченны... ты начинаешь регулярно ходить на занятия, оставаться опять в лаборатории... и поправляешься.

Ты разговариваешь с однокурсниками... и в силу обычной сосредоточенности молодых на себе никто не замечает, что ты не помнишь ваших с ними старых отношений. Тем более, что всё быстро возвращается в старую колею: враги, которых ты не помнил, говорят пошлости и становятся опять неприятны, приятели, которые стали тебе незнакомы, угощают тебя пивом и везут на футбол... и становятся друзьями. Ты даже начинаешь провожать домой девушек... хотя пока ещё отстраняешься, когда они пытаются при встрече

поцеловать тебя в щёку, но твоя протянутая на прощание для пожатия рука выглядит гораздо более дурацким для них образом... и они и не думают её пожимать.

Нейтральная скорость – никуда не едешь, думаешь ты, когда вы небольшой компанией выезжаете в лес и лежите, выпив вина, на спине, глядя в небо... и ты держишь кого-то, кто оказался рядом, за руку. В Америке это – индейское лето, и ты почему-то не хочешь называть его бабьим; естественно, индейцы сейчас тебе гораздо ближе. Высокое синее небо и высокая щемящая грусть от того, что ты жив... ты наслаждаешься этим. Ты упустил этот шанс умереть и не сможешь объяснить, что от этого может быть грустно: ведь, как сейчас кажется тебе, ты готов был умереть тогда из-за любви... конечно же, из-за неё, а не из-за того, что в голову вернутся неприятные мысли и страх жизни... как же страшно и сложно жить с окружающими тебя такими разными и непонятными людьми в двадцать лет. Тогда ты просто был собой, а теперь нужно учитывать, что ты тоже можешь быть разным и непонятным, и нужно считаться с другими; теми, кто, оказывается, тоже может умереть.

Но она не умерла, она же просто уехала, уехала надолго в другую страну. Полгода – это в твоём возрасте *навсегда*; да, собственно, оно так и есть. Уже к Новому году ты поймёшь, что она была здесь совсем ни при чём, ты сам экспериментировал с реальностями... но сейчас, в конце сентября, ты алчешь высокого, ты понял, что секс и деньги, эти простые весенние страсти – это совсем не то... и ты грустишь и радуешься, предчувствуя, что будешь искать своё сияющее в осенней синеве счастье всю жизнь. Но твоих душевных сил оказывается больше, чем физических, ты думаешь, что ты сейчас говорил это ей, той, которую случай привёл лечь рядом на жесткую землю с глазами, устремленными вверх, но она ничего не слышала, потому что, как скажут тебе потом друзья, через минуту после общего глядения в небо и ленивого разговора ты, сморившись теплом, солнечным светом и выпитым стаканом сухого вина, уже заснул, держась за её руку.

4

Он объясняется тебе в любви... а ты не знаешь, смеяться или радоваться. Он очень красив, этот мальчик, хотя – какой он мальчик, взрослый и, наверное, опытный мужчина... но разница в возрасте между вами десять лет. Тебе уже сорок, и он уже – мальчик... раньше бы ты сказала: «ещё мальчик»... Он нравится тебе, но ты боишься не то что полюбить, даже привязаться к нему. С грустью ты думаешь, что пять лет назад ни минуты не сомневалась бы в необходимости такого романа, а теперь боишься открывать его первую страницу.

Осень... у тебя осень, а он ходит за тобой с блаженной улыбкой. Лицо его подсвечивается изнутри чувством, и от этого он кажется тебе ещё моложе, а разрыв в возрасте ещё больше. Ты вспоминаешь мюзовский «Театр» и улыбаешься – нет, пока ты ещё не сомневаешься в своей способности нравиться... и кокетничаешь сама с собой, думая о педофилии.

Он нравится твоему взрослому сыну-студенту, который, собственно, вас и познакомил. В его лице он нашёл и друга, и старшего брата, и едва ли не идеал, которому он хотел бы подражать. Твой взрослый сын немного ревнует его к тебе... у тебя было много мужчин, но мало кто из них ему нравился... а теперь ты думаешь, что вряд ли была ему хорошей матерью, но, по крайней мере, всегда любила его и восхищалась им, в отличие от его отца. Твой сын, похоже, совсем разорвал с ним отношения, несмотря на твои методичные напоминания о необходимости звонков и встреч... в глубине души ты рада этому, хотя понимаешь, что женское воспитание сделало его влюбчивым кавалером, а некоторые твои младшие подруги убедили его, что он может быть просто неотразим. Ты опять морщишься при мысли об этом, потому что не знаешь, как ему объяснить, что в жизни всё обстоит по-другому... может, обстоятельство, что твоему мальчику так легко с тридцатилетними женщинами, делает в его глазах естественным увлечение

тридцатилетнего преподавателя философии тобой.

Бабье лето, думаешь ты, отдаваясь ему на старом одиноком диване в своей двухкомнатной квартире (комнаты изолированные/ третий этаж/ лоджия/ санузел отдельный). Улыбаясь, ты разглядываешь потолок... и он рассказывает тебе исторический анекдот про Людовика XIV. Это сладкое чувство защищённости, которое дорогого стоит и возникает лишь с редким мужчиной... это его желание дарить тебе вещи, потому что деньги ты категорически отвергаешь... Всё это по-настоящему смешно: твои доходы раз в десять больше, чем его, но он об этом, похоже, и не догадывается.

Вот они, тяжёлые октябрьские дожди... и ты уже в его квартире, и он пытается согреть тебя своим теплом, а ты остро чувствуешь возраст своего тела и несправедливо злишься на него... ты будешь его колоть и мучить всю ночь.

...И опять осеннее солнце, листья осыпались в лесу, их тронула изморось, и, мокрые, они уже не шуршат под ногами; и опять эта нежная подсветка его лица...

Прекрасное время – осень, оно то удаляет, то приближает к неизбежным холодам. Ты её поняла, ты сама стала осенью и играешь с ним, поддерживая морок его страсти, отдаваясь ему и через раз отказывая в близости, думая, что рано или поздно это, конечно, закончится твоим одиночеством; старость ты будешь встречать без мужчины... это будет туристическая интересная старость, где тебе не нужен спутник; ты сама любишь определять ритм движения... но не сейчас... сейчас ты не отпустишь его. Твоя осень будет длинной и прекрасной; плод созрел, его надо есть медленно, ни в коем случае не перегружая желудок... ты сумеешь научить его и этому умению, просто из благодарности судьбе. И сколько молодых женщин, имя которым – весна, узнав счастье после знакомства с ним, но не в силах отдать взаимную тонкость чувств, проклянут тебя. А ты лишь улыбнешься издали... их бессильные проклятья обернутся лишь против них самих преждевременными морщинами и ранним увяданием.

5

«Мы/ я/ строим новую Россию/, наши враги живут прошлым, народ/ партия/ свобода/ средний класс...» – ты уже не вздрагиваешь от этих слов, на которые поначалу не знала, как реагировать. Тебя спасло твоё чувство юмора, хотя и оно уже не помогает, когда ты слышишь осенние песни группы ДДТ в исполнении партийных активистов хором под гитару. Сейчас ты видишь, что всё это, оказывается, всерьёз: люди перестают друг с другом здороваться, в Интернете достаются какие-то неожиданные призраки из шкафов, где пылились биографии... а главное, вдруг появились те самые деньги, о которых было столько разговоров.

Тебя привёл работать в штаб твой начальник, которого «ушли» из областных властей. В это же время у тебя закончился длинный и мучительный бракоразводный процесс, во время которого вы делили ребёнка, квартиру, машину и недостроенную дачу; заодно устный делёж, который происходил за стенами суда, распространялся на электрические приборы, мебель и посуду, которую ты в конце концов перебила, чтобы не спорить. Долгое время ты не могла ни о чём думать, кроме как о своих юношеских ошибочных представлениях о мужчинах и семейной жизни. Поэтому, столкнувшись с экземплярами, которые явно были не прочь затащить тебя в постель и одновременно совершенно серьёзно говорили о том, что их дело – обустройство России и продолжение великих реформ, ты воспринимала их как безобидных и даже по-своему милых сумасшедших. В конце концов, у каждого свои слабости. Твой бывший, например, считал, что он давал счастье людям, будучи владельцем риелторской конторы. Ему столько раз об этом говорили благодарные клиенты, что он и сам в это поверил. А неблагодарных клиентов к нему не пускала охрана... которой ты была лишена. И ты много о нём и его сделках успела узнать... что помогло тебе в суде.

Тебе только двадцать пять лет... ты цинична во всём, что касается института семьи. Но страна... думала ли ты, что, оказывается, ты живёшь «в стране». Оказывается, «ты не

можешь молчать». Да, ещё – ты живёшь всё лучше и лучше, поскольку ты и есть тот самый средний класс (ты – и класс; в твоей голове возникают весьма обидные для всех классов сравнения). Кроме того, ты свободна. С последним утверждением ты согласна полностью... ты знаешь, что значит быть несвободной, всё остальное кажется тебе сомнительным, но что же с ними об этом спорить. Для тебя это довольно скучные материи, а они злятся, повышают голос и смотрят на тебя, как на дуру, когда ты начинаешь над этим подшучивать. Вдобавок ты себя знаешь... никогда не могла вовремя остановиться. Нет, тебе с ними лучше не спорить.

Этой осенью выборы... и через ваше региональное отделение носят «коробки из-под ксерокса». Ты не можешь сполна оценить это выражение, используемое твоим начальником, но ты понимаешь, что, когда так говорят, речь идёт о хороших деньгах. И ты торчишь в штабе по четырнадцать часов в сутки, перебросив дочь на бабушку, отправляешь факсы и e-mail, набираешь тексты, постоянно кого-то с кем-то соединяешь и раскладываешь множество бумажек по множеству папочек. Кроме того, ты постоянно варишь кофе... потому что у других он получается невкусный и убегает.

Кофе, кофе, кофе... ты его пьёшь с вашими штабными людьми. Они любят посидеть с тобой, рассуждая о судьбах России, объясняя, почему высокие/ низкие цены на нефть – это хорошо/ плохо, сколько рублей должен стоить доллар, как реорганизовать сельское хозяйство и какой должна быть российская армия. Они говорят ещё о многом, но ты уже научилась понимать эти блестящие взоры, устремлённые на твой выдающийся бюст... и пристальные переглядки, которые возникают между вами за кофе, когда очередной оратор произносит свою речь.

Тебя отвозят домой по очереди... и заезжают утром. Ты купаешься в мужском внимании, которое, как ты думаешь, тебе сейчас совсем не нужно. Ещё с двумя такими же, как ты, вы образуете негласное братство во время кампании. Но твои сёстры по этому братству тебя немного смущают. Иногда вы разговариваете о том, что происходит на выборах... и ты

понимаешь, что они всерьёз считают себя историческими личностями.

Осень... работа... мужчины... В конце концов ты настраиваешься на серьёзный лад. Если Родина избирает тебя своим орудием для строительства демократии, то... почему бы и нет? Где-то далеко, внутри себя, ты по-прежнему понимаешь, что свобода выбора – это дело твоей личной жизни, куда ты не собираешься никого пускать... но если кто-то хочет, чтобы ему построили капитализм, и платит за это деньги, ты согласна этим заняться.

Это случается уже на исходе осени, когда ты была на организованном вашей партией концерте московской поп-звезды. В конце концов, после развода прошёл почти год, а этот молодой пропагандист, который столько раз отвозил тебя домой, так хорош... полбутылки шампанского на голодный желудок тоже не прошли даром. Ты едешь к нему домой...

После этого тянет поговорить. Ты почти готова рассказать ему некоторые детали о своей ушедшей семейной жизни, но он не даёт тебе этого сделать. Он делится с тобой своим восхищением своим партийным кумиром... он доверяет ему безгранично. Он будет таким же. Он рассказывает тебе множество деталей о том, кто стоит за чьей спиной, откуда и как приходят эти, те, «а ещё и другие, о которых никто не догадывается», суммы денег. Он откровенен с тобой и отдаёт тебе самое дорогое, что он может отдать: своё приобретённое тяжким трудом знание политики и связей между людьми, обладающими властью. Ты ждёшь продолжения ночи, в конце концов, не может же молодой парень, твой ровесник, состоять из лозунгов, карьеры и денег. Но он продолжает говорить, делая большие паузы... и ты понимаешь, что это его исповедь, и больше у него внутри ничего нет. Женщина, которая спрятана глубоко у тебя внутри, взбешена, ты долго её сдерживаешь, пытаешься уговорить саму себя потерпеть... в конце концов тебе становится очень смешно. Но ты ещё не теряешь надежды и говоришь, что, наверное, надо бы тебе собираться домой... из твоего прошлого опыта ты знаешь, что такие фразы действуют на мужчин прямо противоположно их буквальному смыслу. Ты заворачиваешься в

простыню и идёшь в ванную, а возвратившись, застаёшь его полностью одетым... и что тебя до конца добивает, ещё и в аккуратно повязанном галстуке. Это уже и не смешно, а обидно. Ты молча и деловито одеваешься и хочешь вызвать такси, но он говорит, что проводит тебя. Тебе как-то уже всё равно, и вы идёте стильной ноябрьской ночью несколько кварталов до твоего дома. Ветер несёт тебе навстречу городской мусор, деревья машут ветками, которые напоминают кости, с которых облезло мясо... «Неужели эта осень никогда не кончится?» – бормочешь ты; он слышит твой вопрос, не может понять, что ты имеешь в виду... ноябрь – это уже зима... но он должен тебя развлекать, и он говорит, говорит, что-то говорит всю дорогу... К моменту вашего прощания ты его уже ненавидишь.

6

Поп ведёт вас вокруг аналая, а ты думаешь, что должна быть чертовски хороша в своём подвенечном платье. Вы зарегистрировались ещё в августе, но венчание происходит сейчас, десятого сентября, когда все однокурсники уже приехали и стоят, вытягивая шеи, фотографируя ваш проход по этому церковному подиуму. Для того, чтобы тебя сюда пустили, тебе пришлось неделю назад ещё и креститься, но оно стоило того. Венчаться – это стильно, это, пожалуй, даже круче, чем прыгнуть с парашютом, чего тебе долго хотелось... и что ты реализовала этим летом наряду с катанием на водных мотоциклах и полётах на параплане. Правда, ты хотела чёрное подвенечное платье... в загсе ты регистрировалась в нём, но в церкви сказали, что нельзя, и это тоже оказалось к лучшему. Прозрачное белое пышное платье, которое подчёркивает твой заггар... и дорогое бельё.

За церковной оградой курят твои подруги и приятели. Они громко обсуждают происходящее, ты слышишь смех и проскальзывающие во фразах матерные связующие частицы. На какой-то момент тебе становится неприятно: как-никак, это должно быть торжественно... ради такого момента даже забыли свои ссоры твои родители. Вон они стоят рядом: отец со своей третьей женой и мать со своим вторым мужем. У твоего

супруга – как это забавно, с-с-упруг! – присутствует только его бабка, у которой он и живёт... видно, как она молится, не глядя на вас, шепча шевелящимися губами и кланяясь церкви... ты даже обернулась на неё.

Вы уезжаете на высокий берег над древней русской рекой. Кружатся листья, подружка угощает тебя шампанским. Ты какой-то миг размышляешь – не повредит ли это твоему будущему ребёнку... и решаешь, что не повредит. Ещё в августе ты сделала тесты после вашей поездки на юг и выяснила, что беременна. Какое-то время ты думала, не сделать ли аборт, но потом, наслушавшись рассказов о вторичном бесплодии своих замужних подруг, решила, что первого необходимо обязательно родить. Ты долго определялась, какого из твоих троих поклонников осчастливить сообщением, что это именно он – отец ребёнка, и кто из них ради этого согласится зарегистрировать с тобой свои интимные отношения... ты всё рассчитала правильно. Он несколько старомоден и часто может показаться занудой; зато уже сейчас работает и живёт на свои деньги... если он не захочет тебя потерять, ему придётся работать больше, твои родители ему помогут в этом.

Жёлтые, зелёные, красные кленовые листья кружатся в медленном танце над водой: их несёт слабый ветерок. Тебе становится вдруг жалко себя: несмотря на все свои расчёты и красивый последний проход, неужели всё же нужно было всё это делать сейчас, когда ты так молода и красива? неужели нельзя было подождать ещё год-два-три... ведь есть же где-то принцы на белых конях... и амазонки на чёрных... Ты предчувствуешь холод осени: твоя подружка говорит, что тебе предстоит исполнять свой супружеский долг... «Супружеский долг!» это ж надо придумать... Начинает щемить сердце, и ты зовёшь всех в машину; вы едете в заказанный малый зал пригородного рестораника, где ты будешь танцевать до упаду со всеми своими поклонниками, и они начнут шептать тебе на ухо гадости... и ты ближе к концу вечера начнёшь плакать, но у тебя хватит ума и выдержки не сказать своему молодому мужу, отчего ты плачешь... и вы рано уедете с твоего праздника, о чём ты будешь тихо грустить каждый год на десятое сентября.

Нет, ты ещё не умер, раз ты ещё шевелишься. Ты ещё не отдаёшься полностью течению времени, уносящему тебя всё дальше от дней, когда ты был счастлив, заслоня их неделями, месяцами и годами твоей, но уже давно не желающей тебе подчиняться жизни. Ты притворяешься, что отдался убаюкивающему рабочему ритму этой осени, ты идёшь на работу вместе с другими, но вечером, выпив дежурную кружку с друзьями, ты уходишь первым, ты бежишь с работы домой; а через день вечерами ты ходишь преподавать... а по выходным, вместо того чтобы поехать семьями на шашлыки, ты лазишь по Интернету, рассылая резюме в австралийские фирмы. Душа твоя, похоже, уже оторвалась от земли и, поднимаемая вверх осенним ветром, уходит за облака... скоро и тело твоё, загруженное ещё не до конца сломленной волей в самолёт, последует за ней. Ты не отказываешься ни от чего, копя деньги, как в детстве на любимую игрушку... тебе нужно много денег для того, чтобы сделать задуманное. Но ты чувствуешь, что это – твоя последняя осень, отчаяние уже наступает тебя, и семья и знакомые смотрят на тебя с удивлением... ты всё больше отдаляешься от них, будучи всё время у них на виду. Они не смогут это объяснить, но это нельзя не чувствовать... и однажды ты исчезаешь на несколько лет, оставив после себя загадку, которую ты надеешься потом всем объяснить, если удастся вернуться. Если удастся вернуться... весной. В Австралии тогда настанет осень...

Уходить надо осенью, это показывает пример перелётных птиц, зверей, лежащих в спячку... ты не представляешь себе, как ты бы мог, по примеру волков, постоянно бежать по снегу да ещё и в стае... Зверьё это расплодилось на российских просторах... а охотники всё бьют лосей да медведей – наверное, в них легче попасть. Когда-то же надо увидеть мир... а ты уже заплатил все долги этой земле.

Кто знает, может, ты и прав.

*Сентябрь 2003г.
Обнинск*

Рифмы и ритмы

Вероника Шелленберг
НАШЛА Я ПОДКОВУ НА СЧАСТЬЕ...

* * *

Жить-то как хорошо,
 вот сейчас, когда слякотный снег,
 перегарный душок
 в переполненном этом автобусе...
 Сотни слипшихся шуб
 подняло на весенней волне,
 да и в море далёкое
 унесло...
 и унесло бы всех!

Мы ныряли бы рядом, -
 морские несветские львы,
 или даже касатки,
 изящней красоток Парижа...
 А и ладно, пускай,
 не сносить нам с тобой головы –
 плыть-то как хорошо,
 плавниками пространство колыша.

* * *

Нашла я подкову на счастье,
 и судя по форме подковы,
 счастье точно не птица,
 определённно не лошадь,
 да разве могла бы лошадь
 от вас улизнуть незаметно.

С тех пор брожу я по свету
 с диковинною находкой...
 Кому примерить подкову?
 Не ты ли счастье, постой-ка!
 Не ты ли счастье? Не ты...

Поэт XX века – это ребенок, которого тренируют
 в уважении к голым фактам исключительно жестоко
 просвещенные взрослые...

Чеслав Милош

А счастье мелькает некстати,
пугая чем-то знакомым,
суровым, как наши пейзажи:
ива, дорога, пурга.
И мне заморские страны
подмигивают лукаво,
качается одиноко
сверкающая дуга.

Подкова моя, подкова...
Излучина в час рассветный,
извечный час расставанья...
Объятия смуглый серп.
Острый – зачем уходишь?
Тонкий – зачем? Не знаю...
И от улыбки млечной
исчезающий след...

* * *

Твоя любовь
да пребудет во мне, вонзённая по рукоять.
Твоя любовь
научила ноты чужие не брать.
А ещё – возвращаться любым на круги своя.
Только где они теперь, помощи!
У пространства
новые ярлыки,
имена героев, порядковые номера,
выпрямляющие круги.

Всё равно.
Всё, о чем умолчала твоя любовь, покусывая платок,
просоленной банданы край, –
никудашный я бумеранг,
даже в воздухе найду буерак,
а чтобы на родимый порог...
Так вот, выбирай:
отпускать или не отпускать.

Но твоя любовь
пребудет во мне,
вонзённая по рукоять.

* * *

Убереги, Господи, от сумы и тюрьмы,
укороти список моих утрат,
вынь меня из похмельной тьмы...

А первая рюмка идет на «ура»,
а вторая, прицепом, «уж будь добра»,
а третья... третья берет займы
у завтрашнего утра

Светлую головушку,
лёгкую ладонь,
лодочку-походочку,
глаза-огонь,
а ещё с мороженым хрустящий рожок
забирает за должок.

Да было бы перед кем прогибаться в долгу!
Укороти, Господи, список моих потерь.
Но четвёртая рюмка шепнёт: «Ещё не теперь,
повремени, вернуть помогу

Светлую головушку,
лёгкую ладонь,
лодочку-походочку,
глаза-огонь,
а ещё с мороженым хрустящий рожок
забирай на посошок».

Опять наобещала, опять не отдала,
и на пятой пятерня прилипает, как смола,
на шестой всяк сверчок забывает свой шесток,
и ещё, ещё, ещё, ещё один глоток.

И... где же ты, головушка?
 Где же ты, ладонь?
 Лодочка-походочка,
 глаза-огонь...
 С тихим хохотом и свистом смутная слеза:
 где у этой тройки быстрой
 золотые тормоза?!

А последняя рюмка
 из такой выползает тьмы,
 что шевелятся волосы на голове у Неверующего Фомы,
 разлепляются губы, сияясь произнести
 давно забытое имя:
 Господи, пронеси!
 Господи, пронеси мимо.

А последняя рюмка
 по-своему щедра.
 К бедному человечку
 по-своему добра.
 А последняя рюмка
 не спросит ни гроша.
 Всё, о чём она горит, –
 душа, душа, душа...

* * *

Подумать только: жёлтые, как в детстве...
 бордовые, багряные, как в детстве...
 и охристые... вот слова какие
 с деревьями я вынесла из детства.

А ничего с тех пор не изменилось!
 Всё, что летело, пело, жглось, кружилось
 и смешивалось на земле пахучей,
 став гнетом прошлогоднего листа, –
 бордовым да багряным назовется,

забудешь, – всё равно к тебе вернется,
 попросится обратно,
 на уста.

Джазовая импровизация

А. Я.

Ты напеваешь без слов,
 ты отбиваешь такт,
 раскачиваясь мерно, как плавучий маяк,
 сигналивший на тысячи миль
 подлодкам и кораблям.
 Вот так
 оранжевый, мажорный, спасательный круг
 ты бросаешь, мой друг.

Глаз бури удивлённый,
 невинно-голубой,
 расширяясь, начинает
 следить за тобой.
 Ты напеваешь без слов, –
 утихает ураган.
 Он, конечно же, тебя проморгал.
 Друг мой.

И вот тогда твоя порывистая,
 чистая тень
 по океанам, по равнинам,
 по лицам людей,
 скользнёт по лицам, оставляя выражение слов:
 «Каким попутным ветром
 его занесло?!»
 Друг мой,
 то, что ты умеешь летать,
 я открыла весной.

Давай, давай, не останавливайся, не замолкай,
 этот край на самом деле не предел и не край!

Маячь, маши крылом, насвистывай какой-нибудь такт...
Друг мой,

то, что ты умеешь летать,
я знаю наверняка.

* * *

Снежные мосты воздушные
летят над нами, между нами, городами,
вместо городов кружатся, рушатся и тут же
будто кто встряхнул, перевернул прозрачный
шар со всею этой белой крупой,
стружкой ледяною карандашной,
грифельною крошкой крыш, кварталов,
золотистую искрою.

Снежные мосты воздушные
от сердца и до края снежные мосты,
в них заключен необратимый пламень,
дышащий огонь невозвращения бледно-синий,
пляшущее племя в гетто ледяном.

Снежные мосты воздушные
сквозные, раздвижные,
вижу,— изнутри просвечивает жгучий...
Вот когда в глаза твои смотрю, он прорывается наружу,
ясный, бледно-синий пламень...
Вот когда с моста, с балкона, из окна кричу: «лови!»
и вниз тебе ключи кидая...

Падают они быстрее снега...

Шар переворачивается прозрачный.

* * *

Сургуч на свитке времён
прочен только на вид.

Мчится поезд, а в нём
один-то вагон стоит.

Как это может быть?
Катятся все, а он
древний дым ворожбы,
высохший лексикон.

Рядом поёт ресторан,
скрипит, гнусавит плацкарт.
Несётся зелёный ряд,
трясётся зелёный ряд,
а в нём-то один вагон,
в котором не говорят.

Я через него бегом.
А медленно, как во сне...
Я только одним глазком
в сумерки за окном...

Там пристальный свет луны —
обе её стороны.
Ни дерева, ни ветерка...
И слышно издали
тающий на лету
поезда перестук...
Вот-вот он исчезнет совсем,
и не исчезает никак.

* * *

Верить хочу.
Бояться.
Просить.
Просить о прощении,
бояться, что не успею,
и когда, наконец,
сквозь раскаянье век свой просею,

сердце открою,
 а сердце, – увы!
 Всего лишь невнятный снежок,
 косноязычье травы,
 чайка,
 что, может, красиво,
 но так бессловесно,
 тесно!
 Ветер,
 что, может, свободен,
 но тут же забудет о встречном тепле.
 Камень,
 ничем не обязанный ветру,
 ничем не привязанный к ветру.
 И верить – зачем?
 Бояться... чего-то просить...

Боль не смертельна.
 Ноша легка.
 И любовь невозможна.

* * *

Кто бы ты ни был,
 зовущий меня за собой,
 не спеши,
 не тяни за рукав.
 Дай постоять на пороге открытия.
 Здесь тишина,
 отражаясь в моей тишине,
 купает мохнатую хвою...
 Услышу ли всплеск я?

Лодка твоя
 в этот раз уплывёт без меня.
 Вёсла, как руки, скрестив,
 растворится в тумане...
 Там,
 где по склону горы

поднимается облако...
 Лодка
 пускай улетает
 пуста...

*Храму во имя Живоначальной Троицы в Троице-
 Лыково, стоящему на берегу Москва-реки...*

* * *

Волны времени, как прежде,
 Бела Лебедя качают
 от отчаянья – к надежде
 Троицы Живоначальной.

В глубь Серебряного Бора,
 в ширь Московского простора,
 в наши души льётся звон,
 даже если разорён
 храм... В пустые колокольни
 небо... Небо видеть больно...
 Льётся, льётся тихий звон...

Господи! Прости гордыню!
 Звёзды кроткими свечами
 окружают Храм во имя
 Троицы Живоначальной.

Господи! Даруй смирение!
 Даже если храм разрушен,
 из него растут деревья,
 будто праведников души.

Сгинем мы... Уйдут другие...
 Но на свет из тьмы печальной
 нас возносит литургия
 Троице Живоначальной.

* * *

Роддом закрыт. И вот, за лето
угас без вывесок фасад.
Никто не лепит изолянт
на стеклах номера палат.

Уже на плане реконструкций
здесь белый пластик и бетон.
Как много места развернуться
на месте этого угрюмца,
реликта сталинских времён.

А по ночам – Мария... Стеша...
Надежда, Оленька, жена... –
приносит воздухом нездешним
уже нездешних имена.

И нет войны ещё в помине,
роддом сияет, как желток.
Весна, весна на середине,
бельё хрустящее в корзине,
и ЗИСа пристальный гудок.

И в тесной операционной,
как тайный оттиск небеси,
иконою – проём оконный...
И в тесной операционной
душа
впервые
голосит.

Владимир Азаров
ВСЁ ПРОХОДИТ В ЭТОМ ЗЫБКЕ МИРЕ...

* * *

В карих, печальных глазах собаки,
одинокое лежащее на досках крыльца

Всё проходит в этом зыбком мире...

деревянного старого дома,
скорее увидишь сострадание и доброту,
нежели искать их
у быстро снующих под нудным
осенним дождём прохожих,
отгородившихся друг от друга большими,
тяжелыми от воды зонтами.
Собака, с которой вместе мок под дождём –
Почти родной человек.
Так хочется для него
хоть что-нибудь сделать.
Хотя бы свернуться рядом клубком –
так легче,
намного,
пережить непогоду.

* * *

Сны нас могут обманывать,
и не сбываться – пророчества
и может остановиться
сердце
от одиночества.
Искажённое болью лицо
я не спрячу в твои ладони.
Я знаю, чужая боль
тебя никогда не тронет.
На этот не мой вопрос
я не услышу ответа:
я знаю, что ты уйдешь
во второй половине лета...

* * *

Когда под занавес осеннего заката
летят вне времени, курлыча, журавли,
одна мелодия звучит, тиха и внятна,
мелодия любви, мелодия любви.

Владимир Азаров

Последних листьев в призрачных аллеях
и белых паутин уж не видеть,
под вещей голос плачущих свирелей
нисходит в наши души благодать.

И вечность, вот она, уже не за горами,
когда в дали летит последний клин
душа дрожит и плачет с журавлями,
как дух един, как дух един.

И кто посмеет тонкой паутины
разъять вселенскую связующую нить
с тем сущим в нас и невообразимым,
ради чего на свете стоит жить?

* * *

Снова осень стучится в окошко –
экстрадиция мелким дождём –
у бедняжки озябли ладошки,
непогоду в тепле переждём.
Дождевые прозрачные струйки –
«panta rei» – текут по стеклу,
мёртвых бабочек крылья-чешуйки
догорают с закатом в углу.
Nothingness. Только дождь за окошком,
да копилки нестойкая вонь.
Смысл жизни случайно мошкой
инстинктивно летит на огонь.
Это было или будет – не важно –
дождь, закат, мёртвых бабочек тлен...
Так и ты вот исчезнешь однажды,
не закрыв note-book перемен.

* * *

...А на горе стоит ольха,
А под горою – вишня,

Он играл за ЦСКА,
За Монреаль не вышло.
В сборной звали все «Пушок»,
Кликнут – откликается.
До сих пор его «щелчок»
Эхом отзывается.
В изголовье – две свечи:
Чёрная да белая.
Женьку до смерти любил,
Что ж ты, смерть, наделала...
А кто не курит и не пьёт
Тот от пули не умрёт,
Не возьмёт его и нож,
От судьбы лишь не уйдёшь.
...Вышла песенка моя
Глупая да странная.
До чего же ты, судьба,
Дама своенравная...

* * *

Всё проходит в этом зыбком мире –
и любовь, и страсть и красота,
занимая в призрачном эфире
с первого по третье места.
Мы спешим, торопимся куда-то,
но известен жизненный итог –
смерть придёт, мгновенна и крылата,
заберёт в свой сказочный чертог.
Описать его красот словами
недостанет времени и сил,
но пока мы существуем с вами,
как бы дьявол нас не поносил.
И тогда, когда придёт расплата,
за свои, чужие ли грехи,
нам во след, мгновенна и крылата,
жизнь прочтёт прощальные стихи.

* * *

Холодно. Продрогшее тело сжалось,
как лягушачья лапка от удара током.

Тихо. Слышно, как ворчит наверху соседка,
обронившая катушку ниток.

Темно. Большая комната,
как пустой аквариум, запущенна и бездонна.

Тоскливо. Жизнь представляется
смятой вчерашней газетой, купленной
второпях
на вокзале.

* * *

...Итак, настал и мой черёд
сердечных мук испытывать досаду
и в действе этом находить уладу,
прекрасно зная: скоро всё пройдёт.

Стоит зима. Моих замёрзших слёз,
надежд, тревог и разочарований
не видно Вам на фоне белых зданий –
я сам не верю в непрозрачность грёз.

Жить без любви я больше не смогу,
в чём и себе я не спешу признаться.
Нам свыше велено – немедленно – расстаться,
вам – жить на противоположном берегу.

Зима, зима... Под снегом, подо льдом
я, чувства скрыв, изображу досаду,
когда с тобой случайно рядом сяду
и говорить не буду ни о чём.

Всё проходит в этом зыбком мире...

* * *

С первым снегом, друзья,
с первым снегом!
Он ещё не успел побелить
Тот край света, где я ещё не был
И куда мне не надо спешить.

Славный малый с лохматой собакой
Свою тропку торят напрямик...
Боже мой, как она ставит лапы
И как ярк багровый язык!

Ну и что я стою на дороге
В продуваемом ветром плаще?
Эту землю задумали боги
Самой лучшей из бывших вообще.

С первым снегом, друзья,
с первым снегом!
Сколько будет его впереди
Под распахнутым воротом неба
Там, где сердце алеет в груди?..

Игорь Егоров
МИНИАТЮРЫ

* * *

Вестью за окнами
Ветер шумит.
Даль, как стекло, промыта дождём...

* * *

Вот и снег.
Словно очистило душу
Вихрем небесным ! . .

Игорь Егоров

* * *

Вершины сосен
Тихо дышат
Небом и тишиной...

* * *

Март или конец октября сегодня?
Мелькает снег,
Нагоняя осенние мысли...

* * *

Не успев с тобой проститься,
Я оставил в двери записку.
Вдруг ты ещё вернёшься!..

* * *

В этой сумятице жизни
Я помню всегда о тебе,
Только забыл, когда мы с тобой
Разминулись...

* * *

Какая буря за окном!
Сосну - гигантский метроном
Раскачивает время-память. . .

* * *

Помнишь,
Мы читали эту книгу вдвоём?
Ты сидела у окна,
И вдруг легко посмотрела
На дальние деревья...

* * *

«Дай уберу
Ладонью снег

С твоих волос...» -
Так мне хотелось бы
Сказать опять.
И слёзы вдруг
Сдавили горло...

* * *

До боли бы сжал твою руку!
Но есть ли такая боль,
Способная к жизни вернуть?!

* * *

Книгу раскрыл -
Выпало недописанное письмо.
Как изменился твой почерк,
Когда тебя не стало ! . .

* * *

Птицы долгий полёт над рекой,
Как само раздумье реки
В густеющем сумраке...

* * *

Дробно хлещет
Ливень в стекло.
Зябко и одиноко.
Пледом твоим
Укутал плечи
И сердце...

* * *

Мертвый парк.
Ветер гонит прочь
Опавшие листья,
Точно горькие мысли...

* * *

Осенним холодом
 Дохнули на меня
 Овраги и кусты.
 Кружится тихий лист,
 Предвестник
 Скорой вьюги...

* * *

В автобусе девушка
 Милой, почти неземной
 Красоты отказала
 В знакомстве мне
 Движением губ и руки.
 И только позже я понял:
 Она не могла говорить,
 Она была глухонемой!..

* * *

Нечаянно разбил я чашку.
 Но нет во мне досады -
 Опять надеждой жизнь моя светла...

* * *

Ветви -
 Книга осенней ночи.
 Ветер её
 Не перестает листать...

* * *

Записка на столе.
 Так значит, ты ждала!
 И многое я понял...

* * *

Осенняя стынь - за окном,
 Но не в сердце.

Думаю о тебе...

* * *

Как ты тронула душу мою -
 До слёз!
 А всего-то -
 Подарок
 С выдумкой детской!..

* * *

Стою перед витриной магазина
 И думаю: «Давно ли заходили мы сюда,
 Смеясь, болтая всё о пустяках?»
 И вот теперь всё это далеко,
 А пустяков на свете не бывает!..

* * *

И вдруг я понял, как тебя люблю,
 И книги, и чудачества твои!
 Нашел коробку из-под сигарет
 И прочитал на ней
 Твое «люблю» на разных языках...

Андрей Ключанский
ПИШУ И СЛУШАЮ ПЕРО...

Утро

Рай (начало и край родной) – это заброшенный сад.
 Плоды никто не целует, и они ударяются оземь.
 Двое Твоих Изначальных никак не вернуться назад.
 Хладнокровные змеи не спеша перелистывают осень

к зиме. Не дыша, мы осторожно проложим след
 по первому снегу, толкнув ворота (уже калитку)
 и каждый шаг неземной будет скрипеть, что нет
 нам воспрощенья сюда, но мы узнаём тропинку.

Мы упали по ней, уходя, обретая наш мир,
где нет ни числа, ни души, ни покоя, ни проку, ни толку,
а теперь терпеливо восходим домой, тает платье из дыр
(или гнилые сети) и ищем тепла нашему Твоему ребёнку.

Твой дом переполнен предчувствием скоропостижной зимы.
На окнах следы ледяной слепоты и какой-то копоты
(свеча сигнальная догорела на подоконнике возле тьмы).
Немые не мы выдыхаем последний пар из ротовой полости...

Дверь творящая отворится, её и не было здесь,
настежь не было – мы узабыли об этом.
Дом открывается нам по имени наших сердец
и разворачивается настоящим и бесконечным летом.

* * *

Там, где травы правы в том, что они вместе
там, где ветер верит в себя, потому что я жив,
небеса по земле растекаются
и земные покои – небесны,
я открываю глаза, душу свою обнажив,
теперь меня ни дать ни взять на все четыре стороны
насквозь дышу, насквозь живу, убей-меня-роди!
и там и здесь я был и есть, рождения мои и похороны,
все позади; проехали; не жди.

Там, где травы правы в том, что они вместе
там, где ветер верит в себя, потому что я жив,
расплетаются, переплетаются заново книги явлений,
а книга одна и она у меня внутри,
в доме, где я забылся в книге,
которую Ты создал и дал мне читать...

...я отвожу себя от последней страницы,
ты улыбаешься мне и предлагаешь чай.

Пишу и слушаю перо...

* * *

Я хранитель несотворённых чудес
и вздоха тонкая обитель,
я обитатель здешний всех твоих небес,
читатель твой и твой любитель,
я каждый день придумываю велосипед
и еду прямо по твоим страницам
домашним существом дорогой насладиться,
продрогшим странником домой успеть.
я верю – ты не ось и я не спица
на колесе заветном вечности и мига,
ты собеседник мой, а мир да будет – птица.
ни дня без сотворенья птиц!
ни дня без сотворенья мира!

Перо

Пишу и слушаю перо. Фрагмент крыла
Каким-то образом покинул птицу,
Но связан с ней невидимо, и длится
Её полёт – страница за страницей,
И ветер здесь, и даль уже светла.

Лети, а я ничем тебя не задержу,
Отважная, отчаянная птица.
Кому лететь, – тому не приземлиться.
С тобою ничего пустого не случится,
Покуда я крылом твоим пишу.

Охотничьи колбаски

Утро тихо.
Начало начал у причала желанья быть.
Здесь чайка кричала час назад
с небольшим.
Утро тихо не больше чем плыть
сквозь туманы до самозабвенья...

Андрей Ключанский

Благодатная, всё ещё робкая, твердь.
 Час назад с небольшим дом придуман,
 продуманы двери.
 Вот и дом, вот и открывается дверь
 и любимые мной существа просыпаются с миром
 с камином (холодное утро)
 и кристаллики сласти оттаивают на глазах
 прямо в чаше горячего чая
 начала начал и уюта,
 и в доме готовится завтрак:
 охотничьи колбаски на можжевельнике, на угольках.

Вино к вину

Я один и ты одно,
 Утоли меня, вино.
 Утаи от суеты.
 Был я беден, стану – ты.

В одиночестве твоём
 Утаи меня вдвоём
 С той, которая одна
 И не выпила до дна.

Вознеси меня, вино –
 Я летал давным-давно.
 Я на краешке стою,
 Жду любимую свою.

Заберёшь меня всего,
 Не оставишь ничего...
 Вот и выпито вино.
 Вот и нету одного.

* * *

Время рыдать.
 Время вытравить всё, что больно.

Время стяжать печаль, светлую, как апрель.
 Время светлеть ночам и нам не темнить безвольно
 друг для друга слова, те, что хотели начать.
 Время лечить мечту, перья наращивать крыльям.
 Время давать городам новые имена.
 Уместно понять, что здесь так давно не любили,
 что вовремя здесь начнутся лучшие времена.

* * *

Я запросто могу из поэтического текста делать снег...

или дождь,

но не зной...

знай,

они появляются как призраки,

как призраки тревожат и уходят прочь,
 совершив свое мутное дело.

И день для них – ночь,

и там, где они живут, все дворы и деревья серы:

пепел, пыль и прах, и нашим пеплом
 они омывают ноги.

Двери домов этих воров отворены навсегда,
 имя им – Черное Нет, забытё, несотворённое Да.

В комнатах нет ничего
 кроме нетронутый пыли.

Тут когда-то плели пауки –

их ловушки напрасны были.

Здесь всё происходит – сквозь,

и я не совсем понимаю,

как соединяет гвоздь

труху вокруг? Не знаю –

таю...

Как трудно о них рассказывать – я эту волну не ловлю,
 [разве что скелеты мёртвых птиц антеннами окажутся].

Как трудно от них отказываться – они говорят “люблю”,
 они научились этому, и делать это отваживаются.

Мы сами проложим путь
 для них до самого центра:
 «До самого сердца – будь!
 Вглубь, до самого сердца!»
 А дальше настанет п...ц !!!
 Они уходят с мешками,
 полными наших сердец –
 они их сожгут с потрошками!...

Я запросто могу из поэтического текста делать снег...
 или дождь,
 но не зной...
 А вот теперь остановись и стой,
 смотри [глаза протри] вокруг, над нами
 кружится пепел золотых сердец
 над их голодными
 короткими кострами.

* * *

Ад одиночества и в нём светает,
 другая тишина открылась и витает –
 я слышу, как все спят:
 их голоса во сне, безмолвное дыхание,
 и перестук сердец, и крови громоуханье
 (как водопад в горах
 и – с головы до пят).

Все спят во сне
 во сны чужие,
 как мёртвые, так и живые,
 и мысли их сторожевые
 их сон да охранят...
 А мне что делать?! Как ребёнок
 стою и хныкаю спросонок,
 проснулся и смотрю
 на первобытную, ничем
 не замутнённую зарю.

[И постигаю воздух,
 и не привыкну сразу:
 слишком дико,
 слишком чисто
 слишком тихо,
 слишком здесь,
 очень-далеко-не-сон].

Посвящается поэтам начала любого века

Наскучит вам бродить среди песков
 под солнцем зноя в небесах безводных,
 где бредом кажется взаимосвязь шагов,
 а призраки и миражи проворны.
 Проворовавшись в прах у собственной души,
 для собственной души вы вряд ли прахом станете.
 Немилосердно солнце, но его лучи
 Вы – знаете, живёте-ли-летаєте.
 Читатель Земли,
 Летатич Небес
 [ускоренные превращения],
 на дне пустошенья нащупайте весть
 насущного и не смертельного домой воспрошенья.
 Пускай змеиня сожрёт свой хвост целиком!
 Пускай пустыня своим захлебнётся песком!
 Пусть люди, которым неведома соль совести,
 обретают лишь оболочку воды вашей Чести и Доблести!

Да!

Нам нужно говорить! Мы будем говорить, да так,
 что воздух будет плавиться над нами!
 Все мысли и слова сольются в чёткий знак,
 один на всех, он значить будет – пламя!

Поддержим Солнце на его пути!
 Построим сердце – новое, живое!
 Дышать Твои слова! Дышать Твои лучи!
 О, Господи, на всё Твоя родная воля!

* * *

Не болей, человек, не болей.
 Небо лей на чело, небо лей
 на глаза и на крылья плечей.
 Не болей, человек, небо – лей
 в чаши тёплых усталых горстей.
 Пораженными сушию устами,
 прямо в сердце пой-небо-пей.
 Даже если нет с неба вестей,
 нет дождя и огонь под ногами.
 Даже если наполнен твой кров
 суматохою и мертвецами –
 мертвецы упакуются сами
 в круговую поруку гробов.

Будь здоров, человек, будь здоров,
 и живи на земле с небесами!

Дарья Решетникова
МЫ СПАЛИ НА ВЕТКАХ ЕЛОВЫХ...

* * *

Ей говорили: «облака нет, это дым.
 Нет дождя, это просто вода капает с крыши».
 Но она садилась на поезд до Караганды,
 и почему-то
 попадала в Париж...

* * *

Было подозрительно тихое утро
 в середине октября,
 когда он ворвался в её комнату
 и начал говорить что-то на пёстром языке.
 Из его фраз она разобрала только то,
 что он теперь птица.

Сначала ей было смешно, потом страшно,
 Она даже хотела вызвать психушку,
 но он разбил телефон и тогда она разозлилась:
 Я терпела все твои выходки, но это уже слишком,
 Тебе вредно читать Ричарда Баха и античные мифы.
 Да какая ты к чёрту птица, ты человек,
 У тебя две руки, две ноги и голова без мозгов,
 Так что не маши тут своими крыльями
 и без тебя сквозняк,
 Иди отсюда и не зли меня.

Потом она сходила в магазин,
 полила цветы, приготовила ужин
 и весь вечер пила валидол.
 Его не было уже три дня.
 Сосед сказал, погода была лётная,
 вот он и подался на юг,
 Зима ведь скоро.

* * *

Я не верю, что завтра на нас обрушится осень,
 что в лицо нам сухие слова чёрствый ветер бросит.
 Слишком чётко мне листья доверили Ваше имя,
 и ясны на ладонях моих перекрёстки линий.

И дышать становится легче, и верить проще,
 что не зря через всю ладонь протянулся росчерк.
 И под рёбрами самозабвенно и тихо бьётся,
 помня о Вас,
 свежее, чистое солнце.

* * *

«Они жили долго и счастливо и умерли в один день» –
 звучит правдиво, как «вчера по ТВ транслировали
 скачки».
 Сахарный тростник сказок бросает изящную тонкую тень
 на повседневность...
 и сквозь неё пробиваются одуванчики!

Нарцисс

Что я могу о тебе сказать?
 Прекрасный, но в сути своей смешной
 полубог – недочеловек.
 Ты ведь, даже закрывая глаза,
 любишь
 обратной стороной
 собственных век.

* * *

Выходим из дома только в Ближайший, за чаем,
 хрупкую снежную пену тревожа ногами.
 Как просто, как странно, – мы многого не замечаем,
 как странно, что многое просто не связано с нами.

Разве вот это – жизнь, говоришь, разве это – нормально?
 Где-то ведь есть Бавария, Греция, Мидланд...
 А у меня – только ключ от квартиры в кармане,
 и я ничего, кроме этого дома и чая, не видела.

Бренчит в кошельке угловатая медная цифра,
 мир сходится клином на пёстрой коробке чая.
 Мы начинаем разбег по взлётной полоске шифра
 и плавно взлетаем...

* * *

Снег. Это снег. Так с шорохом кружат
 чайники на дне керамической кружки,
 мыльные крошки, лунные стружки,
 гипсовый пух рассыпчатых крыш.

Плавные улицы медленно снятся,
 ищут тепла озимевшие пальцы.
 На циферблате – время меняться:
 без четверти я.

Мы спали на ветках еловых...

* * *

Помнишь –
 ёлки высотой в два дома?
 Помнишь –
 мы жгли конверты, блокноты, коробки,
 чтобы согреться.
 Мы спали на ветках еловых, под чёрным брезентом.

И как мы могли заблудиться...

А к вечеру ближе, помнишь, мне снился кофе.
 Клетчатое одеяло, дом деревянный
 и кофе.
 И ещё я сказала: «там вертолёт пролетел,
 он нас увидел!»

* * *

«Здесь будет лагерь. И отсель
 грозить мы будем всем подряд».
 Проснулся и собрал отряд.
 Ты ждал войны. Пришёл Апрель.

Под сапогами тает лёд
 и тает в небе птичий крик...
 Эй, полководец! Посмотри –
 твоё оружие цветет!

Ты прячешь свой весенний взгляд:
 оружием не взять Апрель.
 Эй, полководец! Будь мудрей!
 Война пройдёт.

«Здесь будет сад...»

* * *

Ты говоришь, в твоей жизни ловить нечего.
 На закате в окнах твоих солнце похоже на Марс.

Дарья Решетникова

Ты стала бояться моря с того дождливого вечера,
когда к твоим берегам прибило обломки фрегата
с кровавым парусом...

И неважно, что накажет твою гидрофобию –
Венеция или Сахара,
куда ты войдёшь – в отчий дом или в тамбур
случайного поезда.
Теперь все новые рельсы и трассы приводят
обратно – к старым,
и стрелки на всех часах вонзились в отметку «поздно».

Золотыми дождями зашита в сонеты, в сонаты осени,
как безумная, отогреваешься словом «остаться»...
Но каждую ночь снится дымчатый взгляд со
звонкою просинью,
зовущий уехать или
сойти на случайной станции...

Елена Чач
НЕТ НА ЗЕМЛЕ ОДИНОЧЕСТВА...

* * *

И никуда не деться, не сбежать,
когда мелодией апрельский воздух болен...
великопостный голос колоколен
прощает ей оттенки мятежа.
И музыка, глядящая в упор,
то грозным раскатом рвётся в окна,
то жалуется всем, что так промокла,
и плачет, продолжая разговор.
...но светел плач её, и ночью снится:
мелодия стучится у дверей
и в золотые гнёзда фонарей
влетает, как вернувшаяся птица.

* * *

Заиндевело всё, и будто снится:
берёзы, снег, ажурные фонарей...
И парк в зыбучем сне моём продлится,
как стрекоза в прозрачном янтаре.
Покажется, что тронулись века
в обход — как льды — тяжеловесным строем.
...но что-то теребит и беспокоит,
как будто время тянет за рукав.

* * *

Как мне в углу судёнышке плыть по вечернему руслу,
чтобы выбраться — против течения — вдаль — в тишину,
если мир порастает закатом тревожно и густо,
и уже — настороженно — небо лакает волну?
По заросшей тропинке — наощупь, чутьём — отыскала б
сад, обломок калитки, едва обозначивший вход,
где и памяти нашей почти ничего не осталось:
лишь полоть сорняки да кривить по-старушечьи рот,
удивляясь, что я вдруг припомнила эту дорогу,
раздвигая листву, как давно позабытую боль...
Мне бы просто — туда... мне ведь надо немного, немного:
просто радость
с собой.

* * *

Спой для меня, веснушчатый мальчишка!
Ты песней, словно голубь, окольцован.
И твой мотив, хотя и прост он слишком,
добавит серебра на фон свинцовый.

И мир, что окольцован горизонтом,
на этой песне все круги смыкает,
и пробуждает памятное что-то
во взглядах синих и во взглядах карих.

Всё выше — пой! Пусти слова по свету,
как звонкий выдох, заповедь скитальца,
чтоб не узнал никто, что песне этой
к тебе копейкой медной возвращаться.

* * *

Мне бы сейчас... куда?
Молчат города, поезда,
причалы, уснув, молчат...
Звёзды сквозные —
сотни замочных скважин.
Тысячи, тысячи скважин —
но нет ключа.

Одному современному поэту

Так привычен порой лишний крюк, завиток, изгиб,
чтобы что-то своё оставить на чердаке,
а стихи — и чужие — отчётливы и близки,
словно горсть кедровых орехов в моей руке.

Я люблю ароматные ядра под скорлупой,
хвойный дух, отпечатки смолы и шершавый цвет.
Но бывает коварно-насмешлив орех пустой:
вроде крепок на вид, а расколется — сути нет.

Ты, умолкнув, услышишь внезапный неровный стук —
странный звук, усиленный эхом от всех дорог.
Это я, отбрасывая пустоту,
всё ищу затерянное ядро.

* * *

Не чаша — горсть, хранившая тепло.
Не лёд монет —
такой, что пальцы холодом свело,

крещенский снег.
Морозный день не выставляет счёт
святой водой,
он просто плачет ею. Звон плывёт.
Болит ладонь.
И церковь к небу тянется крестом,
и снега взвесь
как будто говорит тебе о том,
что счастье — есть.

* * *

И пусть в феврале ещё не хватает дня
и от сырой погоды болит висок,
а ночь глядит, затаившись, вослед саням
и хрусткие звёзды пробует на зубок.
...скрипят полозья, скрипит под ногою снег,
и метят ставни — скрипом своим — пургу,
и Млечный Путь, перетекающий в санный след,
знает о том, что высказать не могу.
Но не согреет душу его огонь
...так не становится в месте чужом — ночлег
кровом родным... и, миновав ладонь,
белые звёзды падают в санный след.

* * *

... и надежда моя будет Вашим жива возвращеньем,
я сама буду жить... но не этим, а чем-то иным.
Успокоится ветер, опять не придавший значенья
прошлогодней листве и безмолвным ночным мостовым.

Я же буду тиха и тверда и почти незаметно
растоплю свою боль, как сосульку в горячей горсти.
Мы ведь встретимся снова, друг друга порадовав светом...
Отпустите меня, чтоб и я Вас могла отпустить.

* * *

И ещё не обобраны вишни,
 ноты лета багровы и спелы,
 и на даче, за домиком ближним,
 не увидеть границу раздела
 облаков и тумана. Откуда
 этот вечер? Ни звука не слышно.
 Я в ведёрко тихонько, как чудо,
 опускаю по яголке вишню.
 ...так и жить бы у солнечной кромки,
 где закатных аллей поворот,
 не гадая, в которые сроки
 нас, как вишню, Господь соберёт.

* * *

Так подходят к постели больного, родного,
 любимого, —
 никому не желаю вот так же, как я, подойти,
 когда время уже истекло, отстучало, отбило ли
 и прощанье с прощением затвердевают в кости.

Так подходят... подушка лежит ослепительно белая...
 где-то сбоку стою, непривычно платок теребя,
 понимая, что всё, что когда-то сказала и сделала, —
 только крохотный шаг, только жест от себя до себя.

Подожди! И вослед — нестерпимее —
 выбежать хочется,

но уже не догнать: простынь... облако...
 простынь... пробел...

Вот тогда понимаешь, что нет на Земле одиночества...
 Запах спирта. Сквозняк.

И глаза не поднять, оробев.

Пётр Кузнецов
ВЕЧНОСТИ ВЕЛИКИХ

Из Марка Аврелия

Я снова книгу черную листаю.
 Страницы в ней – глазницы темноты...
 Когда прочту её – я знаю – я расту
 И стану эхом вечной немоты!..

Татьяна Нагорская

Приди к себе на помощь только сам.
 Спешి скорей к незавершенной цели...
 Пусть простота и скромность парусам
 Твоим поможет миновать все мели!

Запомни, друг, твой Гений там, в груди,
 Быть должен чистым, ты его блюди ...

Тогда ты сможешь дочитать сполна
 Воспоминанья древних... Слов волна
 Тебе прошепчет: « Мы – в твоей груди,
 Нас и себя – единственных – люби!..»

12 декабря 2002 г.

* * *

Ты не видел Богов, но не бойся в них верить!..
 Их деянья повсюду на грешной Земле ...
 Ведь и душу свою ты не можешь измерить,
 Но она – капитан – на твоём корабле!

Декабрь 2002 г.

* * *

Чти память тех, кто был тобой любим,
 Но и тебя любивших – не предай ...
 Ведь Время – это свод из лет и зим !
 Об этом ты почаще вспоминай ...

Не чувствуй себя лишь цветным пластилином,
 Природа растила тебя ... И СПОЛИНОМ!
14 декабря 2002 г.

* * *

Где все они – Сократ, Платон иль Цезарь?!
 Где будешь сам, когда придет твой срок?..
 А посему усвой простой урок –
 Грани свой ум и взор, если не бездарь!
10 сентября 2005 г.

* * *

Все было... Есть. И снова будет!
 Меняются в веках калейдоскопы судеб ...
 Умирая, кончаешь служение Целому!
 Будь спокоен и рад – даже савану белому!..
10 сентября 2005 г.

* * *

Попробуй устранить в себе
 Всю тяжесть убеждений –
 И вдруг откроется тебе
 Весь мир земных свершений!..

Он в бездне Времени возник,
 Но очень краток его лик
 Из тайн исчезновений!
9 сентября 2005 г.

* * *

Ты долго плавал в жизни-корабле
 И вот достиг благополучно гавани ...
 Сходить пора! Но в бестелесной мгле
 Кто ждет тебя – старуха в грубом саване
 Иль Боги, коих чтит ты на Земле?!

Ответа нет ... А дух твой на стреле
 Пронзает Вечность!.. Тело – прах и тлен ...
 Ты победил ... ЭПОХУ ПЕРЕМЕН!
28 марта 2002 г.

Из Шопенгауэра

* * *

Сегодня Мир, как будто жест факира,
 Волшебит ум и радуется сердцу!
 Но где-то вечности надменная секира
 Скользит с небес на голову глупца ...
Петр Кузнецов

Нищий борется с Горем, богатый – со Скукой.
 Лишь мудрец, бытие не виня,
 Все грустит, что мир не знаком с Наукой
 Познать самого себя!
2 мая 1997 г.

Из Дж. Кришнамурти

* * *

Не дрожит у любви острие,
 Наши плоти до боли взвихрив!
 Но мы счастливы, страсть победив,
 Не измяв на постели белье ...
Пётр Кузнецов

Любовь всегда безлична и вольна, -
 Она не знает вражеского ока...
 Она почти пустынная страна –
 Где красота лишь генератор тока!

Но этот ток, дающий сердцу власть,
 Он, к удивленью, не берет оброка
 У тайн Времен, где обитает страсть!

Отринь же все – и страх, и месть, и власть –
 В архипелаг Любви есть шанс тебе попасть!
9 июля 2002 г.

Из Элиаса Канетти

* * *

Распятый одиночеством минут
 Я – как Христос, Вам исцеляю нервы...
Пётр Кузнецов

Читая, ты наткнулся вдруг на фразу,
 Пронзившую тебя, как острый нож...
 Ведь это... Я! И страх свой, как проказу,
 Ты осязаеть – и в коленях дрожь!..
 А фразы дальше режут плоть незримо!
 И резы их все глубже и больней...
 Ты книгу отшвырнул – необходимо
 О чем-то лестно думать поскорей!..

...Иные строки скальпеля страшней,
 Когда людей лишают миражей!

1994 г.

* * *

Не истязай всезнанием себя!
 Ответ родит девятый вал вопросов...
 Мудрец – ребенок! Он, незнание не тая,
 Над жизнью реет гордым альбатросом!..

Ему презренна Знаний полнота –
 Оружие для властелинов Мира!
 Он с радостью меняет мощь клинка
 На струны вещие своей негромкой лиры...
Август 1993 г.

* * *

Не бойся воевать с противником любим!
 В бою таком куется гордость Духа!..
 Но если Дух твой, словно пилигрим,
 Восторгов ищет у ослабшей мухи,
 То это значит – творчеству конец
 И страха ржа разъела твой венец!..

...Осанка гордеца – миражный щит от битв,
 В которых он Судьбой был беспощадно бит!
Июль 1994 г.

* * *

Закон Божественный суров –
 Люби, как Бог, своих врагов,
 Любого человека!
 Мир Божий вечен – ты же нет!
 Ты, как любой живешь икс лет –
 Король ты иль калека...

Жизнь - тоже мера Века!

12 февраля 1999 г.

* * *

В палату эталонных мер-весов
 Ты – мера жизни Человека не попала!
 И только стая одичавших псов
 Тебя в реальности – де-факто – признавала!

О, как безумен каннибалов ум!
 Но он – предтеча безотходных технологий...
 И сквозь Века их ритуальный шум
 Понятнее, чем залпы ...у надгробий!..

...Я с давних пор не верю Бытию,
Где тлену нету меры, есть - Огню!

1993 г.

* * *

Зачем ты плачешь в одиночестве, Платон?
Твой плач разносится на мили...
- Я представляю, что казнен
Богами был ... за верность пыли!

Прошли Века! Истлели кости...
А пыль все ждет Платона в гости!

24 января 1997 г.

* * *

Для поэта (по Канетти) хаос чтения –
Самый лучший способ вдохновения!..
От себя добавлю – это так ,
Если он лишь эвримен-простака...

Глубина Большой Поэзии Мистична!
Только мистик спорит с Богом лично!..

5 декабря 1998 г.

* * *

Творец! В бессмертии своем
Оставь для Тайны место!
То, что без соли мы жуем,
Безвкусно, если пресно...

13 ноября 1998 г.

Из первых уст (актуальные интервью «Нашей газеты»)

**Александр Яковлев:
«ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ – ЭТО
ГОВОРИТЬ ПРАВДУ...»**

Совсем недавно в московском издательстве «Материк» вышла книга «Сумерки», написанная Александром Николаевичем ЯКОВЛЕВЫМ, академиком, председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, Президентом Международного фонда «Демократия».

«Господствующая и торжествующая продажная номенклатура, будучи авторитарной по определению, упорно формирует мнение о необходимости авторитарного режима, ловко используя это в целях усиления собственной власти. Набирающее силу отмывание прошлого, особенно злодеяний Ленина и Сталина, навязчивая пропаганда «славных подвигов» спецслужб - очевидное тому доказательство. Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами стал повседневным занятием политиков. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека. Пока что продолжается медленное течение странного времени равнодушия к бесправию и произволу. А еще - времени выживания и надежды» (Здесь и далее цитаты из книги «Сумерки»).

- Вашу книгу предваряет эпиграф: «Вчерашний раб, уставший от свободы, возропшет, требуя цепей», - эти строки Максимилиана Волошина достаточно точно отражают и сегодняшнее состояние российского общества». Как Вы оцениваете то, что происходит в стране сегодня?

- Непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Когда во что-то вложишь много сил, стараний, правильно - неправильно, с ошибками - без ошибок, и когда все потихонечку гибнет - это особенно остро воспринимается. Когда я начинаю говорить о свободе слова, о свободе творчества, я помню, как, в каких это муках рождалось, сколько было противников...И когда

Между голосом силы и силой голоса все громче ропот
бессильных, попавших в капкан бесправия...

Лешек Шаруга

это рухнет, то становится особенно обидно. Думаешь, что ошибся, поторопился, когда говорил и верил, что свобода слова - это основа демократии и основа человеческой жизни.

Мы до сих пор не поняли или не захотели понять, что в 17-м году не было никакой октябрьской революции, а был фашистский переворот. Насчет остроты оценки революции я не одинок, и вовсе не хочу сказать, что делаю какое-то открытие. В 1932 году Иван Павлов, наш великий ученый, дал прекрасную характеристику как обществу, так и человеку. Он писал об этом в письме Молотову: «Вы строите коммунизм. На самом деле вы строите фашизм. И это расплзается по всему миру. Это очень опасная болезнь. И вы родоначальники этого фашизма». Когда он характеризует нашего русского человека, он пишет: «Мозг русского человека некоторым образом другой. Он воспринимает слова и имеет дело со словами, а не с действиями. Поэтому он понимает действительность в несколько ином плане, весьма оригинальным образом. Отсюда не то, чтобы беды, а непонимание собственной истории, собственных задач жизни. Потому что над ним довлеет не действие, а слово». Если взглянуть в историю, то на контрреволюцию 17-го года партия повела словом, просто в светлое будущее, не уточняя в какое именно. Если бы в 30-е годы кто-нибудь сказал: давайте уничтожим всех крестьян, наверно, не нашлось бы таких чумных людей, кроме, так называемых, бедняцких слоев. А вот когда пошло разделение на «крестьянин» - «кулак», «кулаки» были уничтожены. Представьте себе, что когда призвали ликвидировать всю интеллигенцию, отрубить голову нации, именно мозги, был придуман лозунг - «враги народа», то есть «мой враг».

Сегодня таким ложным словом, которое отвлекает нас от всех действий позитивного характера, является «террорист». Отсюда ксенофобия, антисемитизм, ненависть к другому. И когда в печати удивляются: «Ну откуда, какой фашизм?», нормальному человеку понятно - из национализма рождается

фашизм.

- Однако в последнее время как никогда много внимания уделяется государством патриотическому воспитанию. Принимаются даже общегосударственные программы...

- У нас появилась целая когорта людей специалистов по патриотизму, разделяющих нацию как бы на две части. Созданы целые патриотические организации: люди «радеющие» и громко любящие Родину - это патриоты. А тот, кто хоть чуть-чуть не согласен или, по крайней мере, не подтверждает свою любовь громогласными заявлениями, не вынимает патриотический сертификат, тот, конечно, уже враг, не наш человек. Это страшная, опасная идея: сделать патриотизм разменной монетой. Что скажут о человеке, если он выйдет на улицу, и будет кричать: «Я люблю свою маму. Я свою маму люблю», и так целые сутки? Скажут, что человек, наверно, тронулся. Так же не будет нормальный человек говорить без конца: «Я патриот. Я люблю свою Родину». Любить свою Родину - это естественное явление. Уважать ее, любить ее - это, значит, строить ее, видеть ее недостатки и, если хотите, выдерживать с корнем эти недостатки, эти пороки общества.

Меня поразила одна вещь: постойте, а вот на фронте мы говорили о патриотизме? Я вот даю вам честное слово, я не помню ни разу ни перед атаками, ни после, когда мы уходили, матерились, ругались, пили и, Бог его знает, чего, мы ни разу не говорили, что мы патриоты, и никто нас не призывал: «Мы вот как патриоты сейчас пойдем в атаку против немцев», в голову это не приходило. Мы просто воевали, как умели. Плохо воевали, не умели, но воевали. Враг пришел на твою землю, и твой дом тут, и твоя мать тут, твои маленькие сестры остались. Вот и все.

А сегодня власть, номенклатура, и старая и новая, активно поддерживает целые партии патриотов, организует целые общественные организации. А мы, относящие себя к демократическому лагерю, так все и «прохлопали» ушами. И это слово, которое для каждого человека является

интимным, близким - у нас отняли, и мы теперь ходим на краю, и нас называют «пятая колонна». Все это, конечно, весьма и весьма печально.

«Сторонники реставрации активизировали, по моим наблюдениям, мобилизацию сил реванша, чтобы «одернуть хулителей светлого прошлого». Думается мне, что не так далеко время, когда повыскакивают из кустов и подворотен «автоматчики» из отрядов политических проституток и начнут палить по тем, кто якобы предвзято изображает историю сталинского фашистского прошлого, то есть критикует его. Эти люди, в том числе и во властных кругах, продолжают грезить о другом прошлом, таком, которое было бы сплошь героическим, чтобы из него день и ночь летели петарды патриотизма, восславляющие государство, то есть власть, а вовсе не Родину».

- В год празднования 60-летия Победы было много споров о том, что можно писать и как рассказывать о Великой Отечественной войне. В частности, большой резонанс вызвала книга Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». Вы были участником той войны. Насколько, по-вашему, прав Астафьев?

- Мы были с Астафьевым очень близкими друзьями, переписывались, у меня есть его письма. Да, война была такая, как ее описывал Астафьев. Когда его спросили: «Как же Вы выиграла войну?», он сказал, что мы просто немцев забросали трупами. Так вот, я согласен с этим, это действительно было так.

Тут глава государства собирал историков: его не удовлетворяет показ нашей истории. Он бросил фразу, что воспитывать народ надо на позитивных фактах, как это было при Сталине. Воспитывать надо, если мы строим демократическое общество, на правде, какая бы горькая она ни была. Наверно, в этой правде какая-то часть будет не очень позитивной, но все равно люди больше поверят в эту правду. И если не сразу, то завтра уже не только поверят по-настоящему в эту правду, но и во власть, и

в людей, которые ему эту правду сказали.

Меня очень оскорбило, как фронтовика, празднование 60-летия Победы: такого позора и такого издевательства надо мной, как фронтовиком, я просто не помню. Какое мне дело, что там сидит Буш рядом с немцем и о чем-то там говорят, и празднуют Победу. А где фронтовики оставшиеся, где для них-то доброе слово?! Это такое пренебрежение к людям, какого я за свою жизнь не помню. Смешно сказать, за все праздники обо мне не вспомнила ни районная управа, ни районный собес, ни городской, ни ветеранская организация. Абсолютно никто. Никому до тебя дела нет. Мы знали, что так будет, собрались отдельно, действительные фронтовики: Наум Коржавин, Этуш... А те, кто был на Параде, их-то на фронте-то не было, это люди 29 - 30 годов рождения, одна видимость. И бог с ними, пусть они празднуют, на здоровье. А мы по-своему посидели, попраздновали, повспоминали и не «корезили» фронтовые песни, а пели так, как их пели тогда, в 41-м, 42-м, 43-ем годах. А не так, как Королева «Три танкиста», слушать было страшно...

«Видится мне, что номенклатурная челядь, будучи еще советской по характеру, полагает, что восторги толпы по поводу некоторых действий властей - это и есть поддержка линии на установление «порядка». Давно же известно, что восторги у нас легко переходят в улюлюканье».

И все же я верю, что удушить полностью демократию чиновничий класс пока не в силах, а вот использовать обстановку в целях ползучей реставрации - в состоянии. Мелкими шажочками все ближе продвигается он к заветной цели - снова превратить человека в пугливого зайца, но зато живущего якобы в великой державе нескончаемого успеха, пронизанной всеобщим патриотизмом за прошлое, настоящее и будущее».

- Как вы думаете, почему в последнее время постоянно поднимается проблема внутренних и внешних врагов России. Почему в многонациональной стране

постоянно вспыхивают религиозные и межнациональные конфликты? Кто в действительности пытается развалить Россию?

- Каждая власть, если она недемократическая, ищет способы подавления людей разными путями. В свое время, когда еще царская власть стала слабеть, а демократические силы через Думу стали крепнуть, появилось очень сильное черносотенное движение - антисемитизм. Сегодня идет чеченская война, вина за которую лежит полностью на правительстве, и войну против России не чеченцы начали. Для недемократического правительства надо обязательно два врага: внешний и внутренний. Последователи сталинского режима имели врагов народа внутри страны, они были нужны им для сохранения власти. И внешний враг, прежде всего США. Для того, чтобы избавиться от необходимости обязательно иметь врагов, нужно демократическое правительство, нужны человеческие свободы. Свободный человек не подойдет к вам и не будет вас оскорблять на почве национальных признаков, потому что он свободен. Это делают рабы. А поскольку мы все еще остаемся в духовном плане рабами, нас легко сдвинуть и на ксенофобию, и на антисемитизм, на всякие такие постыдные вещи, от которых, вроде бы, должен расти стыд, а растет уважение к такого рода политике. Для нищего человека приятно, когда ему говорят, что не он виноват, а виноват кто-то, сосед, какой-нибудь председатель, какой-нибудь удачливый человек - наверняка, жулик и вор. А нищему говорят - ты хороший, будем опираться на тебя. И он считает, что так правильно. Это еще и культура общества, политическая культура.

Больше всего мне нравится - ложь, которая стала сейчас образом нашей жизни. Мы снова стали лгать, глазами, как-то не по совести жить, не покраснев, не сказав: «Извините, я вру». Есть ложное представление у людей, особенно у руководителей, что жизнь такая, что иногда властному человеку выгоднее соврать. Он считает, что

он выигрывает от этого. Раз он стал начальником, он твердо уверен, что это ему придает и ум. Он не понимает, что он остался тем же самым. Нет, любой начальник, как только он становится начальником, он в своих собственных глазах умнеет просто катастрофически. Ложь им выгоднее, чем сказать правду. И впоследствии, когда они даже говорят чистую правду по какому-то поводу, - все равно перестаешь верить. Вот результат лжи. Единственный путь - это говорить правду. Здесь опять вопрос уровня политической культуры, и, естественно, персонального понимания задачи власти как таковой. Никто не ждет от власти каких-то благ, особенно, когда устройство власти такое, как нынче. Ведь пока власть у государства наверху, под ним общество, под ним человек - так и будет. И какие бы случайные рывки в какую-то более просветленную часть жизни ни были, все равно будет происходить обратный процесс - к власти номенклатуры. Потому что они считают себя властью, а не простыми чиновниками, обязанными выполнять закон.

«Лично мне стыдно перед новым поколением за то, что мы, люди старших поколений, утонули в страхе... - доносили друг на друга, как последние твари, набили мозоли на ладошках, аплодируя «вождям», иными словами, оказались людьми без чести и достоинства. И надо низко поклониться тем, кто возвышал голос протеста, спасая наши души».

- Президент Путин в последнее время довольно часто подчеркивает, что российские правозащитники финансируются Западом и поэтому выражают его интересы. Согласны ли вы с такой оценкой? Насколько правомерно то, что функции правозащиты пытается взять на себя Русская православная церковь?

- Правозащитное движение будет существовать, усиливаться или ослабевать в связи с обстановкой в стране. Если демократия будет действительно укрепляться, то правозащитное движение будет востребовано и власть просто не сможет безобразничать.

Что касается финансирования, то, действительно, это, в основном, западные деньги. Причина этому очень простая: вначале просто не было российских источников, в принципе. Сейчас, после дела ЮКОСа, бизнесу дан внятный сигнал: «сюда нельзя», любое подобное действие расценивается как вмешательство в политику. Собственно, власть сама эту ситуацию создает.

В отношении Русской православной церкви, я считаю, что кроме самого первоначального периода, культурного возрождения, это еще при князьях, отрицательную роль в развитии Российского государства сыграла Византийская церковь. Я в силу своих обязанностей в Политбюро ведал этим делом. Мы отдали церкви 1400 храмов и 16 монастырей, это когда я был, сейчас значительно больше. Это было сделано из моральных соображений, естественно. Но, в то время я надеялся на то, что церковь сыграет большую оздоравливающую роль, с точки зрения духовности. Пока, кроме разочарования, у меня ничего нет. До сих пор Православная церковь претендует на власть, до сих пор пытаются добиться, чтобы Православная церковь была государственная, издадут учебники, пытаются ввести обязательное религиозное православное образование в школах. После 17 года церковь была отделена от государства, но требования поставить православие в особое положение до сих пор продолжают. А как же тогда быть с мусульманами, с буддистами, с иудеями, с другими ветвями церкви?!

С самого Октябрьского переворота Дзержинский требовал, чтобы церковь ушла под эгиду ЧК. С тех пор повелось, что во всех семинариях, церковных духовных школах набор кадров был отдан Комитету Госбезопасности. В Совете по делам религии был первый заместитель в генеральской должности, всегда был из КГБ, это была его работа. Все закрытия церквей только с их согласия. А, главное, подготовка кадров была полностью в КГБ. Имена я не скажу, но скажу одно, что из нынешних наших членов Синода только один не является бывшим штатным

работником КГБ, остальные все, увы, имеют воинские звания. Сейчас-то я не думаю, что они активно работают. Да и нужды-то в этом особой нет. Да и польза-то была, по-моему, плевая. У церкви есть много задач по духовному воспитанию, помощи сирым и убогим. Не ее дело, по-моему, становиться частью государства. Каким образом и кого она будет защищать? Только православных? А остальные пусть как могут?! Нелепо все это.

«Задолго до Перестройки и во время нее моей мечтой было возвращение государства в нормальное человеческое бытие, то есть построение гражданского общества, которое бы возвышалось на фундаменте свободы человека и его ответственности перед законом, богатело и развивалось на принципах частной собственности, социального и экономического либерализма, свободного слова и творчества, ограниченных только законом и этикой, развитого самоуправления, децентрализации власти и свободных выборов. Я был убежден тогда, и еще больше - сегодня, что только свобода и достаток человека создадут достойное общество и уважаемое государство».

- Возможно ли для России возвращение к тоталитарному государству?

- Нет, хотя потуги будут делаться. Потому что международная обстановка совершенно другая, и по сравнению с началом века, и по сравнению с 30-ми годами. Сегодня, я уверен, лагерей уже не будет, а политические заключенные, которые уже начали появляться, будут обвиняться по уголовным статьям. Кстати, при Сталине не было политической статьи: 58 статья была уголовная, 10 и 18 параграфы, за непосредственную агитацию, - были уголовными. Авторитаризм удалось вернуть, но, есть целая мировая концепция, что либеральные экономические реформы можно провести только авторитарными методами. Ссылаются на Пиночета, на Китай. Чем кончилось у Пиночета - мы знаем, да и начинал он с расстрелов, кстати говоря. Чем кончится в Китае, мы пока не знаем. Но сейчас они ломают голову над тем, что не знают, как государство

должно себя вести там, где экономика становится более или менее рыночной, и появляются акционерные общества и частные предприятия.

При всем моем критическом отношении, я все-таки думаю, что этому нынешнему клану не удастся полностью сломать все, что накоплено во время Перестройки и то, что идет в связи с влиянием и Запада. Пока что власть боится выборов, и правильно делает, что боится, поскольку хочет, чтобы власть у нее осталась. Нам надо добиваться, чтобы мы вернулись к свободным тайным выборам и общественному контролю этих выборов.

Лично я не верю в особую судьбу России, ее исключительность, некий «третий путь». Мы обречены на ту же логику исторического развития, что и все народы мира. Мы, если говорить об идеале, исповедуем те же ценности, что и все человечество.

Бросается в глаза странная и жесткая последовательность. Гимн, однопартийная система, послушный парламент, примат государственности над человеком, вожизм, сращивание госструктур с бизнесом, приручение СМИ, возвращение к государственной историографии, то есть приспособление истории к интересам власти, отсутствие подлинно независимых судов, расширение сферы деятельности и влияния на политику спецслужб - все это тревожные сигналы, способствующие возвращению столь привычного для нас липкого страха. Сегодня каждый шаг назад власть изображает как шаг к стабильности, коим он не может быть по определению.

Но искать вину надо в себе. Мы обычно ленимся карабкаться вверх, но зато обожаем лететь кувырком вниз. Великий Ганди сказал как-то, что бог приходит к голодному с хлебом, а кто приходит отнять хлеб - это дьявол. Так вот, Российская власть правит 1000 лет, потому что Россией всегда руководили люди, а не законы. То есть не боги, а дьяволы, потому что они отнимали хлеб. А боги с хлебом приходили гораздо реже. Отсюда и все беды.

«На мой взгляд, без решительной дебольшевизации всех сторон российской жизни эффективные демократические реформы невозможны, а формирование гражданского общества обречено на мучительные передраги. Утверждал, утверждаю и буду утверждать, что нам пора перевернуть парадигму власти. Не ГОСУДАРСТВО - ОБЩЕСТВО - ЧЕЛОВЕК, а ЧЕЛОВЕК - ОБЩЕСТВО - ГОСУДАРСТВО. Вот тогда все и встанет на свои места, восторжествует подлинная справедливость».

Лена Сурикова.

Интервью организовано

Клубом региональной журналистики

«Из первых уст»

фонда «Открытая Россия».

Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики: «ЗАЧЕМ РОССИИ ДЕМОКРАТИЯ?»

Ровно год назад было объявлено о намерении провести в России политическую реформу. Идея основывалась на трех «китах». Первый - назначение губернаторов, второй - изменение избирательной системы, точнее: переход на полностью пропорциональную систему с голосованием по партийным спискам, третья - учреждение Общественной палаты. Все эти меры призваны были укрепить Россию в ее борьбе с терроризмом.

- Год прошел, Евгений Григорьевич, что мы получили, каковы итоги?

- Отмена губернаторских выборов самым прямым образом нарушает Основной Закон страны, Конституцию. Что касается другой новации, то юридически Конституцию она не нарушила, но определенно навредила духу Закона. А именно: было ограничено право избирателей

определять свою волю, поскольку выбора стало меньше. То есть, если теперь вы захотите, живя в Алтайском крае, избрать в Госдуму Владимира Александровича Рыжкова, вы этого сделать не сможете. Если только он не вступит в «Единую Россию», ЛДПР, «Родину» или КПРФ.

Что касается необходимости всей этой реформы. Совершенно очевидно было год назад, а сегодня - тем более, что заявленные политические преобразования никакого отношения не имели к укреплению безопасности России и усилению борьбы с терроризмом. После 11 сентября 2001 года в США больше не было террористических актов, прежде всего, потому, что там была выработана программа действий. Она была иногда неприятной, к примеру, для авиапассажиров, но, тем не менее, Америка обезопасила себя. А у нас террористические акты продолжают, и ясно, что назначение губернаторов и изменение избирательной системы никак не содействовали борьбе с терроризмом.

- Зачем же тогда заваривалась каша?

- Единственный вывод - это укрепление позиций тех или того, кто сегодня осуществляют власть в стране. Реально же в поддержку реформы были предложены аргументы, которые не имеют никакого отношения к действительности... У России якобы есть скрытые враги, под угрозой ее единство, следовательно, срочно требуются какие-то чрезвычайные меры, какая-то чрезвычайная система. А подтекст такой: сегодняшняя Россия не созрела для демократии. Отсюда: мы не можем позволить себе слишком больших вольностей, просто потому, что мы такие, что у нас нет традиций, нет соответствующих демократии привычек, мы пассивны и готовы терпеть все, что угодно, а губернаторами выбираем черт-те кого. Как тут без бдительного надзора со стороны государства? Ну, а государство, это кто? Это Кремль. Он и будет следить, чтобы ничего не случилось, чтобы все было гладко. Когда руководитель Института прав человека Сергей Адамович Ковалев пришел в Кремль с претензией на нарушение избирательного законодательства, ему сказали: ну

что же, вы правы, но зато у нас никогда не выберут президентом Гитлера. Вот такая сильная аргументация.

- А на ваш взгляд, русские пригодны для демократии? Или мы действительно так устроены, что это не для нас. Вот китайцы, к примеру, устроены так, что им обязательно нужна твердая власть. Им нужно расстреливать чиновников, чтобы в стране не было коррупции. Правда, она там все равно есть...

- Не берусь судить про китайцев, но существуют специальные исследования, которые показывают, что у населения некоторых стран Восточной Азии (например, в Таиланде, Филиппинах) проявляется некое корпоративное, артельное, я бы сказал, чувство. Попытки предоставить им возможность самоорганизации в процессе создания кооперативов по программе ООН показали, что люди склонны сотрудничать только в случае, если сверху будет поставлен начальник. Вообще-то, к русским это не относится. Я просто напомним вам, что традиции общины, традиции артели самые ярые патриоты и государственники всегда называют в качестве особенности русского национального характера. А что есть община или артель? Это как раз формы, если хотите, гражданского общества. Можно осуждать, предположим, славянофилов и народников за то, что они превозносили роль общины тогда, когда она уже разлагалась, и одобрять усилия, скажем, Петра Аркадьевича Столыпина за то, что он старался этот процесс разложения быстро довести до конца и сделать крестьян частными собственниками. Но утверждать, что русские не способны к самоорганизации, я бы не стал. Думаю, что этой черте российского национального характера был нанесен большой урон коммунизмом, когда людям засорили головы коллективизмом и прочим до такой степени, что было одно желание: куда-нибудь спрятаться, чтобы никто не трогал. Поэтому сегодня в России очень развит не то чтобы индивидуализм, а автономизация. Люди очень мало склонны к совместным действиям. Впрочем, это сегодня так, а

завтра будет иначе.

- А зачем нам демократия?

- Моя позиция по этому вопросу в следующем. В первых, мировой опыт последних 200 лет показывает, что реально процветают только демократические страны. Вы спросите, а как же Китай, который быстро развивается, или Северная Корея, которой правит, по сути, диктатор, но он способствует развитию страны? Отвечаю: это касается не процветающих стран, это касается стран догоняющего развития, и притом на определенной стадии - на стадии аграрно-индустриального перехода, когда происходит индустриализация страны, освоение массового производства изделий. Китай как раз этим и занимается. Сейчас и Соединенные Штаты Америки и Великобритания смотрят на Китай как на будущую мастерскую мира. Мы будем ездить на китайских автомобилях, поскольку производить их в Германии, США или Японии, возможно, будет не выгодно. И эти страны будут вынуждены искать себе другие виды деятельности в качестве рыночных ниш. Пока китайцы еще на этом рынке не победили, как победили они на рынке игрушек и кроссовок. Но это все индустриальное производство. А если посмотреть, кто производит инновации, кто создает новое? Не китайцы, а американцы, европейцы, японцы и русские. Тот уровень развития и та система институтов, которые сегодня существуют в Китае, способствуют тому, чтобы догнать, в том числе и США, в производстве уже освоенных продуктов по известным технологиям за счет низкой стоимости рабочей силы и за счет того, что западные рынки открыты для этой продукции. Миф о том, что империалисты грабят третьи страны, и поэтому они такие бедные, разоблачен опытом Китая. Страна поднимается на американских деньгах. Китайцы привозят свою продукцию бытового назначения в Америку, продают ее на 150 миллиардов долларов каждый год и привозят эти деньги домой. А потом откладывают их в международные резервы, вкладывают в ценные американские бумаги,

помогая тем самым президенту Бушу поддерживать федеральный бюджет. Однако при этом китайская продукция ни для кого не является образцом. То есть, никто не покупает китайские лицензии на производство тех или иных продуктов. Отсюда: сильная, жесткая, авторитарная государственная власть если и показывает в современных условиях свои преимущества, то только в развивающихся странах, которые реализуют модель догоняющего развития. В передовых демократических странах очень высокий уровень жизни, очень высокие стандарты образования, охраны здоровья и так далее. Рост идет за счет инноваций.

- Так будет у нас демократия или нет?

- Для стадии быстрого развития мы можем еще какое-то время соглашаться на то состояние, в котором сейчас находимся. А потом это будет уже ограничением роста. Просто потому, что существующая в России система организации политической власти ограничивает возможности использования человеческого интеллекта. Ограничивает свободу, ограничивает творчество.

Но власть предрержащие хотят доказать, что наш народ не готов к демократии. И, казалось бы, для этого есть основания. Заключаются они в следующем: если в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента и не будет ограничен срок пребывания его во главе государства, мы выберем в президенты господина Путина. Если завтра состоятся парламентские выборы по той избирательной системе, которая у нас теперь есть, мы отдадим подавляющее число голосов «Единой России», она опять будет иметь конституционное большинство. Следовательно, можно констатировать: то, что происходит в стране, подавляющему большинству граждан России нравится. Нравится, прежде всего, потому, что существующая власть отвечает каким-то традиционным представлениям о том, каким должно быть государство. Путин каким-то образом угадывает, что нравится людям, и он придерживается политики «хвостизма», чего власть делать не

должна. Она должна учить людей, продвигать их вперед, а не просто поддерживать рейтинг посредством обращения к таким, я бы сказал, низменным инстинктам, как, например, разжигание ненависти к богатым.

- Этот метод используется настолько активно, что завтра, не удивлюсь, массы вспыхнут неприязню к образованным соотечественникам...

- Вот-вот! Еще Чернышевский писал, что доберутся таки русские крестьяне, если не будет настоящей реформы, до образованного класса, который весь ходит в немецкой одежде, и не будут разбираться, кто здесь западники, кто славянофилы, потому что мы для них все на одно лицо. Со времени Чернышевского многое, конечно, изменилось, но глубокое разделение между людьми образованными, людьми, имеющими возможность воспользоваться благами современной цивилизации, и людьми бедными, которые имеют очень ограниченные возможности и чувствуют себя в связи с этим обделенными, есть. А ущербные люди - плохой объект для демократии. Да и противники демократии увещевают: мы не готовы, потому что у нас очень много бедных и очень большое неравенство; мы должны терпеть, и, вообще, лучше иметь ту власть, которая сейчас.

- А что говорит экономика?

- Результат последнего времени - снижение темпов экономического роста и повышение инфляции. Хотя в целом положение в экономике неплохое: четырем-пяти процентам роста многие страны могут позавидовать. Происходит это на фоне роста нефтяных цен, когда Россия имеет возможность получать огромные доходы от экспорта нефти и могла бы, предоставляя наиболее выгодные условия бизнесу, развиваться намного быстрее. Но мы этого не делаем, считаем, что можем двигаться и в противоположном направлении. Боюсь, что тот особо благоприятный шанс, который мы имели после 2000-го и до 2004 года, практически упущен. Не могу делать какие-то окончательные выводы, но, тем не менее, ситуация выглядит,

на мой взгляд, именно так.

- Сторонники единой государственной власти уверяют, что демократия в исполнении неготовых к ней россиян будет мешать экономическому развитию. Дескать, демократия - это беспорядки, хаос, плохая организация.

- Мотив очень важный. И я должен признать, что в отдельных случаях это действительно так. Демократия проигрывает технократии и бюрократии в каких-то конкретных действиях в конкретных ситуациях. Но, тем не менее, повторяю, общий итог развития во всех развитых демократических странах очень высок. Там, где демократия сворачивалась или где государство наступало, там неизбежно начинались негативные изменения в экономике.

- Но что произошло в нашей стране? Почему в 90-х «нас тьмы и тьмы, и тьмы» выходило на демократические демонстрации, а сегодня настроения совсем другие?

- Произошло большое перенапряжение от реформ. Они были во многом неудачными и нанесли слишком большому количеству людей невозмещенный ущерб... Настроения изменились. Но завтра они опять могут измениться, поэтому принимать их как основания для того, чтобы делать выводы о невозможности демократии в России, нельзя. Требуется разобраться с бедностью и неравенством.

Считается, что страна не готова к демократии, если валовой внутренний продукт на душу населения составляет меньше пяти тысяч долларов в год. По расчетам Всемирного банка 1993 года, в России душевой национальный доход составлял примерно 4200 долларов. По паритету покупательной способности (а только расчеты по нему имеют смысл), в настоящее время ВВП на душу населения в нашей стране составляет в примерно девять-девять с половиной тысяч долларов. Стало быть, по этому показателю Россия вполне подходит для демократии.

Говорят, что у нас много бедных. Ситуация такова. В 99-м году количество бедных людей (а бедными считаются те, кто имеют душевой доход в семье меньше прожиточного минимума) составлял 40 процентов. 99-й год был самым тяжелым для населения, жизненный уровень достиг абсолютного минимума против 90-го года: 40 процентов людей имели душевые доходы в семье ниже прожиточного минимума. В настоящее время таких людей 20 процентов.

- Уровень бедности измерить реально, а как измерить неравенство?

- Для его измерения применяется так называемый коэффициент Джини - от нуля до единицы. Чем он больше, тем выше неравенство. Коэффициент Джини для США составляет 0,34. Для России в 99-м году он составлял 0,39. (Возможно, сейчас немного больше). В большинстве европейских стран коэффициент составляет 0,28 - 0,30, а в большинстве стран равного или близкого с Россией уровня развития он выше, чем у нее.

Другой показатель неравенства - фондовый коэффициент, или отношение доходов 10 процентов самых богатых к 10 процентам самых бедных. В России в 99-м году этот коэффициент составлял 14,5 раза. То есть, самые богатые в среднем получали в 14,5 раза больше, чем самые бедные. Для сравнения: в США фондовый коэффициент - 15, в Европе - 12-13 раз.

Почему уровень неравенства в России больше, чем в странах равного или более высокого развития? Проблема в том, что за очень короткое время после 90-го года у нас коэффициент фондов резко повысился. В советское время он был 4,9. А сейчас стал 14,8. Обратите внимание, что за годы правления Путина он повысился с 14,5 до 14,8. Не такое большое повышение, но оно может оказаться чувствительным для определенных слоев населения. Например, для пенсионеров и для бюджетников. Однако сказать, что у нас в стране такой уровень неравенства, что он препятствует применению демократических правил игры, объективно нельзя.

- Евгений Григорьевич, говорят, что демократия становится устойчивой в той стране, где существует крепкий средний класс, которому при другой политической системе есть что терять...

- Средний класс, имеющий собственность, достаток, голосует всегда за то, что обеспечивает устойчивость. У нас со средним классом проблемы. Во всех европейских странах, США 50-60 процентов населения хорошо обеспечено, в России европейским стандартам среднего класса (реальные доходы, уровни образования, идентификации себя к среднему классу) отвечает примерно семь процентов населения. Это мало.

- Но насколько корректно соотносить благосостояние российского гражданина с материальным положением американского или европейского обывателя? Каждой стране - собственные стандарты.

- Тогда мы должны несколько смягчить условия. Существует теория, которая говорит о том, что пласт населения, подходящий под все три названных признака среднего класса, - это ядро класса, оно в России, повторяю, составляет семь процентов. Те, кто обладает двумя признаками, - это полуядро. Если суммировать проценты ядра и полуядра, то получится, что 20 процентов россиян - средний класс. Это не совсем европейский средний класс, но это российский средний класс.

Большинство исследователей сходятся на том, что эти 20 процентов обладают признаками поведения, которые характерны, которые нужны для поддержания стабильной демократии. Мало. Если присовокупить тех, кого можно отнести к среднему классу по одному признаку, скажем, по признаку доходов выше черты бедности, то это уже 50 процентов населения, которое могло бы поддерживать демократические нормы. Но, конечно, и этого маловато.

- И что, ставим жирный крест?

- Как говорится в одном анекдоте, ужас, но не ужас, ужас, ужас. Я полагаю, что дальше мы должны рассуждать следующим образом. Да, мы не совсем готовы. Но

мы уже прошли этап индустриализации, когда у нас, в отличие от того же Китая, 75 процентов населения живет в городах в нуклеарных семьях (с одним ребенком или без детей). Мы не можем рассчитывать на энергию аграрно-индустриального перехода, значит, нам надо искать какие-то другие источники энергии, которые определенным образом связаны со свободой, творчеством и так далее. Если мы из опасения неготовности населения не будем давать ему возможности практиковаться, набираться социальной практики, самодеятельности и ответственности за свою жизнь, то мы и не имеем шансов добраться до тех показателей, которые формально требуются для демократии. Но, с другой стороны, все-таки открытость экономики и талант нашего народа, мне кажется, должны сыграть свою роль, и мы сможем развиваться и догонять развитые страны.

Те шаги, которые осуществлялись руководством страны в последние несколько лет, по существу, во многих отношениях вернули нас назад. Наблюдая за действиями наших властей, совершенно точно можно сказать: свободу, любое проявление самостоятельности и независимости они воспринимают как хаос, как нарушение порядка, которое нужно любым путем устранить. А это не хаос. Это была свобода, когда жители Алтайского края выбрали себе в губернаторы народного артиста Евдокимова. Может быть, это был и не совсем удачный выбор, но люди сами его сделали. Плох губернатор - расплачиваться избирателям. Из таких уроков постепенно и складывается демократическая система. Надо дать людям возможность самим учиться на своих уроках. Я надеюсь, что так оно, в конце концов, и получится, мы эти уроки выучим. Хотя, к сожалению, на это потребуется больше времени, чем было возможно.

Подготовила

Елена Мухопад.

При поддержке Клуба региональной журналистики «Из первых уст»

Рецензии

Виктория Кинг
НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ, НО
НЕ ПОКОРЯЕТСЯ

Запоздалое размышление на тему романа
Светланы Василенко

Огорчительно поздно прочла в «Новом мире» за 1998 год роман «Дурочка» - в нашу далекую Санта-Марию такие издания попадают нечасто. Но вот – прочла и душа всколыхнулась.

Многострадальный русский народ – как часто можно найти эти строки в печатных изданиях! Но, пожалуй, никто так ярко и лаконично не вычленил из всего народа – детей, которые выросли в переломные исторические времена.

Центральный персонаж, Ганна – дурочка, натерпевшаяся от своей мучительницы, заведующей детского дома для детей «врагов народа», предупреждает ее, что предложенная ей лепешка отравленная. Не зря образ юродивого со времен Пушкина является носителем правды, которую обычный человек, обычный законопослушный гражданин, выказать не способен. Воистину, «подайте юродивому копеечку и... помолитесь за царя-Ирода».

В образе Ганны-Надьки С. Василенко раскрывает глубинную истину болезненного детского мировосприятия, где надежда, вера и любовь подобны хрупким росткам дивного растения, кои так легко уничтожить. Но – не в Ганне-дурочке!

Беззащитность ребенка перед взрослыми, и их бессмысленными схватками «за идею», суть которых противоестественна, представлены в романе в щемящей наготе. В центре фантазмагии тридцатых годов – символ поверженной России – Ганна-дурочка, глухонемая, изъясняющаяся только песней. Какие только беды не рушатся на нее – она выживает, выплывает, сохраняется в мироздании, чтобы, наконец, воспарить к солнцу.

Вере в бога и просветлению – как явлению, присущему всему живому на земле, противопоставляется неистребимая и вездесущая Тракторина – символ обезличенного человека

Память это гипотеза, не поддающаяся проверке...
Лешек Шаруга

с насмерть исковерканной душой и психикой. Она – хоть в кровавые тридцатые годы раскулачивания, хоть в шестидесятые, времена идиотического нагнетания паники: вот Америка сбросит ядерную бомбу – она во все времена тот самый «винтик», на котором десятилетия держалась бесчеловечная и противоестественная власть. Ломовое животное без любви и жалости. В детдоме, где правит Тракторина, «крещенная советской властью», кормят детей зелеными яблоками с голодухи, а потом равнодушно смотрят на них, умирающих от холеры. Кто и когда столь своеобразно и трагично описал не только жизнь детей-«врагов народа», но и замученное раскулачиванием сельское население? Столь обнажено и столь художественно написал свой «Котлован» Платонов. Так написала роман-житие Ганны Светлана Василенко.

Чего стоит изображение детских игр в черного ворона, который приедет и заберет, если не будешь слушаться. Игра – кошмар детства, ведь у всех у них в памяти «воронок», увезший их родителей. И только Ганна-дурочка – символ России, мятой и клятой, и постоянно возрождающейся, сохраняет свою светлоту духа в аду.

«Вечной пионерке», Тракторине, во все времена противопоставляются, то бабка Харитина, то баба Маня, – символы истинно народной чистоты и великодушия.

Одно из самых захватывающих мест – описание праздника Пасхи в селе, где, во избежание высылки, все жители прикидываются глухонемыми и, лишь слышат песнопения Ганны во славу Господа – ведь она не может говорить, а только петь, – начинают ей вторить, славя Пасху, и председатель ближнего колхоза тут же их «накрывает» и велит записываться в колхоз, но они – опять немые и, равнодушно глядя на него, отворачиваются и спокойно уходят. Народ безмолвствует – но не покоряется. Не менее ярко описан эпизод с крещением селян в проруби под звуки ожившего колокола, которому ретивые комсомольцы недавно вырвали язык. Это ли не символ воскрешения России!

Речевые характеристики в романе лепят человеческие характеры, художественный метод С. Василенко – историчность характеров, проникнутых психологической правдой. Как удалось выяснить, роман написан с помощью воспоминаний очевидцев многих трагических эпизодов, описанных в нем: раскулачивание, время, когда «отец – на сына, а брат – на брата», церковный колокол с вырванным языком, изнасилованная девочка-дурочка разве же не требуют по сей день суда истории? Светлана Василенко вершит его в своем романе, который изобилует множеством художественных находок – метафор, эпитетов, доселе нигде мною не встреченных.

«Дурочка» едва ли не лучшее, что мне довелось прочесть за последние годы.

Лавиния Мятлева
ПРОГУЛКА ПО ЛУННОЙ ДОРОЖКЕ
(к экранизации романа Михаила Булгакова
«Мастер и Маргарита», 2005)

В десятисерийной постановке Владимира Бортко использовано множество сложных компьютерных трюков, о коих хочется забыть, чтобы вникнуть в глубинный смысл булгаковского «апокрифа».

Почему я называю произведение Булгакова «апокрифом»? Потому что никуда не деться от простой истины, звучащей в конце фильма: кому нужно было бы добро, если не было бы зла? – так спрашивает блистательный Воланд (Олег Басилашвили) у Леви Матвея, вечного «фиксатора» речений и деяний Христа.

И в самом деле, если бы в мире был сплошной свет, откуда бы взяться тени? Такой мир должен быть выхолощен, в нем нет никого и ничего, что отбрасывало бы тень? Но кому нужен подобный мир?

Добро и зло – равновесны. В тюркском фольклоре каждый человек несет на левом плече демона зла, а на правом – демона добра. И, пускаясь в путь, или приступая к

важному делу, он кидает через правое и левое плечо щепотку зерна – подкармливает духов добра и зла, чтобы жизненное равновесие не было нарушено.

Человек соткан из тьмы и света. Иначе он не отбрасывал бы тени. Он был бы некой бесплотной сущностью, неспособной ни на зло, ни на добро, а, стало быть, – ни на какие деяния.

Согласуется ли это с текстом Святого Писания? Не знаю. Булгаков, видимо, – знал. Потому его, возможно, слишком развязная Маргарита, которая и материться даже способна (на удивление зрителю – ведь она все-таки «дама», пусть всего лишь тридцатых годов!), эта лихо гикающая Маргарита согласится быть королевой бала у Сатаны и наденет железные туфли, из-под которых будет сочиться кровь, и наденет тяжелую железную корону, которая станет ее терновым венцом – на лбу у нее появятся струйки крови, она перенесет все ради любви к Мастеру. Мастер – это ее *Добро*. И она это *Добро* спасает – но как? Служа Сатане.

Не может не впечатлить дуэт Пилата (Кирилл Лавров) и начальника тайной полиции Ефраима. Какая тонкая перекидка Булгакова в *его* время из глубины веков! Ничего не велено, ничего не приказано, но все угадано и все выполнено...

И сколь близка была Булгакову тема *трусости* – самого тяжкого смертного греха! Она пронизывает весь фильм. Пилат, всемогущий прокуратор Иудеи – всего лишь раб императора Тиберия. Пилата боятся все, а он – Тиберия. И страх этот заставляет его, человека явно «равновесного», сотканного из добра и зла, как и надлежит не манекену, а живому существу, пронизанному мирскими тьмой и светом, – страх (столь знакомый Булгакову!) заставляет его пойти против собственного внутреннего голоса и обречь Иешуа на распятие. Но – Пилат именно «равновесный» человек. И он, исподволь, опять же в столь близких нашей эпохе полунамеках («есть мнение!», «мы тут посоветались!»...)

приказывает зарезать предателя Иуду. И что же? Зло наказано, но спасло ли это Христа? А – могло бы. Если бы Пилат не поддавался трусости...

Момент, возможно, мало кем замеченный: подаренный на память перстень с кроваво-красным камнем – знак особого расположения Пилата за удачно угаданный приказ «убрать» Иуду, начальник полиции Ефраим выбрасывает вон и перстень с легким звоном катится по лестнице...

Даже он, много чего повидавший и содежавший на службе у прокуратора, отвергает дар за попытку искупить изначальную трусость.

Трусость искупить, а тем более «исправить» нельзя. И Булгакову в эпоху Моссолитовских единоголосных осуждений, а впоследствии, как ни в чем не бывало, простодушных покаяний («я – как все!» или «не отважился проголосовать по другому!»...) невозможность искупления трусости хорошо известна.

Но – ведь сказано – «апокриф».

Почти две тысячи лет ждет отпущения греха трусости Пилат. И дождетя. И вновь *Зло* спасает *Добро*. Сатана научает Мастера, как освободить Пилата от беспросветного ожидания. «Свободен!» – слышит Пилат. И открывается перед ним в ночь полнолуния сияющая дорожка, на которой ждет его Иешуа. Отныне, помяная одного, каждый невольно вспомнит другого. Вот оно, жизненное равновесие: на лунной дорожке пойдут они в вечность, неразлучны в людской памяти – носитель самого тяжкого греха, трусости, и тот, кто призван был искоренить зло. Был ли бы Он столь необходим человечеству, если бы мир оказался стерильно беспорочным?

Каков же Иешуа в названной постановке? По маловыразительности своей (актер Сергей Безруков) запоминается слабо. Такой Иешуа не мог сказать: «Я принес вам не мир, но меч!».

Право же, этот актер куда колоритнее в роли Есенина, хотя и вылепленный им образ куда как мало привлекателен – но это уже другая тема...

О коте Бегемоте: впечатляющий кот! Но голос, голос! «Озвучивали» кота явно не знатоки и не поклонники «котиного племени». Кот – существо вальяжное, вкрадчиво-нагловатое, особенно – *такой* кот. Нет, здесь Бегемот говорит явно не своим голосом!

Но, пошутив, – к сути.

Столь ли легко читаем Иуда и столь ли изучена его роль в гибели Иисуса (см. «Апокрифическую повесть» в разделе «Изыщная словесность»).

Иуда и его кончина (повесился на осине? заколот по велению Пилата?) – загадка. Возможно, после католической Пасхи этого года многое неизвестное мы узнаем. Ибо еще в 50-60-е годы прошлого века в Египте было найдено Евангелие от Иуды. Швейцарские исследователи проследили путь этого манускрипта – 62 страницы папируса – который много раз перепродавался – никто не догадывался о его истинной ценности.

Сейчас, вновь обнаруженный среди старых рукописей и обследованный с помощью современных технологий текст относят к III или IV столетию нашей эры, стало быть, написал его не сам Иуда, а кто-нибудь из его учеников. Значит, он не повесился и его не закололи, и голос его дошел к нам через века?

И опять загадка.

Ведь Евангелие от Иуды еще во II веке уже было признано еретическим и загадочно исчезло...

Как жаль, что Булгаков до сей поры не дожил. Кто знает, каким многояким персонажем обогатился бы его роман «Мастер и Маргарита»...

Февраль 2006г.

Переводы

Фабьенн Вердье
ПАССАЖИР ТИШИНЫ

Главы из повести
(Начало см. «ГС» №2, с. 680-693)

Моя мечта сбылась – Учитель пришел в гости, он спокойно глядел на меня с порога комнаты.
 Хуанг-Юань закрутил сигарку:

– Приготовь немного чаю. Вообще, я совершаю полнейшую глупость, ведь ты иностранка. Но, проверяя в течение шести месяцев присланные тобою упражнения, уже по почерку понял состояние твоего духа. Многое показалось мне неожиданным. Ты сама выбрала образцы для копирования?

– Да. Один знакомый молодой ученый, который живет затворником в маленьком чулане, посоветовал купить книжечки с репродукциями известных мастеров каллиграфии. Я остановила свой выбор на том, что мне понравилось – разбиралась самостоятельно, с помощью словарей.

– Ты приобщилась к настоящей культуре. Это действительно великие мастера. Я чувствую внутреннюю связь с тобою, и она даже сильнее, чем родственные узы с собственным сыном. Взаимовлечение будет источником, питающим наше сотрудничество. Очень впечатлен твоими успехами, необычными для западной девушки – за пятьдесят лет работы в университете впервые встречаю такую одаренную, с развитой интуицией, студентку, которая не боится мыслить. Увы, с начала культурной революции моим мнением мало кто интересовался, но теперь я сделаю официальный запрос, чтобы подтвердить звание мэтра. Нам необходимо «легализоваться», не прятаться же по вечерам! Будем понемногу продвигаться вглубь. Но предупреждаю, – необходимо десять лет обучения, или вовсе не стоит браться!

С высоты моей двадцатой весны я была счастлива услышать «да», и без колебания согласилась на его предложение.

Учителю выпало пережить изнурительные организационные хлопоты. Правда, директор и переводчица оказали кое-какую помощь, даже партийный работник почувствовал

Мало что на свете может сравниться со скукой,
 которую вызывает в нас точный перевод.

Марк Твен

ко мне симпатию, и обратился в более высокие инстанции, потому что мэтра еще не реабилитировали после Революции.

Наконец, он получил разрешение давать уроки два-три раза в неделю, чтобы «научить иностранку каллиграфии».

Победа! Оказалось, что под расплывчатым «овладеть практикой владения кистью» подразумевается также знакомство с поэзией, философией, музыкой и живописью, то есть с самим духом творцов письма!

В Китае искусство каллиграфии многолетне сознательно разрушалось, но в восьмидесятых годах все же снова стали печатать труды старинных и современных авторов.

– Я не покажу, как обращаться с кистью, до тех пор, пока не поймешь секреты гравировки. Тексты знаменитых каллиграфов сначала высекались и печатались с каменных матриц. Только работая с резцом, постигаешь внутреннюю суть Учения. Вот адрес самого признанного мастера провинции – иди к нему. На него обрушилось огромное несчастье – поддержи, если сможешь.

Утром я отправилась с рекомендательным письмом на поиски гравера Шенг-Жун. До запыленного района возле русской электростанции добиралась долго. Казалось, в здешней округе пролился дождь из сплошной сажи. Люди тут безнадежно заболели еще молодыми.

* * *

Постучала в дверь – открыл человек, у которого отсутствовала правая кисть.

– Вы мадемуазель Фа, я предупрежден о Вашем приходе!

Скудная обстановка. Но мне сразу же бросились в глаза отпечатки знаменитых каллиграфий на стенах.

– Не бойтесь, – сказал хозяин, наливая чай.

Шенг-Жун рассказал, сколько довелось ему пережить. Во время Революции совершено много подлостей и жестокости – великому мастеру традиционного искусства изуродовали руку.

Он сохранял удивительную стойкость духа.

– Не бойся моей руки. Видишь, я по-прежнему дееспособен, несмотря на то, что ее отрубили.

Он надел маленький кожаный футляр, который защищал обрубок, и, придерживая камень, приступил к шлифовке.

Обвиненного в «пропаганде реакционного культа» и объявленного «пособником феодализма» Шенг-Жун подвергли пыткам и поставили вне общества. Теперь он получал так называемую «принудительную», мизерную, пенсию.

* * *

Ни одну семью не пощадила Культурная Революция. В любой момент обвинитель мог стать обвиненным, и не было никакого способа избежать жестокого наказания. Иметь собственную точку зрения отваживались далеко не все – не дай бог, запишут во враги народа, и тогда на пощаду не рассчитывай! Один «идеологически невыдержанный» преподаватель взобрался на подоконник последнего этажа, собираясь спрыгнуть вниз, но чудом спасся: его «маоистски» подкованный преследователь почему-то замешкался, и за это поплатился – ему отрезали пальцы рук, били, таскали по улицам среди глумящихся толп, в дурацком бумажном колпаке, на груди – таблица с перечнем его «преступлений». Иные кончали жизнь самоубийством, что приветствовалось криками радости:

– Осознали свою вину!

Дочь знаменитого ученого отправили кассиром в супермаркет – покупатели насмехались и издевались над ней. Не стерпев унижений, она приняла смертельную дозу яда.

Жены доносили на мужей, дети на родителей.

Но времена инквизиции минули, и теперь палачи и уцелевшие жертвы вынуждены постоянно соприкасаться – мученики с мучителями, испытывая постоянную не только неловкость, но также страх и ненависть. Когда пути их

пересекались, – довольно было взгляда, жеста, поворота головы, чтобы молча сказать *о главном*. Все университетское сообщество пропитано атмосферой былых костоломных разборок, и малейший повод мог стать причиной взрыва. Исцеление принесет лишь время – подарит покой и забвение несчастным.

В слабых людях авторитарные режимы уничтожают естественное тяготение к свободе и утверждению индивидуальности, но подлинно масштабная личность (подобно Шенг-Жуну) жестокий прессинг человеконенавистнической системы, напротив, заставляет мобилизовать внутренние резервы действенной энергии и стремление к познанию. Жизненная стойкость подвигает подобные личности к открытию сокровенных истин. Действуя в одиночку и под запретом, они постигали то, к чему невозможно бы приблизиться в обычных условиях. Теперь они дарили мне плод своего духовного преображения – спасенное и возрожденное искусство.

Разве можно пренебречь источником удивительных нетрадиционных знаний? Я готова была отдать все силы на их постижение, хотя бы в знак благодарности к моим учителям за их терпение и щедрость, и проводила долгие месяцы, копируя печати великих мастеров.

Вместе с Шенг-Жун мы искали на рынке специальные камни-стеатиты для гравюр. Я работала ночью. Мастер поправлял меня, объясняя каждую линию, ее поэтический и философский смысл. И я увидела в гравировке такое же волнующее искусство, как большая живопись – поняла, почему Ван-Юй-Дуй, один из крупнейших китайских поэтов двадцатого века, посвятил ему свое творчество. Печать, которую художник ставит на холсте или бумаге, играет особую роль – она должна прояснить дух картины и гармонизировать с ней. Своеобразный стиль оттисков был присущ даже самым ранним формам письма – оказалось, что в штампе глубоко запечатлевается почерк и настроение, что помогает сегодня расшифровать

каллиграфию древности.

Другие носители письменности не так защищены от разрушающего воздействия времени, как камень – бронза, например, зеленеет и разлагается.

Я копировала великих мастеров от династии Шанг до эпохи «Весны и Осени» – вырезала миниатюрных зверей, усваивая характер разных стилей, таких как «Висящая стрела» или «Птица и насекомое».

Бедность заставляла нас использовать для гравировки каждую грань камня, – к сожалению, часто приходилось стачивать предыдущую работу, чтоб освободить крошечную площадку для следующей.

Искусство «железной кисти» – так называли долото – изнурительно. Иногда от усталости и с непривычки, а, порой, оттого, что поленилась положить камень в маленькую палисандровую коробочку, приходилось держать его левой рукой, а правая скользила ножом по поверхности, и лезвие больно впивалось в пальцы.

– Это нормально, – утешал учитель. – Мастерство «врастает» в тебя!

Вечерами я переводила со словарем старинные надписи и находила в них поэзию и тонкий юмор. Благодаря писателю Ши-Тао узнала о книге монаха Ситруиль Амер, который назывался также Последователем Великой Чистоты, или Священным Слепцом. Запомнился также черный монах Бада Шапрон – его печати отличались многообразием сюжетов: «Особый снег», «Осел», «Дровосек, рассекающий тучи». Мастер позволил мне создавать и свои собственные оригинальные оттиски, и я «самовыражала» в них себя, называя «Ураган кистей», «Вселенная для Учителя», «Вареный Овощ», «Взбесившаяся Тигрица» или «Невежа перед Вечностью».

* * *

Через несколько месяцев я вернулась к Хуанг-Юань и показала ему свои работы.

– Неплохо! – сказал он, поглядывая на мои израненные руки.

То, что я параллельно делала в университете в мастерской «традиционной живописи», он не удостоил внимания, пояснив, что мне надо забыть все, чему меня учили прежде.

– Все – в корзину! Теперь в течение полугода ты будешь писать только линии, они – как камни в строительстве дома. Причем основными являются горизонтальные; в сочетании с остальными они предлагают миллион возможностей. Если ты не овладеешь этой наукой, мы не сможем двигаться дальше и не освоим стили. Помни о начале *Классического пути* и *Свойствах Лао-Цзы*: единое порождает парность, парность создает тройность, и только потом возникает многообразие существования.

– Кажется, какой-то знаменитый древний грек тоже сказал: все вещи сокрыты в одной, а одна – во всех, – вспомнила я.

Сначала он научил меня растирать палочки туши о камень – во время этого ритуала важно сосредоточиться – «отходить от людей и создавать пустоту внутри себя». Показал, как обмакивать кисть и как, преодолевая гравитацию, удерживать на ней капли жидкости – получается подобие маятника, объединяющего центр Земли со Вселенной. Говорил, что надо правильно держать корпус – стоять очень прямо, не мешая циркуляции энергии от Преисподней до Неба через тело: я должна уподобиться громоотводу, принимающему мощные флюиды Космоса. Никак не предполагала, что рисование линий на белом чистом листе потребует понимания законов физики!

Учитель заглядывал ко мне ненадолго, а потом вновь оставлял наедине с упражнениями, моим *hwa*.

– Я бы хотел, чтоб твои линии походили на некое туманное образование с еле уловимой изменчивостью облаков и дуновениями, оживляющими мертвую материю.

И он снова уходил, а я постигала смысл его слов:

– Представь собаку, ее тазобедренный остов, попробуй передать в творчестве эту кость: рисуй с мыслью, что внутри нее тоже есть мозг и движение!

И я неделю думала о бедрах собаки, и даже заслужила похвалу:

– Уже лучше, но все-таки не хватает жизни! Почувствуй сердцем душу растения, как оно развивается изнутри, пусть и незаметно снаружи.

Его замечания были полны образности:

– В твоих линиях нет воды, а ведь она – первооснова всего, и человек без нее – как без кожи! Порамышляй о волнах, влажном воздухе, тучах, окружающих горы – и старайся передать их эманацию в мазках!

Навещавшие мой дом товарищи не могли удержаться от насмешек.

– Ты приложила столько усилий, чтобы попасть в Китай, а пишешь только линии!

Однако интерес к каллиграфии лишь разгорался. Порой за день мэтр не устаивал меня ни словом. Он пил чай, курил, болтал с майной, но никто не умел так стимулировать мышление: я стала воспринимать кисть как часть собственного естества.

– Ты ездила верхом на лошади?

– Да.

– А как ты останавливала ее?

– Тянула за повод.

– А можешь ты линией передать это движение рук?

Его наставления сводились к одному – «оживить материю»! Для него каллиграфия была разновидностью иносказания, способом передачи физического состояния и духовного настроения художника, но все это мне лишь предстояло осмыслить...

Перевод с французского Елены Толстиковой.

Продолжение следует.

Джон Китс
О, СТРАННИК НА ЗЕМЛЕ, ХРАНИ СВОЙ
ПУТЬ-УЗОР!

Сонет сну

О, целебный бальзам ночной тишины!
 Околдуй сна перстами мой ласковый мрак
 И в божественной плоти глазниц глубины
 Затемни мыслей вечных горящий маяк!

О, живительный сон! Подари же свой гимн
 Моим жаждущим мира усталым глазам!
 Прошепчу Богу кротко и слезно – «Аминь!»
 И бродить с сонным маком уйду по Мирам,
 И страданья больным облегчать буду им!

Но падет, как спасенье, на подушку пятно –
 Скорби прочь! Совесть тихо проснулась жива,
 И бесшумно, как крот, проникает тепло,
 Будто ключ сквозь смолистую прорезь замка,
 И вливается в Душу ...О, свет, пилигрим!

Сонет одиночеству

О, одиночество! Раз я тобою жив ,
 Не дай бродить мне мыслью по карнизам
 Полночных зданий ...Верь моим капризам:
 В обсерваторию Природы, словно гриф,

Я вознесусь!.. Пусть вереск и волна
 Хранит в полете тайный угол зренья ...
 Земную сень шатра пронзит вдруг тень оленья,
 Пугая дикую пчелу у наперстянки ...И вольна

Ты наблюдать со мной всю радость удивленья
 От сцен земных ... И в лепете невинного ума
 Души моей пусть призраки-слова роняют кружева
 На Мир внизу... О, Вечность вдохновенья!

О, странник на Земле, храни свой путь-узор!

О, Мир Любви – замри и не дыши ,
 Когда в полете две родных Души!

Когда я боюсь
(сонет)

Иногда я боюсь, что могу перестать быть собой,
 Прежде, чем по крупицам письмо мое станет богаче,
 Прежде, чем в грудах книг зарифмую небесный покой,
 Из амбаров зерно я раздам полновесной удаче!

Но узнаю ль тогда ночи звездной родное лицо,
 Разгляжу ли я в нем романтично-высокие знаки?
 Иль закрою глаза, вознесясь в колдовское кольцо
 Этих странных теней, облаченных в небесные фраки?!

Пусть пробьет этот час моего Бытия ,
 Даже если с тобой не увижусь я больше ...
 Никогда не вкушу я любви! И струя
 Бед безумных сильнее, чернее и горше!

На краю Мирозданья в мыслях я одинок,
 Слава, Верность-Любовь - только Леты глоток!

Яркая звезда

Как в яркую звезду, искрящую в ночи,
 Я верю только в божество Искусства,
 Алкая вечными глазами звездность чувства!
 Отшельник, в дверь Природы постучи!

И, как священник, выполни задание:
 Омой берега Земли от Вечного Страданья;
 И свежей маске снега улыбнись,
 Покрывшей вереск ... Это тоже Жизнь!

Джон Китс

Но я все тот же твердый ,неизменный,
 Приду в твой сон, любимая моя,
 На грудь твою, вновь голову клоня,
 Чтоб чувствовать биение Вселенной!

С тобой мы Вечны в обмороке сна –
 Нам Смерть-Старуха больше не страшна!

Сонет поэту

Во время утра, полдня, дня и ночи
 На крыльях мага в воздухе лечу
 И талисманом вызвать вас хочу,
 О, Духи трав, пещер, воды...Вам в очи

До сердцевины в сущности вхожу,
 Где элементы тайные слежу,
 Добра и Зла, Любви и Красоты!
 О, знания – оковы пустоты ...

Но тайны Духа я познать спешу,
 На крыльях мистики вновь с ужасом лечу
 К Небесной Силе!.. О, запретный плод
 Незрелых мыслей и мирских забот!

Пусть нить Времен, что рвется на Земле,
 Сплетет нимб Вечности на смертной голове!

На смерть

Ужель Смерть – сон, а Жизнь – увы, мечта,
 А миг блаженства – только путник-призрак?
 И краткость удовольствий – тень Креста,
 И пляски Смерти – Жизни признак?

О, странник на Земле, храни свой путь-узор,
 Прими, восстав из сна, грядущий приговор!

Перевод с английского Петра Кузнецова.

Памяти белого генерала А.Т. Антоновича

Сергей Папков
В ТУПИКЕ

**Последние дни Академии Генштаба и
Белой Армии на Востоке России
в описании генерала Антоновича**

Генерал Антонович Александр Трифонович принадлежал к числу тех военных деятелей Белого движения, которые не занимали высших постов в действующей армии, но вместе с Белой армией прошли через несколько фронтов гражданской войны в России, были свидетелями и непосредственными участниками многих драматических ее эпизодов. Находясь с 1918 по 1922 гг. в различных очагах борьбы с революционной стихией, Антоновичу пришлось разделить ответственность и участь большинства русских офицеров, выбравших путь сопротивления большевизму - примкнуть к Белому движению, а в конце этого пути пасть жертвой политической мести со стороны победителей. Он занимал крупные военные должности в штабе армии Колчака, служил в штабе войск Приморской области, как преподаватель Академии Генерального штаба принимал участие в подготовке офицерских кадров для Белой армии.

Практически вся жизнь А.Т.Антоновича, начиная с юности, была связана с Русской армией. Он родился 23 августа 1877 г. в г. Мглине Черниговской губернии. Среднее образование получил в Полтавском Петровском кадетском корпусе, а после его окончания в 1896 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. В августе 1900 г. молодой подпоручик полевой артиллерии был зачислен в Гвардию. Дальнейшее его образование проходило в Академии Генерального штаба. Окончив Академию в 1907 г., Антонович в течение двух лет командовал ротой лейб-гвардии Егерского полка, а затем был переведен в распоряжение Генштаба, чтобы продолжить специальную штабную карьеру: служил адъютантом штаба 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (близ Верхнеудинска), а позднее – 32-й пехотной дивизии в г. Ровно

Больше всего притоков у реки забвения.

Валентин Домиль

Волынской губернии. Затем началась Первая мировая война. В сентябре 1914 г. Антонович получил назначение на российско-германский фронт в качестве штаб-офицера. С весны 1915 г. уже в чине подполковника он стал возглавлять штаб пехотной дивизии. Через год стал полковником, командовал 9-м Гренадерским Сибирским полком. Завершил свою боевую службу в старой армии в середине 1918 г. в должности генерала, на посту командующего 25-м армейским корпусом.

Важную часть своей военной карьеры А.Т.Антонович посвятил Академии Генерального штаба Русской армии. Самой армии в это время уже не было. Она распалась в начале 1918 г. Но Академия и ее немногочисленные слушатели и преподаватели после революционного переворота продолжали вести свою традиционную работу в необычных условиях. В штат преподавателей Академии полковник Антонович был зачислен после возвращения с фронта в Москву в июне 1918 г. Гражданская война в это время начинала входить в кульминационный период. Под натиском наступающих белых сил большевистская власть в столице принимала срочные меры. Служащие и все имущество Академии, включая библиотеку, были эвакуированы в Екатеринбург. С этого периода началась странная кочевая жизнь Академии и ее личного состава во главе с начальником Академии профессором А.И. Андогским¹. «В июле 1918 г., - пишет в своей биографии Антонович, - я прибыл в Екатеринбург и, едва успев принять отделение, не ознакомившись персонально с каждым слушателем, как нужно было приступить к упаковке имущества, так как последовало распоряжение из Москвы об эвакуации Академии из Екатеринбурга в Казань и, быть может, в город, расположенный глубже в центральной России. Была угроза с Востока (движение чехов). Началась укладка имущества, и эшелон Академии отправился в конце июля...»² Но военные события резко изменили этот план. Через несколько часов после отхода эшелона Академии в Екатеринбург вступили отряды белочехов и казаков. Оставшаяся часть имущества и большинство персонала академии оказались на антибольшевистской

территории в качестве военного трофея Сибирской армии и ее командующего Гришина-Алмазова³. Новые хозяева Академии стали искать ей соответствующее применение. Осмотрев академическое имущество, - пишет Антонович, - командующий «высказал требование незамедлительно отправить его и весь наличный состав Академии вглубь Сибири и остановился на Томске как университетском городе. Приказ об отправлении вскоре последовал»⁴.

Перебравшись в тихий и благополучный сибирский город, персонал Академии наконец смог приступить к своей привычной деятельности. Были оборудованы помещения, размещены преподаватели и слушатели, начались регулярные занятия на младшем курсе. Полковник Антонович руководил практическими занятиями по тактике в нескольких партиях (группах) и одновременно исполнял обязанности управляющего делами Академии. Но занятия продолжались только два с половиной месяца. В ноябре 1918 г. политическая власть в Сибири перешла в руки адмирала Колчака, и борьба на фронтах против сил Красной Армии приняла более широкий масштаб. Для организации оперативно-штабной работы в армии Колчака были привлечены и специалисты Академии Генштаба. Начальник Академии, профессор Андогский, получил назначение на пост 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. Полковник Антонович принял (с 29.04.1919) должность дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем, а затем – 3-го генерал-квартирмейстера Ставки (с 14.06.1919). Спустя несколько дней по приказу Колчака ему было присвоено звание генерал-майора «за отличия по службе».

Описывая этот период своей карьеры, Антонович отмечает, что в ставке Белой армии царила обстановка, при которой достижение военных успехов становилось очень трудной проблемой. В системе командования отсутствовала строгая и ясная структура управления войсками, непрерывно шли организационные изменения: «Характерной чертой... было стремление к разбуханию учреждений и созданию лицами, появившимися у власти, для себя постов; нередко отделение,

входившее в состав какого либо отдела управления, по инициативе его начальника постепенно разрасталось до целого самостоятельного управления, глава которого получал право непосредственного доклада чуть ли не у Верховного Главнокомандующего. (...) Достаточно сказать, что за мое пребывание в Омске Ставка переформировывалась чуть ли не три раза; и это за какие-нибудь три-четыре месяца»⁵.

Армия Колчака тем временем уже катилась к неминуемой гибели. Под ударами красных войск она несла большие потери, отступая все далее на восток. В ходе очередной поспешной реорганизации Ставки генерал Антонович получил временное освобождение и решил оставить штабную работу. Он не стал принимать новых предложений, а отправился вслед своей Академии, которая в это время уже эвакуировалась из Томска во Владивосток, на Русский остров. Погрузившись в один из эшелонов в Иркутске, Антонович добрался до территории Дальнего Востока, находившейся под формальным контролем частей генерала Розанова⁶, командующего войсками Приамурского военного округа. Реально, однако, хозяином положения здесь была японская оккупационная армия. По настоянию, а затем и по приказу Розанова Антонович становится начальником штаба округа. Как пишет он, я «был начальником штаба юридически, но не фактически, скорее – частным посторонним наблюдателем развивающихся перед моими глазами картин. Войсковые части таяли, люди уходили в сопки не только одиночным порядком, но и целыми организационными единицами. Видно уже было, что власть в агонии, но все еще старается удержаться»⁷.

В новой должности генерал Антонович оставался лишь несколько дней. В конце января 1920 г. в обстановке политического хаоса, царившего на всей территории Приморья, в ходе очередного вооруженного мятежа власть в крае перешла к представителям земства: с 31 января «правительством» здесь стала Областная Земская управа. Антонович сообщает: «Генерал Розанов бежал из своей квартиры, а я остался добровольно в штабе и был арестован 3-й ротой 35 стрелкового

полка, с которой пришли представители американской службы, майоры Джонсон и Грэвс. Числа 2-го или 3-го я был освобожден и мог вновь возвратиться в Академию к штатному месту службы и оставаться совершенно посторонним наблюдателем всех последующих событий»⁸.

В отличие от многих офицеров и служащих свергнутого режима, спешно покидавших страну после разгрома Белой армии, Антонович решил остаться на родине. Он вернулся в Академию Генштаба и был восстановлен в прежней должности. Академию теперь возглавил генерал А.И. Медведев⁹. «Работы было сравнительно немного, - пишет Антонович, - и это дало мне возможность несколько восстановить здоровье и познакомиться с бухгалтерией, знание которой мне пригодилось впоследствии. (...) В середине апреля меня пригласил к себе вновь назначенный Командующим войсками генерал Болдырев¹⁰ и предложил занять должность начальника штаба войск. Я дал согласие»¹¹.

Служба на новом посту представляла собой набор нетрадиционных функций, сводившихся главным образом к переговорам с японским командованием о захваченной российской собственности и передаче ее в руки новых властей. «Положение русского командования было весьма тяжелым, - отмечал Антонович. – Фактически войск не было; была милиция и резерв ее, доведенный после долгих разговоров в согласительной комиссии до 4-5 тыс. Оружие и вообще все военное имущество, не исключая и казенных помещений, было в непосредственном ведении японцев, и получить что-либо можно было только после рассмотрения возникавшего вопроса в соответствующей согласительной комиссии»¹².

В середине декабря 1920 г. Антонович прекратил сначала военную службу, а затем и преподавательскую деятельность в Академии Генштаба, которая теперь покинула пределы Дальнего Востока (остров Русский) и перешла в распоряжение Красной Армии. Еще несколько месяцев он оставался без работы, а с мая 1921 г. получил место бухгалтера в торговой фирме «Товарищество «Бр. Анкудиновы».

К началу 1923 г. политическое положение в Советской России стабилизировалось; новая власть начала применять акты амнистии в отношении бывших участников Белого движения и теперь, казалось, наступало время для более спокойной и безопасной жизни. Антонович и несколько других офицеров, его коллег, оставшихся на Дальнем Востоке, приняли решение возвратиться на родину, в Москву. Вместе со своими семьями они отправились по железной дороге на запад. Но, добравшись до Новониколаевска (Новосибирска), вся группа была задержана чекистами транспортного отдела ГПУ. При обыске у Антоновича чекисты изъяли дневниковые записи и открыли следствие по делу о «контрреволюционной деятельности». Рукописные материалы Антоновича стали одним из главных «вещественных доказательств» для обвинения. После нескольких допросов в феврале 1923 г. генерал был выпущен на свободу до окончательного выяснения его «виновности перед советской властью» и смог покинуть пределы Сибири. Он поселился с семьей сначала в Рязани, а затем уехал в Москву на свою прежнюю квартиру на Зубовском бульваре.

В Новониколаевске между тем чекистское следствие продолжалось. Оно завершилось только в декабре 1925 г. решением о прекращении дела. Обвинительное заключение, составленное следователем Сибирского краевого суда Сивойхой, гласило: «...Принимая во внимание, что единственными уликами против Антоновича является его собственный дневник, из которого видно, что Антонович был идейным противником Советской власти и на протяжении всей гражданской войны в большинстве занимал технические должности и не старался занять высокие командные должности, а использовался только как технический и стратегический специалист, отчего, по его объяснению, он не мог отказаться, будучи военным человеком; что в ставку командующего японскими экспедиционными войсками он ездил по приглашению генерала Розанова как присутствующий; что настоящее преступление носит исторический характер, и что Антонович в настоящее время не является социально-опасным

для Советской власти, ...полагал бы дело прекратить за нецелесообразностью предавать суду»¹³.

Закончил свой путь генерал Антонович так же, как многие другие офицеры, не покинувшие советской России: в период террора он был вновь арестован и (по данным исследователя С.В.Волкова) умер в Красноярской тюрьме.

Текст дневника Антоновича воспроизводится по машинописной копии с небольшими неизбежными правками. Биографические справки в примечаниях к предисловию и тексту дневника составлены на основании: *Клавинг Вальерий*. Гражданская война в России: Белые армии. – М.–Спб., 2003; Он же: Высшие офицеры Белых армий. – Спб., 2005; *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. – Спб.–М., 2002, и некоторых других изданий.

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА АНТОНОВИЧА

*31/18 июля 1918 г. Екатеринбург, Тимофеевская
Набережная, д.11, кв.2*

Перерыв почтовых сообщений с центром России – свершившийся факт с момента вступления чехо-словаков в Екатеринбург; случилось это в ночь с 24 на 25 июля – моего дежурства по дому.

Утро 25-го – новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезненно совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули.

В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью, ждал и озирался, делился своей радостью с другими, себе подобными, шепотом. Зато на другой и в последующие дни поднял голову и начал смело глядеть. «Буржуи», ранее присмирившие, уплотненные донельзя в своих хорах, стали разбухать, повылазили, на улицах появились костюмы, запряженные рысаками экипажи. Встречные поздравляли друг друга.

Настроение толпы праздничное, ликующее: почти девятемесечный гнет и террор пали, отошли назад, стали прошлым тяжелым кошмарным сном. Разруха, отсутствие самого необходимого даже для невзыскательного и нетребовательного потребителя, неимоверная дороговизна (после освобождения цены на продукты заметно понижаются) – напоминают о пережитом. Толпа нарядна, весела, бодра; у отдельных лиц, ее составляющих, явилась энергия.

Сегодня был в доме, где жила семья бывшего Государя, которая в данное время, по непроверенным еще сведениям, убита и сожжена¹. Тяжелое впечатление; видимо, все расхищено. Много мелочей, ясно говорящих об издевательствах, которым подвергались заключенные – хотя и в хорошем доме, но стесненные до крайности. Остались некоторые книги с инициалами Ал. Фед.² преимущественно духовного содержания да множество бутылочек из-под лекарств. Обстановка вся увезена. За убийство говорят найденные вещи в костре у одного завода, находящегося в верстах 20 от Екатеринбурга. Вещи опознаны камердинером, каким-то, по моему мнению, чудом оставшемуся в Екатеринбурге. История темная, требующая тщательного расследования. Прокуратура взяла дело в свои руки.

Сегодняшний день – день тяжелых впечатлений: был (в числе публики) на погребальной процессии жертв людских страстей и злобы: хоронили 17 человек расстрелянных большевиками заложников. Народ заполнил улицу. Порядок полный, поддерживаемый тем же народом. Грустная картина.

26 июля/ 8 августа 1918 г. Екатеринбург

Последние дни несколько выделились и не были похожи на прочие тоскливые, скучные будни.

Большевики принуждены были бежать и уступить власть.

Раннее утро 26 июля (13) принесло населению избавление от насилий, кровавых расправ и произвола; кто будет править – пока не выяснено.

Народился «Временный Комитет народной власти», взявший бразды правления в свои руки. Заговорили об образовании

Областного правительства. Мы – члены комиссии по охране академического имущества – продолжали свою работу, стремясь сохранить нейтралитет и тем обезопасить от насилий большевиков лиц, уехавших с академическим эшеломом³. Чествование избавителей (чехо-словаков, казаков и войск добровольческой армии Сибирского правительства⁴), а затем и другие события нарушили нашу спокойную работу. На имя начальника Академии стали поступать за подписью неизвестных нам, членам комиссии, лиц телеграммы, указывающие, что оставшихся офицеров Генштаба желают использовать по своему усмотрению, не считаясь с постановлением конференции Академии. Заговорили и об эвакуации Академии; в представлении каждого члена комиссии картина получилась мрачная. Наконец, получили и приказ по фамилиям оставшихся в Екатеринбурге при Академии штаб-офицеров.

Столь бесцеремонное отношение и поспешность в получении предписаний об отправлении в Омск в распоряжение генкварма ген.–майора Попова⁵, вызвали с нашей стороны протесты, и я свое удивление и возмущение доложил председателю комиссии, он же и вр. и д. начальника Академии, Григорию Григорьевичу Христиани⁶ и встретил с его стороны поддержку и согласие.

Приезд Командующего Сибирской армией и Управляющего Временным Сибирским правительством ген.–майора Гришина-Алмазова⁷, его разговоры совершенно рассеяли мрачную картину; явилась надежда на лучшее будущее нашей Родины, надежда на возрождение армии на разумных началах и принципах, освященных веками и выработанных военной наукой. Все начертанное ген. Гришиным-Алмазовым близко нашему сердцу и как-то не верится в возможность осуществления при современной всеобщей разрухе. Ценно, что Сибирь, стремившаяся, как нам казалось, отмежеваться от России, по словам генерала, об этом не думает, и лица, почуявшие оздоровление масс, воспользовались и сейчас налаживают дело, имея в виду единую неделимую Россию, налаживают Временное Сибирское правительство,

которое передаст всю власть Центральному Российскому правительству и Учредительному Собранию. Каких-либо стремлений к сепаратизму, что наблюдалось на Украине, у дельцов Сибири нет. Прежде всего они – русские, а затем уже – сибиряки. И вот, наконец, зажегся на Востоке луч истинной свободы и любви. Как хочется, чтобы он, этот луч, проник в сердце каждого и зажег его, стал источником силы и энергии, направленной на создание единой Великой России.

Сидя за обедом, устроенным по случаю приезда Командующего ген. Гришина, слушая тосты, мне невольно пришло в голову сравнение: как много веков тому назад на Востоке зажглась заря, возвестившая миру о рождении Веры, Любви и Свободы, так и теперь, быть может, Восток сыграет великую роль в объединении расплывшегося Государства.

Последние два дня я, да и все мои сотоварищи - как во сне: слишком много хорошего слышали и хотелось бы, чтобы все осуществилось. Если не будет споров и раздоров за власть и таковая попадет в руки не авантюристов, а истинно и искренне любящих Родину – все достижимо.

Голова у нового Управляющего Военным Министерством светлая; он трезво смотрит на вещи и открыто идет к поставленной цели: создания надежной, хорошей, преисполненной чувства долга армии, которая была бы грозна для врага, а не для мирного гражданина.

Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак, что-то появилось вдали, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно.

Вероятно, мне предстоит двинуться дальше, в Омск или Томск, так как предполагается эвакуация Академии пока в один из этих городов. Разведка намеченных пунктов позволит окончательно решить этот вопрос; может быть, независимо от Академии мне придется принять какую-либо должность и уехать. Вчера говорил со мною по этому поводу генкварм Сибирской армии Виктор Ильич Попов и добивался

моего согласия. Бездельничать мне надоело и хотелось бы заняться делом. Скорее разрешился бы этот вопрос. Принципиально я согласился, тем более, что с момента свержения большевиков власть считает нас на службе у Временного Сибирского правительства - Директории из пяти лиц со здравым смыслом и закономерными действиями, чуждых произволу.

*30 июля 1918 г. Екатеринбург,
Тимофеевская Набережная, д. II, кв. 2*

Безызвестно отсутствовавший эшелон с персоналом Академии нашелся. Вчера получил телеграмму из Оренбурга, а сегодня из Самары, что они присутствовали при трехдневном молодецком штурме частями Народной армии, сербами и чехо-словаками Казани, которую взяли, захватив богатые трофеи: золота 650 миллионов, продовольствие, всех комиссаров; словом – всё, ни единого вагона не успели вывезти, и теперь едут к нам. Остававшиеся здесь, в Екатеринбурге, семьи, изболевшие душой за судьбу близких, ликуют, торжествуют и учитывают время прибытия.

Жизнь наша течет тихо, спокойно, если не считать последних дней волнений, о чем будет ниже. В Москве – холера, голод, большевики... Этим всё сказано о жизни москвичей. Здесь от всего этого мы избавлены.

После свержения большевистской власти жизнь входит постепенно в норму, понемногу удешевляется, на рынке можно всё достать и сравнительно недорого. Так, например, пшеничная мука, так называемая сеянка, дошла до 20 руб. за пуд, и крестьяне сплошь да рядом уезжают, не распродав ее; яйца – 30 руб. сотня, молоко - меньше рубля бутылка, мясо спустилось с 5 руб. до 2,50 руб. за фунт, хлеб (белый) – менее рубля за фунт. Большой недостаток в мануфактуре, обуви – ничего не достанешь ни за какие деньги. Одеться почти немислимо – нет ни белья, ни материала для его шитья, равно как и для верхних вещей. Баснословно дорого расценивается труд: портные берут за работу костюма 175 руб.

С вечера 7 августа н. ст. в городе взволновались: слышна снова орудийная, а затем ружейная и пулеметная стрельба, которая в течение последующих дней все приближалась и, наконец, 9 августа была около самого города. Остатки большевиков собрались, видимо, и решили осуществить свое обещание «скоро возвратиться» и наступали на Екатеринбург. Появились беженцы из ближайших деревень, рассказывавшие об ужасах, которые пришлось им испытать с появлением «представителей народной власти» - насилие, разбои, пожары были спутниками движения этой власти. Чувствовалась паника, охватывавшая все большую и большую массу горожан; страх за жизнь и имущество заговорил всюю. Воззвания начальника гарнизона, недавно прибывшего ген.-майора Голицина⁸, взывали к спокойствию. Как в растревоженном муравейнике забегали люди, организовались роты, которые посылались на фронт. Главным действующим лицом явилось офицерство, на плечи которого свалилась вся тяжесть. Как всегда безропотно, с сознанием величия работы, не помышляя о последствиях, всяк взял винтовку и стал в строй простым рядовым. Отраднo, но в то же время тяжело было смотреть на этих неподкупных, бескорыстных работников. Приходилось радоваться тому, что истинное офицерство вновь подтверждало своими поступками, что в каждом из них бьется сердце истинного сына отечества и настоящего гражданина, что, не ожидая награды, офицер готов на все жертвы, не исключая жизни.

Тяжело потому, что всё сытое, постоянно живущее в довольстве, пряталось за спины этих незаметных работников, ценя их в минуты опасности и готовое в эти минуты на всё, но... - прошла опасность, все забыто, взгляд как на низшую братию становится доминирующим.

Я не говорю о какой-либо благодарности; благодарить того, кто платит жизнью, нельзя, скажу даже больше, обижать человека в лучших его чувствах; нужно в нем видеть человека и не забывать хотя бы в трудные минуты, что он человек, имеющий право на внимание. Последнего не видно. В этом пришлось убедиться и сознать еще раз, что тебя признают только

тогда, когда ты нужен.

Все было мобилизовано; прибыло подкрепление из Челябинска пехотой и артиллерией, и попытка большевиков потерпела неудачу, их отогнали, загнали в болото и теперь обстреливают артиллерией. Нужно думать, что как утопающий хватается за соломинку, так и красные с отчаяния бросаются в атаку, доходя даже до штыков.

Караульную службу в городе несли и несут находящиеся здесь кадеты. Не исключены и такие как Сергей⁹. Выпавшую на их долю работу несут аккуратно, с сознанием собственного достоинства и великой радостью. Возрождается и у этих мальчиков чувство гражданина. Я, правду говоря, не сторонник впутывать детвору в кровавое дело, но пришлось смириться и разрешить, учтя самолюбие мальчиков.

Большевистская авантюра ликвидирована, и нужно надеяться, что в будущем не ожидают волнения, подобные пережитым.

Как человек любит себя и дрожит за свою жизнь! У многих на лицах был написан очевидный страх, и эти люди готовы были на безумные шаги, готовы были бежать. Когда задавали вопросы – куда? и зачем? – ответ: «Вы знаете, что делают большевики, когда врываются в селения?!». Как-то стыдно было за этих людей.

Теперь живем в предвидении нового переезда, но куда – еще не решено.

11 ноября нов. ст., понедельник

Подписано перемирие «Согласием» (Англия, Франция, Америка) с Германией. Конец всемирной войны.

19 ноября, вторник

18 ноября в Омске, ныне политическом центре Сибири, с претензией на центр всероссийский, совершился переворот: упразднена или, как говорится в официальном отделе «Русской Армии», вышедшей при Ставке 19/XI, изд. информационного отдела штаба Верховного Главнокомандующего - «вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность

Временного Всероссийского правительства (Пятерка, избранная в совещании в Уфе), Совет Министров с согласия наличных членов Вр. Всеросс. Пр-ва, постановил: принять на себя всю полноту Верховной Государственной Власти». Подписали: Пред. Сов. Министров Петр Вологодский, бывший прис[яжный] пов[еренный] Томска, члены: Л. Устругов, А. Гаттенбергер, А. Колчак, Ю. Ключников, Г. Гинс, И. Серебренников, С. Старынкевич, Н. Зефилов, И. Михайлов, Н. Щукин, Г. Краснов, Н. Петров, Л. Шумиловский, управляющий делами Совета Министров Г. Тальберг.

Из состава Пятерки были арестованы Авксентьев и Зензинов; ген. Болдырев уехал в Екатеринбург.

Итак, установлено диктаторство. Вся полнота власти Советом Министров передана вице-адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, произведенному в адмиралы, и присвоено ему наименование Верховного Правителя. Надолго ли? Нет реальной силы, если, конечно, не дадут таковую союзники (есть сведения, что англичане дали свои батальоны), а без нее всякий переворот – блеф.

1 декабря [1918 г.] нов. ст., воскресенье

Стою на перепутье. Должен сознаться, что утратил интерес к военным наукам. Почему? С одной стороны, - сознание, что без вооруженной силы государство не может существовать, что наглядно подтверждает только что закончившаяся так печально для нас, русских, и так блестяще для Согласия мировая война. Турция, спасенная от окончательной гибели Германией, которая сохранила ее как яблоко раздора на Балканах, выдвигает ультиматум «Кавказскому правительству», а последнее, открыто признавая свою беспомощность (что высказывается в печати), принуждено согласиться на требования возобновления военных действий.

Сейчас торопливо стремятся сформировать армию, так как в противном случае не будет представителя России на конгрессе мира в Версале, и наши интересы будут защищать великодушные союзники наши. Правда, причины – в

раздроблении России, отсутствии единого государства, выразителем которого мог бы стать кто-либо. Намечено компромиссное решение (об этом есть сведения), что на конгресс в Версале будет допущен наш дипломатический представитель времен Керенского и Маклакова. Большое недоверие ко всем стремлениям добиться «мира всего мира», т.е. указание опять-таки на необходимость вооруженной силы.

С другой стороны, только что закончившаяся война, уничтожившая миллионы жизней, исторические ценности, достижения мысли, искусства, разорившая десятки тысяч селений и городов – неужели не повлияет на народы, которые скажут: «Нет, довольно, пресытились!» и уже не допустят повторения только что пережитого? Столько обездоленных, несчастных. Мысль эта приводит к выводу, что заниматься военным делом значит изучать мертвое дело.

Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей – их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по-обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно – фикция? Прошла война, в других государствах уже есть труды, а у нас – увы. Приходится сказать, что виноваты люди, которые попали туда, где им не место.

Берусь за военные книги, но они навевают сон, в то время как гуманитарные науки возбуждают интерес. Почему раньше я интересовался военным делом, которому отдал лучшие годы и силы?

Тяжело сознавать, что общество, народ так неблагодарны офицерству, за спины которого прячутся и нисколько о нем не заботятся. Прочитал статью «Как вы веселились» - письмо с фронта офицера, который сетует, что в то время как на фронте умирают, мерзнут без теплой одежды, в рваных сапогах, здесь, в тылу, веселятся и думать забыли о мучениках долга.

25 января 1920 г. нов. ст., Владивосток¹⁰

Егерский батальон, как говорят, обезоружил своих офицеров, заперся в коммерческом училище, месте своего расквартирования, не желает вступать в переговоры с Приамурским штабком [штабом округа], а требует представителей земства.

Платформа японцев и чехов, расположенных во Владивостоке, остается невыясненной.

Началось волнение в 10¹/₂ час. утра¹¹. Дамы и дети переселились в город из вагона, в котором я живу с семьей¹².

Веруя в судьбу, от которой не уйдешь, я не послушался уговоров лиц, доброжелательно ко мне относящихся, остался вместе с моими мальчиками, которые не хотели без меня уходить. В вагоне положение тревожное. Были сведения, что вчера готовился переворот, но не состоялся. Потому ли, что приняты меры японцами или потому, что не всё еще готово? Характер переворота, насколько можно судить по отрывочным сведениям, такой же, как в Иркутске, случившийся 23 декабря¹³, когда власть захватили эсеры, передав её затем большевикам.

Вчера, говорят, со ст. Раздольное ушел в сопки целиком весь Приморский кавалерийский полк и силою увел своих офицеров.

Передавали, что подписан приказ об амнистии большевикам. Это - следствие переговоров сторон: начальников частей правительственных войск и начальников партизанских отрядов. «Спасение России». Национальное ли это движение или ловкий маневр? Крепнет ненависть к иностранцам вообще и, в частности, к японцам.

Вечером был П.Г.О-в [?], который передал, что егерский батальон послал (куда?) автомобили за патронами и пулеметами.

Полнота власти перешла к ген.-лейтенанту атаману Семенову¹⁴, как говорится в приказе – «за перерывом связи с центральным правительством».

По газетам, адмирал Колчак сложил с себя полномочия 2 января н.ст. и передал [их] атаману Семенову впредь до соединения с ген. Деникиным.

Слухи: чехи, охранявшие Верх[овного] Правителя, выдали его в Иркутске восставшим, и он посажен в тюрьму; с ним много генералов, в числе которых разыскивают П.Н. Р-ва¹⁵. Владивосток – центр слухов, подчас самых нелепых.

11 февраля

Я назначен начальником штаба Приамурского округа и вступил в исправление должности, не принимая сумм штаба. Накануне вечером ходил в штаб ознакомиться с общим положением. Тревожно. Реальных данных нет, но по слухам что-то назревает. Общее впечатление – как перед сильной грозой: все стихло, только какой-то отдаленный все приближающийся шум. Нормальной штабной работы нет, в кабинете сутолока. Приходят справляться об обстановке. У всех какое-то напряженное состояние. Я хожу как во тьме – никого и ничего не знаю, не только какие части существуют, но и какие из них благонадежные. Недоверие к солдату, приобретенное мною в период развала армии 17-18 гг., остается, и потому я лично ни одной части не верю и не считаю благонадежной. Да и как понимать эту благонадежность? Можно ли сказать, что солдат станет на защиту существующей власти? Разве он сознательно относится к идеям, преследуемым этой властью, особенно когда воплощаются они, претворяются в жизнь способами весьма и весьма сомнительными, чтобы не сказать больше? Исполнители на местах не поднимают и не упрочивают авторитет власти, а дискредитируют ее, вселяя в народе неуважение к себе и страх.

Произвол, борьба за личное благополучие – вот импульсы тех, кто взялся за строительство Земли Русской; низкопоклонство перед иностранцами, лесть, низведение национального чувства до низшей ступени: «Ведь это наши спасители». Ха-ха-ха. Глупцы, мелкие трусы, мелкие люди, потерявшие не только национальную гордость и самолюбие, но и лицо. Неужели все так слепы, что не замечают работу разных знатных иностранцев вроде жаненов, ноксов¹⁶ и проч. пиявок, приехавших в Россию не спасать её, как они говорят, а высосать все соки, натравить одну группу лиц на другую, поддерживая

междоусобицу, истощающую страну. Вся их политика сводилась к разъединению, а не единению. Они заблаговременно удрали, оставив симпатии у тех, кто искал их благорасположения и нашел, прикрывшись высшими политическими соображениями; выявили себя вовсю, развернув во всей наготе подлую натурашку. Нельзя удивляться, что политика «друзей» привела к перевороту, который произошел утром 31 января. Лозунг «Долой интервентов!» объединил некоторые социалистически настроенные группировки, которые выдвинули власть земства как проявление народной воли.

Переворот произошел бескровно. 31 января в 9 час. утра кончился срок ультимативного требования, предъявленного представителями Никольск-Уссурийского и Иманского земства, прибывшими во Владивосток 28 января. В телеграмме говорилось, что все попытки миролюбивого соглашения о передаче ген. Розановым власти земству не привели к положительным результатам, а потому, «если Вы (т.е. Розанов) к 9 час. 31 января не передадите власть земству, то за могущее быть кровопролитие ответственность падает на Вас». Деша послана со ст. Угловой 29 января. В момент чтения этого требования в кабинете начальника штаба округа были: комендант крепости ген. Вериго¹⁷, Ген. штаба полковник Смирнов (генквартир)¹⁸ и я. Прочтя дешу, ген. Розанов возбужденным голосом сказал: «Власти не передам. Согласны со мною?» Ген. Вериго быстро дал утвердительный ответ; остальные были более осмотрительны, так как не были оптимистами и смотрели на развернувшиеся события не через розовые очки. Да иначе и быть не могло, если вспомнить и хотя бы бегло проследить события предшествовавших дней.

С момента подавления восстания в егерском батальоне¹⁹, а особенно [с выходом] приказа об амнистии партизанам, отделение частей и уход в сопки пошел с головокружительной быстротой; не только каждый день, но и час приносил известие, что такой-то полк, рота ушли в сопки.

28 января боевой день: приехала делегация из Никольск-Уссурийского. Посланная кем-то телеграмма от имени ген. Розанова, в копии имеющаяся у американского представителя

ген. Грэвса²⁰, гласила, что делегаты будут расстреляны, как только ступят на перрон ст. Владивосток. Естественно, что подобное решение вызвало переполох в штабе. Полковники Смирнов и Осипов²¹ поехали на квартиру ген. Розанова, дабы предотвратить нежелательные последствия. Полковник Дюсиметьер²² приехал за мной в вагон, и я в 11-ом часу ночи поехал с ним к ген. Розанову. У него мы застали ген. Веригу, полковников Смирнова и Осипова. Ген. Розанов был несколько взволнован, но общее настроение бодрое и даже у некоторых веселое. Как оказалось, было решено поручить охрану гор. Владивостока японцам всеми имеющимися в распоряжении начальника округа и коменданта крепости силами; двинуться на Никольск-Уссурийский, в котором в это время власть была у большевиков. Настроение боевое. Главное ядро должна была составить инструкторская школа на Русском острове. В 11 час. 12 мин. ночи ген. Веригу, вызванный к телефону, возвратился в столовую и заявил, что школа восстала. Офицеры арестованы. Столь неожиданное известие как гром поразило присутствующих. Единственная надежная вооруженная сила оказалась на стороне повстанцев. Силы последних увеличивались не только присоединившимся к ним личным составом школы, но и вооруженными теперь солдатами батальона. Надежды рушились. Рассчитывать на добровольцев, которые созывались, и на офицеров нельзя. Собрание последних явно указывало на то, что сочувствующих мало. Единственная надежда теперь возлагалась на японцев. Ген. Розанов командует к главнокомандующему всеми японскими силами в Сибири генералу Оой²³ своего адъютанта с просьбой принять его. Свидание состоялось в 1½ часа ночи. На квартиру ген. Оой приехали генералы Розанов, Веригу, я и полковник Смирнов. Квартира – в прелестном особняке, шикарный вход; словом, много лучше помещения командующего войсками (все иностранцы заняли лучшие дома, и так – в каждом городе). Пришлось подождать в гостиной выхода «спасителя» рушащейся власти.

В дверях появилась маленькая толстая с заплывшими глазами фигура, напоминающая Будду. Это – ген. Оой. Кряхтя и

отдуваясь, с подобающим моменту величием поздоровался с нами знатный азиатский иностранец, уселся в кресло и пригласил жестом последовать его примеру. Переводчик – маленький японец, окончивший, кстати сказать, нашу Петроградскую духовную академию, – присел на кресло. Подали чай с молоком. Ген. Розанов обрисовал обстановку, указав на отсутствие у него вооруженных сил и на готовящееся наступление островитян. Маленькая пауза и затем вопрос ген. Оой: «А если оставить так, как есть?». Ген. Розанов ответил, что повстанцы возьмут город и в скором времени воцарится большевизм. Через переводчика Оой говорит, что им трудно отличить большевиков от меньшевиков и потому предпринять активные меры они, японцы, затрудняются. Есть ли позиция, преграждающая путь движению? На вторичное напоминание ген. Розановым об отсутствии у него вооруженных сил японец ответил, что нужно занять позиции; сзади будут стоять японские части, обеспечивающие от возможного окружения повстанцами наших защитников. Ночные переговоры в общем свелись к тому, что японцы самостоятельно не выступают, но не отказываются от поддержки наших верных существующей власти сил. Между прочим Оой сказал, что, сосредоточив свои войска, он начнет наступление на Никольск-Уссурийский и что тогда может принять участие и наш маленький отряд.

Окрыленный надеждами и старающийся расшифровать в свою пользу разговор с японцами, ген. Розанов возвратился домой, отдав распоряжение о высылке отряда на Эгершельд для перехвата направления возможного выступления островитян.

Для занятия позиции была назначена комендантская рота штаба округа и офицерский взвод. Учитывая возможность вооруженного столкновения на Эгершельде, где стоял мой вагон, в котором жили мои дети, жена ген. Рябикова²⁴, Ев. Ник., с дочерью Ольгой и семья Осипова, во избежание тяжелых переживаний, я, как только узнал о выступлении школы, попросил полковников Дюсиметьера и Осипова съездить в вагон и вывезти дам и детей, что они весьма охотно и сделали. Сам

возвратился в штаб округа, где и остался ночевать.

Телеграмма с ультиматумом делегатов вызвала новое свидание ген. Розанова с ген. Оой, которое произошло 29 января в 2 часа дня. На совещании присутствовали со стороны Японии ген. Оой, начальник штаба полковник Исомэ и переводчик, тот же, что и ночью; с нашей – ген. Розанов, я и ген.-майор Вериго.

Перед совещанием все бывшие в штабе округа настаивали на требовании категорического ответа японцев – выступают ли они или нет? Говорили о необходимости поставить вопрос ребром, так как неопределенные и увертливые ответы не позволяют определенно решить вопрос, поэтому офицерство не чувствует почвы под ногами и неуверенно. Под таким впечатлением и поехал ген. Розанов. Как и нужно было ожидать, ген. Оой категорического ответа не дал, вертелся вокруг и около, говорил уклончиво. Естественно, что должно быть отмечено, это – призрачный намек ген. Оой: не лучше ли передать власть земству?

В середине переговоров ген. Вериго был вызван прибывшим в штаб японского командования начальником штаба крепости подполковником Кононовым для передачи важного сведения.

Возвратившись, ген. Вериго доложил, что сидящие под арестом члены Земской управы Меньшиков и Афанасьев заявили о своей готовности собрать экстренное заседание управы и вынести постановление о несолидарности с линией поведения воинских властей и о том, что земство не хочет принимать власть, а готово работать с существующей властью в крае, что они дадут об этом письменную подписку, если их освободят.

Это заявление было принято генералами Розановым и Вериго за чистую монету, я же высказал коменданту крепости свое сомнение, считая это обещание провокационным.

Казалось бы, японское командование должно было окончательно уверовать в справедливость суждения ген. Розанова о том, что земская власть – только переходная стадия к большевизму (о чем открыто говорилось в разбрасываемых

прокламациях) и дать категорический ответ о своих намерениях. Однако этого не случилось. Оой вновь упомянул, что не лучше ли передать власть земству; вновь говорил о поддержке каких-то отрядов.

Ушли домой, не имея ничего определенного. Меньшиков и Афанасьев были освобождены, письменное заявление, правда, в туманных выражениях было отпечатано и расклеено на улицах. Насколько можно судить, оно не произвело желаемого впечатления на население, и гроза постепенно надвигалась.

Комендант много говорил, но формирование добровольческих и офицерских отрядов как-то не двигалось. Насколько мне известно, офицерство было собрано только в штабе округа; в других районах отношение было индифферентное. Сразу же обнаружилось отсутствие какого-либо руководства со стороны ген. Вериги и лиц, им назначенных: наряды несли все те же лица, части в указанных пунктах не находили руководителей. Так было, например, с комендантской ротой, которая прибыла к окружному саду и не нашла там полковника Борисова, который был назначен генералом Вериги как бы боевым начальником. Между прочим, были обещаны добровольцам суточные по 200 руб. и обеспечение семейным в 50 тыс. руб. Меры эти не были объявлены в приказе, а если и были, то такой приказ к нам не попал, так как узнали мы об этом совершенно случайно.

Крепость была объявлена на осадном положении, но комендант крепости полноты власти не получил и все распоряжения директивного характера исходили от начальника округа. Двоевластие признавалось весьма вредным, потому возник вопрос об учреждении Совета обороны, председательствование в котором комендант крепости предлагал передать генералу Будбергу²⁵. Насколько могу догадываться, этим путем стремились устранить ген. Розанова, не пользовавшегося ни у кого абсолютно никаким доверием. Считали даже, что Розанов – одна из главных или просто главная причина общей неурядицы в крае, в частности, ухода боевых частей в сопки.

О Совете обороны ген. Будберг говорил ген. Розанову и последний одобрил эту мысль. Щадили самолюбие Главного

начальника Округа и потому ожидали напоминания ген. Розанова об издании приказа. Время между тем шло, события развертывались с быстротой молнии, требование о передаче власти земству висело над головой как дамоклов меч. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что это требование произвело должное впечатление, и некоторые высчитывали оставшиеся часы.

Действительно, положение было неважное: противники угрожают в случае несогласия ген. Розанова взять власть силою; а что они могут выставить, на что опереться? Подсчитывал – максимум 200 человек. По существу, власти уже не было: был человек, который воображал, что имеет власть, да и то, думаю, в глубине души не верил, только не показывал вида.

С целью продвинуть разрешение вопроса и натолкнуть ген. Розанова на скорейшее издание приказа о Совете обороны решено было поехать мне – авось Главный начальник заговорит первый. Под предлогом подписки приказов я поехал. Ген. Розанов заговорил первый и поручил составить приказ. Цель достигнута. Я возвратился в штаб и отдал приказание перепечатать уже заготовленный в черновике приказ. Менее чем через два часа я был уже у ген. Розанова. Скорость исполнения, по-видимому, удивила начальника. Просмотрел проект, но не согласился, так как в приказе не упоминалось, что общее руководство остается за Главным начальником.

У ген. Розанова застал целое общество – блок представителей правых партий – шло обсуждение вопросов, выдвинутых в жизнь текущим моментом. Говорильня шла вовсю. Вспоминали слова ген. Оой, расшифровывали его мысли, но... могла ли быть какая-либо польза от этих деятелей? Это вопрос и вопрос большой. Люди опирались только на кучки единомышленников, в то время как вся народная масса была на стороне противника. Говорилось о необходимости устроить на окраинах собеседование. Это в то время, когда уже готово [было] разразиться (совещание было вечером 29 января, а переворот совершился утром 31 января). Не лучший ли это показатель всей бесполезной деятельности кучки болтунов?

Вопрос: «А сколько вы можете дать добровольцев?» - остался без ответа. Приходится удивляться людям, которые или не замечают или не хотят замечать настроение масс и стараются провести в жизнь отжившие идеи. Не нужно быть знатоком, чтобы судить о настроении общества, но [надо] иметь маленькую наблюдательность. Деятельность правительства адмирала Колчака потерпела крах, потому что не хотела считаться с общим настроением; ударились слишком в реакционное направление, власть отделилась от общества.

Могут ли в данное время иметь успех идеи монархизма, да еще абсолютного? – Конечно, нет. Ссылаются на народ, который жаждет «хозяина». Не надо ли понимать слово «хозяин» в том смысле, что народ ищет власти правомерной и справедливой, а не монарха, как многие думают. Стремление людей насадить абсолютизм по меньшей мере странно, чтобы не сказать больше.

Словоговорение и осталось таковым – реального ничего не дали; слава Богу, что не вовлечены в опасную авантюру. Наивно-доверчивые люди, они просмотрели, должно быть, что рядом с ними бок о бок работали другие партии. Где теперь эти «герои»? Вероятно, разбежались как испуганные светом тараканы. Характерно, что представители правых партий в большинстве – богатеи. Не наводит ли это на мысль, что не идея заставляет их работать, а боязнь за свое благосостояние? Привезенный мною приказ не был детально обсужден Главным начальником округа, и решение вопроса отложено на завтра, 30 января.

В штабе, куда я возвратился, застал все тех же лиц. Поступали сведения об уходе частей в сопки. Власти не чувствовалось, а потому не было руководства; все мероприятия носили характер случайных; власть металась как затравленный зверь. Советы людей, трезво смотревших на события, вызывали раздражение у тех, кому не хотелось верить в неизбежность краха. Доводы Алек. Пав. [Будберга] и Яков. Яков.[?] не приводили ни к чему. Комендант крепости старался подсчитать силы, но, увы, цифры получались смехотворные.

Вечером 30 января заговорили даже о каких-то турках, которые могут быть привлечены в качестве боевой силы. Чувствовалась назревающая паника.

Еще до выступления инструкторской школы моряки спешно начали грузиться на пароход «Орел»; подводы со скарбом, конвоируемые гардемаринами, тянулись к «Орлу». Это оказало влияние на общее настроение. Ген. Розанов потребовал выгрузки гардемарин, но требование его осталось гласом вопиющего в пустыне. Выгрузился только доблестный полковник-кавказец, неоднократно громко заявлявший, что никогда и ни за что не положит оружия. Это судно сделалось убежищем для многих офицеров, часть которых действительно могла опасаться репрессий за свою прежнюю деятельность и потому должна была скрыться. Но часть была таких, которых обуяла паника; эти побросали вверенные им и верные команды. Нашли убежище и гражданские лица, нужно думать, преимущественно зажиточные или даже богатые.

Утро 30 января, конечно, успокоения не внесло. Разговоры о формировании добровольцев – без конца, но организационной работы нет.

До сего времени я был скорее наблюдателем, чем активным работником; причинами этому послужило полное неверие и отсутствие ориентировки; какая-то апатия, да, наконец, и бесполезность каких-либо мероприятий – уже ведь не спасешь начавший рушиться дом; опоры реальной никакой, только слова; кругом одна злоба и ненависть к представителям власти – власти без силы. Нужно сказать, что злоба, пожалуй, заслуженная. Учитывая неминуемый переворот и переход власти к большевикам, деятельность которых мне известна по 1918 году, я счел своим долгом заявить Главному начальнику округа, и он с раздражением в голосе сказал: «Это реально, нужен транспорт. Пусть едет полковник Смирнов и зафрахтует». Полковник Смирнов уехал.

В итоге – боевой пыл как-то остыл, и начались приниматься меры к спасению офицерства, которое могло сделаться жертвою разгула черни. В этот день надежда на благоприятный исход все-таки не терялась. Большие надежды возлагались

на заявление земцев Меньшикова и Афанасьева. Ген. Розанов решил объехать всех представителей иностранных держав, предупредить их и наконец на общем собрании представить резолюцию земского собрания. Собирались ли иностранцы, представлялась ли им резолюция – не знаю. По событиям, последовавшим на другое утро, можно думать, что ожидаемого успеха и впечатления не было.

30 января утром Начальник округа разрешил выдать содержание за февраль по январскому расчету всем членам. Вечером я пошел в «Золотой Рог» посмотреть и отдохнуть в кругу близких. Не прошло и $\frac{1}{2}$ часа, как за мною пришел гонец из штаба. Застал там Ал. Павл. [Будберга] в пальто, Яков. Яков.[?], Павла Георг.[?], Льва Павл. [Дюсиметьера], Николая Павл. [Топоркова]. Ал. Павл. [Будберг], уже выходя, сказал мне, что все, намеченное утром, отменяется. Настроение [у него], пожалуй, даже веселое. Я удивился такой перемене и не мог себе объяснить, что послужило [для этого] основанием.

Так как вечером 30 января вызывалась дирекция гос. банка, из которого должны были быть получены 31 млн. руб. по чеку ген. Розанова и указывалось на возможность отъезда, то теперь необходимо было уведомить ее об отмене. Мною были посланы записки в этом смысле с указанием о намерении упорно защищать город. Собранное в штабе офицерство томилось неопределенностью.

Прибывший японский капитан Андо сообщил, что японцами для убежища предоставляется их штаб и казармы частей; для высших чинов и офицеров, деятельность которых может повлечь репрессии - военное судно; семьи нужно собрать в одно место.

Число офицеров в штабе уменьшалось и некоторые были уже на «Орле». Другие разбрелись по частным квартирам; оставалось все-таки около 50 человек.

Не раздеваясь, как и в предшествовавшие дни, легли спать в кабинете начальника штаба – я, Осипов и Дюсиметьер. Настроение – бодрое, подчас веселое.

31 января проснулся в 7 час. утра. Вскоре пришел подполковник Ник. Павл. Топорков и доложил, что по телефону из

квартиры Главного начальника передают об окружении цепью дома ген. Розанова [и что] началась стрельба. Я позвонил в штаб крепости, но там ни коменданта, ни начальника штаба не оказалось. Сведения об окружении передал полковнику Исомэ, который поблагодарил за сообщение и сказал, что послана рота японцев. Спустя небольшой промежуток времени опять передали из квартиры ген. Розанова, что ему [генералу] дано $\frac{1}{2}$ часа на размышление и предложено сдать-ся, в противном случае будет открыт артиллерийский огонь. Опять звоню в штаб крепости. Никого. Сообщаю полковнику Исомэ, который говорит, что посылается рота. Выражение «посылается» меня поразило. По времени рота уже должна была быть на месте. Для меня стало ясно, что ожидать выступления японцев нельзя. Попробовал связаться с начальником штаба крепости, который, как и комендант, оказался дома. Ориентировал их. Меня поразила их безучастность. Накануне были настроены по-боевому и вдруг, когда нужно действовать - никаких распоряжений.

Дозвониться в квартиру Командующего было трудно. Наконец, подошел казак и сообщил, что все вышли на улицу. После этого последняя связь лопнула. Начальник отряда штаба округа установил связь со штабом японцев людьми. Пришедший офицер сообщил, что видел подошедшие эшелоны солдат и пушки.

Меня удивляло, почему не предпринимается никаких мер против штаба округа – центрального аппарата? Около 9 часов утра пришел ко мне японский офицер и задал вопрос: «Вы будете выступать?» Я ответил, что общие распоряжения зависят от коменданта крепости. Не успел я окончить своей фразы, как японец сообщил, что уже много солдат и есть пушки. Подобное замечание меня удивило; я подумал, неужели япошка хочет меня напугать? Я попросил принять под охрану семьи. Уходя, японец обещал прийти через несколько минут, но я его больше не видел, так как вскоре был арестован.

Ориентировав офицеров и считая, что выступление не только бесполезно, но и вредно, что оно может повлечь за собою гибель очень и очень многих невинных, я сказал офицерам,

что они свободны и разрешение своей судьбы предоставляется каждому; убежище могут найти в японском штабе. Я остаюсь в штабе до тех пор, пока не примет кто-либо оружие и имущество. Я боялся, что, бросив штаб, мог быть провокационный выстрел и началась бы резня, т.е. то, чего все боялись.

29 февраля. Воскресенье

Возвратясь в кабинет начальника штаба, я застал там полковников Розанова, Дюсиметьера, подполковника Топоркова и ротмистра Арнгольд. Объяснив им о своем решении (хотя они присутствовали при моем разговоре с офицерами), я просил уходить. Ротмистр Арнгольд и полковник Дюсиметьер отказались, заявив, что меня одного не оставят, однако я просил ротмистра не оставаться, а возвратиться домой и обезопасить свою жену и других дам и детей от возможных эксцессов. Ротмистр Арнгольд ушел. Не прошло и $\frac{1}{2}$ часа, как в помещение штаба вошла часть 3-й роты 35 полка (рота дня за два ушла с транспорта Печенга–Москва в сопки). Начальник отряда, какой-то князь, фамилию не помню, в изысканных выражениях, страшно галантно извиняясь, попросил нас сдать оружие и не выходить из комнаты, в которой нас застал. Мой протест против ареста меня и офицеров и напоминание о том, что мы имели возможность избежать пленения, обращенные к начальнику отряда, а затем к начальнику международной полиции, майору американской службы Джонсону (русский, воспитанник Полтавского корпуса, уехавший в Америку со 2-го класса), пришедшему в штаб вместе с другими офицерами-американцами, успеха не имели. Князь заявил, что должен получить указания от какого-то высшего начальника.

Итак, я и четыре офицера арестованы. У дверей кабинета – часовой. Нам запрещено выходить в уборную без часового, письма можно посылать, передав предварительно для просмотра караульному-прапорщику. Часовой стоит с развалыцей, потом, видимо, наскучило стоять, сел на пол. Разводящий-большевик, участник отрядов, действовавших против атамана Семенова, весьма добродушный простак. Настроение солдат

вполне доброжелательное нам. Часовой постепенно ослаблял свою бдительность и, наконец, к вечеру вышел из кабинета; мы получили свободу передвижения по штабу. Появились пьяные среди караульных – это несколько нас встревожило. Лев Павлович [Дюсиметьер] постарался поставить кого следует в известность. К нам прибыли два представителя международной полиции – американец и чех, которым вменено было в обязанность не допускать какого бы то ни было насилия над арестованными. Эта мера предосторожности оказалась излишней, так как при всей строгости в оценке отношений караула к нам ничего вызывающего не было; наоборот, полная предупредительность, внимание и изысканная вежливость.

Поразили меня военнопленные мадьяры, прислуживавшие в штабе. Они были всецело за нас и на каждом шагу подчеркивали к нам свое сочувствие. Случайно пришлось услышать такой разговор повара с прислугой: «Достань лучшую посуду, а то можно ведь людей обидеть; могут подумать, что раз под арестом, то даем все худшее». Кормили отлично, забота и внимание к нам.

Освободили нас 1 февраля около 5 часов вечера. В нашей судьбе приняли участие представители французской миссии во главе с ее начальником ген. Лаверн.

31 января случайно зашел в штаб майор Пишон, знакомый Льва Павловича, узнать адрес мадам Будберг и был поражен полученным известием о нашем аресте. Потом он сообщил об этом ген. Лаверн, а последний с Джонсоном приняли меры для нашей безопасности и освобождения. С момента осведомления ген. Лаверн о нашей участи поразительно изменилось отношение майора Джонсона, который начал нас навещать и проявлять внимание словом и делом, справлялся, хорошо ли нам, прислал папирос, газеты и проч. Французы проявили громадную заботливость, но все-таки я рад, что лично не обращался за помощью. Сперва нас хотели освободить под расписку о невыезде, но я протестовал, и [мы] добились освобождения без всяких обязательств. Маленький штришок: в одно из первых посещений после нашего ареста

польщенный майор Джонсон был встречен русскими солдатами криками «ура» и его качали.

На французском автомобиле с адъютантом Лаверна мы, выйдя из-под ареста, поехали в гостиницу «Версаль», где я впервые в своей жизни оделся в штатское. Жизнь в городе протекала спокойно, полный порядок, никаких эксцессов.

Обстановка последних дней (со дня моего вступления в должность наштаокра) и окружающие люди настолько повлияли на мою психику, что я решил уехать из России за границу, но хотел сделать это вполне легально, отнюдь не бежать. Начались хлопоты, но время и холодный рассудок сделали свое. Я пришел к определенному выводу: от самого себя никуда не убежишь; если эмигрировать сейчас, то нужно поставить крест на России – своем отечестве. Этого не позволяла совесть, нужно твердо решить, русский ты или нет; если русский и стоящий выше своих личных интересов, то я не имею права убежать из России, хотя бы мне могла угрожать опасность. Искать убежища и своей личной безопасности у иностранцев, вся деятельность которых направлена против России, постыдно. Им, союзникам, мы должны быть благодарны только за то, что у всех, за малым исключением, правда, национальное чувство побудило поднять голову и заявить: прочь; мы, русские, сами устроим свою жизнь и восстановим государственность. Холодным рассудком я дошел до заключения о постыдности бегства и необходимости остаться здесь, в России, и переносить все, что сулит мне судьба. Я решал вопрос о своей личной безопасности, будущности детей, которых не имею права лишать отечества. Постепенно у меня начало даже появляться чувство злобы к тем, кто заразился паникой, бежал и бежит из России, невольно утрачивалось уважение к этим людям. Нет, пусть что будет, но совесть моя должна быть спокойна и никогда не упрекнул меня в том, что я, спасая себя, свою жизнь, бежал от Родины. Если суждено мне стать к стенке, то я могу спокойно умереть с чистой совестью: служил России, любя народ, не служил никакой власти, а только России, от нее не бежал. Вероятно, мог ошибаться, но за шкуру и ради нее не работал. Теперь у меня остались

только честь и совесть и я должен их сохранить – это наследство моим детям, которым пал жребий, может быть, стать строителями государства на новых началах. Можно ли их поэтому изолировать от устанавливающегося государственного порядка или вырабатывать из них неземных деятелей, не понимающих своего народа? Пусть знают, что отец их был русский и любил родину... Невзгоды закаляют людей и приспособливают их к жизни, не кривя совестью. Нужно прямо смотреть опасности в глаза тем более, если впереди государственные цели, а не шкурничество.

23 марта. Вторник

Получена в копии телеграмма, посланная Командующим сухопутными и морскими силами Приморской области Краковецким²⁶, начальнику Академии Андогскому²⁷: «Приказываю весь состав Академии перевести [во] Владивосток. Вам немедленно прибыть во Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по законам военного времени. Комвойск Краковецкий. Верно: Ген.-кварт. штаба сух. и мор. сил Осколков». Эта телеграмма является продолжением телеграммы А.И. Медведева²⁸, посланной им около месяца тому назад А.И. Андогскому, в которой советовалось тремя эшелонами выехать во Владивосток, а не оставаться в Харбине; в противном случае приглашение может смениться требованием со всеми вытекающими последствиями. Ответа не было. Вечером пришла другая телеграмма: «Начальнику Академии Медведеву. Погрузку Академии приказываю остановить точка Нагруженные вагоны отправить Благовещенск представителем Академии. Выгруженные подготовить к отправке. Командующий войсками Краковецкий. Верно: Начальник стр. отдела штаба Осколков. N 130. 23/III в 17 час. Передал Хлебов. Принял Лавреченко». Напрашивается вопрос: чем вызвана эвакуация? Общим ли политическим положением, т.е. возможностью оккупации Приморской области японцами? Или принятая мера - репрессия по отношению к Академии за сидящих в бесте²⁹ в Харбине? Если учесть все слухи о возможности и вероятности оккупации японцами, наблюдаемое

их безостановочное усиление и увеличение вооруженных сил в области, слухи об эвакуации других учреждений, то вывод, пожалуй, один – спасайтесь от японцев. Предположение подтверждается только что услышанным мною от офицера: напряженность в центральных военных учреждениях, изменчивость принимаемых решений. Например, была заготовлена телеграмма о разгрузке академических вагонов и отправка их для этого на Эгершельд, и вдруг – изменение: послана телеграмма об эвакуации. Обстановка запутанная. Центральная советская власть стремится избежать вооруженного столкновения, указывает разрешить вопрос мирным путем. С этим солидарна и местная власть. Но партизаны – главная вооруженная сила – жаждут крови и держат себя вызывающе. Повидимому, мы близки к новым событиям, но не внутреннего характера, а к тем, которые несут колоссальный ущерб России; событиям, последствием которых будет потеря Россией Приморской области. Японцы начинают шевелиться. Есть сведения, что в Николаевске-на-Амуре разгромлен и сожжен штаб местной власти³⁰.

По непроверенным сведениям поляки действуют заодно с японцами и должны начать совместные действия: первые – нападая на восток, а вторые – на запад. Говорят, что польская дивизия, находящаяся ныне в Харбине, остается там и не идет во Владивосток. Польский консул, который должен был ехать в Никольск-Уссурийский, остается во Владивостоке. По слухам, события должны развернуться на этой неделе. Подождем.

Академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию. Но эта, четвертая, хуже других: состав внутри нее раскололся, часть – в Харбине, что-то предпринимает и плетет, часть – здесь действует открыто, безо всякой дипломатии, по национальной совести. Если учесть все, что слышал сегодня, 24 марта, т.е. о возможности оккупации и о совместных действиях Японии и Польши, то с уверенностью можно сказать: ответа от А.И. Андогского не будет, а если они все на свободе, будут выжидать в расчете соединиться с имуществом здесь, во Владивостоке.

Что же дальше? Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадет в руки японцев? Вопрос чрезвычайно усложняется. Думаю, что выход теперь один – подготовить международный фланг, сдать имущество под охрану международной комиссии и, так сказать, нейтрализовать положение. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы – преступники перед родиной, не сумевшие сберечь ее достояние. Жаль, очень жаль, что нет у нас единения, крепкой спайки. Харбинцы ничего определенного не говорили, отделялись общими фразами и только требовали от нас ориентировки. Говорили, что им виднее. Да, может быть, они правы, но зачем держали нас во тьме? Все, что случится скверного, будет на их совести.

1 апреля. Четверг

30 марта прибыл третий эшелон из Харбина во главе с А.И. Андогским. Павла Федоровича [Рябикова] нет. Нет и других остававшихся в Иркутске и Харбине. Надежды мои рушились... Одинок, одинок... Вопрос об эвакуации Академии открыт. Почти в один день ряд отменяющих друг друга распоряжений. Последнее из них – разгружаться.

6 апреля. Вторник

Возвратился из Владивостока. На канале – японская застава, осматривали катер, не едут ли военные, которым запрещен японцами переезд на Русский остров – все это следствие событий в ночь с 4 на 5 апреля³¹. 4 апреля во Владивостоке тихо, абсолютно никаких признаков возможных осложнений. Ночевал у Ивана Петровича [?] на Тигровой, 17. Спал неважно, переживания личного характера не дают мне ни малейшего покоя; душа в тисках, страшно ноет безысходной тоской. Ищу, ищу что-то, но... увы, не нахожу. Быть дома не могу и нигде не нахожу места... Разбираюсь в хаосе мыслей. Рельефно – два чувства: одно из них – горькая обида – личная и национальная. Плохо спал и потому был весьма удивлен заданному Ив. Петр. вопросу, слышал ли я стрельбу, которая была всю ночь. – Нет, - ответил я.

Возвратившаяся с базара прислуга Надя сообщила, что на «барахолке» стоит оружие, при нем сидят японцы; у гостиницы «Версаль» много японцев и стоят их автомобили, магазины закрыты и нельзя ничего купить; на улицах народу много. Говорят, что японцы заняли город. Быстро встал и в 9 ½ был у «Версаля». На панели – взвод японцев, от которого отделились числом до отделения и бегом направились к перекрестку улиц Светланской и Алеутской. Народу очень много у гостиницы; над ней развивается японский флаг; на крыльце сложено оружие и амуниция – русские; при входе стоят два часовых японца. У швейцара узнал, что Василий Георгиевич Б[олдыре]в³² дома. Внутри гостиницы, в швейцарской и во втором этаже, лица японских солдат. Вас. Георг. встречаю спускающимся с лестницы. Так как он был центром всех мероприятий только что бывшего правительства, то рассчитываю получить от него информацию; на мой вопрос, что произошло, получаю ответ: «Иду ориентироваться, так как ничего не понимаю; вчера пришел с японцами к благоприятному разрешению вопроса, а ночью ко мне ворвались японцы с револьверами, хотя потом и извинились, но стащили кошелек, фотографический аппарат и походные ножик и вилку».

Дивный солнечный день. На улице, главным образом по Светланской и пересекающей ее Алеутской, море голов, люди движутся, стоят, на лицах недоумение и тревога, у многих выражение, как будто бы только что приняли касторки... Дом Приморской Областной Земской управы, оцепленный японскими часовыми, зияет разбитыми окнами, штукатурка обвалилась, всюду следы пуль, на здании – японский флаг. Захожу в гостиницу «Золотой Рог» - тишина, нет обычного движения; у прислуги пришибленный вид, куда девалась ее спесь, независимость и развязность после переворота 31 января...

Влад. Арк. [?] не приехал. Иду в штаб округа – дверь заперта. На обратном пути встречаю начальника штаба войск Приморской области, торопливо шагающего к штабу. Из его слов вижу, что он в полном неведении. Еще раз пробуем войти, но вход заперт. Идем через гостиницу «Русь», в которой помещались некоторые отделы штаба войск и жили штабные

офицеры, всюду пусто, говорят, что все арестованы. Входим в штаб. В большой комнате – дама и несколько мужчин сидят у стола. В кабинете начальника штаба – следы непрошенных гостей, хотя к их чести сказать, беспорядка не сделали, но кое-что забрали; с несгораемого ящика шкапа дежурного сорваны печати, но шкаф заперт и нет следов от попытки его вскрыть. Вл. Ник. Дом[анев]ский³³, захватил оставшуюся часть бумаг, и мы вышли. Заглянули по пути в комнату № 2 гостиницы «Русь», где был освед. отдел - никого, на столах бумаги. С Вл. Ник. дошли до угла Пекинской и Светланской, где он встретился с американцем и зашел к ним. Его озабочивает судьба офицеров и какие приняты шаги к освобождению арестованных; не забывает и о своей судьбе, спрашивает совета.

В лицах фланирующего люда радости не вижу; у большинства - все то же недоумение, у других – полное безразличие: люди вышли подышать свежим воздухом, наслаждаться дивным солнечным днем... Не все ли им равно, чей будет край, кто им будет править? Быть бы сытыми... По проще одетые бросают фразу: «Буржуи должны радоваться». Тут же слышу: «Ну что, купите партию...?» Дальше – разговор на тему всем давно знакомую, как бы лучше спекулировать. Безотрадно, тяжело, больно... Личное благополучие и забота о нем не отведены даже происходящей ужасающей драмой целого народа, оплеухой и плевком чужестранцев русскому национальному «я». Верно, устали все от переживаемых беспрестанных переворотов, но нельзя же все-таки доходить до такого циничного отношения к русскому делу, к русским интересам. Что должны переживать те, кто, утратив гражданское мужество (впрочем, есть ли и было ли оно у них?), постыдно бежал из пределов России и теперь пользуется «любезным» гостеприимством тех, кто дерзко и грубо топчет грязными ногами русское «я», кто рвет на части русскую душу грязными руками, попирая святыни...? Ведь японцы это делают для своего отечества. Вот у кого занять хотя бы немного любви к родине и научиться понимать, что личное благо должно быть на втором месте. Хотелось бы мне заглянуть в душу этим

людям. Неужели совесть их молчит? Бог им судья, забывшим мать-родину, спасающим себя. Но чувство не сожаления, а злобы кипит при мысли о людях, живущих ныне в Японии... До слез горько видеть озабоченных, с деловым видом снующих взад и вперед на автомобилях японцев и в особенности сопоставлять с русскими, беззаботно гуляющими по Светланке. Другие чужеземцы, не успевшие отбыть из Владивостока, покрыли свои автомобили большими национальными флагами, не довольствуясь маленькими. Для чего это? От страха перед японцами, смело и открыто делающими свое национальное дело, или в пику всем нам, русским, оставшимся у себя? Противно. От роя черных мыслей, горькой обиды начинает кружиться голова.

От Ник. Алек. Завьялова узнал, что толчком разыгравшейся в ночь с 4 на 5 апреля драмы послужило событие в Никольске-Уссурийском, где произошел бой между русскими и японцами, начатый первыми. Так ли это – большой вопрос. Молва говорит, что в Спасском селе японцы перебиты.

Отсутствующие офицеры штаба войск постепенно начали отыскиваться – были на своих квартирах, но часть из них все-таки попали под арест – пом. генквара (*фамилия неразборчива – С.П.*) и другие.

К 12 час. торопились к военному управлению. В «Версале» полно японцев; у дверей комнаты № 12-а, как бы охраняя ее, стоит японский часовой. Посещение не внесло ничего нового для прояснения событий. Японцы – на страже. Стук в дверь номера, проходят на балкон три японца и залегли там. Оказалось, что на углу Светланки и Алеутской произошло столкновение русского с японцами.

В третьем эшелоне все благополучно, если не считать скрывшихся демократических деятелей Военной Академии, бухгалтера типографии Гущина и служащего в ней Заколунина. Эти люди оказались храбрыми только со своими, но остались после прихода японцев гражданского мужества не хватило; словом – великие люди, но малые дела.

На вокзале – толпа; вокзал охраняется японцами. Как и на всех государственных учреждениях, на нем развивается

японский флаг. Вокзал заполнен арестованными.

Красных флагов нигде не видно; внешнее отличие революционной армии – пятиконечная звезда на тулье фуражки и на левом рукаве – исчезло. Столь быстрая смена наводит на грустные размышления. На улицах появились военные с желтыми значками, в заломленных набекрень папах. Это, вероятно, первые ласточки семеновщины. На улице видел проезжавшего офицера в погонах – умная голова, откуда ты бредешь? Твои погоны – кукиш в кармане. Ведь стоит только пасть немного барометру, как ты с деньгами, вырученными твоим патроном от продажи России, убежишь без оглядки, так же, как это сделали многие другие, обогрившие руки в крови матери-родины. Зачем же дразнить тех, чьи души изболели в темнице века? Зачем делать зло тем, кто, болея за родину, не побежит с тобою, не носит это внешнее отличие, когда-то говорившее о рыцарстве? Стыдно выражать бахвальство великой идеей.

Командующий войсками³⁴ – в бесте, конечно, у чехов.

Около 18 час. появилось объявление от командующего японскими войсками в Сибири ген. Оой. Оно гласило (передаю почти текстуально): «Граждане, согласно декларации, объявленной 31 марта Японским правительством, начиная со 2 апреля, японское командование вело переговоры с Русским правительством для мирного разрешения вопроса о пребывании войск в крае. Внезапно в ночь с 4 на 5 апреля русские вооруженные группы напали на японские склады, гараж и управление штабов. Ввиду таких незаконных действий и стремясь не допустить возобновления беспорядков, японское командование вынуждено требовать разоружения русских частей. Не преследуя никаких личных целей, японское командование примет свои меры после переговоров с русскими властями».

У каждого объявления – толпы народа и слышно: «Ложь!» Негодованием говорит простой люд. Это объявление – первая официальная информация японцев. Если действительно все правда, что говорится в объявлении, то зачем же убран памятник борцам за свободу, сняты красные флаги –

выразители народного настроения? Значит, это экзекуция за проявление русскими негодования на интервентов? Нет, видимо, не эти причины, а скорее всего сбор Совета рабочих и солдатских депутатов, который начал функционировать 4 апреля.

К вечеру толпа уменьшилась. Встреченный мною А.И. Андогский сообщил мне слух, что выдвигается кандидатура Василия Георгиевича [Болдырева] на высший военный ответственный пост.

Изредка то там, то тут раздается ружейный выстрел.

Земская управа обстреливалась пулеметом с балкона гостиницы «Централь» (на углу Светланской и Алеутской), а из слуховых окон этой же гостиницы – гостиница «Золотой Рог», в одном из кабинетов которой помещался штаб какой-то революционной части. Номера 16 и 17 «Золотого Рога» пострадали, побиты окна, в дверях – пробоины от пуль. Пострадали и посетители, кажется, человек пять.

Вечером заседала какая-то комиссия и выработывала конструкцию власти.

6-го, как говорят, по настоянию других союзников, японские флаги сняты с некоторых правительственных учреждений. На дверях дома, где помещалась Земская управа, появилось объявление: «Приморская Областная Земская управа».

Утром 6-го встретился с Влад. Ник. Дом[аневс]ким, который пригласил меня вместе с дежурным ген. Герасимом Федоровичем Ром[ановы]м³⁵ в № 45 гостиницы «Золотой Рог». Здесь открылся штаб.

Вл. Ник.[Доманевский] передал, что Командующий войсками словесно приказал ликвидировать военное управление и распустить войска и офицеров. Я считал своим долгом заявить начальнику штаба, что подобные распоряжения словесно не отдаются и потому необходимо просить отдать письменное. Кроме того, необходимо добиться гарантии личной безопасности самого Командующего. Можно ли считать начальника, сидящего в бесте, правомочным отдавать распоряжения? Ведь всякое приказание связано с ответственностью за отдачу его. Меня поддержали другие. Один из присутствующих, адъютант

наштавойск, сказал: «Кто пользуется большой властью, на том лежит большая ответственность». Если Командующий опасается за свою личную безопасность, значит, нужно, чтобы было лицо, имеющее полномочия и пользующееся свободой. В номере были написаны вопросы для разрешения их неофициальным переговорщиком с японцами. Странно, что переговорщик – служащий в английской миссии – из любезности взял на себя [этот] труд. Я заметил, что необходимо было бы назначить официальное лицо или по крайней мере иметь представителя, который информировал бы наштавойск. Герасим Федорович [Романов] сказал даже, что лучше бы быть самому наштавойск. Вопросы, предложенные к разрешению, приблизительно следующие: 1) допустить работу в штабе, снять японский караул; 2) гарантировать безопасность лиц, работающих в ликвидационной комиссии; 3) требования давать письменными; и возратить хотя бы один автомобиль.

Условились пока собираться в 45-м номере. Бывший здесь начальник военных сообщений заявил, что у него все – на местах и вчера даже заходил японец просить наряд на перевозку продуктов. Что это – глумление или неведение?

Железнодорожные служащие все разошлись и действительно, когда я проходил мимо вокзала, там не видно было жизни.

Около 14 часов появился приказ начальника милиции, чтобы все служащие правительственных учреждений возвратились к своим местам и приступили к работе, как только помещения будут освобождены от постоя японских войск.

Японские часовые у Земской управы сняты и там происходило заседание управы.

Издали видел главу правительства³⁶, который с портфелем под мышкой стоял у Земской управы. Невольно пришло в голову сопоставление: в то время как представитель высшей военной власти сидит в бесте, представитель гражданской – бесстрашно гуляет. Стало стыдно за военных. Сколько приходилось наблюдать, как в моменты опасности начальники бросали своих подчиненных. Так было, говорят, при отходе из Омска, Иркутска, когда офицерство, получавшее строгие приказы не покидать своих мест, оставалось и погибало, так

как никаких больше распоряжений не было – высшее командование все сбежало. Недаром слышишь столько сетований подчиненных. Не хватает мужества у лиц, которые вдали от места, где люди под влиянием грозящей им непосредственной опасности приближаются к экстазу, психозу, могут творить чудеса храбрости.

На Русском острове события разыгрались так. Как только дошла весть о наступлении японцев на власть, чины инструкторской школы на общем собрании, состоявшемся в понедельник, решили вооружить всех, раздать оружие и без боя не сдаваться. Винтовки и патроны были присланы и в Академию. Спустя небольшой промежуток времени по телефону дали знать, что японцы высадились на пристани Поднижье и по телефону же потребовали автомобиль, который и был подан. На нем приехали два японских офицера, вслед за ними приехали человек 40 японских солдат. Японские офицеры потребовали выдачи 2/3 оружия, а 1/3 сдать на следующий день в 11 часов утра – неисполнение повлечет репрессии. На размышление дано 40 минут. Требование это было исполнено. На солдат такой оборот дела произвел тяжелое угнетающее впечатление. Красные флаги сняты, звездочки тоже.

В целях сбережения академического имущества А.И. Медведев, по его словам, написал отношение командующему чех-войск ген. Чечек³⁷ и передал офицеру, прибывшему от него. В отношении говорилось, что в целях безопасности ценного имущества при сложившейся обстановке необходима международная охрана. На основании этого обращения чехи выставили караул в помещении, где размещена библиотека.

По рапорту и.д. библиотекаря – только что вошли чехи, вслед за ними вбежали японцы и порывисто подошли к чехам, видимо, намереваясь разоружить, но потом, заметив, что это не русские, сказали: «чехи» и прошли. И.д. библиотекаря спросили, нет ли большевиков и, получив отрицательный ответ, ушли. Когда я подъезжал к пристани Поднижье, то сверх всякого ожидания японцев было мало; по пути встретил отделение японцев, которое прошло мимо, не остановив меня.

Встречал русских солдат: вид угнетенный. Какой-то вольный спросил меня, из города ли я и что там происходит. Услышав о восстановлении власти земства, сказал: «Слава Богу!»

Дома от В.Э. Арнольда узнал о якобы выходе распоряжения об объявлении всех военнослужащих военнопленными.

7 апреля. Среда. Благовещение

Пока тихо; слухи об объявлении военнослужащих военнопленными не подтверждаются. Выставлен караул на пересечении дороги в школу, который останавливает и спрашивает пропуска у всех мужчин в военной форме. Несколько странно, почему только у одетых в военную форму? Как будто военный не может одеть штатское.

Какая-то нелепость. Флаги пока не сняты. Канцелярию школы переселили вниз, а прежнее помещение канцелярии заняли. Лапы запускают не только за оружием, но вообще ко всему. Продукты выдавались под японским контролем. И так, у себя дома русские не только не хозяева, но даже и не гости. Не брезгают японцы и чужой частной собственностью: берут всё, что понравится, в ответ на протесты указывают на свой штык.

Стоит отметить также состоявшийся в субботу в вагоне начальника Академии обмен мнений по текущему моменту. Переговоры А.И. Андогского с политическим уполномоченным Командующего войсками привели к следующему: библиотека и типография отправляются под руководством бывшего поддесаула Голорыбова с участием Гушина и третьего лица (фамилию не помню) в Советскую Россию через Благовещенск. Весь личный состав остается здесь, во Владивостоке, на усиление; занимаемые в Академии должности сохраняются за чинами Академии; активные работники будут получать содержание полностью, а пассивные – 80 %.

После этой информации, сделанной А.И. Андогским, обменялись взглядами; за исключением одного все пришли к заключению, что нужно выявить русское лицо и перестать скитаться по белу свету. Из слов [сотрудников Академии], сидевших в Харбине, я вынес впечатление, что там мечтали целым учреждением выехать куда-то за пределы России. Была

такая фраза: «нужно поставить крест на возможности уехать целым учреждением». Со слов другого члена конференции стало ясно, что обращались за помощью к французам. В конце заседания А.И. Андогский просил участников конференции письменно высказать свое политическое кредо и предоставить ему в 14 час. следующего дня, и мы разошлись. Однако странный результат: кроме меня никто не представил. Я написал, что стою на платформе Приморского областного земства. Хочу объяснить такой поступок членов недостатком внимания.

Отрадно, что национальное чувство восторжествовало, искренне или по безысходности положения, но восторжествовало. Я возвращался удовлетворенный таким результатом, тем более, что в национальном духе говорили лица, от которых трудно было [этого] ожидать. На заседании присутствовали:

засл. проф., ген.-лейтенант Колюбакин Борис Михайлович³⁸,

засл. проф., ген.-лейтенант Христиани Григорий Григорьевич,

ординарный проф., нач. Академии Андогский Александр Иванович,

ординарный проф., ген.-майор Коханов Николай Иванович³⁹,

шт. преподаватель, ген.-майор Сурин Викентий Ильич,

шт. преподаватель, полковник Слижиков Аркадий Иванович и я. Отсутствовали экс. орд. проф. Болдырев (которому [была] послана записка с извещением о конференции), видимо, не пришедший за недостатком времени, и ординарный проф. Иностранцев Мих. Алекс.⁴⁰, подавший в отставку и находящийся пока во Владивостоке. На этом же заседании Академии объявили о решении правительства [правления - ?] отчислить из Академии отсутствующих больше месяца. И такой финал академических скитаний получился, с моей точки зрения, из-за несвоевременного прибытия во Владивосток из Харбина. Это мнение и было высказано мною за завтраком у А.И. Андогского 5 апреля Аркадию Павл. [?] и Ал. Ив. [Андогскому], хотя они не разделяют моего мнения, считая

(говорил Ал. Ив.), что Харбин – центр, в котором сосредотачивается вся международная информация и потому они должны были быть там; но, тем не менее, я остаюсь при своем мнении. Академия как учебное заведение должна быть аполитична и члены ее не должны делать политику; во-вторых, если согласиться с необходимостью иметь международную информацию, то это можно было бы сделать иначе – оставить специалиста-информатора, а всем уехать во Владивосток, тем более, что власть была приемлемая, с платформой которой, как показало совещание в субботу, все не только мирятся, но и соглашаются. Что же в таком случае удерживало?... Пусть ответ остается при тех, кто там сидел и кто уехал; думаю, что громко им не совсем удобно высказываться. Не этот ли ответ заставил замолчать, когда на заданный мне вопрос, почему я не приехал в Харбин информировать? - я ответил: во-первых, потому, что впечатления слишком субъективны, и я не считал себя вправе, чтобы по моей ориентировке принимались решения, а тем более после предупреждения А.И. [Андогского], что решения очень важны; во-вторых, не желал, считал, что, если сидят в Харбине и не хотят рисковать собою ради учреждения, то естественно, я не должен рисковать собою ради личной безопасности сидящих там лиц. Правда, Арк. Павл. [?] заметил, что в Харбине был личный состав во главе с начальником Академии; на что я ответил, что он, Арк. Павл., должен был приехать, а не сидеть и пить «международной информацией». «Почему ты сейчас сидишь здесь, а не поехал на Русский остров?» - Ответа не получил.

После такого обмена мнениями А.И. расстался со мной, как мне показалось, холодно. Я не считаю вправе скрывать то ужасное чувство, которое испытывал и которое оставило неприятный осадок на душе после пережитого за время сидения третьего эшелона Академии в Харбине. По-моему, это «сидение» оголило каждого в данный момент, раскрыло зловонные язвы; ни корректного начала, ни человечности в нынешних людях нет.

Наболевшее искало выхода, и я высказал его тем, кто обязан был не заставлять нас, сидящих здесь, во Владивостоке,

переживать. Мы были русскими, чуждыми узурпации власти и сепаратизма, в чем нас заподозрили; заботились об общем и целом и принимали удар из-за тех, кто в это время искал «международной информации» для каких-то высших для нас, маленьких людей, непонятных целей. Не эти ли стремления к получению широкой ориентировки «международного характера» вынудили некоторых членов конференции торопливо уехать за пределы России?... Не лучше ли без высших соображений, а просто, чисто и искренне уметь отвечать за свою прежнюю деятельность, если этого потребуют. Христос учил, но от своего учения не отрекся и, не колеблясь, принял смерть мученика. Первые христиане умирали за идею, потому что служили ей и верили ей, но ничему и никому другому. Мы же, желая быть руководителями, бежим, как только почувствуем личную опасность. Не уважение, а презрение вызывают такие люди. Мы хотим, чтобы простой мужик уразумел идею государственности и умерал за нее, сами же безапелляционно сдаем свои позиции и бежим под защиту... кого? Тех, кто грабил русский народ. Да, после этого мы не смеем рассчитывать не только на любовь низшей братии, но даже на снисхождение. Обмельчал человек, утратил моральную упругость и легко входит в сделку с совестью.

Не я один так мыслю. На совещании нашлись единомышленники мои, в этом я не одинок. Но, к несчастью, в личной жизни – одиночество полное. Бог дал бы мне силы и умерил бы мои душевные страдания, чтобы мог приняться за деятельную работу. Чувствую, что силы мои убывают. Не страшна смерть, если бы только знать, что дети станут на дорогу и те обездоленные, которых мне вручила судьба. Да простится мне все сказанное... говорил не в осуждение.

Июль. Понедельник, 13/26

Сегодня был на Макаровском мысу, у маяка того же имени – любовался закатом солнца. Как дивно хороша и очаровательна природа и как несносны и злы люди – человек – царь природы... Хочется уйти, остаться одному со своими мыслями, хотя они и мрачны как грозовая туча. Все полны

ожидания, но что будет? Мне всё равно, я устал от одиночества, устал от этой тяжелой гнетущей обстановки, создаваемой людьми. Почему то, что мне дорого и те, кто мне дорог, не вызывают у близких мне людей чувств хотя бы справедливости и внимания, которое они заслуживают? Ужасная тоска...

Как назойливая муха в знойный летний день преследует меня мысль о заграничном отделе национально-государственного объединения⁴¹. Какая нелепость. Собрались объединители России, и где же? – за границей, и кто же? – люди, лишенные крупницы мужества и дела, люди без веры в творимое ими. «Голос России», издаваемый в Харбине, гордо оповещает от 16/VII своих читателей о роли, которую выполняет в этом деле постыдно бежавший в Японию П.Ф.Р.⁴² Грустно.

«Зарубежные» называют меня соглашателем. Видимо, за то, что я остался здесь и принял участие в активной работе Временного правительства Приморской Областной Земской управы.

Конечно, много легче сидеть в безопасном месте, быть обеспеченным не только не сегодняшний день, но и на будущее и критиковать ближних. Положение, как политическое, так и экономическое, запутанное. Японцы несколько изменились, и как будто бы к лучшему. Произошел какой-то сдвиг; боюсь, что скоро будет объявлена оккупация. Нужно думать, что они кроме того преследуют еще одну цель – переброски остатков каппелевской армии из Читы, усиленно интересуются нашими формированиями за 30-верстной полосой.

С 16 июля во Владивостоке ген.-лейтенант Дитерихс⁴³, прибывший из Читы. Как он говорит, приехал «частным человеком» посмотреть лично по совету японского генерала Токаянаго, что здесь делается.

16 июля я был предупрежден адъютантом генерала Оой о приезде генерала Дитерихса. Просили не арестовывать. Не правда, ли странная просьба! Японский генерал просит русского генерала не арестовывать русского же генерала. Право, какой-то всеобщий психоз... Естественно, японцы получили заверение о полной безопасности.

16-го же июля от Дитерихса я получил письмо с просьбой отдать распоряжение о выдаче удостоверения на право жительства ему и трем сопровождающим его офицерам. Удостоверение выдал.

17 июля состоялось свидание Дитерихса с Болдыревым и мною. Беседа носила частный информационный, чисто конфиденциальный характер. Дитерихса интересуют вопросы: существует ли у местного временного правительства связь с Сов. Россией и как оно смотрит на Сов. Россию; можно ли быть уверенным, что ничего не изменится и после ухода японцев из Приморской области, что, по мнению генерала, должно случиться.

Ген. Болдырев ответил, что Сов. Россия признаётся дружественной державой; что пребывание японцев здесь, в Приморской области, необходимо использовать для оздоровления населения, так как нет пока оснований рассчитывать на благоразумие масс, когда сдерживающий элемент уйдет.

Дико как-то звучало в устах Дитерихса слово «народ», без которого нельзя приступать к строительству России. Заговорил о народе человек, показавший своей предшествовавшей деятельностью обратный пример. Возможно, конечно, горький опыт внес коррективы в образ мыслей и способ действий почтенного генерала. Очень хотелось бы этому верить. Хотелось бы, но что-то не верится. Как и то, что прибыл для информации и что искренне готов работать с народом. Если произошла такая перемена, тогда что задерживало генерала приехать в феврале и тогда же решить наболевшие вопросы?

1921 год. Кр. Владивосток. Март, 11/21. Воскресенье

Изложенное ниже относится к воспоминаниям, а не ежедневным записям событий; обнимает период бытности моей начальником штаба Сухопутных и Морских вооруженных сил Временного правительства Приморской Областной управы, т.е. с начала апреля 1920 г. по 13 декабря того же года.

Переворот 31 января и арест автоматически освободили меня от должности начальника штаба Приморского округа и вновь я возвратился в Академию на должность штатного

преподавателя. А.И. Медведев в целях возглавления части личного состава Академии и наблюдения за имуществом, находящимся во Владивостоке, назначен вр.и.о. начальника Академии; меня просил исполнять должность правителя дел Академии, на что я дал согласие.

Жизнь во Владивостоке протекала относительно тихо и спокойно. Власть постепенно клонится влево, более и более приближается к большевикам; постепенно вводятся учреждения Сов. России, как, например, чрезвычайка, военный контроль. При всяком удобном и неудобном случае делаются выпады против интервентов, главным образом против японцев, которые преобладают и являются тормозом для проведения большевистского режима.

Подготавливаются выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. Штаб округа переименован в штаб войск, начальником которого назначен Ген. штаба ген.-майор Доманевский Вл. Николаевич. До этого назначения имя его нигде не упоминалось. При Омском правительстве не служил.

Спустя некоторый промежуток времени после переворота, когда как будто приступили к организационной работе, начали даваться и мне поручения как то: составление штатов и положения для переформированной инструкторской школы, описание революционных войск и их деятельности с момента переворота. Первая работа была выполнена, вторая света не увидела, так как нигде никаких материалов не оказалось. В связи с этими работами пришлось иногда бывать в штабе войск, который занимал помещение «Аквариума», т.е. остался на старом месте. Состав служащих прежний; появились и новые лица – дежурный генерал, ген.-майор Герасим Федорович Романов и пом. генквара полковник Осколков.

Бывать в штабе мне было не по душе. В глазах мелкой братии я был «контрреволюционер», хотя, должен отметить, отношение было ко мне в высшей степени корректное и предупредительное. В одно из посещений штаба по вызову наштавойск я узнал, что последний хотел меня пригласить в штаб и во исполнение существующего распоряжения проводить предназначенных на должности через горнило политического отдела

при Военном совете (по типу Сов. России), запросил Военный совет. Ответ получился отрицательный. Таким образом, моя кандидатура провалилась, чему я искренне был рад: исключались излишние неприятные разговоры и приобретал полнейшее право на выход в отставку, будучи уверенным в благоприятном разрешении моей просьбы. Рапорта об увольнении в отставку не подавал, так как выжидал приказа о пенсиях. Осуществиться моим желаниям не суждено было, так как курс, взятый властью во внутренней политике, привел к событиям 4 и 5 апреля, спутавшим все карты и выдвинувшим на высший военный пост – командующего Сухопутными и Морскими вооруженными силами – вместо подавшего в отставку, сидевшего в бесте подполковника Краковецкого – Ген. штаба. ген.-лейтенанта Василия Георгиевича Болдырева – одного из членов Директории.

О пребывании ген. Болдырева во Владивостоке я знал, так как его имя неоднократно приходилось слышать в связи с работами комиссии законодательных предположений при Военном совете; официально он, кажется, нигде не числился. Имевшие место факты говорили о влиятельном положении, которым ген. Болдырев пользовался у местных властей. По возвращении из Японии он держался в тени. В феврале познакомил меня с ним Лев Павл. Дюсиметьер в гостинице «Версаль». Как-то спускаясь вместе с Львом Павл. по лестнице, на площадке встретили господина в штатском, выше среднего роста. Лев Павл. остановился и начал разговаривать, а затем представил меня. Перекинулись несколькими ничего не значащими словами и разошлись. Это был ген. Болдырев. Потом встречались в «Золотом Роге», в № 18, куда он приходил в гости. Говорили мы с ним мало, а если иногда и начинался разговор, то сдержанно официально сухой. Чувствовалось сознание собственного достоинства и мягкость в голосе при разговоре с дамами, вежливость, умение говорить хорошо. Сказать что-либо про характер этого человека было трудно; единственное, что бросалось – хитрость и ловкость в ответах на вопросы: никогда прямо не отвечал, а дипломатично. Выражаемые

им взгляды говорили о любви к России. Был отзывчив, готов был оказать услугу и помочь другому, опять-таки не в ущерб себе. При встречах с ним мне никогда не приходила в голову мысль о возможности совместной службы да еще так тесно, но обстоятельства и возможности выше нас.

Постоянные поездки с Русского острова во Владивосток утомили меня, и потому я решил засесть дома, а вскоре после японского выступления привел свою мысль в исполнение – уехал на Русский остров. Чуть ли ни на другой день по моем приезде на остров Валентин Эрнестович [?] передал мне просьбу Вас. Георг. Болдырева приехать к нему. Впоследствии Вал. Эрн. сказал мне, что цель вызова, вероятно, пригласить меня сотрудничать с В.Г., так как он назначен Командующим войсками. Подобной перспективой я был ошеломлен: это было столь неожиданно, ведь В.Г. меня не знал ни как человека, ни как работника.

На другой день я был уже во Владивостоке и прежде чем свидеться с В.Г. зашел в «Золотой Рог», в № 18, где из разговора выяснил окончательную цель вызова. К 13 час., как просили, я уже был в штабе войск, в кабинете Вл. Ник. [Доманевского], который просил меня не отказываться от принятия должности начальника штаба войск. В штабе атмосфера после только что пережитого как будто разрядилась. Вас. Георг. был вверху: у него шли доклады, и при мне таковой делал, как потом я узнал, Конст. Авк. Травников⁴⁴, комендант крепости Владивосток. Сущность всех докладов сводилась к ориентировке в связи с 4 и 5 апреля.

Встретив, как мне почувствовалось, довольно официально, В.Г. просил меня сесть и обождать окончания докладов. Наконец, мы остались вдвоем в комнате. У нас произошел приблизительно такой разговор: «Прошу вас принять должность нач. штаба, так как Вл. Ник. Доманевский просит его освободить, да я этому и рад, поскольку он болен. Работы будет много; характер её скорее дипломатический – переговоры». Я поблагодарил Вас. Георг. за предложение, но заметил, что вряд ли осилю такую работу, так как, кроме моего нездоровья, такая работа не по мне, но, учитывая текущий

момент и что отказываться сейчас от работы никто не в праве, я принимаю предложение, но должен оговориться, на каких условиях. Работу начальника штаба признаю возможной при наличии искренности и доверия во взаимоотношениях Командующего и начальника его штаба. Постоянная осведомленность о планах и предположениях начальника, его принципиальные взгляды на вопросы кардинальной важности. Такое положение и только такое дает возможность начальнику штаба вести работу в духе требований дела и взглядов главного начальника. Другого положения не допускаю. Упомянул для характеристики о своей работе в различных штабах и отношениях, какие были у меня с моими начальниками и подчиненными. Вас. Георг. ответил, что он придерживается такого же взгляда и потому в этом отношении можно быть спокойным, кроме того он предоставляет мне полномочия и свободу в ведении штабной работы, поскольку не сторонник вмешательства.

Так как этот разговор был на страстной седмице, то я просил разрешения вступить в должность после первых дней св. Пасхи, которые хотел провести с семьей. Мне разрешено было приехать 12 апреля.

Итак, с этого момента я вновь закрепостился. 12 апреля я приехал с рапортом и 13-го вступил в исполнение должности. В первую же неделю у меня были иностранцы в целях информации. Поразил меня американец, который задал мне вопрос: «Какие изменения намечены и произошли в штабе?». Когда я, смеясь, сказал, что ему, вероятно, известно, что есть новый Командующий войсками, а я новый начальник штаба, а других перемен нет, американец, видимо, был удивлен. Что его интересовало, какова была его задняя мысль?

Вас. Георг., по его словам, пришлось выдержать бой в связи с моим назначением. Не только русские работники левых партий были против, но и американцы. Мне ставилось в вину пребывание начальником штаба у Розанова. Не был ли вопрос американца в связи с этим боем, о котором говорит В.Г.? Самое поверхностное знакомство с общим

положением указало на царивший всюду хаос, который наделали японцы своим выступлением, а затем и на массу обездоленных и нуждающихся в помощи и заступничестве. Естественно, что эти два вопроса и должны были лечь в основу работы, т.е. разобраться в сумятице – привести все в известность и возможный порядок, принять меры к обеспечению обездоленных, учесть все офицерство, которое рассеялось как песок морской.

Господами положения были японцы, и потому настоятельно было необходимо, не теряя достоинства и поддерживая суверенные права России, вытягивать у иностранцев всё ими захваченное в дни 4 и 5 апреля и отстаивать русскую позицию. В целях достижения и установления общего языка с японцами была образована согласительная российско-японская комиссия из делегатов сторон. Сперва была одна комиссия, на обязанности которой лежало выработать условия и принципы соглашения. В конце апреля соглашение было выработано и подписано сторонами. Так как этим соглашением затрагивались различные вопросы – организация вооруженных сил, включая милицию, вопросы имущественные, связи, железных дорог, военных учебных заведений – и могли возникнуть более принципиальные, то сформировали комиссии: главная – под председательством г-на Цейтлина⁴⁵ (председатель комиссии, вырабатывающей условия договора с японцами), и второстепенные, так сказать подкомиссии: по вопросам военно-учебных заведений и милиции – под председательством полковника Сколодог; по вопросам имущественным – пред. полковник Кибаленко; связи и телеграфа – ком. 1 роты Вильчевский. Бросалось в глаза, что председателем главной комиссии было лицо, ничего общего с военным миром не имеющее. Такое же недоумение было и у наших противников. Тем более, что в состав комиссии входили лица с большим служебным стажем. Нужно думать, что назначение Цейтлина было партийной данью, искупительной жертвой. Однако следует отдать справедливость: Цейтлин отлично выходил из всякого рода затруднительных положений

со свойственной его нации изворотливостью и вполне отстаивал русские интересы, в особенности в начале своей деятельности. Впоследствии сказалась его партийность (он коммунист) и многие вопросы решались подчас в интересах партии, а не общей пользы дела и целесообразности.

Комиссии имели огромное значение и с моей точки зрения они выдвинуты японцами из нежелания говорить с местными гражданскими властями. Комиссии эти должны были урегулировать все вопросы, выдвигаемые жизнью, ввести в нормальную колею, насколько это допустимо в революционное время, другими словами, при создавшемся положении комиссии – это всё. Они и сделали много, но могли и еще большую роль сыграть в жизни области. Нужно было осмотрительнее делать назначения, в особенности в отношении отдельных членов.

Были попытки создания подобных комиссий и по области, но их работа как-то не клеилась. Нужно думать, что тяжесть работы в комиссиях падала на председателя, особенно это имело место в главной, где г-н Цейтлин, видимо, считал членов комиссии необходимой для его деятельности декорацией. Положение ненормальное, но, к сожалению, выяснилось оно слишком поздно и потому приходится признать: снявши голову, по волосам не плачут.

Руководящих инструкций комиссиям не было дано, указания давались лично Командующим, к которому председатель главной комиссии ездил с докладом, да и не председатель, а и.д. генерала для поручений капитан Саворовский, оставшийся после подполковника Краковецкого. Как-то сразу образовалась область вне моего наблюдения. Войти в неё было мудрено. Быть может, не последнюю роль сыграли мои взгляды: не желаете посвящать – не нужно, обстановка сама укажет, кто прав. Сознаю, что в деле такой взгляд, быть может, и неверен, но что делать.

Пытался я направить деятельность капитана С[аворовского] на путь, который казался мне нормальным и правильным, т.е. докладывать сначала мне и преследовать благоразумно наши интересы. Но когда я потребовал исполнения,

мне было заявлено о ненужности и прочее в этом духе. Видимой поддержки в лице моего начальника я не встретил; была высказана позиция примиренчества, и потому я отступился; доклады стали поступать непосредственно Командующему. Впоследствии капитан Саворовский оказался довольно симпатичным, и у нас установились хорошие служебные отношения. Он уехал в Англию.

Главная, а через неё и другие комиссии, подчинялась непосредственно Командующему войсками. Не знаю, были ли указания главной комиссии об организации комиссий в других пунктах области и кто их должен был организовать и кому они подчинялись, факт только в том, что образовавшиеся комиссии данных не имели, и потому получился кавардак. Немало помогали этому японцы, которые, когда для них было выгодно, не признавали [этих комиссий], и вопросы, которые нуждались в спешном разрешении на местах, направлялись в штаб, в главную комиссию. Не были осведомлены на местах и наши учреждения, о существовании которых (во всяком случае многих) не было никаких сведений.

Связи гражданских учреждений с военным ведомством даже во Владивостоке не чувствовалось; каждый думал по своему. Только в конце мая мне удалось достигнуть кое-что в этом смысле с министерством внутренних дел; почему и как – речь впереди. Хотя без особой планомерности, но комиссии работали и постепенно выторговали у японцев наше имущество, снаряжение, наше право в решении вопросов и проч. Преобладающее значение имело военное ведомство, так как японцы ни с кем из других ведомств разговаривать не желали. Открыто это не высказывалось, но прилично намекалось. Глава ведомства держал себя с большим достоинством, твердо отстаивая русское дело. Японцы и вообще иностранцы считались с ген. Болдыревым, ведь генерал – человек не новой формации...

Впоследствии была организована морская комиссия, и спущенный вначале Андреевский флаг вновь появился на наших трех миноносцах, которые разрешено было иметь на внутренних водах, правда, не вооруженными. Заслуги, хотя

бы такого малого успеха для непосвященного во всю обстановку по справедливости должны быть отнесены ген.-лейтенанту Болдыреву, который неоднократно высказывал, что для нас, т.е. военной власти, не важно количество, а важно сохранение суверенных прав России на Дальнем Востоке.

Второй серьезный вопрос – призреть обездоленных. В первые месяцы было многое сделано в этом отношении: объявлены приказы о выдаче пенсий вдовам, мужья которых без вести отсутствовали. Обездоленных действительно было много. Мне приходилось мало заниматься бумагами по моей должности, а все присутственные части выслушивать жалобы на судьбу, слушать мольбы о помощи. В числе просителей были женщины, мужчины – от крестьян до офицерства. Среди них был определенный процент людей, которые, по-видимому, придерживались взгляда: с худой собаки – хоть шерсти клок. По настоянию В.Г. была объявлена амнистия по службе: забыто разделение на «колчаковцев» и прочих. Заготовлен приказ и о «семёновцах», но этому распоряжению не суждено было увидеть свет.

Работа штаба приобрела иной характер. Это был не штаб, а, скорее, главный штаб или канцелярия военного министерства, так как вопросы были главным образом о призрении военнослужащих и их семейств, а со стороны гражданских лиц – о восстановлении утраченного имущества во время выступления японцев или отобранного враждовавшими отрядами или партизанами.

Просьбы крестьян о возвращении им реквизированного скота (главным образом партизанами) буквально посыпались после удовлетворения одной из них и в результате ласкового обращения с просителями. Невольно чувствовалось упрочение доверия к власти, вера в возможность найти справедливое заступничество. Вот тут-то и сказывалось отношение крестьянина к частной собственности, которой он дорожил, дорожит и будет дорожить, несмотря ни на какую пропаганду отказаться от неё. С нажитым потом и кровью трудно расстаться.

К сожалению, за отсутствием средств нельзя было идти широко на удовлетворение нужд, и кроме того, вопрос помощи населению был не военный, а общий; входил в компетенцию не военного ведомства, а правительства, поэтому и был передан в министерство внутренних дел, где потонул в кипе неразрешенных насущных вопросов, правда, не по вине главы, а громоздкости и широты вопроса. Стали поступать просьбы не только [в результате] переживаний последнего времени, но чуть ли не с 14 года.

Приказ Командующего войсками партизанам и вообще всем войсковым частям, отданный после подписания обеими сторонами соглашения о сборе в указанном пункте вне 30-верстной полосы – приказ в категорической форме – всеми был принят безоговорочно.

Трудно было ожидать, но это так: в штаб стали поступать донесения о движении партизанских отрядов, даже шевченковцев, в указанные пункты. Подчас начинало мерещиться, что это настоящие дисциплинированные части. Вскоре прибыли и делегаты от партизан с политическим уполномоченным во главе. Вежливость, корректность, дисциплинированность невольно бросались в глаза. А как понравится такая фраза полит. уполномоченного?: «Довольно, генерал, уговоров, митингов! Толку от них никакого. Вот мне пришлось чуть ли не целую ночь уговаривать, чтобы двинуться с места». Хочется верить, что многие одумались и осознали, что вооруженных людей, связанных в организационные единицы, т.е. воинские части, нужно двигать и распоряжаться ими помимо их воли и желания, что эти вопросы должны решаться единолично, стоящими во главе этих организмов лицами. Не нужно забывать, что идейных людей мало, что умирать за идею редко кто пойдет.

Период времени от начала апреля до последних чисел мая [1920 г.] характеризуется патриотическим национальным подъемом. Вражда и озлобленность политических противников уступили место стремлению к единению. Сплотила всех разразившаяся 4 и 5 апреля иноземная угроза. У каждого явилось желание составить компактную

массу для защиты русских интересов. К сожалению, подобное желание наблюдалось у простолюдина; интеллигенция себя ничем не проявляла. Так мне казалось.

Представители коммунистической партии, занимавшие должности политических уполномоченных при крупных должностных лицах, охотно шли на предлагаемые командным составом мероприятия, сознавали, что, желая установить хоть мало-мальски сносные условия, необходимо уходить от импровизаций, неорганизованности, заставить людей повиноваться законным требованиям. Суждения их подчас были очень резкими. Так, однажды г-н Цейтлин мне сказал, когда мы заговорили о партизанах: «Знаете, Ал. Триф., эту сволочь нужно разогнать». Судя по энергии, которую проявляли полит. уполномоченные (нужно сказать, не все) в рассасывании этого гнойника, следует думать, что г-н Цейтлин был искренен в разговоре со мной. Однако не все могли или хотели учесть, оценить общие настроения, не хотели понять, что в такие моменты достигается единение, сплоченность – куй железо, пока горячо. У многих явился зуд переговоров. Эти люди не разбирались, кому на руку хаос, не справлялись с истинными подогревателями выступлений. Слухи о выступлении начали циркулировать чуть ли не с начала мая⁴⁶. Лично я не придавал им никакого значения. Я не мог понять ни цели, ни смысла их. Правда, власть была не на высоте, но никогда и нигде не было особого недовольства. Всюду и всегда – раз есть власть, ее будут критиковать. С моей точки зрения, власть была приемлема для тех, кто не мог признать большевиков справа или слева. Нужно было только работать, стремясь действительно провести в жизнь принцип: у каждого дела должен стоять знаток (не справляясь о его политическом кредо). Возможность была, так как господствующая партия, как во всей России, так и здесь, в Приморье, с этим согласилась. Иногда из недоверчивости ставили «своего», если им казалось, что выдвигается явный черносотенец, но сплошь да рядом после разговоров результат был в благоприятном смысле. Такое положение было до слухов о перевороте. С

момента их возникновения работа стала усложняться, уже труднее было набирать работников, так как приходилось считаться с капризами предназначаемых на ту или иную должность, а также с прениями, которые теперь постоянно возникали в политическом отделе. Наконец, 27 мая ко мне прибегает один офицер, Я.Я.С.[?], и передает, что 28 мая назначено выступление; вдохновитель его – сидящий у японцев и состоящий у них на службе – некий полковник Немысский. Офицерство же не желает никаких выступлений.

Нужно было принимать меры, чтобы предотвратить ненужных и бессмысленных жертв. Переговорив с М.Икр.[?], я отправился к начальнику японской миссии полковнику Исомэ и передал ему все, что знал по вопросу о назначаемом выступлении. Между прочим, я ему сказал, что его, Исомэ, называют инициатором и покровителем. После этого он задал вопрос: «Что же вы и ваше правительство хотите?» - «Единственное, что хочу, - ответил я, - чтобы полковник Немысский не переступал порога казармы, в которой живет». Просьбу мою полковник обещал исполнить.

В эту ночь, т.е. на 28 мая, полковник Исомэ докладывал ген. Оой мой с ним разговор и затем приезжал к ген. Болдыреву сообщить, что японское командование сделает всё, чтобы не допустить беспорядков. Исполнил ли полковник Исомэ данное мне обещание или нет, но факт только в том, что никаких выступлений не было.

28 мая не прошло без последствий. Коммунисты, учитывая слухи, которые становились упорнее и упорнее, приняли со своей стороны меры предосторожности; не только коммунисты, но и министр внутренних дел Апол. Ник. Кругликов⁴⁷, как обязанный обеспечивать порядок и безопасность граждан.

В этот и последующие дни были произведены аресты, конечно, офицеров. Арестовывали и на пароходе едущих во Владивосток с Русского острова. Подчас люди не только ничего не знали, но даже не слышали о готовящемся выступлении, тем не менее, попали в тюрьму. Пришлось выручать попавшихся, или вернее, пострадавших.

Стремясь установить истину в связи со слухами, с одной стороны, а с другой, - в целях информирования министра внутренних дел о сделанном мною, я поехал к Аполл. Ник. Кругликову, которого до сего времени не знал. Встреча была довольно курьезная. Я был принят тотчас же как обо мне доложили. Г-н Кругликов занимал пост тов. министра внут. дел, а потом и министра. У письменного стола я увидел довольно полного господина, хорошо одетого, в безукоризненно чистом белье, судя по манжетам рубашки, брюнета с большими черными усами, темными глазами, на вид лет 37-39, выше среднего роста, с плотной фигурой. Представились друг другу. Я сообщил о цели своего посещения. Выслушав меня, Аполл. Ник. громко, вполне определенно и отчетливо сказал: «Да, генерал, и у вас, как говорят, «рыльце в пушку». Не менее серьезно я возразил: «Очень рад, если этот пух юношеский. Вы думаете, что я совдепщик?». Тот ответил: «Видна птица по полету». После такого обмена перешли к делу. Я высказал негодование по поводу ареста невинных людей и добивался скорейшего их освобождения (называю только что произведенных в прапорщики юнцов 1-го арт. училища). Согласился я с тем, что нужно расследовать. Получил заверение, что насилий никаких не будет над арестованными, будут присылаться в штаб списки арестованных и освобожденных. Вообще я мог остаться довольным своим визитом. Установился общий язык. Факт освобождения лиц, за которых я просил, подтвердили искренность Аполл. Ник., и у нас установилась связь, если не ведомственная, в буквальном смысле, то персональная. Аполл. Ник. был солидарен со мною, что министерство внутренних дел и военное должны работать в тесной связи. Думаю, что этот вопрос вполне наладился бы, если бы Аполл. Ник. продолжал оставаться у власти.

Слухи о выступлении на 28 мая оказали большое влияние на работу. Господствующая партия насторожилась, начала относиться с большим недоверием при рассмотрении списков кандидатов на должности и зачастую штаб

получал лаконичные ответы, вроде: «Такой-то не может быть назначен». Конечно, удовлетвориться такими ответами я не мог и не должен был и потому добивался [указания] причин отвода. Мои запросы и неудовлетворительные на них ответы затягивали переписку, создавалась волокита, а дело страдало. Согласиться на кандидатурах, даваемых полит. отделом, я принципиально не мог, так как многие, по моим сведениям, в прошлом имели за собой уголовщину.

Чуждый каких-либо политических соображений, я хотел видеть на ответственных местах лиц, которым мог бы довериться, но опять но... Приходилось сталкиваться с каким-то недоверием не то ко мне, не то к власти со стороны лиц, которых я приглашал. Некоторые даже не считали себя обязанными отвечать на мои запросы. Другие не соглашались, потому что нужно работать бок о бок с политическим уполномоченным. Мне кажется, как те, так и другие относились не глубоко к текущему моменту; хотели восстановления старого, забывая, что в жизни государства, переживающего революцию, приходится считаться со многими данными, которые при поверхностном к ним отношении кажутся излишними, а в действительности необходимы. Кроме того, забывают, что возврата к старому не должно быть: жизнь идет вперед, вносит новые факторы. Не можем ведь требовать, чтобы листва на деревьях оставалась вечным покровом; не можем и мириться с условиями каменного века. Нужно быть немного ближе к жизни; отбросить трактовку вопросов с точки зрения личного, и картина станет более ясной. Переживаемое Россией – продукт нашей работы; мы забыли или не хотели понимать, что в каком бы положении не находился человек, он им и должен оставаться; твердо помнить, что родившийся и в хибарке, и во дворце – такой же человек, со страстями и желаниями, свойственными каждому человеку. Конечно, равенство людей во всех смыслах не жизненно и не достижимо; все учения по этому вопросу, как и те, что начинают теперь осуществляться, обречены

на гибель. Нет нужды брать их и целиком применять, это недостижимый идеал, к которому должны стремиться, не выходя из рамок естественной природы.

Однако всё простое не для каждого просто, и люди, ставя свое хотение превыше всего, попадают во вне времени и пространства. Подобное обнаруживалось мною при сношении с людьми в бытность мою начальником штаба. Массу времени тратилось зачастую на безрезультатные уговоры; в конце концов появлялась озлобленность на людей. Почти каждому старался представить всю неприглядность действительности, указывал пути, старался убеждать, что путь эволюции – единственно возможный и верный для достижения законности и порядка, что никакие перевороты не выведут Россию из тупика, в который она попала, и не восстановят её.

Создавалось положение: много народу, но нет людей. Три года междоусобицы развратили всех; перестали считаться с законностью, каждый желал делать, как ему захочется, не считаясь с руководителем. Пример работы коммунистов, у которых рядовые работники без критики распоряжений исполняют всё, что им прикажут, мало что говорил. Критика власти и её распоряжений шла всюду, но беда только в том, что во внимание принимались только местные условия без учета общих; критикуя, не указывалось путей к достижению лучшего. Когда же предлагал заменить меня – сейчас же на попятную. Вот условия, при которых приходилось руководить работой штаба. Если к сказанному прибавить, что в штабе были люди те же, что везде, со всеми присущими человеку слабостями, что делали они дело постольку, поскольку требовалось «капитал приобрести и невинность соблудности», постоянно были «на страже», а вдруг – переворот, осудят, повесят и проч., то ясно: успех работы был минимальный; толклись на одном месте, исполняли текущее и только. Подобное положение не могло давать удовлетворения, действовало на психику, нервы трепались, человек горел и работник выходил из строя. Особенно тяжело было тем, кто принимал

близко к сердцу людское несчастье.

К июню месяцу условия работы ухудшились. Появилось влияние на главу⁴⁸ извне, при этом лиц, коим не следовало бы. Сначала это мало сказывалось на деле, но чем дальше, тем больше и уже к осени руководитель, по моему разумению, стал мнительным, прислушивался ко всяким вздорным слухам; отражалось это и на деле, так как теперь при решении вопросов брались во внимание не только целесообразность, но и «что скажет Мария Алексеевна», т.е. та или иная политическая группировка. Естественно, невозможно угодить всем, и решение вопросов в плоскости вне разума и знаний давало печальные результаты. Дело перестало подвигаться вперед, так как [начальник] больше разбирал слухи. Вылепились некоторые стороны и в наших отношениях – многое он делал через мою голову. Поэтому вынужден был напомнить наши первоначальные условия и вновь просить их не изменять. Словом, расхлябанность извне и глубокие трещины проникли и внутрь организма. Замечаемая мною торопливость при докладах, поглядывание на часы не в интересах дела невольно подорвали у меня веру в серьезность и деловитость человека. Я утратил симпатию к деятелю, уверил, что руководит человеком не всецело дело, а что-то личное. На это указывала и появившаяся мания величия. Затуманенность головы величием не давала здравых решений. Так постепенно мы подошли к положению, с которого должно было начаться падение, т.е. другими словами, наступила борьба не за дело, а за личное существование, за власть.

1 июня [1920 г.]

По-видимому, и мое начальство не нашло во мне в полной мере того, что хотело и потому несколько охладело. Пошатнулось и мое здоровье на нервной почве, появилась опухоль правой стороны лица, начались головные боли. Естественно, работа уже не могла у меня идти старым темпом.

В Нарсобе⁴⁹ постепенно начали говорить о слиянии с Читой⁵⁰. Признавая, что половинчатость не дает хороших результатов, я не был сторонником такого соглашения. Если добиваться воссоединения России, то нужно решить вопрос коренным образом, т.е. вступить в соглашение с Сов. Россией. Но ... этот шаг еще, видимо, не назрел.

Эти внешние и внутренние условия, личные переживания привели к тому, что я попросил в декабре освободить меня от должности начальника штаба, на что последовало согласие Командующего войсками. 13 декабря я получил отпуск и передал должность ген.-квартирмейстеру Романову. Закончил свою службу в Приморье. Остался штатным преподавателем Военной Академии, но жил в городе, на Корейской, № 2.

Вскоре, через месяц, ушел и Вас. Георг.[Болдырев]. Его заменил ген. Травников, не долго остававшийся на этом посту. Его сменил т. Лепихин, который, между прочим, за мой отказ уехать в Читу с Академией исключил меня со службы. Это было уже в мае 21 года – потребовал выселения из квартиры. Осуществиться этому не пришлось, так как 26 мая совершился переворот, и наступила власть не социалистического съезда во главе с братьями Меркуловыми⁵¹. Деятельность их впереди.

1922 год. Ноябрь

Деятельность национально-меркуловской власти охарактеризовалась произволом, личными хищениями и усмотрением. Хотя, быть может, на страницах истории и будет как будто светлая страница работы национальной власти, но справедливость требует сказать, что не национальное это было дело, а продажа России.

С 1 по 11 июня был переворот Народного Собрания: Меркуловы под прикрытием моряков засели в доме Старцева. Ситуацию вывел из тупика приезд Дитерихса, который и наследовал дело, закончившееся в начале октября. Появилась новая волна беженцев, ныне мыкающих горе. Об этом речь впереди⁵².

К 185-летию Ф.М. Достоевского

Шимон Токаржевский
СЕМЬ ЛЕТ КАТОРГИ
(Окончание. Начало см. «ГС» №№1-2)

Прибытие в Омск. Васька

12 ноября 1849г. перед вечером за семь верст предстал перед нами Омск.

Между собой мы вели такие разговоры: «Пусть бы Омск был адом, а Кривцов воплощением Люцифера, и все-таки лучше попасть в ад и встретиться с Сатаной, лишь бы отдохнуть по-человечески!».

Сопровождающие казаки всячески нас допекали, не меньше измотал и пятидневный поход, причем почти все время мы шли в кандалах.

С прибытия в Омск начинается самый тяжкий и самый неисполненный впечатлениями период моей жизни.

Комендант крепости, к которому нас сперва привели, осмотрел только наши документы и велел сейчас же направить к плац-майору, которого звали Василий Григорьевич Кривцов. Но все называли его Васька. И в дальнейшем я также буду его так величать.

В ордонанцгаузе представился нам писарь Дягилев. Вежливый до слащавости, тем не менее, он сразу предупредил, что все наши вещи отберут. Очевидно, хотел получить деньжат и посоветовал, чтобы мы сразу облачились в каторжную форму, потому что плац-майор так требует, а он очень строгий. И тут же проводил нас к нему.

Тот момент, когда я впервые увидел Кривцова, никогда не изгладится из моей памяти.

Жуковский в Брюловском замке грозил батогами, Стороженко в следственной комиссии – виселицей, Лейхте, Сиянов, Жуковский, Блюменфельд, Квечинский – вымыслами, самыми бесстыдными, однако все они, весьма почтенные и опытные люди, могли у Васьки лишь поучиться.

Перед домом, где он обитал, встали в очередь, Дягилев пошел доложить ему, что мы прибыли, перед этим еще раз напомнив нам, что нужно снять шапки.

Достоевский – в творчестве и в жизни – сплошное поле брани. Кажется, лишь немногим людям довелось пережить подобную борьбу. Он слишком *творец*, чтобы что-либо доказывать; его романы не созданы для защиты каких-нибудь тезисов: порожденные им персонажи сотворены, чтобы сталкиваться в поединках и меряться силой друг с другом; одни – чтобы побеждать, будучи, тем не менее, побежденными своим веком, другие – чтобы быть внутренне поверженными, хотя внешне торжествуют победу...

Андре Суарес

Вскоре из дома вышел мужчина довольно высокого роста, довольно тучный, седоватый. Его небольшие усики срастались с густыми бакенбардами, которые веревочкой проходили посреди одутловатых набрякших щек, таких же красных, как и его глаза, что свидетельствовало о пьянстве. И на самом деле, Васька был-таки заядлым пьяницей.

Плац-майор Василий Григорьевич Кривцов, владыка нашей жизни и смерти, впервые предстал перед нами в очках и шлафроке.

– Это что? – крикнул. – Что это, я спрашиваю? Это крепостные арестанты? Каторжники в гражданской одежде, небритые, с бородами, с усами (*профессор Жоховский и Богуславский отпустили длинные бороды*). Это что за обличье? Я кому говорю? Это почему? Смее спросить, на кого эти люди похожи?

Стоя перед Васькой, мы все чувствовали опасение, какое испытываешь при виде бешеной собаки, и то, что происходило в моей душе, даже не берусь описать.

Поскольку мы молчали, наверное, криками все бы и обошлось, если бы Васька, указывая на Жоховского, не рыкнул:

– А этот? Это кто? Настоящий бродяга (*так русские называют бывших каторжников и тех, кто не помнят роду-племени*).

Жоховский, оскорбленный такими эпитетами, подал голос и крикнул:

– Я – политический заключенный.

Последовавшие выкрики Васьки и выражения, допущенные в отношении профессора, повторить не берусь – чересчур они были оскорбительны и похабны... А когда ему уже не хватало слов, чтобы нас достаточно унижить, он велел писарю записать, что на следующий день Жоховский получит триста розог.

– Я вас научу! Я вам покажу, что такое служба, – пенялся Васька от злобы.

И наконец последовал приказ:

– Выбрить, как следует, одеть в «форменную» одежду, заковать, как положено, в кандалы, и привести ко мне на смотр.

– Ваше Высокоблагородие, как прикажете поступить с их собственными вещами? – спросил Дягилев.

– Все отобрать, описать, и передать на публичные торги, отобранные деньги использовать на улучшение содержания каторжан.

Вот, оказывается, каким филантропом выказал себя Васька! Он радел об улучшении положения каторжан!

Затем еще раз обратился к нам с всяческими оскорблениями и изрек:

– Пошли вон!

В ордананцгаузе мы находились ровно столько, чтобы у нас успели отобрать и опечатать вещи и выдать на смену каторжные, после чего мы удалились на ночлег.

Было уже темно.

На улице, перед самой гауптвахтой, нас встретил Ян Вожняковский. На каторгу в Омск его сослали лет на двадцать. Однако через четыре-пять лет в награду за какую-то научную работу в области математики, на которую обратили внимание в Петербурге, – его освободили от работ и направили в военную команду, и то всего лишь унтер-офицером!

Ночь мы провели примерно так, как это было перед Очаиром. На утро нас вызвали в кордегардию. Там нас поджидал цирюльник, который и должен был преобразить нас в каторжников.

Первым пошел «под обстрел» Юзик.

Признаюсь, – мне не хватало духа.

Когда он показался в дверях без бородки и усов, с обритой половиной головы, мы невольно зажмурились. Слово чести, – ни мать, ни отец, и никто из родичей, даже самых близких, не узнал бы его, так нас всех здорово приукрасили!

После этой операции мы предстали перед Васькиным домом, но было еще рано.

Васька собирался ехать с докладом к коменданту; потому был трезв, глаза и щеки были уж не такими налитыми, как вчера, он даже не кричал так громко, как можно было ожидать, напротив, старался придать голосу примирительные и спокойные нотки с налетом сочувствия и даже вежливости!

Пытался убедить нас, что все, что нас ожидало, мы заслужили, что мы подвергаемся справедливой и заслуженной каре. Слова «царь» и «закон» мелькали чуть не через каждое слово, в подтверждение приведенных Васькой аргументов. В заключение он сказал, что своим повинением мы должны стараться всячески ему понравиться и надеяться на его милость.

После Васькиных наставлений и предостережений нас повели в кузню, где заковали в тяжелые грубые кандалы.

Потом в ордонанцгаузе составили список вещей. Отобрали у нас все. Васька оставил нам только по паре сорочек, и то, по особой щедрости. Все остальное было распродано.

Как? Где? Когда? Кто все это купил, – осталось для нас тайной. Знаю только, что много позже, работая в Васькином доме, я видел на его постели наши сафьяновые подушки, а одежда Александра Мирецкого, из оленьего меха, защищала Ваську от мороза.

Александр Мирецкий прибыл в Омск еще в 1846 году. До нашего прибытия он был единственным поляком и политическим заключенным среди толпы бандитов.

Васька его постоянно притеснял. Бедный наш Олесь! Не было ему ни минуты покоя, – Васька ежедневно навевывался в казематы по несколько раз.

Это были первые дни правления плац-майора. Он многое изменил в распорядке, все переделал по своему и арестантов доводил до того, что его хотели убить.

Это случилось еще до нашего прибытия на каторгу. Один из каторжан, некий Власов, как-то раз ринулся на Ваську, за что был осужден за одни сутки и погиб под батогами. Две тысячи ударов принял еще живым, а тысяча досталась уже мертвому. Обычно, при подобных экзекуциях присутствовали все заключенные.

Военным губернатором Западной Сибири был во время нашего пребывания Петр Дмитриевич Г., князь, аристократ, старый распутник, который открыто сожительствова с женой генерала Шрама – он был директором кадетского корпуса Сибири. Эта Шрамиха, не хотелось бы слишком грубо

выразиться, была *как бы* женой князя Г. и матерью троих его дочерей и сына.

Она единолично и всевластно управляла Сибирью, всем было известно, если нужно было добиться чего-нибудь, следует сперва поклониться пани генеральше и любыми способами заслужить ее расположения.

И если генеральша выказывала сочувствие и была ласкова, проситель мог смело обратиться к князю, в уверенности, что его просьба будет уважена. Генеральшиным протезе князь раздавал наивысшие посты, а уж для своих зятьев тем более не жалел наивыгоднейших мест, наград и чинов.

Балы, прогулки на лодке и в карете, – князь Г. ни в чем не отказывал своей возлюбленной. Военный оркестр гремел над Иртышем, а на берегах сверкала иллюминация на радость генеральше и приглашенных ею гостей. А генерал Шрам ходил следом за князем и женой, – своей, *настоящей*, – причем следовал за ними молча, но зато получал кресты, звезды и чины за покладистость.

Кто не хотел поддерживать отношения с генеральшей, кто не старался выказать ей уважения, попадал в немилость к князю, подвергался притеснениям и случалось не раз, что под каким-нибудь придуманным предлогом даже попадал под суд, лишившись служебного положения.

Так, князь незаслуженно преследовал Алексея Федоровича де Граве, полковника и коменданта крепости, очевидно, потомка французских предков, которых революция загнала в эти края. Алексей Федорович де Граве был славным человеком, и если не делал добра – то просто потому, что не умел, а если не делал зла – то потому что не хотел. Служа в армии, в юности своей пребывал в Литве, где, благодаря своему происхождению и французской фамилии получил доступ в лучшие дома, в которых был ласково принят. Он и сам неоднократно вспоминал эту пору, которую так приятно провел в Литве, и жалел, что она минула безвозвратно. Страстный охотник, стрелял превосходно, любил всяческие развлечения и прогулки, постоянно прославлял польское гостеприимство и был также чрезвычайно

гостеприимен, принимая гостей в своем доме.

Наибольшую радость доставлял ему тот, кто говорил: «Де Граве принимает гостей по-польски».

Он был знатоком греческих классиков, но французским языком не владел вовсе.

Жена Алексея де Граве, россиянка, Анна, дочь Андрея Романова, была весьма привлекательной женщиной, воспринимала жизнь с точки зрения важнейшего долга: вызволять людей из материальной нужды или моральной подавленности, словом, – охотно помогала каждому, кто нуждался в ее поддержке. Стараниями Анны Андреевны в Омске был учрежден «Дом Опеки» для сирот, обездоленных девочек, где она сама была и учительницей – истинное доказательство ее филантропической склонности, также как и организация театральных любительских представлений, в которых она сама и участвовала, как режиссер и как актриса.

Во все время моего пребывания в Омске ни разу не слышал, чтобы кто-либо дурно отзывался о госпоже де Граве. Я сам и другие поляки в тяжелых и опасных обстоятельствах удостаивались ее помощи и покровительства. Когда люди, имеющие власть над нами, преступали границы этой власти – достаточно было рассказать Анне Андреевне, как незаслуженно нас преследуют, и преследование тут же прекращалось.

И мужа этой замечательной женщины, Алексея де Граве, человека учтивого и благородного, князь Г. преследовал за то, что Анна Андреевна избегала того, к чему стремились другие, она не хотела знаться с генеральшей Шрам и бывать на балах у генерал-губернатора.

Но – возвращаюсь к основному сюжету моего рассказа.

Итак, привели нас к вратам той адской обители, что поглотила семь лет моей жизни, где минула моя цветущая молодость, где осталась моя мужская сила, мое здоровье, где мне приходилось переносить страдания сверх человеческих сил, так что вполне мог вскричать вслед за поэтом: «Как Данте я прошел сквозь ад еще при жизни».

Открылись двери каземата.

В дверях стоял Олесь Мирецкий, который до того совершенно нас не знал, а теперь с радушной улыбкой бросился нам в объятия. Вместе с ним нас приветствовало множество каторжан, которые в течение семи лет должны были стать нам товарищами. Господи, какими же ужасными показались они нам!

И эти люди, последние из последних, приближались и протягивали нам руки, те руки, которые столько раз обгажались кровью и были причастны к тяжким преступлениям. И этим людям, хотя с брезгливостью и испугом, мы все-таки были вынуждены тоже протянуть руку. Я отдернул свою ладонь и, оттолкнув всех, вошел в каземат с гордо поднятой головой.

С моей стороны это был весьма недипломатичный поступок. Все преступники и бандиты на меня обиделись, называли меня чертом и дьяволом, все ненавидели меня, а кому только было охота, всячески унижали меня, каждый по своему.

Бывали такие недели, когда я не мог спокойно пройти по площади, отовсюду летели мне вслед, точно град, проклятия и оскорбления. Бывали моменты, когда я желал, чтоб земля разверзлась под моими ногами, чтобы мне провалиться в любую пропасть, – вдруг там ждет меня что-нибудь лучшее, чем то, что меня окружало. А скрыться было негде, негде... Хотя бы на мгновение остаться в одиночестве, но вокруг – сплошной гнойник безнравственности, повсюду они... они... они..., бродяги и бандиты...

Отчаяние овладело мною.

Однажды я выбежал на площадь с тяжелым сердцем, теснило грудь, голова полна дичайших мыслей. Большими шагами мерил я плац, который составлял теперь весь мой мир.

– У меня хватит сил, – думал я. – Если с разбегу ударюсь лбом о частокол, раз, два, изо всей силы... Наконец, наступит предел всему...

Наверное, я исполнил бы свое намерение, потому что самоубийство казалось мне единственным выходом из страданий, обид и преследований.

От греха, от гибели моей бессмертной души спас меня любимый мой профессор Жоховский.

Это случилось в предвечерний час, когда бандиты еще не вернулись с работы, а мы, закончив назначенную нам «порцию», уже были в каземате. Жоховский вышел, чтобы помолиться. Этот старец, так жестоко «обласканный» Васькой (триста розог!), этот старец, живущий в том же окружении, что и я, оставался таким умиротворенным!... Он не винил свою долю, не проклинал ее, а на все и на всех взирал со спокойствием мудреца – с всепониманием истинного христианина.

Я почувствовал себя таким ничтожным по сравнению с ним, таким грешным, что припал к его ногам, охваченным кандалами, и изболевшей своей головой прижался к его коленям и, заливаясь слезами, шептал:

– Помолимся вместе, отче! Помолимся, а потом ты молись за меня, ох, молись за меня каждый день!

Позднее, всякий раз, как вспоминал эти минуты небожеского раздрая души, щеки мои рдели от стыда.

В эту безбожную минуту я запомнил, что Бог одарил меня *Волей*. Она велела мне терпеть за Отчизну, терпеть спокойно, без вспышек гнева и отчаяния, терпеть молча...

Выше я уже упоминал об Александре Мирецком. Прибыл он в 1846 году. Вскоре после этого Васька стал плацмайором. Бедный Олесь терпел всяческие притеснения. Васька отобрал у него все, что тот имел, посылал его на самые тяжелые работы и зорко следил, чтоб все его приказы, касающиеся Олесья, неукоснительно соблюдались. Он приходил в каземат по несколько раз в день, и даже вечером, как бешеный пес рычал на Олесья, а однажды велел ему дать сто розог.

За что?... Ни Олесь, и никто, не мог этого понять, да и сам Васька вряд ли знал, за что. Счастье, что дежурный офицер Купленников, один из самых порядочных, спас Мирецкого от розог, строго наказав солдатам держать все в тайне.

Причина такого отношения к Мирецкому так и осталась неразгаданной. Ваське нравилось постоянно повторять:

– Ты мужик, тебя бить можно! (*в тексте по-русски*).

Когда мы прибыли в Омск, Мирецкий выполнял самую грязную и унижительную работу, он был «парашником» – чистил сортиры. Обычно это происходило ночью. Начинилось в десять вечера и длилось за полночь.

Несчастному Олесью приходилось многократно спускаться на веревке в самую глубину, на дно отхожих мест.

В результате такой «работы» он полностью утратил обоняние, которое больше никогда к нему не вернулось. До нашего прибытия он был «парашником» уже два месяца, и после небольшого перерыва выполнял другие работы, не лучше этой.

Толчки, обидный хохот, проклятья разбудили нас ранним утром после первой ночи в омском каземате.

По Васькиному приказу нас разместили по одиночке в каждом каземате, среди истинных разбойников.

Вскоре они разошлись на работу, а Жоховский, Юзик и я встретились на крепостном плацу.

Поздоровались, пожали друг другу руки; профессор Жоховский своим приятным голосом поприветствовал нас:

– День добрый!

Это пожелание не исполнилось никогда. Ни один из тех 2555 дней, прожитых в омской Геенне, нельзя было назвать «добрым днем»!

Территория крепости являла собой огромную площадь, напоминающую фантастическую геометрическую фигуру, похожую на шестиугольник. Не было здесь обычных стен, как в европейских крепостях. Вместо стены – частокол из толстых высоких бревен, тесно сомкнутых друг с другом, остроконечных вверху, глубоко вбитых в землю.

Вокруг частокола – вал, на котором днем и ночью несли вахту солдаты крепостной команды. У ворот, еще более укрепленных частоколом, стояла стража.

Ворота открывались два раза в день: когда каторжане под конвоем шли на работу и с тем же конвоем возвращались. Тюремная площадь шириной была примерно пару сот шагов. Здесь, также в ограде из частокола, стояли три невысокие

удлиненные постройки: две казармы, то есть казематы, были обиталищем разбойников и политических заключенных, в третьем, самом маленьком строении находились кухня, погреб и кузня.

Казармы размещались в узких и длинных избах. Дневной свет проникал в них через зарешеченные окна.

Вечером казармы освещались тонкими сальными свечами, которые в Польше называют «субботники», потому что в бедняцких еврейских домах их зажигают по субботам.

На нарах мы спали все вместе. Каждый имел в своем распоряжении всего три доски.

Из досок было сколочено и небольшое возвышение, которое заменяло подушку, пока сам каторжник не ухитрился раздобыть себе настоящую из соломы, песка и разных тряпок, которые подбирал, где придется. Наволочки бывали из перкаля, и чем ярче, тем больше ценились и составляли предмет зависти каторжан.

В каждом каземате обитало двадцать-тридцать человек, воздух был спертый от дыхания жильцов, от копоти сальных свечей, водочного перегара и табака.

С наступлением сумерек казематы запирались на ключ и тогда начиналась полная разнузданность: «гуляй душа» – был девиз разбойников, и «гуляние» начиналось, как только стихали шаги офицера, запиравшего каземат. Тут и воцарялись необузданная гульба и пьянство, поскольку арестанты ухитрились добывать себе водку из города. Как? – остается лишь гадать.

Однако, некий каторжанин, в знак особого расположения, решил однажды поведать мне, с какой опасностью сопряжена была подобная контрабанда, какие хитроумные способы нужно было придумывать, чтобы обмануть или подкупить стражу из солдат.

Контрабандист, доставляющий водку из «кабака» (*по-русски*) в крепость, по понятиям каторги, был настоящим «героем» (*по-русски*). Но поскольку водку я не пил никогда, а представления о геройстве у нас были совершенно разные, я, отговорившись занятостью, сердечно поблагодарил

за рассказ и обещал никому больше не сообщать, как доставляется водка.

Разбойники также играли в карты, причем играли как отъявленные шулеры. Чаще всего весело начатая игра кончалась печально. Проигравший тому, кому посчастливилось, оставлял ему «памятки» (*по-русски*), бил кулаками, пинал ногами, и даже калечил ножом.

Держать при себе острые предметы на каторге было строго запрещено, и все же счастливый игрок, даже тяжело раненый, скрывал увечье, под страхом вовсе погибнуть.

Обычно ставкой в игре было имущество игроков, уцелевшее с великими трудностями, – смешное за пределами каземата, – но внутри его целое богатство!

Так счастливый игрок разживался штофом водки или парой «николашек», медных копеек с вензелем Николая I – что с лихвой сопровождалось кулачными ударами и пинками.

Одежда омских каторжников была двуцветная, из тяжелого сукна, черного и темно-синего, или серого и черного, причем одна половина куртки и одна штанина были синими, а вторая – черными, кожухи тоже были «украшены» цветными латами на плечах.

Обривали нам голову по-разному, в зависимости от пожелания каторжников. Некоторые, желавшие выглядеть франтами, просили обрить их поперек головы – другие, без всяких претензий на моду, и не надеявшиеся кому-нибудь понравиться, были обриты вдоль головы, в том числе и мы, поляки. По указу его «благородия» (*по-русски*) Васьки, брили нас каждую неделю, причем не только голову, но и усы, так что еженедельно у нас оставался только один ус. Казенный цирюльник был неумехой и бритва у него, тупая как дерево, царапала по голове и щекам так, что по телу пробегали мурашки до самых пят. Каторжане сыпали угрозами и проклятиями, а мы, поляки, старались сносить это спокойно, не скажу, чтобы терпеливо, но сохраняя достоинство, поскольку поклялись соблюдать его на каторге всегда, особенно в присутствии разбойников.

Рабочий день начинался в остроге таким образом: На рассвете в соседней казарме били в барабан. Вскоре появлялся офицер вместе со стражей, один за другим отпирал казематы. Значит, пора вставать. И не раз нам было так тяжело, очень тяжело, извлечь свои натруженные вчерашней работой кости из неудобного «ложа», особенно после ночи, либо бессонной, либо проведенной в горячечных кошмарах и видениях, но потягиваться не приходилось!

Толпа заспанных каторжан бежала к ведрам. Из них ковшом зачерпывали воду, понемногу набирали ее в рот, а потом выплевывали на ладони и умывались этой смесью воды и слюны. С причесыванием, при половине волос, и второй половине головы, обритой наголо, не проблема одеть форму – просто, так что мы мигом были готовы.

Перед казармами становились в два ряда, нас окружали солдаты с заряженным оружием. Являлся офицер инженерных войск и дозорные.

Потом нас делили на партии. Каждая партия под конвоем вооруженных солдат и с дозорным во главе отправлялась в город на работу, к которой была приставлена.

Вечером заключенных оглядывали и проверяли строже, не недостает ли кого-нибудь. Затем начинался счет. Столько-то и столько-то людей в той или другой партии, и считали: один, два, три... А если попадался дозорный, не сильный в арифметике, то считал и пересчитывал по десять раз и, наконец, начинал выкликать каждого поименно и по «отчеству» (*по-русски*), а названный должен был ответить «есть» (*по-русски*)!

Однажды случилось, что одному из разбойников захотелось пошутить и при выклике, вместо «Есть!» он ответил: «Нет налицо!» (*по-русски*).

К несчастью, в казармах находился невидимый для всех плац-майор, который тут же приказал вывести шутника! Сто розог получил бедняга за эту шутку, в сущности, совершенно безвинную.

Выходя на работы, мы брали с собой кусок хлеба. Хлеб был всегда хорошо выпечен, вкусный, и походил на тот, что

у нас в Польше называют «подситковый». Этот кусок хлеба и составлял наш завтрак.

Обед получали на кухне, не все сразу, а по несколько человек.

Садились мы за стол и «кухарь», тоже из каторжников, черпал половником из котлов и наливал в глиняные миски похлебку с крупой, в которой плавали кусочки говяжьих голов и ног. Из мисок мы ели по двое и по трое, в зависимости от величины плошки.

Огромные миски с кусками нарезанного хлеба стояли на столах. Хлеба можно было есть, сколько хочешь. Давали нам попеременно похлебку и кислые щи, а в праздничные дни и по воскресеньям – по куску говядины.

Тем не менее, должен сказать, в похлебке и щах часто обнаруживались неожиданные приправы: плавающие тараканы. Для разбойников это был повод для шуток, они вылавливали их и продолжали доедать свою порцию, ничуть не утратив аппетит. У нас, конечно, это вызывало отвращение и тошноту. Часто после таких «находок» мы по несколько дней не могли поднести еду ко рту.

Вскоре после нашего прибытия на каторгу, из Очаира привезли больного Кароля Кжижановского, который долго хворал и умер в госпитале.

Его вдова с двумя маленькими дочками осталась в Омске. Эта добрая женщина была предана нам всем сердцем. Часто заглядывала в острог и нередко навещала нас, когда мы работали за городом.

Я уже упоминал, что у Кжижановского в Очаире оставалась большая часть наших вещей. Так что с приездом Анны быт наш намного улучшился.

Она справила нам подушки, набитые мягкой шерстью, складные матрацы; нижнее белье шила нам собственноручно, а также соорудила очень приличные одеяла. Но именно оттого, что они получились такие красивые, пришлось их «упестричь» кусками старого сукна и придать им вид никчемных тряпок, чтобы они не взбудоражили Ваську, который, где бы в казематах ни увидел какую-нибудь вещь, представляющую интерес

для него, тут же порешал ее изъять и пустить на распродажу в собственную пользу или просто конфисковал для себя.

Васька позволял арестантам питаться за свой счет. Это было ему выгодно, потому что он экономил в свою пользу на их содержании.

Получив свои деньги от Анны, мы сговорились с «кухарем», и он выдавал нам каждый день на обед печеную или жареную говядину. Для нас это составляло очень небольшой расход. Потому что в Омске зимой фунт мяса стоил один грош, а летом – три гроша. Теперь у нас имелся собственный маленький самовар, ибрик для варки кофе, стаканы, тарелки и ложки – вилки и ножи на каторге были строго запрещены, – имелись и тазы, и все это наше хозяйство мы должны были прятать в сундучках, надежно укрепленных и с крепкими замками, поскольку кражи здесь были делом обычным, и каторжане не считали это проступком, а просто способом улучшить свое существование.

Пострадавший не мог ни разыскать украденное, ни даже пожаловаться, что его обокрали. Его бы только высмеяли и посчитали бы дураком, коли не сумел хорошенько упрятать свое добро.

Доносительство разбойники тоже нередко практиковали. Среди нас тоже был один шпик, но этот уж считался, что называется, шпиком высокого класса, такой, который «ел хлеб не из одной пекарни», сумел одурачить петербургских графов и князей, но, в конце концов, сплоховал и попал таки в омскую крепость.

Но этому «умельцу» стоит посвятить отдельный рассказ – о чем ниже.

Для себя я решил, что надо обучиться какому-нибудь ремеслу, и пошел учеником в инженерскую слесарную мастерскую. После трех месяцев усердной работы я уже не худо орудовал молотком, и даже мог неплохо выковать всякие мелочи. Васька впал в ярость.

Когда видел меня, неистовствовал:

– Убирайся отсюда! – кричал, грозя кулаками. – Ты, «казенное быдло» (*по-русски*), ты казенный инвентарь, тебе не

дозволено учиться, тебя не для учебы сюда послали, а чтобы работал для казны.

С разбойниками отношения, поначалу враждебные, особенно со мной, понемногу налаживались, мы держали их, как говорится, «на благородной дистанции», они нас называли «боярами», каждого из нас, новоприбывших, наделяли кличками.

Жоховского называли «святой», и это потому, что, как я уже писал, на следующее утро после нашего прибытия в Омск Жоховский получил триста розог по Васькиному приказу – и после этого, с лицом, бледным, как алебастр, и с каплями крови на губах, ушел в каземат, не возмущаясь, никого не кляня, не стонал, не всхлипывал, а как и подобает настоящему мученику, прилег и молился. Бедный старик молился каждый день и подолгу, всегда тихий, спокойный, учтивый – он даже в этих оголтелых и диких людях вызывал сочувствие и уважение. Юзефа Богуславского называли «больной», так как он, на самом деле, часто недомогал, вид у него был болезненный. Меня окрестили «храбрый», потому что, хотя никому я не перебежал дорогу, и был со всеми исключительно уступчивым, – что-то этакое внушал разбойникам, что они держались от меня подальше, но с оглядкой, опасаясь моих достаточно сильных кулаков.

«Не тронь его» (*по-русски*) – этот «завет» пробежал по всем казематам, а легенду о моей якобы геркулесовой силе разбойники придумали оттого, что один из солдат, что конвоировал нас из Усть-Каменогорска, рассказал, как я нес на руках больного Юзика от этапа до этапа и, с малыми перерывами, выдержал семьсот верст.

Иногда разбойники спрашивали о том, о сем.

А иногда между нами завязывались даже беседы.

Федька

Был на каторге мужичок лет двадцати. Высокий, стройный блондин с небесно-голубыми глазами, с постоянным выражением задумчивости. Был он приговорен на двадцать лет тяжелых работ, обвиненный в убийстве. Этот «мужичок»

почему-то вызывал во мне симпатию, признаюсь! Может быть, оттого, что я сознавал: через двадцать лет каторги выйдет он зрелым человеком, но степенным ли? Нет, выйдет, конечно, отъявленным бандитом и бродягой.

Любопытно, при каких обстоятельствах он совершил убийство, и что толкнуло его на преступление... Он сам рассказал мне свою историю. Какое-то время мы вместе ходили на работу на кирпичный завод. Однажды я прилег в перерыв на траву, чтобы отдохнуть, солнце припекало, а с Иртыша веял приятный освежающий холодок. Федька присел около меня и шепнул:

– Барин!

– Что тебе, браток? – спросил я. – Только прошу, не называй меня «паном», а просто Шимон Себастьянович.

– Ну ладно, – сказал Федька. – Скажите мне, Шимон Себастьянович, неужели на всем белом свете так строго карают за убийство человека, как в Омске?

– В других странах карают куда строже, чем в России. Кое-где убийцу суд даже приговаривает к смерти. Отрубают ему голову или вздергивают на виселицу выше, чем наш острог.

Федька двумя руками схватился за голову и простонал:

– Значит, у нас лучше! Лучше! Если человеку снимут голову или повесят – конец всему! А каторга когда-нибудь да закончится, перетерпишь, а потом человек из острога опять выйдет на белый свет.

«Бедняга, – подумал я, – когда ты еще оттерпишь свою каторгу, и что тебе тот «белый свет» даст?». Мне очень хотелось узнать про Федькино прошлое: кого он убил, когда, как, где?

– Убил я «помещика, батюшка» (*по-русски*), – так он сказал.

Из невразумительных слов парня я понял, что его отец, тоже Федька, служил лесником у богатого хозяина, владельца обширных земель в Тверской губернии. Хозяин продал лес и с полученными от покупателей деньгами возвращался домой. Старый Федька решил одним махом разбогатеть:

убить хозяина, украсть деньги и сбежать куда подальше.

Итак, старик затаился возле лесной сторожки, где должен был проехать помещик, и вручил своему единственному шестнадцатилетнему сыну ружье, наказав ему:

– Целься хорошо, сынок, и стреляй прямо в лоб, сперва хозяину, а потом вознице.

Федька-младший, получив родительский наказ, ничего не понял – зачем все это понадобилось. Показалась коляска... Он хорошо целился, выстрелил в лоб метко...

Испуганные выстрелом рысаки понесли, мчались, как вихрь, ко двору кучер привез помещика мертвым и уже холодным. Федька-отец помчался в бор, нисколько не беспокоясь о своем единственном сыне. На рассвете началась облава.

Лесничий знал все потайные закоулки бора и так надежно спрятался, что его не нашли. Зато парня с ружьем схватили сразу. При допросе он тотчас же признался, и в свое оправдание твердил:

– Батюшка сказал палить «помещику в лоб», я и выстрелил, и убил. Так ведь батюшка так наказал!

В Твери Федька-сын отбыл два года ареста, и был осужден на двадцать лет тяжелых работ, а в Омск его прислали, чтобы «отслужить каторгу», так именно выражались каторжане.

Но каков отец, толкнувший своего единственного сына на преступление, – этот отец, отпустивший свое дитя на произвол судьбы, и толкнувший его под меч палача – вот кто был страшным созданием, не достойным зваться человеком!

Несколько дней я ходил под впечатлением разговора с Федькой, к которому почувствовал такое горячее расположение и сострадание, что даже вынужден был это скрывать. Федька же поспешил поделиться с прочими полученными от меня новостями о смертной казни в других странах, и слух этот распространился по всей каторге. При встрече на площадке острога, в кухне, разбойники всякий раз заговаривали со мной и спрашивали, правда ли,

что «кое-где», «в далеких странах», если «братку» случится кого-нибудь убить, то ему либо голову снесут, либо на высокой виселице повесят...

И мне приходилось многократно повторять, что так и есть «в далеких краях». Всякий раз, слушая меня, разбойники кивали головами:

– Ну, черт бы их побрал, в нашей России все-таки лучше!

Во время моего длительного общения с преступниками я убедился, какую тревогу они испытывают при одной мысли о «смертной казни».

Преступник усмехается при слове «кнут», куда больше боится батога, а перед смертной казнью дрожит, как всякое ничтожное и бесчестное создание. Он знает, что если заплатит несколько рублей экзекутору, – а их набирают из тех же каторжников, – кнут вообще не страшен, ведь экзекутор свой брат, и сам не раз был бит. Батоги для каторжника страшнее, поскольку за экзекуцией наблюдает офицер. Впрочем, и офицеру можно «дать на лапу» несколько рублей, и тогда он, прохаживаясь между рядами солдат, станет приговаривать:

– Легче, ребята, легче!

Каждый преступник, однако, все время не забывает о смерти. Я не раз в том убеждался, разговаривая с теми, что «ездили на кобыле» (то есть были биты кнутом) и «орали на унтер-офицеров» (были биты батогами) – так выражаются каторжники. Когда я рассказывал им, где и как отправляется смертная казнь за убийство, они отвечали:

– Тем хуже нашему брату. На что мне деньги, что мне от них за выгода, если я кого-нибудь убью и меня тоже убьют, и даже отпеть не позволят (*по убеждению преступника каторга – это искупление за совершенное злодеяние, и полностью это злодеяние смывает*). У нас все-таки лучше, – считают они, – хотя потом тяжело и страшно терпеть, но, если перетерпишь каторгу, есть надежда, что выйдешь и когда-нибудь опять «погуляешь»!

Раскольник

С большой симпатией и сочувствием мы относились к одному шестидесятилетнему раскольнику, седому, как старый голубь.

Попал он на каторгу за сожжение православной церкви, которую поставили около раскольничьих скитов. Каторгу он переносил со спокойствием и смирением истинного мученика. Он никогда не жаловался, горячо молился и говорил, что судьба жены и детей его не заботит, ибо о них печется «Наивысшая Сила», гораздо лучше и мудрее, чем он сам мог бы сделать.

Глядя на сухонькое и благообразное лицо этого раскольника, отмеченное страданием, у нас не раз навертывались слезы на глаза, то есть у меня и у Юзика Богуславского. Очень мы умилялись этому старичку. О своих религиозных убеждениях он не говорил ни с кем, а начальству, что упекло его на каторгу, тоже не жаловался, но нет-нет, а скажет:

– Если надо встать на защиту «веры», я всегда готов! И терпеть готов, но и церкви жечь – тоже! – добавлял шепотом, и его голубые кроткие глаза пылали, а тщедушная фигурка, я сказал бы – удивительно выростала и наливалась силой.

Кроме черкесов, которые со временем стали самыми близкими нашими товарищами и о которых я еще расскажу, с остальными каторжанами, кроме Федьки и старенького раскольника, мы не поддерживали никаких отношений.

*...Учись скрывать и гнев, и радость.
В молчанье погрузись, будь мыслями недосягаем.
И тих будь словом, как туман.
Будь скромн статью, как ненужный заброшенный возок...*

Таковыми мы, поляки, и были на каторге в омской крепости.

Федор Достоевский

В январе 1850г. из Петербурга привезли двух русских заключенных.

Сергей, сын Федора Дурова, и Федор, сын Михаила Достоевского, оба чрезвычайно слабые, нервные, как будто пропитанные йодом и ртутью, как аптечные склянки, осуждены были на четыре года тяжелых работ, а потом на воинскую службу.

Сергей Федорович Дуров, сразу же после первого знакомства с нами, поведал, что его мать по прямой линии происходит от Богдана Хмельницкого, а дядя где-то был губернатором.

Все это он повторял много раз, при каждом удобном случае, и даже без всякой надобности, как будто бы свое родословное древо хотел вбить в наши головы на веки вечные. Дуров довольно спокойно сживался с каторгой, притом, что претендовал на ученого и светского человека, и любил рассказывать разные случаи из своей жизни и его знакомых в Петербурге. Места, где происходили рассказанные Дуровым сцены, чаще всего были либо кофейни, либо трактиры. Иногда, будучи в особом настроении, рассказывал разные случаи из жизни многих чиновников из высшего общества, из чего мы сделали вывод, что в свободное от службы время в какой-нибудь конторе Дуров любил собирать всякие городские сплетни и новости.

Он надоедал нам бесконечным повторением одних и тех же фактов, случаев или сцен, в которых он выступал как главное действующее лицо. Мы прозвали Дурова «политурованным», и вот по какой причине.

– Был я как-то на балу, – рассказывал он. – Как вы сами видите, я парень что надо, а притом мои шелковые носки и мой парижский фрак обращали на меня всеобщее внимание. Дамы просто-таки пожирали меня глазами, особенно одна: Анна Дмитриевна, тут уж прошу мне верить на слово, только на меня одного глядит, только со мной одним разговаривает и танцует. Можете верить мне, – и тут он сказал

по-русски: «слово чести даю!» – заиграла музыка, как сейчас помню, паркет был скользкий, как замерзшее озеро, я направляюсь к Анне Дмитриевне, вот! так! (*Дуров делает несколько скользких шагов*). К ней же направляется Андрей Николаевич. Я кланяюсь ей, вот! так! (*Дуров делает перед нами пируэт*). Кланяется и Андрей Николаевич, я протягиваю руку к Анне Дмитриевне, и он делает то же самое. Ага, думаю: не тебе, слабак, Андрей Николаевич, тянуть руку к генеральской дочке!

Нам рассказ надоел, и мы прервали его вопросом:

– И что же Вы тогда сделали?

– Съездил по морде Андрея Николаевича! – вскрикнул Дуров, оглядывая нас победоносным взглядом, как будто бы за такой поступок ожидал особой похвалы.

Понятно, что такой эпизод на балу никак не мог понравиться нам, полякам. С той поры мы называли Дурова «политурованным», что по-русски означало бы особо вежливым, но только поверхностно, поскольку его приятельский тон, его эlegantность были всего лишь внешним лоском, под которым скрывались татарская дикость и коварство.

Невзирая на то, что Дуров был чаще всего и нудным, и смешным, иногда можно было с ним поболтать не без приятности, – конечно, не очень вдаваясь в смысл разговора.

Что касается второго, Федора, сына Михаила, Достоевского, то нам показалось сразу же, что этот известный сочинитель, автор «Бедных людей», этот светоч северной столицы, как бы не дорос до своей собственной славы. Притом, что талантом сочинительства действительно обладал.

Но речь идет не столь о повести Достоевского, сколь о его характере.

Как, каким образом этот человек заделался конспиратором... Каким образом принимал участие в демократическом движении, он, гордец из гордецов, притом гордящийся по той причине, что принадлежит к привилегированной касте? Каким образом этот человек мог жаждать свободы людей, он, который признавал только одну касту и только за одной кастой, а именно аристократией, признавал право

руководить народом во всем и всегда?

«Аристократизм», «дворянство», «я дворянин», «мы, дворяне» – повторял он постоянно, как скворец, который только одно это умеет и любит повторять.

Иногда, повернувшись к нам, полякам, повторял «мы, аристократия», но мы прерывали его постоянно:

– Извините, – говорил я, – но мне думается, что в этом остроге нет никакой аристократии и никакого дворянства, здесь только люди, лишённые всяких прав, только каторжники.

И он тотчас же просто вспенивался от злости.

– А Вы, наверное, и рады, что каторжник, – кричал он, злобно иронизируя.

– Да, я каторжник, я таков, я рад, что я есть то, что есть, – отвечал я ему спокойно.

Однако же, в самом деле, каким чудом Достоевский заделался конспиратором?... Наверное, он невольно поддался минутному увлечению, также, как невольно пришлось примириться со злосчастьем, которое случайно через конспирацию занесло его аж до омской каторги.

Достоевский ненавидел поляков, поскольку ему не нравились ни их внешность, ни их имена, увы! Ему претило польское происхождение, он говорил, что если бы узнал, что в его жилах течет хотя бы одна капля польской крови, он тотчас бы велел ее выпустить.

Досадно и больно было слышать, как этот писатель, этот радетель за свободу и прогресс, признавал, что лишь тогда почувствовал бы себя счастливым, если бы все человечество оказалось бы под властью России.

Он никогда не говорил, что Украина, Волынь, Подолье, Литва, да и вся Польша в целом являются оккупированными странами, а лишь утверждал, что эти оккупированные земли всегда принадлежали России, что рука Божьей справедливости привела эти провинции и эти края под чужую власть оттого, что они не могли существовать самостоятельно и, не попав под власть России, еще долго оставались бы в невежестве, нужде и дикости.

Прибалтийские провинции, по мнению Достоевского, это исконная Россия; Сибирь и Кавказ – то же самое.

Слушая эти доводы, мы убеждались, что Федор Михайлович Достоевский по некоторым вопросам просто страдает умственными маниями.

Все эти абсурды он часто, убежденно и с наслаждением повторял. Он даже утверждал, что Константинополь давно должен был бы принадлежать России, точно также, как хотя бы европейская часть Турции, и тогда в скорости российская империя достигнет полного расцвета.

Как-то Достоевский зачитал нам свое произведение: оду на случай будущего вторжения победоносной российской армии в Константинополь. Ода была довольно красивая, но никто из нас не спешил ее хвалить, а я спросил его (*по-русски*):

– А на случай отступления Вы оду не написали?

Он просто зажегся гневом. Он чуть не прыгал мне в глаза, называл неучем и дикарем, кричал так страшно, что по всему острогу среди преступников пошел слух:

– Политические дерутся!

Чтобы прервать эту гротесковую сцену, мы все вышли из каземата на площадь.

По мнению Достоевского, на свете существовал только один великий народ, предназначенный для общего владычества, а именно русский народ.

Французы, твердил он, еще немножко похожи на людей, но англичане, немцы, испанцы – это просто карикатуры, а литература иных народов по сравнению с русской литературой – просто литературная пародия.

Помню, когда я рассказал ему, что у нас в 1844 году была объявлена подписка на перевод «Скитания вечного Жида», сперва он не хотел верить, а потом просто забросал меня всякими грубостями. Даже Дуров вмешался в этот разговор и заверил его в правдивости моих слов. И все-таки он еще не доверял, поскольку (он так выразился) в его крови заложено, чтобы каждый народ, уж не говоря о ненавистных поляках, не мог забрать у других народов всего, что есть

великого, красивого и благородного. Он, Достоевский, хотел бы все уничтожить, затереть и сгладить, чтобы парадоксально доказать величие россиян над прочими народами всего мира.

Притом, Достоевский был часто просто невыносим во время споров.

Самоуверенный и грубый, он принуждал нас к диспутам с ним, после чего мы с ним не только разговаривать, но и знать не хотели. И тогда нужно было:

*... Скрывать и гнев, и радость.
И в мыслях быть недосягаем, как туман...*

Возможно, такая неровность характера, такой вспыльчивый темперамент Достоевского были признаком болезни, поскольку, как мы уже говорили, казалось, что петербургские господа были чрезвычайно взвинчены и болезненны...

Каким же образом Федор Михайлович Достоевский, воспитанник кадетского корпуса, попал на каторгу в положении заключенного?

Судя по его рассказам, он невероятно много читал. Безусловно, многие образы великой французской революции воспламенили его воображение, но это был соломенный огонь, несомненно, в поступках великих мыслителей содержались важнейшие идеи, которые оседали у него в мозгу и впечатляли сердце.

И он дал себя увлечь на путь, с которого впоследствии жаждал скорее вернуться.

Когда эти два человека, о которых я рассказал, прибыли в Омск и оказались под одной крышей со мной, мне казалось, что я увидел двух светлячков, которые заблестели на хмуром северном небе.

Но скоро наступило разочарование. Я уже сказал выше, что с Достоевским мы все отношения порвали.

После освобождения с каторги Достоевский, высланный на военную службу, оказался в батальоне, размещенном в Семипалатинске. Там, по поводу крымской войны, написал

стихи, в которых превознес царя Николая, чуть ли не над всеми олимпийскими богами, и хотел, чтобы эти стихи были опубликованы в газетах (я не знаю, были ли они напечатаны). Может быть, подобострастием рассчитывал добиться сокращения срока наказания, а, может быть, даже за свой дифирамб – получить ощутимую награду.

Справедливости ради, надо сказать, что все мы, поляки, пребывавшие на омской каторге с Достоевским, видели в нем человека со слабым и низменным характером. Что он ненавидел поляков, еще можно было ему простить – мы много чего перенесли и чаще всего ненависть прощали, а благосклонность господина Федора Достоевского никак не силились снискать, поскольку «прирученный волк не может быть приятелем».

Когда слушалось и решалось то дело, в котором участвовал Достоевский, я уже был в заключении, по пути на каторгу, то есть за пределами цивилизованного мира, там, где меняются убеждения, взгляды, поведение, и где, в конце концов, невозможно из самих фактов извлечь ясные выводы.

Я не знаю, каковы были остальные участники «дела Достоевского». Но я точно знаю, что среди небольшого числа учтивых и образованных россиян, с которыми довелось встречаться в Сибири, это дело не вызывало ни симпатии, ни даже заинтересованности.

Совсем другое – декабристы...

* * *

О товарищах по каторге, в омской крепости, а именно о поляках, Достоевский в «Записках из Мертвого дома» пишет: «... Кроме тех трех русских, других из дворянского сословия во время моего пребывания в остроге было всего восемь человек... Лучшие из них были люди болезненные, обособляющиеся и в высшей степени нетерпимые. С двумя из них я потом перестал разговаривать... Старик Жоховский некогда был профессором математики – старец добрый, большой чудак, и помимо специального образования, как мне кажется, очень ограниченный человек. Совсем иными были

Мирецкий и Богуславский. С Мирецким я сразу завязал близкое знакомство, никогда с ним не ссорился, уважал его, но полюбить его, привязаться к нему никак не смог. Это был человек глубоко недоверчивый и раздраженный, но прекрасное умение владеть собой. Именно эта слишком сильная способность владения собой не нравилась мне в нем. Чрезмерная, иногда даже иезуитская осторожность в общении с людьми выдавала в нем глубокий, скрытый скептицизм. А между тем это была душа, страдающая именно вследствие своей двойственности: скептицизма и глубокой и ничем не омраченной веры в правильность своих идеалов и их осуществлении... Богуславский был болезненный, с некоторой склонностью к туберкулезу, нервный и вспыльчивый, но, в основном, прекрасный человек. Раздражительность приводила его иногда к чрезмерной нетерпимости и капризам. Я не мог этого вынести и впоследствии расстался с Богуславским. Получилось так, что, порвав отношения с Богуславским, я вынужден был также прервать знакомство и с Токаржевским, с тем самым юношей, о котором я вспоминал в прежних главах книги. Все это было мне тяжело. Токаржевский был добрым, мужественным, одним словом, был дельным юношей. Причиной разрыва послужило то, что он так любил и почитал Богуславского, что всех тех, которые хоть сколько-нибудь Богуславского сторонились, считал чуть ли не своими врагами... Все поляки омской каторги, впрочем, были морально нездоровыми, желчными, раздраженными, недоверчивыми... Ясно, что их угнетала теснота. Для черкесов, татаров и для жидов они были ласковы и предупредительны, но избегали других каторжников. Только один стародубский старовер снискал их полное расположение... Примечательно, и стоит внимания, что никто из каторжников за все время моего пребывания в остроге не надоел им, не упрекал их, не пытался понять их образа мышления и узнать их происхождения, что часто бывает с нашим простым людом в отношениях с чужеземцами, особенно немцами. Что касается немцев, то над ними только смеялись; немец для российского общества представляется как нечто удивительно смешное.

С нашими поляками каторжники обходились даже с почтением, гораздо лучше, чем с нами, из русского дворянства, и вообще никогда их «не задевали». А те, как мне кажется, не хотели даже видеть этого, или даже замечать... В сенях перед кухней встретил меня Токаржевский, юноша сильного характера и великодушного сердца. Каторжники выделяли его среди прочих и, похоже, даже любили. Он был мужественный, отважный и сильный, и это отражалось в каждом его движении». (Этот абзац опубликован Токаржевским в подстрочнике и представляет собою приблизительно переложение тех мест «Записок из Мертвого Дома», которые касаются поляков, – прим. пер.).

Работы

Работы на омской каторге действительно были очень тяжелыми.

Каждое утро на арестантской площади офицер инженерных войск делил арестантов на партии и под конвоем солдат с заряженным оружием дозорный каждой партии вел их до места работы, намеченной инженерами.

Олеся Мирецкого и меня через три дня после прибытия в крепость приставили к кирпичному заводу, за пять верст от крепости.

Из каземат мы выходили натошак, с куском сухого хлеба в кармане.

Несколько недель потребовалось, чтобы очистить от снега сарай и печь. Ветер нанес горы снега и мне приходилось несколько раз залезать в печь, чтобы выгребать снег, золу, и прочий мусор. Когда, бывало, выйду из печи, с черным от сажи лицом, головой и руками, – то, хоть зеркала у меня не было, я чувствовал, что похожу на чудовище, а не на человека. И, порой, громко смеялся сам над собой. Тем не менее, очистка печей была работой полегче, чем изготовление кирпичей, и назначение на очистку каждый арестант почитал за милость начальства.

Изготовление кирпичей было работой куда более тяжелой.

Сперва приходилось накопать глину, тачками свезти ее в сарай, обработать или вытоптать ногами, закованными в кандалы! А еще нужно было доставлять воду на взгорье, высотой не менее ста локтей, и из этой вытоптанной глины налепить по пятьсот кирпичей в день. Это был «урок» на трех человек. Честно говоря, хоть я и был молодым и сильным, эта работа сильно меня изнуряла. Я надеялся, что привыкну и что она закалит мои силы.

Но – не довелось!...

Было это, если не ошибаюсь, в 1850 году.

Мирецкого и меня назначили вывозить кирпичи, готовые и обожженные. Заметим, что на обед мы не возвращались в острог, потому что восемь верст в два конца заняли бы слишком много времени, и мы бы не выполнили нормы, так что вся наша еда за день – кусок сухого хлеба.

Однажды я пришел на завод, как обычно, на рассвете, энергично взялся за работу, чтобы хотя бы половину нормы сделать до перерыва, а потом, когда сибирское солнце начнет припекать, хоть немного передохнуть.

Я вывез едва двести штук кирпичей, когда вдруг почувствовал себя совсем худо. Пытался расслабиться, попил холодной воды – ничего не помогло. Сел на тачку, груженную кирпичами – а что стало со мной потом, не помню.

Когда я вновь пришел в сознание, меня трясла лихорадка, белая летняя куртка с черными латами на плечах оказалась измазанной кровью.

Встревоженный Олесь Мирецкий хлопотал около меня.

– Скажи, Олесь, – спросил я. – Откуда кровь на куртке? Не побывал ли здесь Васька и не избил ли меня?

– Ошибаешься. Васьки здесь не было и никто тебя не бил. Ты упал лбом и лицом вниз и сильно ушибся, – ответил Олесь, который упросил дозорного доставить меня в крепость.

В каземате я попил горячего чая, мне стало легче, тут я нашел также заготовленные бумаги, которые нужно было заполнить, чтобы меня уложили в госпиталь.

Здесь я отоспался, отдохнул, доктора меня заботливо лечили от лихорадки, обходились со мной хорошо, и после

нескольких дней отдыха, в котором я нуждался больше, чем в любом лекарстве, пришлось вернуться в каземат, к работе.

Дозорные постановили дать мне работу полегче.

Ходил я на тот же кирпичный завод вплоть до зимы, но не на производство и вывоз кирпичей, теперь я работал со строителями, подавал им известку, кирпичи, воду.

Можно подумать, что эта работа была намного легче!!

Вообще, год 1850-й был для меня наиболее тяжелым за все время каторги.

В самый мой день рождения, 17 июля, в Омск опять привели четырех поляков: Яна Мусьяловича, Людвига Корчинского, Кароля Бэма и Юзефа Анчиковского. Первые двое осуждены были на четыре года, а Анчиковский на два года каторги.

С ними Васька вел себя более пристойно, совсем не так, как с нами. Может, мучили его угрызения совести за незаслуженные издевательства над Жоховским, может, причиной было то, что в тот день он просто был не так пьян, или, может быть, совсем не пил, но в тот день вещей у них не забрали, им было велено только спрятать их на складе до освобождения.

Надели на них униформу и обрили по правилам, но и за это Васька как бы извинился перед ними:

– Если бы мой родной отец попал на каторгу, я бы заплакал вместе с ним и сказал бы: «Что поделаешь, батюшка, голову обрить надо, и в колодки надо заковать, потому что – все «по указу»...».

Из четырех новоприбывших только Бэм обладал профессией: он был художником по росписи интерьеров.

Его зачислили в ремесленники, остальных троих, также как и всех нас, поляков, отнесли к категории чернорабочих, то есть к тем, кто пригоден только для грубых и тяжелых работ.

Владея каким-нибудь ремеслом, человек нигде не пропадет, ему повезет везде. Даже на каторге судьба ремесленника гораздо легче, чем у человека без профессии.

По моему разумению, каждый отец-поляк должен учить своих сыновей, наравне с прочими науками, также и ремеслам, к

которым у них выявится способность.

*И пусть учатся скрывать горе и радость,
И быть неуловимыми, как туман в мыслях своих...*

А из всех сокровищ знания пусть черпают полной пригоршней все, что может быть полезно для Польши, но притом пусть научатся искусно владеть шилом, или молотом, или кистью, – таковы, по моему разумению, правила, которым должен следовать родитель-поляк, воспитывая своих сыновей.

Как только по Омску разошлась весть, что новый польский каторжник – художник, тотчас омская элита вознамерилась использовать умение Бэма, чтобы приукрасить свои жилища. Васька первым приставил Бэма к росписи комнат в своем доме.

Юзик Богуславский сопровождал его, как помощник. И это оказалось первой возможностью, которая помогла Ваське начать получше узнавать поляков и заставило его полностью сменить мнение о «польских бунтовщиках». А мы вели себя с ним всегда очень осторожно, чтобы ненароком не раздражить.

Наш каземат

В ноябре нам удалось убедить Ваську, чтобы он всех нас поместил в один каземат, и чтобы мы, поляки, выбрали себе самый спокойный антураж.

Мы попросились к черкесам и кабардинцам, которых было с десяток. Между ними и нами всегда чувствовалась приязнь!

Черкесы очень плохо, или вообще вовсе не говорят по-русски, но, даже не говоря с нами, они чувствовали, что такие же притесненные, как и мы.

Они помогали нам на работе и обладали большой физической силой. Бывало, закончится назначенная им норма на кирпичном заводе, а заканчивали они всегда раньше нас, – подходят и жестами предлагают нам отдохнуть, а сами, тоже

измученные, кончают нашу норму.

Черкесов русские называли «дичью». За что – право, не возьму в толк?

Те, которых я знал, были чрезвычайно обходительны в обращении. Всегда готовые услужить, они безгранично нам импонировали. Казалось, если бы кто-то из нас, указав на кого-нибудь, сказал: «Убей!», черкес сделал бы это. Теперь никто из разбойников не смел поляков обидеть, ни словом, ни делом. Черкесы были наши приятели и наши защитники.

Привожу имена выбранных нами товарищей:

Али-Бек, Али Ферды Оглы.

Вели Исмахан Оглы.

Али Исмахан Оглы.

Мамед Хан, Мухамед Хан Оглы.

Нурра-Шахнурра Оглы.

Керпит Нияз Оглы.

Реджебай Канбалай, Хассан-Гусейн Оглы.

Мамед Мустафа Оглы.

Абдул-Арсанбек.

Мулла-Хадзи Мухамед Хассан Гусейн Оглы.

В наш каземат мы хотели еще взять и Федьку, но бандиты не пожелали отпустить парня.

Когда после многих наших упрашиваний Васька соизволил разрешить нам соединиться с Кабардой, началось переселение при общем крике и возмущении разбойников. Теперь жизнь наша стала наполовину более спокойной, чем прежде.

В нашем каземате царили покой и тишина, каких нигде не было. Только что в пятницу вечером единственный сын Израиля в остроге, некий Исая Бумштейн прерывал тишину, громко выкрикивая:

– Бурых агу! Адыной аллахаймы... Баскулу...

Потешная личность был этот еврей!

Маленький, худой, как скелет, на диво рябой лицом, всегда грязный, кроме субботы; табак потреблял до тошноты.

Осужден был за убийство и, хотя получил срок на долгие годы каторги, не терял уверенности, что переживет свое наказание, получит свободу, и станет прежде всего богатым господином и купцом, хотя был дважды клеймен на лбу и на щеках.

Такие клейменные бывшие каторжники-евреи во множестве встречаются в Сибири – они богачи и пользуются уважением в известных кругах, готовых чтить золотого тельца в любой его ипостаси.

Бумштейн был весьма искусным ювелиром и, по еврейским понятиям, слыл очень ученым человеком.

Мы приняли Бумштейна в наше польско-кабардинское содружество, как личность необычную, а больше из жалости, чтобы защитить от притеснений и злобных выходок прочих каторжан. Он всем нам был за это благодарен, предупредителен и постоянно заверял в своей признательности. Таким было наше содружество из двенадцати человек, живущих в каземате за зарешеченным окном.

Около двери стояла огромная печь, по бокам ее – лавки, рядом два деревянных ведра с водой и железный ковш.

Посреди каземата стояли двойные нары, так что лежащие на них спали, повернув головы друг к другу. На других нарах, вдоль стен, размещались мы, поляки.

Когда в сумерки тюрьма закрывалась, в нашем каземате начиналась тихая «семейственная» жизнь.

У нас был деревянный светильник собственного изготовления, были и собственные свечи, которые вместе с казенными, «субботними», довольно прилично освещали наше помещение.

Во время долгих зимних вечеров каждый занимался какой-нибудь работой. Бумштейн копался с ювелиркой, выполняя множество городских заказов. Черкесы мастерили кушаки и всякие изящные мелочи, которые пользовались спросом в городе, мы приводили в порядок и латали свою одежду: кожаную, белье, и во время работы вели приятные разговоры с черкесами, которые понемногу перенимали у нас русский язык. Из наших приятелей, черкесов, хотя и клейменных, ни

один не был настоящим преступником.

Один из них убил офицера, который своими ухаживаниями досаждал его любимой девушке.

Кто бы его за это мог винить?...

А преступление других было лишь в том, что, когда их край завоевала и оккупировала Россия, они объединились с непокорными кавказскими горцами и совершали совместные набеги на русские крепости, посты и укрепления. Непокорным горцам запрещалось носить оружие и пойманного с оружием в руках расстреливали на месте. А черкеса, который считался подданным России, клеймили и на долгие годы отправляли на каторгу, как настоящего разбойника.

Среди наших черкесских друзей был один сказитель, которого не побоюсь назвать феноменом.

Обычно, обращаясь к нам, он начинал рассказывать по-русски какую-нибудь народную легенду, но по ходу рассказа впадал как бы в транс, и продолжал говорить на языке своей отчизны с изумительным пафосом и живой жестикующей, так что рассказ звучал трагично.

С помощью жестов, за нехваткой русских слов, мы понимали, тем не менее, что сюжет таких легенд всегда бывала борьба юных горцев за освобождение отечества, и боролись они, пока война не кончалась либо победой, либо смертью юного героя.

Во время таких рассказов черкесы прекращали работу, глаза их, вперенные в рассказчика, загорались пламенным блеском, их тонкие ноздри трепетали, как у арабского скакуна, уста попеременно красила улыбка и кривила боль... Наверно, в своих аулах, на вольной степи, под темно-синим, сверкающим звездами, небом, сотни раз звучали те же легенды, но с не меньшим волнением слушали их сейчас несчастные каторжники, тут, в Омске, в этом душном каземате, при свете сальных свечей.

Отношения поляков с жителями Омска

У нас, у поляков, были книги, которые приходилось прятать, как ценнейшее богатство.

В казематах проводили частые обыски.

Офицеры и солдаты с заряженным оружием, во главе с Васькой, среди ночи вваливались в тюрьму. Будили арестантов, перетряхивали сундучки, одежду, топчаны, на которых они спали. Если находили карты, водку, табак – карали строго. А уж наличие газеты, книжки, да и вообще печатного слова Васька считал непростительным нарушением.

Поскольку нас считали людьми работающими и тихими, а за нашими черкесскими товарищами не числилось никаких погрешностей, равно как и за Исайей Бумштейном, а при ревизии у нас не находили ни карт, ни водки, ни табака, Васька во время своих ночных визитов приходил в ярость, переворачивал вверх дном наш каземат, – и все-таки ничего не находил. Из соседних слышались проклятья и угрозы, так что обыск нас неизменно будил и перебивал нам сон до самого утра.

Книжками снабжала нас госпожа Анна Андреевна де Граве.

Знакомством с семейством де Граве мы были обязаны вдове Кароля Кжижановского, которая после смерти мужа осталась в Омске с весьма скудными финансовыми средствами, так что ее две дочки воспитывались в «Доме Опек», основанном госпожой де Граве.

Обычно, каторжников, возвращавшихся с работы, стражники-инвалиды обыскивали особенно тщательно.

Наталья Карпович сумела как-то, наверняка не без взятки, склонить «кухаря», чтобы нам доставляли из города в корзинках с провизией книжки и газеты. Из кухни, с опаской, прижимая к груди под одеждой, мы приносили все это в каземат, где до вечера прятали в печи и под нарами в разных уголках. Слава Богу! Васька эту контрабанду так никогда и не обнаружил, и ни один доносчик о ней никому не сообщил.

Я уже говорил, что три месяца работал в инженерных мастерских, где обучался слесарному ремеслу. Конечно, не ахти какой слесарь из меня получился после такого короткого обучения, и потому я несказанно удивился, когда однажды после

обеда, дозорный сказал, что мне надлежит пойти чинить замки и засовы в комендантском доме, куда меня вызвали на работу.

Под конвоем из двух солдат с заряженным оружием в руках, меня повели сперва в мастерские за инструментом, причем я долго не мог сообразить, что мне именно потребуется.

С тревогой в душе переступил я порог комендантского дома, считая, не без основания, что я скорее испорчу, чем починю, замки и засовы, и за это – самое малое, что получу, так это «выговор» (*по-русски*).

На крыльце, с какой-то работой сидела госпожа де Граве.

– Пойдемте, слесарь, проходите! А вы останьтесь здесь, – сказала солдатам и провела меня за собой в глубь дома.

В комнату, куда меня провела госпожа де Граве, я вошел несмело, и, слегка встревоженный, причем застал там двух хорошеньких молоденьких барышень, а также Наталью Карпович.

– Приветствую Шимона Себастьяновича! – воскликнула она, подошла ко мне, взяла обе мои руки меж своих ладоней и сердечно пожалала. – Привет! Это Анна Андреевна и ее сестренки придумали, как извлечь Вас, хотя бы на пару часов, из ада, где Вы пребываете. Вот: Анна Андреевна, а эти голубки – Вера и Надежда Максимилиановны, ее сестрички и воспитанницы де Граве. Поздоровайтесь-ка с ними.

– Ей-богу, Наталья Петровна, – ответил я. – Не знаю, как же я, каторжник, могу здороваться с женой главного коменданта в Омске и как приветствовать ее сестер!

– Ах, полноте, Шимон Себастьянович, – прервала меня госпожа де Граве. – Разве можно Вас считать каторжником? Никто, слышите, никто в нашем доме таковым Вас не считает. Но не будем тратить время попусту!

– Анна Андреевна! – вскрикнул я в смущении. – Я так недолго работал в слесарне, я ведь замков чинить не умею! Дамы расхохотались.

– Так Вы же их и не будете чинить, – сказала госпожа де Граве. – Это наши голубки, Вера и Надежда, придумали такой

фортель, чтобы Вас затащить к нам на разговоры и на закуску.

Закуска была отменной, что и говорить; Вера и Надежда разливали чай, потчевали меня усердно, приглашая угощаться, но, чтобы не вызвать подозрения у стражи, от времени до времени одна из сестер стучала молотком по двери, в доказательство того, что починка замков продвигается со знанием дела и прилежностью.

При своих художественных работах Бэм брал в помощники Юзика и меня. Так мы набили себе руку в росписи апартаментов, особенно я. В Щебжезинской школе я делал успехи в рисовании, и без ложной скромности, теперь я мог выполнять задания, которые мне поручал Бэм, причем он говорил, что «ученик превзошел учителя».

А Бэм был художником-декоратором, причем весьма искусным художником. Теперь вместе с ним на работы начали посылать и его товарищей. Из тех, кто ходил с ним, двое научились у него этому же ремеслу, и «один из них, Токаржевский, уже рисовал не хуже Бэма» (см. *Достоевский*, стр. 217 – прим. авт.).

И в самом деле, Юзика и меня вызывали на художественные работы чуть не каждый день. Вера и Надежда признались, что нарочно портили росписи на стенах, и выкручивали шурупы из замков, чтобы был предлог вызывать нас почаще.

А если случалось, что в доме де Граве действительно требовалось что-либо мастерить, мы проводили там полдня, а иной раз и дольше.

Во время обеда барышни, – во избежание подозрения слуг, – подавали нам обед в другой комнате за отдельным столом, причем разные блюда приносили нам сами собственноручно.

При первых таких обедах смеху и веселью не было конца, когда мы с Юзиком признались, что разучились есть мясо при помощи вилки и ножа, потому что в тюрьме ножи запрещены, и арестанты понемногу отвыкают от привычек цивилизованных людей.

Знал ли сам комендант де Граве, что его жена привечает и угощает польских каторжан?... *Де факто*, он, конечно, все понимал, но *де юре* должен был делать вид, что ничего о том не знает, и я уверен, что супруги де Граве никогда этот вопрос не обсуждали между собой.

Во время нашего пребывания в их доме комендант всегда отсутствовал, либо охотился далеко за городом, либо принимал посетителей в служебном кабинете, словом: мы не видели его даже издалека. Мы соблюдали крайнюю осторожность – в этом мы немало поднаторели...

Вызывали нас для росписи комнат в дома богатых купцов, которые, кроме положенной оплаты, гостеприимно нас угощали.

Невозможно было отговориться от таких приглашений, настолько искренних и сердечных.

Сажали нас за общий стол в семейном кругу хозяев, обходились с нами, как со свободными жителями города и как с приятными гостями. Расспрашивали нас про Польшу, про наши привычки, о нашей религии, обо всем общественном устройстве и о наших обычаях.

А для нас было просто счастьем вслух говорить о нашей Отчизне, такой дорогой и такой далекой, – причем мы могли говорить совершенно свободно, поскольку наши «амфирионы» полностью «брали нас на свою ответственность» (*порусски*), то есть ручались, что мы не сбежим, так что конвой сопровождал нас, только пока приводил из крепости или отводил обратно.

Конечно, сперва трудно было приноровиться к этим подозрительным и хитрющим торговцам-миллионерам; конечно, их жены, дочери и сестры казались нам смешными с их претензиями на красоту, элегантность и изысканность, с их кокетливыми ужимками; но в обиходе с нами они были искренне добры и радушны – это бесспорно.

Общение с ними разнообразило и смягчало наше пребывание на каторге, добавляло нам спокойствия и укрепляло уверенность в себе, усердие, аккуратность в работе, а особенно веру в самих себя – ведь мы не были людьми высоко

образованными, но среди этих жителей Омска, таких отдаленных от отблесков цивилизации, мы слыли мудрецами.

Часто они спрашивали у нас совета в разных этических вопросах, а иногда даже просили, чтобы мы рассудили их семейные раздоры. Таким образом, среди населения, сперва столь враждебно к нам настроенного, мы постепенно снискали совсем другое мнение о себе, как о людях достойных и учтивых, мнение, надо признать, – вполне заслуженное. «Быть безупречным и избегать суетности» – это каждый из нас во время пребывания на омской каторге пытался считать своим девизом. И это было наше единственное утешение в отвратительном окружении, тесноте, среди бесчинств, от которых почти невозможно было отгородиться.

Мы, политические каторжане, в Омске, Тобольске, Нерчинске, Уsole и иных рудниках и крепостях Сибири, мы, поляки, смело можем утверждать, что в этих полярных краях были первыми сеятелями цивилизации и этических понятий. Мы нигде и никому не выказывали ненависти и чувства мести, а лишь пытались выказать милость и прощение. Мы братски пожимали руки, протянутые к нам с приятностью, но только честные и ничем не запятнанные руки, а к нашей чистой и наичестнейшей Отчизне мы сумели вызвать восхищение и горячее сочувствие.

В таких тонах написана большая статья в иркутской газете «Сибирь», где подчеркивается, что после амнистии, по случаю коронации Александра III, мы, осужденные в 1863 и 1864 годах, массово вернулись к себе на Родину.

Однажды в острог прибыл приказ, чтобы художники – так нас теперь называли – немедленно прибыли со всеми своими принадлежностями во «дворец» генерал-губернатора.

Бэм и Анчиковский уже были заняты на работе в городе, а потому отрядили Юзика Богуславского и меня.

Ординарец постоянно торопил нас: «Скорее, скорее!» и, наконец, привел в большой пустой зал, несколько дней тому

назад изрядно приукрашенный бэмовой и моей кистью. Вооруженный конвой стал по обе стороны входной двери, мы жались к стенам, раздумывая, что здесь надо еще добавить или исправить... Перед нами открылась длинная анфилада роскошно убранных комнат.

Мы входим в нее с волнением и любопытством, ожидая чего-то невиданного, и переглядываемся: зачем нас сюда вызвали?...

Наконец, в самом конце анфилады вырисовывается женская фигура... Когда она к нам приблизилась, мы узнали генеральшу Шрам, которую встречали иногда, когда она ездила в коляске по берегу Иртыша.

Это была уже пожилая женщина, но еще красивая и величественная. На седоватых, но искусно уложенных волосах высился кокошник, густо расшитый драгоценными камнями, платье из шелестящего алого шелка, на плечах такого же цвета длинная бархатная накидка, обшитая соболями, со шлейфом, не меньше двух локтей, что волочился по полу.

Такое богатое и колоритное убранство придавало женщине царственный вид.

Не будучи знатоком дамских уборов, я не видел, однако, женщин, каждодневно одетых так, как генеральша у себя дома, в полдень, и это показалось мне странным.

– Вот ненормальная! – сказал себе я.

Между тем, она подошла к нам, не спеша, словно, чтобы дать нам возможность ее разглядеть.

Правила велели каторжникам в присутствии особ высокого ранга стоять на вытяжку, «руки по швам» (*по-русски*), пока особа не обратится к тебе.

В эту минуту у меня блеснула крамольная мысль.

– Юзик! – тихонько шепнул я, не поворачиваясь к нему. – Юзик! Раз эта баба так триумфально вплыла в избу, давай, вместо «руки по швам» поклонимся ей «по-европейски».

– Велит нас выгнать – тоже шепотом ответил Юзик, – и раз навсегда выбей у себя из головы «европейские» привычки.

– Юзик! Ей-богу, я не выдержу. Поклонюсь, как человек цивилизованный.

– Я, конечно, – с тобой! Только мне жаль своей и твоей шкуры, которая у тебя, наверное, свербит.

Как только Шрамиха вошла, мы отвесили ей глубокий элегантный поклон, насколько, конечно, позволяли наши спутанные кандалами ноги...

Поместье моего отца было в Любельской земле в очень лесистой местности. Мальчишкой я любил забираться в бор и дружил с лесником. Лесник, старый Вавжон, был неисчерпаем по части рассказов о своих приключениях и встречах с разной лесной чудью – так он называл всякую дичь и волков.

– Не раз, особенно летней порой, – рассказывал Вавжон, – волчок идет себе, как бы задумчивый, и вдруг натывается на человека, который тоже идет, думая свою думку, притом нет у него ружья при себе. И что остается? Надо хлопнуть громко в ладони, волчок и остановится, а потом повернется, подожмет хвост и убежит, как будто целая свора гончих несется следом, потому что хлопок ладони был для него неожиданный и напугал.

Точно так этот наш «европейский поклон» был для госпожи Шрам, как хлопок в ладони.

Она остановилась, удивленно на нас глянула, явно смущенная нашей смелостью, но не растерялась...

Через мгновение повелительным тоном заявила, что потолок в этой комнате ей не нравится, и она желает, чтобы его переписали.

Я ответил, что, если бы у нас были бумага и карандаши, мы могли бы набросать несколько эскизов и нарисовать предполагаемый декор.

Шрамиха приняла сказанное к сведению и молча удалилась.

Тут же внесли стол, кресла, бумагу и карандаши, и какая-то женщина, посланница Шрамихи, сообщила приказ: немедленно приступить к работе, через час «Превосходительство» придет обозреть нашу работу.

Через час! Чтоб набросать и составить композицию из узоров в совершенно пустой комнате, в которой абсолютно

ничего нет, чтобы подсказать какую-нибудь идею! Вот это была задача!...

Несмотря ни на что, мы принялись за работу, Юзик понемногу подкидывал мне концепции, а я был исполнителем его и своих замыслов. Пара готовых эскизов уже ждала, когда «превосходительство» появилось в сопровождении личной свиты...

Свита состояла из восьми собак, начиная от лохматого великана, неизвестной породы, до болоночки, которую «превосходительство» прижимало к животу.

Маленькие собачки залиристо лаяли, царапали нам штаны, великан грозно тряс лохмами и скалил зубы, что сильно будоражило болезненного Юзика, а Шрамиха явно получала удовольствие – сжимала толстые красные губы, чтобы не рассмеяться вслух.

«Свита», наконец, умолкла, наши композиции Превосходительство одобрило, и мы взялись за роспись.

Собачья атака – это ответ нам за наш «европейский поклон», – смеялся Юзик по дороге обратно на каторгу.

– Ничего, мы атаку выдержали с честью.

– Не хотел бы я повторить этот «подвиг», вот бы розги заработали, если бы Превосходительство было в худшем настроении, а, может, нас и простили бы, потому что Шрамиха хочет, чтобы фризы на потолках были готовы к Рождеству.

Драка черкесов с разбойниками

Бандиты были сильно уязвлены тем, что с тех пор, как мы жили вместе с черкесами, наш каземат выделялся из всех порядком, чистотой, стал примером для всей тюрьмы. Особенно они досадовали оттого, что тюремное начальство похваливало нас всегда и повсюду. Они решили нам отомстить, причем главным зачинщиком был некий Павел Петрович Аристов, дворянин, высланный сюда из Петербурга, – о нем я расскажу особо.

Близилось Рождество по новому календарю. Мы с Юзиком переписали полностью верхние фризы в покоях князя

Г., который выехал в Петербург. Бэм и Анчиковский «художествовали» у Васьки, который был очень доволен их работой. Бэм напомнил Ваське о предстоящем Рождестве и сказал, что нам не хотелось бы работать в праздничные дни.

Плац-майор распорядился, чтобы всех поляков освободили от работ в эти дни, к тому же велел купить полпуда рыбы, мяса, масла, каши. Другие продукты мы закупили из наших скудных средств, чтобы сочельник отметить по польским обычаям.

Бэм с Юзиком и Васькиным поваром, в плац-майорской кухне все приготовили, и вечером, с помощью Васькиных слуг, принесли в острог. А мы тем временем приспособили стол из досок, выдернутых из топчанов, и уложили их на трех козлах, которые смастерили заранее. Блюдо, тарелки, ложки, все предметы сервировки были взяты из Васькиного дома без его ведома.

Бандиты давно решили, что свою месть они осуществят именно в сочельник.

Аристов подсказал им самый подходящий момент. Так решено было, что когда мы сядем за стол, они подошлют к нам несколько заводил, которые опрокинут столы, переколотят Васькину посуду, скинут на пол и перетопчут всю нашу еду, а потом вызовут нас на «кулачный бой» (*по-русски*).

План был составлен продуманно. Вскоре на небе зажглись первые звезды, и мы, позвав к себе всех тюремных католиков, сели за стол и принялись за вечерю.

Вдруг в дверях показался Кузьма Громов. Трудно сказать, был ли он пьян, или разыгрывал пьяного, но он зашел в каземат, приблизился к старому черкесу Али-Беку, Али Ферды Оглы, что-то сказал ему и сильно ударил.

Али-Бек, хотя седой и старый, одарен был необыкновенной силой, и, не мешкая, охватил Громова железными объятьями, стукнул его об дверь, которая отворилась и... Кузьма мигом вылетел в сени, где растянулся на полу во весь рост.

Как будто по данному сигналу к нам ворвались те, что стояли за дверьми.

С нечеловеческой злобой втиснулась к нам чуть не вся тюрьма. Черкесы, ни на мгновение не теряя самообладание, оставили в каземате только двух бандитов. Двое черкесов стали в дверях, сдерживая остальных...

Двери и стены трещали, но, помимо тех четырех или пяти, которые к нам проникли, никто больше в каземат не прошел.

Тут набежали вооруженные солдаты во главе с офицером – но и они не смогли разогнать бандитов и заняли наблюдательную позицию на крыльце. А что в это время происходило у нас в каземате, даже описать невозможно!

Черкесы поскидали с себя рубахи и полуголые, прекрасно сложенные, как гладиаторы на римской арене, стали в грозную позицию, готовые к драке... Их крепкие кулаки, как молоты, вздымались вверх и со всей силы падали на головы бандитов, причем они перекидывали их друг к другу из рук в руки, как мячи...

Крик, гам, ругательства, – трудно себе представить, что это было!

Вся каторга ревела от унижения... Собирала последние силы... Но тщетны были все усилия: два черкеса подпирали двери, как две гранитные кариатиды, и стояли невозмутимо и неподвижно...

А что происходило в это время с евреем? Ага! Еврей – неглупый человек. Он знает, что в таком столпотворении, в такой заварухе, на его долю достанется немало пинков и тычков...

Исай Бумштейн с самого начала стычки, с зажженной свечой в руке, забрался на печь, и, высовывая оттуда голову и руку со свечой, приговаривал: «Ой, ой!», дивясь ражу черкесов, удары которых градом сыпались на таких еще минуту назад грозных, а теперь валявшихся на полу, бандитов-заводил.

Усмирненных налетчиков, одного за другим, выкидывали за дверь, бой кончился. В каземате воцарилась тишина, как будто ничто и не произошло.

Побежденные бандиты кинулись бежать, бросая поврежденных на месте боя, и разбрелись по своим логовам. Офицер

велел страже запереть все казематы, кроме нашего.

Теперь мы спокойно сели за остывший ужин, и тут наш еврей слезает с печи, подходит к нам и самодовольно говорит:

– А что, каковы наши-то?

И слова эти он сказал так торжественно, как будто сам участвовал в драке.

Болезнь

Зимой для очистки улиц и государственных зданий использовали каторжных. Снег мы сгребали лопатами, скидывали на повозки, которые вывозили его на берег Иртыша. Работа была не тяжелой, но неприятной из-за собиравшихся обычно возле нас ротозеев.

В течение многих лет жители Омска каждую зиму любовались на это зрелище. И все же оно им не надоедало. Полроты вооруженных солдат окружало арестантов, дозорные указывали нам улицы, которые следовало очистить.

В российской глубинке и в Сибири к бездомным и каторжникам жители питают большое сочувствие, и одаривают их, что те принимают охотно.

– «Несчастный!» (*по-русски*), – так российский люд зовет каторжан и, всунув им в руки пшеничную булку или копейку, а то и полкопейки, говорит:

– Примите мое подаяние и да хранит вас Христос, несчастные вы!

Мне такое напутствие показалось истинно православным...

Но, может быть, лучше было бы, если бы общественный строй стал иным и на бродягу смотрели бы, как на равного человека, да и вообще жалели бы всякого, достигнутого злой долей.

Тем не менее, когда ко мне кто-то подошел с подаянием, я крикнул еще издали:

– Спасибо, – никакой я не «несчастный», а политический преступник.

Я повторял это неоднократно все семь лет и мне кажется, что, в конце концов, жители Омска научились различать

бродяг и разбойников от арестантов совсем другого рода.

Сильным раздражителем для нас были постоянные окрики стражи: «Скорее! Скорее!», а что эти же понукания повторяли ротозеи, что собирались около нас, было уж вовсе невыносимо.

По-моему, эти окрики подобны ударам кнута, которым работник подгоняет ленивый скот во время работы, и я старался не обращать на них внимания.

Иногда, особенно после бессонной ночи, когда воспаленное воображение уносило меня в родные края, в отцовский дом, среди родичей, а взбудораженное воспоминаниями сердце стискивало еще сильнее, чем обычно, – эти бессмысленные окрики стражников все-таки приводили меня в ярость!

Обычно я работал с чрезмерной силой, с горячечной энергией, что и довело меня однажды до болезни. Я возвращался из города вспотевший, разгоряченный чрезмерными усилиями при погрузке снега в повозки, и скинул с себя кожух; вскоре меня охватила дрожь, я почувствовал горячку, головокружение и, направляясь по площади к кухне, упал.

И тут Васька, в порядочном подпитье, отправился как раз на свой обычный обход и, дойдя до крепости, увидев на снегу арестанта, закричал:

– Что это? Он что, пьяный?... Вот это здорово! Пьяный, я кому говорю? Пьяному арестанту всыпать розог! Розги! Розги, ро-о-озги ему! – рычит плац-майор и тычет мне сапогом в голову.

А у меня нет сил ни подняться, ни даже двинуться.

Но тут, зная Ваську и его бешенный нрав, из каземат повыходили на площадь арестанты.

Вышел также один из черкесов – Нурла Шамурла Оглы.

Он узнал меня.

Увидел, что Васька сейчас меня стукнет, наклонился, обнял, поднял и понес с криком: «Аллах! Аллах!».

Услышав крик, из нашего каземата выбежали черкесы и поляки, и даже трусливый Исай Бумштейн, то есть выбежали все, и кинулись ко мне.

Юзик рыдал как дитя, и целовал мне руки и ноги. Черкесы непрестанно твердили: «Аллах! Аллах!».

Вызванные госпитальные служители унесли меня в госпиталь. Оказалось, у меня опасное воспаление легких, при горячке и истощении. Я не помню, конечно, ни того, как проходила моя болезнь, вообще ничего не помню, осталось у меня лишь ощущение, что за мною очень ласково ухаживали.

Молодой, учтивый врач, заместитель госпитального лекаря, который был тогда в отпуске, – часто проводывал меня, сам поил лекарствами, сам менял компрессы, у меня даже осталось в памяти, что он вроде бы сидел на краю моей постели и клал свою холодную ладонь мне на лоб, а когда я начал выздоравливать, из дому приносил мне отличное вино и питательную еду.

Я чувствовал, что выздоравливаю, что с каждым днем силы у меня прибавляются, и он, под разными предлогами удалив прочий персонал, сказал мне почти шепотом:

– Вам, сударь мой, нужно еще остаться в госпитале, нечего Вам спешить в острог!

Мне и самому не очень-то хотелось в каземат, тем более, что Юзик и другие братья мои, по особому разрешению навещали меня и передавали привет от черкесов.

Я роскошествовал на удобной постели, наслаждался свежим воздухом, не отравленным оскорблениями и угрозами; меня охватила удивительная благодать, какое-то предчувствие будущей свободы.

Я роскошествовал уже потому, что меня не будил барабан, я не слышал выкриков дозорных и ругательств каторжников, словом, время выздоровления в госпитале было для меня единственным настоящим отдыхом за семь лет омской каторги.

Единственно только бряцание кандалов, сопровождающее каждое мое движение, не позволяло забыть, что я в арестантском госпитале. Цепи не положено было снимать даже с самых тяжелых больных. Расковывают кандалы только перед смертью или тем, у кого вышел срок наказания и кого выпускают на свободу.

Очень сожалею, что запомнил только имя того молодого доктора, который так заботливо меня лечил и пестовал. А звали его Борис.

От Анны де Граве я узнал позднее, что отец Бориса некогда жил в Петербурге и входил в список декабристов. Очевидно, этим объясняется симпатия молодого человека к политическому преступнику.

Пока я лежал в госпитале, совершенно беспомощный, профессор Жоховский в том же госпитале вручил Господу Богу свою чистую непорочную душу (1851 год).

И вновь в этом далеком и студенном краю еще одно пылкое польское сердце станет покоиться в ожидании Воскрешения.

Отставка

Плац-майор Василий Григорьевич Кривцов под судом! Эта весть молниеносно облетела весь город и дошла до нашей тюрьмы.

Плац-майору Василию Григорьевичу Кривцову была предложена отставка! Эта весть пришла к нам через несколько дней после первой.

Нет нужды повторять, с каким восторгом приняли эту новость арестанты.

Мы ходили просто-таки в упоении от радости:

– Ваську отправили в отставку!

За что? Нам не очень и хотелось вникать в это дело.

А было так, что он вроде бы повздорил с каким-то своим сослуживцем, так возникло следствие, и обнаружились какие-то давние грешки, какие-то взятки, мошенничества, и, как гром с ясного неба, кара настигла Ваську, когда в расписанных нашими кистями покоях снились ему розовые узы Гименея.

Хотя он утратил работу, чин и привычный быт, Васька все-таки остался в Омске. Бродил по городу и за городом, чаще всего пьяный, в «цивильной» одежде.

И такой стал кроткий, что он, этот сатрап с неограниченной властью над нами – он, Васька, встречая нас, когда мы

возвращались с работы, не раз останавливался и по-военному приветствовал нас и говорил:

– Здравствуйте!

Теперь он уже не вызывал страха, а лишь удивление, таким он выглядел смиренным, этот пьяница в неряшливой одежде...

Праздники на каторге

Весна и лето на каторге были несравненно тяжелее, чем зима.

Обычно мы работали за городом на кирпичном заводе при возведении новых построек и обновлении ветхих казенных строений. Мы также копали рвы, выравнивали дороги, рисовали дорожные знаки.

Эти работы были тем неприятнее, что проходили за городом и ходьба на обед в крепость за пять-шесть верст отнимала так много времени, что мы за целый день питались в полдень принесенным сухим хлебом, который запивали водой из Иртыша.

Но дело, конечно, не в еде.

Во время отдыха в полдень я ложился обычно на траву, передо мной – пустыня, сливающаяся с далеким горизонтом. И мысль моя плавно забегала за этот горизонт и стремилась к Отчизне, к родным и родичам...

На ясной погожей небесной синеве светило солнце, то же самое солнце, что слало свои лучи моей родной стране... И, порой, грусть овладевала мной, гнездилась у самого сердца, и обжигала его, обжигала!...

После возвращения с работы, в летние вечера, можно было проводить свободное время на площади крепости, овеваемой прохладным воздухом, но летние ночи бывали невыносимы!

Когда в десятом часу каземат запирали, несмотря на открытые окна, воздуха не хватало. Трудно было заснуть, а, когда, наконец, горячий сон овладевал нами, в пятом часу утра гудел барабан, уже надо было вставать и быстро-быстро напяливать на себя униформу и спешить на работу.

Одежду арестантам выдавали раз в год, а кожухи раз в три года. Изношенную одежду бандюги продавали, но – не мы, поляки!

В Омске, как и везде, по улицам мыкались, также, как и за городом, множество нищих, и наиболее пристойным из них мы раздавали нашу изношенную «казенную» одежду, и среди нищих мы слыли «боярами со щедрой рукой».

В воскресенье и по праздникам арестантам можно было снимать униформу и ходить в собственной одежде.

Между разбойниками было несколько щеголей. На заработанные деньги, или добытые совсем иными путями, правом кулака, они покупали себе красные рубахи и кушаки с латунными накладками.

Когда такие франты, бряцая кандалами, разряженные, как павлины, проходили по площади – вот это был видок! В течение семи лет я ни разу не снимал своей казенной одежды. Одежда свободного человека и кандалы никак не вязались друг с другом.

На праздники Рождества и Пасхи каторжане получали лучшее питание. К тому же из города присылали угощения – яйца, мясные блюда.

При дележке этой снеди часто возникали споры, иногда и драки, и сыпались взаимные оскорбления.

– Ах, ты, собачье мясо! Не получишь это лакомство! Ах, ты, дурак, это яйцо слишком красивое для такого недотёпы!

Надо было затыкать себе уши и закрываться в самых глухих углах тюрьмы, чтобы всего этого не слышать.

Каторжникам разрешено было праздновать, согласно их вере. Магометане и Бумштейн соблюдали свои посты и праздники с завидной набожностью.

И нам, полякам, но, однако, не сразу, позволено было соблюдать праздники по новому стилю.

Госпожи Кжижановская и де Граве присылали нам в наши праздники мясные блюда и всякую стряпню в красивой корзиночке, и какой-нибудь цветочек или цветущую веточку, спрятанные среди продуктов, что означало: «Желаем вам счастливых праздников!».

Осип Гаврилов. Аристов

Во время моей бытности в омской тюрьме там находилось примерно двести арестантов, осужденных на длительные и краткие сроки каторги. После окончания срока их высылали в разные сибирские области на «поселение». Нередко такой поселенец возвращался на каторгу как рецидивист. Рецидивисты являли собой контингент, который назывался «всегдашние». Различные криминальные преступления отмечались клеймением на лице. Государственных преступников не клеймили. Обычное нарушение закона и политические дела должны бы рассматриваться примерно в одной категории. Но здесь все было по другому – государственных преступников, людей высшего круга общества и, по большей части, более высокого морального и умственного уровня, равно как и дворянство, обычно подвергали более строгому режиму, чем остальных.

Нас, поляков, горше всех мытарил Васька, нам давали самые тяжелые работы, хотя, как уже сказано, со временем мы удостоились уважения и бандитов, и начальства, притом без всяких наших усилий, – уважение возникло само собой. Даже конвойные солдаты предоставляли нам, полякам, больше свободы во время работ за городом.

Нам позволяли отдаляться от всей толпы, прохаживаться по берегу Иртыша, ходить в лес.

Это было для нас особой милостью – мы могли вдыхать хоть ненадолго чистый, ароматный, напоенный хвоей воздух.

Прозвища почти всех каторжан были нам известны. Но «варнак» в трезвом виде чаще всего был осторожен, подозрителен; только пьяный любил откровенничать. Однако, слыша разговоры варнаков между собой во время работы, можно было понять, за что тот или иной был осужден.

Убийство ради грабежа, изготовление фальшивых монет и прочие мошенничества, в основном, приводили варнаков на каторгу.

Их преступления для интеллигентных людей были неинтересны и не казались чрезвычайными, они не вызывали ни

возмущения, ни сочувствия.

Об одном из преступников хотелось бы рассказать, в связи с мотивами, толкнувшими его на убийство.

Был это сибирский парень из ближних окрестностей Омска, этакий великан с лицом, хоть и клейменным, но приятным, интеллигентным, а, порою, хмурым и как бы окаменевшим от великой тоски. Помимо лишь самых необходимых обиходных слов, – не разговаривал нигде и ни с кем, назначенную работу выполнял усердно и аккуратно, не играл в карты, не напивался, спал немного, ел мало, в споры не ввязывался, сосредоточенно молился, в воскресенье и праздники читал Библию, а летом кружил на площади вокруг тюрьмы, погруженный в свои думы, не выдавая даже громким вздохом грусть, которая гнездилась в его душе. Звали его Осип Гаврилов. О своих печальных обстоятельствах рассказал мне сам.

Молодой и богатый Осип любил привлекательную девицу, которая навестила всю его родню даже в далеких окрестностях. Осип на ней женился, хотя родственники и соседи отсоветовали брать в жены гулену и кокетку. Но он, ослепленный пылкой любовью, добрым советам не внимал.

Год прожили они счастливо, и у них родилась дочка.

На кокетство своей жены он глядел снисходительно. Однако, вернувшись однажды из леса, застал жену «на месте преступления» с собственным батраком. Охваченный яростью, сам не понимая, что делает, схватил топор. Размахнулся, и – на полу лежал труп батрака. Обнимающую его колена истинную виновницу убийства – свою жену – оттолкнул, и сам пошел сдаваться в волость – остальное известно.

Человек на каторге считается вообще по гражданским законам как бы мертвым. Все связи, которые сдерживали его, когда он был на свободе, порушились.

Для мира Осип был мертв и стал заживо погребенным в крепости.

Как-то летней порой, в воскресенье, усатый дежурный унтер-офицер, стоявший у ворот, вызвал Осипа Гаврилова и сказал, что какая-то женщина с маленькой девочкой хочет

его видеть, и добавил, – «красивая».

Осип колебался, обтирал вспотевший лоб, как бы споря с самим собой: идти или не идти?...

Потом все-таки решился и пошел за унтером в избу при кордегардии для тех, кто посещал каторжан.

Пошел, и вскоре вернулся. Вернулся взбудораженный, и в самом укромном уголке прижался лицом к бревнам частокола, и заплакал. Плакал тихо, только тихие рыдания так сотрясали его мощную фигуру, что я невольно почувствовал жалость к нему, подошел и положил руку на его плечо.

– Иосиф Гаврилов! Да утешит Вас Господь Бог!

Он схватил мои руки и стиснул их до боли. Я не спросил его о причине его слез – через несколько дней он сам мне все рассказал.

А случилось то, что красавица-жена Гаврилова приехала его проведать, поскольку считала себя совершенно свободной от прежнего брака, и вознамерилась выйти замуж за богатого соседа, привезла маленькую дочку, чтобы показать отцу. Дочка была похожа на свою родительницу поразительно. Гаврилов слушал все эти новости и, когда жена совала ему деньги в руку, он оттолкнул ее, ударил, плюнул в лицо и убежал.

– Я убежал, – сказал он, – потому что готов был стукнуть поганку кулаком промеж глаз, и тогда был бы еще один труп! Даже свою девочку я не посмел взять на руки и поцеловать, так мне было противно!

С тех пор к Осипу Гаврилову я относился сочувственно, с приязнью, которую он, несомненно, заслуживал.

В нашем каземате, когда мы разговаривали, он часто спрашивал меня, бывают ли польки тоже плохими женами и гуленами?

Я ответил, что, обычно, польки – верные жены, а невесты нередко годами ожидают возвращения своих возлюбленных, – однако, и в Польше, как и везде в мире, встречаются женщины злые и легкомысленные.

Гаврилов был грамотный, иной раз у меня в каземате читал выдержки из книг, которые его интересовали. Для

бандитов он всегда оставался неприступным. Бывало, к нему обращается с какой-нибудь шуткой варнак. Он только скалил зубы, как волк, и сжимал свои мощные кулаки, так что у шутника пропадала охота шутить.

А в остальном, Гаврилов был работающий, молчаливый и степенный.

Во время моего пребывания в омской тюрьме, среди бандитов высокий процент был грамотным. Я не смог, конечно, составить статистику, но смело могу утверждать, что неграмотных было меньше половины.

Это обстоятельство подало повод тюремному начальству отправить в Петербург рапорт, что, якобы, попутно с грамотностью среди арестантов растет также и процент преступности...

Вспоминается мне еще и некий аферист – шпик большого размаха – Аристов.

Аристов был девятнадцатилетним юношей с бледным, тонким лицом, отмеченным лихорадочностью, совершенно лысый, в казенной одежде, заношенной донельзя. Из Петербурга прибыл в Омск за десять дней до нас. Олесь Мирецкий спросил его, почему на нем такая драная одежда. Он ответил, что в Тобольске его прикрепили к партии злодеев, а он, не имея нужного опыта, доверился им. Они же обыскали его и обокрали.

Он не хотел признаться, за что попал на каторгу, но намекал, что страдает из-за своих политических убеждений. Часто упоминал какую-то графиню Завадовскую, окутывал себя тайнами, играл роль преследуемого важного политического деятеля.

Распрекрасный Олесь, обуянный жалостью, поделился с Аристовым скудным своим «состоянием», поскольку тот пожаловался, что лишился одежды, в которую зашито было немного денег, он отдал ее солдатам, чтобы его защитили от плац-майора. Так солдаты и остатки его одежды присвоили себе.

Вся эта история впечатлительному Олесю показалась вполне правдоподобной.

Когда мы прибыли, он даже предложил, чтобы Аристов тоже допустили в наш круг, и чтобы он жил рядом с нами бок о бок, по-братски. Если бы не Юзик, который внимательно взгляделся в нашего проходимца и воспротивился предложению Олеся, Аристов – этакая змея, влез бы в нашу среду, нам на горе.

– Не будем его сторониться, – сказал Юзик, – но я не хочу знаться с таким непрозрачным человеком. Бог знает, что он такое есть?

Притом, мы к Аристову относились лучше, чем к другим каторжанам, но не допускали его слишком близко, и ему не доверяли.

Когда прибыли Дуров и Достоевский, мы сразу заметили, что между этой троицей что-то скрывается и существует непонятная связь. И узнали же мы любопытные дела про этого Аристова!

Родом из Петербурга, дворянин, он вступил в войска юнкером, но за всякие выходки из войска его выгнали.

Потом пребывал в Петербурге и расхлябанный образ жизни не изменил. Отец Аристова уже умер, мать от сына отреклась и, предоставленный самому себе, девятнадцатилетний юноша, без всяких средств, пустился в авантюры...

Он обратился к князю Орлову и к Дубельту, заверив их, что знает о политическом заговоре, цель которого – государственный переворот; он рассказал, что некоторые участники ему знакомы и делятся с ним сведениями (а дело было в 1848 году), и что главаря он мог бы узнать в Москве.

Князь Орлов, осчастливленный тем, что ему удалось получить в свои руки нити конспирации, велел Аристову отправиться в Москву и выделил значительную сумму на дорогу и пребывание в «белокаменной» (*по-русски*).

Царя Николая I уведомили обо всех обстоятельствах.

Аристов с «казенными» рублями выехал в Москву и весело проводил время, пока не растратил все выданные ему средства. И тут он, с пустым карманом, возвращается в Петербург, снова идет к князю Орлову и тысячью путанных выдумок и измышлений снова выуживает у него значительную

сумму, и опять растрчивает ее попусту.

Таким образом он пробавлялся целый год. А тут подошел карнавал. Князь Орлов встречает Аристова в театре, и велит доставить к себе. Спрашивает – «Что тебе удалось узнать о конспирации?».

Вместо ответа Аристов вновь просит денег.

– Ты же пьян! – орет Орлов.

– Так точно! – спокойно отвечает Аристов. – У меня с заговорщиками самые тесные связи. Они пьют – и я вынужден пить с ними.

Князь Орлов посчитал аргумент убедительным. И Аристов третий раз получает триста рублей, причем обещает через несколько дней предоставить полный список заговорщиков.

Обещать легко – труднее выполнить. Но у Аристова хватает фантазии... Он направляется в самую посещаемую и элитную петербургскую кофейню, садится за стол, заказывает кофе с ликером, и пристально вглядывается в сидящих вокруг, среди которых во множестве гвардейские офицеры и чиновники высших рангов из разных департаментов. Эти совершенно аполитичные господа преимущественно заняты тем, чтобы развлечься, хорошо выпить и вкусно закусить.

Аристов записывает их фамилии и передает князю Орлову составленный список заговорщиков.

Страшная весть разнеслась по Петербургу: гвардионцы, потомки знатнейших дворянских фамилий, высокие чиновники, царедворцы, пламенные почитатели монарха, попали в Петропавловскую крепость! Заседает комиссия, военный суд – ищет, выслеживает, агенты тайной полиции выбиваются из сил, переворачивая вверх дном небо и землю – и ничего! В конце концов оказывается, что все арестанты ни в чем не повинны, и на самом деле, как их всегда и считали, верные слуги царя и трона.

Жестоко скомпрометированный князь Орлов сыплет проклятиями, засаживает лживого доносчика в тюрьму, велит Аристова судить и сурово наказать, а все напрасно обвиненные «политические преступники» приглашены к царю, их

утешают самыми ласковыми словами, они получают награды, чины, деньги, а некоторых допускают даже к целованию монаршей руки, и все они, как один, твердят:

– Вот так чудеса! – как это их, их самих, посадили за антимонархический заговор.

Аристов отдают под суд, по самоличному царскому приказу, он получает порцию розог и попадает в Сибирь на десять лет каторги.

До того, высланный из Петербурга, Аристов прибыл в Нижний Новгород. Там его призывает жандармский полковник, а потом и начальник дивизии, и Аристов плетет им несусветные бредни о своих связях и конспирациях.

Полковник доносит о том князю Орлову, как шефу жандармов, и получает от князя в подарок наган за свою благоверность, а до Омска, еще перед прибытием Аристова, доходит приказ, чтобы не верили никаким рассказам этого афериста, и за каждый поклеп карать его наисуровейшим образом.

Любой другой, в столь несчастных обстоятельствах, навсегда забыл бы о мошенничестве. Но Аристов и не думает выходить из игры.

На омской каторге его прозвали «Крапо». Освоившись в своем новом статусе, Крапо начал искать сферу действия для своих делишек и махинаций.

Сперва-наперво представился плац-майору как художник-портретист, считая, что таким образом найдет применение своим «талантам». И в самом деле, Васька, не долго думая, вызывает Аристова и заказывает написать с себя портрет. Вооруженный кистями и красками, Крапо, продолжая выдавать себя за художника, усердно работает, а попутно лебезит и угодничает изо всех сил, пытаясь разведать отношение плац-майора к окружающим, что ему удастся без труда.

Став любимчиком Васьки, Крапо получает возможность использовать свои навыки шпики. Доносит плац-майору обо всем, что происходит в тюрьме, рассказывает и о том, что никогда не было, не щадя никого. Бедный Олесь, который

поделился с Аристовым остатками того, что у него оставалось, в результате наветов шпики сразу же становится изблюбленным объектом преследований Васьки за вымышленные Аристовым проступки, так что днем и ночью Мирецкому приходилось быть начеку. Нас тоже Аристов не «забыл», за что мы решительно его от себя оттолкнули.

Кто картежничал, кто доставлял водку в тюрьму, – Васька узнает обо всем. Не знает он только того, что сам Крапо тоже промышляет водкой, выискивая ее всякими способами, что он крадет у арестантов их вещи, табак, деньги.

К тому же Крапо восстановил против нас всю каторгу, подстрекая тем, что поляки, де, доносчики и злодеи. Именно он придумал нападение на наш каземат в сочельник; он состыковался против нас с самыми ретивыми бандитами, которые добивались его милости, поскольку Аристов каждый день бывает у Васьки и проводит целый день в плац-майорском доме, забавляя Ваську рассказами о Петербурге и, в перерывах между анекдотами, яро работает над хозяйским портретом. Мы же потешались, что рукою шпики запечатлен будет образ пьяницы и гнобителя безвинных людей.

Но вот получилось так, что именно портрет разрушил благополучие Аристова. Почти целый год Васька позировал ему ежедневно, а Крапо энергично размахивал кистями, но из-под кисти художника-самозванца «вылупился» бесформенный уродец, какая-то ни на что не похожая пачкотня разноцветных красок.

Васька впал в бешенство, что позволил так себя провести, повалил псевдо-художника на пол, пинал его ногами, избил и велел конвойным солдатам отправить в тюрьму и использовать на самых тяжелых работах.

Сравнивая роспись на стенах своего дома, сделанную Бэмом и Богуславским, с пачкотней Крапо, Васька составил себе наилучшее мнение о поляках и, будучи равно норовистым в ненависти и приязни, вбежал в тюрьму и на тюремном плацу велел создать всю каторгу и сообщил во всеуслышание, что Аристов склочник и шпики, а поляки – наилучшие люди на свете, и если кто осмелится их обидеть словом

или делом, получит пятьсот розог и никаких не меньше.

Вскоре после этого за стычку с Бэмом Аристов попал на гауптвахту.

Злодей и махинатор Аристов омерзел всем каторжанам, и все-таки изменить свое поведение даже не думал. Он подделывает паспорта, фабрикует фальшивые деньги и с несколькими подобными себе дружками вырабатывает план побега из тюрьмы.

Жил в Омске генерал-майор Воробьев, приказной атаман сибирских казаков. Кучер Воробьева, бывший бродяга, выезжает за город и останавливается в условленном месте. Крапо, один из цыган, каторжник Александр Кулешов и конвойные солдаты должны вскочить в карету генерала и таким образом вырваться на свободу.

Все было подготовлено и оговорено, кто какую роль должен сыграть, – но в это время Воробьев как-то узнал о плане побега и уведомил коменданта.

В том месте, куда Крапо ходил на работу, провели ревизию, и нашли несколько готовых печатей, формы для их изготовления, а также формы для подделки денег, равно и бумаги с печатями для изготовления паспортов.

Крапо попал под военный трибунал. Следствие тянулось несколько месяцев, ему присудили триста розог. Но на самом деле он получил только семьдесят ударов, потому что у узколобых экзекуторов никак не укладывалось в голове, как можно розгами «ласкать» дворянскую шкуру.

Умеренно строгий суд и еще более умеренное наказание вдохновили Аристова на новые «подвиги». Он осмелел, тем более, в тюрьме он завязал знакомства, которые могли ему пригодиться в будущем. Один из сокаторжников Крапо, некий Котлар – поляк! – отбывал наказание и уже получил пятьсот батогов, за то, что из-под его конвоя сбежали трое убийц, щедро ему за то заплатив. С этим Котларом Аристов завязал близкие отношения, и они постоянно поддерживали контакты. В 1853 году уже отбывший наказание Котлар, вместе с каким-то новобранцем, конвоировали Крапо и уже упомянутых Александра Кулешова и Кузьму Громова.

Все трое с места работы скрылись.

Оказывается, Крапо заблаговременно заготовил паспорта и им нужно было только найти какое-нибудь укромное место, где можно бы переждать, пока отрастут волосы и усы.

Где они укрывались, неизвестно. Но через семнадцать дней всех троих поймали и отдали под суд.

Кулешов получил пятьсот батогов, Крапо тысячу, Котлар две тысячи, и всех их заслали в Усть-Каменогорск на десять лет каторжных тяжелых работ.

Что стало в каземате после побега этих аферистов, трудно описать! Провели ревизию, однако что искали – так никто и не понял. Во время ревизии пропало все убогое имущество арестантов.

Считалось, что такая ревизия предотвратит новые побеги. Комендант де Граве с женой отсутствовали шесть недель, поехав на воды, на китайской границе, за полторы тысячи верст от Омска, где заложена была новая крепость.

Обязанности коменданта вместо де Граве исполнял его приятель, подполковник Шульгин.

Когда толпа, которая проводила ревизию, появилась в нашем каземате, мы подошли к подполковнику и сообщили ему, что все, что нам принадлежит, – с позволения Алексея Федоровича.

Шульгин был очень любезен, ревизия прошла мягче, чем в других местах, что пошло на пользу не только нам, но и всем прочим.

На поселение

– Поздравляю с амнистией, Семен Севастьянович! – такие слова слышал я, когда, выйдя из тюрьмы после семи лет каторги, проходил по улицам Омска, уже как свободный человек.

Свободный? Нет! Свобода, которую получил я, никак не была той свободой моей Отчизны, о которой я мечтал, и за которую все претерпел.

Я был свободен лишь оттого, что на ногах уже не было кандалов и я мог идти, куда я сам хотел, и оставаться, где

мне угодно, сколько хотел, общаясь с кем мне самому было приятно. Словом, – я был свободным жителем огромной Империи, вольным жителем – под надзором полиции... У меня уже отросли солидные усы и густая чуприна по всей голове, но я все еще носил двухцветное каторжное одеяние.

Такую одежду мог носить каждый, кто выходил на волю, еще в течение недели, после чего надлежало ее возвратить на склад. Естественно – дело служебное! «Казна» не обязана была одевать тех, кого перестала опекать.

Таким образом, я был в большой заботе, бродил по улицам города, раздумывая, где раздобыть денег, чтобы купить одежду свободного человека, и все эти «поздравляю с амнистией» повергали меня в уныние.

Первое поздравление я услышал от Михаила Михайловича Попова, известного во всем Омске богача, владельца рынка всяких товаров, в доме которого я, как каторжник, расписывал стены апартаментов, и часто бывал приглашен со всяческой приязнью и гостеприимством.

И сейчас Попов стоял на пороге своего магазина, любезно улыбаясь и радушным жестом приглашал войти в магазин. Я вошел, а он, увидев, что я еще в каторжной одежде, сам предложил мне отпустить сукна в кредит и сказал, что охотно оплатит и портного тоже.

– И Вы хотите кредитовать меня, малознакомого Вам каторжника?

– Предоставлю Вам кредит и, уверяю Вас, Шимон Себастьянович, – сказал Попов, широко улыбаясь, – что я Вас хорошо знаю. Видите ли, когда занимаешься торговлей, надо обладать таким чутьем, чтоб за шесть верст человека чувствовать!

Я принял так любезно предложенную мне помощь. Белье нашлось в самом магазине, портной поспешил сшить мне полный комплект одежды, если не сверхэлегантный, то весьма пристойный, так что вместе с Юзиком Богуславским мы сразу же пошли навестить Анну Кжижановскую, а потом и коменданта крепости.

С какой радостью встретила нас милая госпожа де Граве! Выбежала нам навстречу, сердечно пожала руки, а также ее сестренки Вера и Надежда Максимилиановны.

Сам комендант пришел, чтобы поздравить с амнистией, всячески выказывая нам свое сочувствие и любезность.

Нелегко было поляку найти в Омске какую-нибудь прибыльную работу. Так что я пребывал в хлопотах, раздумывая, как жить дальше, когда издержу невеликие сбережения, которые собрал в крепости из заработанных денег.

Как-то раз я снова побывал на рынке Попова.

– Михал Михалыч! – сказал я ему смущенно. – Боюсь, что не скоро смогу вернуть одолженные средства на одежду, Вы знаете – денег у меня нет, а заработок мне найти не удастся.

– И не думайте о долге! – ответил Попов. – Глупости все это! А заработок для Вас всегда найдется, но такой заработок, что подходит для человека простого. Однако Вы, Шимон Себастьянович, Вы – дворянин, человек умный, ученый, Вы бы на такой заработок не согласились.

– Я – не ученый, Михал Михалыч, а согласился бы на любой заработок, лишь бы он был честный.

Оказалось, что в предместье Малый Участок за сто верст от Омска, освобождается место надзирателя, который бы наблюдал за батраком, что привозил из винокуренного завода с Большого Участка сивуху, и всякий раз напивался до потери человеческого облика, так что лошади привозили его домой в бессознательном состоянии. Поскольку я не испытывал никаких сомнений и колебаний, такая должность была для меня неплохой рекомендацией на будущее, а похвалы купца Попова было достаточно, чтобы господин Лейзер Вайнштейн охотно согласился на мою кандидатуру.

Так я стал надзирателем с окладом в четыре рубля ежемесячно, помимо жилья и содержания.

Малый Участок – местечко приятное и хорошо застроенное, а мой начальник был купцом разносторонним и торговал всем, чем только можно торговать. Посредничал при продаже свежей и сушеной рыбы, и при продаже мехов,

которые приобретал за бесценок, за пару копеек, немного продуктов, а нередко и за пару бутылок горилки, и продавал с большой прибылью. Госпожа Лейзер искусно превращала спирт в ликер, который своим вкусом славился на пару миль в окрестностях, и тоже приносил огромную прибыль. Мне еще полагалось чистить проезды до винокуренного завода, особенно зимой, когда снег заваливал всякие следы к человеческому жилью, что было очень опасно, – один лишь инстинкт лошадей мог спасти заблудившихся и довести до жилья.

У меня не было четко определенных обязанностей по службе, но я был завален работой. Хозяин использовал меня на самых разных поприщах, а хозяйка – тем более.

Мою новую одежду, которая была слишком хороша для работы, я сложил в сундук, а сам надевал сермягу, и вообще полностью одевался, как сибирский мужик, что вполне совпадало с моими склонностями.

Отвратно, ох как отвратно было мое житье в Малом Участке, в окружении алчных торгашей и лихих мужиков, где все пребывали в вечных спорах друг с другом, и постоянно торговались с четой Вайнштейнов. Целыми днями в заведении стоял шум и гам, как на мельнице, а мне не с кем было даже обменяться словом и мыслью:

*... Скрывай и гнев, и радость,
И да будет неуловимой твоя мысль, как туман...*

Чтобы не ошалеть, нужно было постоянно повторять сентенцию, некогда начертанную в камере №53: «В одиночестве человек говорит с Богом», а я и был совершенно одинок в этой колготне.

Но претензии покупателей и жалобы купцов утихали, как только закрывалось заведение и запирался окруженный частокотом хозяйский жилой участок, тогда в моей скромной избушке я садился за чтение.

Вырваться в Омск у меня не было времени, но господа де Граве часто присылали мне с оказией книги и газеты. Так,

запираясь в своей избе, я просто-таки поглощал духовную и умственную пищу, благословляя сам факт существования печати, редакторов и литераторов, которые в этой пустынной стороне связывали меня с цивилизованным миром.

Однажды, когда я приехал за спиртом, владелец винокуреного завода спросил меня, кто подписывает счета господина Лейзера Вайнштейна таким красивым почерком и с таким знанием дела?

Я ответил, что писарем и счетоводом я сам и являюсь.

– Как? Шимон Себастьянович, – воскликнул владелец завода, человек довольно интеллигентный, – Вы ходите в мужицкой одежде и помогаете кучеру выносить ящики из подвала, Вы – человек грамотный и, очевидно, образованный?

– Образованный, и притом дворянин, – добавил один из конторщиков, который много обо мне слышал от Попова.

– А еще – бывший каторжник! – рассмеялся я.

– Он поляк! Поляк! Поляк! – заохали все.

И я понял, что быть поляком в Сибири значило вызывать доверие и уважение.

Владелец завода тут же хотел оформить меня заведующим конторой, но я поблагодарил и отказался, поскольку был связан договором с Лейзером Вайнштейном.

Каким образом уладилось дело, не знаю, только мой прежний работодатель отступился от договора со мной и от каких-либо претензий, и меня сразу же назначили заведующим конторой винокуреного завода с окладом в сто рублей в месяц, помимо красиво меблированной квартиры и более чем достаточного содержания.

Подвал (склад) и контора закрывались сразу же в сумерки, и у меня хватало времени на чтение, переписку, размышления...

Однажды госпожа де Граве прислала мне уйму писчей бумаги, и я задумался, куда мне ее применить, и как использовать, блеснула мысль: записывать воспоминания последних лет, что я и выполнил.

Если бы не тоска по Отчизне, тоска, которая горячей волной накатывала на меня и иногда становилась просто

невыносимой, – если бы не эта тоска, время моего пребывания на Большом Участке и моя доля там были вполне сносны. Я погрешил бы против истины, если бы пожаловался на то время...

Возвращение на родину

Громкий стук в дверь моей комнаты...

Срываюсь с места, пытаюсь понять:

– Что это – думаю – нападение бандитов?

Смотрю в окно, и вижу лишь хмурое небо.

– Кто там? – спрашиваю.

Ответ:

– Письмо от ее Превосходительства госпожи де Граве.

Встаю с постели, отодвигаю засов, и входит солдат, котрый, приветствуя, вручает мне большой конверт.

Читаю:

«Поздравляем с амнистией!

Анна Андреевна де Граве, Вера и

Надежда Максимилиановны».

Значит, амнистия состоялась!

Значит, я на самом деле свободен!...

Владелец винокуренного завода тут же обещал мне удвоить месячный оклад, если я останусь работать.

– Господи, Боже! Чтобы я остался в Сибири из-за денег!

Чтобы я из-за денег не вернулся в свое Отечество, к своим родным! Я останусь на Большом Участке ровно столько, сколько потребуется для передачи счетов и учетных книг...

В Омске с искренним сожалением и грустью я попрощался с моими братьями по несчастью, и со всеми, кто в меру своих возможностей скрасили мою каторжную долю.

Пожимая мне руки, Попов сказал:

– Бог с Вами, Шимон Себастьянович! Да будет его всемогущая рука над Вами, и приведет Вас на Родину, но у Вас так горят глаза, что я боюсь, не попали бы Вы снова сюда! Боже сохрани! Боже, смилуйся!

Не сбылось! Доброе пожелание Михаила Михайловича не сохранило меня. В 1864 году, осужденный на каторжные работы в Александровск-на-Амуре, с партией таких же, как я, осужденных, довелось снова проходить через Омск. Точно так, как когда-то, в 1849 году, нас опередила весть: «везут больших политических преступников!» (*по-русски*), и Попов из любопытства вышел поглядеть на арестантов.

Хотя я и был в арестантской одежде, – он сразу меня узнал. Всего семь лет прошло, как мы расстались...

– Шимон Себастьянович! Зачем Вам это понадобилось! «Вот чудеса» (*по-русски*)! Как же эти поляки дорожат свободой своего Отечества! – крикнул он, закрывая ладонями глаза, из которых струились слезы.

В те пару дней, что у нас была передышка в Омске, сочувствующий мне купец каждодневно меня навещал. Приходил всегда, нагруженный гостинцами, и подарил мне складной дорожный нож. Этот нож путешествовал со мной по всей Сибири, и был в Стреженске, в Александровске-на-Амуре, во множестве других мест, и вместе со мной вернулся на Родину, надежно спрятанный, как одна из самых дорогих мне памяток.

Я сбегал также в тюрьму проведать черкесов и Федьку. Вручил двадцатикопеечную монету ефрейтору у ворот острога, тот побежал к дежурному офицеру, и меня тут же впустили.

Это было в воскресенье после полудня, и вся каторга высыпала на площадь, разглядывая бывшего сотоварища, которому ведь полагалось быть свободным человеком!

«Стряпки» (*по-русски*), то есть кухари, пригласили меня на жаркое с житным хлебом.

Жаркое я припас для черкесов и Федьки, и мы все ели из одной миски в крепостной кухне. Потом направились к нашему прежнему каземату, и все вместе обошли площадь.

Когда настало время прощаться, черкесы, эти неукротимые люди, которые ни штыка, ни пули не боятся, эти атлеты по своей силе, разразились громкими рыданиями,

прощаясь со мной.

Федька плакал и всхлипывал, как ребенок.

Я обнял его и, прижав к себе голову юнца, шепнул:

– Федька, Федька, поклянись мне, что никогда больше не убьешь человека!...

И он, всхлипывая, ответил:

– Не убью, не убью, это тогда, веришь ли, браток, – батюшка так приказал... А они всегда так говорили, что кто не слушает батюшку, тот послушается кнута и сапога...

«Проклят, стократ проклят будь этот твой батюшка!», – подумал я. Вложил я Федьке в сумку сколько-то денег и шепнул ему на ухо:

– Спрячь их, браток, закрой в подстилке в сапоге, спрячь хорошенько, а то украдут. Амнистия твой срок уже сократила, будет и вторая, и третья, и снова твой срок сократится, оттерпишь каторгу, и скоро выйдешь на свободу, и будет у тебя «за что руки зацепить» – немножко денег, чтобы стать приличным человеком.

О! Федька, стал ли ты приличным человеком?... Сколько раз я думал о тебе даже на своей родине, даже среди своих родных...

Когда я уходил с площадки, кто-то из бандитов крикнул:

– «До свидания!» (*по-русски*).

– До свидания, до свидания, – кричала мне вслед вся каторга, и эти голоса бандитов преследовали меня как хор проклятий на вечные муки. Это был для меня дурной знак... Через семь лет мне вновь пришлось жить с каторжанами.

Я выбежал из тюрьмы. На мосту какой-то нищий попросил у меня милостыню.

Останавливаюсь, вынимаю кошелек... Приглядываюсь к нищему, и... глазам своим не верю... О, диво! Ведь этот нищий – это Васька... Да, этим нищим был плац-майор омской крепости! Василий Григорьевич Кривцов! Первый мой импульс был отвернуться от этой гадины, и уйти. Но тут же вспыхнула мысль: неужели я хочу мстить, и кому? И я подал ему рубль.

Он поднял мутные и бездумные глаза и узнал меня. Снял шапку.

– Что с Вами случилось, Василий Григорьевич? – спросил я.

– Бог наказал меня за светлой памяти Жоховского, за вас всех, простите!

Он хотел поцеловать мне руку. Я не позволил, и любезно заверил его, – что до нас, поляков, – мы стерли из памяти все обиды и все несправедливости...

* * *

Отправили меня в ветреный край на завод.

В Москве, по пути, меня встретила овациями группа университетских студентов-поляков. Среди них был и Тадеуш Корзон, теперь знаменитый польский историк и один из наиболее выдающихся людей, каких я когда-либо встречал.

* * *

Эти воспоминания о моей первой каторге я написал на Большом Участке близ Омска. По возвращении из второго девятнадцатилетнего каторжного срока (я вернулся 15 сентября 1883 года), я дополнил эти воспоминания деталями, которые припомнились сейчас.

Чего желал для своей Отчизны – желаю и теперь с не меньшей силой и не меньшим пылом сердца.

Что желаю себе самому, отражено в словах мазовецкого лирика, которые мне удалось отыскать:

*Ничего не нужно, что может дать мне свет,
Спокойно розовеют последние мои зори,
И пусть конец унесет меня, как легкий сон,
И ты, Матерь Богородица, предстань передо мной...*

Конец воспоминаний о первом моем заключении и первой моей каторге, *Шимон Токаржевский*.

Перевод с польского М. Кушниковой.

Андре Суарес
ЛИКИ ДОСТОЕВСКОГО
(из книги «Портреты без модели»,
Париж, 1935г.)

I

Его интеллект сжигал тело. Это первое, что приходит в голову при виде его лица. Но, чтобы прочувствовать страдания этого человека, надо самому претерпеть такое же разрушение плоти. Ведь Достоевский был болен всегда. Студентом он вел суровую жизнь в Петербурге в течение пяти-шести лет: не минули его на берегах Невы долгие туманные ночи и студеные дни зимой, а летом – тяжкая духота, атмосфера уныния, зловония, толчея северной столицы, где бок о бок уживались бессердечная роскошь и гнусная низость. Город пьяного разгула и лихорадки – муравейник, где теснятся на величественных проспектах человеческие букашки, грубая толпа черни, гулящие девки и нищие, но и элита, то есть чиновники и блистательные офицеры. И у всех – зашоренные богатством глаза. И все они – либо живут в изобилии, либо погибают от голода на болотах, где Петр Первый выстроил свою метрополию.

Достоевский – невысокий, но и не низкорослый, худой, хилый, его постоянно лихорадит и он всегда кажется в ознобе; он мало ест, но много пьет, пристрастен к водке, и больше всего на свете обожает игру. Но это не тот игрок, что просто решил проверить удачу; для него, бедняка, цель – выигрыш: везение ему необходимо, чтобы оплачивать жилье, долги и хлеб насущный. Притом, он эпилептик с того самого часа, с того рокового рассвета, когда его вели на эшафот, чтобы повесить, и ему за какие-нибудь пять-шесть минут пришлось пережить скачок от агонии до помилования.

В Сибири жизнь каторжанина тоже порядком его потрепала и обессилела. Эпилепсия проявляется через короткие промежутки, случалось по три-четыре припадка в неделю! А еще хуже – у него обнаружилась склонность к

чахотке. Пока нет никаких упоминаний о туберкулезе, но Достоевский – тот самый слабогрудый, что так часто встречается в героях его книг. Он кашляет, харкает кровью, и в шестьдесят лет, в конце концов, умирает от воспаления легких. Он обладает горьким опытом телесных и духовных страданий, которые и отражает в своих произведениях – все его неудачи прослеживаются в них. Нигде так полно не описано прозябание бедного студента в Петербурге, как в его знаменитом «Преступлении и наказании».

II

Достоевский – в творчестве и в жизни – сплошное поле брани. Кажется, лишь немногим людям довелось пережить подобную борьбу. Он слишком *творец*, чтобы что-либо доказывать; его романы не созданы для защиты каких-либо тезисов, но порожденные им персонажи сотворены, чтобы сталкиваться в поединках и меряться силой друг с другом; одни – чтобы побеждать, будучи, тем не менее, побежденными своим веком, другие – чтобы быть внутренне поверженными, хотя внешне торжествуют победу. Таковы Раскольников и Соня, Ставрогин и Шатов, Алеша, Князь Мышкин. Оттого книги Достоевского можно назвать поэмами Крестового похода: его творения – трагедия заблудшего человека, в поисках Бога-отца. Бог – истинный герой Достоевского и его романов. Никогда ни у какого художника не было столь проникновенного видения и такого жгучего чувства вселенской ничтожности в отсутствии Бога.

Достоевский – истинный Крестоносец; и он ликует в страдании, когда оно приближает блудного сына к Отцу. И именно страдание предпочитает он преходящей радости наслаждения. Однако же, влюбленный в красоту, томимый желаниями, Достоевский преисполнен всеми прегрешениями и всеми пороками. Ужасающе здравомыслящий, расчетливый, – в поисках любви, однако, и в плотских отношениях он мог доходить до самых разнузданных излишков. Как для всякого великого художника, его искусство – это побег. Он как бы очищается от самого себя в своих творениях.

Подобные люди почти всегда балансируют на грани бреда. Его не отпускает лихорадочность мысли, равно и легочная горячка, постоянно вызывающая озноб в сумерках. Я просто физически ощущаю «пот» его души, а также и тела, которое из-за любого пустяка вдруг покрывается влагой. Каждый вечер он как бы встречает Ангела – могущественного посланника, явленного библейскому Якову и с Ангелом соизмеряет самого себя. Он изнемогает в бою и в победах над своим временем и над самим собой.

Поэтому на лице его отражена мука. Все страсти, которые он взрывает, как бороной, оставили на нем свои борозды. Это лицо мученика, иссушенное гневом и недоверием: кажется, он готов напасть, чтобы убить, но чтобы и защититься. Здесь – трагедия: загнанный хищник и одновременно испуганный апостол, лицом к лицу со львом, им же самим призванным. Его улыбки – скрытны; и если он смеется, рот его кажется еще более скорбным. Этот лоб, высокий и гладкий – некая гора, которую навещает смерть, но где всегда присутствующий свет неизменно обращает ее в бегство. Глаза пронзают жизнь до самых глубин людских сердец; он постигает мир только через человека и его страсти, но всегда в мистической ауре неопалимой купины. Никакое отрицание не сопоставимо с его отрицанием всего сущего, если бы он же не сжигал и не испепелял это отрицание в огне божественной любви.

Своим героям в их битвах совести он дарит вечную жизнь, потому что и сам всегда «доходит до черты» и опускается на самое дно мысли и чувства.

III

Для Достоевского жизнь без Бога – ничто; с Богом же он сам составляет совокупность всего сущего. Его бездонная душа не знает никаких пут и ведет к величию даже низкое шутовство и порочную ничтожность. Потому его измышления более правдоподобны, чем реальная жизнь.

У Достоевского – опыт одухотворенной эпилепсии, той, что вовлекает человека во временную смерть, начисто опустошая

от самого себя. И, проникая в хрипящую и страждущую оболочку тела, Бог заполняет ее собой. Точно так, как в противовес человеческой ничтожности, призраки усопших проникают при родах в новорожденных и обитают в них с самого рождения и до конца.

IV

Достоевский плохо понят. Ему приписывают превознесение грешницы до небес, утверждают даже, что он создал романтический ореол вокруг чела обычной проститутки. Какое заблуждение! Соня из «Преступления и наказания» не продажное создание, которому любовь возвращает невинность; да и необыкновенная Настасья Филипповна из «Идиота» – отнюдь не просто содержанка, чье чистое чувство искупает позор; не все те, что в романах Достоевского, казалось бы, проповедуют величие добродетели, кроющейся в пороке, и чистосердечность позора – падшие. Правда – иная: Соня – святая, *не потому* что вынуждена выйти на панель; она – святая, *вопреки* падению, к которому толкнула ее ничтожность и жестокость света. Настасья Филипповна – наиболее гордая и самая честная из женщин, что бы она ни делала, потому, что она рождена с неподкупной душой; и беда ее есть плод благородства и гордыни, граничащей с безумием, а не трусливого попустительства ко злу или безнравственного непристойного поведения.

Для Достоевского – величие души, великодушие, красота и чистосердечность присущи человеку, пока он не отвергает Бога. Чистая совесть – вот божественная тайна. Он считает, что для женщины такое состояние более естественно, чем для мужчины. И именно поэтому она так часто является его жертвой и в то же время – она как бы врага его спасения. Она вступает за мужчину, охраняя его своей любовью, которую дарит ему, но которая не отдаляет ее от Бога, а, напротив, – приближает ее к Всевышнему. Она – великий посредник: именно в этом состоит ее предназначение, а не в том, чтобы, подражая мужчинам, стать адвокатом, стратегом, или ученым.

С глубокой психологичностью и отвагой, какие присущи только ему, Достоевский подталкивает друг к другу Раскольникова и Соню: преступление без раскаяния и раскаяние без преступления; он их противопоставляет, сопоставляет, он их предопределяет друг другу. Можно сказать, что Раскольников – существо наполеоновского склада, – могущество, проникнутое жгучим желанием всем пожертвовать, во имя обладания всем миром; Соня же – священная частица причастия, кинутая в самый несчастный и самый презираемый мир, заставляющая прочувствовать пустоту и ужас, более сильные, чем мерзость власти и позор рабства. И более того – ее кротость подчеркивает подлость всякого могущества и бесчеловечности. Сама Соня – есть любовь, наиболее несчастное, наиболее хрупкое создание, которое возвышается в своем величии жертвенности выше всякого владычества и выше всех желаний без любви. Но ничто из этого не является решающим само по себе. Беда юного Наполеона – Раскольникова, если бы он и обрел всемогущество, – от того, что Бог отступился от него. А сила падшей девушки, этакого беспомощного сорвавшегося с дерева листочка, проститутки среди клоаки, – в том, что Бог в ней есть, и она сама – есть с Богом.

Однако драма не заканчивается таким противостоянием: надо, чтобы святая отвортила деспота от бездны смерти; именно она должна вложить в него любовь, возвращая Богу.

Для него же самое ужасное и нетерпимое состояние – стать просто обыкновенным человеком.

V

Внутренне Достоевский никогда не пребывает в мире с самим собой. В своих произведениях он ищет хотя бы отдаленное отражение собственной добродетели, свое спасение, покой и прозрачное состояние души – все, к чему он так страстно стремится и чего лишен. Его герои – это и его спасители: святые или проклинаемые, они освобождают его самого от его чудовищных пороков и скрытых, не совершенных

преступлений. Вместе со своими героями он возносится к тем чистым и возвышенным вершинам, которые всегда манят его; и, тем не менее, в них же, своих героях, карает себя за прегрешения, которые, возможно, только думал бы совершить, но не совершил в реальной жизни. Ни один человек не был столь цельным. В Достоевском – вся гамма добра и зла. Сам того не желая, он обладает обширнейшим набором человеческих противоречий. Он никогда никого не осуждает: даже на то, что он страстно ненавидит, все же глядит понимающим взором. И как не признать очевидного? Ведь во всем – промысел Божий...

VI

С женщинами Достоевский ведет себя так, как обычно ведут себя с мужчинами они сами: мучают их или мучаются от любви, терзают их или терзаемы ими. Сущность его любви, скорее, женская, нежели мужская: любовь превалирует у него над разумом. Как бы могущественен ни был Достоевский как творец, любовь он задумывает и проявляет, как бы это сделала женщина. И всегда наступает момент, когда энергия творца побеждает опьянение человека. События его жизни тому доказательство. Достоевский – жертва обмана его жен, и в то же время он – их палач. В нем отражены все его герои, когда речь идет именно об отношениях с женщинами.

В Сибири, едва освободившись от каторги, он женится на чахоточной вдове и обещает спасти ее от нищеты, а она избегает его и в соседнем городке изменяет Достоевскому с ничтожным любовником. Право, едва ли кто видел столь странную брачную ночь! Но Достоевский далек от возмущения, напротив, он испытывает нечто вроде радостного отчаяния от того, что принимает это испытание, как искупление собственной порочности.

Думается, однако, что свои прегрешения он совершал только в мыслях. Он переполнен «дремлющими» преступлениями, которые никогда не совершит. Порою кажется, что он осуждает себя за отсутствие мужества, необходимого для

их свершения. Мысленно он всегда пестует любую червоточину души, но отказывает ей в воплощении въяве, а червоточина исподволь подтачивает его. Действие освобождает совесть от греха. Возможно, лучше стоит содеять преступление со всеми его опасностями и ловушками, чем постоянно о нем думать, разжигая страстно желание этот проступок осуществить. Физическое действие освобождает, оно разгружает человека от тяжести мысленного греха, который постоянно его подавляет.

VII

За малыми исключениями, женщины Достоевского, кроме тех, у кого уже имеется опыт материнского сознания, – все они одержимые. Молодые девушки тоже таковы. И, выйдя замуж, такими же и остаются. И тогда они как бы внутренне раздваиваются: источник покоя замутнен навсегда, а источник счастья иссяк.

Все они окунаются в любовь, как бы бросаются в бездну, причем мужчина играет второстепенную роль: ему отводится место партнера, вернее, «дублера», который лишь отражает их собственные чувства.

Героини Достоевского одержимы высшей природой, духовность их подвергается искушению и обольщению, а их разум беспрестанно терзается, потому что они пытаются подчинить его своим целям, но он торжествует и остается мужеподобным, несмотря ни на что, и приручению не поддается. Они не дают бездуховности перешагнуть порог собственной жизни; бездуховность остается вне их сознания и вне разума.

Их послушать, то мужчины никогда не бывают достаточно добродетельными, преданными и честными. Более того, они так слабодушны, что чаще всего и сами это вполне сознают, настолько они не уверены в собственной значимости для любви. Женщины Достоевского заверяют мужчину, что возделение, которое он испытывает, делает его недостойным любви.

Лучше, чем у Толстого, не скажешь: Левин – этаким прекрасный раскаивающийся недотепа, расстилает объемную

картину собственной исповеди и угрызений совести перед задорным носиком невесты! А птенчику – восемнадцать, ему же – тридцать пять лет, и оба они считают, что мужчина должен бы быть целомудренным до семнадцати лет, дабы стать достойным этакое редкостного чуда в юбке, на семнадцать лет моложе его. Кажется, вздор? Но он гораздо серьезнее, чем можно подумать. Ибо, став графиней Толстой, такая вот Китти в течении полувека отравляет жизнь масштабного человека своей ревностью, упреками, пустословием, едва ли не лишив его разума. Кто знает, – не стал ли он ревностным христианином, чтобы просто перестать, наконец, отбывать повинности мужа? Так или иначе, великолепный мастер слова, который так глубоко прозревал в сущность характеров и нравов, сам пасовал перед супружескими ссорами. Он хитрил, чтобы их избегать, он уступал. Сдерживался, ничего, впрочем, так и не достигнув. Кончилось тем, что, в отчаянии, он бежит из собственного дома в свои девяносто три года, чтобы умереть снежным вечером на постоялом дворе в маленьком селении. И поскольку ему так и не удалось надежно спрятаться, то и не смог умереть спокойно, наедине с собой, и уйти из жизни умиротворенным.

VIII

С Достоевским справиться было не так легко. В нем присутствовало в избытке все, что разделяет мужчину и женщину. Он изображает самых сильных мужчин, которые истязают женщину и доводят ее до безумия; вольно или невольно, подобные мужчины оказываются для женщин безжалостными палачами. И самая добродетельная женщина, постоянно колеблющаяся между восторгом и тиранией, доводит мужчину к эксцессам то зла, то жертвенности. Мужчине невозможно жить с такой женщиной, а ей – с ним.

Вот почему Достоевского тянет к страстям незаурядным и простодушно-преступным. В сущности, он мечтает о маленьких девочках. Именно маленькую девочку ищет он и в девушке, и в молодой женщине. Ни одна его возлюбленная

не была старше двадцати-двадцати пяти лет. И сам он жил некоторое время с маленькой девочкой, – по крайней мере, в своих фантазиях.

Я считаю, что его садистские склонности не лишены своеобразного чистосердечия. Они требуют смелости, забвения любых условностей, и нечто вроде наивного простодушия. Любый грех такого рода – скорее, умственный. Все берет свое начало в разуме и все сперва в нем и происходит.

Такова плата наиболее гениальных и глубоких умов – это их кошмар и это начало безумия. Все их страсти – горячечны, они будят воображение в тиши. Сладострастие, которое неизбежно в том участвует, кажется тем более преступным в глазах общества, чем естественнее оно в своей лихорадочности и наивнее в своей грозной ненасытности.

IX

Отрекающиеся от Бога отрекаются от всего, и в первую очередь – от самих себя. Не ощущая присутствия Бога, самый образованный человек ничего не разберет ни в других, ни в себе самом. Его разум – лишь орудие всеобщего отрицания. И чем сильнее воля, тем более она преступна, поскольку, при отсутствии объекта любви, остается лишь желание уничтожить. Преступление или отчаяние – иного выхода нет. Отрицание оборачивается либо против других, либо против себя самого. Безумие – кривая, которая соединяет два этих противоположных состояния. Таким образом, отчаявшиеся герои Достоевского кончают жизненный путь либо каторгой, либо самоубийством.

Таков мощный разум Ивана Карамазова, который своим беспощадным анализом уничтожает все и в себе, и в окружающем мире. Или Кириллов из «Бесов», который считает самоубийство единственно верным решением, когда сила воли «убивает» Бога в человеке, не оставляя ничего, кроме всеобщего отрицания. Таков и Раскольников – убийца, в силу своей «высшей природы»; или блистательный Ставрогин: он очень напоминает принца Генри у Шекспира, – тот,

благодаря своему гению, был предназначен всяческому величию. Но, будучи лишен веры, и отрицая все и всегда, так и не стал тем, чем должен был стать – великим королем Англии. И после того, как он весь охвачен презрением, на все отваживается и превращает в прах все вокруг, ему остается лишь уничтожить самого себя, и он вешается, как несчастнейший из несчастных, замученный отвращением к жизни, осужденный высшим судьей, что наказует преступление против совести и разума, на вечное одиночество в небытии.

Такой человек не способен жить, потому что не способен любить. Чистота любящей души охраняет от ужасающих крайностей тех, кто любит. Бесхитростная любовь дает им пароль к жизни, неизвестный могущественным и вертким.

Забывая о себе самом, лишь чистосердечный обретает всю божественную милость. Для Достоевского, который не знал иного добра и правды, чем *Бог-отец* всего человечества, символ и идеал высшей добродетели – это юная женщина, молящаяся Всевышнему и поручающая его попечению свое чадо, которое нежно целует. Это – совершенный образ, потому что здесь жертва (женщина) преисполнена счастья, и самозабвение ее – добровольное и счастливое.

X

Давно, возможно, более двадцати лет тому назад, я подчеркивал, насколько Достоевский отличается от Толстого и других русских писателей. Достоевский кажется революционным лишь тем, у кого превалирует разум, но отсутствует воля и должное воспитание. Для революции он не подходит, потому что религиозен. Он не станет бороться за освобождение рабов. Экономика его не интересует, политика – тем более. Она его не занимает. Крестьяне и сельская жизнь в его произведениях отсутствуют. Достоевский – городской человек, он всегда живет в городе, притом в Петербурге гораздо больше, чем в Москве.

Жизненное кредо этого человека – эстетика прежде всего. Он наивысший художник среди русских поэтов и даже

выше Пушкина – его кумира (я называю «поэтами» всех, кому присущи ритм, величие, и красота). Более всего Достоевский укоряет реалистов от политики не в грубости и жестокости, а в убогости и ненависти к прекрасному, в их осквернении духа: резкость Горького, например. Грубость молодых поколений его возмущает.

Нигилистов он считает стаей обезьян, которые в своих клетках подражают гримасам глазеющей публики, и в их поведении осуждает пустоту Запада. Культ красоты во всех проявлениях провозглашал во имя своей веры Достоевский! Он признавал, что всегда существует уродство, которое необходимо уничтожить, а в революции нет ничего более опасного.

Достоевский более нетерпим к вульгарности революционеров, к их гнусным оскорбительным речам, чем к их преступлениям. Их пустые обещания, то есть Слово – та порочная самка, которая вкладывает нож и бомбу в руки мужчины для решительного действия. Хулить все и вся – вот матрица революции. Достоевский постоянно порицает мятежников Петербурга за типично русский изъяс – они не преступают чувство меры. Его высший аргумент против нигилистов – обвинения в том, что они плюют на Пушкина и готовы сжечь дрезденскую Мадонну. Оскорбление красоты в жизни и чувствах ему кажется наивысшим грехом, и любое покушение на красоту порицается Достоевским. Революция – взрывчатка и набат. Достоевский так сильно убежден в этом, что повсюду с одинаковым жаром и пылом разит мятежников и реалистов, атеистов и нигилистов. Отсюда его неприятие Тургенева: не прощает ему создание типа нигилиста, который вообще достоин упоминания, а тем более уважения.

Разумеется, великий писатель не провозглашает какой-либо лозунг. Он никогда не принимает свои произведения до доказательства какой-нибудь доктрины. Но этот мощный фантазер ввергает людей и страсти в слишком глубокий конфликт, когда приходится учитывать учение о решительной схватке.

XI

Так он предсказал на полвека вперед захват власти Лениным, и так представил все аспекты трагедии советской власти в «Бесах» – своем самом грандиозном шедевре и, на мой взгляд, наиболее интересном романе, который когда-либо был написан. Казалось, он все придумал, а получилось, что он все предвидел: даже слово «советы» присутствует в романе, а впоследствии, в реальности, обозначит первую ячейку коммунистического общества. Это неподражаемое произведение поистине кажется пророческим. Притом, реальная жизнь еще не воспроизвела многие его страницы. Сегодняшней России остается лишь искать свои корни и их ключевые моменты, которые обнажены в «Бесах».

То, что открылось мне двадцать лет назад, весь мир повторяет сегодня. А потому я жду, что критик Пютуа, спланировавший мои исследования, вменит мне в вину подражание некоему академику, перед которым он преклоняется, и который, несомненно, имеет вес.

В «Преступлении и наказании» герой Раскольников – пока всего лишь незаурядный индивидуум, – этакий Жюльен Сорэль зарождающегося нигилизма, чей гений сугубо эгоистичен; его действия и понятия о нравственности и вседозволенности касаются только его самого. Однако, он – крупный хищник, личность, вступившая в борьбу с враждебной **СТОЛИЦЕЙ**.

Иван Карамазов – молодой человек той же закалки: разум играет у него такую же роль, что сила воли у Раскольникова. Один, в конечном итоге, заканчивает преступлением, другой – сумасшествием. Чистая благодать любви, эта вершина бытия, высший предел красоты и жизненного утверждения, противятся тому и другому. Соня, жертва, – Раскольникову, а Алеша, святой, – своему безумному брату.

«Бесы» ведут нас куда дальше. Достоевский – как великий созидатель, сам того не подозревая, предвидел сумерки Христа в человеческих душах и объединил в этом романе

всех героев своего творческого видения. Ставрогин – тот же Раскольников, но слишком продвинутый в своем самомнении, чтобы не смочь осудить себя; он не нуждается ни в судьях, ни в каторге: он кончает жизнь самоубийством, потому что он – владыка среди людей, но и над самим собой. Кириллов – тот же Иван Карамазов, но охваченный настолько обоснованным всеобщим отрицанием, что сумасшествие уже излишне: такая логика столь абсолютна, что приводит жизнь к поглощающему небытию.

И «советы» до воплощения самого термина в жизни – адская пародия нового поколения, которая должна была зародиться в день материализации революции, если судьба позволит ей восторжествовать. В «Бесах» она – оказывается мертворожденной; но мы видели, как все произошло, спустя годы, при нашей жизни и возможности судить о произошедшем. И не случится, возможно, уже никогда, что поэт-провидец сумеет материализовать в своем произведении целый мир, схожий с явившимся ему видением. Предчувствовал ли он, что господство термитника столь близко?

Достоевский не испытывает потребности осуждать ад и демонов, которых создал. Он демонстрирует их во всей красе, полностью позволяя представить ужас их победы, если бы они ее одержали: победы невиданных доселе низостей и пошлостей.

Подобно яблоне, которая способна порождать только яблоки, от «Бесов» происходит лишь разрушение, они бесчестят совесть, жгут все, превращают в руины любой талант, превознося наглую суетность всего технического и автоматического. И, конечно же, Достоевский нашел бы больше человеческого в последнем каторжнике и в умалишенной, которая любит, или в мужике на вшивой печи в его избе, чем в Ленине, Троцком и во всех руководимых ими рабах, частичках муравейника. Но последние – самые несчастные, поскольку еще не утратили душу, способную верить в человека.

Перевод с французского Татьяны Багровой.

Лев Толстой и Сибирь

От составителей

Дневник Анны Степановны Малород, одного из инициаторов толстовского движения в Сибири 30-х годов, равно как и написанная около тридцати лет назад статья об этой удивительной женщине, принадлежащая перу Юлия Егудина, подготовлены к публикации Борисом Гросбейном как документальное приложение к его очерку, с которым читатель может ознакомиться в первом выпуске «ГС» (с.609-626).

Юлий Егудин
СЛОВО ОБ АННЕ СТЕПАНОВНЕ
МАЛОРОД

31 марта 1971 года на 76-м году жизни скончалась Анна Степановна Малород. Она принадлежала к тем редко встречающимся людям, которые приносят в мир светлый ум и доброе сердце и которые ярким огоньком горят в течение своей жизни, даря другим людям свет и тепло. Первый раз я ее встретил в доме В.Г. Черткова в Москве, кажется, в 1930 году. Я сразу почувствовал в ней необыкновенного человека. В глазах ее отражалось доброе сердце, голос у нее был нежный, вообще она мне очень понравилась. В то время вышло решение ВЦИК о переселении друзей Толстого в Кемеровскую область для коммунальной жизни. Анна Степановна переехала со своим мужем в коммуны, и наша дружба продолжалась более 40 лет до ее смерти. Много лет моя семья жила в одном бараке с нею. За долгие годы нашей совместной жизни в наших отношениях не было ни облачка обид или неприятностей. Она была необыкновенно добра, уступчива, приветлива и старалась всем быть полезной. В этой маленькой и хрупкой на вид женщине природа сочетала много талантов. Она была очень музыкальна: окончив музыкальное училище в Краснодаре, она прекрасно играла на пианино, обладала нежным голосом и хорошим слухом, прекрасно пела; она сама сочиняла стихи

Забвение избирательно, как и память.

Валентин Домиль

глубокого содержания и музыку к ним. Пела она, аккомпанируя себе на пианино, а когда жестокие люди отобрали его, она пела под гитару; владела она голосом до самой глубокой старости. Даже за год до смерти она при мне пела сочиненные ею песни, вызывая на моих глазах слезы восхищения. В первый год нашей совместной жизни в коммуне – мы, тогда молодежь, часто собирались в маленьком домике, где жила Анна Степановна с мужем – у нас образовался хор, которым Анна Степановна умело управляла. Аккомпанировала она на пианино. Пели разные народные песни, а также песни духовного содержания. Иногда вечером после работы приходили нас послушать старики, часто подпевая нам любимые песни. Анна Степановна руководила также общими спевками в столовой коммуны, куда собирались в назначенные вечера или выходные дни все коммунары. Кроме того, Анна Степановна очень хорошо рисовала: ее рисунки, написанные акварелью, очень хорошо передавали разные пейзажи, и она посвящала свой труд детям, которых очень любила. Сперва – как заведующая детскими, а затем – в качестве учительницы в школе коммуны, придерживаясь принципов Толстого – вплоть до своего ареста.

В тюрьме ее заставляли много и тяжело работать, и этот непосильный труд подорвал ее здоровье. В то время ее постигло большое горе: ее муж, с которым она прожила лучшие годы своей жизни, изменил ей и ушел к другой женщине; позднее он из-за этой женщины попал в тюрьму, откуда не вернулся. На жизненном пути Анны Степановны было много горестей, но она умела побороть их своим самоотверженным беззаветным служением Богу, к которому она стремилась всю жизнь. Она мне говорила: христианин должен иметь в себе две главных добродетели: самоотречение и кротость; без этих качеств нельзя почувствовать радость Богопознания. Она считала, что вера – это не слово, а важное дело, причем сам Христос показал людям образец самоотречения. Когда совет коммуны за ее безупречную работу чем-либо премировал ее, она всегда делилась со своими сотрудницами. Когда ей начислили пенсию по старости, она распределила ее между нуждающимися. Все, что она выращивала на огороде своим тяжелым

трудом, она раздавала, оставляя себе только самое необходимое для скромной жизни. «Христианин не должен иметь ничего лишнего», - говорила она. Будучи очень талантлива как музыкант, художник, поэт, она, если бы захотела, могла иметь звание, почести, достаток. Но она пошла узким путем, предпочитая правду и добро и верность своим убеждениям. «Себялюбие и привязанность – это источник страданий», - писала она. «Вся жизнь есть борьба света с тьмой, добра со злом, духовного с земным, и я также призвана к этой борьбе». И далее: «Радуйтесь, всегда радуйтесь, - написано у Апостолов. Буду жить и радоваться сама и радовать других». Вот эту радость и любовь она пронесла через всю свою жизнь. От тяжелой работы в тюрьме у нее начал расти горб, но, старея и ослабевая телесно, она духовно не теряла бодрости и радости. До конца ее жизни я не терял общения с этим замечательным человеком и всегда уходил от нее с просветленным чувством. Я не помню, чтобы она когда-нибудь роптала на свою судьбу или осуждала кого-нибудь, хотя грубые люди часто обижали ее. «Пусть сторбилась, состарилась, пусть ослабело мое тело, покрылось морщинками мое лицо, поседело волосы, но в этом старом теле живет вечно юная душа, неизменная до самой смерти. И как когда-то в молодости выше всего на свете я ставила добро и правду, все разумное и прекрасное, так с этой любовью ко всему прекрасному я уйду из этого мира. Хотя сильные бури и вихри зла не раз пытались заглушить во мне этот огонек веры, но это им не удалось. Этот огонь давал мне силы бороться со злом в самой себе и в окружающем и побеждать». Так она писала, так она жила и с такой верой умерла.

Последние годы своей жизни, уже будучи совсем слабенькой, она жила у друзей, которые ее приютили. Она очень радовалась и говорила мне о том, как хорошо, что ей пришлось доживать свои дни у самых близких и любимых друзей – Жени и Пети Литвиновых. Эти прекрасные люди окружили ее заботой и любовью, стараясь скрасить ее последние дни. Но она, несмотря на свое слабое здоровье, старалась делать, что могла, сама – топить печь, готовить пищу, полоть на огороде. «Живи не так, как хочется, - писала она, - а как Бог дает, то есть во

всяком положении будь доволен, спокоен, радостен. Смиряться со всяким условием, будь христианином терпеливым, кротким, милосердным». Ее добрая жизнь, ее чистое сердце посеяли в сердцах многих людей добрые чувства и уважение к ней. Она получала много писем, ее очень часто посещали друзья, и она никогда не чувствовала себя одинокой. Умерла она так же торжественно и спокойно, как и жила. Судьба послала ей легкую смерть. Перед смертью, в последнюю минуту, она пожала руку Петру Ивановичу Литвинову и спокойно отошла в вечность, то есть к Богу, которому служила всю жизнь. На ее похороны, несмотря на плохую погоду, приехало из разных мест много людей. Пришли попрощаться с ней и дети, которых она очень любила и которым отдала лучшие годы своей жизни. У гроба пели ее любимые, сочиненные ею песни и духовные гимны. Одна старушка, утирая слезы, сказала: «Таких людей в наше время уже не встретишь». Много добрых слов было сказано на прощание. Жизнь доброго человека подобна дождю в сухую погоду. Все умирает от засухи. Но вот прошел дождик – все освежил, обновил, пробудил жизнь вокруг. Так и жизнь хорошего человека: многим он помог, утешил, многих ободрил и, умирая, он уходит туда, где живет одно только истинное, вечное, духовное.

1970-е гг.

Печатается по подлиннику.

Анна Малород
ДНЕВНИК УЧИТЕЛЬНИЦЫ
ТОЛСТОВСКОЙ ШКОЛЫ

1948 год

8 августа. Эту неделю - всякие обиды, жалобы, ропот по всяким случаям наполняли мои дни. Так не должно быть.

Постановляю себе: никогда ни на кого не жаловаться и ни на что не роптать; пусть обижают, обидают меня люди - я терпеливо, кротко и молча должна все переносить.

15 августа. Эту неделю все тосковала, чувствовала остро свое одиночество, свою «никому ненужность», плакала по несколько раз в день. «Что это? Уж не черная ли меланхолия мной овладела?» - пришло мне в голову. Вчера вечером молилась, чтобы бог помог мне преодолеть эту тоску, и утром сегодня проснулась с мыслью: «Только неизмеримое благословение ко всем может исцелить больное сердце».

22 августа. «Любовь только тогда истинная, когда она, как лучи солнца, падает на всех одинаково» (Путь жизни). А мы, наоборот, избираем одних людей и горячо их любим, а к другим равнодушны. А когда так любим, то требуем, чтобы и нас так любили. А когда нас любят не так, то мы страдаем. Себялюбие и привязанность - источник страданий.

5 сентября. Работаю в саду: обрезаю малину. Как красиво в саду в эти последние дни осени, как легко дышится! Какие славные мысли приходят за работой! Так в последнее время мне пришла мысль, что нет зла для человека, в сердце которого нет зла, «око которого чисто», который живет в свете добра. Обида, недовольство, досада – все это недостойно христианина, их нет в его сердце, и, как бы ни относились к нему люди, он всегда относится к ним с добротой.

Несовершенство окружающей жизни иногда причиняет боль, но для этого у него есть терпение, прощение, кротость. И с тем большей добротой, с тем большей осторожностью должны мы обращаться с людьми, причиняющими нам боль.

12 сентября. И жалость должна быть в сердце - даже к тому, кто причиняет нам боль. Жалость, не глядя на его недостатки и ошибки: быть может, именно за них мы и должны жалеть человека, потому что он первый за них страдает.

19 сентября. Всю эту неделю молотила, таскала семечки - по грязи, по дождю, измучилась даже. Слишком много я их посеяла. Не по годам мне это, не по

здоровью... Я должна, по возможности, радостно и отважно идти дальше по пути к Свету разума, любви и правды.

И я не должна мучить и презирать других людей за их недостатки, а, наоборот, относиться к ним со снисхождением, помня о своих собственных ошибках; хорошим примером и добрыми наставлениями, вынесенными из опыта своей жизни, стараясь помогать им идти по тому пути, по которому я решила идти сама до конца жизни и который есть единственный верный путь.

5 декабря. «Радуйтесь всегда - и еще говорю: радуйтесь» (из посл. апост.). Я не знаю, что со мной будет завтра; только сегодня в моем распоряжении; сегодня я буду жить и радоваться на все то хорошее, доброе, светлое, что есть в моей и окружающей меня жизни. А в будущем я также буду искать вокруг доброе, хорошее, и сама радоваться, и других радовать.

12 декабря. Пригласили меня работать в конторе, к отчетному году. Не так-то легко привыкать к новой работе, тем более, что наш старший счетовод – человек нервный, горячий, часто шумит из-за пустяков; но все же он человек добрый и я его не боюсь, как не боюсь кого-либо другого; ведь надо помнить, что «в любви нет страха, но совершенная любовь побеждает страх, ибо в страхе есть мучение» (из посл. апост.) – а я положила никогда и ни из-за чего в жизни не мучиться самой и других не мучить.

19 декабря. Намечу себе дела на день: то надо сделать, другое - а тут придут люди и перебьют мои планы, и я недовольна. Так нельзя. И люди, и обстоятельства жизни всегда могут помешать моим делам, одному они не могут и не должны помешать - моему хорошему отношению к ним, одно они не должны нарушить - мое всегда ровное, тихое, кроткое, ко всем благостное состояние души.

26 декабря. Во всех трудных случаях жизни, когда думаешь, думаешь и не знаешь, как поступить, нужно сказать себе: Если это доброе дело, Бог его устроит, если злое, Бог его расстроит; и с полным доверием отдавшись путеводительству Божию, оставаться в покое.

1949 год

2 января. Не зря сказано: «Будьте, как дети». И я люблю детей, их ясные доверчивые глазки, их бесхитростные веселые игры, пенье и готова всегда принять в них деятельное участие; люблю детский праздник - елку. К этому празднику делаю десятка два-три игрушек и дарю детишкам - они приходят с елки на елку.

9 января. Что остается делать людям, обиженным судьбой: уродам, калекам, одиноким, не нужным никому людям? Им остается засиять неземной красотой души и тем скрасить свою внешнюю уродливость и заботиться об еще более несчастных, чем они; это сделает их жизнь нужной. А несчастных в жизни так много! И беспризорных сирот, и стариков, и убитых горем людей.

15 января. В нашем сердце не должна скопляться горечь утрат и обид - против нанесших нам утраты и обиды. Вот Павлуша любил меня, берег, лелеял; потом разлюбил, полюбил другую. Что ж? Неужели мне без конца горько о том тосковать? Любил сколько мог и сколько я заслужила. И ничего, кроме благодарности к нему не должно быть в моем сердце, благодарности за несколько лет безмятежного счастья, которые он мне подарил.

23 января. Ничего такого, что стыдно, что позорно было бы открыть людям, не должна я носить в своем сердце. То, что тайно, всегда может обнаружиться, а мысли всегда могут перейти в дело. Мое сердце всегда должно быть чисто и открыто перед всеми.

30 января. Сокрой свое горе от вздоров чужих - слез в мире ведь много без вздохов твоих... Сокрой свое горе, дай радость другим, в Отце ищи помощь страданиям твоим... Вот несколько прекрасных строк из стихотворения, которое я решила выгучить и петь в память моей дорогой подруги Жени Литвиновой, с которой мы расстались, может быть, навсегда... Она действительно умела, несмотря на все свои невзгоды, давать помощь и радость другим.

6 февраля. Думать о своем одиночестве, о своих лишениях, страданиях и обидах я не должна, так как это значит думать о

себе, а истинный христианин должен думать о себе как можно меньше. И когда подобные мысли и чувства будут смущать меня, я должна говорить себе: думай не о себе, а о Христе и Его младших братьях. Как в Евангелии сказано: «Если вы не сделали этого (то есть, не оказали помощи) одному из малых сих, то вы не сделали этого для Меня».

13 февраля. «Надо брать негу и осторожность из самых глубоких тайников сердца и бережно, бережно ткать из них жизнь» (В.П.М.). Очень хорошее это наставление всем нам, живущим, которые изо дня в день, кое-как, небрежно, а подчас грубо обращаются с окружающими людьми. А нужно – нежно, осторожно, бережно, ласково обходиться с каждой человеческой душой.

20 февраля. Буду стараться жить как Паскаль, который, раз наметив режим дня, твердо, несмотря даже на болезнь, его выполнял; стремился всю жизнь быть бедным, то есть довольствовался самым малым и заботился о бедняках.

27 февраля. Запишу вкратце рассказ одного норвежского писателя под названием «Совесь». В нем описывается одна бедная рыбацкая деревушка, расположенная на голых береговых утесах сурового моря. Жители ее очень бедны, невежественны, промысел их дает им слишком скудный заработок, не обеспечивающий им жизнь; они все полны заботами о куске хлеба, высшее их удовольствие – стакан водки. Большим подспорьем в их быту являются кораблекрушения, которые часто происходят возле их скалистых берегов. Тогда волны выбрасывают на берег вместе с остатками кораблей и их содержимое, а иногда – трупы, и жители деревушки не брезгают их обирать. И вот в этой темной среде, на фоне этой безотрадней и даже отталкивающей жизни этих рыбаков появляется девушка, добрая, кроткая, с чуткой совестью. С детства она страдала болезнью легких, которая обратилась в конце концов в чахотку, так что она была лишена радости молодой расцветающей жизни и нашла себе утешение в Евангелии, которое подарила ей учительница из соседнего села. В свободное от работы время (она неутомимо плела сети для рыбаков) она отдавала чтению. Однажды море выбросило на берег трюм

разбитого корабля, и она сделала из него для себя отдельную от своей большой семьи комнатку, столик застлала белой скатертью и на него положила свое сокровище – Евангелие. Здесь проводила она свою жизнь, тихо, уединенно, в труде, размышлении, молитве и чтении. И сюда же стали приходить в минуту отдыха ее семейные и соседи, чтобы послушать Евангелие, чтобы испросить в трудных случаях жизни совета у этой доброй и разумной девушки, которая, снедаемая болезнью, так тихо и безропотно угасала, находя для каждого доброе слово, добрый совет.

Образ этой девушки глубоко запал в мое сердце, мне так же, как она хотелось бы прожить остаток своей жизни.

Верность, постоянство – какие это прекрасные качества в жизни! Они являются прочным фундаментом не только семейного счастья, но и дружбы; в выполнении своего долга, в труде, просто в отношении к окружающим людям – они незаменимы. Им в противовес существует вероломство – и какое это выразительное, характерное слово! Благодаря вероломству действительно ломается вера в жизнь, в людей, в добро – ломается, коверкается, портится жизнь...

6 марта. Достоевский, обращаясь к одному писателю, сказал: «Изобрази вора, глупца, но и человека в нем не забудь». Да, в каждом человеке живет искра Бога, то есть сознание (хотя и неясное) истинной красоты жизни, истинного ее смысла: в любви, справедливости, и чистоте. Пусть это «святое святых человека» в нем затоптано, загажено и им самим, и окружающими людьми – оно в нем есть; пусть он слаб, грязен, опустился до последней возможности, но прекрасное он способен любить и ценить. И это – залог прекрасной будущей жизни человечества.

13 марта. Заболела. Грипп. Так отзывается работа в подвале. Придется несколько дней посидеть дома. Я, однако, люблю болеть: покой, отдых, можно подумать, почитать, внутренне привести себя в порядок. И так хотелось бы болеть без жалоб: хоть и болит голова, горит тело, кашель рвет грудь, а ты терпи, не жалуйся и даже больше того – улыбайся счастливо. Так бы и всю жизнь прожить, улыбаясь счастливо, несмотря ни на

что: хоть и мужем покинута, и воспитанница оставила, и одинока, и больна, и бедна, и стара, и люди обижают, а ты все переноси кротко, терпеливо, без жалоб, все улыбайся, да и других привечай ласковым словом, улыбкой, взглядом, снисходя к людским недостаткам, прощая обиды, хоть бы тебя снова и снова обижали, а ты все прощай, как Христос велел «до семижды семидесяти раз», то есть бесконечно. «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят».

20 марта. «Сидя за работой, она думала о том, что она со своими малыми силами, но богатая любовью, может сделать хорошего для каждого человека и какое бремя снять с него» (Из повести «Тернистым путем» Эберса). Прекрасные слова и глубокая мысль выражена в них! У Л.Н. тоже сказано: «Украшай каждый день хотя одним добрым делом». А я? Как мало к тому прилагаю забот! А надо. Надо на это обратить серьезное внимание, пока есть силы.

27 марта. Весна! В молодости весна наполняет душу такой радостью! И все существо, исполненное силой и здоровьем, радостно ее встречает. А теперь, на старости лет, весна приносит мне болезни – то ангину, то грипп – которые тянутся долго, с дурными последствиями, кашлем, задышкой, слабостью. В молодости весна вселяет в душу сладкие ожидания и надежды на счастливое будущее. И в старости она говорит: все оживает, но не ты; ты еще одним годом приблизилась к смерти. Пусть так: пожил человек, насладился жизнью (немало, впрочем, и горького достается на долю каждого), теперь сходи со сцены, давай место другим пришельцам в мир.

3 апреля. Обращаться с людьми надо со всеми одинаково, с осторожностью и уважением, помня, что одна душа во всех. И особенно старайся уважать униженных, как равных всем остальным людям. А мы привыкли уважать тех, кто силен в этом мире, и пренебрегаем малыми.

9 апреля. Чудесная весна открылась! Ручьи бегут, не умолкая, скворушки поют. Вчера была я на работе. Нас несколько женщин, мы засыпали овощехранилище сверху опилками для того, чтобы сохранить в нем прохладу. Я с крыши впервые увидела наш новый поселок на том берегу: двадцать пять

домиков, новых, белых, сверкающих на солнце; увидела я и сердце мое обрадовалось – да, там под одной из этих крыш и меня ожидает приют, и я не сирота в этом мире. Вот я спокойно себе здесь живу, а там уже готовится и для меня приют среди членов моей большой семьи. Как хорошо жить общей жизнью!

17 апреля. Как я хочу, чтобы со мной обращались люди, так я сама должна обращаться с ними: с мягкой добротой, с осторожной вежливостью. А на всякую боль и огорчение есть кротость и прощение. Обиды и недовольства не должно быть в моем сердце, потому что я христианка. Дурных и подозрительных мыслей также не должно быть у меня, потому что для чистого все чисто. Да, я должна жить только в добре жизни, только добром ее, впитывая и распространяя только добро; темные, мутные источники жизни не должны иметь доступа в мою душу, которая всегда должна быть исполнена света добра.

24 апреля. Сегодня день Светлого Воскресения. Всю последнюю неделю я постилась и старалась держать себя в покое, любви и кротости. И на душе у меня было хорошо. Любовь и кротость, словно светлые духи, осеняли крыльями мою душу и не давали прокрасться в нее ничему злomu. Как бы мне и дальше так жить?

1 мая. Вот снова началась страдная пора: копка, посев, усталость и от нее дурное настроение. Так можно совсем закопаться в материальное и опуститься. Так нельзя. Много ли мне надо одной? Зачем убиваться? Буду трудиться потихоньку, радуясь небу и расцветающей природе. Буду стараться быть всегда в добром духе. Тихо, кротко, молчаливо, незаметно доживая остаток своей жизни.

8 мая. В этом году я думаю ограничить свой посев десятью сотками. Дело в том, что я хочу посадить столько, сколько я своими силами могу вскопать и обработать без найма. Устала, правда, сильно: болят спина, руки, ноги, но так и должно быть.

15 мая. Прочла «Хатха – йога». Нравится мне эта книга, которая указывает, что наше физическое состояние, наше

здоровье зависит главным образом от нашего внутреннего состояния: наших мыслей, дающих нам правильное руководство в жизни материальной, и нашего бодрого радостного самочувствия. Нравится мне эта книга еще и тем, что она возвращает человека к природе: он не должен нежиться в тени, зарываться в теплые одежды и одеяла, предаваться физическому бездействию, нет: солнце, свежий воздух, вода, движение – вот чем он должен широко пользоваться для своего здоровья.

22 мая. После длительного периода дождей и холода, которые мешали копке и посадке огородов, снова наступила ясная погода, и люди устремились в поле копать и сажать. Жадность в труде, в земле, в пище, в одежде и вообще в материальных благах я не оправдываю, но честный труд на земле, чтобы в поте лица добывать себе скромное пропитание – это необходимо для человека.

29 мая. Часто приходится заменять Сережу А., заведующего овощехранилищем, - выдавать картофель, отмечать работающих женщин и т.п. За некоторые недочеты в работе он меня шумно и грубо бранит; я оправдываюсь, обижаюсь, но мне ни того, ни другого не надо делать, надо молчать, пока успокоится человек, а тогда только дать краткое и короткое объяснение, незыблемо сохраняя в душе своей мир и благость ко всем. Как корабль не пускается в плавание в бурю, так и с человеком нельзя иметь дела, когда он бурно настроен. Так сложна, запутанна жизнь, так мало в ней радостных часов и так много различного рода страданий – годами тянутся они – и что нам, бедным людям, остается делать? Только жалеть друг друга, только своей сердечной добротой согревать окоченевшие от холода сердца. А как часто мы делаем наоборот! К неизбежной в человеческой жизни страданиям: болезням, калечеству, смерти – прибавляем еще целое море страданий своими собственными ошибками, гневом, жестокостью, неблагоприятными поступками.

19 июня. В Пути жизни у Л.Н. есть такая мысль: «Только одно название ко всем людям подходит и никому не обидно: название это – брат и сестра». Я еще думаю дальше: только

одно это отношение к людям – братское – допустимо, разумно и благодетельно и возможно во всех людских положениях; которое никакие условия жизни и даже разность убеждений помешать не могут.

26 июня. В последнее время внутреннее мое состояние – это борьба с обидой против людей, меня оставивших: Павлуши, Тамары и др. Надо изгнать обиду из своего сердца, простить – ведь я христианка.

2 июля. Прошел прекрасный дождь и как все ожило! Мне кажется, что я каждое растение чувствую, как оно радуется, наполняясь влагой и жизнью, и все сама радуюсь. А как оно терпеливо ждало, вынося сильнейшую жару, и не погибло, дождалось. Пример нам, людям, как терпеливо должны мы переносить свои невзгоды в ожидании лучшего времени.

10 июля. Вздумала было я надеть и носить свое черное платье, не снимая, в знак того, что в жизни этой для меня все кончено, в знак того, что жизнь меня обманула, отняв у меня все радости (Павлушу, Тамару, пианино и др.), но не выдержала: истинный христианин все должен переносить безропотно и быть светлым, радостным душой, несмотря ни на что, и черной одеждой своей не наводить на других уныние.

17 июля. Пусть сгорбилось, состарилось мое тело, покрылось морщинами лицо, поседели волосы, но в этом старом теле живет все та же юная душа, неизменяемая до смерти. Как когда-то в молодости выше всего на свете ставила я добро и правду и все разумное и прекрасное в природе, так и в душе человека, так с этой любовью ко всему прекрасному и твердой верой в добро и правду, как в основы жизни, и уйду я из этого мира. И хотя жизненные бури и вихри зла не раз пытались заглушить этот светлый огонь веры в моей душе, но не затушили. Он, этот огонь, давал мне силы бороться со злом как в самой себе, так и в окружающем – и побеждать.

24 июля. «Нужно есть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы есть» (Л.Н.Т.). Так же, я думаю, можно сказать о труде: «Нужно трудиться для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы трудиться». А мы как раз наоборот: трудимся сверх меры для того, чтобы иметь жирное, сладкое, обильное питание

и как можно больше одежд. А к чему? Разве жизнь становится от этого полнее и радостнее? Нет и нет. Люди, наоборот, от излишнего труда, от неустанного непрерывного перебега от дела к делу, от часа к часу становятся злыми, эгоистичными, омраченными постоянной заботой. А жизнь с ее тихими, чистыми, разумными, красивыми радостями остается в стороне. Нет, так нельзя, я не буду так. Буду в своем обиходе, питании и одежде, довольствоваться самым необходимым, трудиться потихоньку, с отдыхом, посвященным радостному общению с людьми и наслаждению всем прекрасным и разумным на свете: хорошей книгой, пением, музыкой, искусством, природой и т.п.

31 июля. «Не зарывайте своих талантов в землю...» - не поступаю ли я так? Имея способности к музыке и рисованию, занимаюсь ими так мало. Пресвитер-евангелист говорит: «Вы имеете способности, надо ими служить Богу» (т.е. рисовать плакаты, играть для хора на фисгармонии и т.п.). Начальница шахты говорит: «Зачем вам ехать в глушь за колхозом, оставайтесь здесь, откроем музыкальные курсы, вы хорошо играете, у вас хороший голос...». Но у меня нет сомнений: прежде всего я должна трудиться на земле, собственными руками добывать себе пропитание, освободив от этой заботы обо мне других людей: я должна жить и трудиться вместе с тружениками земли, хотя и в глуши. А во время отдыха буду рисовать картины для людей, буду писать сборники священных стихов и дарить их своим друзьям, я буду петь свои стихи под гитару тем, кто посещает меня, учить пению способных девочек и т.п. Но работу на земле не брошу – душа не велит.

7 августа. Стала я по утрам делать обтирание комнатной водой, после этого – небольшой массаж и гимнастику; всего лишь пять минут уходит, но как свежо потом! Куда девалась сонливость, так мучавшая меня раньше за конторской работой? Посвежело тело, голова, посвежела душа. Как все тесно связано друг с другом! Недаром Хатха-Йога учит любить воду. И как ошибаются люди, пренебрегая своим здоровьем, забывая вечную истину: «В здоровом теле здоровый дух». И

какое это великое искусство до конца жизни сохранить юную, бодрую душу и свежий ум и крепкое тело. Хотелось бы мне проработать (упростив и облегчив) Хатха-Йогу – это учение о здоровье. Не знаю, удастся ли?

14 августа. Люди стараются накопить и необходимое, и даже лишнее, то есть в запас – платье, обувь и т.п. – и так мало людей, которые заботятся о том, чтобы приобрести хорошую книгу. Даже те, кто любит читать, и у тех мало охоты покупать книги. В будущем я буду не так делать, а из заработанных денег откладывать в фонд на книгу.

21 августа. Меня вот называют монашенкой... А я люблю все радостное, светлое, красивое в природе и людях. Я люблю смотреть на женщину, когда она одета в чистое, светлое, даже пестрое платье, с волосами чисто вымытыми и красиво сложенными на голове, с руками чисто вымытыми, ногами – в опрятной обуви и когда от нее (немного) пахнет духами. Тогда я говорю себе: «Женщина, ты любишь цветы, старательно разводишь их в своем саду, любишь ими, радуешься на них – разве ты не должна быть самым лучшим цветком своего сада – чистым, красивым, благоухающим?».

28 августа. Сжала на этой неделе свое просо, но не домолотила, а собирается дождик, помочит его; но я решила теперь ко всему внешнему относиться спокойно и никогда не торопиться, все в конце концов сделается, устроится, а человек мучит себя тем, что от него не зависит, например, погодой.

4 сентября. Прошли дожди, пошла я повернуть свои снопы, чтобы они просыхали – глянь, нет ни одного, пустое поле. Сердце мое упало: кто же это соблазнился и унес их? «Я знаю кто, я видела, она тащила просо рядком от вашего огорода», - говорит соседка. Иду - навстречу она, обидчица моя. «Несчастье у меня, - говорю я ей. – Утащили у меня все просо. А вы свое просо сжали?» «Нет», - говорит. «Так чье же вы просо несли сегодня с огородов?». Молчит она, только глазами хлопает. Я больше ей ни слова не сказала, закрыла глаза рукой и отошла от нее. И все... Ни слез, ни суда, ни жалоб на нее людям, ничего не будет. Только больно и жалко за поступок

ее, навсегда порвавший к ней доверие, испортивший добрые, простые отношения. Ведь мы вместе работали и в саду, и в поле, и в подвале. Вместе пели духовные песни. Думаю еще при встрече поговорить с ней по душам – кротко.

18 сентября. На этой неделе убрала свои подсолнухи, немало их у меня, около мешка, да мне богатства не надо, а на необходимое мне хватит. Не понимаю тех людей, которые любят складывать в сундуки лишнее и тем самым лишают себя необходимого покоя и вредят здоровью и, главное, душе чрезмерными трудами и заботами.

Через месяц меня вместе с конторой переведут на тот берег. Последние деньки, тихие и свободные, доживаю я в своей уединенной комнатке, за которую так благодарю судьбу. А там? Когда-то еще дождусь своего уголка, где бы я никому не мешала, где бы мне никто не мешал, своей «келейки»; так хочется остаток жизни прожить тихо, благостно и чисто, без суеты и шумихи; зачем они перед лицом смерти? А Л.Н. советовал всегда жить как бы перед лицом смерти.

25 сентября. Тишина... Надо твердо помнить, что тишина есть прекрасное свойство во всем. Ровным светом надо гореть весь день и всю жизнь, тогда не будут иссякать силы, а и вечером и в старости будешь одинаково бодро трудиться и сохранять ясность сознания и теплоту сердца, хватит их и на весь день и на всю жизнь. А суетишься, через силу работаешь, страстно чему-нибудь отдаешься и, в конце концов, не хватит тебя ни до вечера, ни до века.

2 октября. Не важно много дел переделать в течение дня, как не важно и много дел сделать в течение всей жизни, а важно всю жизнь и каждый день проживать в довольстве душевном – счастливо, любовно, спокойно и радостно. И хорошо бы тем, что растет у меня внутри, а так же тем, что получаю от других (мыслями мудрецов) щедро делиться с окружающими людьми. Ведь цель жизни – не в материальном, а в духовном.

9 октября. Стоят прекрасные дни, последние уже перед зимой, днем ясно и тепло светит солнышко, ночью – луна. Утром выйду на двор, сияют звездочки, и такая тишина торжественная,

еще не испорченная суетой дня; эту тишину носить бы в своей душе весь день... Буду приучаться тихо думать, тихо говорить, тихо ходить, тихо делать свои дела; сколько уж тут жить осталось, а я буду все в суете? По китайской мудрости: «Жизнь мудрого человека легка, но в ней все рассчитано». Так и я – должна все рассчитать в течение дня, то есть назначить режим такой, чтобы не спешить и все главное для материальной жизни сделать.

Кончают на этой стороне контору, скоро придется переезжать и начнется для меня новая жизнь, странническая.

Убрала у себя в комнате – чисто в ней, тихо, хорошо, но «умей же без боли, с душой благодарной судьбе все назад возвратить». Так мне надо относительно этой своей комнатки – вернуть ее назад с благодарностью, без боли.

16 октября. Вот и зима: задули северные ветры, закрутил снежок и укрыл землю. А мы, слабые птички, пока тут остались, на этой стороне реки. И как перелетать зимой? Но пусть будет, что будет, ко всем обстоятельствам жизни нужно относиться терпеливо и кротко. «Переносите беду и горе с веселым сердцем и живите в Боге – вот путь христианина» (Путешествие пилигрима).

23 октября. «О, небо, избавь меня от любви!» - говорит Аннет (Ромен Роллана), израненная плотской любовью. Раздумалась я над этим вопросом и следом за Аннет повторила: «О, Боже, избавь меня от этой любви раз и навсегда!». От той любви, которой добиваются люди, которой посвящены горы романов и которая недостойна этого имени, потому что человек, страстно любя сегодня, завтра может свою любовь обратить в презрение и ненависть. Так поступил мой муж. «Зачем мне старая одежда, если можно взять новую?» - говорил он.

30 октября. Надо помнить, что каждая минута твоей жизни есть часть вечности, и потому к каждой минуте своей жизни нужно относиться серьезно и проживать ее как можно лучше – тихо, стройно, торжественно, с полным сознанием ее важности.

6 ноября. Раздумалась о том, что вот выстроились на новом месте и переехали те, кто побогаче, посильнее, а слабые,

одиночки, вдовы с детьми остались пока здесь. Справедливо ли это? А потом подумала: не мое дело, христианки, об этом рассуждать, ибо «жизнь человека не зависит от изобилия имени, а так же ни от места, ни от времени; и что бы мы делали, слабые, бедные, сироты, вдовы и смиренные, если бы не было сильных, деловых людей». Они и себя устроят, а потом и нам помогут.

13 ноября. О, жизнь! Отчего ты была ко мне так жестока? Отчего ты отнимала у меня все привязанности – одну за другой? Мать, мужа, дочь-воспитанницу, дитя моей души, и друзей также: Нина, Лиза, Женя – самые дорогие мне души вдалеке от меня. А сердце так и хочет любви! – как у Душеньки Чехова. Толстой верно понял одинокое женское сердце, когда поместил этот рассказ в Круге чтения.

О, Боже! Дай мне силы радостно служить Тебе, оказывая любовь и внимание всем и всюду, куда ты пошлешь меня, - не думая о себе, бескорыстно, ибо истинная жизнь есть жертва!

20 ноября. Вот и на новом месте живу; легко переехала – все имущество в одни сани вошло; как птичка перелетела. А много мне вещей осталось от родителей: и комод, и трюмо, и стол хороший – мало нужные и громоздкие вещи, и все я умела раздать и раздарить, и довольна. Все необходимое у меня есть, а лишнее только стесняет. Живу в комнатке возле клуба, где по вечерам долго гуляет молодежь: шум, песни, пляски. Но к этому надо относиться терпеливо, кротко, лежать в постели спокойно и безропотно, покуда шум прекратится, и тогда уже засыпать, хотя бы в час или два уже ночи. Помните при этом, что есть обстоятельства у людей гораздо худшие – нет топки, не хватает хлеба и т.п., а у меня все это есть.

27 ноября. Снова на этой неделе было уныние: никому-то я не нужна – ни родным, ни друзьям, каждому только до себя, и, если кто кого и любит, то тех, кто помоложе, поздоровее, по красивее меня. А я такая, как есть, старая, некрасивая, не очень умная, не очень добрая – никому не нужна, ни родным, ни друзьям. Всем чужая. Одна. Целые сутки пребывала в таком мрачном раздумье. Но, как всегда, светлое преодолело тьму. Во мне самой так много еще любви ко всем, так много внутренних

богатств, накопленных за долгую жизнь, что я вовсе не бедна и не несчастна. А если какая беда постигнет меня или люди забудут меня в моей нужде, и невнимательны, незаботливы, то на это я должна отвечать большим терпением, кротостью и прощением. И когда я сознала это, сердце мое размягло и слезы полились из глаз.

3 декабря. Иногда встает вопрос – как себя вести, как относиться к тому или другому человеку. Часто теряюсь, а ответ простой – как христианка, любовно и кротко, не глядя на то, какие люди и как они к тебе относятся.

11 декабря. Понемногу свыкаюсь с новыми обстоятельствами жизни на новом месте, вхожу в колею, помня когда-то выработанные мною правила: «Где бы я ни очутилась, в каком бы положении, среди каких людей – я должна чисто и аккуратно содержать свой уголок, чисто и аккуратно содержать себя, тщательно и аккуратно выполнять всякое дело, на меня возложенное, внимательно и осторожно ступать каждый шаг своей жизни».

18 декабря. Моя последняя молитва: «Боже мой! Помогите мне праведно и счастливо прожить оставшуюся мне жизнь, всюду принося пользу и радость, все невзгоды и трудности перенося со спокойной, светлой и радостной душой; со всеми людьми, каковыми бы они ни были и как бы ко мне ни относились, обращаться мягко, любовно и кротко, помня, что и солнышко светит и греет для всех – добрых и злых. Ничего я не должна от людей ни требовать, ни ожидать для себя, а также не должна на них обижаться – эти себялюбивые чувства не достойны сердца истинного христианина, как вообще не достойны его все (мирские) плотские, животные, нечистые мысли, чувства и желания. Сердце чистое созижди во мне, Господи».

25 декабря. Гляжу вокруг и поражаюсь – как много грязи. И как только люди не захлебнутся в ней? Стремятся к роскоши, не думая о нуждающихся; к легкому труду, не думая о тех, кто задавлен непосильной работой; убивают, грабят, насилюют, меняют жен, мужей... А для меня лучше могила, чем грех и позор.

1950 год

15 января. Вот уже две недели болею гриппом и упорно... Но болезнь тем хороша, что напоминает о возможно близком, неизбежном конце. И мне так хочется последние дни своей жизни прожить достойно и праведно; и все не могу, все что-нибудь мешает – главная забота о своей плоти, о своем маленьком личном «я» и обида, и боль, когда ему, этому «я», приходится почему-либо плохо: не доспит оно или не доест, или холодно ему, или обойдет кто, поругает, или просто обидит. А ведь радость совершенная – именно та радость, которую никакие обиды, оскорбления, нападки людей, никакие болезни и невзгоды нарушить не могут (Л.Н. – Путь жизни).

22 января. Нужно жить не для тела, а для духа. Это изречение из Евангелия я хотела бы поставить эпитафией ко всей моей жизни.

29 января. Мужа Тамары сняли с работы и отсылают в другое место, близко ли, далеко – пока никто не знает. Переживает она, рано приходится ей пить чашу семейного горя, только год и пожила под одним кровом с мужем. Пишет она, что у нее молоко пропало, нечем кормить мальчика, это ведь от переживаний, хотя она и не жалуется – такая у нее натура: стойкая моя девочка, твердая, решительная. Пишет, что до лета поучительствует, а там к мужу поедет. Так, так, иначе и быть не может. Жена до последней возможности не должна покидать мужа, если, конечно, муж ее сам не покинет; тогда, конечно, Бог с ним: насильно мил не будешь. А как много вероломных мужей. Ужасное дело – вероломство. Оно не только разбивает счастье доверчивого, любящего сердца, оно не приносит счастья и самому вероломному. Да сгинет оно во веки веков.

5 февраля. Хорошие мысли осенили меня в последнее время, давшие удивительное успокоение моей душе. Истинный христианин ни за что не должен обижаться на людей, ничего от них не требовать для себя; и больше того: он должен быть готов отдать другому то, что принадлежит ему самому – даже самое прекрасное, что он имел; это может быть какая-нибудь

материальная вещь, дружба или любовь; и отдавать он должен безропотно, без обиды, с готовностью, с чистым христианским самоотвержением. Как это высоко! Как это прекрасно! И какая это недостижимая высота! Но даже свет, падающий с этой высоты, способен чудным покоем исполнить мятушуюся душу человека.

12 февраля. Только та любовь истинная, которая, как лучи солнца, падает на всех одинаково (Путь жизни). В настоящее время я поняла, и не только поняла, но твердо осознала истинность этой мысли, то есть, что нельзя кого-либо любить исключительно (отсюда ревность, пренебрежение к другим – твое сердце заполнено одним человеком и мало остается в нем места для Бога и других людей); а нужно, чтобы благодать твоя распространялась на всех одинаково, как сияние солнца: «на добрых и злых, на праведных и неправедных». Это моя работа над собой в настоящее время.

26 февраля. Нужно стараться каждый день проживать как бы перед лицом смерти, как можно лучше, как если бы это был последний день твоей жизни – осторожно, как в мыслях, так и в словах и делах... «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, когда придет Сын Человеческий». «Не объедайтесь, не опьяняйтесь, не отягощайтесь житейскими заботами». А мы как раз наоборот – только ими и задавлены.

5 марта. Когда хочешь избавиться от какого-нибудь порока, то начинаешь бороться с ним, изгонять его из себя. Борешься с ним, борешься, изгоняешь его и никак не изгонишь – исколотишься, измучаешься... Сколько сил истратишь! Тех сил, которые так нужны для делания добра! А вот если станешь, несмотря на порок свой, делать добро, любить, прощать, смирять гордость и самолюбие, жить нравственной христианской жизнью, употребляя именно на это все усилия своей души, а не на отчаянную борьбу со злом, - смотришь: и порок твой, зло твое все бледнеет, только тень от него остается и он перестает мучить тебя.

12 марта. Когда подвинешься вперед (понемножку, понемножку подвигаешься, а впереди еще такая длинная дорога – к совершенству), оглянешься назад и думаешь о том,

какие дурные совершала поступки, какие дурные, недостойные имела чувства и желания. Себялюбие, эгоизм, ревность, стремление украсить себя внешне, забывая о внутреннем, стремление казаться людям лучше, чем есть, стремление к материальным благам, забота о них, суета. Стыдно становится за себя и непонятно, как это я, христианка, все это себе позволяла?

19 марта. Часто, когда заметишь за собой какой-нибудь недостаток, то, следуя завету Христа, выраженному в словах Евангелия: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя», начинаешь вырывать из себя этот «дурной глаз», строжить над собой, строго и к другим относиться, и мрачное, сердитое у тебя становится лицо, и никому с тобой приятно быть не может. Строгой-то можно и нужно быть к своим мыслям, к своим поступкам, а с другими все равно будь приветливой и веселой: никто не виноват в твоём несовершенстве.

26 марта. Грачи прилетели. Весна! Наступает такое хлопотливое время! Тут с той стороны последние семьи будут переезжать, до разлива реки надо им переехать, затем начнется посевная. А наша контора, где протекает моя жизнь, как сердце колхоза, где сильнее всего бьется пульс жизни: и народ туда-сюда ходит, своего добивается, шумит, и Иванов, как председатель, распоряжается всеми и тоже шумит, а от шума, суеты и забот (часто излишних) – вражда. И как-то нужно жить во всей этой шумихе, сохраняя свою душу в мире и любви ко всем. Трудно это, но нужно и я постараюсь. И уклад своей жизни, режим свой должна, как Паскаль, держать твердо, несмотря ни на что.

2 апреля. Когда ты несчастен, помни, что есть люди несчастнее тебя. Когда ты чувствуешь, что нужда одолевает тебя, погляди вокруг и ты увидишь еще более нуждающихся. Если терпишь обиды, то посмотри, сколько вокруг тебя людей, еще более обиженных и униженных, чем ты. Из своей скудной доли, из бедности своей помогай тем, кто еще беднее и несчастнее, чем ты, выказывай им ласку, заботу, утешение. «И радость чистая прекрасным огоньком осветит твой печальный

бедный дом». Это я сочинила по этому поводу стихотворение, которое называется «Когда тоскою сердце обовьется».

16 апреля. Все мои горести и страдания – от себялюбия. От него обиды на людей и на жизнь, жалобы, ропот, недовольство людьми, судьбой. Отсюда тяжесть на душе и темнота. А так хочется жить легко, спокойно, радостно, в мире и любви со всеми – прожить так оставшийся небольшой мой срок жизни! Надо мне серьезное внимание обратить на этот свой порок, и все, что идет от себялюбия, отгонять от себя. Орудия борьбы: терпение, кротость, смирение. И на всякую обиду, нужду смотреть как на предмет упражнения.

23 апреля. В себе самой и вокруг себя должна создавать я атмосферу кротости, ясного спокойствия, чистоты и дисциплины.

Всё ещё зима... Морозы, вьюги. Скотина начинает дохнуть. А уж три дня как прилетели журавли. В этот день проглянуло солнышко, и мы обрадовались, что вот и весна. Сегодня же снова засвистела вьюга и замела показавшиеся было проталинки. Землетрясение, наводнение, ураган – все это я уже повидала на своем веку – теперь эта перемена климата. Тоже стихийные бедствия. А люди еще сознательно мучат друг друга, выдумывают войны, атомные бомбы и т.д.; а вот разразилась стихия и может все погубить, и ничем не поможешь.

30 апреля. Когда в жизни встретится какое-нибудь затруднение – болезнь, нужда, обида или еще что-то – помни и знай, что только один выход, один правильный путь человеку, который распутает все извилистые дорожки жизни, сгладит и вражду и обиду, выведет тебя из сети мирских, плотских мыслей и желаний – это путь христианина с его самоотверженной, всеобъемлющей любовью.

7 мая. Сегодня утром проснулась, а в голове, в сердце поется: «Ах, что за радость нам, искупленным сердцам». Это из одного христианского гимна. Да, христианин не должен никогда унывать, он всегда должен быть радостным, как бы изнутри освещенным светом чудесного христианского учения, в котором для него оплот и щит от всех окружающих его бед, нужды, болезней и страданий.

В марте месяце этого года умер Гитя Т. Очень ценный был он человек: нравственный, умственно развитой, поэтически одаренный. В последний раз, когда он нас посетил, перед отъездом на свое последнее место жительства, передо мной как-то особенно выявилась его душа – такая чуткая, нежная. У некоторых людей, очень редких, тело является как бы тонкой прозрачной оболочкой, сквозь которую ясно светится большая прекрасная душа. Так было и с Гитей. Как много надежд и возможностей ушло вместе с ним! Как много хорошего и ценного он мог бы сделать и своей семье, и людям! Но неумолимая жестокая судьба распорядилась с ним по-своему и взяла из жизни такое дорогое и ценное существо. Когда уходят из жизни такие души, как Гитина, не верится, что они исчезали, умирали совсем, думается, что они на время приходят в этот мир, что на время проявляют себя во всю силу своей красоты и снова уходят, чтобы потом опять придти. Откуда приходят и куда уходят – непостижимая тайна. И что нам, бедным людям, остается делать перед лицом этой завесы, во всякую минуту готовой скрыть за собой каждого из нас? Прижаться друг к другу и любить друг друга всем сердцем и всей душой, пока мы еще вместе.

14 мая. Дали нам, одиночкам, по 15 соток земли. Встаю рано и с 5 до 7 утра копаю, а также вечером, после работы. Устаю порядком, но и радуюсь в то же время. Радостно трудиться на земле, дышать свежим воздухом, слушать пение птиц, наблюдать расцвет природы, биться с нею одним пульсом. Город, городские люди с их изнеженностью, прямым, основным требованием жизни – белые руки – пугают меня и отталкивают. С каким доверием отношусь, как люблю мозолистые, потрескавшиеся, загорелые руки крестьян, а когда-то я ведь сама была «белоручкой». Как хорошо, что это ушло – и я среди тружеников земли и сама так близко имею с ней дело.

21 мая. У Л.Н. («На каждый день») есть прекрасная мысль: «Для того, чтобы жизнь была сплошной радостью, нужно быть добрым». Это я по себе знаю: чуть позволишь себе требовательно, раздражительно, обидчиво обращаться с людьми, как сразу жизнь перестает быть радостной, а когда стараешься

обходиться с людьми кротко, смиренно, с прощением и любовью – так жить становится легко.

28 мая. Для того, чтобы быть добрым, надо приучать себя к этому, не пропускать удобных случаев сделать доброе дело, пусть маленькое, и не пропускать также без внимания тех случаев, когда обошелся с человеком без доброты, упрекнуть себя за это упущение и в будущем быть внимательнее в этом отношении.

4 июня. Так мало осталось жить и так хочется это время прожить праведно, непорочно, чисто, с неизмеримым благоволением ко всему живому. И как этому мешает себялюбие, обида на людей, как волнуют, омрачают они душу!

18 июня. Жил эту неделю у меня Витя, Тамарин брат. Работает он здесь вместе с другими мальчиками на прополке хлебов. Готовила я ему есть, по утрам будила и сердце мое было полно любви и забот. И подумала: вот такие женщины, как я, бездетные, и существуют для того, чтобы заменять матерей детям-сиротам или детям, временно оставшимся без матери. Как Тамара, Лида, Витя, когда-то Маня Гуляева, Маня Токарева, дети Карповы, Мирочка Епифанова... Обо всех когда-то болело мое сердце, возле них оно и само грелось.

«Не печальтесь и не горюйте, что вы одиноки – все люди ваши братья» (Конфуций). Да, так бы ко всем людям относиться, как братьям и сестрам.

2 июля. Беспредельная нежность есть величайший дар и достояние всех истинно великих сердец (Рёскин). А мне все что-нибудь мешает быть такой ласковой со всеми: то людские недостатки, то собственная гордость, самолюбие: борешься с ними, борешься, а они нет-нет, да и возьмут над тобою верх.

9 июля. Ноги мои продолжают болеть; советуют мне съездить в город, обратиться к хорошему врачу. Но я думаю так: в молодости, когда смерть не ко времени, лечиться надо; когда же придет старость, то и к болезни, и к смерти нужно относиться покорно, как природа – к осени и зиме. Не буду лечиться и обращать внимания на свою болезнь – пусть будет, что будет.

21 июля. Три недели не было дождя, в поле и на огороде все стало желтеть и засыхать. И вот сегодня подул свежий

ветер, принес тучи и вечером пошел дождь, обложной и упорный. И я чувствую всем своим существом, как обрадовалась и как жадно пьет влагу каждая травка, такая беспомощная и так протестующая против безвременной смерти. А ведь ждала три недели, ждала дождя, до последнего цепляясь за жизнь – и дождалась. Пример нам, людям, которые так часто унывают, ропщут, отчаиваются, в то время как спасение вот-вот уже готово прийти.

30 июля. Этой осенью нам, одиночкам, обещают выстроить дом-общежитие. Шести старикам – всем по комнате в одном доме. Я по своим средствам могла бы просить мне выстроить отдельный домик, но я не хочу. Во-первых мне будет скучно, во-вторых, не хочу выделяться. Вот Паскаль всю жизнь стремился быть бедным и жить среди бедных, помогая им всем, что только было в его силах.

5 августа. Есть у болезни хорошее качество – это то, что, переболев (как и вообще перестрадав), лучше понимаешь боль и страдание других людей и, вылечившись сама теми или другими средствами, сумеешь помочь теми же средствами и другим людям. В конце прошлого месяца я переболела расстройством пищеварения с температурой и рвотой, а следом за мной заболел той же болезнью один безродный старичок, здешний пастух; залег на одном из чердаков, так что никто не знал, где он. И вот я, несколько оправившись, благодаря одним хорошим пилюлям, пошла его искать, понесла ему эти пилюли, чаю и сухарей и после двух дней лечения оправился и он.

13 августа. «Лисицы имеют норы и птицы имеют гнезда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову». И если ты христианка, то твердо запомни и не грусти, и не жалуйся на то, что у тебя до сих пор нет своего угла, что строят не тебе, а другим. Умей праведно, по-христиански жить повсюду и среди всяких людей.

27 августа. И будь довольна «куточкам и тем куточкам», которые у тебя есть, потому что у других и того нет. Вообще, как сказал Л.Н., «Нужно быть довольным тем, что у тебя есть, и не жалеть того, чего у тебя нет, а из того, что у тебя есть,

сделать по возможности лучшее».

3 сентября. «Лучше быть честной нищей, чем жить в мнимом счастье» (Эбер). С этой мыслью я вполне согласна и лучше буду жить среди бедных, нищих людей, по возможности оказывая им помощь и участие, чем ценою просьб, настояний, упреков или искательств добиваться своего устройства и благополучия, своего «мнимого счастья».

10 сентября. Истинный христианин не должен никогда унывать, плакать и жаловаться на свою судьбу, а быть довольным всем, что выпало на его долю. Он должен жить счастливо и праведно, легко, спокойно и радостно, во всяком положении стараясь облегчить жизнь окружающих добрым делом, добрым словом, добрым взглядом и улыбкой, изо всего стараясь извлечь самое лучшее. Истинный христианин не должен носить обиды в своем сердце против своих обидчиков, а кротко и молча переносить их, предоставив суд над своими обидчиками Богу и их совести.

17 сентября. Веди меня, Господи, куда хочешь: на высылку, в тюрьму, на смерть; да будет воля Твоя, в руки Твои вручаю всю дальнейшую судьбу мою, только помоги мне всюду и во всяком положении жить праведно, повсюду и всегда, являя облик Твой, кроткий, благостный и чистый.

24 сентября. Вот и первый морозец ударил. Побелела трава и крыши, а листья на деревьях давно уже пожелтели и покраснели. Прошло красивое лето и скоро опять завернет зима с метелями и морозами. А порадовалась ли я как следует лету? Нет. Все сидела над счетными книгами или на огороде трудилась до изнеможения, не успевала оглядываться вокруг и радоваться на жизнь, на природу. Нельзя так. «Трудитесь, но не пекитесь» (Иоанн Златоуст). А я все забываю об этом. Надо радоваться жизни и любить все вокруг. Остальное – потом.

1 октября. Эта неделя была благословенной. Во-первых, пришла Рая из Абашева и помогла мне копать картофель. Спасибо ей, видно, старый хлеб-соль не забываются. А у нее у самой дома так много забот! Во-вторых, удалось с одним добрым человеком отправить в Абашево урожай дедушки Деменина (лук, чеснок, фасоль), который мы (Нюра, я, Н.Ф.) здесь

для него вырастили. Самое же главное – я облегчила свою душу от обиды. Мучила меня обида, что нет у меня до сих пор своего угла, что другие уже построились, а у меня и коморочки нет своей. И так тяжело мне было носить эту обиду... Невыносима она мне стала. И вечером при луне и звездочках, помолвившись наедине, дала я слово Богу и своей совести ни на кого и ни на что в своей жизни не обижаться и не жаловаться, памятуя при этом, что могут быть обстоятельства, лишения гораздо худшие, чем теперь – и те я должна буду перенести терпеливо и кротко.

9 октября. Тишина. Надо твердо помнить, что тишина есть прекрасное свойство во всем. Ровным светом надо гореть весь день и всю жизнь – тогда не будут иссякать силы, а и вечером, и в старости можно будет одинаково бодро трудиться и сохранять ясность сознания и теплоту сердца.

15 октября. Религия Христа в том, чтобы раздать свое имущество бедным и следовать за Ним. А я вот все не могу совладать с собой, все мне обидно иногда бывает, до сих пор нет своего угла. Словно два человека во мне живут: один – скромный, кроткий, не требовательный, другой – мирской, дурной человек, все ему мало, ропщет он на судьбу, на людей обижаются. Как бы мне совладать с этим человеком? Или это возможно только со смертью тела?

22 октября. В последнее время полоса уныния, обиды, ропота нашла меня, борюсь я с ними, борюсь и никак не могу побороть. И стишок уже сочинила: «В жизни, правда, много горя, но и радости немало, и за ропотом, слезами и последняя радость пропала». Но и то уже хорошо, что поняла, что в унынии и отчаянии нет жизни и что надо жить не горем, а радостями жизни. Радостей в жизни много, только не надо пропускать их, надо пользоваться ими разумно, изо всего извлекая лучшее.

29 октября. Есть простые радости: честный полезный труд, простая и достаточная пища, отдых после труда, спокойный сон, хорошая книга, хорошие стихи, пение, картины, общение с природой, общение с родными и друзьями, подарки тебе и от тебя, молитва, Евангелие, достижение совершенных качеств –

кротости, терпения, смирения и пр., самоотверженная любовь.

5 ноября. «Не так важна судьба человека, как то, как он принимает эту судьбу» (Гумбольдт). И еще: «Чем больше любви, тем меньше мучительности страданий» и «Разумная жизнь, основанная на любви, исключает возможность страданий» («На каждый день»). Когда любовь просыпается вместе со мной, выходит вместе со мной из дома, вместе со мной приближается к каждому человеку, распространяется на каждое дело, как лучи солнца, все вокруг согревая и освещая, тогда я чувствую, как легко и радостно жить. Страдания, которые не только не убивают любовь, но удваивают ее, доводя до самоотречения, несут душе особую невыразимую радость, исполненную глубокого смирения, примирения с людьми, с жизнью, с обстоятельствами.

12 ноября. Иногда я обижаюсь на людей, внутренне негодную за их недоброе, несправедливое отношение к людям более слабым, чем они, на людей, которые живут так, что лишь бы им было хорошо, предоставляя другим прозябать в нищете и заброшенности. Потом мне становится жаль таких эгоистичных людей, мне кажется, что в самом черством человеке все же есть искра совести, правды и добра и что их несправедливость, их равнодушное отношение к невзгодам и страданиям людским их же первыми делает несчастными, так что они порой бывают и не рады своему богатству и силе. А нищий, но со спокойной совестью – ему легче живется. Хорошо у Рескина сказано: «Будьте умерены для себя в своей жизни и посвятите ее служению к ближним».

19 ноября. И еще у Л.Н. сказано: «Нужно жить не для увеличения богатства, а для увеличения в себе любви». Завтра, 20 ноября, исполняется сорок лет со дня смерти Л.Н. Христов и Толстой – вот два камня, на которых установилась моя жизнь.

10 декабря. Когда станет легко, радостно и просто жить с людьми? Когда не от них будешь ожидать для себя радости и пользы, а сам будешь оказывать им посильные радость и пользу, если не можешь делом, то хотя бы – добрым словом, добрым взглядом и доброй улыбкой. И еще: что бы мне ни

сделали люди, я никогда не должна на них обижаться и всегда должна относиться к ним по-доброму, как мать, которая любит свое дитя, несмотря ни на что.

17 декабря. Даже самое большое путешествие начинается с одного шага. Не ступишь на первую ступень лестницы – не достигнешь ее вершины. Так и в деле усовершенствования – успех не дается сразу, а именно этими шагами, этими ступеньками. Будь же внимательна к каждому своему шагу.

24 декабря. Нужно жить не для тела, а для духа. Это изречение я хотела бы поставить эпитафией ко всей моей жизни. – Так записывала я год тому назад. Немало воды утекло за этот год – и я чувствую в себе благодатный сдвиг: я стала менее уязвима для зла мира, менее самолюбива, менее эгоистична. Я поставила себе целью не обижаться ни на кого и ни за что, не искать себе пользы и радости от людей, а самой стараться принести им посильную пользу и радость. И хотя я частенько сбиваюсь в сторону с этого пути, но я знаю, что мне обязательно надо на него вернуться; и я возвращаюсь и чувствую при этом, насколько становится легко и радостно жить.

31 декабря. В чем истинная блаженная жизнь? «В любви. Не к жене, ребенку, отечеству и т.п., а в любви к Богу – Бог есть любовь, любовь любви, то самое чувство доброты, умиления, радости жизни, которая и есть свойственная человеку блаженная истинная жизнь, не знающая смерти» (Л.Н.).

1951 год

7 января. На новый год состоялась в колхозе колхозная елка для школьников и дошкольников; было более ста человек и детей. Наплясалась я с ними, напрыгалась, напелась. Только у детей и с детьми – настоящая радость жизни. Воспоминание об этих елках всегда остается в моем сердце радостное и умиленное.

21 января. По Евангелию: «Бог вложил Дух Свой в людей не для того, чтобы они мучались и погибали, а для того, чтобы они имели жизнь вечную и радостную». Хорошие и глубокие слова. И согласно им, мне в голову пришла еще и та мысль, что достигать совершенства и бороться со своими и чужими

недостатками надо не мучением, не осуждением и враждой – а любовью и радостью. «Сие сказал я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша да будет совершенна».

27 января. О, Боже мой! Помоги мне любить всех окружающих любовью Твоею, любовью Божеской, для которой нет ни возраста, ни разности положения, ни разности пола, которая сама дает, а для себя ничего не требует, которая, как солнце, светит всем одинаково. Помоги мне жить, не думая о мнении людском, не желая даже любви людской, а для исполнения закона жизни – Воли Твоей. А Воля Твоя в том, чтобы любить.

18 февраля. Когда я подумаю о том, что я одинока, некому меня пожалеть, приласкать, никому я не нужна, нет у меня своего угла, и больна я, и стара и т.д., то я сама себя останавливаю в этих мыслях: «Ведь я христианка, а христианка для себя ничего не требует и не ожидает ни от судьбы, ни от людей, и терпеливо, кротко и молча переносит свои невзгоды и лишения. Так и я должна быть довольна малым; и сколько есть людей, более несчастных! Сирот, стариков... Еще им помогать надо».

25 февраля. В каждом создании природы есть искра любви и радости: в ребенке, который целует тебя, обнимая своими ручонками; в собаке, которая, прыгая и ласкаясь, целует тебе руку; в птичке, которая, раздувая свое горлышко и взмахивая крыльшками, поет звонкие песни. Собирай все эти лучи любви и радости в одно ясное, чудное солнце и оно осветит и согреет твою жизнь.

4 марта. Из Гуслей: «Дай обиды, огорченья раз навеки забывать и за зло, за согрешенья всем любовью отвечать». А меня на это не хватает: и обижаюсь иногда и огорчаюсь. Вот тут и работа, чтобы в каждом случае обиды, даже незаслуженной, побеждать свое самолюбие, пусть его стрела пролетает мимо, не задевая моего сердца. И всякую невзгоду, неприятность, потерю переносить кротко и весело; самая тяжелая потеря – это потеря доброго, спокойного и радостного духа.

18 марта. Вот и весна. Скоро придется браться за лопатку. В этом году буду еще меньше сажать на огороде, чем в

прошлом. Не надо жадничать. Много ли мне нужно? Я замечаю за собой, что, чем меньше я ем, тем лучше себя чувствую, и легче будет умереть, т.е. сбросить не грузное тело, а тонкую оболочку.

27 марта. Всяким неурядицам должна я противопоставлять невозмутимость, скорее неуязвимость для зла, всегда оставаясь, несмотря ни на что, спокойной и благожелательной; это сразу не дается, надо упражняться в этом, пользуясь всяким случаем.

1 апреля. Как хотела бы я, чтобы ко мне относились люди, так и я должна относиться к ним: всегда с добротой, мягко, кротко, осторожно. Не относиться к людям сурово, с осуждением за их дурные поступки, помня то, как много дурного во мне самой, и явного, и тайного, как много мне надо работать над собой. Всякую боль и обиду, причиняемую людьми, прощать, перенося их терпеливо и кротко, как подобает христианину – и больше того: к обидчику своему должна я относиться по-доброму, помня слова Евангелия: «Он благ и к неблагодарным, и к злым».

8 апреля. Ясно осознала, что самый мой большой недостаток – это самолюбие. Несправедливо кто поступит со мной, накричит, наругает, а я и обиделась, пришла в уныние, замолчала. Правда, не ругаюсь в ответ, но в сердце – тяжесть и недружелюбие, осуждение к обидчику. Пока заживет боль обиды, немало времени проходит и мне тяжело, и окружающим меня нехорошо. Во что бы то ни стало надо совладать со своим самолюбием и помнить: истинный христианин никогда не сердится, не обижается ни на кого; как бы ни обижали его люди, он всегда светел, спокоен и добр.

15 апреля. Да, на свете много прекрасного, как в природе, так и в человеке. Прекрасна природа ясным весенним утром – вся в брызгах росы, озаренная сияющим солнцем; прекрасно доброе человеческое лицо, озаренное радостной, светлой улыбкой, прекрасна душа человека, хотя он большей частью не сознает этого. И как много предстоит работы человечеству, чтобы освободить себя от всего темного, звериного, дикого и заблестать красотой духа. Это первая и важнейшая работа

каждого человека и он должен неустанно трудиться на этой ниве с твердой верой в разумную, добрую природу свою.

На днях получила небольшую посылочку из Москвы от Пети Алексева: общую тетрадь, записную книжку, листы бумаги с конвертами, несколько художественных открыток, а на них он написал по несколько добрых слов. На одной из них с цветами Анютиных глазок он написал такие трогательные слова, прочтя которые я залилась слезами. Он назвал мои глаза добрыми, в которых отражается христианская душа, душа его умершей матери. А я так стала дурно думать о себе в последнее время. Если бы я была хорошей, разве оставили бы меня муж, Тамара, некоторые друзья? Разбираясь в себе, я находила много дурного: и нечистые, грязные мысли, и самолюбие, и обидчивость, и многое другое, за что считала себя достойной людского презрения, а вот человек назвал меня христианкой, проникнув в самое «святое святых» моей души, где, несмотря на всю дурную, телесную мою природу, живет непоколебимая вера и любовь к Богу, не дающие мне окончательно увязнуть в пороках.

22 апреля. «Надо все в жизни рассматривать с христианской точки зрения: видеть глазами Христа, мыслить Его мыслями – и тогда все злое исчезнет сперва из ваших мыслей, а затем из вашей жизни» («Истина» Кэди). Глубокая мысль. Когда я стараюсь проводить это в своей жизни, какие покой и радость нисходят в мою душу, преданную Христу!

6 мая. «Иди к нему стезей прямою, на лица смертных не гляди» (из Гуслей). Что бы ни случилось с тобой, какие бы ни постигли тебя затруднения и обиды – продолжай неизменно идти по пути любви, мира и радости совершенной, и пусть никто и ничто не собьет тебя с этого пути.

13 мая. На этой неделе пришла такая мысль. Вот мы привыкли любить и уважать людей сильных, умных, выдающихся, красивых, богатых. А они и так уже счастливы и материально, и духовно, и любимы, и уважаемы. А надо особенно любить и заботиться о людях униженных, обиженных и судьбой, и людьми. Конечно, не следует забывать и о людях высоких: их сердца также порой нуждаются и в участии и в

понимании.

20 мая. Мы все любим красивые картины природы, красивые лица, красивые цветы, любим все красивое, а сами живем как-нибудь, неряшливо, ходим в неопрятной одежде и вокруг себя создаем грязь и сор. Неужели нельзя иначе? Нет, можно и нужно, и прежде всего нужно заботиться о чистоте в себе, на себе и вокруг себя.

29 мая. Решила как можно спокойней относиться к своему огороду, потихоньку его обрабатывая, без суеты, без напряжения. Особенно дорожу я утренним часом, чтобы пройтись по свежему утреннему воздуху и поработать физически, дыша полной грудью.

4 июня. Когда Тамара спрашивает: «Не нужно ли вам чего, я куплю», я отвечаю: «Я не беднячка и помогать мне не надо, все необходимое у меня есть». Приятнее давать, нежели получать, и надо довольствоваться малым, не завидуя, не требуя и не прося от других.

9 июня. Нужно в жизни поступать, как велят тебе разум и совесть. Другие пусть поступают, как хотят; своими поступками пусть они тебя не возмущают и не обижают. По разуму и совести ты не должен ни возмущаться, ни обижаться, а все переносить спокойно, кротко.

17 июня. «Нужно со всеми людьми обращаться бережно и нежно, как бы кому не причинить горя, и нужно беречь самого себя, как бы не сделать пустяков, которые могли бы нарушить легкое, радостное, спокойное и благостное состояние души». (В.П.М.). какие прекрасные слова! Как бы им всегда следовать.

24 июня. Решила во что бы то ни стало никогда ни на кого не обижаться – это одна из главных ступеней к совершенству. И на каждый случай, где можно обидеться, смотреть как на урок, как на упражнение в необходимости. Как важно иметь всегда простое, легкое, незлобное сердце!

9 июля. Надо дорожить каждым возможным случаем, чтобы делать добро. Не можешь по слабости своей или по бедности помочь материально – можешь областить человека добрым словом, добрым взглядом и улыбкой, участием и советом.

14 июля. «Больной был, и вы не посетили Меня, голоден был, и вы не накормили Меня... И, если не сделали это для меньших братьев Моих, то не сделали и для Меня».

В Байдаевке лежит в больнице Лиза Ш., моя бывшая соседка, и, когда я собираю ей передачку, эти Евангельские слова ободряют меня и не дают забыть об этой несчастной одинокой женщине (сын не навещает ее). С этими мыслями обхожу я своих подружек, собирая для нее молоко, яйца, творог, ягоды, деньги.

21 июля. «Мирской человек заботится о своем доме и украшении его, человек же разумный заботится об украшении своей души разумением добра и правды» (Эпиктет). Вот нам, одиночкам, строят дом, и я начала беспокоиться: так ли строят да когда построят и т.д. А совсем не об этом надо беспокоиться, а прилагать все усилия к совершенствованию своей души в любви и правде, быть довольным всяким углом для жизни, всяким куском для питания, за малейшую заботу о себе быть благодарным людям.

29 июля. Третьего дня у нас хоронили одну девушку, умерла от причины нам не известной, родители нам говорят: «Опоили», во всяком случае, причина романтическая. Честь, долг, семья, дети – нерушимые столпы жизни и там, где они нарушаются, – гибель.

6 августа. Куда уйти от горя? В высокий покой духа, в жизнь блага. Горе есть, но оно теряет свою силу, если направить на него весь свет духовной жизни, а мы так часто унываем, даже отчаиваемся от различных причин. Это не достойно для человека, живущего светом духовной жизни. «Всякое горе надо переносить со светлым достоинством» (В.М.).

13 августа. Если ты устал, хочется тебе поспать или отдохнуть, занят ты делом – пришел к тебе человек, то отложи свой отдых и сон (продолжай заниматься делом, если оно неотложно), но обязательно приветливо обратись к нему, областай его, прими в нем участие. Я еще так не умею.

19 августа. В мире много зла и тьмы, но много света и добра – живи всегда в полосе добра и света, и жизнь твоя станет бесконечной радостью.

25 августа. 1) Не обижаться ни на кого и ни на что. 2) Не унывать никогда. 3) Не раздражаться и не расстраиваться, и не быть недовольной. Как по лестнице, надо идти все вперед к совершенству.

2 сентября. Опять ошиблась в этом году: насадила 5 соток подсолнухов. Как-то надо их убирать, сушить, таскаться с ними - все это при старости, при слабости, при горбатой спине, вот помучусь с ними в эту осень и никогда больше 2-3 соток не буду сажать. Много ли мне нужно?

9 сентября. Уборка урожая... Устройство на новой квартире... Работа в конторе... Все – тягости. Неси их легко и безропотно, бодро и радостно.

16 сентября. Редко обижаюсь. Эта ступенька пройдена, но очень часто унываю по разным причинам: при воспоминании о поступке Павлуши, при мысли о своем одиночестве, беспомощности и т.п. А христианам сказано: «Всегда радуйтесь, за все благодарите». Да, надо так.

8 октября. Нет предела христианским терпению и кротости, нет им конца, непобедимы они должны быть. А я часто спотыкаюсь о внешние условия, об отношения ко мне людей, о труды и заботы, и расстраиваюсь, и обижаюсь, и унываю – нельзя так.

14 октября. Утреннее утверждение: «Мое тело – здоровое, сильное, крепкое орудие моей души, моя душа – здоровое, крепкое орудие Божественной воли; я живу на земле для осуществления высшего добра, высшего блага».

21 октября. Старайся, чтобы душа твоя всегда была исполнена покоя, радости, любви и света, чтобы всякому, кто приближался бы к тебе, становилось жить радостнее и светлее.

28 октября. Очень важно всегда хранить покой души. С этой целью с утра часа два следить за собой – быть тихой и молчаливой; последующий день пойдет тогда, как игра на налаженной, настроенной скрипке.

4 ноября. «Упал – поднимайся, замарался – вытирайся, согрешил – кайся и старайся больше не грешить» («Путь жизни»). Ах, но каждое падение словно в глубокую яму повергает, из которой так трудно, так долго выбираться; поэтому все усилия прилагай, чтобы не падать.

11 ноября. Эти дни раздумалась над своей судьбой: почему все родные, в конце концов, оставили меня? А также некоторые друзья забыли. Не зря же это случилось. Наверное, я того и стою. И взгляделась я в себя, в свою прожитую жизнь, и увидела, как слаба я и дурна, и сколько есть людей вокруг меня и достойнее и лучше меня. И если судьба и люди мне посылают хотя бы один лучик благополучия, доброты и дружбы – как я должна быть за них благодарна!

25 ноября. Когда я была девушкой, одна хиромантка предсказала мне, что я умру в 57 лет. Через два месяца мне исполняется 57. раньше я верила ей, теперь же думаю так: «Одному Богу известны времена и сроки». Хиромантка сказала неправду, и я могу прожить еще несколько лет, но могу умереть и завтра, и потому каждый настоящий день я должна проживать как можно лучше, как последний день моей жизни.

2 декабря. Каждый день надо проживать достойно, не делать того, что унижает душу; гневаясь, человек теряет свое достоинство. Не гневайся, не раздражайся слегка – даже в мыслях.

9 декабря. «Дурное расположение духа, дурные мысли против других людей, говорение лишних и праздных слов – все это тоже унижает человека и мешает ему правильно жить» (В.П.М.).

16 декабря. Хотя бы один день прожить достойно! А то ведь с утра – такая вроде свежесть, бодрость, доброта, а потом, глядишь, столкнешься с кем-нибудь или с чем-нибудь и пойдет все кувырком... И все некогда... Зачем столько забот, которые мешают быть спокойной и приветливой ко всем людям?

23 декабря. Держись, душа! Не поддавайся внешним влияниям, крепко держись пути, раз избранного, освещаемого божественным учением, руководимого совестью. Не думай при этом о суждении людском, не смущайся им, хотя бы оно было оскорбительным и враждебным. «Иди к нему стезей прямою, на лица смертных не зри» (Гусли).

28 лет истекло со времени заключения нашего брака с Павлушей, такого счастливого в начале, такого несчастного в конце. Несчастного? Разве может быть христианин несчастным?

Не должен ли он с благодарностью пользоваться тем, что у него есть хорошего, с готовностью, радушием и смирением отдавать, если потребуется, это хорошее другим, потому что жизнь христианина не в том, чтобы захватить себе как можно больше хорошего, а в том, чтобы отдавать, делиться, помогать... И я была безумно и совсем не христианка, когда ревновала Павлушу и всеми силами старалась удержать его возле себя, так что потом даже чахоткой заболела. Как поздно, Боже мой, поняла я это! Сколько мучений доставила и себе, и людям! И ничего уже не вернешь: жизнь прожита...

1952 год

6 января. Великий покой духа. Среди горя и радости, в движениях повседневной жизни сохраняй высокий, светлый покой духа (В.М.). Это утверждение я буду повторять каждый день.

12 января. Я не должна никогда ни на кого обижаться, потому что «обиженным» христианин быть не может – это знак себялюбия. И я не должна ни жаловаться на свою судьбу, ни роптать, ни унывать, потому что «унылым» христианин быть не может, потому что слезы есть ропот на Бога, потому что христианин должен быть всегда радостным. «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите». Христианин должен терпеливо, кротко, без жалоб переносить свое горе и обиды. Больше того: он должен воздавать добром своим обидчикам. «Сандаловое дерево делает ароматным даже тот топор, который его рубит».

19 января. Когда приходится много и напряженно трудиться (как сейчас в конторе к отчетному собранию), нужно держать себя в руках, трудиться спокойно и четко и не запускать себя в домашних своих делах.

27 января. Легко быть хорошим, приветливым и добрым с людьми добрыми и ласковыми, но трудно быть таким с людьми грубыми и эгоистичными; нет-нет да и вырвется у самой грубое слово или выкажешь невнимание к такому человеку, а вот тут-то и нужно быть особенно осторожным. Нужно среди всяких людей и обстоятельств жизни иметь образ и поведение

христианина, без грубых слов и поступков, быть стойким в честности, трудолюбии и милосердии ко всем.

13 февраля. «Не закрывай своей доброты и закрывай всех ее алмазами» (В.М.). А мы все скрываемся, чужды и холодны друг к другу, и жизнь становится суровой и неприятной.

17 февраля. Какие бы невзгоды и затруднения ни постигли меня, как бы ни оскорбляли и обижали меня люди, как бы ни было больно и тяжело у меня на сердце, с виду я должна быть всегда одинаковой, всегда должна носить облик христианки, тихой, кроткой, благодатной, молчаливой и скромной.

24 февраля. «Кто много говорит, тот мало делает» и «Язык мой – враг мой». Очень много горя на свете от невоздержанного языка. Я решила следить за своим языком построже и побольше молчать, а для упражнений в молчании сделаю такую установку: молчать утром в первый час после сна, час среди дня и час – вечером.

9 марта. Отчего Павлуша оставил меня? От того, что переменялся он и в мыслях, и в чувствах. В мыслях стал свободником и монистом (а я по-прежнему осталась христианкой), в чувствах – поддался очарованию другой женщины. Вот объяснения, не оправдание: бросать жену, слабую, больную, на одиночество и сиротство нельзя – это жестоко, а жестокость нельзя оправдать никакими идеями и увлечениями; братское, доброе, чуткое отношение во всех случаях жизни выше всего. А то любил, жалел, заботился, а потом стал презирать и оттолкнул – разве можно?

16 марта. Почему христианин не должен предъявлять требования к другим? Потому что он сам должен давать, иногда даже самое дорогое и прекрасное. Не держаться за него, не бороться, а отдавать с готовностью. «Спасибо судьбе, попользовалась я этим хорошим, теперь пусть другие пользуются» – отдать. А то получается как раз наоборот. Отсюда обиды, укоры, огорчения, страдания – до болезни, до смерти.

23 марта. Если нет постоянных позывов к добру, а у меня этого нет, то надо определить круг добрых дел, наметить их заранее и твердо это выполнять.

30 марта. Пусть грубы с тобой люди – ты не груби. Пусть не извиняются перед тобой люди за свои грубости – ты

извиняйся. Пусть люди продолжают и в дальнейшем грубить тебе – ты воздерживайся и не повторяй своих грубостей. Пусть небрежны и холодны с тобой люди – ты будь всегда добра и внимательна со всеми. «Поступай с людьми лучше, чем они поступают с тобой, поступай с ними так, как ты хотела бы, чтобы поступали с тобой».

7 апреля. Орошающий всегда сам будет орошен, и тот, кто помогает бедным и нуждающимся, никогда сам нуждаться не будет (Пилигрим).

Продала по дешевке пшеницы Мите Р., обремененному большой семьей, и у которого уже нет хлеба. Благодаря этому у меня появились деньги и могу занять Нюре и Н.Ф., которые к празднику оказались без денег.

20 апреля. Снова и снова прихожу к тому убеждению, что главным врагом человека является самолюбие. И я все не могу от него избавиться! Пусть ядовитые стрелы оскорблений, нападок, насмешек пролетают мимо моего сердца, не затрагивая его. На них я могу отвечать только кротким молчанием или кротким коротким объяснением.

27 апреля. В отношении к людям сначала освободись от недоброго, а потом уже делай им добро. «Не может из одного источника течь сладкая и горькая вода».

4 мая. Надо радоваться, когда наступит какие-нибудь невзгоды и обиды, или нужда – надо принимать их как случай для упражнения в мудром христианском поведении. Чтобы на невзгodu свою, на болезнь не жаловаться, а переносить их кротко, терпеливо, с достоинством.

«С великой радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, потому что испытания веры нашей производит терпение, терпение же имеет совершенное действие, дабы вы были совершенны во всем без всякого недостатка».

10 мая. Пришлось сменить свой огород – отдать его бабушке Демехину, так как мой огород расположен близко от его дома. Сначала было запротестовала, расстроилась, а потом христианское призвание снова во всей силе встало передо мной: «Отдай и отдай безропотно все, что будут у тебя требовать».

И смирилась, и отдала, и стало легко на сердце.

18 мая. Главное в христианстве – быть кроткой и благой всегда, во всем, несмотря ни на что. Что остается человеку, когда жизнь подходит к концу, когда материальное одно за другим отнимается у него? Это жить в Боге и умереть в Боге.

1 июня. Как прекрасно жить в глубоком покое, когда никуда не спешишь, потихоньку делая одно дело за другим. Это у меня бывает обыкновенно вечером после работы. А надо всегда так. Для этого не набирать на себя много дел, а только необходимое и приучать себя делать их потихоньку.

8 июня. Я не могу видеть сорванные цветы – это преступление против нашей матери – природы, она так чудесно убрала ими луга и сады: идите в поле, в сад и любуйтесь ими, но не губите их.

15 июня. Мне так хочется, чтобы на душе у меня было всегда легко, спокойно и радостно, а она, наоборот, зачастую бывает, как больной нарыв, чувствительный ко всякому постороннему прикосновению.

22 июня. Спокойное, мягкое и радостное настроение – это основа нашего душевного состояния. Да, тихой, кроткой, благостной и чистой должна быть всегда душа христианина, и соответственно этому и взгляд его, и слова, и выражение лица тоже должны быть тихими, кроткими и благостными. И чистой должна быть моя душа ото всего плотского, эгоистичного, враждебного людям.

29 июня. Никому, кроме Бога, нельзя отдавать исключительно своей любви, своего сердца. Ничто не надежно, ничто не твердо в этом мире, кроме единственной твердой основы – Бога. «Ему одному служи». Человеку нельзя довериться: сегодня он один, завтра другой, сегодня он безмерно любит тебя, завтра бросит как ветошь, и ему все равно, что ты страдаешь, болеешь, нуждаешься. Даже самые лучшие из людей таковы. Ах, как жалко, что нельзя положиться на человека!

6 июля. Самое главное – не обижаться и не унывать. Этот обет я, как самовнушение, повторяю и днем, и утром, и вечером. И когда мне удастся на обиду промолчать и обратиться к обидчику как ни в чем ни бывало или остаться невозмутимой

и кроткой в неприятности, тогда я начинаю чувствовать себя легкой и радостной в душе.

12 июля. Чувство легкости, спокойствия – отрадное чувство. Выполняй свои труды и заботы легко, совершенно не отягощаясь ими, тогда будет радостно жить. Живи только добром жизни, мало ли вокруг преступлений и всякого зла – проходи мимо всего этого с незадеваемой чистой душой, с восторгом и радостью глядя на небо, во власти всего прекрасного и доброго, что только есть на свете.

20 июля. Как мало внимания оказываем мы людям при их жизни и как сожалеем после их смерти... Повесилась Улита, соседка наша, от душевного расстройства. А, быть может, она этого не сделала бы, если бы люди, и я в том числе, были внимательны к ней, беседовали бы с нею, ободряли ее; но нам все некогда, все заняты материальными заботами, а человек стоял у пропасти.

27 июля. Вот я иногда называю себя христианкой, а чем я отличаюсь от нехристиан? Как я исполняю свое призвание? Во мне и чувства, и желания часто дурные – и обида, и раздражение, и невнимание к людям, и смирения нет, а есть эгоизм и уныние. И как надо на страже стоять, а то вдруг погрузишься в такую трясицу, что самой жутко. Буду внимательнее относиться к себе, буду яснее определять свой истинный путь. Нелегко это, а надо. «Входите тесными вратами, потому что узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его». Да, искать надо.

10 августа. «Итак, отложив всякую нечистоту и остаток злобы, в кротости примите насаждаемое слово, и будьте не слушатели слова только, но и исполнителями его». Надо строже следить за собой – точно ли я – исполнительница вечных, спасительных заповедей? Слышала я их много раз, всю жизнь читала Евангелие и мысли мудрецов. Претворяю ли я в жизнь эти мысли? И не откладывая на завтра, а сегодня, сию минуту, потому что «завтра» может не наступить.

17 августа. «Нужно глубоко беречь себя, не сделать бы пустяков, не нарушить бы легкого, чудного состояния души» (В.П.М.).

В этом я очень часто ошибаюсь. Живет в нашем доме старушка Серебряная 80 лет, коза у нее и козленок; привязывает она их, но они часто отрываются и бегут на огороды наши, объедают мои цветы вокруг дома. Я не вытерплю, на шумлю. К тому же она и глухая, а надо терпеть – все и всех терпеть надо; сказать несколько кротких, убедительных слов и все, а выговаривать, а тем более шуметь – ни в коем случае.

24 августа. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, но только доброе для назидания в вере, дабы оно приносило благодать слушающим. Всякое раздражение, гнев и крик да будут удалены от вас. Солнца да не зайдет в гнев вашем. Но будьте друг к другу добры, сострадательны, прощайте друг другу, как Христос простил вас, так и вы».

Пришла мне мысль, что не мне надо прощать Павлушу за его поступок, а что мне у него надо просить прощения за мое несовершенство. Если бы я была хорошей, разве он оставил бы меня?

30 августа. Решила строго следить за своей речью, потому что «кто обуздывает свой язык, тот может обуздать все тело». Потом за мной остается исправить главный свой недостаток: себялюбие, чтобы мне ни на кого и ни на что не обижаться и всякую обиду переносить кротко; а то ведь обижусь и молчу, унываю, переживаю дня два; сама же мучаюсь, себе же хуже, да и другим радости нет от такого моего поведения. Буду каждую неделю отмечать мою обидчивость, даже маленькую. Где много прощения, там много любви, а где нет прощения, там нет любви.

7 сентября. Не надо гордиться своим хорошим перед людьми, осуждая их за их дурное. А нужно носить в себе это хорошее со смирением и со смирением же делать добрые дела, жалея людей (а не осуждая) за их дурное, как больных жалея. Видишь человека обиженного, раздраженного, гневающегося – так и спрашивай: «Что у вас болит?» и постарайся утешить эту боль.

14 сентября. Решила быть аккуратной и старательной во всем: в молитве, в труде, верно и честно выполняя долг каждого дня и часа.

20 сентября. Молитва (из «Хижины дяди Тома»):

О, Господи! Пусть душа моя будет храмом Твоим! Пусть будет она обителью кротости и невозмутимого мира. Пусть сожаления о прошедших благах и надежды на будущее счастье не волнуют ее. Пусть никакие обиды, оскорбления, нападки людские не затрагивают моей души, не причиняют ей боли. Пусть ничто зверское, плотское, эгоистичное не будет ее господином.

28 сентября. «Будучи злословимы, не злословьте». А как часто я не удерживаюсь, и когда кто-нибудь бранит меня, то со своей стороны тоже скажу что-нибудь, если и не резкое, то все же обидное. Это одно. Другое: «Что за похвала, если вы не терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу». Это надо помнить.

12 октября. Никак еще не могу справиться со своим самолюбием и гордостью: обидит кто меня делом или словом, я начинаю мучиться в душе и замолкаю на весь день. Так нельзя. Обиды нужно переносить молча и кротко, и не зависимо от кого, кто тебя обидел; самой быть воплощением христианского учения – тихого, мирного, кроткого, благостного, чистого от всего плотского и враждебного людям.

«Говорит ли кто – говори как слова Божии, и каждый с усердием служи тем даром, который тебе дан от Бога».

19 октября. Гордая я, самолюбивая. Обидит кто – долго помню и извинений мне не надо. А так нельзя, а то дальше еще хуже будет. Гордость заводит в холодное одиночество и заброшенность. Нужно что-нибудь тебе – попроси (не бойся, что откажут), дарят – прими с благодарностью. «Смиритесь под крепкую руку Божию, ибо Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». «Подчиняйтесь друг другу со смирением мудрым».

25 октября. Нужно все более и более утверждаться в звании христианина, отказавшись от прежней жизни, руководимой похотливостью, и обращаться к добродетели, рассудительности, воздержанию, терпению, благочестию и братолюбию.

2 ноября. Враждовать с людьми, хмуро смотреть на них и от этого иметь дурное расположение духа и такой умереть –

как это ужасно! Не хочу так. Буду весела и ласкова с людьми, несмотря ни на что.

9 ноября. Заметила за собой: иногда боясь прямо высказать людям свое недовольство и осуждение, говорю намеками, двусмысленно, но все-таки говорю людям колкости. Очень надо быть осторожным в этом, следить за каждым своим словом.

23 ноября. «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Господь простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды».

Прекрасное руководство! Я обиделась на Н.Ф. и ее обидела несколькими грубыми словами и так тяжело стало у меня на душе! И так было до тех пор, пока не попросила у нее извинения и дала себе слово очень следить за собой и своими словами, дала себе слово терпеливо переносить ее вспышки.

30 ноября. Вот я раскаялась перед Богом и попросила извинения у людей и мне стало легче. Люди, однако, обо мне дурного мнения после моего поступка. Что же? Я не считаю себя совершенной, но я сознаю свои ошибки и стараюсь исправиться: падаю и поднимаюсь. Когда же конец падениям? Неужели так будет до смерти? А хотелось бы хоть годик пожить хорошо.

7 декабря. Разделила свой день на семь периодов и в каждый из них стараюсь исполнять семь основных правил нравственного совершенства: молчание, тишина, любовь, кротость, терпение, смирение, трудолюбие.

14 декабря. Когда осознаешь за собой какую-нибудь ошибку, не надо терзаться и мучиться душою при мысли о ней и своим унынием наводить тоску на окружающих. Надо, осознав свою ошибку, по возможности не повторять ее в будущем. Служить Богу надо радостно.

15 декабря. Обет мой по отношению к Н.Ф.: никогда не повышать голоса и не говорить грубых слов; ее вспышки переносить молча или давая кроткое или короткое объяснение.

27 декабря. Если мы занимаемся пустяками, то в нас горит свет истинной жизни, и мы его не знаем (В.П.М.).

Очень мешают духовной жизни пустяки: забота об одежде, пище и т.д. Все это надо уменьшить и упростить.

1953 год

4 января. Вот и И.И.П. пишет в последнем письме, что чем ближе подходит он к концу жизни, тем больше ему хочется освободиться от лишних вещей, иметь самое необходимое.

11 января.

*С улыбкой день свой встречай,
С улыбкой его провожай,
С улыбкой жизнь проходи,
С улыбкой из жизни уйди.*

25 января. Любовь – выше долга. Жалость выше справедливости. Но, когда не чувствуешь любви – этого озарения жизни – поступай по долгу. Не чувствуешь жадности – поступай хотя бы справедливо.

31 января. Как упражняемся мы в ремеслах и искусствах, так должны упражняться в доброй жизни, и это гораздо важнее.

22 февраля. «Поступать со всеми нужно осторожно и с уважением» (Л.Т.). Я часто забываю это правило и, когда меня обижают или невзгода, затруднение, неприятность посетят меня, тут-то я и перестаю быть вежливой и осторожной и способна нагрубить человеку. И поэтому, чем труднее, чем тяжелее мне становится жить, тем более тихой, кроткой и смиренной с людьми должна я становиться, тем осторожнее в мыслях, словах и делах.

28 февраля. Истинный христианин никогда не мучается, не сердится, не обижается ни на кого, как бы ни сердили, ни мучили, ни обижали его люди – он всегда светел, спокоен, радостен и добр. Это правило должна я повторять всегда, когда обижают меня люди.

8 марта. «А вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего, и будете сынами Отца нашего Небесного, ибо Он благ и к неблагодарным и злым».

Трудно это – быть добрым со злыми, но необходимо христианину.

15 марта. Спешу передавать благоволение своей души всему на свете, и любящим взглядом, любящим словом, любящей рукой ласкаю все, к чему приближаешься, к чему прикасаешься. «Будьте радостны и любовны, как дети».

22 марта. И не скупись – умей приласкать человека не только взглядом, словом, улыбкой, но и делом, хотя бы и с жертвой для себя. «Истинное милосердие всегда жертва» (Л.Н.Т.).

Одиночество... Без любви, без привязанности, без искренней помощи суждено мне заканчивать свой век. Неужели я сама себе создала свою судьбу? Ведь сердце мое жаждет любви, и нет никого возле, кто бы заботился о тебе, о ком бы ты заботилась самоотверженно и беззаботно. Что ж? Надо покориться судьбе и покорно уходить из этой жизни, где все земные радости для меня окончены, до конца выполняя свой долг и стараясь делать добро людям – все, что я еще в силах. Еще более обездоленные люди, чем я, есть на свете – бедные, старые, больные, им и помогать надо.

5 апреля. «Большой из вас да будет всем слугою» - это трудно, но это надо. А я даже не «большая». «Блаженнее давать, нежели принимать» - это то же самое. Служи, давай, не ожидая взаимности и благодарности.

12 апреля. «И ничтожный дар имея, все ж нужны вы для трудов, кто ответит не робея – я служить всегда готов» (Гусли). Теми небольшими силами, способностями и знаниями, которые я имею, я с усердием должна служить своим ближним.

19 апреля. Господи! Откуда взять силы жить, ничего для себя не желая от людей, самоотверженно, кротко, любовно? Все еще хочется для себя радости, ласки, любви, заботы, а их нет.

26 апреля. Очень нам мешает болтливость: болтаем о том, о другом, и так весь день, о серьезном некогда и подумать. Нехорошо.

3 мая. Ключ к Царству Небесному – в любви.

10 мая. Вспоминаю девушку одну – баптистку. Ей было 16 или 17 лет, очень она была кроткая и молчаливая, и все держалась где-нибудь в сторонке с книжкой. Так бы и мне хотелось бы уйти подальше от мира.

24 мая. Чувствую уходящую жизнь, и так иногда сердце сожмется, когда подумаешь о предсмертной болезни, о предсмертных муках. Надо готовиться – кротко переносить все неизбежное, терпеливо, без жалоб, и покорно умереть.

7 июня. Нет в моей жизни спокойствия, устойчивости, выдержки – торопливость, болтливость, беспорядок внешний и внутренний; я так все это не люблю и в то же время допускаю в своей жизни. «Бог есть Бог труда, устройства, Бог порядка тишины; суета и беспокойство Богу правды не нужны» (Гусли).

14 июня. Нужно отчетливо молиться, отчетливо трудиться, верно, четко выполняя долг каждого дня и каждого часа.

21 июня. После сильной и длительной засухи прошел дождик, и все ожило и пошло расти. Каждый год одно и то же: ожидаем дождя и уже отчаиваемся, что он будет, а он пойдет. В жизни то же: как часто мы впадаем в отчаянье под давлением тяжелых обстоятельств, а избавление близко и приходит, а мы между тем уже измучили свое сердце и исплакали глаза, расстроили свою душу; вот почему надо кротко и безропотно переносить свои страдания.

28 июня. Как бы так прожить, чтобы не жаловаться на людей и на свою судьбу и довольствоваться малым – пусть другие богатеют, тебе-то что? Благодарю судьбу за то, что есть, и будь доволен.

5 июля. В каждом человеке сквозь его внешнюю плотскую кору надо видеть духовное, доброе, божественное существо и любить это существо и обращаться к нему. «Надо верить Отцу, который и во Мне и в вас»...

12 июля. Житейские заботы облегают нас кругом, заполняют нас и мешают нам помнить самое главное в жизни – мир душевный и любовь ко всему сердечную.

19 июля. Хотелось бы всем оказывать деятельную любовь. Слаба я и бедна. Надо помогать добрым словом, добрым взглядом, доброй улыбкой христианки.

26 июля. На этой неделе из-за какой-то обиды поплакала; тут присоединились мысли о своем одиночестве, заброшенности и т.п. А на другой день вдруг так просветлело в душе, как будто сама собою где-то в подсознании произошла работа просветления.

Как можешь ты унывать и плакать лично из-за себя? Ведь ты – христианка, а христианин не должен бороться за личное благо, не должен держаться за него, не должен ничего требовать для себя ни от судьбы, ни от людей и ничего не ожидать от них. Отдай, отдай с кротостью, с тихой радостью, ничем не нарушимой в сердце своем. Если пошлет тебе судьба помимо твоих усилий какое-либо благо, прими его с благодарностью и отдай, если придется, без сожаления и огорчения.

2 августа. Думала о тех людях, которые причинили и причиняют мне боль, раны (Павлуша и др.) и пришла к заключению, что это их дело, а мое – переносить все с христианской кротостью и терпением, прощением и добротой к обидчикам.

9 августа. «Марфа, Марфа, печешься о многом, единое же нужно на потребу». А я (как и другие) от этого единого загородилась заботами житейскими, огородом, уборкой, готовкой пищи и т.п. Отсюда – суета, усталость, недовольство, конечно, без материальных забот не проживешь, но пусть они не заполняют твоей души, не нарушают ее христианского состояния, покоя, любви, тихой радости. Работай, но тихо, безмятежно, работай с кротостью, с благостью ко всем.

16 августа. «Кого я люблю, того обличаю и наказываю. Будь ревностен и покайся». Гораздо лучше для человека, когда он осознает свои грехи (а грехи у нас у всех есть) и кается в них и смиряется перед людьми, чем когда человек находится в спокойном самоудовлетворении. Отсюда бывает и гордость, и обида.

23 августа. Мне предстоит опасность... «Но Господь – крепость моя, кого убоюсь я?» И «В любви нет страха, но совершенная любовь побеждает страх, ибо в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви».

30 августа. Как хорошо довериться Богу и не бояться ничего. И еще хорошо, когда осознаешь свои грехи и со смирением переносишь за них наказание от Бога и презрение от людей.

13 сентября. Нельзя унывать, озлобляться, обижаться и быть угрюмой. Нельзя. Кому от этого радость? Ни другим, ни мне самой. Всякую обиду нужно переносить кротко, как и невзгоду, усталость, болезнь.

20 сентября. Буду следить за тем, чтобы жить тихо, ровно, спокойно и каждую минуту быть готовой к смерти; поэтому каждую минуту проживать достойно.

27 сентября. Иногда чувствуешь себя усталой от жизни, хочется умереть. Но потом приходит мысль: разве ты все сделала в жизни, что должна была, что могла сделать? Нет, не все. Так зачем же желать умереть? Наоборот, нужно заботиться о том, чтобы продлить жизнь и чтобы каждый день проходил не даром, а в труде над собой.

4 октября. «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом».

11 октября. «Радуйтесь всегда». Только радостный человек может доставлять и другим радость. Радостному человеку хорошо, легко жить на свете. «Жизнь – это радость, а радость – любовь». Только любящий человек может быть истинно радостным. Любящий, кроткий, прощающий.

18 октября. Уныние в сердце нельзя допускать. При этом вспоминай, сколько у тебя еще благ в жизни (это при недостатках материальных). А если тебя отвергнут (как Павлуша), вспомни, сколько у тебя остается еще милых друзей.

25 октября. Молитва.

Господи, помоги мне остаток моей жизни прожить в кроткой тишине, кротком молчании, в кротком перенесении всех невзгод, трудов и обид, будучи благожелательной даже к своим обидчикам. «Любите врагов ваших».

1 ноября. Главные мои недочеты, подлежащие исправлению:

I. Обидчивость. После обиды унываю, огорчаюсь, озлобляюсь, замолкаю. Нельзя этого делать. Не надо замолкать и огорчаться ни на день, ни на полдня, ни на час, ни на полчаса, а как до обиды, так и после сохранять спокойное, радостное, мягкое состояние души.

II. Злословие. Я не должна говорить о людях за глаза того, что я не могла бы сказать им в глаза.

III. Уныние, ропот, жалобы. Я не должна жаловаться ни на что: ни на холода, ни на болезнь, ни на усталость и проч., а все переносить безропотно и терпеливо.

IV. Суетливость. Я должна все делать отчетливо и спокойно.

22 ноября. «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды».

Только при условии сознания своих недостатков можно от них освободиться и потому мы очень должны быть внимательны и строги к себе.

29 ноября. Ближится отчетная работа – надо запастись добрым, кротким, молчаливым, терпеливым, старательным настроением – и все сделается.

5 декабря. Молитва Толстого: «Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он во мне и я в Нем. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях и словах и поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога».

13 декабря. «Иди к Нему стезей прямою, на лица смертных не взирай» (Гусли) и у Л.Н. в «Пути жизни»: «Не позволяй внешним влияниям воздействовать на тебя». Очень я в этом слаба: и обстоятельства жизни, и люди с их поступками и отношением ко мне способны испортить мое настроение. Нельзя. Надо следить за собой.

19 декабря. Язык мой – враг мой. «И как можешь удерживать все свое тело, если не можешь удерживать своего языка?».

Я этим недостатком очень сильно страдаю, иногда так разбалтываюсь, такую чепуху и злословие позволяю, что потом очень стыдно.

27 декабря. Следить за собой каждый час, каждую минуту, стараясь жить только в свете доброго, светлого, разумного – в тишине кротости и благодати.

1954 год

3 января. «Для чистого все чисто» и наоборот. Дурно у тебя на сердце – и все видишь в дурном свете. Хотелось бы иметь чистое сердце. Буду стараться очищать свое сердце, свою душу ото всего дурного, как в мыслях, так и в чувствах.

10 января. И в людях, и в жизни много дурного, но и доброе и светлое тоже живет. Нужно жить и обращать свое сердце только к доброму и светлому во всем.

16 января. Читаю дневники Л.Н. Толстого за 1909 год. И словно светом сердца пронизывается душа. Это второе Евангелие.

29 января. «Во всякой борьбе всякое могущественное оружие – любовь» (из дневника Л.Н.). Как бы хорошо проникнуться этой мыслью и чувством до самой глубины своего существа.

7 февраля. Ослабели сердце, легкие – задышка. Может быть и конец скоро. Надо до последней возможности стереть все темное со своей души и как бы пронизаться светом любви, ничего для себя не требующей, все отдающей, тихой, кроткой, радостной.

21 февраля. Во всяком существе есть скотское, плотское и есть божеское, духовное. Так вот, не покаясь первому, нужно жить вторым.

28 февраля. Какими бы ни были окружающие люди, как бы они ни относились к тебе – требовательно, грубо, холодно, безучастно, невнимательно – ты, несмотря на это, относись к ним благожелательно и будь всегда на высоте своего христианского призвания.

7 марта. «Я молюсь кротости». Какое близкое, благотворное для сердца моление, как помогает оно при обидах, невзгодах, и различного рода трудностях в жизни!

14 марта. «Переносить беду и горе с веселым сердцем – вот путь истинного христианина-пилигрима». Так надо стараться: с веселым сердцем переносить свои затруднения, а главное – с добротой ко всем, даже к тем, кто причиняет затруднения.

21 марта. Быть всегда скромной, сдержанной, молчаливой и кроткой и питать ко всем симпатию, внимание и осторожность, совершенно не давая места в своем сердце обиде, озлоблению, унынию – вот в чем я должна себя усовершенствовать.

28 марта. Когда человек гневается, бранит тебя, громко, раздражительно говорит, надо замолкать, объясняя, что я говорить с ним в таком тоне не могу и прося его успокоиться. Таким образом, и сам избежишь внутреннего расстройства и его приучишь обращаться с тобой вежливо.

4 апреля. «Все побеждай своей любовью». Обидят тебя, обойдут, унижат, отнимут что-либо – и ты все равно обходишься со своими обидчиками любовно. И не унывай никогда – и победишь, хоть через большой срок, но победишь, и вернется к тебе любовь, и дружба, и благодарность, хоть после смерти, но вернется. Верь в это, мое сердце, и не уставай в делах любви и радости.

11 апреля. Надо очищать прежде всего свои мысли, так как все дела зарождаются в мыслях, иначе худые мысли рано или поздно выразятся в худом слове и в худом деле.

18 апреля. Читаю дневник Л.Т. за последний год и чувствую его очищающее на душу действие. «Надо учиться любить», – повторяет Л.Н. Да, надо упражняться в любви. Обидит ли кто – промолчи и ответь добрым словом. Попадет ли мне что хорошее, нужно поделиться с неимущими.

25 апреля. Когда надвигается какая-либо трудность: опасность, тяжелое запутанное дело, встреча с нервным озлобленным человеком, говори себе: наберусь кротости, наберусь терпения и любви – смотришь, и обойдется все, как по маслу; и тебе хорошо, и от тебя другим хорошо.

2 мая. Иногда не выдержишь, не последишь за собой – и падаешь словно в яму, а тогда опять выбираться. Но эти падения не только угнетают, они и смиряют: вот ты думаешь, что

ты хороша, ан нет, погоди... Не гордись перед другими.

9 мая. За эту неделю: обиделась на своих, что забыли меня к празднику. Всегда раньше поздравляли и присылали куличик. Даже поплакала. Это слабость. Обижаться христианину нельзя, а всегда быть всем довольным и радоваться тому, что есть, и не желать того, чего нет, не плакать о том, по крайней мере.

16 мая. Потихоньку надо доживать свои дни, потихоньку ходить, говорить, трудиться. Все делать тихо, со смирением, кротостью и благожелательством ко всем.

23 мая. Нет, нет – и упаду. Много еще во мне самолюбия, обижаюсь. А надо так жить, чтобы обиды проходили мимо меня, не задевая. В том – радость совершенная. И больше жить себе самой – сдержанно, собранно, молчаливо.

29 мая. Решила часа три в день посвящать молчанию. Говорить только, когда задают вопросы, или только то, что необходимо. Второе: с людьми обращаться вежливо и осторожно, как бы они с тобой ни обращались. Третье: все свои невзгоды и труды преодолевать с любовным терпением.

13 июня. Быть тихой, кроткой, молчаливой – тогда слышнее звучит тихий, кроткий голос божественного начала, заложенного в душе. Следить за собой, приучать себя быть такой – прилежно и постоянно.

20 июня. Смириться. Не ждать от людей ни особой любви, ни уважения, ни дружбы. Нет их? Значит, не достойна. И не ждать особого счастья: его не будет, твои дни уже сочтены. Доживай их, тихонько выполняя свой долг каждого дня и часа до последней минуты – это все, что тебе осталось.

27 июня. Иногда раздражаюсь и отвечаю людям недостаточно кротко. А надо не так: чем более кто с тобой груб, тем более с ним должна я быть тиха, кротка и вежлива.

Тяжелая в этом году работа в конторе – а ты не жалуйся: никто за тебя этот воз не повезет, вези и не стеной, а трудись изо всей силы, но не спеша и без расстройства.

4 июля. «Чем хуже, тем лучше», – Л.Н. записал в дневнике. И это худое является предметом для нашей духовной работы над собой. Запомнить.

18 июля. Ходят слухи, что будет амнистия за 37 год. В душе моей сразу всколыхнулось два чувства: радость свидания и горечь поступка Павлуши. Ведь я ему чужая, ведь не ко мне стремится его сердце в этом мире. Два дня назад я ходила под гнетом этого второго чувства. Но потом светлое и радостное чувство взяло верх. Как бы он ко мне ни относился, я встречу его радостно и постараюсь скрасить его последние годы и дни любовью и лаской и ни разу не вспомню прошедшее. А он как хочет – и чахоткой я больше не заболею, хотя бы он оставил меня опять. Ведь я христианка.

26 июля. Сохранять себя от суеты надо обязательно, и, чем тревожнее вокруг, тем я спокойнее, тем отчетливее в труде, тем ласковее и обходительнее с людьми.

1 августа. Как бы мне хотелось последние дни моей жизни прожить тихо и безмятежно. Но вокруг – такая суета и неполадки между людьми и раздоры и труд напряженный. Не хочу, чтобы все это у меня было. Буду трудиться спокойно и вести жизнь тихую и безмятежную, несмотря ни на что.

8 августа. «Побеждай зло добром». Чем кто с тобой хуже обращается, а ты с ним тем добрее будь. Н.Г. иногда очень нехорошо со мной обращался, два раза крикнул на меня: «Уходите вон!». А я решила выполоть ему (когда он был в отпуске) помидоры, лук и огурцы, которые очень заросли. И так во всем и со всеми надо.

15 августа. «Проводи жизнь свою тихую, безмятежную в чистоте и благочестии».

22 августа. Жизнь христианина – в отречении, добровольном, покорном и кротком – и не только, когда сама даешь, но когда и отнимают. Это в противовес эгоизму, когда человек хочет все побольше для себя: славы, богатства, любви. «И кто возьмет у тебя верхнюю одежду, не препятствуй взять и рубашку».

29 августа. Болею желудком, очень упорно – вот уже три недели. Вначале внушала себе, чтобы не болеть, а теперь смирилась. Если угодно Богу, то поправлюсь, если не угодно, то умру. Буду кротко и покорно болеть и кротко и покорно умирать. Покуда больна, буду поститься. И до конца буду

трудиться и себя обслуживать, чтобы никого не обременять своей слабостью и болезнью. И буду проводить каждый день тихо, кротко и благостно.

5 сентября. Молитва Л.Н.: «Помоги мне жить всегда Тобою и с Тобой. Помоги мне жить настоящей минутой – с любовью. Благодарю тебя за те блага, которые Ты мне дал и которых я не достоин».

12 сентября. Некоторые отвращаются от людей заблудших, а любят и уважают только хороших людей. Но ведь заблудшие, как и больные, нуждаются в особом внимании и заботе, и поэтому не отворачиваться от них следует, а пожалеть их, помочь и дать добрый совет.

30 сентября. Главное для меня теперь – это не перестать болеть телом, а иметь здоровый дух, с каждым днем становясь все светлее и спокойнее, радостнее и добрее – и тогда болезнь потеряет надо мной силу. С улыбкой болеть, с улыбкой умереть – тогда и другим не надоешь.

10 октября. Молчание. Надо больше молчать. Боже! Помоги моему молчанию и моим кротким словам. Да, если молчать, то кротко, и слова мои, немногие, должны быть кротки.

17 октября. Надо не как-нибудь проводить свой день, а как можно лучше – ведь он может быть последним. И надо помнить, что, чем труднее мне приходится, чем тяжелее, тем я должна становиться смиреннее, кротче, терпеливей и добрее. Я еще не могу так.

30 октября. «Ибо вы, люди разумные, охотно терпите людей неразумных – вы терпите, когда вас кто обирает, когда кто унижает, когда кто бьет вас в лицо». Забываю я это прекрасное правило и иногда отстаиваю свои преимущества.

7 ноября. Господи, помоги кроткому и тихому моему молчанию, кротким и тихим словам, кроткой и тихой улыбке, кроткому и тихому взгляду, кротким и тихим делам; Господи, помоги кроткой тишине моей.

14 ноября. И я не должна жаловаться и роптать на мою болезнь: я должна болеть светло и радостно, и светло и радостно умереть, чтобы не измучить ни себя, ни окружающих меня своей слабостью и болезнью.

12 декабря. Вот и закончилась почти моя болезнь (продолжавшаяся около четырех месяцев) и я снова опускаюсь, становлюсь хуже, становлюсь снова обидчивой, нетерпеливой, суеливой, требовательной к другим, эгоистичной. А ведь смерть может придти каждую минуту, а я не готова. Надо так же, как во время болезни, тщательно за собой следить, упражнять; улучшать себя.

19 декабря. Хорошее правило у малеванцев: женщина все больше молчит, молча выполняет все свои дела по дому и возле печки. А то ведь от разнузданности языка – сплетни и вражда. Решила два часа с утра молчать, про себя повторяя разумные утверждения.

26 декабря. Из «Хижины дяди Тома»: «Кроткое сердце Тома было исполнено мира. Христос постоянно присутствовал в нем. Горькие сожаления о земных благах, надежды, опасения уже не волновали его. Ни горе, ни страдания не имели над ним власти».

1955 год

2 января. Вот и наступил еще один Новый год. Так бы хотелось прожить его полноценно! Так мало осталось жить и так много осталось еще сделать: отдать людям все, что приобрел в жизни.

9 января. Все еще не могу поставить себя так, чтобы не обижаться. Груб ли кто с тобой, обидит ли, а ты будь с ним тем более вежлива и кротка. Так надо. В этом – моя работа.

16 января. Трудиться я должна старательно, аккуратно, но совершенно спокойно и безмятежно. Иначе и сама изобьюсь, измучусь, других измучу, да и дело хуже выйдет.

24 января. Нужно быть довольным тем, что у меня есть, и не горевать о том, чего нет. А я иногда горюю о том, что нет у меня заботливого ласкового мужа, нет детей – помощников и кормильцев в старости, нет близкого друга, с которым я жила бы душа в душу. Нет свободного времени: все труд и труд, нет достаточного здоровья, нет хорошей, теплой одежды и т.д. Думаю об этом и огорчаюсь. А нужно думать о том, сколько у меня еще есть! Разве я слепая? Или нечего мне есть? Много,

много еще есть у меня, на что надо радоваться.

29 января. Иногда веду себя дурно и вдруг вспоминаю: а что если в этот момент придет смерть, и душа моя в постыдном состоянии покинет мир? Нет, надо быть готовой на всякий день и на всякий час.

6 февраля. «Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое». Помоги, Господи, и мне идти по этому пути.

13 февраля. Надо строже держаться режима дня: вставать не позже 6 часов, чтобы все успеть сделать, не торопясь. А то все идет кувырком.

20 февраля. «В скорби будьте терпеливы». Не хватает силы: все жалею на болезнь, на труды, на усталость, а нельзя.

27 февраля. Хочется жить легко, радостно. Для этого нужно: любить всех и жить настоящим днем, каждое дело выполняя старательно, но безмятежно.

6 марта. Что нужно делать, чтобы более или менее счастливо дожить до смерти? Всего-то несколько годков, а, быть может, и меньше осталось жить.

Трудиться легко и спокойно. Во всяком положении находить хорошее и радоваться ему. Болезни переносить терпеливо – без охов и вздохов. Стараться чем только можешь радовать других.

13 марта. Как мешает окружающее – и люди, и дела – чистому, тихому, кроткому, светлому и доброму душевному состоянию. Кто-нибудь да расстроит тебя, что-нибудь да разволнует. А надо, чтобы ничто не мешало всегда оставаться в одном и том же ровном состоянии, несмотря ни на что.

20 марта. На этой неделе Н.Г., можно сказать, ни за что оскорбил, накричал на меня, а я закрыла лицо руками и перенесла все молча. И потом на душе было хорошо. Словно в глубокой тихой воде я находилась, а буря пронеслась где-то над головой.

3 апреля. Немного, совсем немного осталось мне жить, так куда же спешить? О чем беспокоиться? Потихоньку буду доживать свой век, с каждым днем становиться все чище, все светлее, все добрее, все радостнее – тихой и кроткой

радостью совершенной.

10 апреля. Моя болезнь – геморрой – приняла хронический характер, не покидает меня вот уже два месяца, и каждый день по несколько часов мучит меня, причем я стенаю и жалею на боль. Решила не делать этого больше, но терпеливо и молча переносить все боли, чтобы не омрачать жизнь окружающим и не расстраивать свою душу и быть благодарной судьбе, что болею такой болезнью, которая не мешает еще обслуживать себя.

17 апреля. Вот думала: никогда не пройдет мой геморрой, так и будет мучить меня до смерти, а он утихомирился и дает мне снова спокойно трудиться и спать. Не надо никогда отчаиваться и с надеждой на лучшее переносить худое.

25 апреля. В эту ночь у нас на чердаке были воры: унесли семечки Н-ча и у меня полмешка. Я постаралась не расстраиваться: «Собирайте себе сокровища на небе, где моль и ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут», то есть в душе своей.

2 мая. Но немного я все же расстроилась. А когда моя пропажа неожиданно нашлась в поле, в борозде, я обрадовалась. Вот так экзамен! Я его плохо выдержала: ведь сказано: «Потерял – не горюй, нашел – не радуйся».

7 мая. Умерла Елена Евгеньевна. Скоро и мне идти – на встречу неизвестную. Надо как можно полноценнее прожить оставшееся небольшое время, в особенности в смысле усовершенствования своей души, чтобы смерть не настигла внезапно. Елену Евгеньевну она не застигла врасплох: жизнь она проводила свято – в деятельной любви к своим родным и близким.

16 мая. Как часто я начинаю день с того, что переживаю различные обиды: от Павлуши, от Н.Г. и прочих. И на душе становится горько, невесело. Это неправильно. Разве мало я видела добра и от людей и от судьбы? Зачем же его забывать и помнить только горькое? Нет, надо жить не тьмою, обидами, огорчениями, недостатками людскими, а светом и любовью – добром. И как иные никогда не забывают зла, причиненного им тем или другим человеком, так не надо в противовес этому забывать добра, которое мы видели и от людей и

от судьбы.

22 мая. «И пользующийся этим миром пусть будет как не пользующийся, ибо я хочу, чтобы вы были без забот (мирских) – потому что время кротко». Да, время кротко, поэтому свои мирские заботы надо ограничить самым малым и готовиться к переходу.

12 июня. Утверждения: I. Не спешить, делать все спокойно: «Трудитесь, но не пекитесь». II. Не вздыхать, не стонать, не жаловаться ни на что: «Всегда радуйтесь». III. Искать вокруг себя и в людях хорошее и радоваться ему. IV. Стараться по мере возможности радовать других.

19 июня. «Живи не так, как хочется, а как Бог дает». Во всяком положении будь доволен, спокоен, радостен, смирайся со всякими условиями и повсюду будь христианином, терпеливым, кротким, милосердным.

3 июня. Будь бдителен к себе и бодр. «Вот ты думаешь, что твердо стоишь, но берегись, чтобы не упасть».

16 июня. Стараешься не расстраиваться, всегда хранить свою душу в радости совершенной, но вот заболела Н.Ф. – жаль ее, беспокойно, трудно во всем самой управляться – и радость нарушается. Или: с весны ходила я к цветочкам своим, радовалась их расцветанию, любовалась ими – и вот в одно утро бабушкина коза все съела. Как при этом сохранить «красоту души» – радость, любовь, покой?

24 июня. Все, что окружает тебя – твои родные, друзья, твои вещи, цветы в твоём саду, все, чем ты в настоящее время владеешь – деньгами, одеждой, здоровьем – все это дано временно, и каждую минуту может быть у тебя отнято. Единственно, что стоит приобретать и беречь, то это душу свою, всегда исполненную светом добра и истины, которая должна оставаться такой при всех случаях и обстоятельствах жизни.

28 июля. Тихо, кротко, благостно должна я прожить остаток своей жизни – немного уже осталось – без суеты, без волнений, без обид, без требований к кому бы то ни было.

7 августа. Вчера одна наша старушка-колхозница сказала мне: «С вами легко жить – вы кроткая и нетребовательная».

Мне было это так радостно услышать. Больше всего на свете хотела бы я быть кроткой.

14 августа. Тихо, кротко, безропотно и покорно должна я доживать свою жизнь, ни от кого ничего не требуя, не ожидая, по возможности помогая другим и трудясь до самой смерти; все трудности преодолевая терпением, кротостью и благостью ко всем.

21 августа. «Но если внешний человек наш и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется». Так должно быть у нас к старости. Так было с дорогой Е.Е., так с ее сестрой Екатериной Евгеньевной, так с Надеждой Михайловной Стирежовой. Чудесные старушки.

28 августа. Среди глубоких скорбей и испытаний надо изобиловать радостью; и среди глубокой нищеты надо быть богатым радушием.

25 сентября. «Если оказываешь милостыню, делай это без принуждения и огорчения, ибо только доброхотного любит Бог». Чудесные слова! Надо их твердо запомнить.

2 октября. И надо учиться делать добро – как учимся мы наукам, ремеслам, искусствам: постоянно и терпеливо. В этом жизнь. «Пусть ваша жизнь будет разбрызгиванием добра» (В.М.).

9 октября. Никогда не надо поддаваться тяжелым, унылым, мрачным мыслям и настроениям. Это мучительно. Ведь и в людях, и в жизни есть много светлого, разумного, радостного – и это должно радовать душу.

16 октября. «Я благодушествовую – в нуждах, в обидах, в притеснениях, в гонениях за Христа, ибо сила Господня совершается в немощи».

23 октября. Надо жить не в виду людей, а в виду Бога и совести. Люди могут и не узнать о твоём дурном поступке, который ты постарался сделать от них скрытно, но совесть твоя знает о нем и не перестанет упрекать тебя.

7 ноября. Сегодня праздник. В колхозе – общее угощение: будет и выпивка, и гульба. Я хожу на такие обеды, а когда начинается разгул, ухожу. Может быть, не надо ходить? Но ведь и Христос не чуждался мытарей и грешников:

«Не здоровые нуждаются во врачах, но больные, и Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». И я люблю людей – жалких, слабых людей, которые и пьют, и гуляют, иногда не в меру, и сами знают, что это не хорошо. И чуждаться я их – до известной степени – не буду.

13 ноября. «Вы нас презираете? - спросил меня на празднике один пьяненький. «Как могу я вас презирать? - сказала я. – Ведь вы все – труженики и кормильцы и все мне милые». И не было безобразия на этом празднике, а веселились, пели и танцевали, как дети, эти, уже старые, бородастые люди – да, как дети, на елке, в безграничном веселье.

20 ноября. Один царь спросил у старика-врача, исцелившего его мать от слепоты: чего он хочет в награду. Старик ответил: отдельного угла, где бы я никому не мешал и мне бы никто не мешал, чистой одежды, чтобы быть приятным людям, и куска хлеба, чтобы утолить голод. Мне сейчас тоже хочется пожить в комнате одной.

27 ноября. Так хорошо, когда вверишь свою судьбу в руки Бога! Будь что будет – я всем должна быть довольна, что бы со мной ни случилось.

4 декабря. И пусть при конце моей жизни не веет от меня холодом могилы, но тихим, кротким светом христианского учения, с которым я родилась, которое старалась пронести через всю свою жизнь, с которым и умереть должна.

18 декабря. На этой неделе было серьезное предупреждение о скорой смерти. Двое суток рядом так колотилось сердце, словно хотело выпрыгнуть из груди, и я готовилась с минуты на минуту умереть. Но смерть не приходила и я с этим колотящимся сердцем все для себя делала и ходила на работу, только молилась: «Господи, продли еще мою жизнь, чтобы могла еще работать над собой в духе любви, мира и радости совершенной. Пусть сердце мое перестанет колотиться – я еще не готова умереть».

27 декабря. И вот мне еще дана отсрочка. На какое время? Неизвестно. Смотри же, употреби это время, чтобы сделаться как можно лучше.

1956 год

2 января. Не очень-то я забочусь о своем совершенствовании, не очень-то дорожу оставленным мне временем – то тут, то там прореха и падение. А задышка и слабость – сильные, в особенности когда поспешу. Буду тихо, тихо ходить и все делать.

9 января. Если предстоит сделать какое-нибудь нужное, но трудное дело, не думай об этом с гнетущим чувством уныния и трудности, а с чувством радостным, потому что нужное и полезное дело следует выполнять радостно, как бы ни было оно трудно.

15 января. Сердце не дает покоя – колотится. Что же? Буду трудиться до конца, принося пользу людям и обслуживая сама себя. То есть делай, что должно и пусть будет, что будет. (Л.Н.Т.).

22 января. Все обижаюсь: то на Н.Ф. обижалась, когда она мне выговаривала, теперь на Н.Г.: насмешки его и грубости оскорбляют меня, я становлюсь мрачной и замолкаю. Так нельзя. «Вы терпите, когда вас кто обижает».

29 января. Из Москвы Лиза пишет, что была у Н.Ф. в больнице и застала ее в очень тяжелом физическом и духовном положении. А ведь надо готовиться к смерти всем нам, старым больным – принять ее покорно.

12 февраля. Говорят: «Вот эта женщина плохая, вздорная» - а глядишь: она несет ведро воды ветхой старушке. Значит, и в ней есть доброе и поэтому нельзя от нее отворачиваться. Во всех есть доброе и его надо видеть и ему радоваться.

26 февраля. Приучаю себя быть довольной всем, что со мной случается – а когда встречается какая невзгода, говорю себе: это для испытания моего терпения.

3 марта. Тишина и порядок во внешнем способствуют тишине и чистоте внутренней.

1 апреля. В воскресенье (выходной) случается у меня наплыв людей (и дети идут) – надо это принять как должное: встречать их с радушием, поговорить, почтить, попеть с ними, детям сказки рассказать, картинки показать, если есть чем – угостить.

15 апреля. Не надо ни из-за чего волноваться или тревожиться: ни из-за людей, ни из-за обстоятельств жизни. Все я должна встречать и переносить с благостью и тишиной.

22 апреля. «Если христианин без обузы, без бремени – то он уже и не христианин» - так сказал мне однажды Герасим Павлович.

6 мая. У меня больное сердце. Прочитала в лечебнике, что при этом нельзя расстраиваться. Не буду. Ничто не должно меня расстроить – ни обиды, ни болезнь, ни труды, ни усталость.

17 мая. Но и следить за своим здоровьем я должна: «в здоровом теле – здоровый дух». Установить режим в труде, питании, отдыхе и строго его соблюдать.

3 июня. Когда забываешь о себе – о своих нуждах, болезнях, обидах, то становишься на сердце светло и легче становится жить; а как раздумываешь о своем одиночестве, старости, о невнимании родных и друзей – нехорошо становится на душе, и жить тяжело.

10 июня. Нужно не только перед людьми быть чистой, праведной, но и сердце свое содержать в чистоте и праведности перед своей совестью.

17 июня. Не нужно ужасаться ни перед смертью, ни перед болезнью, не нужно никогда отчаиваться и унывать. И смерть, и болезнь – в порядке вещей, неизбежны, поэтому к ним надо относиться покорно. И различные невзгоды, сопряженные с жизнью, нужно переносить и преодолевать мужественно, терпеливо и кротко.

8 июля. Надо набраться большого терпения. Дело в том, что предстоит ремонт и надо нам с больной Н.Ф. куда-то выбираться. Но «терпением спасайте души ваши»...

26 августа. Н.Ф. все продолжает болеть, иногда говорит о смерти. «Болезнь, умаление и смерть неизбежно ходят в программу человеческой жизни, надо к этому относиться покорно» (Амиэль).

2 сентября. Вчера Н.Г. ни за что, ни про что выбранил меня последними словами. Не помню, чтобы меня кто-нибудь так бранил – однако, я нашла в себе силы смолчать и не расстроиться, и спала хорошо. Ведь я не виновата, а что он

так поступает – это его дело, значит, он на такой ступени.

15 сентября. Я ни в коем случае не должна предаваться тяжелым, мрачным, эгоистическим мыслям и чувствам. Когда мне станет горько от того, что я одинока и никто обо мне не заботится, я должна подумать о том, кому я нужна и о ком я должна заботиться – в данное время о Н.Ф. А придет время, когда я сама беспомощно лягу в постель – и обо мне кто-нибудь позаботится.

14 октября. Иногда вдруг ясно сознаю, как еще много во мне дурного и как много надо еще работать над собой. А жизнь уже кончается. Надо дорожить каждым днем, каждым часом для этой работы.

21 октября. Я должна как можно чаще проверять состояние своей души. Тихо ли у тебя на душе? Радостно ли? Полна ли она любовью, терпением, кротостью?

27 октября. Вчера получили телеграмму из Москвы о скоропостижной кончине родственника Н.Ф. А она сама едва осталась жива и совсем не думала пережить своего родственника, который на 10 лет ее моложе. Как же мы хрупки все! Как должны быть ежедневно готовы к отходу отсюда, как должны дорожить оставшимися нам часами жизни, чтобы проводить их достойно – в любви, покое и радости.

2 декабря. Молитва есть целительный бальзам, драгоценное крепительное лекарство, который возвращает нам мир и мужество.

30 декабря. Любить правду и ненавидеть несправедливость – великое дело; говорить и делать правду еще важнее – для этого нужно мужество и кротость, чтобы правдой своей не причинять боли.

1957 год

20 января. «Все открыто перед очами Его». Поэтому надо не только за делами своими следить, чтобы они были чисты, добры и праведны, но и мысли, и чувства были таковы. Иначе совесть твоя не даст тебе покоя.

27 января. Ревность и зависть – две родные сестры, уродливые, неприятные – и для того, кто их испытает, и для других.

Всеми силами надо стараться их избегать.

17 февраля. Права я или нет в том, что хочу стереть прошлое свое с Павлушей из-за его жестокого поступка со мной?

24 февраля. Стереть нельзя. Даже если захочешь – не сотрешь. Но довести итог надо. Ты считала Павлушу своим, а он не твой, и ничто не твое, кроме твоей души. Все внешнее, чем ты пользуешься, каждую минуту может быть у тебя отнято. Поэтому ни к чему не привязывайся и ни о чем не плачь.

3 марта. Боже мой! Иногда я вижу людей злых, неблагодарных, развратных, и сердце мое возмущается против них, и становится темно и грустно жить. Это потому, что забываю: «А вы будьте добры и к неблагодарным и злым».

10 марта. И какое тебе дело до того, какие другие люди? Ты сама честно выполняй свой долг перед Богом и перед людьми. А то сама далеко, далеко нехороша, а на других обижаешься, что неверно поступают: «Лицемер, вынь прежде бревно из своего глаза и тогда узнаешь, как вынуть сучек из глаза брата твоего».

17 марта. «Будьте тверды в своем уповании». А тверда ли я? Нет, часто спотыкаюсь и забываю основы христианской жизни: терпение, тишину, кротость и благость ко всем – и добрым, и злым.

31 марта. Безмятежность. Как хорошо всегда носить ее в душе – в поведении, во всех своих делах, несмотря ни на какие окружающие волнующие события, несмотря ни на каких людей. «Мир оставляю вам».

7 апреля. Если видишь, что люди поступают не по добру, не по справедливости, скажи им об этом, но скажи кротко, без осуждения, помни, что только такое наставление может дойти до сердца, помни, что не в этом, так в другом ты и сама грешна.

14 апреля. Здоровье мое расклеилось: ломают руки и ноги от ревматизма и болит печень. Ну что ж? Ведь конец жизни так или иначе неизбежен, встретим же его безропотно, терпеливо и кротко перенося предшествующие ему болезни.

21 апреля. Мало ли на свете несправедливостей и всяких злых дел? Неужели они должны меня повергать в постоянное

уныние, осуждение и т.п.? Конечно, мое отношение к ним должно быть обдуманное и серьезное, но кротким и молчаливым. Наставления могут быть только там, где они принимаются.

28 апреля. «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна».

5 мая. Нездорова я – все косточки болят – от ревматизма или еще от чего. И задышка. А тут приближается посадка огорода. Но решаю: я должна трудиться до последнего вздоха, никого не обременяя, да еще без жалоб, а с улыбкой, с благостью ко всем и как будто легко мне. «Иго Мое благо и бремя Мое легко».

12 мая. Нужно все делать потихоньку, чтобы не измотаться и не потерять душевное равновесие. И потом я заметила, что, чем тише и обдуманнее работаешь, тем больше успеха, и наоборот.

26 мая. Замечаю за собой: слаба я. Обидят меня люди – расстраиваюсь, обойдут в чем – мрачней. А нужно как Йов многострадальный, как Франциск Ассизский – все в жизни переносить терпеливо, без жалоб и быть всегда радостной.

16 июня. Терпение! Какое это великое высокое качество! Как оно помогает, облегчает, скрашивает жизнь и тебе, и тем, кто около тебя! Как нужно его воспитывать, пользуясь каждым подходящим для этого случаем.

30 июня. «Если внешний человек наш и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется... Мы ото всюду притесняемы, но не стеснены, мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся, мы гонимы, но не оставлены, низлагаемы, но не погибаем».

7 июля. «Нужно жить не для тела своего, но для Христа. Во всем Ему угождать». А я как раз чаще стараюсь угождать телу, забывая заповеди Христа.

21 июля. Иногда я огорчаюсь, что люди – такие, какие есть, а не такие, какими бы я хотела, чтобы они были: ссорятся, обижают друг друга, стремятся к наживе и т.д. Не надо огорчаться и сердиться на них – надо самой твердо идти

путем раз избранным – путем христианским.

28 июля. И не надо мне в жизни никакого успеха и славы, кроме успеха в христианском призвании: в кротости, терпении, милосердии, смирении.

11 августа. Усиленно хлопотала о документах на пенсию. Много было беготни и всякого рода трений. Наконец, сдала в райсобес нужные документы, а он на днях сгорел – одни стены остались; возможно, что и документы сгорели, и снова надо начинать хлопоты. Вот испытание, к которому надо отнестись кротко, без сетований. Ведь это все во внешнем, а внешнее – не в нашей власти.

25 августа. Во всех случаях жизни надо исходить не от себя, но от других. Я должна говорить себе так: вот произойдет какая-то перемена в моей жизни, но от этого, хотя мне и хуже будет, зато другому – лучше. А иначе – эгоизм.

15 сентября. Иногда я плачу о своем одиночестве и потом вспоминаю, что слезы и жалобы есть ропот на Бога, а христианин должен все в своей жизни переносить безропотно – и понемногу успокаиваюсь.

22 сентября. «Разве вы так немислимы, что, начав духом, кончаете плотью?». И я так же. Раньше я была гораздо духовнее, а теперь материальное, плотское захватывает меня. И это – при близости к смерти! Надо подниматься.

30 сентября. «Ныне же, познав Бога, зачем возвращаетесь к немощным и бедным началам мира сего, желая поработить себя им?». Все та же мысль.

5 октября. «Если мы живем духом, то по духу же поступать должны; плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание».

13 октября. «Итак, доколе есть время, будем делать добро». И я хотела бы быть богатой для того, чтобы помогать бедным (моя девичья молитва). И вот это время пришло: я получаю хорошую пенсию, надо оказывать помощь другим.

20 октября. Побелила, убрала свою комнату, все углы вычистила, перестирала все. Стало у меня чисто, уютно. И на душе словно очистилось, просветлело. Одно с другим тесно

связано и мне кажется – не правы те люди, которые пренебрегают чистотой и порядком, говоря, что это им неважно.

27 октября. Люди на салазках скатываются в пропасть, где они должны разбиться вдребезги, а они дорогой, сидя на салазках, спорят и ссорятся, что один другому не дает усесться попокойнее и проч. Единственное дело, которое стоит делать нам на этих салазках – это то, чтобы вызывать любовь, вызывать радостную любовную улыбку друг у друга. Только любовь не разобьется в пропасти, а останется (Л.Т.).

3 ноября. «Спешите делать добро, пока есть время». Не откладывая делать добро, не пренебрегать самыми маленькими делами добра. Не можешь сделать доброе дело, то окажи человеку внимание, хотя бы в добром слове, добром взгляде, улыбке.

17 ноября. Сначала меня смутила моя большая пенсия 279 руб., но потом я подумала: вокруг много нуждающихся – буду выделять им из своей пенсии. Тамаре, Рае, Стрижовой, Поле слепой, Баран Марусе... Зачем копить? «Раздай имение свое и следуй за Мной».

8 декабря. Ньюра Д. заболела раком. Вот и еще одна подруга и моя сверстница уходит. Раньше я без страха не могла подумать о смерти, а теперь думаю, как Л.Н. сказал, что смерть, как и все посылаемое Богом, есть благо.

22 декабря. «Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, ибо любовь покрывает множество грехов». Да, любовь – это золотой ключик, которым отпираются все сердца, разрешаются все сомнения.

28 декабря. Вся наша жизнь есть борьба духа с телом, добра со злом, света с тьмой, радости с печалью. Бодрствуй же и борись за все доброе, светлое, разумное и радостное в жизни, отгоняя от себя мрак, зло, печаль.

1958 год

Господи, продли мою жизнь для нравственного усовершенствования, для служения Тебе и людям, для добрых дел, для добрых слов, для добрых мыслей.

12 января.

*Что может победить все муки, все страдания,
Остановить безумно льющуюся кровь?
Одна лишь ты, одно твоё сиянье,
Святая, братская любовь!
Но для того, чтоб ты торжествовала,
Нам надо жить одной, любовью, тобой!
Чтоб в нас ты шла вперед и побеждала,
Дышать одной тобой, гореть тобой одной.
И помните – борьба должна быть ежечасной,
Чтоб каждый жизни миг огнем святым горел;
Победа так свята, победа так прекрасна,
Но нужно все отдать, чтоб час её настал.*

26 января. Достигши 60-летнего возраста, мы все, как в ожидальной сидим: вот-вот вызовут того или другого. Надо этому покориться. Жалко только, что смерть бывает сопряжена со страданиями, вид которых и окружающим причиняет боль. Как бы так себя воспитать, подготовить к смерти, чтобы с любовным терпением переносить страдания и умереть покорно, без страха, с улыбкой.

2 февраля. «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме». Не чувствовать ни к кому вражды, несмотря ни на что.

30 марта. Дни бегут, бегут... Так мало осталось жить, а я все пропускаю сквозь пальцы, как будто у меня впереди десятилетия. Надо собраться и как бы итог подвести в своей жизни. Что сделала? Чем полезна была и есть людям? И еще в те немногие оставшиеся дни – чем могу быть полезна?

13 апреля. Все наши материальные дела ничто перед одним самым великим, самым нужным делом – нравственным усовершенствованием, которому никакие обстоятельства жизни, труды и болезни помешать не могут.

20 апреля. «Тот, кто достигнет совершенства, становится весь смиреннее и нежнее» и «Из глубины сердца надо брать негу и осторожно и бережно ткать свою жизнь». Твержу эти

мысли каждый день, но мало подвигаюсь.

27 апреля. Пусть будут всегда со мною радость, любовь и покой. Глубокий, святой и торжественный покой, с которым всегда хорошо, как в жизни, так и у порога смерти, в трудах, опасности – всегда.

11 мая. «Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся, живущий». Не надо слишком сильно предаваться горю об умерших: их уже не вернешь, и надо продолжать жить полной жизнью, радуя тех, кто еще жив.

18 мая. Иногда, когда вижу чужие счастливые семьи, одиночество начинает снова угнетать меня. Но завидовать нельзя: ведь могло быть и хуже у меня, могли быть у меня сын или дочь дурные, развратные. Нужно быть довольной тем, что у меня есть.

1 июня. Приучаю себя, хотя и с трудом: не судить других за их проступки, помня то, как часто я сама ошибаюсь. Зло нельзя оправдывать, не надо ему способствовать, но судить за него людей нельзя.

29 июня. Все чаще ввиду близости смерти встает вопрос: все ли ты сделала в жизни, что могла, что должна была сделать? И принуждена бываю дать себе ответ: нет, не все. Будучи от природы наделенной способностями к музыке, пению, поэзии, рисованию, принесла ли ты ими пользу людям в должной мере? Нет, не принесла. Правда, повседневная работа и забота о куске хлеба отнимали у меня и время, и силы, но все же, предаваясь им чрезмерно, я забывала о главном. А теперь, хотя и есть время, силы ушли, и все же надо хоть напоследок поработать...

6 июля. С каждым днем и с каждым часом все ближе и ближе смерть. А дни проходят как-то тускло, без должной подготовки, без особой радости: забываю, что теперь каждый день – как драгоценный подарок. Нужно как-то встряхнуться, обновиться.

13 июля. «Ходите в свете, пока есть свет». Радуйся каждому наступающему дню и старайся провести его как можно лучше. Главное же в любви, братолюбии, потому что любовь – главная заповедь Христа и основа жизни.

26 июля. Заболела грудь. Кашель, мокрота, боль в легких. Может быть, это уже к концу? Но не надо унывать, а постараться светло, спокойно, радостно и любовно проживать каждый наступающий день, саму себя обслуживая и по возможности принося пользу другим.

10 августа. Всем своим существом чувствую полноту жизни и наслаждаюсь ее во всем ее добром, разумном и прекрасном: в литературе, музыке, рисовании, пении, в красоте природы, в общении с милыми людьми.

21 сентября. «Братия, любите друг друга» - это последние слова, которые повторял апостол Иоанн в конце своей жизни, в болезни и немощи. Так и я должна. Слабая телом, полумертвая – я душой должна быть жива, все вокруг освещая и согревая любовью. В этом нужно старательно упражняться. «Царствие Божие усилием берется».

5 октября. Так хорошо бывает, когда тихо начнешь свой день, с тишиною в душе и тишиною в делах. Да, даже больше успеешь в своих делах, чем когда спешишь: все выходит из рук отчетливей, аккуратней, мысли работают лучше, а главное – хорошо на сердце.

12 октября. Постоянно пребывать в мире и тишине – это во всех отношениях нам выгодно для самих себя в настоящем и в будущем, а так же для всех людей, которые будут встречаться на нашем жизненном пути (Л.М.).

19 октября. Когда грубо обращаешься с людьми или животными, то этим приносишь вред не только им, но главным образом – себе тем, что в душе своей вызываешь злобу.

9 ноября. «Делай добро, не разбирая, кому делаешь, и оно вернется к тебе невидимой радостью в душе твоей» (Н.К.Д.). А как только запрешься в себе, да станешь жить только для себя – так и уныние, и тяжесть жизни.

14 ноября. Бодрость и веселость – это жизнь; отчаяние и уныние – смерть. Кроме того, как сказал Амиэль, веселость – это скрытая доброта.

30 ноября. Дни мои сочтены и по возрасту, и по болезням. Надо приготовить себя к тому, чтобы умереть покорно и кротко, а болеть надо терпеливо и любовно, чтобы не особенно

удручить тех людей, которые за мной будут ухаживать.

1959 год

17 января. «Жизнь свою проводите осторожно, не как неразумные, но как мудрые. Блуд, корыстолюбие, сквернословие, пустословие, смехотворство да будут удалены от вас».

8 февраля. Надо свое отношение к людям и животным основывать на доброжелательстве, и, если почему-либо оно иссякает в душе, то насильно водворять его обратно.

22 февраля. Сегодня исполнился год со дня смерти моей дорогой подруги Ньюры Д. Всю эту неделю я ее вспоминала и плакала. Где мне найти такую другую милую, заботливую, любящую подругу? Как рано она ушла – такая еще полная сил, красивая, ни одного седого волоса у нее не было... Заволоклась моя душа тучами печали. И только вчера, словно солнце лучом, прорезала их мысль: «Думая о мертвых, не забывай живых». Не забывай их своей лаской, участием, приветом – тех, кто еще с тобой.

8 марта. Мне хотелось бы тихо, незаметно с улыбкой уйти из этого мира.

15 марта. О, как дорог теперь каждый день, потому что их уже не много осталось прожить. И как много их прошло – бесцельно, бестолково. Вот Л.Н. умел жить – дорожил каждым днем.

29 марта. Всюду с собой несите милую, тихую радость. Это главное. Хороши наука, искусство, хорошо преуспевать в них и просвещать ими других, но не это главное. И надо служить друг другу не для показа, а в простоте чистого, доброго сердца.

12 апреля. О смерти. Каждый рожденный должен умереть, смерть для него неизбежна. Поэтому нельзя впадать в отчаяние и тоску по поводу смерти даже самых дорогих для нас существ. Надо помнить: «О милых спутниках, которые своим присутствием нам жизнь животворили, не говори с тоской – их нет, но с благодарностию – были». И думая о мертвых, не забывай о живых, о тех, которые еще остались жить рядом с тобой, старайся их ласкать, жалеть их от всей души, помня,

что и их жизнь, и твоя – на волоске: сегодня мы живы, а завтра нас нет. «Жизнь коротка, спешите же радовать сердца ваших спутников в этом коротком переезде, спешите быть добрыми» (Амиэль).

19 апреля. «Не надо ни к кому иметь ни лести, ни корысти и не искать славы человеческой». Да, не искать славы человеческой, а трудиться для славы Божией, потому что то, что мы имеем, дано нам Богом, т.е. наши способности и таланты.

25 апреля. «Будь же свят Христа народ, пусть ни грех, ни чад забот дух не омрачают» (Гусли). Надо избегать лишних дел и забот, которые отвлекают нас от главной нашей духовной работы.

3 мая. «Наше будущее не где-то там впереди, оно кругом нас разлито, как океан, в котором и мы – капля». Не помню, чья это мысль – хорошая.

10 мая. Не было нас на свете – жизнь шла и без нас, умрем мы – жизнь и без нас пойдет своим чередом. Поэтому нечего особенно суесться в жизни – сделал свое дело и уходи без ропота, как работник, выполнивший свою работу.

17 мая. Нужно быть беззлобным, всячески изгонять чувство досады, обиды из своего сердца, заменяя их прощением и добротой. Надо уметь проникать в душу каждого человека и находить в ней светлые мысли.

24 мая. Когда делаешь кому-нибудь добро, помни, что это ты себе добро делаешь, а когда делаешь зло – это ты себе зло делаешь.

31 мая. Когда делаешь добро, делай его без принуждения и огорчения, «ибо только доброхотно дающего любит Бог». И не рассказывай о своем добре людям, пусть оно будет только между тобой и Богом.

14 июня. Принято после смерти кого-либо раздавать кое-что из его имущества бедным людям; а я думаю, что еще при своей жизни человек должен это делать, а не складывать излишки в сундуки.

22 июня. Как хороша старость! Тихая, лишенная волнения и крови, умудренная житейским опытом, накопившая за долгие годы духовные богатства и ими питающаяся.

28 июня. Как неприятно нам бывает пережевывать дурную, горькую пищу и лучше такую в рот не брать; так же не надо останавливать свое внимание на унылых, тяжелых чувствах и мыслях.

4 июля. Как много люди обращают внимание на внешнее: хорошую одежду, пищу, обстановку и как мало на внутреннюю красоту, а между тем жизнь была бы намного лучше, если бы красоте внутренней придавали больше значения, чем внешней.

12 июля. «Упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно».

16 августа. «Будь бдителен, переноси скорби, исполняй служение твое, совершай дело благовестника». Какое высокое призвание! Как бы я хотела ему следовать!

23 августа. Истинная любовь для себя ничего не требует, не просит, не ожидает, а сама дает и дает охотно и радостно, даже от себя отрывая.

20 сентября. Так хотелось бы не пройти бесследно в этой жизни, сделать что-либо полезное, хорошее людям, хотя бы одну песню оставить им в наследство, которая бы говорила им о вечной любви и правде.

27 сентября. Раньше я сетовала на то, почему мне не дано одного большого таланта, а даны только небольшие способности: в поэзии, в музыке, в пении, в живописи, а теперь я благодарна за это судьбе: ведь тем полнее и многообразнее моя жизнь.

18 октября. Помогай людям не только материальной помощью: еще более они нуждаются в духовной помощи, в духовной радости. Мораль, музыка, пение, живопись – сколько в них радости!

25 октября. Нужно делать дела любви и добра не из-за награды, а из-за самой благостности дела добра. Выполняй долг добра, а как за это к тебе относятся люди – неважно.

15 ноября. «Никакая болезнь не может помешать выполнять долг человека; не можешь служить людям делом – служи примером любовного терпения» (Л.Н.).

22 ноября. Когда на нас нападет какая-либо болезнь, мы прилагаем все усилия, чтобы от нее избавиться, лечимся,

потом бережемся, чтобы снова не заболеть. Отчего же мы так мало прилагаем усилий, чтобы избавиться от наших душевных недостатков? А ведь это гораздо важнее.

29 ноября. «Не рассуждай, отчего зло на свете. Зло только от тебя самого» (Л.Н.). А то мы сердимся на людей за то, что они дурные и хотим их исправить. А сами-то каковы? Злые глаза имеем мы – оттого и видим зло. А «для чистого все чисто».

6 декабря. «Я тебя люблю за то, что ты никогда сердит не бываешь», - сказала мне одна татарка. Надо это мнение оправдать.

13 декабря. «Будь доволен тем, что у тебя есть и помни, что я не оставлю тебя и не покину тебя». Чудесная мысль!

1960 год

«Истинная религия – в любви ко всему живому» (Л.Н. на К.Д.). Когда запасешься этим драгоценным свойством – быть любовным со всеми, то ясно почувствуешь, какое благо, какая радость – жизнь.

10 января. «Если не обратитесь и не станете, как дети, то не найдете Царствия Небесного». Надо так легко и радостно жить, как дети – беззаботные, ласковые, веселые; всякие хмуристь, уныние, беспокойство и обиды гнать от себя.

24 января. В жизни каждого человека может случиться большое горе, но человек должен быть выше горя, т.е. стойко, мужественно, терпеливо переносить его, не ослабляя своего внимания и доброжелательства к окружающим людям. Жалобы, слезы, упадок духа – чему помогут они? Да это и не похристиански.

7 февраля. «Чтобы хорошо умереть, надо хорошо жить» (Л.Н.). Так умер 1 февраля Герасим П. – всего недельку лежал в постели. Тихий, скромный. Добрый наш художник. И хорошо его схоронили – и помянули, и попели, и детишек оделили гостинцами.

6 марта. С унынием в сердце жить нельзя, и хотя немало в окружающей жизни темного, непонятного, злого, печального, но это не твоя сфера – ты живи в свете добра, покоя, любви, разума и правды и тихой радости, несмотря ни на что

окружающее.

13 марта. Нельзя также жить, заботясь только о себе, о своем благополучии, не принося никакой пользы окружающим. Хоть и слаб ты и мало у тебя сил и не можешь делом служить людям – служи духовно: добрым словом, советом, участием.

20 марта. Очень береги себя в мыслях и тайных делах твоих. Помни, что мысли подготавливают дела и претворяются в них, а тайное становится явным. Помни об этом и крепко береги себя от дурных поступков.

17 апреля. Мы иногда говорим: этот человек умер рано, если бы еще пожил, то сколько бы еще сделал (Пушкин, Шопен). А, возможно, что его душа в этом коротком существовании уже достигла своего расцвета и выполнила свое дело.

27 апреля. Сколько раз ни перечитываю Л.Н. Толстого, всегда нахожу что-то новое, дорогое, поучительное для души. Есть мастера, которые изобретают разные полезные машины, есть мастера-художники, композиторы, и есть мастера человеческого сердца, и Л.Н. – такой мастер, всю жизнь посвятивший этому наиважнейшему в жизни призванию.

22 мая. Когда делаю дурное, оступаю, падаю, думаю: не суди строго других, помни свою слабость.

5 июня. Целый месяц не было дождя, ничего не всходило; думали: вот будет засуха, голод; но вот два дня, как идет дождь – теперь все поправится и начнет расти. Так и в жизни – приходит избавление, когда думаешь, что все потеряно. Никогда не надо отчаиваться.

12 июня. Нужно дорожить общением с людьми, встречами, разговорами, вкладывая в них любовь и внимание, помня, что эти встречи и разговоры могут быть последними.

19 июня. Так мало осталось мне жить, так не буду же медлить в том, чтобы быть справедливой, сострадательной, внимательной ко всем вокруг, все более и более расширяя круг любви божеской, которая, как сияние солнца, пусть падает на все живое. Но как я еще далека от всего этого!

3 июля. «Во всем, даже уродливом и страшном, я чувствую иногда крупницу драгоценного» (Муратов).

Страшна смерть Маши Горбуновой, зарезанной мужем. Но я думаю, что смерть ее была жертвенной, что она до самого конца, ценой жизни, отстаивала то драгоценное, что было заложено в ее душу.

10 июля. Если не буду трудиться – по своей силе, и себя обслуживая, и какую-нибудь, хоть маленькую, пользу принося людям – то лучше умереть. И умрешь наверное, как смоковница, которая не приносила плода и засохла.

31 июля. Сердце женщины таит в себе океан. Женщина несет любовь через всю свою жизнь: сперва она щедро одаряет ею родителей, сестер и братьев, и затем с еще большей щедростью переносит ее на детей и мужа, и, кажется, нет предела ее большому чувству.

7 августа. Жизнь состоит в непрерывном обновлении. Чтобы сохранить в себе жизнь, надо постоянно молодеть душой с помощью внутреннего обновления и самоотверженной любви. Душа должна непрерывно совершенствоваться, испытывать себя во всех состояниях, звучать всеми фибрами, создавать самой себе новые интересы (Амиэль).

21 августа. О чтении. Нельзя читать все подряд и без разбора. Как для тела нужно пользоваться здоровой, чистой пищей, а не отбросами, так и для души нужно пользоваться светлыми, добрыми, чистыми мыслями, чувствами и переживаниями, которые можно почерпнуть в произведениях лучших писателей.

11 сентября. Нельзя позволять себе жестокости даже в малом, даже с неразумными животными, даже в мысли. Это противоречит любви и лишает радости.

18 сентября. Нельзя добиваться своего личного счастья или горевать о том, что ты его лишилась. Нельзя быть эгоистично счастливой, когда вокруг столько дел и обязанностей, столько страдающих людей, страдания которых ты должна разделять.

9 октября. «Когда жестокости судьбы одолевают тебя, помни, что твое вознаграждение – в божественной любви» (Амиэль). Так и со мною было: болезнь, лагеря, потеря мужа, потеря инструмента – и только одна любовь к Богу спасла меня от отчаянья.

6 ноября. Благо жизни – в любви, только в ней. Одни люди следуют ей сознательно, но только ею они и счастливы.

20 ноября. Сегодня 50 лет со дня смерти Л.Н. Толстого, моего дорогого отца и учителя жизни. Он помог мне очистить учение Христа от наслоенных веками суеверий, он помог мне найти дорогих мне друзей, семью – не кровную, но духовную – которая и лучше, и крепче, и истиннее. Благодаря Толстому, я переехала из города в деревню, в среду тружеников земли, и сама стала трудиться на земле. Толстой помог мне найти истинное благо жизни.

5 декабря. Он указал и истинный путь всему человечеству: в мире, любви, единении, указал на недостатки, которые разъедают и губят человеческую жизнь.

12 декабря. О смирении. Когда человек смирен, он внимателен к своим делам и поступкам, так как не очень-то доверяет себе, и потому меньше совершает ошибок. Наоборот, гордый человек становится небрежным к своим обязанностям и потому чаще ошибается.

1961 год

15 января. Если дело твое доброе, чистое и правое, помни, что тебе в нем помощник и защитник – Бог. И потому как бы ни путали и ни грязнили тебя люди, не волнуйся и не смущайся и знай, что с кем Бог, с тем, в конце концов, будут и люди. (По Л.Н.).

28 января. «Нет ничего в жизни выше правды, любви и смирения» (Будд. Сутта). Не надо скрывать свои дурные поступки, оправдывать их перед собой и людьми, а, осознав их, постараться исправить. Не надо бояться осуждения от людей – оно должно помочь твоему исправлению.

5 февраля. Как мало осталось нам жить! И как мало мы дорожим оставшимся нам временем! Брюзжим на жизнь и людей, недовольны, ленивы, беспорядочны. А нужно постараться привести себя в порядок и как можно лучше прожить оставшееся время.

12 марта. Иногда нам кажется, что человек несправедливо страдает, а он в это время несет суд и наказание от судьбы

за свои дурные и злые дела. Ничто не проходит нам даром, никакие наши проступки.

19 марта. Только дети не осуждают и не наказывают; для этого они слишком мало знают жизнь, они готовы быть одинаково открытыми и ласковыми как к добрым, так и к злым. Поэтому-то их любят и добрые и злые. «Будьте, как дети».

9 апреля. Когда мы имеем во рту что-нибудь горькое и противное, то стараемся не жевать его, а поскорее выплевываем. Отчего же мы не поступаем так же, когда злые, обиженные мысли овладевают нашей душой, а говорим о них, жалуемся и т.п., т.е. жуем то, что нам противно, вместо того, чтобы выплюнуть поскорей?

16 апреля. Никогда не ссорься, никогда никого не оскорбляй ни мыслью, ни словом, ни недобрым делом или взглядом – не нарушай блага любви, хотя бы ты сам был оскорбляем.

24 апреля. Смирение достигается кротким перенесением обид. Поэтому не бойся обид, смотри на них как на испытание, как на поощрение своему смирению.

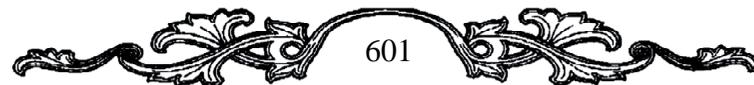
29 апреля. Пусть благие мысли, добрые дела и приветливые слова всегда сопровождают тебя. И три главных добродетели: чистота (от плотских желаний), смирение (не бойся обид, не жди похвал), любовь (постоянная и к добрым, и к злым).

7 мая. Перечитываю «О жизни» Л.Н. Толстого. Многого, многого достиг человек в материальной жизни, а счастлив ли он? Нет. Благо животной личности заслонило в человеке жизнь духовную, и только в ней, в жизни духовной, наше истинное благо.

14 мая. Как хорошо чувствовать, что вместе с убывающими жизненными силами отходят от тебя суэта и материальные заботы, и мир входит в твою душу; что может быть достойнее, прекраснее и ценнее мира?

21 мая. Следи за тем, чтобы душа твоя не засорилась тревогами и заботами, а чтобы она всегда была овеяна миром, любовью, радостью.

4 июня. Не надо думать о том, что тебя ожидает впереди, не надо бояться смерти, нужно каждый оставшийся тебе день проживать как можно лучше и любовнее со всеми. Тогда радостно будет жить и легко умирать.

11 июня. Жизнь идет вперед и вперед. Вернее, мы проходим по сцене жизни: приходим, проходим, уходим... Зачастую живем как-нибудь, как нерадивые работники, как ленивые ученики, а надо дорожить каждым мгновением, чтобы проживать его как можно лучше, достойнее и полноценнее.

18 июня. Жизнь! Это такая красота и счастье, а мы зачастую ее не ценим и живем, как слепые кроты, с закрытыми глазами проходя мимо прекрасного, доброго, разумного, погруженные в мелочные заботы.

26 июня. Среди шума и разноголосицы окружающей жизни умей различать прекрасную, стройную, торжественную симфонию, которая поет о любви, мире и радости, о правде и истинной красоте жизни, и всеми силами и средствами, которые имеются в твоём распоряжении, умей и сама принять в ней участие – будет ли то поэзия, литература, музыка, прение, живопись.

2 июля. При этом не унывай о том, что слабы твои силы: делай, что можешь.

9 июля. Нужно всегда тихо радоваться, несмотря на болезнь, труды, несмотря ни на что.

16 июля. И до последнего вздоха трудиться, самому себя обслуживая и какую-нибудь посильную пользу принося людям – с любовью, с надеждой, с верой во все светлое и прекрасное в жизни.

23 июля. Одиночество быть не должно у человека, стремящегося к истинной жизни – духовной, так как везде и во всем он находит единство жизни.

30 июля. Настоящий судья – это бесконечная доброта (Ариэль). Старайся не останавливаться на дурных и мрачных сторонах человека, а смотри в глубь его души – в его святая святых (Л.М.)

6 августа. «Живи тихо, тихо в сиянии со Всевышним. Будешь в гармонии со Всевышним – будешь в любовном общении со всем живым. Но, если сойдешь на площадь себялюбивых чувств и желаний, то почувствуешь одиночество» (Л.М.).

13 августа. Сегодня год, как умерла Поля слепая. Сколько уже дорогих, милых людей ушло за эти 2-3 года! Но что же

делать? «Каждый рожденный должен умереть» и каждый в свой черед. «Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий». Будем радоваться жизни, пока живы, а когда придет смерть, умрем покорно.

20 августа. Мы должны нашу плоть превращать в дух, нашу физиологическую деятельность – в служение добру, правде, красоте, в великодушие, в разум, в сознание – в этом алхимия душ и оправдание нашего существования на земле (по Амизлю).

3 сентября. Иногда мне бывает грустно, тоскливо в моей пустой комнате... Но что же делать, если нет рядом со мной ласкового, заботливого, любящего, внимательного существа: друга, мужа, сына, дочери... Нужно быть благодарной и тому, что есть – тихой, отдельной комнате, пенсии, которая меня вполне обеспечивает, хорошим книгам и т.д.

10 сентября. Нужно примириться с необходимостью и мужественно нести свой крест (Амизль).

17 сентября. Никогда не надо злобствовать, даже на тех людей, которые поступают дурно. От этой злобности так худо становится на сердце. Что же делать? Жалеть – только и всего.

24 сентября. Не надо думать о том, что мы потеряли, а о том, что у нас еще осталось, и утешаться этим.

15 октября. Успокоение добрых (а так же разумных) – в их совести, а не в устах людей (Л.Н.Т.).

6 ноября. Прекрасно прошедшее время, когда я жила с дорогой матерью, потом была невестой и женой Павлуши, но дорого и то время, которое я переживаю сейчас и которое я должна провести как можно лучше.

12 ноября. «Мысль, слово и дело – двигатели жизни; писатели, ученые и ремесленники – это работники Божии» (Амизль). Мне тоже хочется недаром прожить свою жизнь, где мыслью, где словом, где делом творя жизнь – среди всяких людей и обстоятельств, по мере своих сил и способностей.

19 ноября. Главные свойства христианина: кротость, смирение, покорное несение креста, самопожертвование и прощение неврагам. (Л.Н.)

26 ноября. Во всех случаях жизни, когда сомневаешься, что тебе делать, всегда старайся делать то, что для других лучше – не ошибешься, потому что почувствуешь истинную радость и мир в своей душе.

3 декабря. Хочется торжественно и тихо, как бы перед лицом смерти, дожить свою жизнь, трудясь хотя старательно, но тихо и безмятежно.

11 декабря. Нужно делать добро с добротой, а не с раздражением, а я иногда раздражаюсь на тех людей, которые меня корят за то, что я делаю добро, которое, по их мнению, «развращает и балует людей».

17 декабря. И не только на людей не надо сердиться, но и на животных и главным образом на животных, потому что у них нет руководящего разума и силы воли. К ним нужно быть особенно снисходительными и терпеливыми.

1962 год

7 января. Я заметила, что животные, не обладая разумом, обладают чутьем. Вот я больна и мои кошки смотрят на меня проникновенно, прямо в глаза, лезут на колени, на плечи; в постели укладываются под бок, будто чем-то хотят помочь, выказать свое участие.

14 января. Постоянное стремление от тьмы к свету – в этом путь христианина.

21 января. Когда сердце твое будет переполнено Божеской любовью, то она будет проливаться на каждого, кто будет встречаться на пути. Солнышко, которое будет изливаться из твоего сердца на других, придет к тебе обратно со своим теплом и ты не будешь чувствовать себя одинокой. (Е.М.М.)

28 января. Доставлять счастье и делать добро – в этом закон жизни, ее якорь спасения, смысл ее. И пусть погибнут все религии – если это есть, то стоит жить. (Амизль).

12 февраля. Мне очень хочется выработать в себе тишину глубокую, ничем ненарушимую, и улыбку, т.е. благожелательность ко всем.

18 февраля. «Весь мир во зле лежит». Что же мне остается делать в этом мире? Несмотря на окружающее зло, жить

чисто, честно выполняя свой долг и делая посильно дела добра – так дожить свой век.

25 февраля. Всякий день хорошо начинать так: думать о том, какую бы ты радость смог доставить хотя бы одному человеку. (По Ницше).

5 марта. Мы учимся не только на хороших примерах, но так же на ошибках своих и чужих, которые указывают нам, что нужно делать и чего избегать.

11 марта. «Вы говорите, что верите в Бога, и многие люди говорят это. А в человека верите ли вы?» (П.Н.Г.).

18 марта. В самом последнем человеке, заблудшем и презираемом, есть искры доброты и правды; к ним-то и нужно обращаться.

1 апреля. Стараясь в большом не грешить, в то же время допускаю ошибки в малом, например, раздражаюсь с животными, а ведь из малых мгновений складывается жизнь, и к тому же «терпение есть пробный камень добродетели».

9 апреля. Умей повторять вместе с апостолом: «Я научился быть довольным тем положением, в котором нахожусь».

22 апреля. Все хорошо в свое время. А то вот за эту ночь выпал снег и получилась картина зимы – красивая, но не радуется, так как не вовремя.

30 апреля. Не надо тяготиться одиночеством, потому что окружающая толпа порождает суету, а суета мешает духовной жизни.

6 мая. Надо уметь подходить с добром к каждому человеку, не ожидая, когда он будет поражен болезнью или окажется под угрозой смерти. Каждый день, каждый час нужно быть справедливым, внимательным и сострадательным со всеми (Амиэль).

13 мая. Я должна трудиться старательно и аккуратно, но в то же время спокойно и безмятежно, не жалуясь ни на усталость, ни на болезнь, ни на труды.

20 мая. Весенняя горячка: люди с головой ушли в посадку огородов, некогда им словом перекинуться. Я не сочувствую такому положению дела, хорошо, что еще дождик по временам несколько перебивает и охлаждает эту весеннюю горячку; работа на земле очень хороша, но не надо за нею

забывать, что есть небо.

3 июня.

*Любить, любить и душу человека,
И душу птиц, и душу всех зверей.
Всех – каждое дыхание в этом мире –
Всех слить в одну любовь в душе своей.
Какая радость благодатная в этом,
Какое счастье всех любить,
Какое счастье в каждом видеть Бога...*

Попов Е.И.

1 июля. Нужно во всех случаях жизни, когда испытываешь от людей беспокойство, неудобства, думать не о себе, а о тех страданиях, какие испытывают другие люди и что заставляет их волноваться, кричать и пр. – нужно жалеть их.

15 июля. Да, всех жалеть – и добрых, и злых, и праведных, и неправедных, ведь и Христос не избегал блудниц и мытарей, а старался их научить добру.

22 июля. Передо мной Ты (Бог), проявленный в разных формах, и я должна постоянно помнить, что на Тебя, стоящего передо мною, должна я изливать только любовь, единство (из письма Л.М.).

5 августа. Мы должны жить и умереть в Боге, разливая вокруг на все живущее любовь и мир.

11 августа. Из письма Л.М. об И.С.: «Как трогательно прекрасна эта догорающая жизнь, полная радости и любви ко всему существу».

26 августа. Нужно трудиться старательно, аккуратно, четко, но совершенно спокойно и безмятежно, не жалуясь ни на труды, ни на усталость, ни на болезнь – все это должна я переносить терпеливо и любовно.

9 сентября. Положись на Бога и Он поведет тебя туда, где для тебя будет лучше. На свои страдания смотри, как на посланные тебе Богом (из писем А.М.).

23 сентября. Надо воспитывать в себе и неуклонно сохранять тишину. Лучше опоздать, чем поспешить.

15 октября. Хочется осудить, а ты пойми и пожалей. Хочется наказать виновного – пожалей. Хочется отойти с презрением от недостойного человека – пожалей и постарайся кротко научить добром. Спасение во всяком положении – в жалости.

28 октября. Все, что человек делает великого, доброго, прекрасного – делает через него Тот Высший, орудием которого он является (по Амиэлю).

4 ноября. Иногда так хочется уйти от окружающей сутолоки, дикости, пьянки, мелких материальных интересов, и пожить среди праведных, чистых, добрых, но вспоминаю Христа, его слова: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». Вспоминаю Домиана де Вестера, друга прокаженных, который здоровым поселился среди прокаженных и во многом облегчил их страшную жизнь, но сам заразился от них и умер. Вспоминаю доктора Гааза, друга несчастных заключенных, Викентия Поля и других подобных людей и примиряюсь со своей участью.

11 ноября. Берегись мирского, берегись поддаваться мирской борьбе, вспоминай в это время о духовном, о главном.

25 ноября. Смирение, кротость и любовное отношение ко всем без исключения – в этом самые главные добродетели христианина.

17 декабря. Всех люби и всех прощай – только этим можешь победить зло.

19 декабря. И не только люби и прощай, но так же и добро делай за зло. «Там, где кончается любовь, кончается жизнь». Вспомним Анну Каренину, которая возненавидела все и всех вокруг себя, и ненависть эта кончилась смертью.

1969 год

НЕТ ВЫШЕ ЧЕЛОВЕКА, КОГДА ОН ДОСТИГАЕТ ВЕЛИЧАЙШЕЙ КРОТОСТИ ДУХА, РУКОВОДСТВУЯСЬ РАЗУМОМ И СОВЕСТЬЮ, И ЛЮБОВЬЮ К ДОБРУ И ПРАВДЕ, ОСТАВАЯСЬ ВЕРНЫМ СВОЕМУ СТРЕМЛЕНИЮ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ, ДО КОНЦА, ДО СМЕРТИ, ДО КРЕСТА.

Печатается по подлиннику.

Анатомия мифа

Александр Водолазов
ТАМ, ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ
Описание жизни Александра
Васильевича Светакова

Попытка реконструкции на фоне реальных исторических событий, с использованием доносов, справок, протоколов допросов, газетных статей, а также другого архивного материала

Отрывки из неизданной книги

Только из настоящего можно безошибочно вывести прошлое. Только сегодня можно предвидеть то, что было вчера...

Лешек Шаруга

Там, за далью непогоды
 Есть блаженная страна.
 Не темнеют неба своды,
 Не проходит тишина...

Николай Языков

Северный морской путь должен
 стать нормально действующей
 транспортной магистралью.

И. Сталин

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ
АЛЬМАНАХА «ГОЛОСА СИБИРИ»

Предлагаемые разрозненные главы из книги представляют лишь малую ее часть. Потому имеет смысл хотя бы вкратце дать представление о ее общем содержании.

В книге два героя. Об Александре Васильевиче Светакове современному читателю вряд ли что известно. В периодике первой половины 30-х годов еще можно найти его фамилию. Он был частым автором журнала «Советская Арктика». О нем неоднократно писали газеты «Правда», «Известия», журнал «Огонек». Официальный летописец и гимнопевец сталинизма, писатель Борис Горбатов несколько месяцев провел со Светаковым на острове Диксон и описал его трудовые подвиги.

Если очень постараться, в Интернете можно найти скудную информацию в рубрике «Мартиролог»:

«Светаков Александр Васильевич, строитель. Образование высшее. Окончил Московский институт. Строил порты на Дальневосточном крае, на Шпицбергене, бывал в Америке. Осужден. В начале 50-х отбывал ссылку в Ермаково на строительстве 503. Работал прорабом в женском л/п. Там женился на б. заключенной (не политической). Утонул вместе с беременной женой на катере, который врезался в пароход, стоящий ночью без огней. Жена тоже погибла».

Возможно, авторов стоит поблагодарить хотя бы за то, что они извлекли из мрака сталинских времен забытую фамилию? Но благодарить не хочется, ибо небрежность в восстановлении забытых имен сродни той доброте, что хуже воровства.

И не в том дело, что трудовая деятельность Светакова описана весьма приблизительно. Не бывал он в Америке, не строил порты на Шпицбергене (хотя там как раз бывал). И «осужден» он не в начале 50-х, а в 38-м, что, согласимся, далеко не одно и то же.

Куда важнее и непростительнее другое: в третьем тысячелетии, спустя полвека после смерти самого лютого изверга в истории человечества, оказывается, опять в ходу лексика вышинских-андроповых. Термин «осужден», по логике вещей, предполагает, во-первых, наличие вины, во-вторых, наличие правосудия. «Осужден» - применительно к невинной жертве коммуно-фашистского режима – это не только глумление над памятью миллионов, но и оправдание самого режима.

Наконец, авторы «Мартиролога», «осудив» Александра Светакова, не потрудились сообщить о его реабилитации. Потому, предваряя повествование, восстановим для начала истину, а заодно и доброе имя нашего героя.

Александр Васильевич Светаков родился в 1900 году на Южном Урале. С малых лет трудился на золотом прииске и на железной дороге. После Октябрьского переворота примкнул к большевикам, партизанил под началом будущего маршала Василия Блюхера и братьев Кашириных. Демонстративно ушел

из партизанского отряда после кровавых событий в Белоречке, когда по наущению одного из Кашириных был зверски убит большевистский лидер Павел Точисский.

После Гражданской – на военной и партийной работе. Затем рабфак, Московский институт транспорта, работа на Дальнем Востоке, на Сахалине, проектировал и строил порты на трассе Северного морского пути.

В 1938 году арестован. Особое совещание назначило ему пять лет лагерей и пять лет поражения в правах «за участие в антисоветской право-троцкистской организации». Вместо пяти провел в лагерях восемь лет. В 1949 вновь арестован как «повторник». Погиб в 1953 году. Посмертно полностью реабилитирован.

Книга поначалу так и мыслилась – как биография Александра Светакова. Но по мере работы над материалом все более становилось ясным, что судьба одного человека, вырванная из исторического контекста, из истории Северного морского пути – ущербна и одномерна. Так в книге появился второй герой, Отто Юльевич Шмидт – без сомнения, творец этой истории, ее олицетворение и жертва.

Если об Александре Светакове современный читатель не знает ничего, то об Отто Шмидте написаны горы воспоминаний, книг, статей, сценариев. Тем не менее автор берет на себя смелость утверждать, что о «ледовом комиссаре» известно не больше, чем о Светакове. Ибо вся прижизненная и посмертная биография о Шмидте – откровенный сталинский миф.

В этом мифе есть очевидная странность, которую стараются обходить биографы. Хорошо известен «героический» период его жизни - с 1929 по 1939 год: череда подвигов и «эпопей», венцом которых стали звания академика и Героя Советского Союза.

Куда менее известен (если не сказать – практически неизвестен) предшествующий период его биографии. Восполним хотя бы вкратце этот пробел, поскольку в предлагаемых главах этот период отсутствует.

Отто Юльевич Шмидт родился в 1891 году. В 18 лет поступил на математический факультет Киевского университета. В 1913 году блестяще его окончил, остался при факультете, а в

1916 году получил должность приват-доцента.

В разгар первой мировой войны делает крутой поворот – поступает на службу в продовольственную часть Киевской городской управы. После Февральской революции он уже в Петрограде, где, по его собственному признанию, «предлагает свой труд Министерству продовольствия» в правительстве Керенского. Весьма своеобразный (если не сказать – пикантный) выбор математика и приват-доцента.

После Октябрьского переворота Шмидт становится функционером уже советского правительства, заняв кресло директора департамента и члена коллегии Наркомпрода. По этому поводу в новейших справочниках можно прочесть: «Участвовал в разработке положения о рабочей продовольственной инспекции и продотрядах – чрезвычайных органах большевиков, которые проводили насильственные реквизиции хлеба – фактически занимались разграблением деревни. Как один из руководителей Наркомпрода причастен к организации карательных акций против восставших крестьян».

Участвовал он и в заседании Совнаркома, на котором было принято печально знаменитое постановление «О красном терроре», и голосовал «за».

С «хлебного фронта» партия перебрала Шмидта на кооперацию, потом на образование, финансы, статистику. Во всех наркоматах он был «непременным» членом коллегий, однако нигде не оставил после себя заметного следа. Зачастую дело кончалось откровенным конфузом, но принадлежность к уже сформировавшейся партийно-советской номенклатуре позволяла неизменно оставаться в «обойме».

Наконец, в 1928 году партия направила его на Памир, участвовать в советско-германской экспедиции. Здесь он обрел статус «путешественника», то есть почти географа. И партия направляет Шмидта по этой – «географической» - части в Арктику, которой он и отдаст десять лет жизни.

Так обстоит дело со Шмидтом. Мало-помалу книгу «заселили» и другие персонажи. Все без исключения – реальные люди той эпохи. Все фамилии, факты, документы, протоколы допросов, цитаты из периодики – подлинные.

В книге много цитат из «чистосердечных признаний», сделанных в сталинских застенках. Как к ним относиться сегодня?

Последуем совету великого зэка России Александра Солженицына: «*Брат мой! Не осуди тех., кто оказался слаб и подписал лишнее*» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Что касается энтузиастов, сочинявших доносы по велению души – их еще ждет неотвратимый суд истории. Автор глубоко убежден в этом, иначе не взялся бы за сей труд.

Февраль 2006 года

ГОНКА ЗА КОЛЫМСКИМ ЗОЛОТОМ

На исходе 20-х годов «волны революции», так счастливо носившие Отто Шмидта по этажам и коридорам партийно-государственной номенклатуры, вынесли его в Арктику.

В 1929 году ему предстояла очередная памирская экспедиция, но та по каким-то причинам то ли не состоялась, то ли сам Шмидт не смог принять в ней участие. Оказавшегося не у дел высокопоставленного «путешественника» партия направила в Арктику. На ледокольном пароходе «Седов» в ранге «правительственного комиссара» он высаживается на Земле Франца-Иосифа. Целью экспедиции были не столько научные исследования, сколько закрепление итогов территориальной экспансии СССР в Арктике, в частности принадлежность Советскому Союзу стратегически важного архипелага. Шмидт с этой задачей успешно справился, водрузив на «ничейной» земле государственный флаг СССР.

Известно, как нелегко расставаться с мифами. Один из них утверждает, что с первых дней Главсевморпуть возглавил выдающийся ученый, академик, легендарный полярник Отто Юльевич Шмидт. Потому еще раз подчеркнем: на арктическое хозяйство пришел человек, равным счетом ничего в нем не смыслящий. Шмидт еще не Герой, не академик, не трижды кавалер ордена Ленина – он заурядный партгосчиновник второго-третьего ряда, пересаживаемый «партией и правительством» из кресла в кресло. Он мог быть назначен, скажем, на культуру, на профсоюзы или кинематографию. Но его «бросили» на Арктику.

Здесь нет ни тени преувеличения, речь об обычной советской практике. Мог же чекист Ежов возглавить наркомат водного транспорта. Сменил его на этом посту некто Дукельский, до того бывший председателем Комитета по кинематографии (правда, главной его заботой было «крутить кино» лично для вождя). А от Совнаркома морской флот курировала зловещей памяти Землячка, в гражданскую войну утопившая в крови Крым.

После экспедиции на Землю Франца-Иосифа Шмидт обретает некий ореол полярника, а заодно получает пост директора Арктического института. Следует согласиться, что поворот от кооперации и образования к Арктике не менее крут, чем от приват-доцента математики к «хлебному фронту». В задачи возглавляемого Шмидтом института входят изучение проблем развития Севера и, что чрезвычайно важно для понимания дальнейшего, поиск полезных ископаемых.

Здесь мы подходим к самому главному. В последующие два года Шмидт совершит две экспедиции: сначала на ледокольном пароходе «Сибиряков», затем на пароходе «Челюскин». В обоих случаях декларировалось, что целью было доказать возможность сквозного прохода вдоль трассы Северного морского пути за одну навигацию. По поводу обеих экспедиций было поломано немало копий, накручено множество мифов, опубликованы десятки воспоминаний. Но невозможно найти внятного ответа на простой, казалось бы, вопрос – ЗАЧЕМ? Зачем были нужны Шмидту эти самые сквозные рейсы?

Ответ следует искать в 1926-1929 годах, когда экспедиции Обручева и Билибина обнаружили в верховьях Колымы несметные запасы золота. Золотоносная зона, по их расчетам, простиралась в длину на 700 километров, в ширину – на 150-250. Важные результаты были получены и партией по исследованию реки Колымы в 1928-1930 годах. Ее возглавлял иркутский ученый Иван Молодых, который и составил самую подробную лоцию реки Колыма. Можно считать, что именно с этого момента началась гонка за колымским золотом.

Не откладывая в долгий ящик, политбюро в марте 1932 г. предписывает ОГПУ немедленно по открытии навигации

перебросить в район колымских приисков пять тысяч заключенных. В дальнейшем - еще 20 тысяч.

Машина закрутилась. 1 апреля 1932 г. Генрих Ягода подписал приказ «Об организации Северо-Восточного лагеря ОГПУ», а в ноябре того же года предписал «определить на 1933 год контингент «Севвостлага» для работ по «Дальстрою» в 40 тысяч единиц».

Насущной задачей становилось создание транспортной системы, без которой «золотая» Колыма функционировать не могла. Чтобы представить, о проблеме какого масштаба шла речь, достаточно взглянуть на карту Северо-Востока страны и усилием воображения «убрать» с карты Магадан. Что видим? Ледяную горную страну, в кладовых которых полно золота, но к которой ни с какой стороны не подступиться.

Но как ни напрягай воображение, Магадан на карте есть. Откуда он взялся? Все тот же Иван Молодых предложил построить порт на берегу Охотского моря, в бухте Нагаева, а от него протянуть шоссе до самых приисков Верхней Колымы и далее – до Лены. В качестве вспомогательного варианта он считал возможным использовать морскую каботажную линию Владивосток - устье Колымы - Среднеколымск.

К числу сторонников сухопутного варианта принадлежал и гидрограф Сергей Абрамович-Блэк. Он участвовал в экспедициях Молодых и по их итогам написал популярные в то время путевые очерки «Записки гидрографа».

Были и другие концепции, в том числе предусматривающие прокладку железных дорог. Но ни одна из них, в том числе и Ивана Молодых, не предусматривала использование Северного морского пути (в традиционном понимании этого термина, то есть морской трассы. Главного управления Севморпути, о котором речь впереди, тогда еще не было).

За основу взяли концепцию Молодых. Постановление ЦК от ноября 1931 года предусматривало необходимость всемерно форсировать работы «по постройке дороги от бухты Нагаева до приисков, одновременно ведя изыскания и предварительные работы по трассе Якутск – Колыма».

«Форсировать» начали сразу же и все: строительство города Магадан, порта, судоремонтного завода и, конечно же, упомянутой дороги. Она так и вошла в историю под названием Трасса, в основании которой, без преувеличения, кости сотен тысяч заключенных.

Однако, золото не ждало. Пока шли «сухопутные» работы, осваивается вспомогательный северный вариант. Для его реализации создается так называемая Северо-Восточная экспедиция Наркомвода (иногда ее называют Колымской).

Сохранились воспоминания одного из ее руководителей - капитана Бочека. В январе 1932 года его вызвал нарком Николай Янсон и сообщил: наркомату поручено доставить грузы и людей из Владивостока в устье Колымы для нужд «Дальстроя». Под «людьми» или, как их еще называли, «пассажирами» подразумевались заключенные.

Выбор пал на три судна типа «Север» (с ледовыми подкреплениями), три лесовоза грузоподъемностью по две с половиной тысячи тонн, а также парусно-моторную шхуну «Темп». Обеспечивал поход ледорез «Федор Литке». Судов едва хватило, чтобы разместить весь груз, так как твиндеки трех судов типа «Север» были забиты заключенными. Янсон страшно волновался и просил Бочека дойти любой ценой. Срыв, пояснил он, будет катастрофой для него лично (о драматичной судьбе этой экспедиции разговор впереди).

Так обстояло дело в тот год, когда Шмидт уже стал директором Арктического института и планировал сквозной проход от Архангельска до Владивостока за одну навигацию.

Неизвестно, в чьей голове родилась эта бредовая идея. Трудно предположить, что ее мог подсказать кто-то из ученых-полярников, его подчиненных по институту. Скорее всего, Шмидт «дошел сам», сотрудникам же оставалось «онаучить» предстоящую авантюру.

Идея была «проста»: внушить руководству страны, что вот он, Отто Шмидт берет все золото Колымы без всяких сухопутных трасс и железных дорог, требующих невообразимых затрат и – главное – времени. Более того, не нужно никаких Северо-Восточных экспедиций Наркомвода.

Нет необходимости создавать на Востоке и Северо-Востоке гигантскую инфраструктуру. Обычные неледокольные суда могут доставлять грузы и заключенных прямо из Европейской части СССР, из Архангельска и Мурманска в устье Колымы, а обратно вывозить золото, олово, что хотите.

В гонке за золотом Колымы Шмидт решил перехватить приз у «Дальстроя» и Наркомвода, стать единственным хозяином Арктики. Но сначала надо было разбить врагов, «этих умников». Для этого за пазухой всегда был наготове булыжник испытанного марксистско-ленинского учения.

Из архивов. «В процессе изучения Советской Арктики мы встречаемся с теориями и тенденциями, явно враждебными марксизму-ленинизму и конкретным директивам, данными партией и правительством. Оппортунисты не всегда решаются выступать открыто. Контрабандно, маскируясь, шушукаясь по углам, они пытаются разговорами о мнимой нерентабельности Севморпути ревизовать линию партии...

Мы встречаемся с попытками отдельных исследователей, вроде И. Ф. Молодых и болтунов-пасквилянтов типа Абрамовича-Блэк, опорочить значение Севморпути для решения транспортных проблем Азиатского побережья Союза и в первую очередь – Якутской ССР.

И. Ф. Молодых, говоря о снабжении Колымо-Индибирского края, пишет: «Необходимо коренное изменение в направлении основного грузопотока вместо северного на южное. Вместо имеющегося ныне исключительного снабжения населения Северным морским путем, желательнее направить основной грузопоток с побережья Охотского моря в верхний судоходный участок реки Колымы»... Более развязно и менее доказательно то же самое пишет автор скандальных «Записок гидрографа»: «Северный морской путь в Колыму станет действительно только запасным путем, только участком большого транзита Архангельск – Владивосток»...

После победных рейсов «Сибирякова», «Челюскина» подобные мнения уже стыдятся высказывать вслух, но такие взгляды и вредные тенденции еще существуют. С ними мы должны и будем вести упорную и жестокую борьбу».

Журнал «Советская Арктика»

Эти гневные строки появились чуть позже, на пике той самой «жестокой борьбы», но началась она именно в 1932 году. Отметим лишь, что назвать вымученный проход Севморпутем «Сибирякова» и гибель «Челюскина» победными (!?) – для этого, конечно, надо быть или очень циничным человеком или сумасшедшим (об этом разговор впереди)...

Но вот беда – своего судна у Шмидта не было. В начале 1932 года он обратился за помощью к Николаю Янсону, в Наркомвод. Янсон тоже мало что смыслил в арктическом мореплавании, но у него были специалисты, которые не побоялись сказать, что это авантюра. Янсон отказал, но Шмидт подключил свои связи в ЦК и Совнаркоме, нашел союзников. На Янсона надавили, и тот вынужден был предоставить Шмидту ледокольный пароход «Сибиряков».

Ситуация создалась пикантная. Летом 1932 года из Владивостока к устью Колымы с грузами и заключенными направляются суда Особой Северо-Восточной экспедиции Наркомвода. А навстречу им, из Архангельска движется «Сибиряков» все того же Наркомвода с целью доказать, что экспедиция не нужна. Несмотря на то, что в то лето были необычайно благоприятные ледовые условия, обе экспедиции закончились провалом.

Принято считать, что «формально» Шмидт выполнил поставленную задачу: «Сибиряков» за одну навигацию прошел из Архангельска во Владивосток. Во всяком случае, именно так твердила (и до сих пор твердит) пропаганда.

Начать с того, что «Сибиряков» трассу не преодолел. Зажатый в Чукотском море тяжелыми льдами, он потерял винт, руль и оказался целиком во власти ветра и течений. Только благодаря нечеловеческому напряжению сил всего экипажа, в буквальном смысле слова вручную, расталкивая льдины с помощью бамбуковых шестов, взрывая лед аммоналом, удалось под парусами додрейфовать до Берингова пролива.

С таким же успехом можно было утверждать, что бревно, вмержшее в лед, к примеру, у Новой Земли, а через год оказавшееся у берегов Гренландии, успешно преодолело Ледовитый океан. В Чукотском море было уже не судно в международно-

правовом понимании этого термина, а некая железная коробка с надписью на борту - «Сибиряков».

И не пришел «Сибиряков» во Владивосток. В Беринговом проливе его взял на буксир рыболовный траулер «Уссуриец», да так и тащил до самой... Японии, где «Сибиряков» и был поставлен на ремонт. Спустя несколько месяцев, круговым южным путем он возвратился в Мурманск. А Шмидт с частью экипажа, действительно, добрался до Владивостока, но... в качестве пассажира японского парохода «Амаксу мару».

Любопытная деталь героического рейса: в районе острова Врангеля безуспешно бился со льдом старый пароход «Совет». Он должен был высадить на остров смену зимовщиков и запасы продовольствия. Оказавшись в отчаянном положении, с поврежденной машиной, он запросил помощь у шедшего неподалеку «Сибирякова». Но Шмидт отказал, он торопился поставить рекорд.

Через несколько дней, когда в отчаянном положении оказался уже сам «Сибиряков», Шмидт запросил помощи у «Совета». Капитан бедствующего судна добросовестно пытался пробиться к «Сибирякову», но не смог. Зато именно капитан «Совета» вызвал на подмогу «Уссурийск».

Тем не менее Шмидт добился своего. Он убедил членов политбюро, таких же, как он, «специалистов» в вопросах арктического мореплавания, что именно с Северным морским путем связано будущее освоение «золотой Колымы» и других кладовых Севера. Важным аргументом в его пользу было то, что суда Особой Северо-Восточной экспедиции вынуждены были зазимовать во льдах. Наградой ему стал первый орден Ленина.

Дальнейшие события в официальной мифологии выглядят так. 12 декабря 1932 года – триумфальное возвращение Шмидта в Москву. 12-14 декабря он составляет записку в ЦК о необходимости создания новой структуры, которая сконцентрировала бы в одних руках все проблемы исследования и освоения Севера. ЦК ее быстренько утверждает (не изменив почти ни строчки - подчеркивают биографы), а 17 декабря выходит постановление правительства о создании Главного управления Северного морского пути при Совнаркоме СССР

(ГУСМП). А сам Шмидт становится его начальником, то есть практически наркомом. И все за какие-то пять суток.

Надо знать механизм принятия партийно-государственных решений с неизбежными ступенчатыми согласованиями, визиованиями и т.п., чтобы понять – все решения были приняты много раньше, главной визой на документе должен был стать победный рапорт об успешном сквозном рейсе «Сибирякова». И Шмидт такой рапорт привез. В какой степени он соответствовал действительности – другой вопрос.

Надо отдать должное власти: она и не думала закрывать магаданский вариант, а стала развивать оба, наблюдая, кто кого...

Неудобоваримая аббревиатура - ГУСМП - не приживется, новую структуру так и будут по-прежнему величать – Севморпуть или Главсевморпуть, чем надолго введут в заблуждение и современников и потомков.

В действительности, Главсевморпуть вовсе не был транспортной магистралью, как это принято считать. В административно-хозяйственное подчинение Шмидта перешли острова и моря Северного Ледовитого океана в европейской части СССР, в азиатской – территория севернее 62-й параллели со всеми хозяйственными предприятиями союзного значения, портами и судоремонтными заводами, торговой и заготовительной системой, лесозаготовками, угольными разработками, оленеводством, с авиацией и – самое главное - изысканием и эксплуатацией полезных ископаемых (правда, золото Колымы осталось за «Дальстроём»).

Соответственно, и штаб-квартира Севморпути располагалась не где-нибудь среди льдин и белых медведей, а в самом центре столицы, на улице Разина (именно так большевики уже успели переименовать старинную Варварку), аккурат рядом с комплексом зданий ЦК.

К 1936 году, когда структура «полярного наркомата» достаточно устоялась, в него входили: управления морского и речного транспорта, полярной авиации, полярных станций, гидрографическое и горно-геологическое управления, сельскохозяйственный, пушно-промысловый, торговый, планово-

экономический, финансовый, мобилизационный отделы, культурно-бытового обслуживания и само собой, а, может быть, в первую голову, политуправление.

Зампред Совнаркома Влас Чубарь на одной из встреч с активом Севморпути так определял его задачи: «Направление деятельности ГСМП определено лично тов. Сталиным. Он поставил вопрос так: Арктика и северные наши районы имеют колоссальные богатства. Нам нужно создать такую советскую организацию, которая бы эти богатства в кратчайший срок включила в общие ресурсы нашей социалистической стройки. Норильск, Нордвик... Цветные металлы на Севере, добыча там местного топлива – угля, соли..., планомерное и широкое освоение лесных богатств Сибири и северных районов...». Еще и в 1938 новый заместитель Шмидта Иван Папанин будет сокрушаться по поводу «высокого процента яловости оленьих маток».

Таким образом, Главсевморпуть изначально был своеобразным «ледовым наркоматом», а сам Шмидт - «ледовым наркомом». Ему был предоставлен фактически карт-бланш, и он решил им незамедлительно воспользоваться. В самом начале 1933 года он вошел в ЦК и СНК с предложением повторить прошлогодний маршрут, но на этот раз на ОБЫЧНОМ НЕЛЕДОКОЛЬНОМ судне. Позже придумали формулировку – чтобы подтвердить неслучайность успеха «Сибирякова».

НЕУДАВШАЯСЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Светаков вернулся из отпуска в середине июля 1932 года и сразу же был назначен заместителем начальника Лено-Таймырской экспедиции и начальником речной изыскательской партии. К тому времени экспедиция через Иркутск и Качуг уже забросила в Киренск на Лене оборудование, материалы, а также людей. Километрах в двадцати ниже Киренска, в Алексеевском затоне строились три экспедиционные шхуны – «Челюскин», «Лаптев» и «Прончищев», а также 200-тонная баржа.

План работы был таков: в 1932 году весь этот флот забрасывает продовольственные базы на реки Хатанга, Анабар и

Оленек. Эти же суда производят гидрографические работы в устьевых участках, при впадении рек в море Лаптевых. После ледостава, зимой 1932-33 годов речная партия Светакова через Красноярск и Дудинку добирается до верховьев реки Хеты и, дождавшись весны, следует по Хете и Хатанге с топографическими и промерными работами до моря Лаптевых. Все работы должны были занять года три, но планам не суждено было осуществиться. Замах был явно мощнее наличных возможностей.

В конце июля Светаков прибыл в Иркутск. Там в Восточно-Сибирском отделении Гипроводтранса он изучил имевшиеся изыскательские материалы, а в начале августа прибыл в Киренск, где его ждало первое разочарование.

Начальник экспедиции Ширген при первой же встрече начал материться на чем свет стоит, кляня местных чиновников, погоду и Наркомвод. По его словам выходило, что экспедиция практически уже сорвана: суда, за строительство которых отвечали водники, к весеннему паводку, когда их можно было сплавить по большой воде, так и не были построены и не известно, будут ли когда-нибудь построены вообще.

Светаков, которому больше всего на свете не хотелось возвращаться в Москву, решил взять дело спасения экспедиции в свои руки. На «Челюскина» и «Лаптева» рассчитывать не приходилось - даже корпуса обеих шхун еще не были закончены. Но «Прончищев» был почти готов к спуску, оставались только палубные работы.

Проблема состояла в том, что большая паводковая вода давно ушла. И хотя в самом Алексеевском затоне глубины были достаточные, чтобы спустить в него судно с осадкой 3,2 метра, дальше по Лене глубины на перекатах не превышали метра. Задача казалась неразрешимой, ибо предстояло протащить верблюда через иголье ушко.

Светаков взялся за расчеты и нашел-таки выход. Ему активно помогал Павел Хмызников, с которым они за короткое лето очень сдружились.

Справка. Через три года талантливый ученый, гидролог и гидрограф Павел Константинович Хмызников после гибели

«Челюскина» будет в ледовом «лагере Шмидта» составлять программу экспедиции на Северный полюс, которую в 1937 году осуществит «четверка папанинцев». А спустя еще три года, уже в ранге доктора географических наук попадет в сталинские застенки, где и погибнет.

«Прончищева» спустили на воду, а затем с обоих бортов подвели под него карбазы, которые служили своего рода понтонами. Шхуна всплыла и в начале августа двинулась через ленские перекаты. (Если бы Светаков знал, какую роль через несколько лет сыграет в его судьбе «Прончищев», он бы своими руками спалил его прямо на стапеле.)

Сам Светаков не имел ни судоводительского опыта, ни права управлять шхунной. Роль шкипера взял на себя Павел Хмызников, который имел диплом штурмана малого плавания. Небольшой буксирчик дотащил «Прончищева» до селения Витим при впадении в Лену одноименной реки. Дальше Лена течет полноводно, и «Прончищев» мог двигаться своим ходом. За два-три дня шхуну сняли с карбазов, поставили мачту, погрузили продовольствие, снаряжение, и она ушла в Якутск, чтобы дальше следовать в море Лаптевых.

Следом в Якутск вылетел и начальник экспедиции Ширген. Светаков же на катере возвратился в Киренск, а оттуда в начале сентября прибыл в Иркутск. Надо было готовить речную партию, чтобы затем через Красноярск и Дудинку следовать к верховьям реки Хеты. Однако не давала покоя мысль: экспедиция рассчитана на наличие продовольственных баз, но из четырех судов, которые должны были их заложить, в море Лаптевых направился только «Прончищев». Ответы на его вопросы могли дать только в Комсевморпути, правление которого располагалось в Красноярске.

В середине сентября Светаков решил туда слетать, чтобы решить все вопросы лично с председателем Комсевморпути Борисом Лавровым.

Лавров был на Севере легендарной личностью, с дореволюционным партийным и подпольным стажем, что называется –

«солдатом партии». После революции был продовольственным комиссаром в Вятке. Возглавлял конторы Военторга в Средней Азии, на Северном Кавказе, был торгпредом СССР в Афганистане. Весной 1929 года партия поставила его во главе Комсевморпути, и с тех пор, до конца дней его судьба связана с Арктикой. Именно ему приписывают славу создателя Игарки, ее лесобрабатывающей промышленности, ее порта, в котором выстраивались в очередь за лесом десятки иностранных судов.

Лавров встретил Светакова радушно, но, будучи человеком конкретным, сразу же после слов приветствия взял со стола только что полученную телеграмму. Послание было от Ширгена, который сообщал, что на траверзе реки Алдан (то есть уже миновав Якутск) «Прончищев» сел на мель и что забросить в этом году продовольственные базы на Хету и Хатангу не получится. Стало ясно, что экспедиция провалилась, так и не начавшись...

В конце сентября 1932 года Светаков снова был в Москве. Оставаться в Наркомводе не было никаких сил, хотя ему предлагали должность начальника производственного отдела. Както уже перед самым новым, 1933 годом в коридорах наркомата Светаков нос к носу столкнулся с Отто Шмидтом. Ошибиться было невозможно: его фотографии после похода на «Сибирякове» не сходили со страниц газет.

В ту пору только-только было опубликовано постановление Совнаркома о создании при правительстве Главного управления Северного морского пути. Его начальником был назначен как раз Шмидт. Со своей знаменитой бородой он носился между ЦК партии, наркоматами, утрясал проблемы, определял границы раздела между своей новой конторой и смежными комиссариатами и – главное – набирал людей на ключевые посты. Имея фактический карт-бланш на формирование по своему усмотрению невиданной прежде структуры, он не очень церемонился с наркомами и чиновниками, без стеснения переманивая (где лестью, где посулами, где угрозами партийной кары) нужных себе людей.

В Комиссариате водного транспорта он оказался совсем не случайно. Ему требовались опытные моряки, речники,

экономисты морского и речного транспорта, портостроители, гидрологи, ледоколышки. Так что Наркомвод предстояло потрясти основательно. Отношения Шмидта и наркома Янсона нельзя было назвать безоблачными, но оба были партийцами, стало быть дело для обоих было прежде всего. У Шмидта была мысль переманить к себе и самого Янсона, но этот вопрос надо было решать через ЦК.

Предварительный разговор состоялся, и Шмидт покидал Наркомвод вполне обнадеженным. Янсон предложил Шмидту несколько перспективных кандидатур.

Так получилось, что в тот же день, с утра у Янсона был Светаков со своими проблемами и неустроенностью. Янсон симпатизировал Светакову, ценил его молодость и деловой напор. Он прекрасно помнил, каким был сам в тридцать два года, накануне первой мировой. За плечами уже были революция 1905 года, аресты, побег, эмиграция в Америку. Там его выручила не столько «идейность», сколько рабочая закваска, старая профессия судового кочегара. Он привык полагаться на свои силы, такую же черту он видел и в Светакове.

- Слушай, Александр Васильевич, - осторожно подсказал он Светакову, - ты не знаком с товарищем Шмидтом?

Светаков знал о Шмидте только из газет в связи с недавним рейсом «Сибирякова». Да вот сегодня чуть не столкнулся с ним в коридоре. Поэтому Янсон вкратце описал ему ситуацию.

- Завтра в 16 часов он опять будет у меня, ему нужны люди. Я ему расскажу о тебе, а дальше ты уж действуй сам.

Вот так и получилось, что, выйдя на следующий день из кабинета Янсона, Шмидт тут же натолкнулся на Светакова, который топтался около кабинета наркома, изображая на лице полное равнодушие и безразличие. Но как только огромная шмидтовская борода показалась из-за двери наркомовского кабинета, Светаков засуетился.

- Товарищ Шмидт, разрешите обратиться, - бросился он наперерез...

Узнав, что это и есть тот самый Светаков, о котором ему говорил Янсон, Шмидт усмехнулся в бороду, подивившись молодой прыти, а потом сразу перешел к делу.

Оказалось, что он знал даже о том, что в 1928 году Светаков был в экспедиции на Амуре. Осведомлен он был и о неудаче Лено-Таймырской экспедиции.

- А вот как по-вашему, товарищ Светаков, можно ли в устье Лены осуществить ту же идею, что вы разрабатывали на Амуре? То есть срезать несколько сот километров и через искусственный канал дать выход речным судам сразу в бухту Тикси. Это ж какая была бы экономия времени и средств!..

- Идея, безусловно, заманчивая, товарищ Шмидт, но... - Светаков старался казаться предельно конкретным и потому ответил, - без изыскательских работ ответить на этот вопрос невозможно.

- А вот вы и займетесь этим. Инженеров по портовым изысканиям у нас сейчас раз-два и обчелся. Да чего там раз-два – их пока вообще нет. Так что готовьтесь, обдумывайте идеи, а я поговорю в распредотделе ЦК о вашем переводе из Наркомвода.

И, уже прощаясь, вдруг спросил:

- А, может, вы хотели бы работать, здесь, в Москве. У нас и в аппарате мало специалистов.

- Нет-нет, - сколько позволяла субординация, замахал руками Светаков, - лучше на Север.

- Ну, на Север, так на Север...

На том и расстались...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВО ЛЬДАХ

Достоверно известно, что в 1933 году никакого специального судна для нового сквозного рейса вдоль Северного морского пути у Советского Союза не было. Из того же, что имелось в наличии, ничего лучше и новее «Сибирякова» не было. Но в Дании достраивался грузопассажирский пароход «Лена», предназначенный, согласно документам, для линии Владивосток – Тикси.

Строительство осуществлялось, как это и принято, под наблюдением советского представителя, капитана дальнего плавания Петра Безайса. Судно еще при постройке получило название «Лена». С тех времен до настоящего времени судно

упорно именуют ледокольным пароходом, что является следствием недоразумения.

В спецификации, действительно, записано: «ледовые крепления корпуса соответствуют классу «для плавания во льдах», как это оговорено Британским Ллойдом». Тогда не было того многообразия классов судов (в том числе для ледового плавания), что сегодня. Представители Британского Ллойда понятия не имели, что такое ледовые условия советской Арктики. Суда для подобных целей заказывались и строились «индивидуально», под конкретные цели и условия (пример тому ледокол «Ермак», построенный по проекту адмирала Макарова). Датчане подкрепили корпус «Лены», но она не стала от этого ледокольным пароходом. О том, чем она стала – чуть дальше.

В начале 1933 года Шмидт направляет в Мурманск капитану Владимиру Воронину письмо, в котором сообщает о постройке в Дании именно ледокольного парохода и о том, что «некоторые члены правительства считают необходимым повторить рейс «Сибирякова» в будущую навигацию». Воронин, капитан и полярник до мозга костей, не колеблется ни минуты. Полагаясь на информацию Шмидта, он в ответном письме пишет: «Повторить рейс «Сибирякова» необходимо, чтобы рассеять неверие в этот путь, как путь торговый, как путь, необходимый Советскому Союзу. А неверие есть у многих».

Моряка, всю свою жизнь посвятившего Арктике, понять нетрудно. Ведь, строго говоря, не Шмидт, а он, капитан Воронин впервые в истории человечества провел старенький «Сибиряков» по Северному морскому пути в одну навигацию. Кому ж еще, как не ему, закрепить свой же успех на новом ледоколе?

И потому в ответном письме Шмидту он предлагает пойти дальше и за одну навигацию сделать рейс в два конца: из Белого моря в Берингов пролив и обратно. **«На сильном ледоколе, - уверяет он, - это можно»** (выделено автором – *А.В.*).

Шмидт торопится. 19 июня 1933 года на «Лене» поднимают флаг СССР, и судно спешно уходит из Дании в Ленинград под командованием капитана Петра Безайса, того самого, что наблюдал за постройкой.

Строго говоря, судно не было построено, поскольку не было передано по акту фирмой «Бурмейстер ог Вайн» заказчику. Более того, оно даже не прошло ходовые испытания. Стало быть, не были толком известны ни его мореходные, ни маневренные качества, ни многое другое. Не были проверены в действии главная машина, навигационные приборы. То есть судно не имело права вообще выходить в море.

Во всей этой истории самый, может быть, главный вопрос: знал ли Шмидт, что в Ленинград придет «не то» судно, что обещанный им Воронину ледокольный пароход в действительности грузо-пассажирский? Тут не может быть сомнений: начальник Главсевморпути, начальник экспедиции, который в данный момент уже исполнял волю ЦК, просто не мог этого не знать. Но как же тогда расценивать его письмо Воронину?

Точку в спорах о том, что это за судно, 5 июля поставила авторитетная приемочная комиссия, в которую входил, среди прочих, академик и кораблестроитель Алексей Крылов. Она вынесла единственно возможный приговор: судно **«совершенно непригодно к ледовому плаванию»**. Строго говоря, тут следовало бы поставить точку, поскольку этот приговор в любой другой стране означал бы благополучный конец нелепой истории.

Но в Советском Союзе это было только начало. В тот же день, 5 июля «совершенно непригодное к ледовому плаванию судно» передается в распоряжение Главсевморпути, ему присваивается новое имя – «Челюскин».

Лихорадка нагнетается. 16 июля судно должно выйти в рейс. Капитаном назначается все тот же Безайс. Безайс отказывается, Шмидт настаивает и угрожает. Тогда Безайс идет на отчаянный шаг: в судовом журнале № 1 на первой же странице он пишет о своем отказе принять командование судном. Моряки знают, что такое судовой журнал. Для «сухопутных» читателей поясним, что это – важнейший документ, общепризнанный в международной морской практике, имеющий силу юридического документа. Если в него вписана строка, тем более – рукой капитана, то ее уже, что называется, не вырвишь топором.

Похоже, хоть это Шмидт знал. Поэтому он срочно вызывает из Мурманска капитана Воронина. Когда тот прибыл в Ленинград, «Челюскин» был уже загружен. В предотходной спешке Воронину даже не дали толком ознакомиться с судном. Но то, что он все же успел увидеть, его ошеломило. Осмотрев форпик, канатные ящики и румпельное отделение (то есть оконечности судна, наиболее подверженные опасности при плавании во льдах), он все понял. Это был не ледокол, даже не ледокольное судно, как обещал Шмидт. Это было плавсредство с хилым корпусом, непомерной шириной, прямостенными бортами, тупыми носовыми обводами. Оно заведомо было обречено на гибель в ледовом плавании. И Воронин вслед за Безайсом отказался принять судно под свое командование.

Как давил Шмидт (или те, кто за ним стоял) на капитана, чем угрожал – догадаться нетрудно. Не будем забывать, из Москвы за подготовкой «Челюскина» пристально наблюдал Совнарком в лице Куйбышева, в Ленинграде от лица ЦК подготовку контролировал лично Киров. Как бы то ни было, «Челюскин» вышел в рейс 16 июля под гром фанфар, под ликующие крики провожающих. Командовал судном все-таки Безайс, а Воронин числился пассажиром до Мурманска, то есть был, попросту говоря, заложником.

За короткий переход через Балтийское море выявилась масса дефектов, в том числе в главной машине – вместо 120 оборотов в минуту она выжимала лишь 90. Направились в Копенгаген в надежде исправить дефекты и провести-таки ходовые испытания. Не ясно, пошла ли фирма «Бурмейстер ог Вайн» на какие-то контакты, каким образом и кем производился ремонт. Достоверно известно, что ходовых испытаний фирма не провела, следовательно, передачи судна по акту от строителя владельцу так и не состоялось.

Из Датских проливов в Северное море вышло не судно (в международно-правовом понимании этого слова), не «Лена», не «Челюскин», но некий «Летучий голландец», которому, правда, не грозило весь свой век неприкаянно мотаться по морям-океанам. Ибо он прямоком направлялся к своей скорой и неотвратимой гибели.

Известно, что Безайс провел судно вокруг Скандинавии до норвежских шхер. Что там произошло между ним и Шмидтом, какой разговор – нам не дано знать. Но после норвежских шхер судно шло уже под командованием Воронина. Временно, как пояснил Шмидт, клятвенно пообещав в Мурманске предоставить замену. И... опять обманул. После недельной стоянки в Мурманске «Челюскин» 10 августа 1933 года вышел в свой роковой рейс под командованием капитана Воронина.

Не оставляет ощущение: заложник Воронин вел «Челюскин» на явную гибель, что называется, под дулом пистолета. А «пистолет» этот держал у его виска все тот же Шмидт, которому, в свою очередь, вложил его в руки ЦК ВКП(б)-НКВД.

Отметим важную деталь: несмотря на гонку и спешку «Челюскин» вышел из Мурманска в Арктику недопустимо поздно, чуть ли не на месяц позже нормальных сроков. К моменту выхода в море было известно, что южная часть Карского моря от Карских ворот до пролива Вилькицкого покрыта тяжелым льдом. А впереди еще море Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское. Их по чистой воде тоже не проскочишь. Научная программа предусматривала кропотливое, тщательное проведение по ходу рейса гидрографо-гидрологических, геодезических и геофизических работ, шлюпочный промер бухт, глубоководные наблюдения с остановками через каждые 30 миль, пуск буев и многое, многое другое, для чего требовалась уйма времени.

И, наконец, «Челюскину» предстоял заход на остров Врангеля, где он был должен: сменить зимовщиков полярной станции, выгрузить и переправить каким-то образом на берег (там ведь ни порта, ни причалов) сотни тонн строительного леса, кирпича и глины для сооружения печей, сборные домики, живой скот, сено, запасы продовольствия на несколько лет и пр., и пр. Для строительства домов на «Челюскине» шла бригада плотников.

При таких сроках, при такой ледовой обстановке, при таком объеме научных исследований да еще с заходом на остров Врангеля экспедиция заведомо не могла выполнить ни одной из поставленных задач. Состав экспедиции оказался в заложниках у Шмидта, но куда шел он? (Отметим в скобках, что если

в итоге наука и обогатилась действительно ценнейшим материалом, то благодаря не успеху экспедиции, а провалу: звездный час для ученых настал как раз тогда, когда судно вмерзло в лед и начало свободный, многомесячный дрейф по Чукотскому морю).

Баренцево море прошли быстро и без приключений. 13 августа через Маточкин шар вошли в Карское море и уже через несколько часов встретили непроходимый лед. И началось то, о чем предупреждала комиссия академика Крылова и чего так боялся капитан Воронин: уже на следующие сутки начались ледовые повреждения. В носовом трюме срезало заклепки, разошлись швы обшивки, сломало шпангоут, согнуло стрингер, с обоих бортов открылась сильная течь...

Подробное описание рейса не входит в наши задачи. Отметим лишь, что рабы на галерах вряд ли подвергались большим испытаниям, чем челюскинцы.

Со второй половины сентября судно тщетно билось со льдами Чукотского моря, пока 4 октября кормой вперед его не вынесло в Берингов пролив. В историю это событие войдет так: формально сквозной рейс в одну навигацию через Северный морской путь был завершен (повторилась трагикомичная история с «Сибиряковым»). Но продолжение челюскинской «эпопеи» было куда печальнее.

Уже виднелись огни последнего на Северном морском пути поселка Наукан, в нескольких километрах шумело Берингово море. До избавления было рукой подать. И хотя судно было абсолютно беспомощно, неподалеку, в бухте Провидения находился ледорез «Литке». Он принадлежал Наркомводу, то есть формально не подчинялся Шмидту и обслуживал Особую Северо-Восточную экспедицию. Начальником экспедиции был известный в будущем капитан А.П. Бочек, капитаном ледореза – Н.М. Николаев.

Надо отметить, что примерно месяцем раньше, когда «Челюскин» носило по Чукотскому морю волею ветра и течений, Шмидт уже обращался за помощью к «Литке». Ледорез предпринял отчаянную попытку, но, не располагая достаточным количеством угля, с поврежденным рулем и без одной лопасти

винта, не смог преодолеть тяжелые льды.

Теперь, в начале ноября ситуация была иная: «Челюскин» был в шаге от спасения, и даже серьезно поврежденный «Литке» был способен вывести его на чистую воду. И уже командование ледореза 5 ноября само направляет Шмидту радиogramму с предложением помощи.

Но Шмидт... отказывается!!! Исследователи до сих пор ломают голову над этим решением, сводя все к непомерному тщеславию Шмидта, жаждущего пройти «насквозь» самостоятельно и первым. Представляется, что истина лежит на поверхности. Шмидт вышел в рейс, чтобы доказать ненужность Северо-Восточной экспедиции, и вот теперь просить ее о помощи?..

Шмидт помощь отклонил, и беспомощный пароход понесло назад, в Чукотское море. Спустя еще пять суток, 10 ноября, поняв полную безнадежность ситуации, Шмидт передает на «Литке» исполненную драматизма радиogramму: «До разреженного льда от «Челюскина» три четверти мили, а до кромки в некоторых направлениях две мили. Мы надеемся, что «Литке» сможет разломать льдину при одновременной работе «Челюскина» и взрывов. В крайнем случае, если бы разломать не удалось, мы перебросили бы по льду на «Литке» большую часть людей, что значительно облегчило бы нам зимовку».

Пароход – не автомобиль. Искоруженному «Литке» потребовалось двое суток, чтобы кое-как привести себя в относительно мореходное состояние и направиться в Чукотское море. 16 ноября «Литке» остановился: впору было думать уже о его собственном спасении. Радиопереписка между двумя начальниками экспедиций – Шмидтом и Бочком - приобретает все более напряженный характер. Шмидт настаивает на продвижении «Литке» к «Челюскину», до которого остается 50-60 миль. Бочек с каждым днем рисует все более драматичную обстановку, сопряженную со смертельным риском для ледореза.

Судя по всему, 17 ноября был решающий день: Шмидт в ультимативной форме требует от правительственной комиссии подчинить ему направляемую ледорез «Литке», выведя его из подчинения Наркомвода.

В тот же день от Куйбышева приходит приказ: «Литке» поступает в полное распоряжение Шмидта. Видимо, Шмидт полагал, что теперь-то Бочек будет делать все, что захочет «ледовый комиссар», но он явно недооценил дипломатических способностей Бочка.

Ровно через 20 минут после получения распоряжения Куйбышева Бочек направляет Шмидту телеграмму, в которой приветствует решение Совнаркома и... просит срочного распоряжения Шмидта на выход из льдов. Смысл телеграммы предельно прост: мы готовы погибнуть (и неизбежно погибнем), но пусть Шмидт сам подпишет нам смертный приговор. К этому времени состояние «Литке» было настолько критическим, что Бочек даже предлагал капитану Николаеву выбросить судно на американский берег, лишь бы спасти экипаж.

Шмидт все понял и – не стал брать еще один грех на душу. «Литке» вернулся в бухту Провидения, «Челюскин» навсегда остался во льдах. Ежедневно мог наступить конец. 12 февраля 1934 года началось сильное торошение льда. На следующий день, 13 февраля льдина распорол корпус в районе первого и второго трюмов. «Челюскин» стал погружаться носом в воду. Последними сходили на лед Воронин, Шмидт и завхоз Могилевич. Могилевича сбили с ног сорвавшиеся с мест бочки с бензином, и он погиб вместе с судном.

Немаловажная деталь: трагедия случилась на третий день после триумфального завершения в Москве XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей». Он продолжался две с лишним недели и, естественно, во многом определил атмосферу вокруг «эпопеи» и позже во время триумфального возвращения челюскинцев в столицу. Триумфы должны были следовать без перерывов, и если что-то омрачало победную поступь страны, то эти эпизоды из истории просто вычеркивались.

К счастью, многое успели выгрузить на лед, многое всплыло после того, как «Челюскин» ушел под воду: горы леса, бочки с топливом, спасательные шлюпки и плоты. Однако неопостижимым образом пропала самая ценная вещь – последний судовой журнал № 6, в котором и были зафиксированы обстоятельства, предшествующие гибели «Челюскина». Журнал

почему-то искали среди навигационного имущества, сваленного на лед. Хотя искать его следовало в единственном месте – за пазухой у капитана Воронина. Эту элементарную вещь знает любой моряк. Кстати, радист Эрнст Кренкель позже утверждал, что Воронин забрал журнал с собой.

История дрейфа «лагеря Шмидта», эвакуации людей со льдины героями-летчиками широко известна. Куда менее известно другое...

«ЧЕЛЮСКИН» В ЧУКОТСКОМ МОРЕ БЫЛ НЕ ОДИН

В 1989 году историк А. Антонов-Овсеенко утверждал: «Экспедиция на пароходе «Челюскин» была заведомо обречена на неудачу: явно устаревшему маломощному судну нечего было делать в тяжелых льдах. Соединенные Штаты предложили помощь – ледоколами, самолетами. И получили вежливый отказ: неподалеку от погибающего судна стояли вмержшие в лед транспорты с заключенными. Потребовались поистине нечеловеческие усилия, чтобы спасти обреченных людей. «Челюскин» покоится на дне Чукотского моря. В каком море утопить исторический позор страны?»

В информации Антонова-Овсеенко, по-видимому, нашли отражения отзвуки каких-то реальных событий. Его отец, известный большевик Владимир Антонов-Овсеенко, в 1934 году был прокурором РСФСР, и информацией, надо полагать, владел. Да и сын его трижды проходил лагерные «университеты», где судьба сводила его со знающими людьми.

С развитием интернета пошла гулять версия Эдуарда Белимова - «Тайна гибели «Челюскина»». Согласно ей, в 1929 году геологи открыли на Чукотке месторождение кассетерита (оловянного камня) и других ценных металлов – спутников оловянной руды. В начале 1933 года Совнарком принял решение о строительстве там шахты, горно-обогатительной фабрики, социалистического поселка.

Для перевозки грузов было решено использовать два больших парохода, заказанных ранее в Дании. Потому из Мурманска в

тот роковой рейс «Челюскин» вышел в паре с однотипной «Пижмой».

«Пижма» была переоборудована под плавучую тюрьму для перевозки двух тысяч заключенных, конвоя и пр. На «Челюскине», кроме экспедиции, шли члены семей конвойной команды. Оба судна направлялись к побережью Чукотки.

После гибели «Челюскина» все дети и женщины были доставлены на «Пижму». Первым же самолетом их переправили на Большую землю. Тем временем на «Пижме» заключенные подняли бунт. Начальник охраны с несколькими конвоирами сбежал в «лагерь Шмидта», откуда все были эвакуированы самолетами. «Пижма» была взорвана.

Версия Белимова благодаря интернету обрела широкую известность, но не выдерживает никакой критики. Например, Белимов утверждает, что «Челюскин» вышел из Мурманска не 10 августа, а 5 декабря 1933 года (мол, четыре месяца потребовалось, чтобы переоборудовать «Пижму» под плавучую тюрьму). Но если это так, то приходится признать: «Челюскин» и «Пижма» действительно совершили небывалый подвиг. Зимой, не имея даже ледовых подкреплений, без помощи ледоколов они самостоятельно прошли Северным морским путем от Мурманска до Берингова пролива. Это даже не фантастика, это бред!

Попытаемся сами восстановить реальную картину, которая в то время сложилась в Чукотском море. Вспомним для начала, что в 1932 году началась Особая Северо-Восточная экспедиция Наркомвода, которая везла грузы и заключенных для Верхнеколымских приисков. Навстречу ей с запада двигался на «Сибирякове» Шмидт в ревнивой попытке перехватить кусок золотого пирога. Их соперничество в Чукотском море в 1932 году закончилось «вничью»: «Сибиряков» еле унес ноги, а суда экспедиции с превеликим трудом преодолели путь от Берингова пролива до устья Колымы. Выгрузиться на необорудованный берег фактически не удалось. В невероятно тяжелых условиях теряли и плавсредства, и людей. Выгрузили только около тысячи заключенных. Чтобы не потерять флот и грузы, суда отвели на зимовку на восток, в Чаунскую губу.

Иными словами, спустя год, когда Шмидт пускался из Ленинграда в очередную авантюру на «Челюскине», в Чукотском море оставались замороженными в лед суда Особой Северо-Восточной экспедиции. Ему это было на руку, потому он и торопился обойти Янсона.

«Челюскин» продвигался на восток, в Чукотское море, а в это время там происходила драма. С наступлением навигации 1933 года суда экспедиции смогли, наконец, выгрузиться в устье Колымы и кое-как двинуться в обратный путь. Но их злоключения не закончились. На обратном пути два парохода опять вмерзли в лед и вынуждены были остаться на вторую зимовку 1933-34 годов.

Мало того, в ту же навигацию политбюро обязало Наркомвод дополнительно перебросить с Лены на Колыму 5 буксирных пароходов и 20 барж общей грузоподъемностью в 5 тысяч тонн. Все для «Дальстроя».

Такой караван вышел из Лены на Колыму под командованием капитана Миловзорова. Во время сильного шторма обломок льдины пробил обшивку парохода «Революционный». На судне среди пассажиров находились 25 женщин и детей. К тонущим три раза подходил пароход «ДС-1». Но шторм бросал оба судна, как щепки. Женщин переправляли, привязывая к швартовам, детей - перебрасывая из рук в руки. Двух грудных малышек поместили в чемоданы и перегнали по металлическому тросу. Трех сорвавшихся женщин кое-как вытащили из ледяной воды. Однако всех спасти не удалось. «Революционный» затонул, унеся в пучину 23 моряка вместе с капитаном.

А что же оставшиеся суда Особой экспедиции, которые продолжали пробиваться обратно на восток, к Берингову проливу? Вот тут поневоле вспоминаются версии Антонова-Овсеевко и Белимова. Эти суда пробивались, вмерзали в лед и снова освобождались, дрейфовали по воле ветров и течений ВМЕСТЕ С «ЧЕЛЮСКИНЫМ». Иногда расстояние между группой и «Челюскиным» сокращалось до пяти миль, когда все они ясно видели друг друга. Но судам экспедиции повезло больше. Все они, кроме оставшихся на вторую зимовку, выкарабкались из льдов и более или менее благополучно вышли через Берингов

пролив в Тихий океан. То ли «Челюскину» чуточку не хватило везенья, то ли капитаны-дальневосточники оказались опытнее капитана Воронина, то ли причина в некомпетентности самого Шмидта (как никак – начальник экспедиции и глава Севморпути), но факт остается фактом – «Челюскин» остался дрейфовать в Чукотском море. Истинную причину можно было узнать из того самого «пропавшего» вахтенного журнала № 6. Но, если он существует, искать его надо в архивах Лубянки.

РАСТОПИТЬ ЛЁД АРКТИКИ

Отдавал ли себе отчет Шмидт, другие руководители Главсевморпути если не в политических, то хотя бы чисто практических последствиях своей бурной деятельности? Научил ли их чему-нибудь трагический урок «Челюскина»? С какими представлениями об Арктике приступали они к небывалому эксперименту – созданию за Полярным кругом индустриальной империи?

В середине июня 1935 года, когда навигация в Арктике еще не началась, начальник политуправления Главсевморпути Сергей Бергавинов собрал у себя необычное совещание с участием руководителей главка, политуправления, ученых. Говорили о ближайшем будущем Арктики.

Заместитель Шмидта, Георгий Ушаков: «Я хочу, чтобы через пять лет ни один эскимос, ни один чукча не жил в той юрте, в какой живет сейчас. Чтобы через 5 лет все чукчи были грамотные, имели свою письменность, газеты, больницы, культуру».

Александр Догмаров, заместитель Бергавинова: «Постепенно будут исчезать противоречия между человеком центра и человеком Севера».

Но самый фантастический прогноз принадлежал самому Бергавинову: «С уменьшением и даже уничтожением льдов изменятся климатические условия Севера. Тундра превратится сначала в лесотундру, а затем и в лес... Эта «фантазия» основана на самой точной науке. Это «фантазия», которая в ближайшем будущем призвана превратиться в реальность. В этом

направлении деятельно работает мысль советских ученых».

Вроде бы обычная советская пропаганда, в крайнем случае - невинные глупости в духе замечательного советского фантаста Александра Беляева. Но когда их озвучивает не беллетрист, а начальник политуправления и недавний руководитель огромных регионов, за этими благоглупостями стоит вполне реальная политика. Конечно, Сталин не собирался «топить льды», но без подобных «фантазий» режим не мог бы начинать стройки вроде заполярной «мертвой дороги» Салехард – Игарка (Светакову еще предстояло протопать ее в зековской телогрейке из конца в конец).

Не могло бы появиться и постановление ЦК и Совнаркома от 20 июля 1934 года: «Опираясь на героическую успешную работу северных моряков, летчиков, ученых и хозяйственников, сейчас уже возможно значительно шире развернуть мероприятия, обеспечивающие полное освоение Северного морского пути и мощное развитие хозяйства Крайнего Севера СССР».

Это только вдуматься: «сейчас» (!), «полное освоение» (!!), «мощное развитие» (!!!). Обратим внимание – после гибели «Челюскина» прошло всего-то четыре месяца. То есть между одной авантюрой и другой (призывом «значительно шире развернуть») - никакого временного зазора. Вся предшествующая «героическая работа моряков», на которую призывают «опереться» ЦК и СНК (читай – Шмидт), - это бессмысленная гибель «Челюскина», это вмерзшие в лед транспорты с заключенными и грузами для новых лагерей. И – всё!

Дальше – больше. В апреле 1935 года Совет труда и обороны принимает новое постановление – «с навигации 1935 года приступить к перевозке грузов на коммерческих судах по Северному пути от Мурманска до Владивостока». Принимает, разумеется, с подачи и под обещания самого Шмидта.

Шмидт крутанул рулетку и - выиграл. Ледовые условия в то лето оказались на редкость благоприятными. По завершении навигации Шмидт рапортует: «1935 год является первым пробным годом эксплуатации великого Северного морского пути. Навигация закончилась... Можно смело утверждать, что

навигация проведена блестяще. Сквозной проход с запада на восток и с востока на запад четырех судов неледокольного типа, рейс «Сталинграда» по маршруту Владивосток – Мурманск – Лондон в одну навигацию окончательно подтвердил возможность прохождения неледокольными судами этой новой, открытой нами, великой морской трассы».

Вообще говоря, задачка даже не для приват-доцента, тем более – не для академика. Средней руки математик, имеющий в одном математическом ряду провал в двух подряд навигациях и удачу в третьей, без труда вычислил бы надежность системы и вероятность будущих удач и провалов.

На беду, Севморпутем руководил не математик, но маньяк, одержимый идеей самостоятельного плавания в Арктике неледокольных судов.

Шмидту хотя бы на этом остановиться. Но в газете «Правда» он продолжает дуть в триумфальные трубы: «Пробная эксплуатация удалась. Теперь можем начать нормальную эксплуатацию, принимать грузы, продавать билеты на сквозное плавание до любой промежуточной станции».

Спустя всего два года он будет кусать локти, мечтать, чтобы все забыли это его идиотское - «продавать билеты». Но будет поздно: Арктика в очередной раз покажет ему, что история с «Челюскиным» не была случайной. «Продавать билеты» оказалось не меньшим бредом, чем «растопить льды».

С НОВЫМ, 1937 ГОДОМ!

Л ишь только отпраздновали Новый, 1937 год, в Москве состоялся «процесс Пятакова – Радека». Пятакова не спасла его людоедская инициатива лично расстрелять Зиновьева с Каменевым, а заодно и собственную жену. Его, а с ним еще 16 человек, обвинили в создании подпольного троцкистско-зиновьевского центра, в попытках реставрировать капитализм, в массовом саботаже и шпионаже. Всех обвиняемых расстреляли.

Политуправление ГУСМП немедленно откликнулось радиоциркуляром: «Нужно до конца и без остатка выкорчевать

корешки троцкистского предательства и измены». На зимовках, пароходах, ледоколах, приисках, геологических партиях, на всех предприятиях ГУСМП народ живо откликнулся на призыв и принялся «выкорчевывать».

В январе Светаков решил осуществить давнюю мечту. Еще в июле, когда он только прилетел в Тикси, он заметил у уреза воды знакомый силуэт своего крестника – «Прончищева». Того самого, что Светаков своими руками вместе с Павлом Хмызниковым достроил и спустил на воду в Алексеевском затоне четыре года назад.

У шхуны оказалась несчастливая судьба. Сначала Хмызников посадил ее на камни на траверзе Алдана, где она и зазимовала. В следующую навигацию ее кое-как залатали, и она продолжила путь в Тикси. На выходе из Лены в море она опять оказалась на камнях, с грехом пополам дошла до Тикси, по дороге проломив борт о льдину, и с тех пор оставалась никому не нужной. Ее корпус был весь в дырах, трюма и машинное отделение затоплены, но оставалась вполне пригодная машина. У предшественников Светакова не было ни сил заниматься ее ремонтом, ни желания списать по акту. Чтобы совсем не затонула, шхуну трактором наполовину вытащили на берег, где она тихо и догнивала.

Но на рейде стояла однотипная шхуна «Пахтусов». Корпус судна был вполне исправен, но машина требовала капитального ремонта, который в Тикси выполнить было некому. Светаков решил сделать из двух развалюх одно полноценное плавсредство для следующей навигации 1937 года.

Сказано - сделано. Он собрал десяток специалистов, которые за пару недель сняли исправную машину с «Прончищева», перебрали ее и установили на «Пахтусове». Работа была тяжелая, на морозе, практически без каких-либо средств механизации. Он не жалел ни премиальных, ни спирта, поощряя особо старательных. Но зато практически из ничего сделал новехонькую шхуну. И тем гордился, как всегда гордился удачно выполненной работой.

Разломанный корпус «Прончищева» пошел на дрова. Вот тогда-то впервые и прозвучало из уст парторга Когана, а затем

в местной газетке страшное слово-приговор – «Вредительство!». Редактором газетки была жена парторга – Смирнова.

В середине февраля Коган собрал очередное собрание партячейки. В повестке дня был всего один, невинный с виду, вопрос: обсуждение статьи некоего стахановца - грузчика Сидоренко «Что мешает подготовке порта к навигации 1937 года?».

Самой статьи никто в глаза не видел, газета была только-только из типографии. Потому ее содержание кратко изложила Смирнова.

Светакова сразу насторожило то, что «стахановца» Сидоренко он пару недель назад выгнал с работы и отправил в Якутск за неоднократные случаи бракоделства и прогулы.

Собственно о работе порта, его начальника, о подготовке к следующей навигации было немного. Статья была неким собранием старых обид наказанных, недовольных, обделенных Светаковым. Опять мусолилась история с плохо хранящимися грузами (к тому времени основная их часть уже была в новых складских помещениях, оставшиеся надежно укрыты на грузовых площадках), о грубости, самоуправстве и т.п.

Далее следовали политические выводы: Светаков пытается подмять под себя парторганизацию, руководить единолично, болезненно реагирует на попытки поправить его, игнорирует советы парторга. Партийцы, стахановцы неоднократно пытались воздействовать на товарища Светакова, но тот критики не принимает. Несамокритичное отношение к своим поступкам закономерно привело начальника порта на путь открытого вредительства. Далее следовал трогательный рассказ о гибели «Прончищева».

Светаков все понял. Никакого обсуждения статьи не предполагалось. Да и не могла партячейка ее всерьез обсуждать. В порту, на двух полярных станциях, на радиоцентре с трудом набиралось человек сорок партийцев. Пришли, как обычно, чуть больше половины, остальные были на вахтах, дежурствах, кому-то помешала добраться погода. Большинство мало понимало, о чем речь. На этом и строился расчет: пара выступлений под протокол и... приговор. Светаков внутренне подобрался. Страха не было. Было одно желание – покончить

с этим раз и навсегда.

Первым начал сам Коган:

- Газета правильно подняла вопрос. И в редакцию, и в парторганизацию поступает масса сигналов о твоём недостойном поведении, бонапартизме, грубости. Ты, товарищ Светаков, забыл об ответственности перед партией. Последний случай с «Прончищевым» переполнил чашу терпения. Известны ли тебе слова товарища Лазаря Моисеевича Кагановича, который сказал, что крушение или авария судна подобны поражению целой воинской части?

Столь неформально упомянув Кагановича, Коган не нарушал партийную традицию, требующую величать руководителей партии и правительства исключительно «товарищ» без упоминания имени и отчества. Исключение в партии делалось для одного Кагановича, чтобы не путать его с братом Михаилом, тоже наркомом.

- Но «Прончищев», - продолжал Коган, - даже не попал в аварию, ты с соучастниками умышленно уничтожил судно. Тем самым нанесен тяжёлый урон всей стране, срываются усилия партии, усилия всех полярников по выполнению указания нашего вождя товарища Сталина о превращении Севморпути в нормально действующую транспортную магистраль...

Собственно говоря, сказанного уже было достаточно, чтобы по укоренившейся традиции брать человека под белые руки и вести в кутузку. В последнем слове можно ещё было произнести слова искреннего покаяния, заверения в верности партии, обещание учесть ошибки.

Но события пошли развиваться явно нетрадиционно. Светаков сидел за столом президиума, что называется, по должности. Поэтому он не стал даже вставать. Он негромко, но твердо перебил складно льющуюся речь Когана:

- Слушай, парторг, ты же не Ка-га-нович, чтобы командовать мной. Ты всего лишь Ко-ган. Понимаешь разницу – Ко-ган...

Две созвучные фамилии Светаков произнес раздельно, по слогам, как бы подчеркивая малость фигуры парторга по сравнению с фигурой члена политбюро и сталинского наркома.

- А потому не смей мной понукать, - все так же зловеще-спокойно продолжал Светаков, - я знаю своих начальников, ты в их число не входишь.

Происходящее настолько выходило за рамки привычного, настолько не соответствовало сценарию Когана-Смирновой, что зал онемел, в президиуме начали растерянно переглядываться. А никем не перебиваемый Светаков продолжал:

- Я сюда не буржуазной агентурой заслан, а направлен руководством главка и политуправлением, которое не хуже тебя знает об указаниях товарища Сталина. И не тебе рассуждать о «превращении Севморпути», ты к этому не имеешь никакого отношения. Ты бездельник и разгильдяй. Твой долг медроботника – помогать людям выжить в суровых условиях, лечить от цинги, избавлять от вшей. А у тебя в медрунке помойка, в которой выживают только мыши и тараканы. За это ты уже имел от меня два выговора. После третьего выгоню к чертовой матери на Большую землю, следом за твоим липовым «стахановцем» Сидоренко...

От парторга порта я вправе ожидать помощи, моральной поддержки. Вместо этого ты дискредитируешь руководство, стравливаешь людей, вмешиваешься в мои административные функции. Я, - Светаков сделал ударение, - единоличный руководитель порта, строительства, всей бухты Тикси. Так и должно быть, иначе все здесь давно рассыпалось бы...

Выйдя наконец из оцепенения, Смирнова забилась в истерику. Ей тоже страстно хотелось перейти со Светаковым на «ты». Это было бы для нее высшим наслаждением и одновременно публичным унижением Светакова. Но, приученная к партийной субординации, не посмела, струсила.

- Да какой вы руководитель? Разве таким должен быть советский руководитель? Нет, вы не советский руководитель, - тут ее, похоже, заклинило, она никак не могла подыскать соответствующее определение. – Вы старорежимный держиморда. Вы поощряете великодержавный шовинизм и национализм. Если так дело дальше пойдет, вы, чего доброго, введете черту оседлости для некоторых национальностей, как при царизме. Посмотрите, какие силы сплотились вокруг вас:

Страхов - бывший белогвардеец и агент нашего заклятого врага Троцкого, Толстопятов – троцкист, трижды исключенный из партии. Да и ваш партийный стаж давно и у многих вызывает подозрения. Чем вы на самом деле занимались в самые боевые революционные годы? – это большой вопрос, на который еще должны ответить компетентные органы. Как бы вам не пришлось вообще положить партбилет на стол. Так что не советую зарываться, поживать на лаврах. Кто, как не парторг, кто как не газета, первыми должны были забить тревогу и поставить вопрос о зарвавшемся руководителе Тикси? Вы на эту роль никак не подходите.

И опять Светаков не взорвался и не сорвался на кухонную перебранку. Пришла какая-то кристальная ясность, отчетливость деталей, за которыми виделось главное. Он встал из-за стола, распрямился, одернул китель, засунул руку куда-то под свою громадную бороду, вытащил из-за пазухи партийный билет и, держа его в правой руке, произнес раздельно и отчетливо, как будто боясь, что секретарь собрания (а это была все та же Смирнова) не успеет записать его слова в протокол.

- В течение трех с лишним месяцев я испытываю постоянное, все возрастающее, ничем не мотивированное и безграмотное вмешательство парторга и его жены – редактора газеты в производственную деятельность порта и мою, как начальника бухты. Все это вредит выполнению задач, поставленных перед нами товарищем Сталиным, партией, руководством Севморпути, и вредит самой атмосфере на зимовке.

Светаков не произнес – «вредители» или «вредительство». Он выразился достаточно абстрактно – «вредит», но он-то знал силу слова, занесенного в протокол. Он действовал оружием своих противников, оружием – он был в этом уверен – безнравственным, но сейчас это его мало смущало. Он продолжал:

- Все вы знаете, что в декабре на совете при начальнике Главсевморпути работа порта Тикси была оценена положительно. Не стану повторять, что в прошедшую навигацию порт обработал рекордное количество пароходов. Тем не менее, товарищ Смирнова, вопреки оценке, данной товарищем Шмидтом и начальником политуправления товарищем Бергавиновым,

настаивает, что я плохой руководитель, более того – старорежимный держиморда и вредитель.

- Так вот, - Светаков звонко шлепнул партбилетом о стол президиума. – Не знаю, какой проект решения заготовлен парторгом, потому предлагаю свой: поставить на голосование вопрос о партийном доверии начальнику порта Светакову. В случае, если партийцы сочтут невозможным находиться мне на своем посту, если они согласны, что я вредитель, я сделаю две вещи. Первое: буду считать себя исключенным из партии, залогом чего вот этот мой партбилет. Второе: своим последним приказом по порту складываю с себя все полномочия, временно исполняющим обязанности начальника порта – до решения вопроса в Москве – назначаю товарища Смирнову. Похоже, она лучше других знает, как руководить портом, вот и пусть поработает на общее благо, исполняя указания нашего вождя товарища Сталина.

Из темной глубины зала прозвучал сначала один неуверенный голос, затем другой, третий: «Голосовать! Голосовать!». Но в целом зал, в котором большинство составляли сторонники Светакова, продолжал молчать, оцепенев от страха.

У Когана, который так и не успел покинуть трибуну, глаза полезли на лоб. Он уже понимал, что Светаков его переиграл: чем бы теперь дело ни кончилось, гигантский, ни с чем не сравнимый скандал уже состоялся. И этот скандал допустил, более того – инициировал, именно он, парторг Коган (то, что он всего лишь послушное орудие собственной жены, лишь усугубляет ситуацию). И уже не имело никакого значения, как дальше сложится судьба Светакова. Ему, Когану, теперь все равно не сносить головы. Потому что это в его парторганизации состоялось нечто совершенно неслыханное – демонстрация, бунт или черт его знает, как это еще назовут.

Светаков выложил на стол свою главную карту – партбилет. Чем ее крыть, Коган не знал. Ставить вопрос на голосование, как требует Светаков, почти наверняка проиграть: большинство в зале – Коган это прекрасно знал, потому весь сценарий и строился как блиц-криг – за Светакова. Проголосуют они за него или побоятся – другой вопрос. А если проголосуют?

Так они и стояли молча: белый, как полотно, Коган на трибуне и сжатый, как стальная пружина, Светаков за столом президиума.

Лишь Смирнова, почувствовавшая, как почва уходит из-под ног, продолжала биться в истерике:

- Это шантаж, это очередная и бесстыдная попытка противопоставить себя партии, - кричала она, обращаясь к залу. - Это происки недобитых троцкистских агентов, - тут она уже поворачивала голову в сторону лейтенанта Передерия, который, как всегда, скромно и внешне безучастно пристроился с краю президиума.

Тому-то было совершенно ясно, что прямо здесь, на партсобрании следует арестовать... вот только кого, не знал. Ситуация явно вышла за рамки местной склоки и, следовательно, за пределы его полномочий. Разрешить ее без указаний своего руководства он не мог. Потому малограмотный лейтенант Передерий неожиданно нашел единственно возможный выход, произнес самую длинную публичную речь в своей жизни:

- Предлагаю другой вариант постановления: заслушав информацию товарища Смирновой, принять ее к сведению. Протокол собрания направить в политуправление Главсевморпути.

Коган засуетился:

- Да, да, товарищи, это вполне разумное решение. Давайте голосовать.

Все как-то дружно и облегченно вздохнули, быстро проголосовали и начали вставать с мест (хотя кто там «за», кто «против» – никто так и не подсчитал). Светаков, не говоря ни слова, взял со стола партбилет, все так же молча и без суеты засунул его куда-то под бороду, аккуратно застегнул на все пуговицы китель и пошел к выходу.

В крошечной тьме полярной ночи неистовствовали сполохи северного сияния. Белые, фиолетовые, красные полотнища бесшумно плескались в небе, перетекая одно в другое, перемешиваясь, озаряя поселок и сверкающую снегом бухту сказочным светом. В другое время от волшебной картины Светаков не смог бы оторвать глаз. Но он теперь знал, что нет никакой

«блаженной страны», давно не звучала в его душе та волшебная мелодия...

Положение Светакова усугублялось тем, что именно в эти дни проходил один из самых гнусных и самых страшных своими последствиями пленумов ЦК ВКП(б), открывшийся 23 февраля. Именно на нем Сталин сформулировал свой людоедский тезис: по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться.

Несколько раз на пленуме выступал Ежов.

- За несколько месяцев не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Товарищ Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей.

«ПО МЕРЕ ПРОДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛИЗМУ...»

«- Каменщик, каменщик, в фартуке белом!
Что ты там строишь? Кому?»

- Эй не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим... тюрьму»

Валерий Брюсов

Люди ранга Бергавинова прекрасно понимали, что «хозяйственники и руководители наркоматов» - это именно они. Это с них не сегодня-завтра потребуют списки «подозрительных», «вредителей» и «троцкистов». А не представишь – тебя же и прихлопнут.

Он и сам уже немало приложил руку к всевозможным разоблачениям. Особенно во время своих знаменитых перелетов вдоль всей полярной империи с запада на восток и с востока на запад. Он старательно и увлеченно исполнял предписания ЦК о «выкорчевывании». Практика партчисток давала в этом смысле беспредельный простор. Нечеткости, сомнительности в заполнении партийных документов, приписки

стажа – были массовым явлением. Он гнал таких людей из партии, убеждая самого себя, что тем самым очищает партию от скверны (и, действительно, среди изгоняемых им было немало сброда, воря, проходимцев, охотников за длинным рублем, которых он нутром чуял). Но он не мог не осознавать, что его показательные партийные экзекуции, когда он лично вникал в суть дела, – лишь маленькая часть того процесса, который назывался партийной чисткой. Основную работу делали как раз всевозможные проходимцы, доносчики, карьеристы. Не мог он не осознавать и того, что исключение из партии было лишь первым этапом на пути человека в кромешный ад.

Сейчас перед Бергавиновым лежало дело Светакова, и пока только в его власти было казнить или миловать. Более того, пленум ЦК все еще продолжался, на нем принимались все более устрашающие решения. Можно было обогнать конкурентов из числа «хозяйственников и руководителей наркоматов» и первым переправить документы в НКВД: «Товарищ Ежов, что тут тут неблагополучно. Займитесь этим делом».

Конечно, можно было. Но, к чести Бергавинова, такие мысли даже близко не приходили ему в голову. Он думал о том, как спасти Светакова в практически безнадежной ситуации. И, как ему казалось, придумал.

Как раз в это время в Якутске с инспекцией находился его заместитель Дмитрий Козьмин. Бергавинов приказал ему немедленно лететь в Тикси, прихватив с собой начальника якутского политотдела Адамовича, и оперативно во всем разобраться, не ломая при этом дров.

- Ты там не очень наседай на Светакова, - напоследок напутствовал Козьмина Бергавинов. – Хвост для порядка накрути, но в обиду не давай. Ему еще работать, а этим газетным писакам только языками молотить.

Козьмину не потребовалось много времени, чтобы все понять. Было ясно, что Светаков прекрасно справился с функциями начальника порта, портгостроителя и организатора очень непростой зимовки. Вины его в том, что зазимовали якутские грузы, не было никакой. При том, что львиную долю грузов он все же спас. Испорченные и разворованные – не в счет при

небывалых масштабах проведенных работ (последнее Козьмин особенно настойчиво втолковывал Когану, обвиняя того в близорукости и неумении смотреть на вещи масштабно). А то, что Светаков крут, иной раз до самодурства – так это в те времена считалось едва ли не лучшей характеристикой руководителя.

С «Прончищевым» все оказалось и того проще. Адамович подтвердил, что Светаков действовал не самостоятельно, а по согласованию с начальником Якутского теруправления Лиссом. После этого история приобрела трагикомический оттенок.

Ясно было и то, что сам Коган – вполне посредственная фигура, которой крутит его жена, возмнившая себя партийным деятелем. Козьмин даже орал на Когана, что тот вместо укрепления партийной дисциплины развел семейственность, кухонную склоку, занялся не своим делом.

Но эпизод с партбилетом обойти было никак нельзя. Тут требовалось какое-то иное решение, которого Козьмин самостоятельно принять не мог. Он сделал последнее, что было в его силах - собрал общее собрание коллектива порта, полярных станций, радицентра. О скандале к тому времени не знали разве что поселковые собаки. Козьмин не просчитался. Собрание оказалось бурным и практически целиком стало на сторону Светакова.

- Да они же все пьяные,- совершенно потеряв контроль над собой, кричала Смирнова, - Светаков опоил всех спиртом.

- Ну и что, - раздался из глубины зала ироничный голос Страхова, - пили, пьем и будем пить.

- Кто это сказал? Кто? – кричала и зорко всматривалась в полумрак зала Смирнова.

Раздался общий хохот. Смирнова тщетно требовала от парторга очистить зал от троцкистов и белогвардейцев. Сам Коган был растерян и не знал, как вести собрание.

«Светаковцы» стояли за своего начальника горой, ругали парторга за плохую пищу в столовой, за несвоевременный подвоз дров, отсутствие новых кинофильмов, свежих газет, непроходимую скуку по вечерам и в выходные дни. По справедливости, половина этих претензий предназначалась и начальнику порта, но никто уже не обращал на это никакого внимания,

валили все до кучи. Когана на зимовке терпеть не могли (а еще больше его жену), уже из одного этого перехваливали Светакова.

Активнее всех был Николай Толстопятов. Тот защищал Светакова, рассказывал его героическую революционную биографию, о том, как они вместе строили Диксон, не стеснялся в выражениях, когда говорил о парторге и его жене: провокаторы и склочники, ничего не делающие сами и мешающие работать тем, кто вкалывает с утра до ночи.

«Развели, понимаешь, палестины», - под смех окружающих кричал из глубины зала главбух Якименко. Козьмин для порядка хмурил брови, но ход собрания его вполне устраивал. «Коганявцы» проиграли вчистую...

С этими козырями на руках Козьмин решил согласовать вопрос с Бергавиновым. Тот в свою очередь привлек к радиотелефонным переговорам Янсона, который в то время был фактическим руководителем Главсевморпути. Общее мнение было таково: оставлять «сигнал» без внимания нельзя, не наказывать Светакова – тоже нельзя, дать команде Когана-Смирновой выйти из склоки победителями - нельзя подавно. Вслух этого никто не произнес, но каждый понимал, что победа этой пары даст начало политическому процессу уже в самом Севморпути. Поэтому сообща приняли «соломоново решение»: вывезти из Тикси обе воюющие стороны, а в Москве раздать всем сестрам по серьгам.

«Эвакуации» подлежали Светаков, Коган, Смирнова, Толстопятов.

- А меня-то за что? - чуть не плача обратился к Козьмину Толстопятов.

- Сам знаешь! – отрубил Козьмин и продолжать разговор не стал.

Он и сам чувствовал себя неловко, включив в число «склочников» в общем-то рядового работника. Но Кузьмина тоже одолевал страх. Это в Тикси или в Якутске он был высокой шишкой. А в Москве ранг замначальника политуправления не мог служить надежной броней. Он внимательно изучил протокол партийного собрания и не упустил фразу Смирновой о «троцкисте, трижды исключенном из партии». Оставить Толстопятова в

Тикси означало взять ответственность за неизбежные последствия на себя. Козьмин не стал рисковать. Поначалу он даже хотел включить в «черный список» и капитана порта Страхова, но счел, что и одного Толстопятова достаточно. Сам для себя он придумал оправдание, которое могло бы пригодиться в будущем: нельзя же было оставить порт без единого руководителя.

ШМИДТ ПЕРЕХОДИТ РУБИКОН

Эвакуированные вернулись в Москву вскоре после окончания февральско-мартовского пленума ЦК. Светаков очень скоро кожей почувствовал разительные перемены, произошедшие за год его отсутствия в Москве, в самой атмосфере столичной жизни, особенно в коридорах Главсевморпути. Газеты по-прежнему были полны сообщениями о фантастических достижениях героев-стахановцев. Но все больше и газетные заголовки, и служебные разговоры, митинги и собрания крутились вокруг недобитых, из всех щелей прущих врагов, вредителей, диверсантов и шпионов, на которых столь богата оказалась русская земля. Люди как будто походили с ума, как будто завтра все собирались совершить какое-то преступление и потому наперегонки торопились обеспечить собственное алиби.

Отто Шмидт чем дальше, тем меньше уделял внимания текущим проблемам Севморпути, сосредоточившись на общем, политическом руководстве и подготовке очередных героических эпопей, которые могли бы потрясти мир. Такой эпопеей должна была стать экспедиция к Северному полюсу. Оперативное руководство главком легло на плечи первого заместителя Николая Янсона и начальника политуправления Сергея Бергавинова. Пока же главной заботой Шмидта, как и любого государственного деятеля его ранга, было проведение расширенного партийно-хозяйственного актива «в свете решений» недавнего пленума ЦК. Сам Шмидт вынес из него и накрепко усвоил главное – намек-просьбу Николая Ежова к «хозяйственникам и руководителям», которые не только не выдают вредителей и троцкистов, но даже пытаются их защищать.

Светаков, появившись в Москве, первым делом поспешил в политуправление, малодушно надеясь опередить Когана. Но Бергавинов даже слушать не стал – не до тебя. Светаков пытался что-то рассказать о Тикси, но Бергавинов только руками замахал – потом, потом, сейчас все силы на подготовку актива. Как вскоре оказалось, Бергавинов уже решил для себя, как спасти Светакова от беды, попросту – ареста, но не стал на этот раз откровенничать со взбалмошным Светаковым. Боялся его непредсказуемой реакции. Приказал только категорически не появляться на активе, меньше общаться с коллегами, немедленно оформить отгулы и уехать куда-нибудь отдыхать, лечить цингу, заниматься чем угодно, только не появляться в конторе.

- Приказываю явиться ко мне 15 апреля, - сухо-официально закончил он.

На актив собрали уйму народа со всей Арктики, территориальных управлений, само собой – из московского аппарата: партийных и беспартийных, начальников всех рангов, ученых, зимовщиков, моряков, летчиков. Обширный доклад об итогах пленума ЦК, о работе Главсевморпути и задачах, «вытекающих из решений», сделал сам Отто Шмидт.

Разумеется, готовили доклад другие люди, в первую очередь - Янсон и Бергавинов, каждый по своей части. Но Шмидт исчеркал его вдоль и поперек, обвинив обоих в беззубости, и внес радикальные изменения в стилистике и духе пленума, а также последних установок вождя.

Шмидт предложил осмыслить работу полярников в свете двух событий: принятия «новой сталинской Конституции» и, как он выразился, «уроков японо-германской троцкистской диверсионно-шпионской вредительской деятельности».

Эта корявая формулировка не была его личным изобретением. Буквально в день открытия актива «Правда» вышла с передовицей – своеобразным наставлением Шмидту: «Основная задача советских хозяйственников заключается сейчас в том, чтобы выкорчевать до конца японо-немецко-троцкистских агентов фашизма и их сообщников – правых реставраторов капитализма». Эта формула подправлялась и оттачивалась много лет. С каждым новым процессом советскому народу все

труднее становилось различать вредительские блоки – правые, левые, право-левые, московские, союзные, центральные, объединенные, параллельные и прочие. В конце концов, формула приняла хоть и нелепый (с нагромождением прилагательных и без единой запятой), зато всеобъемлющий вид. Теперь она охватывала практически всю географию земного шара и любое возможное шевеление собственного народа – от бытовой пьянки, прогула до выступления против линии партии или вождя.

С этого Шмидт и начал доклад: «В нашу среду проникли всякого рода вражеские элементы – и белогвардейцы, и кулаки, и троцкисты, и зиновьевцы, и аполитичные с виду, но тем не менее вредные проходимцы и жулики». Шмидт как будто подслушал прошлогодний разговор за плотно закрытыми дверями политуправления, когда Бергавинов настойчиво советовал Светакову бежать на Север. И вот теперь Шмидт разоблачал заговорщиков: «Доказано, что одним из методов врагов был такой: на время удалиться из центров – Москвы, Харькова, Киева, Ленинграда – удалиться куда-нибудь подальше. А куда же дальше? – Ясно, что на Север... Для врагов наших иногда оказывается выгоднее смыться на время, спрятаться на Севере, в отдаленных местах».

В качестве примера Шмидт привел Пошеманского, до недавнего времени начальника Дальневосточного территориального управления Главсевморпути, а ныне «как выяснилось, двурушника и врага партии».

- Другой пример, еще более яркий, расстрелянный террорист Пикель. – Шмидт, похоже, буквально понял недавнюю угрозу Ежова и выкладывал фамилии списком. – Почему он поехал на Шпицберген? Он нашел выгодным на время удалиться. А наши люди ему покровительствовали. Руководящие работники Шпицбергена должны были, по меньшей мере, сообразить, что человека этого с антипартийным прошлым нельзя сажать на политическую работу, на радио и отдел подготовки кадров. Руководители это дело пропустили и не сигнализировали.

Тут Шмидт просто встал на позиции Ежова, требуя уже от своих подчиненных «сигнализировать», и удовлетворенно

закончил:

- Эти покровители получили в партийном порядке заслуженное наказание – директор копей Плисецкий, парторг Рогожин и главный инженер Стельмах из рядов партии исключены.

Справка. Пошеманский – расстрелян 9 января 1938 года.

Плисецкий Михаил Эммануилович арестован по обвинению в шпионаже через месяц после выступления Шмидта, 30 апреля 1937 года. 8 января 1938 года приговорен к высшей мере. Расстрелян в тот же день.

В который уже раз досталось бывшему волонтеру французской армии, а ныне начальнику Якутского территориального управления Юлию Лиссу. Этому Шмидт просто растоптал, представив его деятельность как «пример аполитичности, деличества, отрыва от партийно-политических задач, что привело к целому ряду тяжелых последствий. У нас сплошь и рядом отсутствует большевистская проверка людей».

Справка. В октябре 1937 года Лисс был обвинен в подрывной, контрреволюционной деятельности, в руководстве националистической организацией, во вредительстве. В мае 1938 г. приговорен к расстрелу, который позже был заменен 20 годами заключения. Полностью отмотал срок и дожил до реабилитации.

Камень про «большевистскую проверку людей» был пущен уже не столько в огород Лисса, сколько Бергавинова. Это его политуправление, по словам Шмидта, «мало еще сделало для политического воспитания кадров, а давно бы пора». Шмидт продолжал перечислять фамилии подчиненных, начальников управлений и служб, и каждый им упомянутый вскоре исчезнет в бездне ежовского ада.

На Мурманском судоремонтном заводе «низкий идейный уровень партийцев, политическая отсталость инженерно-технического состава и очень слабое политическое руководство беспартийными массами». То же самое в полярной авиации, у

летчиков и персонала.

- Они оправдываются тем, - с ядовитым сарказмом громыхал с трибуны Шмидт, - что им, видите ли, трудно участвовать в политкружках, потому что они много летают. Так пусть обучаются с отрывом от производства на 6-8 месяцев.

Справка. Жигалев Николай Алексеевич, заместитель начальника Управления полярной авиации Главсевморпути, расстрелян 11 января 1938 года.

Стукатер Абрам Аронович, помощник начальника Управления полярной авиации Главсевморпути, расстрелян 16 января 1938 года.

Но Шмидта несло. Вряд ли того желая, он вскрыл истинную цену тех успехов прошлогодней навигации-1936, за которые десятки руководителей Главсевморпути получили ордена, медали, премии и прочие награды. На примере Архангельского порта (а именно в нем начиналось большинство арктических рейсов) он нарисовал картину «настоящего бракоделичества». Из-за полного бардака с погрузкой и отправкой судов, в условиях перманентного аврала, путаницы и безответственности «рейсы в прошлую навигацию прошли впустую, не с теми грузами». То есть произошло именно то, с чем Светаков столкнулся в Тикси, где невостребованные грузы остались зимовать под открытым небом.

- Мы так и не добились, - заключил Шмидт эту часть своего доклада, - чтобы начальник Архангельского территориального управления товарищ Кузьмин признал эти недостатки и сделал выводы.

Особенно досталось от Шмидта Плановому отделу. Начальник отдела Нацаренус не присутствовал на активе, был тяжело болен. Но тоже получил сполна: за «величайшее презрение к работникам с мест», за то, что «приютил некоего Шишу, бывшего колчаковца, всевозможных аферистов, за отсутствие плановой работы».

Справка. Нацаренус Сергей Петрович. Арестован через три месяца после актива, 5 июля 1937 года по обвинению в участии

в контрреволюционной террористической организации. Приговорен 8 января 1938 года к высшей мере. Расстрелян в тот же день.

Досталось даже Крастину – начальнику Морского отдела за «безобразное состояние штурманского хозяйства», руководителям Горно-геологического управления и многим другим.

Справка. Крастин Эдуард Фрицевич. Арестован как участник правотроцкистской антисоветской террористической организации примерно в октябре 1937 года. Расстрелян 6 февраля 1938 года.

Доклад Шмидта, который с успехом мог бы прочитать сам Ежов или, к примеру, прокурор Вышинский, стал тем Рубиконом, перейдя который, «ледовый нарком» и академик окончательно перешел в лагерь большевистских людоедов.

Но, окруженный врагами, вредителями, шпионами и диверсантами, как же он представлял себе настоящие образцы советского человека и гражданина? Этому в докладе Шмидта был посвящен специальный раздел «о подборе кадров». Разнеся в пух постановку дела в собственном «ледовом наркомате», Шмидт указал на пример (подчеркнем – единственный пример), достойный подражания: «Вот прочитали мы в газете о назначении товарища Завенягина первым заместителем Наркомтяжмаша – молодой человек, с завода. Вот выдвижение! Почему мы не выдвигаем таких? Потому что плохо знаем своих людей».

ОТСТУПЛЕНИЕ. ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Весной 1937 года, когда Шмидт произносил свой доклад, Завенягин в качестве заместителя наркома еще только прицеливался к Норильску. Когда же его назначили начальником «Норильскстроя» (а строили комбинат заключенные), он по совместительству стал и начальником

Там, за далью непогоды

«Норильлага».

Дела у молодого специалиста явно пошли в гору. В 1941 году он стал заодно заместителем наркома внутренних дел, которым в ту пору был Берия. Под начало уже генерала Завенягина попала гигантская ГУЛАГовская империя: Главное управление лагерей металлургической промышленности, Дальстрой, Управление лагерей тяжпрома и Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии. Десятки и сотни тысяч заключенных перемололи эти «завенягинские» лагеря, «Норильлаг» был из самых страшных. В стране, где историческое беспамятство и в третьем тысячелетии заменяет гражданское самосознание, завенягины остаются лучшими патриотами, героями нации, а Норильской комбинат и до сих пор носит его имя.

«Его, покойника, с ежовско-бериевской компанией не захоронили, о нем смакуют газетчики: «легендарный строитель Норильска»! Да уж не сам ли он и камни клал? Легендарный вертухай – то верней. Сообразя, что сверху любил его Берия, а снизу очень хорошо о нем отзывался эмвешешник Зиновьев, полагаем, что зверь был отменный. А иначе б ему Норильска и не построили».

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ.

Окончание шмидтовского доклада целиком было посвящено товарищу Сталину. С теплотой, никак не вяжущейся с огромной фигурой и бородой, скрывающей ту часть докладчика, которая возвышалась над трибуной, Шмидт пересказал древний миф об Антее, которым сам Сталин закончил свое выступление на пленуме. Мол, большевики, как Антей, питающийся силами от матери-земли, «сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их».

Заключительную цитату из Сталина Шмидт процитировал уже грозно, постукивая для убедительности кулаком по трибуне:

- Товарищ Сталин говорит: «Пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами

Александр Водолазов

иностранных государств».

- Вот почему, - уже от себя добавил Шмидт, - мы должны быть всегда начеку.

И погрозил залу пальцем.

Через день, 22 марта он надолго улетел из Москвы. Его ждала новая авантюра – воздушная экспедиция на Северный полюс, а затем высадка папанинцев на льдину.

БЕРГАВИНОВ СПАСАЕТ СВЕТАКОВА

После возвращения из Тикси прошел почти месяц, когда Светакова, наконец, вызвали в политуправление. Секретарь Бергавинова послал его в кадры, оформляться в резерв. А к шестнадцати ноль ноль велел прибыть на прием к начальнику политуправления. Светаков мотался с бумагами из кабинета в кабинет, боясь увидеть в глазах чиновников приговор. Но, на удивление, он не встречал ничего, кроме традиционного равнодушия. В коридоре он столкнулся с мотористом Сутейкиным, который работал под его началом на Диксоне.

- Привет, товарищ Светаков, - радушно поприветствовал его коллега, - вы ведь сейчас вроде бы в Тикси? Каким ветром сюда занесло? На актив вызывали?

- На актив, на актив, - поспешил подтвердить Светаков и тут только понял, что о скандале в Тикси никто в сущности не знает.

Светаков был недалеко от истины. Бергавинов, действительно, сделал все, чтобы скандал не получил хоть малый оттенок политического. «Кухонная склока» - внушал он тем, кто имел отношение к делу. Он приказал отправить в отпуска Когана, Смирнову, а Козьмину пояснил: у нас на шее висит пленум ЦК, партхозактив, дел невпроворот. Закончим с главным – займемся тиксинской «бытовухой». Бы-то-ву-ха! – по слогам повторил он Козьмину, тем самым заранее вынеся полуофициальный приговор, чтобы опередить наиболее ретивых.

План Бергавинова был прост – дожидаться отъезда из Москвы Шмидта, который всю историю мгновенно мог бы привязать к последним указаниям Ежова и Сталина. Шмидт, все-

таки что-то слышавший о ситуации в Тикси, как-то мимоходом спросил у Бергавинова:

- А что там у нас со Светаковым?

- Да пустяки, Отто Юльевич. Он там сейчас хорошие дела разворачивает, готовит порт к навигации, заканчивает строительство нового радиоузла, полярной станции. В общем все путем.

- А все-таки – что за склока с парторгом?

- Да обычное дело: с полярной скуки принялись выяснять – кто главнее. Я вызвал и того, и другого, хочу обоим надрать одно место.

- Мое вмешательство не требуется? - только и спросил Шмидт.

- Да нет, Отто Юльевич, не вашего уровня дело. Я сам разберусь.

- Ну-ну, - согласился Шмидт. – Я сразу после актива улетаю на ЗФИ (так в среде полярников для краткости называли Землю Франца-Иосифа). Если что, привлекайте Янсона.

Шмидт о чем-то на мгновение задумался и потом торопливо добавил:

- А мою бумагу по Светакову пока все же придержите...

Еще что-то прикинул и решительно добавил:

- А лучше вообще ей хода не давайте.

После этого разговора Шмидт в тиксинскую историю больше не вникал.

В шестнадцать часов Светаков явился в приемную начальника политуправления. Бергавинов его ждал, поздоровался за руку, пригласил сесть. Кроме него в кабинете был Александр Догмаров, помощник Бергавинова. Судя по всему, тот был полностью в курсе дела, потому что Бергавинов сразу стал говорить о главном. Светаков ожидал крика, разноса, но получилось как-то очень по-семейному, так что он даже растерялся. Бергавинов с минуту разглядывал Светакова, потом открыл верхний ящик стола, достал какую-то бумагу и через стол подвинул Светакову.

- Смотри, Александр Васильевич, смотри и вникай, в какую глубокую лужу ты сел и нас рядышком посадил.

Светаков с опаской взял документ, ожидая самого худшего. На именном бланке начальника Главсевморпути товарища Шмидта было напечатано представление начальника порта Тикси Светакова Александра Васильевича к ордену Трудового Красного знамени по итогам навигации 1936 года. Внизу стояли визы Янсона, Крастина, Бергавинова.

Светаков только что не застонал.

- Ознакомился? – Бергавинов перегнулся через стол, забрал бумагу и сунул ее в тот же ящик. – Можешь считать, что ты ее не видел. И вряд ли теперь когда увидишь.

Разговор получился длинным. Бергавинов имел полную информацию от Козьмина, беседовал с Коганом, изучил протокол того злосчастного собрания.

- А теперь, Александр Васильевич, расскажи-ка мне все сам, не торопясь и без вранья.

Через час Бергавинов подвел итог.

- Значит, так, - начал он загибать пальцы. - Первое. Вина твоя налицо. С народом зарываешься, говорю тебе это не в первый раз. Не гражданская война, военкомовские замашки давно пора бросить. Второе. Виноват ты не в том, что развел склоку, а в том, что не смог задавить ее в самом зародыше. Не смог справиться с этой бабой – Смирновой. И сам повел себя, как баба. И за это тебя тоже будем бить.

Но есть куда более серьезный вопрос за рамками этой вашей кухонной свары. Ты не смог решить вопрос с якутскими грузами.

Знаю о всех твоих героических усилиях, - не дал он оправдаться взвившемуся было Светакову. - Я не о том. Десять тысяч тонн – это не вопрос твоих личных взаимоотношений с Лиссом, это общегосударственное дело. И ставить вопрос надо было по-государственному, вплоть до Совнаркома. Ты же упустил время, и твои героические усилия пропали впустую. Все сам, сам!..

Рабочий день уже закончился.

- Александр Анатольевич, - обратился Бергавинов к Догмарову, - ты можешь идти домой. Попроси только, чтобы нам чаю сделали. Нам еще надо о завтрашнем совещании покумекать.

Догмаров ушел, оставив их вдвоем. Бергавинов расстегнул крючки воротничка на морском кителе, отвалился на спинку кресла и, катая по столу красный, остро отточенный карандаш, задумчиво глядел на Светакова.

- Что же ты наделал, Александр Василич? Что же ты наделал?

Молча посидели еще минут пять, отхлебывая чай.

- Дай Бог, если завтра все получится по-моему. Будешь каяться, как договорились. На самом главном – партбилете – не заикливайся. Мол, нервы - и все такое. Лишних вопросов не будет, кого надо, я предупредил.

На следующий день, 18 апреля состоялось заседание политуправления. Повестка была, как всегда, обширная. Дело «о склоке» задвинули почти в самый конец.

Первым слово предоставили Когану. Среди высоких начальников, лишенный привычной поддержки жены, он путался, старался выглядеть обличителем окопавшихся врагов, но сказать ему по сути было нечего, кроме того, что грузчики пьют, грузы разворовываются, кинофильмы старые... Будни любой полярной станции, любой зимовки. Кому из северян не было это знакомо?..

Затем слово предоставили Светакову. Наученный накануне Бергавиновым, он говорил только о своих ошибках, вспыльчивости, о постыдной выходке с партбилетом. В заключение поклялся, что история глубоко перепахала его душу, и это для него урок на всю жизнь.

- Предоставьте мне любую работу на Севере, - закончил он, - я искуплю свою вину.

Последним докладывал «ревизор» Козьмин. Он разнес Когана за непонимание сути партийной работы с массами, о расколе коллектива на «берег» и «рейд», за мелочность, неумение в масштабном деле выделить главное, за фактический отказ в помощи начальнику Тикси, который был вынужден решать все производственные вопросы, особенно о сохранности зазимовавших грузов, в одиночку.

Но и Светакову досталось от Козьмина: за бонапартистские замашки, за пренебрежение к быту грузчиков, за самоуправство,

за перебои с дровами и электричеством и много еще чего. Светаков слушал критику в свой адрес, как музыку, потому что понимал, что работает заранее расписанный сценарий.

Сам Бергавинов, изо всех сил стараясь выглядеть строгим и беспощадным, в заключительном слове произнес:

- Думаю, все со мной согласятся, что мы не должны давать спуску коммунистам, допустившим форменное ЧП в бухте Тикси. Они должны понести суровые партийные взыскания. Предлагаю не ограничиваться просто выговорами, а занести их обоим в учетные карточки.

В коридоре, куда все высыпали покурить, сквозь клубы дыма к Светакову пробрался Козьмин, похлопал по плечу и негромко хохотнул:

- А ты, дурочка, боялась.

Стоявший поблизости Догмаров подхватил:

- А давай-ка, товарищ Светаков, дуй в гастроном...

Под пытками

Будучи в Якутии, я получил по радио указание Бергавинова вылететь в Тикси и разобрать там склоку между парторгом Коганом и начальником Тикси Светаковым. Все сводилось к тому, что Светаков виноват, и из Тикси его надо убирать.

Я вызвал по радио Бергавинова и высказал свою точку зрения. Бергавинов ответил, что вывозить надо и Когана, и Светакова, что я и сделал.

В Москве, в политуправлении были заслушаны доклады Когана, Светакова и мой. После обмена мнениями Бергавинов внес предложение Когану и Светакову записать по выговору в приказе. Позже я спросил у Бергавинова: «Как вышло, что Светаков так легко отделался?». На что он мне ответил: «Ты разве не знаешь, что Светаков состоит в нашей контрреволюционной террористической организации?». После этого Светаков при поддержке Бергавинова и Крастина был направлен в бухту Провидения главным инженером строительства порта.

Из протокола допроса Дмитрия Козьмина. Август 1938 года. Бутырки

В конце 1936 года из Тикси стали поступать тревожные сигналы о том, что там проводится вредительская работа. Бергавинов

послал туда «для успокоения» Козьмина. Тот принял все меры, чтобы выгородить вредительство Светакова – бывшего начальника бухты Тикси. Одновременно он вел какие-то подозрительные дела с Лиссом. В результате уголь в бухту Тикси не был завезен, и суда зазимовали.

Мне хорошо известно, что Козьмин выполнял контрреволюционные вредительские задания Бергавинова. При мне – я был в это время по какому-то делу в кабинете Бергавинова – ему принесли телеграмму-шифровку из бухты Тикси. Бергавинов сказал: «Надо послать туда Козьмина. Он и на этот раз сделает так, что ничего не выйдет наружу».

Из протокола допроса Александра Догмарова. Июнь 1938 года, Бутырки

Так Бергавинов спас Светакова. Надолго ли? – тогда этого никто не мог знать. Оба в очередной раз поверили, убедили сами себя, что Арктика еще может спасти от петли. А во что, собственно, оставалось верить?

Бергавинов, разумеется, лучше Светакова осознавал рассудком, всем своим опытом, что смертельная петля накинута и затягивается. Но сердце отказывалось принимать неизбежное, убаюкивая, успокаивая, что как-нибудь еще обойдется, что удавка не для него. В конце концов, Ежов – еще не вся партия, вот состоится очередной съезд...

Бергавинов еще не знал, что пока он в своем кабинете на улице Разина, под самым боком ЦК кого-то распекает, кого-то спасает, выступает с докладами, мотается вдоль трассы с обменом партдокументов..., он не знал, что в это самое время совсем рядом, в каких-то трехстах метрах, но уже в другом, потустороннем мире, в дьявольской преисподней под названием Лубянка – под звериной вой и зубовой скрежет, под стенания и плач его недавних коллег, друзей и вовсе не знакомых ему людей вершится его судьба. Нынешняя его биография большевика-ленинца близится к концу. Признания, оговоры, ложь, чудовищные измышления, выбитые вместе с зубами, челюстями, вырванные вместе с ногтями, поломанными ребрами, выдавленные чекистским сапогом из раздавленных грудных клеток... все

это складывается буквами, строчками и листками протоколов совсем в иную его биографию – темную, преступную, кровавую. До того рокового дня, когда ему, помимо собственной воли, придется примерить на себе эту свою новую биографию, оставалось всего полгода.

ЛЕДЯНОЕ НЕБО 1937 ГОДА

У профессиональных полярников есть только им понятные термины – «водяное небо» и «ледяное небо». Опытный капитан часто без авиаразведки, только по облакам может определить, есть ли и в каком направлении находятся полыньи, разводья, позволяющие выбрать верный курс и продвигаться дальше. Темная гладь чистой воды подсвечивает облака в такой же темный цвет. И, наоборот, белый цвет облаков предвещает самое неприятное – ледяные поля. Такое ледяное небо, в прямом и переносном смысле слова, нависло над всей Арктикой летом-осенью 1937 года.

30 июля 1937 года Ежов подписал приказ № 00447 о начале операции, которую следовало провести в течение четырех месяцев – августа, сентября, октября и ноября. Все края и области получили разнарядки на аресты и расстрелы. Прокурор СССР Вышинский в развитие ежовского приказа разослал по прокуратурам свой: «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются».

Аресты в Севморпути шли и раньше. Но после ежовского приказа маховик репрессий закрутился с устрашающей силой. В августе арестовали Илью Баевского – начальника Архангельского территориального управления, бывшего заместителя Шмидта на «Челюскине». В сентябре взяли Александра Воробьева – начальника радиослужбы Севморпути и Алексея Боброва – замначальника Морского управления (еще один заместитель Шмидта по «Челюскину»). То есть ближайших сподвижников.

В октябре ежовская метла замела Юлия Лисса – начальника Якутского территориального управления и Федора Кулаковича – начальника Мурманской конторы треста «Арктикуголь»

(это только руководители, но кто восстановит имена рядовых работников Главсевморпути, которым нет числа и которых унес ураган 37-го?).

Вряд ли даже Борис Лавров, самый последовательный и беспощадный критик сквозных плаваний по Северному морскому пути, желал такого убийственного подтверждения своей точки зрения. Но это случилось: к сталинско-ежовскому урагану добавился невиданной силы арктический циклон. Более половины транспортного флота с экипажами, грузами и заключенными в трюмах, а – главное – все ледоколы (кроме «Ермака») оказались вмороженными в лед. Большинству предстояла тяжелая, смертельно опасная зимовка, а кое-кто освободится из ледового плена только через три года.

Это была катастрофа национального масштаба. Принято считать, что всему виной аномальная погода и ледовые условия. Это справедливо лишь отчасти.

Вспомним постановление ЦК и Совнаркома 1934 года: «уже сейчас возможно..., полное освоение Северного морского пути..., мощное развитие...». Идиотизм власти, помноженный на вулканическую энергию маньяка-Шмидта, и образовали тот порочный круг, из которого невозможно было вырваться ни власти, ни самому Шмидту.

Руководство Севморпути (в первую очередь, сам Шмидт), капитаны судов и ледоколов пребывали в эйфории от бесконечных успехов (чаще всего - сомнительных); пропагандистских «героических эпопей», за которыми, как правило, стояло преступление; наград (подчас незаслуженных); от самовосхваления, от невежественных прогнозов вроде «растопим льды Арктики». Достаточно вспомнить безграмотные и безумные заверения Шмидта, что навигация блестяще удалась, что она «окончательно подтвердила возможность прохождения неледокольными судами этой новой, открытой нами, великой морской трассы», что «можно продавать билеты на сквозное плавание до любой промежуточной станции» и тому подобные бредни. Припомним, наконец, что всего за месяц до катастрофы настойчиво утверждалось, что «Севморпуть освоен, любое задание партии и правительства выполнимо

при любых ледовых условиях».

Катастрофа 1937 года была возмездием за авантюризм, тщеславие, безграмотность, тупость всего руководства Главсевморпути, но в первую очередь – Отто Шмидта. Следует иметь в виду и тот факт, что Шмидт на три месяца фактически самоустранился от подготовки к навигации 1937 года. Он в это время был увлечен «папанинской эпопеей».

Кстати, и в провальную навигацию 1937 года планировались «рекорды». Теплоход «Моссовет» под командованием капитана Александра Бочека должен был совершить не просто сквозное плавание с Запада на Восток, ему еще предстояло проскочить обратно. Чувствующий себя уже почти Героем, капитан Бочек требовал от капитана ледокола «Ермак» Владимира Воронина, известного читателю по «Челюскину», бросив все, вывести «Моссовет» из ледового плена и тем самым обеспечить очередной «рекорд».

Воронин отказывался, лучше Бочека понимая гибельность ситуации и для «Моссовета», и для «Ермака». Бочек настаивал, обвинял Воронина в трусости. В итоге, послав Бочека чуть ли не по матушке, Воронин на последних остатках угля увел свой ледокол из ледяного мешка Карского моря, осыпаясь проклятиями оставшихся на зимовку. «Ермак» оказался единственным ледоколом, который вырвался из льдов Арктики, и только благодаря этому Главсевморпуть смог позже спасти экспедицию Папанина и вызвать в следующую навигацию плененные суда.

Кстати, в вызволении экипажей зазимовавших судов опять решающую роль сыграли полярные авиаторы. Но теперь никаких фанфар, кинооператоров, никаких орденов и званий Героев уже не было. Как было сказано, над всей Арктикой установилось «ледяное небо».

Какое участие в репрессиях против своих подчиненных принимал сам Отто Шмидт – источники умалчивают. Позволим высказать догадку – самое прямое. Он уже немало сделал своим мартовским докладом-доносом. Но время требовало действовать на опережение. Подгоняемый страхом и всеобщей истерией, Шмидт начал расправы в собственном

«полярном наркомате», свирепствовал, отдавал под суд. В сентябре Шмидт инспектирует авиагруппу Обдорска (нынешний Салехард) и издает приказ – командира снять с работы, отдать под суд. В октябре трест «Арктикуголь» срывает план добычи угля - начальника треста Костина снять с работы, отдать под суд. Костин всего несколько месяцев, как сменил на этом посту другого «врага народа», уже арестованного Михаила Плисецкого. И вот поди ж ты – кого ни поставь, опять враг. Вообще прелестная в своей юридической простоте формулировка – снят и отдан под суд - не прокурором, не Органами, а приказом вышестоящего начальника, то есть академика и Героя Отто Шмидта. Впрочем, ведь было сказано – «соблюдение процессуальных норм не требуется».

Открывалась самая кровавая страница в истории Главсевморпути. В октябре очередь дошла до центральных фигур. Топор пошел гулять по головам покровителей Светакова, которым он, без всякого преувеличения, был обязан жизнью. Где-то в октябре (точнее выяснить не удалось) арестовали Эдуарда Крастина, только что награжденного орденом Ленина и назначенного заместителем Шмидта.

А 31 октября 1937 года, как раз за неделю до 20-летия Октября арестовали Сергея Бергавинова. Сутками позже, темной осенней ночью к знаменитому Дому на набережной, где проживала советская элита, подъехал «воронок». Жена и две малолетние дочери Бергавинова были арестованы. Жену ждал лагерь, девочек – детский дом.

Последние недели и дни жизни Бергавинова навсегда скрыты от нас в архивах Лубянки. О чем размышлял он, «каменщик в фартуке белом», выстроивший с такими же, как он сам, «большевиками-ленинцами» самую зловещую в мире тюрьму? Или он ни о чем уже не способен был размышлять, валяясь в луже собственной крови на каменном полу Лефортовской тюрьмы? Ему было всего 38 лет, это был высокий, очень крепкий мужчина. Сколько можно судить, Бергавинову, униженному, раздавленному, изувеченному, удалось собрать остатки сил, сплести из каких-то обрывков

веревку и самому свести счеты с жизнью. Это случилось 12 декабря 1937 года.

Из архивов. «Бандит Бергавинов и его шайка совершили чудовищные преступления против родины. Они вредили на всех участках Главсевморпути, срывали капитальное строительство, тормозили советскую торговлю на Крайнем Севере, губили людей и материальные ценности, срывали грузоперевозки, всячески пытались подорвать освоение Северного морского пути, освоение, блестяще проводимое под руководством товарища Сталина...

Бандит Бергавинов по прямому заданию врага народа Гамарника подготовлял террористический акт против вождя народов товарища Сталина, против руководителей партии и правительства. Осуществить это чудовищное преступление, к счастью, не удалось. Славные наркомвнудельцы поймали всю его банду наемных убийц и избавили советский народ от неслыханных бедствий».

Журнал «Советская Арктика»

Через пять недель после ареста Бергавинова, 6 декабря 1937 года взяли Николая Янсона, первого заместителя Шмидта, недавнего кавалера ордена Красной Звезды.

Радиограмма

Рады, что Главсевморпуть взялся твердо, по-большевистски за кадры центрального аппарата и периферию, очищая их от гнили и врагов народа.

Иван Папанин. Гренландское море

ПАДЕНИЕ КУМИРА

1 938 год Шмидт не прожил – просуществовал. История катилась уже мимо него. Он оставался прикованным к колеснице, не в силах ни соскочить с нее, ни повлиять на бешеную скачку.

В известный москвичам Дом полярников (дом № 9 на Никитском бульваре), а также в соседний дом № 7-б зачастили «воронки». Компактное проживание полярников оказалось весьма

Там, за далью непогоды

удобным для Органов.

В январе, сразу после Нового года, расстреляли арестованных ранее Илью Баевского, Алексея Боброва – ближайших сподвижников Шмидта, следом Александра Воробьева (начальник радиослужбы), Михаила Плисецкого (начальник треста «Арктикуголь»), Николая Иванова (главный инженер треста «Нордвикстрой»), Сергея Нацаренуса – главного плановика, Аполлона Чиковани (начальника планово-экономического отдела), Николая Жигалева (замначальника Управления полярной авиации), Абрама Стукатера (помощника начальника Управления полярной авиации).

В феврале расстреляли Эдуарда Крастина – заместителя Шмидта, Михаила Пошеманского – начальника Дальневосточного теруправления, Дмитрия Дуплицкого – начальника мобилизационного отдела, Жана Штейнберга – начальника техснаба. Вокруг Шмидта все более расширялась мертвая зона, в которую уже просто страшно было ступить.

Сам Шмидт тем временем продолжал оставаться на свободе под защитой охранной грамоты, которую ему давало звание Героя. Но была другая веская причина его неприкосновенности. В конце концов, Сталин мог посадить и Героя. Но он не забывал, что, пока в стране идет мясорубка, в Гренландском море его, сталинским, именем вершится очередная «героическая эпопея» - дрейф папанинской льдины. Это страна могла заходиться в восторге по поводу каждой телеграммы Папанина, приветствующего расстрел очередного заговорщика, это пионеры могли флажками отмечать на карте маршрут героического дрейфа. Но Сталин-то лучше других знал, что авантюра давно провалилась, что еще в ноябре «героев» следовало эвакуировать, что льдина крошится на глазах и уже никакой самолет не сможет сесть на перемолотый сжатиями лед.

У Сталина просто не оставалось другого человека, кроме Шмидта, которому он мог бы доверить спасательную операцию. А расстрелять (или что там еще придумает Ежов) – это никогда не поздно.

Шмидт тоже прекрасно понимал политическое и пропагандистское значение благополучного (а лучше – победного,

Александр Водолазов

как с «Челюскиным») завершения дрейфа, это был и его шанс. Он нисколько не сомневался, что провала спасательной операции Сталин не простит. В феврале 1938 года Отто Шмидт возглавил экспедицию в Гренландское море, где папанинская льдина должна была вот-вот развалиться на мелкие осколки.

В спасение четверки участвовали силы военно-морского Северного флота: гидрографические суда «Таймыр» и «Мурман», три подводные лодки, эсминец «Карл Либкнехт». В операции принимал участие и дирижабль под командованием Гудованцева. Торопясь на спасение, дирижабль в районе Кандалакши попал в снежный заряд, врезался в сопку и сгорел. При катастрофе погибли 13 человек, в том числе и командир.

Сам Шмидт на ледоколе «Ермак» на всех парах спешил к гибнущей четверке. 19 февраля «Таймыр» с «Мурманом» пришвартовались в полутора километрах от лагеря папанинцев. За три с половиной часа эвакуация станции благополучно завершилась, спасенные перешли на борт «Ермака», и все суда взяли курс на родину.

Шмидт успел. Но не он теперь был главным героем «эпопеи». Инициатива победных рапортов и здравниц в честь вождей как-то сама собой мало-помалу переходила к новому Герою – «знатному полярнику» Ивану Папанину.

Указ

президиума Верховного Совета СССР о награждении персонала дрейфующей станции «Северный полюс»:

1. Присвоить звание Героя Советского Союза, со вручением ордена Ленина: Кренкелю, Ширшову, Федорову.
2. Наградить вторым орденом Ленина Героя Советского Союза т. Папанина.
3. Выдать т.т. Папанину, Кренкелю, Ширшову, Федорову денежную награду в размере 30000 рублей каждому.

М. Калинин, А. Горкин

Москва, Кремль, 22 марта 1938 года

Отто Шмидта, руководителя спасательной экспедиции, в списке на этот раз не оказалось, что случилось впервые. Раньше любая

мало-мальски значимая экспедиция, в которой участвовал Шмидт, неизменно заканчивалась хоть какой-то государственной наградой. Теперь его участие не было даже отмечено. Через неделю стало ясно – почему.

28 марта 1938 года, едва в Кремле отзвенели бокалы с шампанским и отгремели аплодисменты по случаю награждения папанинцев, вышло постановление Совнаркома - «О работе Главсевморпути за 1937 год».

Совнарком признавал эту самую работу неудовлетворительной. Более того, объявлялось, что зимовка во льдах половины транспортного и почти всего ледокольного флота явно не случайна. Причины: плохая организованность в работе, самоуспокоенность и зазнайство, а главное – создание благоприятной обстановки в самом аппарате Главсевморпути для преступной антисоветской деятельности вредителей.

Академику, «выдающемуся организатору науки», «знаменитому полярнику», которого холуйствующие биографы возвели в ранг титана эпохи Возрождения, ничего не оставалось, как раболепствовать и униженно каяться. В обращении «Ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим» Шмидт оптом продает всю ту команду, которая только и сделала его «ледовым наркомом». И тех, кто уже расстрелян, и тех, кто только арестован и ждет приговора, и тех, кто, как Светаков, еще питает иллюзии: «Подлые троцкистско-бухаринские агенты фашизма, пробравшиеся в Главсевморпуть, срывали выполнение планов, скрывали от Родины богатства Арктики, замораживали суда, всячески вредили и дезорганизовывали работу, разрушали стахановское движение... Первейшей задачей для всех честных работников Главсевморпути является сейчас решительное и беспощадное выкорчевывание вражеских остатков, очищение Главсевморпути от всех сомнительных элементов и полная ликвидация последствий вредительства».

К середине лета 1938 года была арестована или уже расстреляна почти вся верхушка Главсевморпути. На свободе по-прежнему оставался только Шмидт да еще, пожалуй, Лавров. Одного этого было достаточно, чтобы испытывать

ежеминутный страх. Но, в дополнение ко всем бедам, Шмидту стало известно, что НКВД отслеживает и его личную жизнь. Превенная любовница - жена расстрелянного Сергея Сырцова, председателя Совнаркома РСФСР, давно была в лагерях. Последнее время у Шмидта был роман не с кем-нибудь, а с женой самого Николая Ежова, всемогущего наркома НКВД. Евгения Ежова была молодой и достаточно легкомысленной женщиной. О ее подозрительных связях было известно даже Сталину. Уже после ареста самого Ежова тот признавался, что любовниками его жены действительно были и Отто Шмидт, и писатель Исаак Бабель. Бабеля расстреляли, а Шмидта опять пронесло.

Но академику и Герою еще предстояло испытать публичное унижение перед страной и миром. 28-29 августа 1938 года под председательством Молотова состоялось заседание Совнаркома. Рассматривался рутинный вроде бы вопрос об улучшении работы Главного управления Севморпути. На самом деле это был вопрос о его ликвидации. «Ледовый наркомат» прекращал существование как единая хозяйственно-экономическая структура, как полярная империя, которой подчинялись все советские и хозяйственные организации Севера. Территориальные управления упразднились. Все предприятия, прииски, рудники, шахты, геологические партии, предприятия торговли, лесозаготовки и прочее, и прочее передавались соответствующим наркоматам по принадлежности.

Соответственно, отпала необходимость и в «ледовом наркомате». Еще несколько месяцев он продолжал подписывать какие-то бумаги, но дело уже уплывало из его рук.

Севморпуть же становился тем, чем он является и по сей день: структурой, обеспечивающей судоходство в Арктике. Подчеркнем лишний раз этот факт, чтобы окончательно устранить историческую путаницу: в Советском Союзе существовали две структуры, носящие одинаковое название - Севморпуть, но это были совершенно разные организации – до августа 1938 года и после.

Окончание следует...

По ту сторону реальности

Алиса Поникаровская
КЛЮЧ ОТ ОДИНОЧЕСТВА

Текла вода из ржавой трубы. Труба уходила в реку, только что сбросившую оковы зимнего льда. Солнце плескалось в воде, и небольшие льдинки, плывущие по течению, становились на пару мгновений золотыми.

Она стояла на трубе и смотрела. Река проносила мимо разбухшие деревьяшки, пустые банки из-под пива и льдинки, наполненные солнцем. Ей хотелось коснуться воды руками, ощутить пальцами прохладу и свежесть уже наступившей весны, но она почему-то боялась. Вода притягивала и отталкивала одновременно, и было в этой одновременности что-то пугающее.

«Мы – это мир?» – подумала она и нагнулась, разглядывая маленьких жучков, снующих в воде вокруг трубы.

...Он ждал ее уже несколько лет и никак не мог понять, почему она не торопится. Каждое утро он просыпался с надеждой, что именно сегодня это произойдет, и каждый вечер, укладываясь спать, говорил себе, что завтра это обязательно случится: мало ли какие у нее дела, возможно, просто что-то задержало, что-то не получилось...

...Ей снились странные сны. Она видела комнату, в которой никогда не была, она открывала незнакомую дверь своим ключом и входила в чужую прихожую. Привычно бросала взгляд на висящее огромное зеркало, улыбалась своему отражению и отточенным движением, словно делала это много раз подряд, бросала ключ на маленькую полку под ним. Потом, нашарив рукой выключатель, включала свет и входила в комнату. На столе стояли цветы и бутылка шампанского, но она была уверена, что не оставила ничего, уходя. Она обводила взглядом пространство комнаты, испуганная и тревожная, понимая, что спрятаться тут негде, и ни одна из вещей не подсказывала ей, кто был здесь и кто оставил на столе эти розы и эту бутылку. Она подходила к окну и долго всматривалась в черноту ночи за стеклом, словно надеясь что-нибудь там увидеть и, может,

Мне приснилась действительность. С каким облегчением я проснулся!

Станислав Ежи Лец

понять, но тут сзади раздавались осторожные, почти бесшумные шаги, и она, вздрогнув, резко поворачивалась и ...просыпалась.

...Каждое утро он покупал розы. Его уже давно знал весь базар, и продавщицы весело шутили о том, как хорошо бы стать его женой, и каждое утро получать по букету, просили привести ее как-нибудь с собой, чтобы они посмотрели на эту счастливицу. Он привычно отшучивался, выбирал цветы, и, улыбнувшись на прощанье, быстро уходил, надеясь, что она не приходила во время его короткого отсутствия. Он открывал дверь, привычно бросал взгляд на висящее огромное зеркало, хмурился своему отражению и отточенным движением, как делал это всегда, бросал ключ на маленькую полку под ним. Заходил в комнату, уносил на кухню вчерашний букет, ставил на стол новый и доставал бутылку шампанского. Потом садился и начинал ждать.

...Она просыпалась и в который раз прокручивала сон в голове, словно ища какой-нибудь подсказки или зацепки, но не было ничего, и она, тряхнув головой, поднималась и шла в ванную. Днем было легче – повседневные дела занимали ее, она кидалась в их водоворот стремительно и жадно, стараясь не думать о предстоящем вечере, о человеке рядом, об очередной ежевечерней лжи. Иногда ей это удавалось, и тогда она была почти счастлива отсутствию мыслей в ее голове, и только сон, этот непонятный, все время повторяющийся сон, никак не давал ей покоя. «Сны – порождение безумия?» – думала она и смеялась негромко, представляя, как сходит с ума и становится тихой нелепой сумасшедшей. Или буйной?.. Однажды, желая избавиться от сна, она взяла краски и нарисовала эту комнату, этот стол, этот букет и бутылку шампанского, и свою одинокую фигурку у ночного окна. Картинка ей понравилась, но человек, находившийся рядом, сказал, что это – кричащее одиночество, которое она в принципе испытывать не должна, по причине его присутствия. Она ответила что-то резкое и повесила картинку над кроватью, надеясь, что больше этого сна не будет, но он снова приснился ей в ту же ночь.

...Он, не торопясь, завтракал, потом ложился на диван и курил, в который раз представляя себе, как она войдет, откроет дверь своим ключом, привычно бросит взгляд на висящее огромное зеркало, улыбнется своему отражению, и отточенным движением, так, как будто делала это всегда, много раз подряд, бросит ключ на маленькую полку под ним. Потом, нащупав выключатель, включит свет, войдет в комнату и увидит на столе букет и шампанское, и удивится. И испугается. А после будет стоять и смотреть в черноту ночи за стеклом окна, и тогда он почти бесшумно подойдет сзади и легко обнимет ее за плечи. Он не станет ее упрекать за то, что она так долго не шла, ей наверняка тоже было не сладко, он никогда не признается ей, что порой, отчаявшийся и обезумевший от ожидания, он переставал верить, что она вообще когда-нибудь придет, тогда букет засыхал на столе, он мрачно курил, глядя в потолок, а на базаре говорили между собой продавцы, что, видимо, он заболел, если не случилось чего-нибудь страшнее. Но так продолжалось дня три, не больше, он потом ругал себя последними словами, понимая, что если не верить в то, что она придет – жить становится просто не за чем, на базаре справлялись о его здоровье, он благодарил, улыбался на прощанье и быстро уходил, надеясь, что ее не было во время его короткого отсутствия.

...Ей все время казалось, что что-то должно быть не так, и видимо этот сон связан как-то с этим не так, но дни проходили один за одним, и ничего не менялось. И тогда она сказала себе, что это просто ее отчаянное одиночество залезло даже в сны, она шутила грустно: «Буду пить шампанское одна, раз мне никак не удастся увидеть, кто же все-таки его принес и поставил на стол...» Человек, находившийся рядом, посоветовал ей обратиться к психиатру, безапелляционно заявив, что все время повторяющийся сон и тот же сон – это явный признак прогрессирующей болезни, о которой она ничего не знает, и от этого вдвое страшнее, он даже великодушно предложил ей через своего хорошего знакомого обратиться к его хорошему знакомому,

просто потрясающему специалисту в этой области. Она возразила, что так сходить с ума ей очень нравится, по крайней мере, безболезненно и тихо, а врачи, им только дай волю, сразу найдут кучу разных болезней, и вообще, кто определит, где норма, в таком сложном вопросе, как психиатрия, и кто является критерием абсолютного здоровья и разума. «Я», - сказал человек, находящийся рядом, и она в ответ только развела руками: не всем же так повезло.

...У него сегодня был неудачный день, он потерял ключ где-то на берегу, второй валялся дома в столе, и пришлось вытаскивать из подвала вечно пьяного слесаря и помогать ему осторожно открыть дверь, чтобы не сломать замок, который он поставил несколько лет назад специально для нее, на базаре не было роз, и он объездил весь город, пока, наконец, не купил букет, он очень торопился домой, он никогда не уходил так надолго, и мысль о том, что она была в его отсутствие и уже ушла, неотвязно билась в его голове и наполняла все его существо диким ужасом. Он вошел в комнату, унес на кухню вчерашний букет, поставил на стол новый и достал бутылку шампанского. Он курил, глядя, как медленно темнеет за окном, и неожиданно ясно и отчетливо понял, что она не придет никогда, розы будут засыхать еще много дней и ночей, прокиснет шампанское, за окном тысячи раз будет вставать и садиться солнце, он будет так же курить, глядя в никуда, и уже ничего не ожидая... А она так и не придет... Он поднялся с дивана, достал аптечку и начал медленно, методично вытаскивать из упаковки таблетки. Когда их стало много, этих маленьких белых кругляшков, несущих смерть, он принес из кухни стакан воды, и так же медленно, методично стал отправлять их в рот, задумчиво запивая. Потом он убрал в мусорное ведро разорванные упаковки, лег на диван и закурил последнюю сигарету. Он плакал, и букет роз расплывался в его глазах, а может, это был просто дым, в который превратилось его ожидание...

...«Мы – это мир?» – подумала она и нагнулась, разглядывая маленьких жучков, снующих в воде вокруг трубы.

И на песке, только протяни руку, сразу у трубы, увидела ключ. Она почему-то обрадовалась и коснулась воды руками, мгновение, и ключ уже в ее ладони, приятно прохладный и мокрый.

«Я знаю! – она сжала руку в кулак. – Это тот самый ключ, от той самой квартиры из моего сна... Кто-то потерял его... Кто-то, кто ждет меня там с букетом роз и бутылкой шампанского на столе... И когда-нибудь я обязательно приду...»

Она повернулась и пошла по берегу реки, все еще сжимая ключ в ладони, радостная и ожившая, ставшая верить, что все еще будет, потому что кто-то ждет ее там, в знакомой-незнакомой комнате, с букетом роз и бутылкой шампанского на столе... Текла вода из ржавой трубы, и над рекой медленно садилось солнце...

Ирина Юсупова **НАУЧИ СЕБЯ ЛЮБВИ...**

А вот замечательный любовно-детективный роман, с элементами мистики и фантастики, по совершенно смешной цене...

«Это то, что надо, – подумала она. – Как раз на два часа хватит. И не буду ни о чем думать...» А вслух сказала:

- Почему ваш романчик? Давайте...

С первых же страниц она поняла, что ее здорово надули. То-то этот коробейник так быстро убежал! Вся мистика и фантастика сводились к тому, что герои временами крестились и говорили «С богом», а детектив, по-видимому, если и развернется, то на последних двух страницах... Сплошные сопли. «Ее ресницы затрепетали... Он заиграл желваками... Ее высокая грудь вздымалась... Его ноздри вздрагивали...» Тьфу. Она терпеть не могла такую литературу. Уж лучше «Спид-Инфо» купила бы... Да, ладно... Может, еще чего разносить будут. Сейчас в электричках их много...

Тогда она стала смотреть в окно. Лучше бы, конечно, на людей, это интереснее... Но пассажиров почти не было. В конце вагона о чем-то оживленно беседовали две бабули, а посередине сладко посапывал пьяненький мужичок... Погода была чудесная, утро воскресенья, домой еще никто не собрался...

Ее отпуск, почти не начавшись, уже закончился. Провела дома только три дня, довела до «скорой» мать, и поняла, что лучше уехать... Ну, не может она там жить! Все плохо и все не так... А тут еще мать с этим своим женихом... Нет, ну, смех сквозь слезы! «Совершенно случайно» зашедший прилизанный и разодетый мужик с вином и тортом... Наверно, весь город был в курсе...

Да, вроде бы родной город... Хотя, какой там город... Городишко. Городушечко. Городулечко. Может, когда-то ему и дали статус города, когда людей было побольше... А сейчас что? Все разбежались. Кто в Москву, кто еще дальше. Да и что там делать? Две реальные работы для всего населения – молокозавод и птицефабрика. А если она не хочет быть ни дояркой, ни птичницей? Тогда – сфера обслуживания, куда пробиться очень и очень непросто, все места уже давно разобраны... И вообще... Она просто хотела быть москвичкой. Сидел в ней этот дурацкий комплекс провинциалки, и все тут. Хотела быть москвичкой и вместе с тем ненавидела этих самых москвичей до чертиков... Ну, где справедливость? Им все. Театры и институты, музеи и магазины, выставки и вернисажи, кино и просто все развлечения! И пусть любой нормальный человек не так-то уж и часто туда ходит, но само сознание того, что все это рядом! А как сходить в театр, если потом домой надо два с половиной часа на электричке ехать? Вот то-то и оно...

В Москву она влюбилась в пять лет. Тогда родители впервые повезли ее туда на какой-то праздник – то ли Первоймай, то ли День Победы... Музыка, цветы, вкусное мороженое, нарядные люди... Все это произвело на нее такое впечатление! А вечером – иллюминация и салют. Они смогли это посмотреть, потому, что на ночь их согласились

приютить какие-то дальние родственники. И вот еще тогда, в таком нежном возрасте, она сказала себе: «Я буду жить только в Москве. Вырасту, и обязательно буду жить в Москве». Тогда она, конечно, очень смутно себе представляла, как это все получится, но цель появилась. А уж упрямства ей было не занимать...

А потом, тоже довольно рано, классе в шестом, она начала вполне по-взрослому думать – как же ей зацепиться за Москву? Выйти замуж? Хорошо бы, но это счастливый случай, и на него не очень-то нужно рассчитывать. А что реально? По лимиту? Ну, уж нет... Наслушалась она рассказов о бесконечной погоне осликов за той самой морковкой! Значит, квартиру нужно купить. Благо, сейчас это возможно. Деньги... В ценах она разбиралась прекрасно, столько риэлтерских журналов перелопатила. Даже если продать их вообще-то еще довольно крепкий дом, денег едва хватит на однокомнатную квартиру. И как она там будет жить? С матерью и с все чаще и чаще пьяным отцом? Увольте. Да, и не согласятся они ни за какие деньги. Вот уж, воистину, фанаты этого чертового городишки...

«Значит, нужно пробиваться самой», – решила она для себя. Но как? Поступать в институт? А конкурс? Да иногородним еще плюс дополнительные баллы... А училась она не очень... И не потому, что ленилась. Просто не получалось. Единственное, что хорошо шло, так это математика. Какой замечательный предмет! Ни абстракции, как в физике, ни воображения, как в литературе! Все четко, логично, понятно. Так приятно работать с цифрами, выстраивать простые и правильные цепочки доказательств! И где же нужна только математика в чистом виде? Она решила для себя – бухгалтерия. Да и профессия очень и очень востребованная. И хорошо оплачиваемая.

С большим боем отвоевала у родителей свое двухгодичное обучение – курсы в Москве были престижные и дорогие. Но после окончания этих курсов действительно реально трудоустроивали, она все разузнала. Родителям она, конечно, не говорила, что хочет всеми правдами и неправдами

остаться в Москве, и они думали, что она будет работать дома...

Как ей далось это обучение, представить сложно... Почти по шесть часов в день тратить на дорогу, это не всякий выдержит! Но только не она. У нее была цель – Москва. В электричках она занималась. Учила счета и проводки, штудировала бухгалтерские журналы, читала умные книжки по предмету...

И вот, наконец, распределение... И ее, самую лучшую из учащихся, никуда не брали! Москвичи, москвичи... Везде требовались одни только москвичи! Или предлагали такой оклад, который бы весь уходил на оплату дороги. Снять комнату? Опять заколдованный круг. Ведь тогда все деньги уйдут на оплату этой комнаты...

Что делать? Сдаться? Остаться в городишке? Ну, нет! Она упрямая. И на очередном собеседовании она не стала говорить всю правду. То есть, она сказала, что живет не в Москве, но только умолчала, что это так далеко. Отмахнулась, как будто все должны знать: «Да это же совсем рядом!» Зам. директора, которая с ней говорила, не знала, где этот самый их городишко. И на вопрос – далеко ли, ответила: «Да как через Москву, ближе даже!». Та не заострила на этом внимания, и первая преграда была пройдена. А вот вторая... Директор, усмехнувшись, дал ей автомобильный атлас:

– Покажите.

Она, заливаясь краской, нашла нужную страницу. Директор, прищурившись, наблюдал за ней, и когда она вернула раскрытый на нужной странице атлас, опять усмехнувшись, спросил:

– И как же вы собираетесь ездить оттуда? Нам нужны полноценные работники, а не измочаленные еще до начала рабочего дня.

– Я попробую снять комнату... – пролепетала она.

– И на что жить будете? Ваш оклад пока не подразумевает таких трат. Может, потом... О вас очень хорошие отзывы на курсах. Но не сразу.

Она уже готова была зареветь, еле сдерживалась, когда он вдруг сказал:

– А впрочем... На первых порах я могу помочь. У меня есть квартира. Свободная. Могу пока уступить.

Она посмотрела на него и все поняла. И согласилась. Что ж... Ее не убудет. Да и мужик он, вроде, ничего... Не такой уж и старый, и не такой уж и противный... Как говорится, стерпится-слюбится...

...Стерпеться-то стерпелось, но уж, конечно, не слюбились... Слава богу, он этого и не хотел. Приходил не часто, требовал не много... Однажды задумчиво сказал:

– Странная ты, Татьяна. Вроде все при тебе – красивая, умная ...фигура... Все. А чего-то нет. Все желание пропадает...

– А пропадает – не ходи, – усмехнулась она.

Он только вздохнул, оставил денег, как всегда, ушел...

Деньги она яростно копила. Отказывала себе во всем, экономила на чем только можно. И вот, наконец-то, набрала на крошечную комнату в огромной коммуналке. Купила. Оформила все как надо. И сразу же объявила об этом директору. Думала, рассердится, потребует денег за то, что жила в его квартире... Или вообще уволит.

Нет. Показалось, что даже обрадовался:

– Что же. Я рад. Характер у тебя железный. Да и работник ты великолепный. Я думаю, как Нина Матвеевна на пенсию пойдет, а она в сентябре собирается – тебя главбухом сделать. Ей уже сказал, с завтрашнего дня вы будете вместе работать, она тебя будет во все последние тонкости посвящать.

Что же, это ее очень устраивало. И зарплата больше, да и работа ее ей нравится. И как это люди могут не любить, и тем более, не понимать бухгалтерию? Все так понятно и просто. Где что убыло – где-то должно прибыть. Отсюда взяли – сюда перевели. Все четко, ясно. Все до копеечки. Налоги? Сложности? Обойдем. Надо только знать как. И чтобы все по закону. А она и знает как, и как по закону. У нее всегда и во всем порядок.

С директором они больше не встречались. Но он часто давал ей «подработать» на клиентах фирмы. Все было по обоюдному согласию. Вызывал, говорил, что будут такие-то, нужно быть поласковее, если пожелают. У нее был один ответ-вопрос:

– Сколько?

– Ох, и любишь ты деньги, Татьяна, – усмехался он.

– А что же, мне этих козлов любить, что ли?

– Так уж все и козлы? – удивлялся он.

– Если готовы покупать девок за деньги – значит, козлы.

– А сегодня, между прочим, очень симпатичный и молодой будет. Приглядишься... И богатый. ...Ты красавица, понравишься обязательно...

– Женатый?

– Какая разница?

– Женатый?

– Да, вроде... Так ведь...

– Значит, козел, – уверенно говорила она...

А ей нужен был не женатый и с квартирой. А еще лучше, если бы он эту квартиру ей подарил. Тогда может быть хоть женатым, хоть козлом, хоть и тем и другим одновременно. И какой он при этом будет – молодой, красивый или наоборот, ей было абсолютно наплевать. Она опять копила деньги и теперь уже на квартиру...

...Вот так сидела, перебирала всю свою нехитрую жизнь в уме... И все из-за того, что книжка никак не читалась. Начала смотреть в окно. Рядом с рельсами проходила автомобильная дорога. Она лишь иногда сворачивала в лес, но в основном шла почти параллельно.

...Черную мощную машину она заметила уже давно и удивлялась – ведь та давно бы могла обогнать поезд... А машина, словно выжидала чего-то, ехала за ними совершенно не торопясь...

...На следующей станции в вагон вошла молодая женщина. И как она очутилась в электричке? Такие обычно

ездят в дорогих иномарках. Она была просто роскошна. С густой гривой белокурых волос, с огромными бледно-зелеными глазами, с такими фигурой и лицом, что захватывало дух... И одета была так, что хоть сейчас на подиум... Бабульки в углу удивленно замолчали. А женщина была растеряна. Она оглянулась по сторонам, осмотрела всех, кто был в вагоне, увидела ее и решительно направилась прямо к ее купе. Села напротив и, казалось, хочет о чем-то попросить...

Но тут вдруг поезд остановился на станции, к которой автодорога подходила вплотную. Обычно перед станциями дорога уходила куда-то в объезд. Из машины выбежал мужчина и, почти перед закрытием дверей, запрыгнул в поезд. И тоже вошел в их вагон. Женщина побледнела. Он подошел к ней, опустил на колени и, заглядывая снизу в глаза, сказал тихо и горько:

– Убежать хотела? Зачем...

– Тася, не надо... Что ты от меня хочешь?

– Все. И ты это знаешь.

– Я не могу. И ты тоже знаешь – почему...

– Это твое последнее слово?

– Да...

– Что ж, нет, так нет... Но я хочу, чтобы ты навсегда осталась *именно такой*... Как сейчас... Прощай.

Мужчина вынул маленький пистолет, приставил его прямо к солнечному сплетению женщины и выстрелил три раза... Та, прошептав, видимо уже в бреду: «Серебро...», стала оседать на скамейку... Мужчина сидел рядом, держал ее руку и прижимался к ней щекой... Потом встал, поцеловал женщину в губы, и, наконец, оглянувшись вокруг, остановил свой взгляд на Татьяне. Она, уже мысленно прошившись с жизнью, сидела спокойно. Но тот вдруг стал пристально и странно смотреть ей в глаза... У нее все поплыло...

...Очнулась она от того, что женщина теребила ее за руку:

– Очнитесь, очнитесь...

Она сразу вскочила:

– Вы живы?! Сейчас, я позову кого-нибудь по переговорному!

– Нет, не надо... Не поможет... – женщина полулежала на скамейке, кровь, уже сильно пропитав светлое дорожное платье, стекала на пол... – Дайте вашу руку... И посмотрите на меня... Пожалуйста...

– Да ведь нужно кого-то позвать!! – она опять собралась было бежать, но женщина удержала ее за подол.

– Я умоляю... Сядьте рядом... Дайте руку... Посмотрите на меня...

Что-то в ее словах заставило послушаться... Очевидно, это была последняя просьба умирающей... Женщина смотрела ей в глаза, держала за руку... Потом начала что-то тихо шептать... Она не могла понять – что. Очень тихо и очень неразборчиво... Ее бледные глаза, казалось, заполняют собой весь вагон... Она растворялась в них...

...А очнулась от сильного запаха нашатыря. Женщина лежала рядом и была уже мертва. Еще в вагоне появилось много новых лиц: милиционер, сестра, сующая ей вонючую вату в нос, какие-то люди в штатском, фотограф... Бабульки, которые всю дорогу болтали в дальнем углу вагона, теперь стояли совсем рядом, изредка крестились и тихонько причитали. Пьяный мужичок сидел на своем месте, но теперь не спал, а, хлопая осоловевшими глазами, смотрел вокруг. Вагон стоял. За окном она увидела скорую и две милицейские машины. Черной большой машины, преследовавшей их всю дорогу, не было.

...Молоденький веснушчатый лейтенант никак не хотел верить, что она ничего не скрывает:

– Как же так ничего не помните? Ну, хоть в чем был одет, какой из себя?

– Я испугалась, – она уже в сотый раз повторяла одно и то же. – Да и от крови плохо стало...

– Женщины не должны бояться крови, – лейтенант, изображая из себя Шерлока Холмса, сосредоточенно хмурил белобрысые брови и пытался сделать вид, что мыслит по методу дедукции. – Им это по природе не положено.

– Я не знала, что не положено, – устало говорила она. – Если бы знала, то, конечно же, не испугалась бы.

– Хорошо. Давайте по порядку. Какая была машина? Что за марка.

– Да не разбираюсь я в машинах! Большая, черная. У нас, кажется, таких не делают.

– Джип?

– Может и джип, не знаю.

– Номер?

– Послушайте! – она все-таки возмутилась. – Вот вы сами, вы что, все номера всех встречных машин помните? Нет? А ведь вам это по работе положено! А чего же от меня хотите?

– Не изо всех машин выскакивают убийцы, – назидательно сказал лейтенант, поднял палец и очень хотел казаться старше, чем он есть.

– Так я не знала, что он убийца!!! – она опять возмутилась и повысила голос. – Это потом он убил! А машина была до того! И не наоборот!

– Не кричите, – он вдруг улыбнулся. – Фанту хотите? У меня есть... – залез в стол, достал бутылку. Потом встал, взял из шкафа стаканы. – Такая жара... Я Фанту очень уважаю.

Они молча выпили по стакану, потом он смущенно сказал:

– Вообще-то, все равно это дело у нас заберут... Так что готовьтесь отвечать на эти вопросы еще не один раз. Но мне для протокола нужно. И вообще интересно... – он теперь никого не изображал, сидел задумчиво, кусал карандаш. – У нас тут как болото, ничего никогда не происходит. И вдруг такое! И все-таки, ну хоть что-то вы должны были запомнить! Он высокий? Брюнет, блондин?

– Мужчина он, – она даже глаза закрыла, пытаюсь вспомнить. – Да, пожалуй, высокий... И, пожалуй, брюнет... Глаза... Нет, не помню... Блестели – помню... Вроде как слезы... И сам, вроде, в черном был... То ли куртка, то ли рубашка... Темная...

– Вот, вот, – лейтенант обрадовался. – Вы, главное, не волнуйтесь, может еще что всплывет? Говорили они о чем?

– Как-то назвала она его странно... Как женщину... Не помню. Только помню, что я удивилась – какое-то женское имя... Еще о каких-то украшениях сказала...

– Украшениях?

– Ну да... О серебряных...

– Может, антиквариат? – он, казалось, уже размышляет вслух. – Ведь не из-за простого же серебра убивать?...

– Может. А еще можно? – она протянула стакан. – Я с вечера ничего не пила и не ела, между прочим. Вот умру у вас сейчас здесь, и допрашивать некого будет!

– Ой, а поесть у меня тоже найдется что! – он опять улыбался и уже смотрел на нее не как на допрашиваемую. – Только будете ли... Вот, – он опять нырнул в стол и достал пачку овсяного печенья. – Самое обычное... Будете?

– Не умирать же с голода, – она вздохнула, видя, как он теперь на нее глядит...

Конечно, посмотреть было на что. Еще тогда, когда она думала, как бы ей зацепиться за Москву, были мысли о карьере артистки или фотомодели. И внешность для этого была, и очень даже подходящая. Темно-каштановые волосы, ярко-синие глаза, хорошенькое личико... И фигура непростая. То есть, не тот самый, набивший оскомину, стандарт – 90х60х90, а самый, что ни на есть женственный: тонкие руки и ноги, осиная талия, и при этом грудь и попа такие, что у мужиков вставало все, что только вообще могло стоять... Но она, с ее математическим складом ума, прекрасно понимала, что такого добра –

много, и здесь тоже нужен или случай, или везение, или чья-то большая и мохнатая лапа... Увы, ничего этого не было... И поэтому она четко, планомерно и без лишних эмоций шла к своей цели.

– ...Ну, хорошо... – лейтенант, уже просто, не изображая никого, продолжал. – И что она вам потом, после выстрелов, сказала? Может, все-таки, назвала его?

– Да нет... Я же говорила. Она держала меня за руку, смотрела в глаза, шептала что-то...

– Что? Что шептала?

– Да не могла я разобрать! Она бредила. Да и плохо мне уже становилось... Казалось, что ее глаза заполняют весь вагон... Я, между прочим, впервые в жизни видела, как человек умирает! А вы все пристааете с подробностями! Ну, подумайте сами – если бы чего помнила, зачем мне скрывать? Я и ее тоже первый раз в жизни видела.

– Иногда люди, умирая, рассказывают что-нибудь очень важное, – он опять задумался. – Секретные счета, планы кладов...

Она удивленно посмотрела на него, засмеялась:

– Да вам не в милиции надо было работать, а книжки писать! Ну и фантазия! Клады... В наше время!

– Не смейтесь, – он обиделся. – Что, по-вашему, в милиции воображение не нужно? Еще как...

Вообще-то, она и сама себе удивлялась. Память у нее всегда была отменная. А уж зрительная! Она без напряжения, если надо, могла запомнить целую колонку цифр, могла четко и с подробностями рассказать обо всех счетах и бумагах фирмы чуть ли не годичной давности... И вдруг такое! Неужели, действительно, на нее так подействовало то, что человек умер у нее на глазах? Да еще такая женщина... Все равно странно. Никогда она не замечала в себе никакой сентиментальности. Это не для нее. У нее есть цель, и она своего добьется.

Так они, не выяснив ничего нового, еще достаточно долго потолкли с лейтенантом воду в ступе, и когда он

уже подписал ей пропуск, и она была почти в дверях, зазвонил телефон.

– Да. Я, – вяло отозвался он, и вдруг буквально подпрыгнул: – Что?! Как это пропал?!

В трубке уже был отбой. Он тяжело опустился на стул, посмотрел на нее почти жалобно.

– И зачем я только в милицию пошел? Говорил же отец, иди водителем... Все просто... Деньги неплохие...

– Да что случилось? – ей стало жаль его, такой у него был несчастный вид.

– Пропал. Труп. Женщины. Из закрытого морга. В нашем болоте...

Потом все закрутилось, как в хорошем кино. Весь состав небольшого отделения толпился в морге. Ее лейтенант тоже зачем-то прихватил с собой. Все осматривали высокие носилки, на которых до этого лежала *она*, никто ничего не понимал, мужики, иногда забывая о присутствии дамы, выражались покрепче... Потом, конечно, все разбежались, на ходу отдавая распоряжения по рациям, а она, в отличие от всех, заметила еще одну очень странную вещь... Ремни, которыми был пристегнут труп за ноги и тело, так и оставались в тех же положениях, что и в поезде, где его туда укладывали...

– ...Вот и подумайте сами – как такое возможно? – они опять сидели в его кабинете и лейтенант уже не допрашивал ее, а просто беседовал. – Из закрытого помещения, перед носом у четырех людей! И почему я в отпуск не пошел?

– В конце концов, все и всегда как-то объясняется, – пожалла плечами она. – Наверняка в вашем закрытом помещении есть вторая дверь.

– Есть, но она забита, – лейтенант горестно вздохнул. – Я сам проверил. Гвозди ржавые уже сто лет. Никаких следов взлома.

– Тогда просто через обычную дверь вынесли.

– В скверике, перед входом, сидели четыре человека: водитель, врач и медсестра скорой, сторож. Как все четверо могли ничего не заметить?

– Может, их отвлекли чем-нибудь? – продолжала рассуждать она.

– Да у них все разговоры были вокруг этого! Ждали патологоанатома из центра... Чем еще их можно было отвлечь? Только разве ядерным взрывом...

– Слушайте! – она вдруг рассмеялась. – Так ведь вам теперь лучше – нет тела, нет дела. Так ведь, кажется, говорят?

– Смейтесь, смейтесь, – он тоже усмехнулся, только печально. – А шишки-то все мне достанутся... И вообще, – он поежился. – Места-то у нас тихие, но нехорошие...

– Это почему?

– Старые люди говорят, – он приблизился к ней и заговорил почти шепотом, – колдовские у нас места...

– Нет, точно, – она опять засмеялась. – Точно, вам писателем нужно быть! Вы что, действительно во всякую мистическую дребедень верите?

– Когда трупы пропадают из закрытых помещений, на глазах у целой толпы совершенно трезвых людей – пове-ришь, во что угодно...

...Домой она приехала только к вечеру. Пока шла по коридору до своей комнаты, выслушала все, что о ней думает соседка из пятнадцатиметровой: «Не смей вертеть задом перед моим мужиком! Своего заводи и верти!» Господи... Нужен ей ее пропойца... Потом сосед из двенадцатиметровой попросил денег, как всегда: «Только до завтра!». Она, как всегда, не дала. Потом бабка из двадцатиметровой пристала к ней с жалобой, что у нее кто-то стащил «совершенно новый кусок хозяйственного»... В комнате справа от нее орали близнецы, слева – радио... Да, она теперь москвичка. Но разве можно так жить? Дома она старалась бывать как можно реже, а она так мечтала о настоящей *своей* квартире, о том, как будет ее обставлять, как будет там жить... Когда, наконец, переделав все необходимые дела, она осталась в комнате одна, мысли, конечно же, завертелись вокруг сегодняшних событий... «Почему я ничего не помню? Вот про бабулек и про мужичка могу все сказать, вплоть

до того, какие были у мужика носки, и какие у бабулек ко-
сынки... А про убийцу? Ничего... Почему?» Она все опять и
опять пыталась вспомнить хоть что-нибудь... Помнила только
его глаза. Вернее, не глаза даже, их-то она как раз и не по-
мнила... Просто взгляд. Как он посмотрел, как по коже по-
шли мурашки, и как она потеряла сознание. Стоп! Вот что...
Ведь у женщины был такой же взгляд! Вернее, не совсем
такой, более добрый что ли... Но после него она тоже поте-
ряла сознание. Или это все-таки от крови? И еще... Почему
никто из этих бравых ментов не обратил внимание на рем-
ни? Нет, ну подумайте сами. Кто-то крадет тело из морга.
Его могут в любой момент застукать. А он при этом, после
того как вытащил тело, аккуратно опять застегивает ремни,
теряя при этом уйму времени... Где логика? Она не любила,
когда не было логики. Все должно быть в мире правильно и
четко. И эти ремни никак и ни во что не укладывались...

...Три дня она занималась домашними делами, стараясь
не замечать соседей, а на четвертый встала пораньше, ре-
шив весь день провести на пляже, так как погода стояла
классная. Поэтому первая залезла в почтовый ящик. Пись-
мо. Ей. Из нотариальной конторы. Посмотрим... Зайти,... на
ваше имя,... получение наследства,... по завещанию... Что
за ерунда? Все родственники, слава богу, живы. Да и нет ни
у кого ничего такого, что можно завещать через нотариуса...
Что же, пляж придется отложить. Разберемся-ка с этим на-
следством.

...Из нотариальной конторы она шла какая-то сама не
своя.

Совершенно незнакомая женщина завещала ей после смер-
ти дом и участок в ближайшем Подмосковье. Какая-то Анна
Алексеевна Голенева. Нотариус ничего не смог объяснить.
Документы были запечатаны. Он сам узнал имя наследницы
только после смерти этой самой Анны. Сколько она не пыта-
лась вспомнить, никого из родственников с такими именами
не было... Поехать к родителям? Нет, успеется. Сначала нуж-
но посмотреть этот самый дом, а потом и решать дальше...

Продолжение следует...

О малых сих

Наталья Лопатина
ПРО КОТА НИКИТУ

**Повествование о самом лучшем в мире
 котике – Никите, который одновременно
 был сволочью, гадом, мерзавцем, змеем,
 тараканом, «писучеством» (он «украсил» это
 слово и мы не возмущались, а восхищались
 нашим парнем), «настройщиком»,
 Уважаемым Никитой, Их Величеством,
 другом, котикой–золотикой и
 профессорским котом**

Песенка про кота:

Котик, котик – мягонький животик,
 Гладенькая спинка – морда, как картинка.

В раю животные говорили, значит, и думали, потому
 что говорить не думая - позднейшее нововведение людей.

Сафир Мориц-Готлиб

Никита был черным-пречерным с белыми штанишка-
 ми (брыжейкой) и манишкой, которые по мере его
 возмужания делались все заметнее.

В марте 1985 года еще в старую квартиру его принесла
 Тамара, подружка моего брата Олега – ее в таком каче-
 стве наша семья видеть не жаждала, но Никиту мы полюби-
 ли сразу.

Всем хотелось назвать кота как-то красиво и необычно,
 мы просматривали книжки русских авторов, а потом спон-
 танно решили – Никита.

Котике имя понравилось. Никаких тривиальных позыв-
 ных, вроде «кис-кис» он не признавал, и с удивлением по-
 глядывал на тех, кто издавал такие непонятные и пошлые
 звуки.

Сперва это был вездесущий, неугомонный комочек. Та-
 кой маленький, что спокойно пролазил в пространство меж-
 ду полом и дверью. А когда подрос, я учила его открывать ее
 по-кошачьи. Уроки демонстрировались наглядно и Никиту
 сильно забавляло мое хождение на четвереньках. И мне
 кажется, – нет, я уверена! – он придурялся, делая вид, что
 не понимает, как можно усвоить такой сложный процесс!

Котишка явно подшучивал надо мной: ладно-ладно, поиграй в старшего кота-наставника.

Еще совсем малышом, Никита участвовал во всех событиях семьи. Не сразу, – сначала присматривался, что именно делается, а потом уже соглашался или нет присоединяться. Убирали мы вместе, особенно ему нравилось подметать пол: спрячется за дверь и ловит веник, и если не соблюдался ритуал «задверной» игры, – обижался.

Еще до переезда на новую квартиру, вдвоем – папа, Никита и я – ездили ее ремонтировать. Прежде, чем зайти и вбить первый гвоздь, впустили Никиту, следуя старым добрым традициям. Никитка все обошел, одобрил, побегал, но, видно, забеспокоился, что его здесь оставят, и улегся на единственный островок домашних вещей – открытый чемоданчик с инструментами. Мы изумились, – наш парень лежал на торчащих гвоздях и отвертках, и прикидывался, что ему очень даже удобно и комфортно: «вы меня только тут не забудьте»...

Никитка любил встречать и развлекать гостей. Ему интересна была сама подготовка к встрече: что происходило на кухне, а что – в зале, ничего не ускользало от его пристального внимания.

Пока разносили блюда и ставили на столы и тумбочки, Никита ни разу не позволял себе дотронуться до нарядной сервировки. Когда приглашенные собирались, Никита развлекал в зале пришедших светской беседой, хождением по стеллажу – чтением классики. Людям, которые появлялись у нас впервые, Никиту обязательно представляли, как полноправного обитателя дома.

За столом котик был едва ли не главным участником трапезы: ходил по коленям особо понравившихся ему, разрешал себя погладить, и даже покормить, заглядывал в тарелки на правах радушного хозяина (все ли подали, ничего ли не забыли нерадивые домочадцы), и маму это очень смущало, она корила Никиту, а он искренне недоумевал: «ведь бдительно следить за порядком и приличествует настоящему гостеприимству! – так за что ругаете?».

Когда Никита повзрослел, гости его интересовали все меньше – так, ничего интересного. Компания почти одна и та же, люди хорошие – сами развлекут друг друга, беспокоиться нечего: похоже, им вполне можно доверять. Конечно, встретить надо, ну, пообщаться немного, а потом – в спальню, отдыхать.

Не любил Никита маленьких детей. И была тому причина: они относились к нему как к обычной киске, сюсюкали, тискали: ну как вынести такое? Однажды я пришла домой и увидела, как некий ребенок загнал Никиту под диван на высоких ножках и пытался его оттуда извлечь с помощью большого игрушечного медведя. Никита испугался, забился в угол и шипел. И запомнил на всю жизнь. Однако ребятишек не царапал и не кусал, – просто игнорировал.

Был Никитка редким чистюлей. Следил за чистотой не только собственного драгоценного меха, но и всей квартиры. Шелковистой шкурке нашего котика девушки с рекламных роликов, демонстрирующие роскошные волосы, могли только позавидовать: она переливалась как у морских котиков. Никита любил и поощрял сеансы «погладушек», после чего начиналось священнодействие умывания. Умывался он так самозабвенно и вкусненько, с таким спокойствием и умиротворением, и так обстоятельно вылизывался, что становился не просто влажным, а мокрым...

Никитушка знал, что – красивый, и когда на него напал власоед и попортил шкурку, особенно на шее, – сразу же почувствовал, что его шикарный экстерьер пострадал и сильно переживал, и все спрашивал маму: «Ничего, что теперь я безобразный, – ты же меня не разлюбишь?»

Очень любил Никита помогать мне при уборке, – он не терпел пыли. Когда мыла пол, котик старался изо всех сил: ходил с грязного пола на чистый, пил воду из ведра, и всегда находился рядом. Это так и называлось – мы с Никитой навели порядок в квартире.

Чтобы отучить нас от беспорядка в доме, Никита нарочно писал на «городки» из газет, одежды и прочего. И приучил – так все семейство не разбрасывать вещи, если бросили –

сами виноваты.

Из папиного дневника:

«Для кота мама была – свет в окошке. С её мнением он считался особо. Правда, бывало, иногда его оспаривал. Когда мама в чем-то упрекала кота, он всем своим покорным видом показывал, что учтет её замечания. И что удивительно, его не приходилось дважды отчитывать за одно и то же. Если, конечно, он не считал, что надо стоять на своём. Особенно это касалось его священного права пометить не принадлежащую семье вещь: чемодан соседа, палатку друга, сумку подруги. Но на чужую обувь в прихожей это не распространялось. Смущала Никиту и свежая типографская краска на газетах и книгах. Кот довел до автоматизма привычку всех обитателей квартиры не ставить новую или чужую вещь на пол, закрывать дверь в кабинет, где было полно книг...»

Притом, что Никита удивительный чистюля, не обходилось и без маленьких слабостей – папин кабинет, комната Олега (пока брат жил с нами), намного позже появилось пространство под телевизором, в спальне под окном, моя комната – эту территорию он метил. Теперь, когда его нет, я все больше думаю, что кот просто хотел оставить память о себе – может, чувствовал, что еще недолго пробудет с нами. Мы тогда котикшу журили, а сейчас душа щемит – учуем легкий Никиткин запахок и знаем – это последний его привет.

Как-то я целый год закрывала дверной проем в свою комнату доской, и Никита не мог через нее перешагнуть. Он на меня так обиделся, что вообще не стал больше заходить ко мне, как я ни упрашивала...

Притом, у нас в квартире всегда свежий воздух и никогда не ощущалось запаха кота. Папин кабинет и Олежкина комната – тут уж что скажешь, это святое, если прозевали (не закрыли дверь), – кот не виноват, уговор есть уговор: «вы же знаете, – общая ведь территория!».

Как-то Олег пришел из похода и сушил палатку у себя, и потому тщательно оберегал вход от Никиты, но тот проник-

таки, когда и как – непонятно, и свой след оставил... Ему тогда попало, и теперь мне так стыдно, – ведь он просто показывал Олегу: «Ты мой, я тебя поощряю».

Никита всегда ходил в сулю, и настаивал, чтоб ее сразу убирали после использования: мыли и клали новую газету. Из туалета каждый раз выходил гордо, победно хлопая дверью и гремя оловянной сулей: «вот какой я молодец». За каждый удачный поход он тут же получал поощрение. И так наловчился, что каждые пять минут гремел своей посудинной: «давайте, вознаграждайте, я опять отличился!».

Из папиного дневника:

«Кота в общем-то никто специально не учил ходить в туалет. Как-то само собой получилось, что он это делал в сулю – широкую алюминиевую сковороду на кафельном полу. Устраиваясь на неё, Никита производил большой шум, – реакция наступала незамедлительно: он получал любимые лакомства – сыр, колбаску, мясо, рыбу.

Однажды купили копченую вырезку, от которой кот пришел в полный восторг. Все сели за стол, а Никита побежал в туалет, и застучал сулей. Вышел. Ему дали кусочек.

Почти тут же вновь раздался стук сули. Я пошел и вылил её ничтожное содержимое в унитаз. Дал кусочек мяса Никите. Не успел сесть за стол, – а он вновь в туалете, и опять стучит.

Обеспокоенная здоровьем кота, наивная мама пошла за ним и увидела удивительную картину: Никита, видимо, понимая, что в третий раз ему писать уже нечем, стоял около своей посуды, одной лапой раскачивал её и грохотал в ожидании угощения.

Вот только тогда-то семья и поняла, что не мы дрессировали кота, отплачивая вкусеньким за аккуратное посещение туалета. Это кот дрессировал людей, заставляя их по сигналу безотказно «реагировать вкусностями»...».

Однажды суля котикше вдруг разонравилась. Никита сказал, что она ему «не к лицу» – цвет не тот. Я купила другую. Мы поставили ее около моей комнаты, в любимый кискин уголок: «ладно, пусть там стоит!». Так что у Величества

имелись два собственных отхожих места. Только сейчас, когда его нет с нами, поняла, что в его почти восемнадцать лет ему уже было трудно добираться до туалета и потому следовало раньше догадаться и поставить его посудину поближе.

«Зинка» появилась за пару лет до этого. Так назывались Никиткины «подвижки» под телевизором в зале, по аналогии с фильмом «Собачье сердце». Вы помните, конечно, – профессор Преображенский укоряет Шарикова, что он взял деньги без спросу, тот отпирается и говорит, что не один живет в доме, есть еще Зинка – домработница. Так и Никита: поймаешь с полочным – «что ж, попало, и молчу!». Но если не сешь его на место преступления позднее, – упирается, становится (не пойму как) большим и тяжелым, и негодует: «вообще-то вас здесь много живет, вон сколько народу! Может, это Зинка сделала, как я за всеми услужу?». Мы пытались строжиться. Но как на нашего выдумщика злиться?

Никита был ярым поборником справедливости: несправедливо, если наказывают и обвиняют невинных.

Из папиного дневника:

«Котишка прожил девятнадцать лет и шесть месяцев. По человеческим меркам это исключительно почтенный возраст (лет 120). Месяца за три до кончины, у него стал плохо работать кишечник. Наша мамочка, которую кот любил особенно беззаветно и преданно, массировала ему животик, делала клизмы, поила вином. И всё время ласково уговаривала кота: «Ну, потужься, Никита, потужься».

Наконец, – победа: коту удалось! Но – в спальне. Мамочка вымывала эту «удачу» и выговаривала коту за то, что он «выложился» под ее носом у кровати. В это время я пришел с работы. Никита, как всегда, – встречается в прихожей. Дождавшись, пока разуюсь, решительно повел меня в спальню, где как раз происходила «зачистка» последствий его поступка, вскочил на кровать, заходил по ней быстро-быстро и отрывисто замяукал. В его возмущении явственно слышалось: «Ну, скажи ты ей! Ведь сама же просила меня! А теперь за это же и ругает. И как ты с ней ладишь?».

Мама тут же прекратила уборку, наклонилась к коту, и начала извиняться за свою несдержанность. Котишка успокоился».

Величество был очень ревнивый. Когда мы приходили из гостей, обнюхивал и интересовался – не изменяли ли ему с другими. Особенно ревновал маму. Она любит животных и балует их. Знакомые коты и собаки выделяют моих родителей – бегут встречать, ласться. Однажды купили соседскому догу Гектору курочку. Тому хватило на «один зубок». Но он надолго запомнил подарок и привечал дарителей, а Никита «приветы» учивал и устраивал сцены.

Как-то у нас жил другой кот, которого Олег где-то подобрал и мы пытались найденыша «пристроить» - найти нового хозяина. Всего-то он пробыл у нас несколько дней, но Никита даже заболел от ревности – перестал есть, поднялась температура.

Однажды мама массажировала мне уставшие ноги, - Никита был удивлен, о чем маме так и сказал: «гладить котов – это прекрасно, и так положено, а не котов – как сказать...». И если забыли правила поведения, то вот напоминание – еще имеете возможность исправиться!

Главная мамина обязанность, полагал Никита – заботиться о его «красивой жизни» – устраивать «погладушки», потирать животик и спинку, вкусненько кормить. Когда она садилась, Никитка подваливался ей под бок: «гладь, чего сидишь?». Если делала вид, что занята, или не понимает, Никита хоть и ненавязчиво, а настаивал.

Надо сказать, уж кого-кого мама не смела послушаться – так это Никиту. Он «строил» всех, а из нее вил веревки, – причем по обоюдному согласию. Если вдруг Никита прекращал «строительство», мы начинали скучать и волноваться – не заболел ли.

Мама с Никитой были очень похожи – родственные души. У них даже походки одинаковые (не знаю, каким образом). Оба они важно шествуют перед тобой по коридору, причем, когда спешишь, никого из них не обойдешь.

Мама всегда чувствовала Никиткино присутствие. Она готовит, Никита старается садиться как можно ближе к ногам. За делами его не видит – но, перемещаясь по кухне, никогда не наступит на своего миленького. Ну, а если уже задела хотя бы волосок драгоценного хвоста, – всяко извиняется и предоставляет щедрую компенсацию.

Мамин выход на пенсию для Никиты был праздником, – большую часть времени они проводили вдвоем. Теперь кот недоумевал, зачем же раньше она куда-то уходила, а ему приходилось так долго без нее скучать?

Домовничая, оба они занимались хозяйством, смотрели телевизор, ругались (мама слово, кот – десять), любезничали. На кого Никита за дерзости не обижался, так это на нее (что с любимой возьмешь?). Мы-то с папой не смели перечить.

Когда она выходила в магазин, – предупреждала Никиту, и кот, в самом деле, очень волновался. Если забудет «отпроситься», возмущению Никиты не было предела.

Выезжая на полдня или несколько дней, всегда уведомляли Никиту, когда будем, куда и зачем едем. А при подъезде к дому, всем семейством смотрели на окна: «Как там котикшка? Поддаст ли нам?» Особенно ждали нагоняя, если возвращались позже намеченного-отпущенного. Причем котиная суровость вовсе не от голода, – парень просто скучал и пребывал в тревоге.

Из папиного дневника:

«Никита всегда питался тем, что ели все. Никаких кошачьих консервов не признавал. Они просто оскорбляли его достоинство. Удивляло, что он безошибочно определял наличие продуктов в холодильнике – сканировал его содержимое, что ли? Или подсчитывал, сколько съели, сколько осталось?»

Каким бы он ни был сытым, всегда выходил на кухню или в зал, когда все садились обедать и ужинать. Требовал, чтобы ему тоже накладывали, наливали, отрезали. Никогда не кланялся, а – распоряжался. Пил и ел только из фарфоровой посуды на его «серебряном» подносе – она стояла стопочкой из чистых блюдец, чашек и пиал. Очень любил что-то сволочь

края стола, куда я, балуя Никиту, всегда клал «вкусненькое». За что кот и получил неформальную кличку «Сволочь». Слово это произносилось с особой теплотой и нежностью и содержало только умилительные интонации».

Мама говорила, что котик у нас неприхотливый, ест все, что даешь: сгущенное молоко, мясо (варенное, жаренное, копченое, сырое), сыр, молоко, колбасу, рыбу – но только из хорошей посуды и на подносе (гости говорили, что не все люди едят из таких тарелок). Садясь за стол, ставили Никите стул, он чинно усаживался, и мы подкладывали около него «вкусночки». Но попрошайкой он никогда не был – член семьи, вот и сидит за семейной трапезой, а если кто-то хочет Величество побаловать, – никому не возбраняется: «можете подложить мне кусочки прямо на стол, я их оттуда сволоку!» (Вот отсюда и пошло – Никита у нас «сволочь», кусочки сволакивает!).

Наш котикшка – богатырское создание. Случалось, – весил и 8 кг. Вес и размеры Никиты – предмет нашей особой гордости. Лучшие кусочки – Никите. В последние годы котикшке подавалось филейное мяско, без единой жилочки. Наша мама делает замечательные котлеты. Мясо они крутили вместе с ее любимцем, и вообще Никита любил помогать разделять мясо и рыбу. Если он просыпал священнодействие и не догадывался, что пора работать, мама шла его будить с прельстительным кусочком в руке. Порой, он проверял, достаточно ли его любят: дождется, пока все уже разделано, убрано, и помыты руки, и только тогда идет на кухню. Мама говорила: «Нарисовался», но отказать любименькому не смела. Обязательным ритуалом при еде был «крюндель»: Никита вырисовывал витиеватые фигуры около ног, мы его гладили, а он красовался.

Любил, чтобы свежее молоко всегда было в наличии. Покажешь бутылку, бидон или тетрапак, спросишь: «Будешь?». И получишь в ответ: «Спрашиваешь! Конечно, буду!». Когда я ходила в магазин, покупала на двоих – «молоко котам», потому что мама у нас ведь тоже – киска, и

вкусы у нее с Никитой одинаковые.

Особенное предпочтение отдавалось сыру и вареным яйцам. Начинаешь тихо-тихо разбивать яичную скорлупу, Никитка несется издалека: «А, меня не дождались!». Иногда он шел по коридору и кричал: «Держат кота в черном теле, завели животное и морят голодом. Сами едят, а у них не допросишься!» – это означало, что Никита проснулся и не чувствует к себе всепоглощающего внимания и уважения, которое как еще и проявить, если не угощением...

У Никиты всегда был хороший аппетит, но несколько последних лет он ел меньше, хотя и чаще. И даже ночью просил покормить его. Сначала только меня, – родителей это забавляло. Потом я взмолилась, чтобы Никита будил и их также. Никита – парень умный, все понял. Поднимал с постели голосом, или взглядом, или мог специально громко топтать. Мама иногда возмущалась, а папа – нет. Бывало, Никита приведет кого-нибудь из нас на кухню, а сам просит не есть, а просто с ним посидеть и пообщаться. Мы несколько не возмущались: Никита – член семьи, а прихоти друга мы выполняем, притом с удовольствием. Ведь котик тоже уважал наши желания.

Теперь понимаю, что Никита нас будил не из блажи, а просто по ночам становилось грустно и страшно, ведь ему уже минуло много лет. Может быть, чуял грядущую разлуку...

Никита трепетно относился ко сну вообще – своему и нашему. В комнате, где ночевало Величество, воцарялась «спунчиковая» атмосфера. Мы говорили, что Никита разбрасывает и собирает «спунчиков». Каждый старался на ночь заманить его к себе. В дреме кот блаженно посапывал, почмокивал. Подойдешь к сонному котике, погладишь, он вытянется, муркнет и так сладко-сладко пахнет детенышем, и охватывает ощущение спокойствия и неги...

Дед Мороз несколько лет назад подарил нам одеяло и две подушки. Они как будто с подогревом. Никита тут же заявил, что подарок – его, но, ладно уж, разрешал им пользоваться. Когда спал – «вил» из нас «гнезда». Если – в ногах,

то, чтобы не потревожить Величество, сперва поджимали конечности к подбородку, переворачивались с боку на бок, и лишь потом выпрямлялись. И каждый радовался, что Никитка предпочел сегодня именно его. Он умел укладываться белочкой (калачиком, не занимая много места) и слоном (когда рядом с Никитой мало кто помещался). Часто Величество устраивался на подушке, на руке, в обнимку. Если он выбирал на ночь родителей, то лиской протискивался между ними, а потом их настойчиво раздвигал. Часто наблюдала картину: посреди дивана вольготно раскинулся кот, а на краешках приютились родители. Притом все довольны. Еще Никита любил почивать «в пещерке» – чтобы со всех сторон чувствовать защиту.

Мы часто просили Никиту разбудить нас. Предупредишь с вечера, – во сколько утром побудка. И мы на долгом опыте убедились – котик не подведет. Будил по-разному: лаской-нежностью, топотом, матами, доставашками (под одеялом когтистой лапкой доставал ноги), энергетическим ударом (взглядом). Если просишь родителей пораньше поднять дочку в воскресенье, то они могут пожалеть «ребенка», а ответственный кот поблажек не допускал. Правда, иногда удавалось выпросить у него еще пятнадцать минут сна, но через договоренные четверть часа спать все равно не даст. Мы точно знали, – если сказать: «Никита, разбуди маму, папу, Наташу», – пойдет и сделает, как надо: «Вы сами хотели, а я что, я выполняю!»...

Отец после работы обязательно отдыхает 15-30 минут. Никита считал своим долгом «папу уложить спать». Они устраивались на диване в обнимку и засыпали. Это называлось «черчелить». Часто коту было неудобно лежать, или просто «сна ни в одном глазу», но он все равно усыпит доверенного ему хозяина, а потом «вытечет» у него из под руки, чтобы не разбудить.

Порой, Никита затевал игру по анекдоту, когда крокодилу Гене не спалось, и он будил Чебурашку и спрашивал: «Что, Чебурашка, и тебе не спится?». Сам Никита обожал поспать, – идет по коридору и его полусонного штормит с «пересыпу».

Но сон всласть был только в компании: тогда он чувствовал, что выполняет полезную работу – «осчастлививляет» кого-то, а не просто себялюбиво наслаждается.

С отцом они были друзьями. Папе Никита позволял доставлять себя из квартиры в Кешку (так зовут наше авто) и обратно домой, когда ездили на дачу. Потому что, наверное, никто так нежно не умел нести драгоценное Величество, и кот очень это чувствовал: «Ты же меня не выронишь, и никому не отдашь?». «Друганы» любили сообща делать зарядку. Например, папа качает пресс: лежит на спине, на полу, поднимает туловище, опускает, а там уже сидит Никита: контролирует, правильно ли совершается упражнение.

На пару мужики осваивали мастерство стряпни – пекли булки. Как-то по-первости Никита стянул булочку, и его стошнило. Вот был повод для потехи над их кулинарным искусством! А еще они вместе «сотворили» холодец. Когда мы ели, отец всегда оставлял вкусненькие кусочки сыра, мяса, колбаски для «другана», говорил: «Мне все равно мало, а котикше радость».

Из папиного дневника:

«Позвонила Наташина подруга Анжела. Вспомнила, как однажды заночевала у нас, а утром, сквозь сон, унюхала, что на кухне пекут блинчики. Очень удивилась, когда вполне будничным голосом я сказал Никите: «Иди, буди девочек!». И уж совсем поразилась, когда кот тут же явился к ним в комнату, начал требовательно орать и деловито шагать по широкой кровати, не обращая внимания на то, куда ступали лапы – на чей живот, чью ногу, руку или лицо. И не успокоился, пока не пошли на кухню. Впереди заспанных девочек важно шествовал кот.

– Ну, как вам наши с котом блинчики?

Анжела поняла: папа и кот действительно пекли вместе, – по крайней мере, почувствовала, что Никита требовал именно такой трактовки своего присутствия на кухне».

... Но вот нашего любимца не стало, а у нас еще долго сохранялась привычка «ныкать» коту вкусночки, хотя их

поедатель покинул своих обожателей.

Из папиного дневника:

«Никита точно знал распределение ролей в семье. Был твердо убежден, что в кабинете за компьютером должны сидеть только папа или Наташа. Почти всегда приходил их навестить. Прыгал на диван, с дивана на стол, со стола на окно. На клавиатуру, конечно, внимания не обращал. Как-то наступил на неё так удачно, что получилось «эх жз...». Посчитали, что это его размышление о жизни и сделали специальный файл «Эх, жизнь!».

Однажды вечером, мы с Наташей сидели в зале и смотрели телевизор. А мама устроилась в кабинете за компьютером – готовила технический аппарат для моей статьи. Необычная ситуация обеспокоила Никиту. Он быстро забегал, прыгал с дивана на стол, со стола на диван, сел перед мамой и требовательно замяукал.

Мама не обращала на него внимание. Тогда он с воплями прибежал в зал, уселся передо мной и Наташей, стал нас «отчитывать». Сначала мы не поняли, чем он обеспокоен. Но последовали за ним, когда он отработанным способом потянул нас в кабинет – важно шествовал и постоянно оглядывался на идущих сзади. Всем своим видом он показывал: «Скорее, скорее, а то вам мама накосячит на компьютере!».

С отцом Никита написал много книжек. Папа садится за компьютер, Никита следует за ним: надо же проверить, продвигается ли работа – ходит по столу, перешагивает на подоконник и обратно, наступает на клавиатуру, загораживает экран, усаживается на колени, гипнотизирует пристальным взглядом: «Ну как, все идет по плану?». И папа ни разу котикше не прогнал, а, наоборот, создавал «работнику» условия: на колени положил подушку, расчистил подоконник. Когда шел в кабинет, звал своего помощника. Никита так поднаторел в компьютерных «действиях», что даже сам создал файл: «Эх, жизнь» (о чем выше).

Никита не терпел закрытые двери: а вдруг за ними происходит что-то интересное, что от кота скрывают? Стоило нарушить запрет, Никита тут же «нарисует» и «объявляет»:

«Требую справедливости в этом доме!». Поскольку отец тоже любит, чтобы все двери были настежь, кот чувствовал папину поддержку и призывал его в свидетели нарушения котиных прав.

Отец и Никита вместе приходили ко мне в комнату - папа несет нашего парня, а я их еще не вижу, а уже говорю: «Мужики, заходите».

Потому что Никита у нас был настоящим мужиком, который заботится о своих девочках и своем «другане». Вместе они построили на даче роскошную веранду. Папа работал электрическим инструментом: шум, визг, грохот, летят опилки, а «помощник» сидит в самом эпицентре – и довольнехонек.

Из папиного дневника:

«В то лето мы на даче строили веранду. Сначала сделали основание веранды, набросали доски и установили на них верстак. Месяца два с утра до вечера пилили, строгали, подгоняли, прибивали. Извели почти пять кубов пиломатериалов. Визжание и грохот инструментов могли донять хоть кого, но не Никиту – во время работы кот неизменно лежал под верстаком.

Он не боялся шума и не обращал внимание на засыпающие его опилки. Собирая на стол, мама говорила: «Мужики, пора есть!». Мы с внуком Егором шли мыть руки, а Никита проходил через всю комнату к камину и стряхивал с себя стружку.

Считалось, что кот нёс опилки в комнату, чтобы предстать перед обожаемой мамой полноправным строителем. Он вообще любил покрасоваться перед нею. Часто приносил ей мышей, требуя взамен чего-то вкусенького – сыра, например.

Впрочем, эфирные масла, содержащиеся в свежеструганном дереве, ему после травмы челюсти (о чем ниже) – лишь к пользе. Зверь он и есть зверь. Природа!».

Мама зовет: «Мужики, обедать», и оба направляются к столу. Никита важнецки шагает «трудоной» походкой в дом, неся на себе изрядную кучку опилок. Проходит до камина,

очень по деловому отряхивается, и обязательно на ковер.

А еще они с папой «дрались». Вечерний моцион: Никита приходит к отцу и говорит: «Пора», – вызывал на мужскую борьбу. Они соревновались в ловкости и скорости реакции. Восторг – обоюдный. У кого больше, сказать трудно, но каждый настроен решительно: оставить за собой последнее слово в бою, выйти победителем.

Как-то отец легонько укусил дремавшего Никитку за ухо, таким поведением немало его ошарашив. Оскорбленный котикша доходчиво объяснил «обидчику», что коты кусаться могут, а папы – нет. Отец сделал вид, что все равно не понял и частенько поддразнивал котикшу – возьмет и куснет. Никита в долгу не оставался – мог хлестко стукнуть безкогтистой лапой по лицу. Отец объяснял, что таким образом проводил тест, у кого лучшая реакция, но всякий раз ему доставалось отнюдь не первое место... Хотя папа был тоже на высоте. Одним словом, побеждала дружба.

Никита с отцом закалялись на даче. Папа около крыльца обливался родничковой водой. Ведро ставил около капитанского мостика на ступеньку так, чтобы Никите было удобно пить. Ритуал соблюдался свято: сперва Никита попьет (он предпочитал большую посуду), и только потом начиналось обливание.

Капитанский мостик – крыльцо, которое «мужики» построили вместе, находится на возвышенности. Никита с него обозревал большую часть участка, так, чтоб не упустить нас из поля зрения. Для котикиного комфорта мы положили на капитанский мостик подушку. Здесь Величество принимал воздушные и солнечные ванны. За дачный сезон становился бурым, черная шкурка выгорала на солнце, по всему телу, только голова, которую кот прятал в тени, оставалась черной.

Как-то Никита признался отцу в любви. Они вдвоем валялись в обнимку, и Никита сладенько потянулся, вытянул лапку, положил ее папе на нос и выпустил когти. На мордашке – умиление: «Знаешь, я так тебя люблю, так люблю, ты такой хороший!». Нос – поцарапан, но «пострадавший»

даже гордился – шутка ли, удостоиться такого знака внимания!

Никитина лапка – удивительное творение природы. Мягкая и ласковая – называлась у нас «кошачьей лапой», твердая и хлесткая – лапа бойца; а уж если выпускались когти, тогда берегись! Но папа эти боевые орудия назвал сабельками и призывал всех восхищаться ими.

Дорогу до дачи Никита не любил, и мы перед поездкой гонялись за ним по квартире. Почувствовал тягу к природе уже будучи взрослым, когда мама стала часто жить за городом, и в избушке появились холодильник и Никитино кресло.

Из папиного дневника:

«Кот Никита вполне осознавал личную принадлежность вещей. Своим, например, он считал кресло, купленное ещё в конце 70-х годов – его давно надо было выбросить за негодностью, но мы дружно взялись за починку, некоторые деревянные заменили новыми, установили металлические пластины, укрепили шурупами.

Кот всё время крутился рядом, – надзирал за работами. Как только кресло собрали, – тут же на нем разлегся. Заставить Никиту ждать ещё несколько суток, пока будет нанесен и высохнет лак, не отважились. Так и стоит оно слегка недо-реставрированным.

Если кто-то отдыхал в кресле, кот тут же забирался по подлокотнику и гнезился между спиной сидящего и спинкой кресла – вытеснял непрошенного гостя.

Специально для кота кресло весной вывозили на дачу, а осенью возвращали в квартиру – хоть это и было непростым делом, сетовать на трудности или брюзжать никому и в голову не приходило.

В кресле этом, видимо, действительно была какая-то особенность. В отсутствие Никиты собака Олега обязательно забиралась в него. Это был кобелёк, пятнистая такса по кличке Хуго – Никита всегда щетинился при его появлении, шипел. Если доставал, то бил увесистой когтистой лапой. Хуго, воспитанный кротким черным котом Степой, всегда удивлялся такой нестандартной, по его мнению, реакции, подходил к

лежащему в кресле Никите и пытался наладить контакт. Бесплезно!

Негостеприимство Никиты маму расстраивало. Как-то после бани Олежкина и наша семья ужинали. Хуго, естественно, был тут же, поскуливал у кресла. Мама начала уговаривать кота уступить место гостю, убеждала и стыдила его за неучливое поведение. И тут все просто онемели от удивления! Никита спрыгнул, попил из пиалы у камина и разлегся на диване, демонстративно отвернувшись от объекта спора. Радостный Хуго тут же запрыгнул на возделенное место и, благодарный, уснул».

У Никиты завелась своя мышферма, своя ночная охота, свой родничок, свои птички, свой капитанский мостик, свой лифт и много прогулочных мест.

Никита отправлялся поохотиться ранним утром, часа в четыре. Мы спим на втором этаже. Чтобы наш охотник попал на улицу, ему нужно спуститься, и открыть входную дверь. Точнее, это полагалось сделать нам. Никита только сообщал: «Время охоты». Мог бы будить нас деликатно, но с кровати спрыгивал нарочно с шумом. Если люди не понимали, кот начинал топтать как слон, но, бывало, тщетно. «Что ж, тем хуже для вас!». Следовало предупреждение: «Некоторые очень-очень хотят писать, а воспитанное животное не может позволить себе никаких вольностей». Ну, а уж если и такая крайняя мера не возымела действия, то Никита начинал скрести пол, как будто приготавливаясь к туалету. Тут мы, конечно, соскакивали и несли котикшу на улицу, причем по ритуалу полагалось покормить его ранним завтраком: «Охота требует сил!».

Носить кота по лестнице – спускать и поднимать – называлось «быть лифтом». Особенно нравились ему лифт-папа, потом я. Моему племяннику Егорке он себя не доверял, но иногда мирился со своей непростой участью...

Противоречить Никите не то, что сложно, а просто невозможно. Уж очень парень настойчивый, и если просит, значит, ему действительно край как надо. Возвращался наш охотник через несколько часов, когда мы уже просыпались.

Как правило, являлся влажный, разговорчивый: «Выгнали животное ни свет, ни заря, сами в теплой постельке спят, давайте, кормите меня и грейте, может, я даже разрешу взять себя под одеялко и погладить».

Чтобы попасть домой, Никита мог тихонечко под окном позвать, и мы шли встречать добытчика. Когда построили веранду, котикше нравилось ждать здесь нашего пробуждения. Мышек он ловил, но не ел – носил их маме на обмен. Но как-то случилось, что кот к грызунам совсем потерял интерес, и они совершенно обнаглели – важно ходили пешком и плодились. Это «стадо» и называлось Никитина мышферма. Отец однажды на нее покусился, устроил самодельные мышеловки, Никита интересовался их производством, обнюхивал, а папе сказал: «Если хочешь ловить моих мышей – лови, я разрешаю, а мне, знаешь ли, как-то уже и не охота»...

Когда мы что-то затевали, обязательно являлся котикша и участливо спрашивал: «Чем помочь?», «Что будем делать?», «А у меня вы спросили?». Особенно его интересовали папины дела, потому что отец у нас самый деятельный, и они с котом вдвоем постоянно что-то мастерили. Как-то стряпали булочки, но не оказалось кисточки (гусиный хвост) для смазывания. Никита понял наше замешательство, и всем видом проявлял готовность помочь: «В конце концов, если вам нужен хвост, возьмите мой». Но я Никиту разочаровала: «Как жаль, что ты не птичка».

Никита любил, чтобы ему все объясняли. Он понимал слова. Звонит телефон, мама берет трубку, разговаривает. Рядом спит Никита. Разговор окончен, кот открывает один глаз и спрашивает: «Кто?». Мама отвечает: «Папа сказал, – скоро придет». Никита удовлетворен: «Это хорошо», – и снова засыпает.

Приспособил Никита луковую грядку под свои нужды. Мы стоим на капитанском мостике, кот пристраивается, и мама сетует: «Наташа, давай скажем отцу, пусть бы поговорил с котом, чтоб не безобразничал». Никита услышал, посмотрел на нас: «Вас понял!» и пошел устраиваться на

грядку нелюбимых нами соседей. На нашей мы его больше не видели.

Как-то я заболела – высокая температура, тяжело дышать. Обеспокоенный Никита тревожится, не знает, как помочь, как проявить участие. Ступает по мне, к моему лицу, по ногам, по животу, по грудной клетке. Слабым голосом говорю: «Никита, мне и так тяжело! – он устремлен к цели. – Никита, не могу дышать! – кот шагает по мне дальше. – Никита, ты дурак!» – сказала я, а теперь так стыдно за это, ведь он хотел приласкать, помочь...

А тогда котикша очень обиделся.

Услышал, что я «обзываюсь», застыл, пристально посмотрел на меня, как будто с прищуром, развернулся и оскорблено ушел. Таких злых слов он никогда еще не слышал. И тут как ни тяжело было, я про все забыла, соскочила с постели и давай у Никиты просить прощения. Кот был великодушен – простил и улегся рядышком, умиротворенно напевая.

Если мы недомогали, Никита принимался за врачевание. Ложился на больное место, всегда находился рядом, готовый выполнить любое желание: «Хотите, за водичкой сбегать?». Кто-то грустит, или кого-то обидели – Никита тут же «поднимает настроение». Даже бескорыстно мурлыкал, – без «погладушек», просто так, от щедрой души. Песенный репертуар был обширный, в основном про любовь – про любимую маму, про любимого и сильного папу, про всех нас, про солнышко...

Никита – отменный миротворец. Если кто-то с кем-то из домашних хотел примириться, брал Никиту на руки и шел на мировую. Мы друг на друга не умеем злиться, а присутствие Никиты отменяло необходимость объяснений и все сводилось к шутке. Никита, мудрейший, говорил: «Ваши ссоры – пустое, вы лучше погладьте меня, ну, – кто первый?». И от него веяло таким спокойствием! Никита – ласковый котикша, чему и нас учил. Очень любил тереться мордашкой о наши лица – щека к щеке. Но мы говорили иначе – «Никитиным лицом о наши морденьки».

Из папиного дневника:

«В семье считалось, что кот взял на себя довольно большой круг обязанностей. Прежде всего, он был хорошим настройщиком. Стоило кому-то расстроиться, как Никита приходил и проталкивал под его ладонь свою премилую мордень. И – кто бы устоял! – всякий, конечно, начинал гладить кота и улыбаться. К маме, в таких случаях, он забирался на грудь и энергично терся мордой об её лицо. Если, не дай Бог, мама плакала, он бегал вокруг неё, топтался на коленях, покусывал папу, в котором почему-то усматривал источник мамино-го расстройства».

Кот умел превращаться в змея. Шипел так, что приводил всех в ужас, но максимум проявления угроз – «смазывание» лапой и злое «мяу». Иногда с таким невообразимым шипением гонял по квартире кого-то, для нас невидимого. Мы по наивности называли такие погони – играть в страхи. Бывало, кот спит, вдруг что-то учует, соскакивает, и бежит не понять за чем по дому к входной двери.

Теперь думаю, может, в каждом доме живет еще множество неуловимых для человека существ – например, отражение былых естеств в зеркалах, следы прикосновений к предметам. Иных они привечают, а других – нет, гонят вон...

Всю жизнь кот выделял мою комнату особо. Она была «наша»! Правда, однажды переселился в родительскую спальню – из-за рыбок в аквариуме. Я тогда еще не знала, что они неизлечимо больны, и решила – вот дезертир! А оказалось, кот чувствовал неминуемую гибель, что не всегда дано человеку.

«У нас» Никита позволял себе делать то, что в других комнатах даже и не думал, – например, поедать цветочки в вазах и горшках.

Мои вещи – Никитины вещи. Он любил лежать на «нашей» одежде, особенно на пуховике, который я специально кидала на пол – Никитка в нем уютненько гнездилась.

У меня стояло знаменитое кресло, – услада кота. Если кто-то кресло занимал, кот тут же требовал компенсации, или просто сгонял «нахала». Но иногда бывал благодушен и

давал понять – «Я щедр, разрешаю пользоваться моей мебелью». Стоило сесть в Никиткино «логово», – обязательно забирался на коленки (долго укладывался, громоздился, и в итоге я сижу так, как удобно котике). Котик не одобрял чтение и всяко намекал, что это малоинтересное занятие нужно отставить, и зачем мне книги, если есть он, Никита, который может меня развлечь куда лучше: разве он не самый милый, не самый любезный, и внимательный притом!

Никита, и правда, готов пожертвовать временем и делами ради наших интересов. Почти весь мой гардероб мы сшили вместе с Никитой. Стоило начать кроить, Никита тут же являлся помогать. Кройка проходит всегда на полу, и главный раскройщик был убежден, что это именно для удобства совместных действий. Ложился на ткань, вольготно потягивался, но не оставлял никаких затяжек. Мы с ним ни разу не поссорились, причем процесс Никита контролировал зорко, и шитье на машинке в том числе. На котике не приходилось кричать, чтоб он что-то делал, или наоборот, не делал – кот понимал обыкновенные слова.

После дачных сезонов несколько лет кота одолевала вислоухость. Для лечения приходилось прибегать к совершеннейшей гадости – превонючему снадобью. Намазанного, его нужно было держать сорок минут – пакостное лекарство было еще и ядовитым. Потом мыли кота несколько раз – мазь плохо смывалась. Никита испытывал явный дискомфорт. Но мы объясняли, зачем это делается, и сколько следует сидеть спокойно, а он героически терпел и только иногда спрашивал: «А вы время не прозеваете?»

Из папиного дневника:

«Однажды Никита попал под захлопывающуюся дверь машины – мама закрывала ее и не видела, что кот нацелился выпрыгнуть наружу. Удар свернул Никите челюсть. Кот тоненько заверещал, заметался по заднему сидению, на глазах проступили крупные слезы. Ещё сильнее заплакала мама, что-то пыталась сказать сквозь рыдания. И – удивительно! – кот тут же забрался к ней на колени, стал тереться об её лицо и

просительно мяукать: «Ну, чего ты, не плачь, мне же не больно, для меня это так, пустяки!». Котишкина забота маму хоть и не успокоила, но причитать она перестала».

Никита тогда травмировался очень сильно, так что все равно пришлось его «ремонтировать», и лечил его наш доктор Игорь Викторович – к нему возили кота на иглотерапию и массаж. Мы боялись, что «человеческим» пациентам может не понравиться присутствие Никиты. Игорь Викторович, зная, как дорог нам наш зверь, решил помочь, хотя сознался, что ранее с животными не работал. Но выхода не было, котик просто уходил: похудел, сильно ослаб.

Прежде, чем ехать, я Никите объяснила, куда и зачем направляемся, чтобы не тревожился. На приеме не было ни одного больного. Возникли сомнения: «согласится» ли кот на иголки, но Никита безропотно разрешил себя колоть и не сдергивал их. Оглядел помещение, поискал место, куда бы улечься, и выбрал то, где я обычно лечилась. Оно было самым мягким в комнате.

Мы приезжали в клинику еще не раз, Никита полностью поправился. Игорь Викторович с гордостью рассказывал, что среди его клиентов был кот. И все изумлялись: «Не может быть!», «Ну, надо же!».

У Никиты – очень красивые желтые зрачки. Он любил подглядывать одним оком из-за угла, – наблюдал за происходящим. Сядет, например, в коридоре, и смотрит в комнату украдкой. У котихи часто появлялись слезки, что-то вроде легкого конъюнктивита. На сеансе «погладушек» мама чистила ему глазки. Она говорила, что кот никому не позволяет трогать веки, хотя доверял нам всего себя и даже подставлял для почесывания шею.

У взрослого Никиты взгляд приобрел новое выражение, он стал каким-то мудрым. Мы его глаза называли «Космос». Смотришь в них, и как будто погружаешься в бездну. Словами это не передать, – поймет только тот, кто видел или сталкивался с чем-то подобным. Люди привыкли думать, по своему малоумию, что животный мир – вне интеллекта,

находящийся на низшей эволюционной стадии.

Отец часто говорит, что если люди, – хотя бы небольшая их часть – были бы такими разумными, добрыми и деликатными, как наш Никита, то человечество стало бы намного лучше. Когда мы хотим друг друга похвалить, у нас в ходу поговорка – «Ты похож на кота», «Ведешь себя, как кот». И тот, кому адресована такая похвала, гордится, как будто получил награду...

Никита чувствовал, что в доме все преисполнено любви, заботы, предупредительности, нам приятно баловать друг друга, и кота в том числе, и он отвечал взаимностью. Мы всегда поджидали возвращения каждого члена семьи после работы. Но только кот знал, кто уже на подходе. Бывало, спит, кажется, крепко-крепко, вдруг соскочит и бежит – когда молча, когда с криками, призывая открывать дверь. И всегда через несколько минут раздавался звонок. Есть у нас обычай – встречать всех, кто приходит. А пришедший должен каждого поприветствовать. Никита твердо знал, что он равный, и ритуал соблюдал свято.

Если котиха спал на стуле, а стул кому-то понадобился – мы присаживались рядышком, или, в крайнем случае, переносили Никитку, не меняя его позы, на диван или кресло.

Наш Никита был сильный, мужественный, деликатный, добрый, интеллектуальный, умный, мудрый, заботливый, нежный, ловкий, грациозный, красивый. И можно бы еще много чего сказать...

Когда силы Никитку стали покидать, видно было – как это его озадачило: ведь он такой могучий, и вдруг – так ослаб. Не буду об этом писать, пусть в памяти и в истории нашей семьи останется *тот* Никитка – в полной красе и могуществе. Скажу только, что он, чувствуя близкий уход, вел себя деликатно, и покинул нас достойно. Ему было уже очень плохо, я плакала.

В свой последний день Никита, как всегда, убаюкал меня, и мы с ним довольно долго и крепко проспали в обнимку, так что проснулась я совершенно спокойной, – а вдруг он начнет теперь выздоравливать? Нисколько не сомневаюсь,

что он так меня «обманул», чтобы успокоить. Даже отец поверил, что ему стало лучше. Приложил ухо к его груди и услышал последние биения сердца.

Одним словом, – сволочь был наш Никитка. Наша любимая сволочь, самая лучшая сволочь в мире.

Никите было без малого двадцать лет. Это две трети моей жизни, так что, можно сказать, у меня котикшино воспитание, и когда говорят, что я похожу на киску – очень горжусь. Мы понимаем, как нам повезло, что нашим воспитателем оказался такой милый и справедливый Никита. Он нас многому научил. А чему именно, – не объяснить. Можно только почувствовать...

ИЗ СКАЗОВ ДЕДА ЖУМАХАНА

I. О НАКАЗАНИИ ПРАМАТЕРИ ПРИРОДЫ ДЛЯ НЕРАДИВЫХ

С незапамятных времен жили с нами рядом «меньшие наши братья». Казалось бы, что нового можем мы о них узнать? Но вот мудрое и доброе предание, которое передается из рода в род там, где обычаи, рожденные тысячелетиями, роднят человека с его верными четвероногими помощниками и со всем «звериным» царством, которое его окружает.

Послушаем же старого акына Жумахана:

– Думаете, природа такая неумелая, что ей понадобилось сперва создать несовершенные виды, а уж потом человека – венец творения? – усмеваются аксакалы.

Нет, природа с самого начала породила прекрасного жителя земли – красивого, доброго, храброго и честного человека. Степи и леса, сады и пустыни служили людям, и жизнь людей была бедна испытаниями, и сердца их ожесточились.

И появились люди коварные и трусливые. Они нападали на сородичей исподтишка и разили предательством.

И появились люди с холодной кровью. Они не спешили на помощь брату.

И появились люди ленивые, которые не хотели трудиться, а проводили время в пустых забавах. Они забыли об уважении и друг потешался над другом.

И появились люди, которым не по душе были нравы соплеменников. Но они не пытались вернуть их на путь добра и правды, а уединялись, чтобы не омрачать себя скорбью.

Осердилась Мать-Природа.

У коварных с холодной кровью отняла ноги и отняла руки, отвыкшие помогать в беде. И стали они змеями.

У ленивых и легкомысленных отняла разум и человеческие слова. И превратились они в обезьян.

А тем, кто стремился к уединению, чтобы себя не тревожить, тем, кто закрыл глаза, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать, – подарила заколдованный плащ. Они тут же свернулись клубком, с головой ушли под игольчатое покрытие и превратились в ежей!

– Поняли свои ошибки? – спросила Мать-Природа у змей, обезьян и ежей.

– Поняли и раскаиваемся! – хотели они ответить, но уже не могли.

– Не обижайте их! – велела Мать-Природа людям, которые остались людьми, – помните: они меньшие братья ваши! Пусть всегда будут подле вас, чтобы вы могли помочь им. И, чтобы, глядя на них, не стали на путь равнодушия, неуважения и коварства.

А чтобы было различие между ими и вами, – да будут они навечно «маклул Хайуан», лишённые души, закованы в глухоту к людским делам. Вы же – останетесь вместилищем «Жанда» – разума, и да пребудет с вами человеческая душа, открытая для красоты, добра и справедливости.

С тех пор человек старается быть достойным даров Матери-Природы и жалеет своих меньших братьев.

* * *

– Всегда ли? – вздыхаем мы.

Добродушно заняты и лиричны истории, связанные с преданной человеку умной дворнягой, трудягой–ослом,

горячей, выносливой степной лошадкой. А ведь некоторых наши читатели, возвращенные на асфальте больших городов, порою знают лишь по картинкам...

Драматическая судьба исчезнувших или с трудом спасенных видов – жестокий урок, преподанный нам природой, и это серьезное предупреждение не всегда принято к сведению человечеством.

И как быть с Шариками и Васьками, которые не вошли в «Красную книгу», но тем не менее достойны сочувствия и уважения, только потому, что они «меньшие братья» наши? Как нередко еще в душе «делового» человека нет места «отсталому» умилению, которым проникнуто каждое слово «Холстомера», «Каштанки» и «Муму»...

Давайте верить, – мы сберегли красоту земли. Над нами сияет безупречно синее небо. В лесах полным-полно зверей и птиц, но они лишь добыча для охотника. В реках кишмя кишит красная рыба, но она лишь утеха для гурмана. Для чего сбережем мы тогда «большую природу», если не будет в ней места доброте и сочувствию? – разве не превратимся мы лишь в потребителей щедрот, разве не забудем заветы Матери-Природы из старинного предания?

Но вернемся к сказам старого Жумахана.

II. О СТРОПТИВОЙ КОЗЕ И О СТАРИННОМ ТЮРКСКОМ ОБРЯДЕ

В нашем краю к кому не придешь – встретят хорошо, гостеприимство у нас в почете. В честь гостя барана забьют, и кур наловят чуть не стаю, лишь бы похлебка наваристее получилась. А в одном дворе в честь гостя как-то даже козу закололи, – другой живности не было. И гость видел, что двор бедный и хозяина уговаривал: не тронь козу. Я только переночую, – есть не буду. Хозяин же оскорбился, как можно, – ты ведь гость. Со мной и степь, и тайга дружить перестанет, если не встречу – не провожу по закону!

Вывел хозяин козу во двор, пошептал ей в левое ухо и сделал, как задумал. Вечером за столом гость спросил, что

это хозяин козе нашептывал.

– Я обряд исполнял, чтобы коза не обижалась.

– Какой обряд?

– А такой, что когда все живое на земле друг с другом сживалось, человеку больше всех всего не хватало. У него – ни когтей, ни клыков, ни шерсти. Как ему пропитание добывать? И звери пожалели его. Собрались все вместе, позвали человека и спросили:

– Будешь с нами в ладу жить?

– Буду! – сказал человек. – Только помогите мне.

– Ладно, – решили звери, – вот лошадь. Она повезет тебя на пашню и помчит в бой. И если надо будет, – отдаст тебе свою жизнь. Но ты будешь задавать ей корм, водить на водопой, дашь ей кров и назовешь ее другом. Ответь, лошадь, ты согласна на сделку?

– Согласна! – сказала лошадь.

– А вот – корова. Она даст тебе молоко и мясо, но ты будешь водить ее на пастбище и охранять, и назовешь ее кормилицей. Ибо, чтобы пропитать тебя и сохранить твою жизнь – она отдаст свою. Ответь, корова, ты согласна?

– Согласна! – сказала корова.

Опрошены были и ответили согласием овца, свинья, куры, гуси. Взамен на их согласие человек обязался не лишать их жизни из прихоти, а только в нужде. Лишь козу спросить не успели. Где-то коза-егоза бегала-носила, на сходку не явилась. К самому концу поспела.

– А ты, коза, – как? – спросили ее.

– А я не согласна, мне от человека ничего не надо, я и так проживу, – жизнь свою человеку не отдам.

– Хорошо, – сказали звери, – договор добровольный. Не согласна, так не согласна. Но ты-то ведь тоже человеку можешь, он и тебе, как и нам, – брат!

– Помогу! – заблеяла коза. – Моя шерсть даст человечьим детенышам тепло, а молоко – сделает резвыми как козлята.

– И на том спасибо, – сказали звери, – только ты, человек, помни: нет тебе от козы согласия на жизнь. А раз ты

нам – брат, прими от нее, что даст по своей воле.

Разошлись звери по своим делам, а человек – по своим. Только человек очень скоро нарушил обет. И многожды убивал названных меньших своих братьев не от нужды, а для прихоти, чтобы удивить соседа обилием мяса, или чтобы похвастать богатым ложем из шкур молодых ягнят. И даже до козы добрался. И коза возмущалась таким его коварством, и когда он заносил над ней нож, бляела и не отдавала ему свою жизнь безропотно, как другие животные, кричала чуть не человеческим голосом: «не согласна!» Потому-то человеку и положено попросить у нее прощения, что он нарушает договор, не довольствуясь ее шерстью и молоком. А корове или овце – тем достаточно шепнуть на ухо, что не для забавы, не из обжорства, а из-за голода у них жизнь просит». Такой завет передали предки племени «шоры», а у нас в степях этот закон тут с самого того дня, когда Праматерь-Природа знакомила человека с «меньшими братьями»...

Обработка казахского фольклора М. Кушиковой.

Александр Аханов **БАЛДА**

А я сказал - принесу живого волка! - Саша Экстаз налил себе полстакана водки, выпил - подумаешь, волк... Не медведь же! Того я просто не подниму!

- Ох и заливать ты мастер! - Волка он принесёт! Волчонка ещё может быть, заморыша какого, ага?

- Точно! Свистит Саша художественно. Да он тебя срубает вместе с сапогами, на завтрак или обед! - Доцент с христом надкусил огурец - волк он и есть волк!

- Ре-ребятаа! Вы-выпьём за серого! Ми-мир его шкуре!

- Ага! как это там у этого... «чем кумушек считать...» Не, не так...забыл!

Эта содержательная беседа возникла по поводу очередных споров об охоте, добыче и её размерах. А подтолкнул к спору недавний разговор с лесником Крюциным.

Тот поведал о своих лесных встречах, и не верить его рассказам не было оснований. Жизнь иной раз так повернётся, так крутанёт, и не знаешь - верить тому, что видел собственными глазами или отнести это к снам наяву.

Компания сидела за обширным, сколоченным из добротных сосновых досок столом, уставленным бутылками, тарелками, банками с квашеной капустой, маринованными грибами, салом, нарезанным толстыми, бело-розовыми пластами и отварной картошкой. За окнами шумел лес, ветер, перебегая от кроны к кроне, играл на них какую-то старинную, протяжную и немного грустную песню и Глебу стало жаль и Экстаза, и неведомого Серого Волка (может, того самого, из сказки) и вообще всё живое, что попадает на мушку охотникам. «Они ведь тоже жить хотят, не меньше чем люди... но ведь их об этом никто не спрашивает...А Экстаз что ли не догадывается, что они тоже...люди...лесные?»

Экстазом Сашу Грибова прозвали парни из третьего общежития на Харасавэе, после того, как он, споря до хрипоты с дамой из бухгалтерии экспедиции и исчерпав все возможные доводы, схватил со стола справочник, из которого и почерпнул сведения, вызвавшие спор, бросил её (книгу) на пол и растоптал, приговаривая:

- Ну, сучка, довела ты меня до экстаза!

Кого именно он имел в виду, Александр не уточнил, но бухгалтерша сильно обиделась... Ещё бы не обидеться: за переработку нужно платить, да ещё и как! А бухгалтерия под всяческими предложениями это делать отказывалась. А кому пожалуешься - Север! До «Большой Земли» ох как далеко, да и там ноги по колена сотрёшь, пока до минимальной правды доберёшься! Обычно подобные вопросы сходили на нет сами собой, всем хотелось получать поболее, а станешь вякать...

Так получилось, что, собираясь в отгулы, наша компания оказалась в одном самолёте, затем в автобусе, а после и вообще в родном селе Саши, что расположилось в лесах, на полпути меж Тюменью и Свердловском. Решили, как

водится, пару дней погулять как следует, в тёплой реке искупаться, а затем каждый по своим делам...

Поговорили, повеселились в первый вечер и забыли наутро... а когда ближе к вечеру собрались в баньку, хватились Александра. Спросили Татьяну, его жену, на что получили ответ:

- «Под вечер вернусь», - сказал.

Таак... Вспомнили вчерашний разговор. Крепка оказалась шальная мысль у хозяина. Доцент бородой подёргал, а сказать нечего. Глеб и Игорь только пожалы плечами, но вся троица время от времени украдкой друг от друга посматривала в сторону леса, благо, он начинался чуть ли не за забором, на дорогу из чистого желтоватого песка, плавно вытекающую из чаши, на небо, где вовсю сияло ласковое солнышко. Чёрт его знает! Вот сейчас появится полумёртвый, обглоданный Экстаз, таща на себе тоже едва живого волка...

Они с удовольствием парились, вопя и дурачась, когда в баню вошёл Саша.

- О! Саня! Как твой волчара? Ты его не покусал? Мы волноваться уже начали!

- Ну, в самом деле - убежал и ни слова!

Экстаз посмеялся, разделся и тоже принял участие в вакханалии:

- Завтра посмотрим на результат. Я тут знаю одного разбойника, давно уже! И если я правильно его понял, завтра он припожалует к вам, тогда вы же его доставляете в зоопарк, ну, в Свердловск, допустим. Идёт?

- Годится! Мы его, зубастого! В лучшем виде! Ты давай клиента...

Нужно отметить, что Экстаз был не так, чтобы и слаб, но ведь и не настолько силён, чтобы одолеть один на один хищника... Так думала троица. Но рано утром Глеб проснулся от того, что кто-то тихо прошёл мимо него, звякнув чем-то железным. Снова брякнуло железо - Экстаз пил воду из ведра. Затем, взяв топор и ружьё, вышел на улицу.

- Эй, парни! Ребята! - Глеб бросился будить товарищей. - Он в лес пошёл! А если и вправду за волком? Давайте приглядим - вдруг, волчара, там он не один? Сожрут ведь нашего хозяина!

Наскоро хлебнув по кружке воды, компания схватила свои охотничьи ножи, и потянулась за Александром. Тот уже миновал околицу и углубился в лес.

- Эй, парни! - Глеб обратился к товарищам. - Идем за ним метрах в ста! Так? Но тихо! Если и вправду он на охоту вышел, мешать не будем.

Так они шли более часа, как Экстаз внезапно исчез из поля зрения. Просто провалился и всё. Недоумевая, они вертели головами, как вдруг в зарослях папоротника в одной из многочисленных ложинок раздались удары топора, и послышалась какая-то странная возня, брякнула цепь... Интересно...

- Может, он клад колчаковский нашёл. - Доцент вытягивался на цыпочках, силясь разглядеть то, что происходило где-то внизу. - Тут, в Гражданскую, говорят, белые здорово шерстили красных, а потом спрятали то ли в лесу, то ли на берегу Туры какие-то золотые ордена, что ли...когда их красные погнали! Щас клад раскопаем!

Глухие удары вскоре стихли, упала небольшая сосенка в руку толщиной. Экстаз быстро обрубил ветви, немного укоротил ствол так, что получилась палка метра два длиной, затем, сняв с себя пояс, сделал из него петлю.

- Чё это он? Повеситься с горя решил? - пошутил Игорь. Конечно, всё это выглядело и смешно и непонятно. Ребята подошли ближе, затаились. Присмотрелись. И увидели: на небольшой полянке стоял, взъерошив шерсть, волк, а против него с палкой Экстаз, тоже взъерошенный и напряжённый. Одна нога зверя была схвачена какой-то ловушкой, по всей вероятности, капканом, волк клацал зубами и неотрывно смотрел на Александра. Неподальку лежал не подающий признаков жизни ягнёнок.

Экстаз прислонил ружьё к дереву, положил топор рядом и, держа палку как копьё, подступил к зверю. Тот зарычал,

Александр ткнул волка в морду. Зверь захрипел от ярости и набросился на палку. Она затрещала в его жутких зубах.

- Ух, ты! - Экстаз посмотрел на деревяшку - волк отхватил порядочный кусок. - Зверюга! Ну, ничего! Щас мы тебя... Он то отдёргивал палку, то снова подносил её к зверю, занося то с одной, то с другой стороны. Волчья голова молниеносно следовала за концом палки. Иногда ему удавалось схватить её и тогда он с остервенением грыз дерево, топорща загривок и свирепо рыча.

На человека волк не обращал никакого внимания, он видел врага лишь в этой назойливо кружащейся, нападавшей, изматывавшей его палке. Долго длилась эта жестокая игра - следившие за ней то замирали от восторга, то от страха за Александра, они, хоть и не участвовали в этой игре, вспотели, руки дрожали словно в азартной гонке за богатством за игорным столом. И вот наступил момент, когда силы зверя иссякли, он, тяжело дыша, повалился на землю. Налитые кровью глаза, запенившаяся морда, тяжело вздымающаяся грудь. Зверь, вытянувшись, насколько позволяли цепь и капкан, отдышал. Не менее запарившийся Александр отбросил сильно укоротившуюся палку и шагнул к волку. Тот метнулся навстречу. Этого и ждал Экстаз! Он точным движением набросил на морду волка петлю, сооружённую из своего пояса и туго стянул её! Обернул конец ремня вокруг шеи, пропустил в петлю и ещё раз затянул. Получился настоящий намордник. Теперь можно отдохнуть.

По спине и лбу стекали капли крупного, горячего пота. И бани не нужно. Смахнув рукавом пот, отвязал от деревца цепь с капканом и, обмотав её вокруг шеи волка, наклонился, чтобы разжать челюсти капкана. Почувяв свободу, хищник рванулся в сторону и Экстаз чуть было не лишился добычи, успев-таки в последний момент ухватиться за последнее же звено цепи, проехав при этом несколько метров по траве.

- Ты! Козлище! Смотри у меня! - крикнул он, подняв с земли палку. - А ну, марш за мной! Я тебе рога-то пообломаю!

Волк устало зарычал, не сводя взгляда с поднятой палки.

- Ну, то-то! Пойдём, пойдём, сукин сын!

Тут из-за деревьев раздался такой рёв, такой хохот, что изумлённый Экстаз схватился за ружьё:

- А ну! Выходи!

Затрещали ветви, и в ложбинку спустились умирающие от смеха товарищи.

- Так кто он у тебя? Козлище? И ты ему рога обломашь? Га-гаага! - грохотали парни, ещё минуту назад замороженные необычайным и, наверное, редким зрелищем, с замиранием сердца хватавшиеся за ножи. - Как это ты ему - марш за мной! Хо-хохоо! Сукин сын!?

Смущенный Экстаз, глядя на перепуганного зверя, - тот поджал хвост как побитая собака - рёв «следопытов» испугал его, не боящегося никого, кроме ужасной палки - сказал компании:

- Вот так вот! Уговор! Я - добыл, вы - несите! Ферште-ен?

И он шёл весь путь налегке - ружьё нёс Доцент, Глеб - топор, затем они поменялись с Игорем, который на загривке тащил волка, связанного ещё и «по рукам и ногам». Так зверь, благополучно проведя весь путь на плечах товарищей, из родного леса переместился в стайку Экстаза. Саша тщательно осмотрел помещение, укрепив слабые места, прибил на всякий случай пару досок из лиственницы и железный лист на дверь. Затем принёс в тазике воду. Выпущенный волк сейчас же бросился к воде, лакал долго и жадно, а напившись, заметался от стенки к стенке.

Бросая ему кусок мяса, Грибов сказал - спросил:

- Как же мы тебя назовем, а? Дубина ты, балда! Так глупо попался! Тупица!

Доцент, следивший за зверем сказал:

- А так и назовём - Балда!

И все согласились - пусть будет Балда...

На людях волк к мясу не притронулся и продолжал метаться по своей, так неожиданно обретенной клетке. Прошла ночь. Утром мяса не полу не оказалось.

- Отлично! - Александр бросил Балде ещё кусок. - Разорит, разбойник! Теперь лося добывать надо - ягнёнка-то я извёл! Мужики, давайте зверя увозить! Все согласились на том, что «завтра соорудим крепкий мешок и повезём клиента в Свердловск». Тем более, что пора и по домам.

А под утро проснулись от истеричного, суматошного лая и захлёбывающегося визга сельских собак. Возбуждённые шавки всех мастей и размеров сбежали ко двору Экстаза буквально со всего села. Компания выскочила во двор как была - частично одетой, а Саша в дополнение к трусам «на босу ногу» держал в руке двустволку. Все бросились к стайке - там зияла дыра на месте вчера прибитых так старательно досок.

- Делаа... - только и промолвил Экстаз. - Молодец...

Глеб изумлённо трогал трехсантиметровой толщины доски, прибитые длинными гвоздями, а теперь вырванные из кондовых сосновых столбов, на мелкие щепки на полу стайки и не знал, чему больше удивляться - страшной ли силе волчьих зубов или ловкости человека, поймавшего такого зверя?

- Вот, вот! Сколько волка не корми - он точно в лес смотрит! - нравоучительно поднял палец Доцент. - Жаль, конечно! Но и то сказать - теперь на свободе! Как говаривал наш общий знакомый Толя Рубис - пролетели мы, как стая напильников над Харасавэем! От, зверюга! Молодец! За его здоровье и ум нельзя не выпить... Это нас нужно в зоопарк и в клетку! Всех! И табличку: - «Компания взрослых дядей переростков, что не смогли с одним волчонком справиться!» Вот тебе и Балда! Так, кто против моего предложения?

***От межи, от сохи,
от покоса...***

Михаил Шмулёв
ПОБЕГ ИЗ КОЛХОЗА

Человек совершает иногда поступки, не вписывающиеся в общепринятые рамки поведения – зачастую его ведет по жизни страсть, увлеченность опасными идеями. В детстве, которое выпало на суровое предвоенное время, я почувствовал непреодолимую тягу к бродяжничеству, искал землю обетованную, где живут легко и приятно, а, главное – по справедливости.

Сейчас, когда мне перевалило уже за восемьдесят, понимаю: предрасположенность к побегам была как бы наследственной: предки мои, крепостные крестьяне, частенько убегали от господ, то и дело меняя места обитания – Дон, Украина, Сибирь.

К четырнадцати годам я перечитал всю школьную библиотеку, особенно нравились книги о путешествиях, новых землях, и о беспризорниках. Передо мною открылся чарующий мир, населенный бродягами, пиратами, первооткрывателями – не чета советскому опостылевшему полуголодному прозябанию.

И я отважился на побег.

Сплошная коллективизация, которую сам ее творец и организатор – Сталин – назвал «головокружением от успехов», привела к разрухе и полному обнищанию крестьян. Осенью «красные обозы» вывозили почти весь урожай. После так называемых «хлебопоставок государству» в деревне оставалось зерно лишь на семена. Наша семья – это мать и пять детей, все работали в колхозе, получая мизерную оплату: на трудодни можно было прожить от силы один-два месяца в году.

Знаете ли вы, что такое отруби из размолотого овса? Муку давали телятам, а оболочки от крупы зерна – выбрасывали, потому что от них даже лошади отказывались. Из этих отбросов мы делали оладушки, обманывая свои желудки.

А семена специально травили формалином, чтобы их не воровали. Но все равно – тащили, мололи, и поедали,

Сегодня уже неизвестно, как было на самом деле. Однако известно, что всё было не так, как надо. А совершенно иначе...

Лешек Шаруга

мешая с картофелем, тело опухало, животы раздувались.

Мне не терпелось поскорее вырваться из жестоких тисков голодомора, приключенческие романы манили в призрачную страну пытливых героев – исследователей, путешественников. В 1933-35гг. «осчастливленные» Сталиным колхозники потянулись в Казахстан, на «стройки века». Уехала и моя старшая сестра Лиза. И я решился – весной, как только появилась первая зелень, собрался в дорогу.

Из одежды – только зипун и холщовая рубаха. В фуражке, в подкладке – рубль, а в сумке два десятка огурцов. Босой – как ходили в те годы дети летом. Отпросился у матери навестить бабушку из соседней деревни – и пошел, куда глаза глядят. По пути попалась подвода, парная бричка. Возница остановился:

– Куда тебе?

– На станцию Алейск, до нее семьдесят километров!

– Что ж, садись, мне туда же!

К вечеру – привал. Дядя Вася, – так звали моего спутника, – попросил напоить лошадей в ближайшем озерке. Взобравшись на одну из них, я потрусил к воде.

Вот тут-то и случилось происшествие, чуть не ставшее трагическим. Мы попали в болото!

Я попытался криком, понукая несчастных животных, выволить их из трясины.

Прибежал, ругаясь на ходу, дядя Вася:

– Мать твою так! Почему сразу не повернул обратно?

Лошади все больше погружались в жижу. Мы тянули за уздечки, но ничего не получалось!

Дядька совсем упал духом:

– Теперь не миновать мне лагерей! За потерю колхозного добра засудят и дадут не меньше десяти лет!

Наконец, выбиваясь из последних сил, одна лошадь сумела выпрыгнуть на твердое место – зато вторая увязла по самое брюхо.

И тут меня осенило – не вытащить ли бедолагу с помощью той, которая уже выбралась?

Схватив вожжи, дядя Вася засунул их под хвост утопающей, а другими концами привязал к хомуту спасенной. Нам

повезло – сделав рывок, лошадь выскочила, считай, из своей могилы, избавив испуганного дядю Васю от тюрьмы, а меня – на всю жизнь – от укоров совести. А у него семья, трое детей!

– Ты, конечно, смысленный парень: ловко придумал, как лошадей спасти! Но почему не повернул назад, как только они проваливаться начали?

– У нас в деревне нет болот с такой глубокой трясиной. Думал – к воде быстро проскочу...

Добравшись до станции, распрощались. Я соврал дяде Васе, будто направляюсь к сестре Лизе в Бурлю-Тюбе:

– Это недалеко!

На самом деле Лиза, которая ранее действительно там работала, оттуда уехала на строительство Балхашского медеплавильного завода.

И начались мои скитания по поездом, тормозным площадкам, с ночевками, где придется. Питался тем, что Бог пошлет – еду приходилось выпрашивать или красть. Курсировал по Турксибу: Алма-Ата – Новосибирск.

Рыбак рыбака видит издалека – так и беспризорники сразу узнают своего: непричесанные, грязные, оборванные.

На базаре в городе Барнауле меня отозвал в сторону юркий шпанец:

– Тут поблизости мои корешата, присоединяйся!

Он и его товарищи ютились в заброшенной «хате». Устроили экзамен на знание их правил и жаргона: кто я и откуда, «ботаю ли по фене», умею ли воровать. Один поинтересовался, знакома ли мне песенка:

Гоп со смыком, это буду я.

Граждане, послушайте меня.

Ремесло я выбрал – кражу.

Из тюрьмы я не вылажу.

И тюрьма скучает обо мне.

Я сразу же получил кличку – «колхозник». Несколько дней провел с ними, шляясь по базару – исполнял роль

«притырка»: нужно втереться в толпу, прижимаясь к человеку, у которого мои партнеры вырезают карман остро отточенной монетой, зажатой между пальцами. Если повезет – быстро сматываемся, собираясь возле условленного места. Покупаются всякая снедь, курево, а то и четвертинка водки. Среди нас были уже опытные воришки, поэтому никто не голодал. Подчинялись все старшему, но «гонорар» делился поровну.

Скоро я улизнул от них, заскочив на тормозную площадку уходящего «товарняка»: не терпелось добраться до крупного города и попытаться как-то устроиться – хотел честно трудиться и учиться.

Однажды меня цепко схватил за руку верзила уголовной наружности и потащил к себе домой. Обещал хорошую жизнь, заботу и охрану от милиции, если я буду воровать для него. Очень разочаровался, узнав, что я недавно из деревни и ничего не умею. Посочувствовал:

– Эх, нету у меня времени учить тебя нашей науке!

По сути, я был больше попрошайкой, чем воришкой, зачастую даже помогал на базарах: отнести, поднести, поддержать, почистить вещи, перебрать овощи. Люди, в основном, относились ко мне с недоверием, но работа всегда находилась. А много ли надо пацану, чтобы не умереть с голоду? Кусок хлеба, ломтик колбаски. Удивительно: жизнь бродяги оказалась сытнее, чем колхозная. Но главное, конечно, это свобода и право распоряжаться самим собой.

Перед самым побегом довелось прочесть повесть Л. Пантелеева «Часы» – знал ее почти на зубок и пересказывал друзьям, восторгаясь приключениями беспризорника Ленки. Жизнь оказалась сложнее и жестче, чем в книжках, но о своем поступке я не жалел.

Друзья у меня были очень разные – в основном, товарищи на неделю. В то время по железной дороге блуждало огромное количество разного люда, в том числе детей. Крестьяне, правдами и неправдами, покидали насиженные места – хотя паспортная система держала их цепко, но все равно находились способы вырваться из колхозов. Мужики

устремлялись на новостройки Урала, Казахстана, Сибири. Вербовщики имели возможности защищать записавшихся к ним «беглых» людей.

К осени, когда стало подмораживать, возникли трудности с ночевками. То ли дело дето! Помню, в Алма-Ате, в парке Горького, как-то сорвал несколько огромных афиш, завернулся, и сладко спал, пока меня не разбудил такой же бродяжка.

Газеты, как всегда, писали о достижениях, победах и заботе Партии и Правительства. А вдруг власть сподобится помочь мне? И отправился я прямиком на улицу Дзержинского в штаб НКВД. Рассказал дежурному, будто отстал от родителей, которые ехали на Урал завербованными – разыскивать их, мол, бесполезно, так нельзя ли остаться в городе трудиться и учиться?

Думал: должны поверить, поскольку – сам же пришел, а не милиция привела. Офицер, поговорив с кем-то по телефону, сразу же написал мне направление в «Казстройтрест»:

– Там тебя устроят и накормят!

Прихожу по указанному адресу и вижу: такие же, как я, таскают раствор каменщикам, а те кладут стены. Спрашиваю у ребят, как и что. Говорят: «Есть общежитие, дадут аванс, но работа тяжелая. Какая тут учеба, если нужно месить бетон!».

И я опять сбежал.

В Семипалатинске меня внезапно посетила мысль: а не попроситься ли в детский дом? Пришел в ГорОНО с той же байкой: отстал от родителей. Дали направление. До сих пор помню адрес учреждения, которое, как и многие ему подобные, было сродни тюрьмам для несовершеннолетних – ул. Белагачская, 74. Еще с улицы слышу гвалт, крики и плач. Захожу – в самом разгаре драка и яростная разборка: кто виноват. Ошеломленный, выскакиваю обратно за дверь.

Прочитанная еще в колхозе книжка Макаренко «Педагогическая поэма» привораживала, создавала ореол романтики вокруг детских «коммун». Не в последнюю очередь меня подвиг к побегу деревни ярко выраженный пропагандистский

флер таких сочинений. Уж больно красиво складывалось в «поэмах», повествующих о дружной спаянности ребят, о великих целях перевоспитания бывших правонарушителей – превосходно, романтично! А на самом деле – полутюремный режим, жизнь «по понятиям», жестокий мордобой, строгая иерархия – кто-то главенствует, остальные подчиняются – об этом мне рассказывали в ту пору знакомые сорванцы, во множестве бежавшие из детдомов от воровских законов, суровости и безразличия начальства.

Советская школа педагогики ориентировалась на трудовое воспитание, во главу угла ставилось известное изречение: «Кто не работает, тот не ест», что особой новизной не блистало – выдающиеся деятели науки Каптеров, Песталоцци тоже рассматривали труд, как основное воздействие на юных оборванцев, вроде меня. Но то – в теории, а в практике тридцатых все было иначе: «костоломное» время не щадило ни взрослых, ни детей...

Антонина Пегушина **ПЕГУШАТА** **(деревенские были)**

Деревня тянулась вдоль реки, прижатая к обрыву, даже скорее - к косогору. Кто, когда выбрал это место для поселения - неизвестно, но крестьяне с противоположного берега прозвали нас «пегими» и «ушатами». Вероятно, за то, что лошади наши и на самом деле были пегие, пестрые, в белых пятнах по черному полю, а еще потому, что мы жили в низине, как в ушате, поэтому у нас раньше, чем у них весной проталины появлялись и трава зеленая. Постепенно эти два слова слились в одно и стали мы – пегушатами. Вот так и окрестили нас, вроде как фамилию дали.

Поля простирались высоко над нами, на косогоре, а за ними - лес. Ездили на пашню в объезд, потом какой-то мил человек придумал ступеньки вверх резать, горбылем мостить, соорудил площадки лесенкой, так что легче и быстрее стало нам до своей полосы добираться. А раньше, пока

мужики на лошадях приедут на делянку - бабы уже по два суслона нажмут.

...Ко времени гражданской войны площадки водой талой в овраг смыло, так что опять на лошадях стали выезжать в поля в объезд. Бывало, сидишь лицом к дороге, смотришь наверх и знаешь, кто первым на косогор поднялся, а кто последним.

На одной из площадок косогора приютилась одинокая изба Ивана. Сколько раз ему мужики говорили – давай, мол, перетащим ее поближе к нашим, и будут все дома в ряд, чтоб вид не портить. Но тот только хитро улыбался, а согласия не давал:

- Да вы что, мужики, этакое баете, ить я почитай век доживаю на этом месте. Тятки моего, Степана, старая изба, что по-черному топится, осиротеет. Совсем завалится, а этак моя ее одним крылом подпирает. Не гоже корень Степанов в беде оставлять.

Мужики, напившись солодового пива, довольные и раскрасневшиеся, наперебой кричали, что здесь уже не Степанов корень, а Иванов, но русоголовый, с кудрявой бородой, хозяин в малиновой рубахе и белом кушаке, посмеиваясь, возражал густым басом:

- Одно мужики скажу, корень–то наш крепок. Ежели в старину-то спуститься, так мы все одного корня, корня русского.

Он повел богатырскими плечами, тряхнул кудрями, погладил бороду и, сверкнув белыми зубами, добавил:

- А корешки–то у нас ничего, - и скосил глаза в сторону печи – десять мальчишеских голов глядели сверху на гостей, словно ржаные снопы положены в ряд.

Все загоготали, каждый понял сказанное по-своему, но хозяин явно имел в виду тот «корень», без которого мужик – не мужик, и детей не бывает.

Иван перевел глаза на жену свою, ловко орудовавшую ухватом у печи, и подумал: «Кого Бог даст к осени? Хоть бы девочку».

Так хотелось иметь дочь. Он даже в тайне от всех собирал на берегу красивые камушки, чтобы из них украшения вырезать, когда дочь родится и подрастет. Засмеют ведь, если

узнают, что такой детина по реке не с бреднем бродит, а камушки выискивает. Мечтал по ночам, что дочь у него будет капля в каплю мать родимая. Такая же красивая и статная, только бы в кости чуть пошире.

Любит он, ох как любит свою Дарьюшку, истинно подарок Божий. Сколько лет живут, а друг другу слова плохого не говаривали, куска сладкого один без другого не съели. Все-то ласково, уважительно.

Как-то в Рождество, в первый год женитьбы, бражничал Иван с мужиками. Занесло его крепко. А Дарья на сносях. Сказала что-то - он за вожжи. Мол, поучу тебя, ядрена-корень. Не испугалась - пошла прямо на него:

- А ты, Иванушка, меня сперва по брюху бей, чтоб уродец родился - людям на смех, а нам на горе.

Оторопел Иван.

- Чего это ты?

- А то - ты же корнем своим хвалишься, а я мать твоему дитю буду. Корень твой продолжу, а ты его подсекать собрался.

Бросил вожжи Иван, устыдившись - и за печь, спать. Проснулся - голова болит, и на душе скверно. Пытался вспомнить, что же он натворил вчера. Вроде на спор жбан браги выпил, потом девок, запрягшись в сани, по деревне возил, за молодухами бегал, в сугробе валял. Дома с утра не был, скотину не накормил.

Да, хороши деревенские девки, хороши, так и зазывают глазами. Но кто же nevoлил Ивана жениться? Тятя предупреждал:

- Погоди, Иван, слишком уж она худа. Может, хвороба в ней какая есть, да и кости она не крестьянской. Потерпи до осени, поправится - женишься, нет - другую возьмем. Она ж на тебя не вешается...

Хозяйство Дарья вела исправно. Еще девочкой жила она в тятином доме - пригрели сироту приبلудную. Мать Ивана, умирая, наказывала не обижать ее:

- Почитайте - как кровь свою родную. Тебе она ребят, Иван, поможет поднять и в хозяйстве подспорье. Она добрая,

умная, глаза и руки у нее мягкие.

Тятя второй раз не женился.

Иван вспомнил год, когда нашел ее, полузамерзшую, около церкви на второй день после Рождества Христова.

Взволнованное лицо отца:

- Беги в церковь, к попу, матушка отходит.

Сорвался Иван с места и в одной сатиновой рубашке, без труха, кинулся к храму.

Поп жил одиноко. Откуда пришел в деревню - никто не знал. Неразговорчив, но людям помогал, все время читал толстую книгу, постоянно что-то бормотал под нос.

- А, это ты, Иван? Что, матушка разрешиться не может? Иду-иду, только потеплей оденусь.

На улице метель.

У поповской околицы залаяли собаки - сбежались стаей к большому черному кому, припорошенному снегом. Тронули - ком зашевелился. Человек!

Растолкали. Поставили на ноги.

Сквозь рваную черную шаль проглядывало детское личико. Мальчик? Девочка? Разглядывать не было времени. Дул сильный ветер. Иван поднял ребенка на руки, принес в тяткину избу, посадил на лавку, снял шаль, платок, старую шапку, из-под которой упали на тонкие плечи две тяжелые косы.

- Смотри-ка - девка, кажись!

Прибежали младшие братья со снегом, стащили с бедолаги опорки, потеряли руки, лицо, ноги, напоили ее разведенной самогонкой. Лицо зарумянилось, но девка еще долго не могла прийти в себя.

В переднем углу, за занавеской, громко кричала роженица.

- Господи, помоги, - переживал за мать Иван. - Разрешилась бы скорее! И эту несчастную в чувство бы привести. Не дай Бог - умрет, так греха не оберешься. Ладно, хоть поп - свидетель.

Отец смазал руки и ноги девочки гусиным жиром. Она открыла глаза и тихо-тихо, едва слышно, почти одними губами, произнесла: «Спасибо» - повалилась на лавку и уснула.

Спящую девку перенесли на печь. Разморится - и никакая хворь не возьмет.

Мать хрипела и стонала. Поп читал молитвы, но это мало помогало. Побежали за повитухой Анисьей. Та не заставила себя долго ждать. Дверь хлопнула, вздрогнуло пламя на догорающих лучинах – на пороге появилась маленькая сухонькая бабуля. Сразу засуетилась, захлопотала около роженицы, покрикивала на мужиков, заставила принести теплой воды и тряпиц чистых.

К утру закричал ребенок, да так громко, будто жаловался, что долго не выпускали на свет божий.

Мать молчала.

Наступила гнетущая тишина. Анисья, выкупав и запеленав ребенка, сунула его к матери, тот поймал грудь, зачмокал губами. Но через минуту закричал еще громче - молока не было.

Своя корова еще не отелилась – побежали к соседям. Обессиленная женщина лежала с закрытыми глазами, по щекам катились крупными каплями слезы. Вся семья собралась вокруг постели умирающей.

- Отмучилась я, Господь призывает. Девку берегите, она вам вместо меня будет, благословляю вас.

Глубоко вздохнула и тихо ушла, улыбнувшись.

Такого конца никто не ожидал. Отец упал на колени и запричитал, обнял трясущимися руками голову жены, заголосили парни.

Во дворе заскулили, завыли псы, - дурная примета. Вспошлись сельчане: беда в Степановой избе! Потянулись ко двору старухи. Шли тихо, оглядываясь по сторонам, поправляя черные платки, цыкая на собак. Первой поспела соседка – бабушка Захаровна, без нее ни одни похороны не проходят. Она отвела Степана от жены, выпроводила всех из горницы, позвала товарок, открыла сундук с похоронными принадлежностями: тонкого льна юбка и шугай, рубаха, сшитые вручную - стежки ровные, мелкие, узелки аккуратные.

«Умница, всю жизнь трудом жила и свет белый покидает в одежке с рук своих», - подумала Захаровна.

Через час мать уже лежала в гробу, на широкой лавке под образами. Казалось, что она не умерла, а просто заснула. Захаровна, поправляя черный полушалок на голове покойницы, тихо сказала:

- С личиком светлым оставила нас в праздник Христов! – и тут же трижды перекрестилась. - Прости, Господи, и помилуй, ежели мои слова не к месту пришлись...

* * *

Егорка покрыл ложку лаком. Красивая получилась, - с одной стороны рябиновая веточка, а внутри ягодки, да такие яркие, как живые, сами в рот просятся. Обрадуется отец такой работе, не залежится ложка на рогожке - сразу купят.

Пришел Иван с германской войны без ног. Он еще на переправе - а весть о нем уже к дому бежала. Дарьюшка как узнала - кинулась баньку топить. Младших послала по деревне, в гости всех звать - старшие воду носили, полные кадки, баню набело мыли, пока мать у печи стряпала.

Накидали в избу для свежести мяты – отец ее больно уж любит – накопили картошки в огороде, из погреба подняли огурцов, капустного квашенного листа, бреднем рыбы наловили, да на реке и почистили – славный пирог получится!

Улыбается Дарья, в руках так все и спорится:

- Надо же, больше года не писал, а тут сам явился. Одну ту пару, что Иван любит, - правда, старенькая она уже, во многих местах залатана...

День клонился к вечеру, как прискакал Митька, соседский парень из Порошиной, с вестью, что везет Ивана почтарь, скоро будут здесь.

Дарья удивилась:

- Разве Иван не через болота домой идет? Наполовину же ближе. Я, дура, на косогор собралась милого встречать, а он заважничал - на тройке решил прокатиться!

Не верилось, чтобы ее медведь да не пошел бы по любимой тропе. Никто не знал, кроме него и Егорки, этого хода через болота. Перед войной открыл он свою тайну сыну, наказав никому больше не показывать дорогу через топь. Кто

знает, что дальше будет за жизнь – может, пригодится тропка сыну в трудную минуту.

Опомнившись, Дарья спросила Митьку:

- Почто Иван с почтарем едет?

- Так как же, тетка Дарья, ему не ехать? Сказывают, у него обеих ног нет – чурбаки вместо них. С лица-то спал, а в крыльцах широк остался.

Последних слов Дарья не слышала. Содрогнулась от боли, чуть не потеряла сознание. Успели чьи-то руки подхватить ее. Громко застонала, одиннадцать пар ребячьих глаз с испугом смотрели на происходящее.

- Ничего, ребятушки, справимся с горем. Отцу вида не подавать, чтобы ни одним словом, ни взглядом жалость не выказывать. Пошли к реке. Скоро почта приедет.

В это время застучали колеса по горбылю моста и запели колокольцы. Дарья кинулась из избы, на ходу срывая платок. Венок из кос рассыпался по груди, - бежала, не чуя ног. Рядом - старшие, сзади - малыши. Заревел трехлетний Семен: его все обогнали, обиделся.

Иван был в серой шинели. Подлетели к нему, подхватили на руки с телеги, закружили:

- Тятка! Тятка, родненький!

Сбежалась вся деревня.

Дарья заплакала, ноги словно приросли к земле, голос пропал, только губы что-то шептали.

Дед Степан опомнился первым:

- Угомонитесь вы, цыц! Бабы, не реветь! Ну, вы, пострелы, порядку совсем не знаете!

Все замолчали. Опустили Ивана на землю. Был он когда-то на голову всех выше, а стал маленьким, беспомощным, растерянным.

Старик встал перед сыном на колени, поклонился ему до земли, поцеловал трижды:

- Спасибо, что живым домой возвратился, отца пожалел и жену с детьми тоже.

Дарья очнулась - подошла к мужу, счастливая и радостная. Казалось, заиграй тальянка – и пустится в пляс. Но нет -

склонила голову до земли, обняла калеку, заголосила:

- Ты прости, соколик мой, за бессонные ноченьки, за тоску черную, изболело нутро мое, исстрадалось. Не думала, не гадала, что свидимся, что обниму тебя крепко, поцелую глаза твои ясные.

Песня-причитание так складно лилась из ее уст, что бабы заголосили в такт. Они оплакивали убитых, без вести пропавших. Старики и малые хлюпали носами.

В многоголосом стоне-хоре горе каждого сливалось в одно большое, от которого можно освободиться только сообща.

Иван, сняв с груди руки Дарьи, громко крикнул:

- Здорово, сельчане. Я думал, меня брагой да пирогами встречать будут, а они слезами! Айда к нам! А ну, ребята, тащи тятку в избу!

Вся деревня повалила на двор. Бабы тянули к Ивану руки - каждой казалось, что здороваётся со своим. Иная, отходя, прижимала теплую от пожатия ладонь к груди и, потихоньку улыбаясь, всхлипывала.

Посадили Ивана в передний угол на лавку, с правой стороны - дед, с левой – мать, а сыновья занимали места по старшинству. Минуты три молчали. С любовью смотрели дети на отца, а он на них - на отросточки могучего корня.

- Ну что, мать, - потянулся Иван к Дарье и обнял ее. - Хороши выросли ребята, дюжие снопы ржаные! Степан с Егоркой – уже суслонье, все в деда, отцу до них далеко будет, как в силу войдут.

Дед закричал, заулыбался, щелкнул сына в лоб по старой привычке:

- Хитер, бестия! Знаешь, как старика уважить! А ребята и впрямь молодцы – лишь бы война проклятушая их не сглотнула. Ты один у меня в сыновьях остался, остальных японская слопала. Будь они трижды прокляты, эти войны и те, кому они нужны! - старик перекрестился и ударил кулаком по столешнице, даже солонка подпрыгнула.

Дед разволновался. Немного помолчав, продолжил:

- Сперва, ребята, ведите отца в баню, веничком березовым попарьте, в речке искупайте, а потом - за стол, бражничать.

Ну, чего, Дарьюшка, к мужу-то прилипла? Чай, сейчас уж никто не отберет... Оно, почитай, в наше время, одни калеки и счастливы, от земли родной - не оторвут. Оно, конечно, земле-то от нас теперь пользы мало - за сохой Иван не пойдут, но дел в хозяйстве всегда хватает!

- Ты уж, дед, сразу и про работу заговорил. Пушай отдыхает! - пробасил старший внук.

- Цыц, молчи, не перебивай старших! Мужик он и есть мужик, какой бы ни был. Не гоже прохлаждаться. Чем кормить лишний рот, если, не ровен час, брюхо у бабы вырастет? - он выскочил из-за стола, прошелся «колесом» по избе, изображая беременную.

Все заготовали.

- Ну, че расселись? Давай за дело, - скомандовал дед.

Дарья достала из сундука для мужа чистое белье, посмотрела на подштанники и тут же большими ножницами отмахнула наполовину штанины. Взяла иголку с ниткой – надо подшивать.

Притащили еще один стол из старой избы, в которой жил дед. Сдвинули оба стола на середину, поближе к окнам, накрыли самоткаными скатертями, пододвинули скамейки. Мелюзга принесла деревянные ложки, ковриги хлеба, капусту, соленые грибы, дымящуюся картошку в мундире, моченую бруснику.

Зашла соседка, Иваниха, с туеском браги и куском сала. Народу прибывало, каждый нес, что мог, - скоро стол ломился от разных яств крестьянских.

Бабы суетились, отпускали острые прибаутки, хозяйка в ярком полушалке, в высоких ботинках с ушками - когда успела присупониться? - разливала в глиняные чашки мясные шти, выставила два горшка с солянкой.

- Даруша, рожать-то, чай, будешь, али нет?

- Что Бог даст, то и получится,- отвечала Дарья.

- Вот уж скажет - Бог!

- Что Иван в котомку положит, то и будет!

Бабы захохотали, Дарья покраснела.

Мужики чинно расселись на бревнах у бани, завели разговор о войне, о бедности, жалели Ивана. Да, какой орел

был, гармонист, плясун, работник - во всей округе не найдешь - что пахать, что на лошади скакать. Бабы сохли по нему, а он у Дарьюшки своей роды не успевал принимать, да носы мальчикам утирать. А парни, один к одному, в отца пошли, все умеют и мать берегут. Егорка, тот и вовсе Богом меченый – видали, какую утварь деревянную делает, мастер, и для младших нянька. Малыши около него, как около рожка с молоком и мякишем, так и крутятся, тоже норовят что-то строгать и красить. Каждую неделю в город бегают, торгует на рынке. Ребята с санками да лыжами, а он с ложками да солонками, а еще игрушки мастерит, свистульки. Матери к Пасхе полушалок купил и ботинки, сахару головку и пряников. Вот тебе и малец, не умрет с голоду Иван с такими сыновьями!

- Слышь, мужики, - сказал кривой Васятка, - в городе-то листовки объявились против царя, да такие складные и вся правда в них о жизни народной.

- Ты же неграмотный, откуда знаешь?

- Хороший человек мне читал!

- Так то не только в городе! Вон, старуха Ваниха целую пачку на ступеньках церкви нашла, мы у нее за два гроша на цыгарки купили, махру заворачивать. Глядим, - а там кукиш нарисован!

Мужики загалдели:

- Расскажи, чего там прописано-то!

- Сказано там, что вся земля - наша и богатства на ней - тоже наши, рабоче-крестьянские, мы своими руками все создаем, а мироеды себе присваивают – долой, мол, царя и власть имущих - кукиш им!

- Так и прописано: «кукиш им»?!

- Аха!

Мужики заготовали. Кое-кто сделал кукишку, и озорно, по-мальчишески, покрутил.

Дверь из предбанника запахнулась: Егорка со Степаном, оба голые, распаренные, вынесли отца на руках, побежали к большой кадке с водой холодной, окунули в нее Ивана – брызги разлетелись во все стороны большим фонтаном.

Иван пробасил:

- Благодать-то какая!

Подхватив отца за талию, Степан прижал его к груди и, как дорогую ношу, опять понес в баню. Никто не проронил ни слова. И только когда закрылись двери, кто-то сказал:

- Не дай Бог калекой возвращаться домой, уж лучше сразу наповал. Хорошо, у него такие кряжи, а у меня одни девки, что с них возьмешь!

- Пожалуй, твоя Фекла не слабей Степана! Не девка, а конь без яиц и узды. Видел я, как повозка у гумна застряла по осени, лошадь сдвинуть ее с места не могла. Хозяйка, Васяткина баба, - в слезы, а Фекла подошла и говорит: «Ну-ка, хлестани скотинку разок», а сама за задки вцепилась. Лошадь дернула, Фекла поднатужилась – и вытащила телегу.

Вскоре в отбеленных холщевых рубашах и синих подштанниках вышли из бани, разгоряченные, красные, как кумачовые платки, Иван с сыновьями. Мужики повалили после них париться.

Любят у нас хорошо попариться. Хоть и топится русская баня по-черному, но лавки и полки всегда добела скоблятся. Поддашь из ковша воды или кваску на каменку - без треуха и рукавиц за веник не берись, ошпаришься. Хлестанешь себя раз-другой по крыльцам березовым веничком, крякнешь от удовольствия, и пошел наяривать веерком, да с оттяжечкою. Устанешь – скатишься вниз, выпьешь кваску, холодной водой из ушата обольешься - и опять на полки. Хороша русская банька, после нее словно заново на свет родился, сил втрое прибавляется, душа поет.

После баньки и выпить не грех. Правда - кто что пьет. Одни – чай за самоваром, вприкуску с сахаром, пряником, аль кренделем городским (кто побогаче). Шаньги картофельные иль наливные тоже употребляют - румяные, корочки хрустящие.

Кто постарше - пьет отвар брусничный или малиновый, морс клюквенный, квасок крепкий из погреба, холодненький, ядерный. А мужицкая братия бражки ковшичек в себя не прочь опрокинуть. Рассядутся в избе по лавкам, с рушниками на

шее, чтоб лицо от пота вытирать, а туюсок с брагой по кругу пускают, по старшинству. Приложится первый, хлебнет глоток, вытрет пену на губах рукавом чистой рубахи - другому передаст, а сам блаженно улыбается, вроде прислушивается, самогоночка горячая по жилам потекла. Так все из одной посуды и напьются. Потом по второму, по третьему разу. Осоловеют – и сразу в шулки-прибаутки, в смех!

Зовут гармониста. Пройдется он по планочке сверху вниз, снизу вверх, остановится на одной, другой, третьей кнопке, басанет разок, и так ахнет плясовую с частушками, что не устоишь - ноженьки сами дробь выстукивают, коленца выбрасывают, кто с притопом, кто с присвистом, кто с наскоком – закружилась, завертелась карусель. Да, русский народ до тройного пота работать умеет, до тройного и плясать.

В избе Ивана все было готово к приему гостей. Лавки вдоль стен новыми домоткаными половиками устланы, столы приготовлены, - чего только на них нет!

Бабы разбежались скотину управлять, детвору кормить, чтобы опосля голова ни о чем не болела и веселью можно было бы отдаться полностью. Редко, ох как редко такие деньки выпадают! В лихую годину больше слез и нужды, чем радости и достатка. Только тем и выживают, что друг за друга держатся.

Но вот все разом собрались. Расселись разнаряженные в пестрое - кумачовое, цветастое, голубое, синее, белое, оранжевое – гости. Помолчали, опустив натруженные руки на колени - стол, что божий престол, локтями на него не упираются. Встал глава семьи Степан сын Дмитриев, погладил седую бороду, провел указательным пальцем по усам, перекрестился, поклонился, и молвил:

- Спасибо, сельчане, за честь, за уважение к моему дому, к сыну, за хлеб-соль, до гроба не забуду, - в глазах старика блеснули слезы. - Думал, чем угощать людей стану, а тут какое застолье уготовилось - на весь мир хватит.

Он поднял стакан:

- Со свиданьем, чадо мое, - и повернулся к сыну. – Порадовал на старости лет! Голова, руки есть - не пропадем. Да

и я еще, ядрена мать, хоть летом и в катанках, а еще по ма-тушке земле шустро шастаю, и на девок поглядываю.

Все заулыбались.

- Выпьем за сына моего! - опрокинув стакан бражки, дед трижды расцеловался с Иваном, потрепал по спине сноху. - Смотри, чтобы к весне еще один пацан родился!

Сельчане загоготали, а Дарьюшка опустила глаза, покраснев.

До первых петухов гудела деревня: пила-ела, пела-плясала, смеялась и плакала - все отдала без остатка, что накопилось на душах. Разошлись гости по домам и уснули, чтобы через часок-другой впрячься в телегу и снова везти свой тяжелый жизненный воз, тянуть его, пока есть силы, изредка делая вот такие передышки.

Время безжалостно. Стучит себе часами. Днями, месяцами, годами. Сменяются события, кто-то за власть борется, к богатству стремится, охмуряет народ мудреными лозунгами, к смуте подталкивает. Но крестьянину не до того, у него забота – земля-матушка, свой двор и семья. Время он считает по святым праздникам, прилетам птиц, нехитрым погодным приметам.

Вот, скажем взял весной мужик горсть земли, сжал ее, а потом раскрыл ладонь. Если земля рассыпалась - пахать пора. Приложил ухо к стволу березы и услышал, как сок по ней движется – время сеять подоспело. Приметы из рода в род передавали, и они никогда не подводили.

* * *

Но никакие приметы, - погодные и иные, - никак не подсказывали, что наступают смутные времена.

По первости Иван не знал, чем заняться. Егорка предложил ложки и свистульки делать - отец запустил в него поленом.

Однажды Степан появился в избе с порванной сетью - попросил показать, как ее чинить. Иван закричал:

- Неси пряжу и иглу! Здоровый лоб, а с пустяковым делом справиться не можешь!

Степану только это и надо было. Он быстро принес все необходимое для залатывания, и, сославшись на мать, улизнул, чтобы дать возможность отцу остаться сам на сам.

Иван долго возился с леской, подготавливая ее к работе. Рвань такая, словно кто-то специально изощрялся, проделывая большие дыры.

- Нет, об корягу так не зацепишься, и шука по другому рвет! Надо Степку предупредить, чтобы пакостника выследил и по морде смазал.

Увлечшись, не заметил, как сгустились сумерки. Тишина. Народ притаился. Никто не мешал Ивану размышлять, душа успокоилась.

- Дарья, засвети лампу!

Ответа не последовало. Поднял голову, оглянулся.

- Довел всех так, что одного оставили! Ладно, больше ныть не буду, - стану сети вязать, на хлеб зарабатывать.

Мир не без добрых людей. Потянулись к Ивану мужики с заказами – самим, де, нет времени чинить и вязать.

У Дарьи родился еще один парень. Степан ушел в город учиться, окончил гимназию, работал на заводе мастером в инструментальном цехе, много читал. Не женился. Друзья посмеивались:

- Красавец, девки по тебе сохнут! Почему не шупаешь их, не тискаешь, для кого семя бережешь? Или не можешь?

- Могу, но не хочу, не люблю я баловаться - делом занят!

В деревню Степан навещался редко. Однажды поделился с отцом сомнениями - времена плохие, как бы Гражданской войны не было. Тот возразил:

- Простому люду друг друга из-за наживы не к чему убивать. Больше брюха не съешь - на тот свет ничего с собой не унесешь. Вот у меня скромный достаток, а чужого богатства на крови я не хочу.

- А если, отец, придут убивать тебя и детей твоих, заберут землю, тогда что?

- Драться!

Как-то перетащил Степан в деревню свои пожитки, чертежи. Объявил, что у него отпуск на две недели. В хозяйстве

руки - никогда не лишние. Ребята с утра до темна пилили, строга́ли, перекрыли навес над загоном для скота, забор подремонтировали. Уехали в лес с ночевой, три дня возили заготовки из березы, липы, сосны. Установили во дворе верстак, станок по дереву, Степан учил младших колеса делать для телег и втулки вытачивать. Перед отъездом Степана собрались братья в баню. Помылись. В предбаннике Степан заговорил первым:

- Гражданская война идет, скоро до нас докатится. Берегите мать, отца. Не ждите, когда незваные гости появятся – уходите в болота загодя. Егор дорогу знает.

И, засмеявшись, скомандовал:

- А теперь - париться! Жару много – родителям хватит, а дедом ты, Костик, займешься - уважь, венником пошибче похлещи! Все мы на старика нашего похожи – и статью, и лицом, и кудрями, и бороды тоже одинаковые будут!

Вечером мать готовилась к ужину, хлопотала у печки, как вдруг пронзительный крик Ивана заставил ее вздрогнуть:

- Рота, становись в строй! – и десять сыновей, от мала до велика, по росту выстроились.

Иван, - грудь в крестах, - прошелся перед строем на чурбаках, ловко упираясь о костыли:

- Налево, ать-два, смирно! - повернулся лицом к деду и шуточно отрапортовал:

- По вашему приказанию рота готова к исполнению задания!

- Служим Родине и земле! - хором ответили внуки.

- Вольно!

На гимнастерке старика тоже было два креста.

Сели за стол.

«Вы должны жить, хватит потерь!» - мысленно повторял дед, как заклятье. В войну он лишился пятерых сыновей, и только один остался жив, да и то без ног.

- Покарай, Господи, тех, кто развязывает войны! Сбереги моих внуков!

Младшие за обе щеки уплетали нехитрую крестьянскую пищу – высыпали из ведерного чугуна вареную в мундире

картошку, нарезали сала, луку, наломали хлеба, поставили чашки с соленьями - грибами и капустой. Запивали молоком из деревянных стаканов.

Когда в доме уже укладывались спать, Степан подозвал Егорку:

- Слушай, брат, сходи к Митиным, вызови Феклу. Скажи - буду ждать ее у нашей бани, хочу проститься с ней.

Егор исчез, через пять минут вернулся, переглянулся со Степаном, мотнул головой: поручение выполнил!

* * *

Фекла посадила отца с матерью рядышком и объявила:

- Матушка, батюшка, благословите меня, я сейчас уйду в баню к Степану, а зачем - не спрашивайте и не отговаривайте! Я люблю его с малства и все ждала, когда он позовет. Будете перечить - совсем уйду из дому, вы меня знаете!

Мать заплакала.

Митяй взял икону:

- Становись, дитятко, на колени. Иди сюды, мать, благословим ее. Как дело дальше обернется - богу одному известно. Первая ночь – сладкая, на всю жизнь запомнится! – и поцеловал дочь в лоб.

Жена запричитала:

- Как же людям в глаза смотреть будем?

Митяй рассердился:

- Молчи, старая, не такой он парень, чтобы бросить Феклу, не грехи на него, а молись богу. Сродниться с семейством его – честь великая. Иди, дочь, в баню, а нам спать пора!

Он обнял жену, чмокнул в шею:

- Забыла, как сама собиралась из дому родительского ко мне убежать? Радуйся за дочь – не видишь разве, какая она счастливая! А голыми руками ее никто не возьмет, пока сама не захочет. За себя постоять умеет! Смирись!

Фекла осторожно, крадучись, пробиралась к огороду за Ивановой избой. Постояла немного, подумала, перелезла через плетень, и решительным шагом направилась к бане.

Степан ждал ее в предбаннике, нервничал, кровь стучала в висках. Ему казалось, что теряет рассудок: «Почему мы делаем это воровски, не как у людей? Надо бы уйти отсюда, но ноги не слушаются. Ах, какой же я подлец, негодяй последний!».

Дверь отворилась - на пороге стояла Фекла в белом: с кружевными рюшками платье, лицо выражало готовность и радость.

Степан растерялся, засуетился. Опомнившись, предложил ей сесть на лавку.

- Феклуша, не подумай обо мне плохо - ничего худого тебе не сделаю. Позвал, чтобы попрощаться - уйду на войну и хочу, чтобы ты знала - я люблю тебя. Утром уезжаю, никто об этом не знает ничего, кроме Егора.

Фекла прикрыла ему ладонью рот:

- Молчи! Родители мне дали благословление - не отпущу отсюда до утра, ты мой и только мой. Я так долго тебя ждала не для того, чтобы потерять!

Она закрыла дверь на крючок, обняла Степана, поцеловала, прижимая к себе все крепче и крепче.

Что было дальше - никто не видел. Крик первого петуха привел их в чувство.

- Феклуша, пошли к нам домой!

- Нет, родной, пока не надо, пусть все останется между нами. Я так счастлива - мне петь хочется, сердце рвется наружу!

Она положила голову на плечо Степана, взъерошила завитки его золотистых волос.

- Знаешь, я всегда хотела зарыться, спрятаться в этих кудрях, упиваться запахом твоего пота! Нутром чувствовала, что ты меня тоже любишь.

Первый луч солнца пробился сквозь маленькое окошко.

- Пора, родной, я вернусь домой огородами. Береги себя и знай - Фекла будет ждать тебя всю жизнь.

Они еще раз обнялись, Степан тихонько выскользнул из бани, пробежал вдоль кустов до тропы. Вот и старая изба деда!

Скрипнула калитка, звякнул подойник. Это мать уже доит корову.

Мама... Степан ощутил внезапный прилив нежности. «Мама, как же я тебя люблю! Спасибо за науку, за воспитание. За твоими благородными манерами, пониманием немецкого, французского и английского, умением перевоплощаться в простую крестьянку кроется какая-то тайна. Ты никогда не говорила о прошлом – сокрушалась, что память отшибло, когда замерзала на ступеньках храма. Но дед всегда был уверен, что ты не крестьянских кровей».

- Мамуля, с добрым утром! Дай, я тебя поцелую! – Степан взял у матери подойник, обнял ее.

- Молоко, молоко прольешь, сынок!

- Ты у нас мать-героиня, а с виду, как семнадцатилетняя девчушка, одни косы чего стоят, а глаза - зеленые-зеленые, как весной на молодой березе листочки!

- Прощаешься со мной, уходишь навсегда?

- Как жаль, мама, что у нас с тобой никогда не было времени побыть вдвоем. Куда-то все спешим, некогда поговорить по душам с близкими...

Удобно пристроившись на крыльце, они молчали. Вернее - разговаривали молча. Слова не нужны, не сказать ими того, что могут выразить глаза и нежность улыбки.

Утреннюю тишину пронзил срывающийся дискант пасуха:

- Дарья, корову с телятами выгоняй!

- Сейчас, сейчас, одну минуту! - она бросилась к хлеву.

Степан поставил подойник рядом, не хотелось уходить, ему было не по себе, предчувствие неотвратимой беды не давало покоя.

Мать проводила скотину.

- Не таись, исповедуйся! Только мать может понять сына, пожалеть и простить... говори...

- Мама, я – вор, украл сегодня Феклушу, был с нею, она сама хотела. Сказала, что благословление получила от родителей. Не хорошо как-то получилось, не по-христиански.

- Чудак! Ты не украл - тебя одарили, тебя любят, верят тебе. Веру людскую заслужить - большое счастье. Не мучайся. Поезжай с богом, я буду молиться. Наконец-то ты стал мужчиной, теперь я спокойна.

Вошли в дом. Дарья процедила в кринки молоко. Домашние сделали вид, что заняты, изредка поглядывали на Степана - ждали, когда он заговорит первым. На пороге появился дед, в руках - заплечный мешок.

- В молчанку играете? А ну-ка, сноха, собирай на стол, парню пора ехать, засветло надо в город попасть. Нынче всякой шпаны по лесам развелось, не ровен час - еще привяжутся и лошадь отберут. Я тут тебе, внучок, мешок походный приготовил. Все уже догадались, куда ты собрался. Айда, посмотри: портянки, носки теплые, душегрейка, шапка-ушанка, варежки однопалые, огниво и спички, самогонка-первач, сухари, сало, соль, лук, шило, дратва, игла цыганская, ремень и коты, - новые, легкие, не промокают, - котелок, ложка, сахару кусмень, а это тебе мой кортик, вещь хорошая, мне его мичман подарил на память, когда мы из окружения выходили. Крейсер потопили, и мы вплавь до суши добирались. Хороший был человек - на берегу его ранили, пришлось на себе тащить: посадил его на загордышки, как ребенка, ремнем привязал. Нетяжелый был, ростом невелик. В лесу на охотничью землянку набрели. Хитро была сделана: угор небольшой, в нем вырыта сбоку яма в рост человека. Обложили мы ее сушняком изнутри и по потолку - прожили там целое лето, я его травами лечил. Помню, накалил я кончик кортика на костре, выковырнул застрявшую в его ноге пулю, а рану спиртом промыл. Бери, Степушка, кортик - пусть пригодится тебе не в ранах ковыряться, а хлеб да сало резать!

Дед неожиданно подпрыгнул, ударил правой рукой по подошве сапога, словно собираясь идти по кругу в присядку:

- Тяжела моя наберуха, не оторвать от половиц, прилипла к ним. Погода сегодня хорошая, косточки не ломит. Ох-ма, мне б рюмашечку винца, али б ковшичек пивца -

угостите молодца! - и захохотал, задрал голову вверх, в глазах сверкнули слезы. - Пора провожать Степушку. Храни, тебя Господь, внучек!

* * *

Еще с вечера были слышны выстрелы - правда, редкие, к ночи совсем умолкли. Мужик, приплывший на лодке с того берега, рассказывал, что за их селом в нескольких верстах вторые сутки идет бой. Силы неравные. Красных мало. Насмерть стоят - отступать, говорят, некуда: зажаты между рекой и деревней - попробуй-ка из такой ловушки выкарабкаться! Командир у красных совсем молодой, округу знает, - здешний, видно, а чей - никто о том не ведает. Большой, кряжистый, волос кудрявый, только седой, шрам на лице.

Игнат, самый богатый в Пегушатах крестьянин, больше всех беспокоился:

- Надо отправлять детей с девками в лес на лошадях, с коровами и скотом, теплее ребят одевайте, харчей пусть возьмут, зерна по мешку. А старухам и вдовушкам здесь придется горе мыкать - в тайге не выдюжат. Да и кормить, обхаживать кто-то же должен белую свору. Баньку истопить, чарку поднести... Уважительное обхождение показать нужно, чтобы дома не спалили и детушек не сгубили.

Бабы молодые раскричались:

- Ишь, старый хрен, чего захотел! За богатство свое испугался, разориться боится!

Манефа, красивая молодуха, вдова с двумя пацанами, выпятила грудь вперед и пронзительно взвизгнула:

- А все-таки верно он говорит, старая кочерыжка, - остаемся, подружки мои милые, погуляем! Белый - он ведь тоже с яйцами, я уж и забыла, как мужик-то пахнет!

- Ишь, чего захотела! Вон, понюхай, чем дед пахнет, и успокойся!

- Нет, бабоньки, с такого запаха не опьянеешь, голова кругом не пойдет и сердце не замрет! Уж ежели гулять, так гулять - выберу мужичка такого, чтоб косточки у меня

захрустели! – Манефа потянулась и щелкнула пальцами, потом схватила за голову и быстро закружилась.

- Тьфу, бесстыжая! - сплюнул в сторону Игнат.

- Ну вот, то уговаривают сами, то лаются - пойми их! Фекла, я своих с тобой отправлю, - ежели чего, ты уж будь им за мать!

Женщины заторопились по избам. По прибрежной улице растянулась длинная вереница возов. Игнат принес туюсок с мазью для телег. Трогая лошадь с места, прислушивался - не скрипят ли колеса. Малых ребят, сонных, укладывали в корзины, - там уже лежало все необходимое: топоры, пилы, одежда, съестное, разная утварь. Кто знает, сколько придется жить в тайге. Собираешься, говорят, на день - запас бери на год.

Вскоре деревня опустела. Остались только старики, старухи и вдовушки. А как рассвело – снова за рекой бой разгорелся.

С колокольни Егорка с Ваняткой видели, как окружали белые оставшихся бойцов. Красные, как подкошенные, падали на землю, тела судорожно извивались в лужах крови.

- Какие же они живучие и упорные! Не хотят сдаваться! Им бы, беденьким, не драться сейчас, а в камышах схорониться, а утром через кусты деру дать. Господи, спаси и помилуй грешных! Ежели до темноты продержатся – надо бы сплавить за ними, и к погребам нашим привести.

- Да ты что! Белые поймают и побьют!

- Не заметят - спрячем надежно! Жалко несчастных - по реке вплавь удирать-то силы нужны, за ночь далеко не уплывешь.

Когда все уезжали, Ванятка с Егоркой в церковь перебрались, в жилье поповское. Рассудили так: Ванятку не тронут - сын богатея, а Егорке не следует безногого отца одного оставлять. Кто-то же должен покормить его, воды принести.

Бабы в деревне днем топили бани, пироги пекли, самогонку и брагу по стеклянным графинчикам разливали, поросят жарили. Готовились к встрече белых.

Вскоре по мосту застучали копыта лошадей, загрохотали брички и тачанки. Лихие конники обменивались первыми впечатлениями:

- Гляди-ка, бани топятся!

- С почестями будут встречать!

- Давненько я не парился!

- Пожрать бы чего по-людски!

- А мне б с девкой какой с глазу на глаз перекинуться!

Грязные, избитые, раненные, в крови, пленные шли, опираясь друг на друга. Связанного комиссара везли на телеге, он был без сознания. Возница, бородатый мужик в казацкой папахе набекрень, скаля желтые от махорки зубы, ткнул в его лицо горячей закруткой.

- Ага, не нравится, гадина! Я ишо тебя поджарю, красную холеру, ты у меня повизжишь, как порося недорезанное!

- Да будя тебе, - одернули рассвирепевшего приятеля товарищи по оружию. - Гляди за лошадью, не ровен час - в реку свалишься! Успеешь его на тот свет отправить. Давайте лучше посмолим маленько, чего на него махру изводить!

* * *

Дед Семен с хлебом-солью на рушнике встречал гостей. Оделся по-военному, на ногах сапоги - от них пахло дегтем.

На рыжей лошади подъехал офицер - старик скомандовал и все домочадцы поклонились в пояс. Выпятив грудь вперед, чтобы видны были кресты, хозяин пригласил господ в избу. Семена рядом с конем, он без умолку трещал.

- Давно вас поджидаем - банька истоплена, стол накрыт. Милости просим!

Белые вошли в дом.

- Ваше благородие, а энтих-то куда? - закричал возница, указывая на комиссара и других недобитых красных.

- Куды?! Крысам на пиршество!

Отворились ворота, телега въехала под навес, открыли тяжелую дверь амбара. Мужик с бородой осмотрел стены, пол, потолок, маленькое оконце. Одобрительно крякнул.

- Отседа, братцы, живым не уйдешь, этакие бревна за век не прогрызешь!

Казаки, тихо перешептываясь, впихнули в амбар раненых:

- До утра половина подохнет, передают в тесноте друг друга, руки-то у всех связанные!

- А леший с ними, меньше греха на душу возьмем, а то убивать надоело, вернусь домой – как в глаза матери смотреть буду? Не скажу же я ей, что простых деревенских мужиков в расход пускал!

- На то и война! Успокойся! Чем ныть – пошли лучше к бабам. Я тут одну грудастую заприметил – зыркала на меня, подмигивала!

- Мне всякую не надо - баловаться не привык! Такая нужна - чтоб на целую жизнь! Я ж не мерин всех обхаживать!

Закрыв и подергав замок для верности, караульные направились к Манефиной избе.

Солдаты разбрелись по селу. Сбрасывали вшивую одежду. В банях уже повизгивали бабы.

Надравшись самогонки, развалилось по лавкам офицеры. Дед Семен сновал между гостями, подливая в стаканы, покрикивая на домашних, попрекая их за нерасторопность. Потом, улучив минутку, скрылся...

* * *

Егорка с Ваняткой наблюдали из укрытия за происходящим. Готовились к похищению пленных. Надо вывести несчастных к болотам. Но как?

Дома Егор наскоро покормил скотину, торопливо проглотил картошку в мундире в прикуску с соленым огурцом и луком.

Отец молчал, сидел у окна, прикидывая что-то, хмурился, ругался вполголоса. Когда увидел связанного комиссара на повозке - сердце дрогнуло. Он узнал сына - своего первенца Степана. Не по обличью, - скорее нутром, - понял, кого везут. Словно молотом застучало по голове: как, как помочь?

Егор поделился последними новостями. Начальник конной роты дал понять деду Семену, что знает о «пегушатинских» корешках комиссара:

- Его все равно повесят, но вот с родни я выкуп сдеру – пусть платят, если хотят в живых остаться.

Дед Семен того начальника самогонкой напоил, дал две пригоршни серебра, чтобы молчал.

Узнав о сделке с беляком, отец побагровел, хрустнул зубами, сжал до боли кулаки.

- Ну, сынок, теперь твой черед защищать наш корень. У меня есть план – зови дружка своего, надо вызволять брата из беды!

Егор по глубокой канаве у плетня дополз до условленного места, хрюкнул три раза. Ванятка откликнулся – и вот они уже лежат вместе на дне компостной ямы. После короткой передышки вернулись к отцу.

- Вот что, ребята, я надумал. Потолок в амбаре гвоздями не закреплен, его можно раздвинуть. Кто покрепче - до края навеса доползет, и на задах дома спрыгнет, а кто плох - тому каюк. Но лучше серп им в оконце передать, чтобы веревки на руках разрезать. Когда выберутся - огородом пусть уходят, а ты, Егорка, на болота их проводишь.

- Они же не жрамши и обороняться им нечем!

- Спустись к деду Семену в хлев – притворились, что чистишь у скотины, возьми вилы и топоры – вот тебе и оружие!

Нельзя было терять ни минуты.

Егорка слез через дыру в стойло, а Ванятка с серпом прокрался к оконцу амбара, накрыл стекло холстиной, надавил, - оно тихо хрустнуло и рассыпалось на куски. Поток зловония ударил в нос - мальчик прикрылся рукавом рубахи.

- Эй, руки-то кто-нибудь подставьте, чтобы я мог серпом веревки разрезать! Потом толкните на меня нижние вставыши под окном – выставляйте рамы, быстро выскакивайте, и на брюхе пробирайтесь к забору, там уже лежат вилы и топоры.

Блеклая, защитного цвета, «змейка», бесшумно и незаметно, - спасибо месяцу, он спрятался за тучу! - поползла в

глухую ночь по борозде между двумя грядами картошки...

* * *

Как усыпить бдительность белых? Не ровен час – заметят, что амбар пуст. «Отвлечь бы их внимание!», - подумал Егорка.

Он выклянул у деда самогонки, соленых огурцов и хлеба и побежал к караульным, уже вернувшимся от Манефы. Парень, чуть не плача, уговаривал их покормиться – завтра, мол, опять в бой, надо сил набираться!

Манефины дружки, опрокинув в себя жбан первака, закусили.

- Слышь, паря, а нельзя ли еще самогоночки? Да сальца бы шмат с хлебушком!

Егорка сорвался с места бегом – и к деду:

- Тятя, самогонки надо еще, хлеба и сала.

- Последнее отдам, робят надо спасти. Бутыль - в закромах, сало там же висит, хлеб на гобчике. Бери и дуй! На обратном пути погляди, кто на обозе остался, где оружие и пулеметы.

И вот Егор снова у ворот Семеновой избы. Караульные, растянувшись на траве, крепко спали. Бессонные ночи, бои и дороги, Манефины ласки сморили горе-воjak.

Только у обоза бодрствовал бородатый возница.

- Стой, кто идет?

Егор остановился:

- Ваше благородие, господа послали вам покушать!

- Начальство меня любит. Это я взял комиссара в плен, - жаль, не дали сразу кокнуть, для допросу нужен. Хочешь выпить?

- Нет, дед если узнает – накажет!

Оскалив редкие желтые зубы, мужик пил прямо из горлышка, придерживая донышко волосатой рукой. В утробе что-то громко булькнуло. Егор представил лютость этого громаилы в бою. Таких надо убивать исподтишка!

Солдат ополовинил бутыль, протяжно замычал, сглатывая кусок теплого сала, упал, как подкошенный, и мгновенно уснул.

«Завалила его самогоночка, не зря я в нее отравы крысиной подмешал!», - подумал парнишка, проверил все телеги и отметил те, где лежало оружие.

Спасенные Егором бойцы с разрешения настоятеля перебрались в церковный подвал. Поп в селе был, конечно же, не красный, не разделял их взгляды, но из сострадания согласился помочь раненым и на беглых не донес.

Где перваком, а где и прижигом, сердобольный иерей останавливал кровотечения.

- Милый мой Батюшка, родненький, - взмолился рыжий доходяга с посиневшим коленом. - Вынь мне пулю из ноги! Накали нож, нитку с иголкой в перваке вымочи, и зашей рану, я все вытерплю, даже не охну!

Поп согласился: содрал повязку, дрожащими руками вонзил ножик в мякоть. «С богом!» - прошептал он, и нащупал пулю. Солдат молчал, поп тоже, - пот градом катился по его лицу, спина затекла, ноги одеревенели, но руки слушались.

- Зашил, зашил! – обрадовался комиссар.

Священник помолился, но сделать крестное знамение уже не было сил.

Из лесу вернулась Дарья – тайком попроведывать мужа инвалида, который тут же отправил ее в церковь пособить делу врачевания. Стоны раненых растревожили дремавшие в ней образы детства. Далеко в восточной Сибири, на нарах, в страшных муках, умерла ее мать, отец, участник покушения на важную персону, скончался на каторге годом раньше. Одиннадцатилетнюю сироту после смерти родителей, ссыльных «бомбистов» - так их здесь называли - выростили за ворота погибать от холода.

Навеки канули в прошлое Женевское озеро, французская и немецкая речь матери...

Несколько дней бродила Дарья по селам. Наконец, совсем обессиленная, упала у какой-то собачьей конуры.

Большой лохматый пес облизал ее и лег рядом – теплый и мягкий. Хозяин собаки услышал робкий скулеж, вышел на крыльцо, обнаружил девочку, унес к себе домой, накормил. И все бы хорошо, кабы следующей весной не умер от

тифа Дарьин благодетель. Пришлось ей странствовать, жить подаяннем, претерпела она многие лишения, пока не оказалась у церковной околицы в Пегушатах...

* * *

Солдат хотел жить, злоба в нем так и кипела. За себя, за командира, за ребят. Жить хотелось врагам назло. Русский мужик – рубаха. Попроси - все отдаст, накормит, напоит и последнее снимет, если по-доброму пришел. За то его дураком да пьяницей называют.

Одним словом: не делай, Иван, добра - не получишь зла, и не уповай на «ладно». Однако же те, кто пользуется его добротой, забывают, а, может, и не знают вовсе: «Не буди медведя в берлоге зимой, греха не оберешься».

Истинная правда: медведь-шатун - страшный зверь. Вот так и мужик русский. Не трогай! Пьян, да умен: три угодыя в нем - за родную землю постоит и честь не опозорит, не осрамит.

Деревня спала: одни умаялись, ублажая незваных гостей, другие, считавшие себя победителями, находились в полном забытии, одурманенные винными парами.

Бодрствовал лишь Семен и его бабоньки - выносили из избы, все, что можно, и прятали в кустах за баней. Старались не шуметь, чтобы не разбудить караульных.

Дед отдал команду закрыть ставни на крючки, облить окна и двери керосином. Пьяные офицеры безмятежно дремали в хозяйских постелях.

- Уходите, бабы, быстро в зимовье!

Перечить старшему никто не смел и все огородами подались в поля, а оттуда в лес. Тайга для крестьянина - вторая мать: накормит, добру научит, ослушаешься - накажет.

На опушке остановились, устали бежать, оглянулись:

- Горит!

Доносились приглушенные крики, потом все стихло. Незваные гости задохнулись в дыму, улизнуть никто не смог. Красные, захватив обоз с оружием, расправились со стражей. Убивали выборочно, только отъявленных садистов,

подневольных отпускали домой. Многие записывались под начало комиссаров, кое-кто осел в Пегушатах – нашли они, где голову приклонить, к какому углу прибиться.

Степана перенесли в отцовский дом. Он лежал на скамейке с ожогами на лице, осколочными порезами. Ночью бабка Анисья привела доктора, юного офицера, из бывших белых.

- Жить будет, скоро встанет на ноги! – сказал врач, осмотрев ранения. Он вместе со всеми сидел за столом, но вместо самогона пил воду.

- Я, дед, врач потомственный, из дворян, среди белых поневоле был. Взяли из института, нацепили погоны, бежать мне некуда. Не все белые – изверги. Есть и такие, что за идею бьются, свое понимание чести и воинской доблести отстаивают. Видел я, как в рукопашной драке белый командир защищал себя и тех, кто слабее. Завтра казнят. А мне жаль его. Хороший, сильный человек погибнет!

Дед внимательно слушал, кивал головой:

- Давайте, Ваше благородие, я Вас к моему сыну Ивану отправлю, бывшему солдату при двух крестах, да без обеих ног, он мужик уважаемый, толковый, выслушает и поможет. Звать-то Вас как?

- Ильей, по батюшке Петрович, и фамилия моя тоже Петров.

- Вот и ладно. Иди, Анисья проводит!

Дед сунул ему узелок с мотком марли, бутылкой спирта и йодом.

- Возьми, пригодится!

Анисья провела Илью через задворки к поленнице дров за домом Ивана, и велела ждать...

* * *

- Э, ты как сюды попала, ведь там охрана? – удивился Иван.

- Бог нас услышал! - отвечала Анисья. - Врача к тебе привела, чтобы раненым помочь.

- А откедова он взялся?

- Его силком в отряд беляки затащили, с дедом разговаривался, тот все узнал, парень из потомственных лекарей, самую высокую школу закончил.

- Веди ко мне!

Анисья позвала Илью.

- Здравия желаю, - сказал он, переступая через порог.

Иван, стуча колодками, подошел ближе.

- Я тебя не буду допрашивать, не стану приказывать. Прошу по человечески – вылечи моего сына Степана!

- Хорошо, только позволь мне сперва комиссара осмотреть. Ему нужна срочная помощь. Я видел его в бою - такие богатыри должны жить и продолжать свой род.

- Мил человек, это и есть мой Степушка, мой любимый суслончик!

- Тогда за дело: готовь горячую воду, вату, бинты, стол и две лампы.

Дед проводил Илью к церкви.

- Вот и наш лазарет - уюта нет, зато в безопасности!

Врач обошел раненых, определил очередность, у Степана пощупал пульс, смазал ожоги от папирос на лице и груди.

- Операцию надо делать немедленно, иначе начнется заражение. Пуля в легкое попала, навывлет, но ключицу не задела, только крови потерял много.

Он погрузился в свое лекарское дело, командовал помощниками, отдавал приказы. Наконец, заштопана последняя рана, все тело комиссара протерто спиртом и завернуто в чистую марлю. Илья устал, умаялся, упал на солому и уснул.

Дарья сидела около сына, держала его руку в своей и молилась. Степан лежал на спине, губы плотно сжаты, брови сдвинуты.

«Господи, он ведь мужик, какой грозный вид у него! Такой был ласковый, нежный, голоса не повысит, а тут берегись - не пощадит! Вот оно как в жизни бывает. В войне, в беде взрослеют мальчишки, становятся героями, воюют за счастье людское и свое. Живи, сынок! Господи, отдай ему

мои годы, я уже пожила - а он нет. Дети наши должны нас пережить и своих детей растить. У меня их много, я перед русской землей не в долгу. Хочу, чтобы каждая баба не меньше пятерых рожала. Не должна Русь оскудеть. Мои с семи лет сами себя кормили: рыбачили, собирали ягоды, грибы, шишки, занимались огородом, скотиной. Младшие одежду старших донашивали. Всегда сыты, одеты, в тепле. Конечно, уму-разуму учить их надо: грамоте, ремеслу, а корень всему - любовь к труду и земле».

Дарья задремала, мысль оборвалась, время шло к утру.

Кто-то качнул ее за плечо:

- Проснись! Слышь, изба Семена горит, в деревне переполох, стрельба, а твой Иван из избы не уходит, - говорит, что ему и там хорошо. А кто кого бьет - непонятно. Уведи его оттуда, а то убьют ненароком!

Предчувствие беды вновь сжало сердце, смутило душу...

* * *

Неожиданно взрыв гранаты переполошил всех. Дарья, как чумная, бросилась к выходу церкви, губы ее шептались:

- Это он. Убит, убит!

Около ее дома уже стояла толпа. На земле ничком лежал Иван, не шевелился. Недалеко - еще кто-то, но трудно опознать. Дарья упала на колени, захлебываясь слезами. Неистовый крик Ивана оказался предсмертным:

- Отомстили мне за сына Степку!

Последний вздох – сердце остановилось. Мужики сняли шапки, потупились.

- Отмаялся!

- Героем был, по-солдатски и смерть встретил. Царство небесное ему, упокой, Господи, душу Ивана-воина.

Перекрестились.

Дарья молчала. Обняла мужа. Ждала – вот встанет сейчас, приласкает, горячо поцелует. Но он не двигался.

«Нет! Нет, нет!» - плакала душа, но не было возврата тому, что минуло. Проклятье тем, кто развязал войну, чтоб ему быть чуркой и посмешищем навеки!

Подошла Анисья, тронула за плечо:
 - Полно, сватья, полно, надо его в избу нести!
 Дарья поднялась.
 - Держи меня, ноги не слушаются, голова кружится, под-
 соби до крыльца добраться!

За деревней еще стреляли. Отдаленным эхом прокатилось
 победное «Ура!».

В Ивановой избе готовились к похоронам. Долго обсу-
 ждали, какой гроб изготовить. Решили – длинный, по пре-
 жнему росту, что до войны, до потери ног, был, а пустоту
 древесной стружкой заполнить.

Дед Степан поцеловал сына в лоб и заплакал. Поднял
 голову, вытер слезы.

- Спасибо вам, сельчане. Успокоился мой младшенький.
 Как же надрывалось его сердце, когда он смотрел на свои
 культипки: не пойдешь за сохой в поле, с косой по траве, с
 бреднем по воде. Все радости война забрала и уже до внуков
 добралась. Своих на своих натравила. Белые, красные - ишь
 че выдумали. Лакомый, большой кусень Россия, и чужаки
 его отхватить хотят, да только подавитесь, господа хорошие!
 Большая ложка - рот дерет. Сыновей моих сгубили пятерых,
 а внуков у меня - десять. Вот вам кукиш! Спи, мой суслон-
 чик, твои сыновья не посрамят ни тебя, ни меня.

Похоронили Ивана по-христиански, с почестями, отпели
 в церкви, каждый норовил в могилу горсть земли бросить.
 Бабы голосили, причитая. С деревенским плачем не срав-
 нится ничто на свете: за душу возьмет, сердце разбередит.
 Кто хоть раз слышал плакальщицу - никогда не забудет ее
 зауспокойную песнь-прощание.

Убитых солдат хоронили в братской могиле. На свежей
 насыпи поставили крест и рядом – пятиконечную звезду.

- Зачем? Это наши крестьяне, рабочие, русские, крещен-
 ные в церкви, так что всем надо крест! - возмутился Семен.

Он пришел к красным за листом с фамилиями погибших,
 чтобы знать, кто и откуда. Маленький рыжий парень, кото-
 рого держали в отряде писарем, удивился:

- Ты что, дед, разыскивать родственников надумал?

- Нет, мил человек, попу отнесу, каждому свечку поста-
 вить!

- А деньги где такие возьмешь?

- Миром соберем. В этом деле сам черт не разберет: кто
 прав, кто виноват, одно скажу - все они русские. Бог им су-
 дья, а наше дело - убитых земле предать и помянуть как сле-
 дует!

* * *

О церковном лазарете знали немногие. Все хранилось в
 тайне. Вдруг завтра белые опять придут? Из подвала выби-
 рались только ночью. Тем, кто поправился, завязывали гла-
 за, выводили наружу, и снимали повязку далеко от храма.

Дед Степан лежал на печи в старой избе, часто плакал от
 немощи, вслух разговаривал с покойными, просил проще-
 ния. Казалось, – он лишился рассудка. Дарье наказывал жить
 долго, учил, как ребят воспитывать.

- Пусть куда попало головы не суют, живут умом, грамо-
 те учатся и чтоб зря языками не чесали. Работать надо до
 седьмого поту. А языком брешет, кто несправедно выгоду
 иметь хочет, загребает жар чужими руками. Гнать таких зас-
 раной метлой надо!

На сороковой день его не стало. Перед смертью попросил
 Дарью раскрыть ему тайну, откуда пришла к ним в семью.
 Она обняла деда, погладила по голове, поцеловала в лоб:

- Не сумлевайся, родимый, я того же поля ягодка, как и
 твои предки. Как вас, так и нас, кто повыше за прямоту и
 несговорчивость не любили. Мы, русские, – одного корня.

Старый улыбнулся, довольный ответом, а глаза говори-
 ли: теперь уходить не страшно, есть на кого оставить угла-
 нов - так он называл своих внуков.

Селяне решили - пусть в лесу все малье, да старые с ба-
 бами пока поживут, запасут на зиму грибы, ягоды, пошиш-
 куют. Сено на зиму заготовлено, жатве и копке картошки -
 еще рановато. Лето нынче не ахти какое.

Деда Семена избрали как бы старостой. Установили -
 кому, когда помогать, и чем. Один солдатик, из грамотных, -

рыжий писарь из отряда, - воскликнул:

- Сельчане, вы же коммуной жить начинаете!

Семен не дал ему договорить.

- Нам, служивый, политика и книжные слова ни к чему, у нас свой мир, свои порядки. Природу слушать надо, по ее законам жить. Вот я, хоть убей, ни пахать, ни сеять не стану, пока не услышу сок в березе.

Красные задержались еще на месяц. В городе обстановка непонятная, в лазарете полно раненых. Ждали, когда поправится комиссар. Оставлять его больным нельзя, а с собой везти - слаб. Вот такая преданность, - умрут, но не предадут.

Илья мало спал, следил за чистотой в лечебнице, четырех молодых врачеванию учил, об отдыхе и думать некогда. Одно только место оставалось, где можно дух перевести: до ветру сходить, - но и там очередь.

Сортир - с двумя очками. Срать да родить - нельзя погодить. Но - годили, куда денешься!

Спустя месяц Пегушата уже было не узнать. Из окон донолся смех, потихоньку пиликала гармонь. Старухи молились. В Петров день зазвонил колокол - к церкви потянулся люд из соседней деревни с того берега. Им тоже досталось: большинство домов сгорело, скотина зарезана, убитых хоронили целую неделю. Тела разлагались быстрее, чем успевали их предавать земле. А чтобы эпидемии не случилось, свезли трупы на кладбище, в ряд положили, накрыли, чем могли, - сверху золой, пеплом присыпали и костерки вокруг разожгли, чтоб дымом мух и разный гнус отпугнуть. В общую могилу класть не соглашались - копали каждому отдельную.

- А теперь вот в уцелевших избах скопом живем, - тяжело, пособи́те нам! - пробасил кто-то из заречного села.

Забывать соседа в беде негоже.

Порешили наперво вместе отужинать. Столы, скамейки из домов повынесли, немудреную еду. Сначала помянули всех за упокой - выпили, потом оставшимся в живых - здоровья и лучшей доли пожелали. Настроение мало-помалу поднялось, выговорились друг перед другом.

Кто-то из подвыпивших предложил спеть. Бабы зашикали. Взявшийся за гармонь дед Семен обиделся:

- Бабы, я ж не плясовую, а сиротскую, похоронную, вы че, забыли? - и тихо запел:

*Позабыт, позаброшен с молодых юных лет,
Я остался сиротою, счастья, доли мне нет.
Как умру, похоронят меня,
И родные не узнают, где могилка моя.*

Он пел и плакал, плакали за столами. Дед Семен замолчал - вместо него продолжала рыдать гармошка, как бы упрашивая возобновить песню:

*На мою на могилку, знать, никто не придет,
Только ранней весною соловей пропоет.*

Старик уронил голову на гармонь, замолчала она, напоследок жалобно пискнув.

Сидели тихо, каждый думал о своем, о пережитом - выплеснулось горе наружу со слезами. Поплакали - легче стало. Говорить вроде не о чем - гости засобирались домой.

- Спасибо вам, камень с сердца сняли!

Пегушатинские проводили соседей до моста через реку, - пообещали помочь, как только у себя управятся.

До сумерек надо успеть еще в огородах покопаться - травой они заросли, изгороди покосились, тынники завалились, жердей в заборах не хватает. А в избах стекла побиты, в некоторых даже двери и ворота сняты. Война - не мать родна, ничего и никого не щадит.

Война... Хотелось навсегда забыть это слово, - так пострадались крестьяне в памятном 1918-м от разбоев, грабежей и разрухи...

* * *

Вот и Покров наступил. Скоро начальство зайвится из города - налоги собирать.

Деревня преобразилась – почти ничто не напоминало о боях и разбое, улицы чисто прибраны, на месте сгоревшего дома деда Семена теперь проулок. Снег выпал - и чернота от пожарища исчезла. А Семен с семьей - в новой избе. Готовил ее для сына, но судьба распорядилась иначе.

Степан пошел на поправку, пальцы на левой руке задвигались, он перебирал ими - словно на гармошке играл. Раны зажили - рубцы остались. В зеркале себя не узнавал. Шрам и синюшные пятна обезобразили лицо.

- Как же я людям на глаза такой покажусь, испугаются!
Мать посоветовала:

- Отпусти усы и бороду, а кудри отрастут – лоб и виски закроют.

Илья подшучивал:

- Ты за то, что я тебя от смерти спас - в долгу, понял? Долг спишу, когда в рукопашной меня на лопатки положишь! Пощады не жди!

О Феклуше Степан даже и думать боялся.

- К чему ей такой урод? Она красивая, статная, сильная, а я на что гожусь, - ни в поле, ни дома, ни за станком не работник. Зачем мы согрешили? Да и не хотел я, - сама навязалась! Что же мне дальше делать? Мужик я или слюнтяй? Сидеть на шее у матери и братьев и растить жопу и пузо за их счет - негоже. Я должен после смерти отца стать их кормильцем!

Феклуша волновалась за Степана, - где он, что с ним? Почти сутками была на ногах. Семья большая - всех кормила, младших к старшим прикрепила, старух с малышами нянчиться отправила, матерей - за скотом смотреть. Но ходить ей стало трудно. Однажды ночью почувствовала - дитё постучало. Неловко легла, - вот и забеспокоился. Разговаривала с ним, - просила, чтобы похож был статью и умом на отца, ну, и от нее самое лучшее тоже пусть возьмет.

- Кто же будет - мальчик или девочка? Свидется бы, как рожу, со Степаном, хоть бы на часок!

Фекла глубоко вздохнула. Услышала шум – поспешила на настойчивый зов.

Приехал отец.

- Родненький, это ты! Тятя, тятя, я так по вам с матушкой соскучилась, душа истосковалась! Скажи, что в деревне детсяя, как там Степушка?

Врать - грешно, а говорить правду - тяжело, да и нельзя дочь волновать – на сносях ведь!

- Степан? Жив он, жив! А деревня...

Деревня словно притаилась: из-за каждого угла и тынника следят, кто куда пошел, кто чем занят. Народ в тревоге – на стороже. Егорка с Костиком у попа пропадают, звонарями заделались. С колокольни за округой наблюдают. Если едет кто-нибудь через мост - в колокол один раз легонько стукнут, вроде как ветер задел, а ежели кто на лодках или на плотках переправляется - два раза. Кругом дозор все видит. В сумерках костры у реки зажигали, - якобы рыбалкой промышляли. По вечерам поп читал им историю государства российского, занимался с ними немецким.

- Язык этот пригодится вам больше, чем все другие. Война четырнадцатого года – только цветочки, ягодки потом будут. Россия - лакомый кусок, да и революцию ей не простят. Готовьтесь, милые!

«Кто он на самом деле, - поп или нет?» - гадали ребята. Подсмотрели однажды, как он железным ломом мерзлую землю долбит – здоровый, силища-то какая! А за ризницей они пудовые гири обнаружили – по утрам священник холодной водой обливался и занимался гимнастическими упражнениями. Загадочная личность. Порядочный, отзывчивый, в любое время придет на помощь.

Сколько же ему лет? По бумагам выходило – больше восьмидесяти. Старость отступила, или он рецепт вечной молодости знает?

* * *

Не знал он такого рецепта. А знал, что иерею не подобает ввязываться в политические передраги. Питерский он, и потому сам видел, как началась на Руси великая смута. И потихоньку, потихоньку, отступал все дальше – аж до Урала

дошел. В Пегушатах и осел. Не красный, не белый. Сам по себе. Иерей и самую чуточку лекарь. А бумаги... Что бумаги? Мало ли на путях-дорогах горемычных полегло от случайной пули, от во хмелю взметнувшегося штыка.

Вот Дарья, она как бы своя. Сердцем его чувствует. Да и он догадывался, что знавала другие времена. Всегда удивлялся ее смирению. Как легко и безропотно окрестьянилась, как пережила налет белых, ранение сына Степана, смерть любимого мужа. Как бы чувствовал ответственность за нее.

Тут и она пожаловала.

- А, Дарьюшка. Хорошо, что пришла. Не знаю, как жизнь повернется, только думаю – не к лучшему. Черные дни еще впереди. Жени ты Степана на Фекле. Любовь у них, да он ведь и муж ей, хоть и невенчаный. Да береги своих угланов. Чтоб они ни во что не встречали. Им только земля указ, а не краснобаи городские. Чую, скоро их здесь навалом навалится. Если доведется, отдавайте все – сами лишь бы живы остались. И так может дело повернуться.

- А что, батюшка, вы говорили, война будет? – опасливо спросила Дарья.

- Будет, Дарьюшка, будет. С немцем. Народу поляжет - видимо-невидимо. Но и это минет. А земля останется. И вы все на ней.

- А что же Вы, батюшка, с Вами-то что станется? Мы-то в тайгу уйдем, в болотах схоронимся, а Вы – как?

- Я-то? Я при храме останусь. Да и храма этого скоро не будет. Уж вижу, к чему дело клонится. Чтоб брат на брата пошел – это облик человеческий потерять надо и господу бога в сердце своем перечеркнуть.

- Так ведь Вас и убить могут?

- Могут. Значит, такая моя судьба. Я – иерей, и в радости Христовой, и в муке. Да я еще за себя постою, не так прост. Да и не так слаб. Вот ты-то через что только не прошла, а ведь выжила. Ты – для меня пример.

- Меня батюшкина и матушкина любовь вела по жизни. От большой любви в детстве – большая сила во взрослости. Дай бог и на дальше - свой крест понесу достойно.

- Дай, благословлю тебя на жизнь, на радость и на горе – жизнь она вся такая, из света и тьмы перевитая.

Дарья встала на колени, поцеловала руку священнику, он перекрестил ее и отпустил с миром.

И ушла Дарья мыкать далее свою жизнь, из света и тьмы сотканную – напрочь приросла к Пегушатам, что со всеми будет – то и с ней. Один народ – одна доля...

*Лос-Анджелес,
сентябрь 2005г.*

Валентина Кузина ЗА ГРАНЬЮ ПАШНИ Повесть

Глава первая

Деревня Зыряновка ещё со старых времен делилась на два края: Спасское и Захребетное. Посредине деревни стоял дом Мартыновых. От него в обе стороны раскинулись улицы. Границей ещё стал дуб, который по чьей-то воле был завезён сюда со степных краёв давным-давно.

По разговорам сельчан, в царские времена на Спасской стороне жили люди побогаче, а нанимали они работников с Захребетной стороны и говорили про них так: сытые будут, ежели заработают, а не заработают - сосать им лапу, как тому медведю.

Большой дом Мартыновых стоит и по сей день, только от некогда большой богатой семьи осталась младшая из Мартыновых, Миропея, которой уж шестьдесят лет стукнуло, а с ней сын ее Филимон – детина тридцати годов, красавчик, самовлюбленный, но доселе не женатый. И хотя Спасское давно уже перепуталось с Захребетным, да и жители сплелись родством, Мартыновы на всех смотрели свысока. Филимон ещё в школьные годы прогонял сверстников от дуба, где те любили играть, называя его своим. А когда наступала зима, он от своей калитки лыжню прокладывал до самого леса и, если кто-нибудь осмеливался пересечь её или пробежаться по ней

на лыжах, Филимон будто того и ждал: подходил к смельчаку и с холодной усмешкой, со сжатыми челюстями ударял острием лыжной палки. А когда видел широко раскрытые от удивления глаза сверстника, бросал:

- Чего уставился? Нечаянно вышло!

Учился Филька ладно, но только потому, чтобы не быть в зависимости от учительницы Веры Семёновны, которая жила на Захребетной стороне. По рассказам Миропеи, дедушка учительницы был извечным бедняком, ничего сроду не имевшим, кроме гармошки, и про него говорили:

- Вся мука в лукошечке, гармошка на окошечке.

Завистником Филька не был. И всем своим видом давал понять: пусть завидуют мне! Сын рос – старилась сама Миропея, но была ещё крепкая и уверенная в себе. Со стороны посмотреть, от других баб ничем не отличалась, только разве одеждой посправнее, да взглядом похитрее. Да и в чужие разговоры никогда не вступала, но про людей знала больше, чем о себе они сами. Старики говорили, что было в Миропее что-то заложено от её покойной матери, взгляд которой вечно искал по деревне прегрешений человеческих. А уж если случалось такое, что раскрывалась чья-то тайна, то умела матушка потрепать несчастному грешнику душу, к откупам принуждая. Откупы же выцарапывала немалые. Вот и Миропея всегда умела выловить каверзу. А каверзы в основном были таковы: то девка выкинет недозволенное, то парень уважаемых родителей в пьяном разгуле замужнюю молодую в свои забавы втравит... В сплетнях и новостях уступала Миропея только одной – Ниниле Зайцевой, правленческой уборщице. Но Нинила делала это всё по простоте да и по глупости бабьей. А у Миропеи всё происходило с расчётом и умыслом.

Засекла Миропея и случай с молоденьким председателем Антоном Фирсовым. Только он не по пьяному делу и не замужнюю, а вовсе трезвехонький взял да и уманил к себе домой Тоньку–плясунью, чья свадьба вовсе с другим намечалась. Уже варилось хмельное пиво. Обе стороны родителей, в лавке встречаясь, улыбочками обменивались. А

председатель же всего пятидневку, как из города прибыл с институтскими знаниями. И вот увёл девку и всё тут. И увёл то как: глубокой ночью, прямо с гулянья. И откуда только стало известно про то Миропее? Но как только забрезжило утро, выследила Миропея у колодца Тонькину мать, появилась перед ней из тумана, прогремела ведерными дужками, вздохнула:

- Чего же ты сама-то надлагаешься? Могла бы Тоньку за водой турнуть.

- А, это ты, Миропея? Здорово живёшь, - простодушно отозвалась Тонькина мать. – Нету дочки-то... Вчерась в Островки её послала... Дядя овдовел, так Тоньша хоть чего-нибудь ему постряпает. Умеет она это делать славно.

- Ой, ой... - заржала вдруг Миропея, прыснула в ладони и, бросив ведра на землю, сжала колени: – Ой, обмочусь! Обмочусь со смеху!

- Ты чего это? – обернулась на неё удивлённая баба.

- Скоро состряпает она тебе, доченька-то... Уж состряпает!

- Мелешь чего-то... Чёрт ты поймет! – недоумевала простоватая мать.

Скоро поняли все. Стала Тонька председательской женой. Тут-то и пиво пригодилось, и люди с улыбкой говорили:

- Антон и Антонина – судьба, наверное!

Только одна Миропея блекло поднимала на молодых глаза. Не ожидала она такого оборота.

Мартыниха всё ждала, когда же, наконец, женится её сын, не понимала, почему видного из себя Филимона девушки сторонились. Он унижаться перед ними не хотел. Взвесив по-своему, по-матерински перемены в сыне, Миропея посоветовала:

- Девку займёт надо покладистую... Только без особых там вольностей!

- Без вольностей–то что за жизнь? – ответил сынок, посмотрев на мать с ухмылочкой.

Миропея оторвалась от прялицы. Веретено ещё несколько раз крунулось в её костистых пальцах и легло на лавку.

Она сердито с недоумением посмотрела на дитяtko. Густо взъерошились и сбежались к переносице её брови, спрятались в щелочку рта тонюсенькие губы.

- А как бы ты хотел?! – ржаво прорвалось у Миропеи.

- Хотел бы ото всей правды.

- Если жениться, то это другое дело, – примирительно смягчилась мать.

- Хотел бы ото всей правды, только не жениться!

Она развела руками.

- Ты же должен понять... Это распутство... Ну и, до ребёнка недалеко.

- Ладно, - повернулся спиной сын, намереваясь выйти за дверь. – Разговорилась мне тут, - в его голосе просквозила обида, он хлопнул дверьми, скрылся.

Мартыниха выскочила за ним в сени, прокричала в пространство:

- Тогда только на сеновал! На койку грязи не дозволю!

Зыряновские девушки не доверяли Филимону, боялись чего-то. На вечерки из соседних деревень приходили в Зыряновку девчата и молодухи повеселиться, поплясать под балалайку. Весело. Вот тут-то и выудил Филимон молоденькую девчоночку Полинку. Не оттолкнула парня доверчивая душа. Так с месяц гуляли. И вот как-то само собой случилось, что очутилась она на его сеновале. А ранним утром, ещё до крика петушиного, провожая Полинку до околицы, Филимон уже приказным тоном проговорил:

- Вечером на вечерку не ходи, сюда сразу, ко мне на сеновал, ждать стану. Чего нам теперь на вечерках делать?

- А сватать когда придёшь? – тихо спросила девушка.

Филимон осклабился, стал беззаботно насвистывать, потом с достоинством ответил:

- Для жены ненадёжная ты... Эдак-то ты, и со мной живя, всякому уступишь. Хоть бы для виду поотнекивалась...

Полинка ушла безмолвно, словно слилась с туманом. Прошёл день и подступили сумерки. Филимон ждал на сеновале. Но вот и ночь прокричала перепелами да кваканьем лягушачьим, подступило и утро. И оно прошумело насмешливым

ветерком. Не пришла Полинка. Не появилась она в Зыряновке и в последующие вечера. Так всё лето прождал её Филимон. Потом успокоил себя тем, что любви-то, почитай, никакой не было. А под самую осень как будто вихрем пронеслась по деревне новость: женится на Полинке одноклассник его Авдейка Хмельков, мало того, почти по соседству живший с Мартыновыми. Близенько видел теперь Филимон, как влюблённо смотрела на Авдея Полинка, преданно и доверчиво к плечу его прижималась, когда проходили мимо. От обиды и злости разрывало душеньку парня, но Мартыниха успокаивала:

- Оборонил тебя Господь от этакой напасти. Знаю я породу Полинкину... Там, пожалуй, нищета была похлеще, чем у захребетников!

Филимону казалось, что рядом с Авдеем девушка даже похорошела. Лицом беленькая стала, в движениях степенная. Но недолго прожили вместе молодожёны. Несчастье пришло в их дом совсем неожиданно. Авдей как-то на сенокосе прыгнул с зарода, угодил на деревянные трёхроговые вилы, которые были поставлены к кругляшу недобрым человеком. Нинила Зайцева брызгала слюнями во все стороны, доказывала, что видела, как Миропея проходила в ту сторону с вилами и как крикнула Авдею:

- Слезать с зарода станешь, по северной стороне скатывайся. Там положе.

Осталась в доме Авдея Полина одна. Тосковала. Так прошли и год, и два – не воспрянула. Только после уж подружилась она с молодой ещё тогда председательской семьёй – с Антоном Ивановичем и Антониной. Эта дружба пробудила в Полине желание учиться, а сам председатель с большим желанием стал готовить её к вступительным экзаменам в институт, а Антонину свою - в техникум. Вскоре жена председателя объявила мужу о пополнении в семье, очень скоро, и учёба осталась только мечтой. Антонина не печалилась, надеясь поступить на следующий год, зато Полина готовилась с усердием, даже тоска по мужу стала постепенно угасать.

Однажды Филимон решил побывать у молодой вдовушки. На этот раз он шёл с твёрдым намерением снять с неё тоску об умершем муже и напомнить ей о том, что есть ещё мужики - живые и горячие. Сходил. Только языкастая Нинила Зайцева в правлении утром, размахивая веником и хохоча, говорила всем, кто бы ни заходил, как Филимон Мартынов сбрыкал в сенцы, получив эдакий гостинец от Полины.

- Антон Иванович мне и говорит: сходи, мол, Нинила, за Полиной, завтра машина в город едет, чтобы, мол, та на экзамены не опоздала, - рассказывала она во всех подробностях. - Ну, захожу к Полине-то в сени, а он и отворил двери-то лбом. Так она его шарахнула! Хохотать только было некому. Убежал, как ужаленный!

- За что же она его так? - спрашивали любопытные.

- Да мало ли за что! Может, подступать к ней стал... Вдова раз... Вот она и постояла за себя!

И снова Нинила хохотала, заражая всех веселым поведением, потом вдруг, заливаясь слезами, делала свои выводы:

- А что же тут неясного-то? За Авдея рассчиталась. Матушка его мужа-то Полинкиного на тот свет спроводила! Больше не за что!

Через некоторое время та же Нинила раззвонила по всей деревне, что Полинка-то Хмелькова учиться поступила, да не куда-нибудь, а прямо в институт!

Насмешки Филимон перенёс молча. А когда уехала из деревни Полина, он вздохнул уже облегчённо и даже стал засматриваться на Ленку, хорошенькую девчонку, но та была уж больно молоденькая. Но за сердце взяла крепенько. Он даже поделился с матерью:

- Подрастёт Матрёнина дочь, пожалуй, на ней и женюсь.

- Для того долго ждать надо... Сколько, ты говоришь, ей теперича?

- Четырнадцать, пожалуй... Не то пятнадцать...

- Много ветров минует нашу Зырановку, пока Ленка поспеет. Гляди, сам бы не состарился... А для молоденькой

девочки молоденькие и парни на самые её пятки наступать зачнут, помяни моё слово. Это она заневестится где-то, почитай, к сорок первому году... Далёконько!

Глава вторая

Время зыбко. Где счастье промелькнёт, кого радостью одарит. Работали люди и жизни радовались. А в работе да с песнями всё ладилось. По-другому и не выходило, когда Антон Иванович, председатель, всему добродушному заводилой был. Уважали его сельчане, но и побаивались. Умел он строго прошить за нерадивость, умел и выделить, отметить за прилежание. Казалось, общение с председателем было необходимо каждому. Фирсов много читал, много знал. Он выправлял по-своему даже отъявленных лодырей, на что сельчане шутили:

- Хоть бы одного лодыря для развода оставил председатель наш... Всех перегнул на свой лад.

Фирсов в Зырановке остался навсегда. К земле прирос. И недаром же нынче поутру вездесущая Нинила выкрикивала всякому из правленческого окошка, широко растворив его:

- Антонина-то Фирсова второго сына родила! Антон-то Иванович там уж, в районной больнице, подле неё! Видели бы вы, как он обрадовался...

- Ты бы шибко-то не кричала, Нинилушка, - подметил семенивший с работы колхозный сторож дед Василий. - Про то уже всё знают. Только ты ошиблась малость... Не сына Тоня родила, а сразу двух. Стало быть, теперь у них три сына.

- Это откуда тебе известно? - опешила Нинила.

- Учительница Вера Семеновна побывала там, доподлинно всё узнала.

- Вот это известия, так известия! - не умолкала Нинила. - Слыхали, чо в нашем краю новенького? Всем новостям новость!

...И так продолжалось целый день.

Да, прибыльно росла семья председателя. И не беда, что Антонине так и не довелось учиться. Дети требовали к себе

внимания, а сам Антон Иванович всё время проводил на пашнях, на той земле, которую собственными домыслами хлебородной сделал. Теперь он надеялся на Полину Хмельникову, что воротится она с учёбы и все его дела колхозные на подхват возьмёт, но вскоре узнал, что, закончив институт, она вышла замуж и, по всей вероятности, там и останется. Город есть город!

Фирсов ещё и ещё написал Полине. Рассказал во всех подробностях о всех делах Зырянки: о том, как по-прежнему колосятся здесь стойкие хлеба, а вёсны-то, вёсны стоят тёплые и игривые, солнечные, а на первых проталинах гудит ребятня. А ребятня-то та самая, на которую в будущем возложится ответственность за важные деревенские начинания...

Антон Иванович ходил по горнице, вздыхая, закуривал. К нему подошла Антонина, спросила:

- Надеешься послушается?.. Приедет...

- Не знаю. Мне агроном нужен, - вздохнул он. - Без агронома хоть вой.

Он снова сел к столу, взялся за ручку, неспешно окунул перо в чернильницу, подписал: «По осени получили приличный урожай. А когда закончена была уборочная компания, отгуляли свадьбу Матрёниной дочки Ленки с Андрюшкой Егоровым».

Он аккуратно запечатал конверт.

- Не приедет если Полина, придётся на курсы агрономов отправлять Андрюшку. Курсы, конечно, это курсы, ну да другого выхода пока не нахожу.

- От молодой-то жены? Ведь только свадьба прошла! - осуждающе заметила Антонина. - Позднее бы.

- Учебный год не ждёт... А любовь только станет сильнее и прочнее.

Антонина подошла к окну.

- Что-то Нинила бежит сюда... Приехал кто-нибудь в правление или позвонил.

Нинила ворвалась, запыхавшись, споткнулась у порога.

- Что там такое стряслось? - спокойно спросил Антон Иванович.

- Беда. По другому и не назовешь... Филимон такую штуку выкинул, что на кол не напаялишь!

- Покороче как-нибудь, Нинила, - попросил председатель. - Конкретно и спокойно.

- Можно ли, Антон Иванович, лошадку, что тебя возит, взять? Мартыниха срочно просит... Филимон в капкан попал. Там охотники островские поставили, а этот какого-то чёрта там делал! Непонятно... Но я-то знаю, что за Андрюшкой с Ленкой подсматривал... А те тоже хороши! Женились, так и обнимались бы у себя дома. Разве Марфа супротив? Мать стыдиться не надо! А то, гляди ты...

- Значит, как я понимаю, в больницу везти надо Филимона? - прервал бабу Антон Иванович.

- Так ведь я о чём и говорю!

- Идите и срочно запрягайте, без лишних слов! Конюх Игнатий поможет.

- Мартыниха-то горькими заливается... В правление прибежала... Хорошо хоть я там погодилась!

- Иди, Нинила... Иди! - вмешалась Антонина. - Дело серьёзное!

- Я сперва расскажу, как дело было...

- Потом как-нибудь... А теперь запрягайте Роя и без слов в больницу!

- Да, кто повезёт-то? - спросила Нинила, притормаживаясь на пороге.

- Того же Андрюшку и попросите, - нашёлся Антон Иванович.

Ушла Нинила. Стало тихо. Даже ходики, казалось, тикали намного активнее в создавшейся тишине. Антонина вдруг вспомнила, что пора накрывать обед, безмолвно отошла к печи, взялась за ухват. Слов не находилось.

- Подожди, Тоня, с обедом... Узнать бы надо, как там. Нинила преподнести может любую мелочь с шумом и грохотом, а может быть и такое дело, что прислушаться надо. Схожу я к Мартыновым... Что с Филимоном стало?

- Ленку сватать собирался... Пока приноравливался, Андрюха, не будь глупцом, опередил. Вот и беда случилась, -

просто объяснила Антонина. - Про то все знают. Не знает, разве что, сама Ленка да вот ты у меня.

- Знать про всё надо бы и мне... - вздохнул Антон Иванович, покачав головой.

- Садись, - нежно предложила жена. - Я хоть и не очень грамотная, но открою тебе глаза на самого себя так, как я тебя вижу. - Антонина обняла мужа, села рядом с ним. - Этой своей занятостью каждодневной не всё знать про людей тебе доводиться. - Она потрепала его волнистую шевелюру, засмеялась. - Зато, вон, уборщица у тебя, лучше всякой секретарши. От неё любую новость узнать можно... Устал ты, - серьёзно проговорила Антонина. - Что мне сделать для того, чтобы полегче тебе работать стало?

- Тоня, - вздохнул Антон Иванович. - Нужен мне... Ой, как нужен мне агроном. А в этом деле ты мне, к сожалению, не помощница.

- Коли надумал, отправляй Андрюшку Егорова. Серьёзный он.

И вот настал день долгожданный для Андрея. Уезжал на учёбу обрадованный парень, шутливо говорил молодой жене:

- Выгучусь, правой рукой Фирсову стану! Отблагодарю его своим трудом.

Радовалась за сына и сама Егориха.

- А как же? В большие люди выйдешь! Умственность у тебя природная... Отец-покойничек, вон как пимы катал да людям обувку шил! А то дело не из простых!

Ленка, слушая свекровь, с гордостью жалась к мужу. Андрей склонился к её уху, прошептал:

- Гляди у меня! Не обломал бы тут Филимон последнюю ногу.

- Мне жаль его, - без улыбки проговорила Ленка. - Я ведь даже не догадывалась, что он за мной ударился.

- А то за него бы пошла?

- Он не сватал... А если бы посватал, может, и пошла бы. Красивый он.

- Не шути, Ленка! - С деланным злом, с озорной искрой в глазах проворчал Андрей.

Ленка засмеялась, сразу же очутившись в его объятиях.

- Нужен он мне! Ещё чего? - счастливо улыбнулась она свекрови.

С жутью вспоминал Филимон, как цапнули железные зубья, прежде чем успел он что-либо осмыслить. Беда держала так, что потемнело в глазах. Боль вырвалась нечеловеческим криком. Андрюшка поспел на выручку. Оттого Филимону было совестно и противно глядеть на белый свет. Молча каялась перед Богом Миропея, принимая беду, как отмщение за Авдея Хмелькова, и каялась в своём страшном грехе. Но вот пришло время, когда к отчаянию прибавился страх, ни с какими бедами не сравнимый. Обнаружила Миропея на столе в вечерних потемках повестку из военкомата, непрошеную гостью каждого дома.

«Пришла бумага, заберут Филимошу, не посмотрят на изъяны! Война ведь началась» - тревожилась Миропея. Она ждала Филимона, плакала тихо, представляя, как останется в четырёх стенах одна-одинёшенька. Готовила в котомку провизию, складывала необходимые в дорогу вещи, боялась за сына, который только что выписался из больницы и опять, наверное, останется ночевать в Островках. Говорили, что он там завёл себе матаню. Мать не осуждала: «Скорей забудется Ленка». Только нынче он должен быть непременно дома! А утром, чуть свет, - в военкомате.

Людская лавина, состоявшая из добровольцев и призывников, бесконечной вирюгой продвигалась к крыльцу военкомата. Филимон пытался понять это молчаливое человеческое рвение. Он так же, как все, пришёл сюда с котомкой, но чтобы вот так ломиться навстречу смертям, не хотел. Без этого судьба настигнет, и беды достанут. Он стоял в стороне рядом с матерью. Миропея топталась на месте, растерянно наблюдая за происходящим. Казалось, она, на какой-то момент, забыла про сына, так же, как он, смотрела на кипящее вокруг беспокойство, покачивала головой, понимала: пришла страшная война.

У деревянной привязи пополнялись кони. Среди них председательский Рой. На нём прикатила сюда, в район, Антонина, собрав в кошёвку вещмешки призывников, сами они шли пешими. Антон Иванович ушёл в военкомат ещё до рассвета, и как только появились в поле зрения земляки, он из толпы вышел им навстречу, шумно выдохнул:

- Ну, братцы, ваш председатель уже определился в действующую, а вы, не в обиду будь сказано, только плетётесь.

Антон Иванович пытался шутить, но в ответ никто даже не улыбнулся, а только молча, все разом, окружили его. Далеко отстав от мужиков, тянулись бабы, примолкшие и озадаченные.

Ленка Егорова на руке несла вязаный тёплый свитер, который довязывала ночью, заливаясь слезами. Рядом с ней шла свекровь, она еле попевала за Ленкой, на словах успокаивала её и себя.

- Уж такой-то тёплый свитерочек сгодится! У нас лето тут, а может, куда повезут мужиков, зима уж...

Ленка её не слушала, плакала. Марфа прильнула к её плечу.

- Да наши-то фашистов враз поборют! – старуха сжала свои натруженные кулаки, твёрдо заговорила, на этот раз, скорее всего, для себя, нежели для невестки. – Наши-то их враз... Вон какие косари! Наш-то Андрюша... Ух! Хваткий! Да и, других возьми...

- А может, ненадолго их забирают? – с надеждой проговорила Ленка.

- Я так же думаю, - кивнула Марфа. – Может, берут-то их всего на пятидневку... А там и домой, скажут, айдате.

- Нет, бабы, - вмешалась сухопарая Авдотья. – Пятидневкой тут не пахнет! Уж если обоих сыновей у меня забирают, то далеко не на пятидневку! Коленька в городе живёт, того старик Василий провожает, а я, вот, Петю. Старик ещё вечером пешком до города пошёл... Немало, сорок вёрст. Выдержат ли ножонки... Старые мы уж. - Она помолчала, заговорила снова.

- Нет, пятидневкой тут не пахнет... Голос в радице уж больно ядрёно говорил! Я как услышала, бабы, так вся и съегушилась в комок со страху!

Они подошли к сборному пункту, когда мужики зырянские слились со всеобщей толпой. Филимону наступали на пятки. Он не высказывал неудовольствия, потому что тоже наступал кому-то сам. К нему подошла мать. Она уже который раз подсказывала напомнить начальникам о больной ноге. Он недовольно отвернулся, зло бросив:

- Не кипишись... Я чо, лучше всех?

Филимон видел, когда подошли бабы. Увидев Ленку, из толпы вышел Андрюшка. Он брал что-то из рук плакавшей жены, жевал. Она плакала и тоже жевала. Жевала и плакала. Андрюшка склонялся к ней, целовал её влажные щёки. Филимона переполнила ненависть к ним обоим. Он отстранил рукой мать, что-то говорившую ему, взорвался.

- Ты отойдешь от меня, наконец? Замаяла подсказками!

- Филимоша, - зашептала Миропея. – Нехорошо... Нехорошо.

- Чего нехорошо-то? – не понял он.

- Нехорошо, говорю, долго на Елену смотреть... Заметно больно.

- Кому не нужно, тот не заметит... Это от твоих глаз не упасёшься, – огрызнулся Филимон.

Миропея не обижалась на сына. До того ли.

Для Филимона среди всего создавшегося беспокойства в данный момент существовала только Ленка. В слезах она выглядела какой-то новой, беззащитной и особенно желанной.

Мать снова коснулась его плеча.

- Куда повезут? На сколько? И воротиться ли?

- Буду надеяться! – с уверенностью проговорил он, всё ещё глядя в сторону Егоровых. – Ворочусь! И первое, что я сделаю, отниму у Андрюшки Ленку.

- Да о том ли теперь говорить надо?! – закричалась Мартыниха.

- А ты домой шла бы! Или иди встань там, где все бабы... Здесь, видать, ещё до вечера вопрос не решится.

Филимона не взяли. Он возвращался из военкомата один. Тишина после шума у военкомата закладывала уши. В глазах всё ещё стояли уходившие вместе с Фирсовым на фронт земляки. Того просили остаться хотя бы на неделю для передачи дел, но Антон Иванович отказался.

Мысли Филимона то кучковались, то рассеивались. «Был бы пограмотнее, может, и председателем поставили бы, а то бригадиром предложили».

Работы будет невпроворот, – думал он, глядя на зеленеющие по обеим сторонам дороги поля. Он толково оценил неожиданную удачу, посмотрел на свою трудно и медленно заживающую ногу, перекинул котомку на другое плечо. Как бы то ни было, остался дома...

Рано утром прибежала к Филимону Нинила, запыхавшись, сообщила, что его зазывают в правление.

- Чо такое? – испугалась Мартыниха.

- Чо такое... Чо такое, - передразнила ее Нинила. – Новое начальство к себе требует! Из города прибыло! Вот так!

- Строгое? – прошептала Миропея.

- Сам увидит, - уже из сеней ответила Нинила. – Недосуг мне.

- Чего делать станешь? - тревожно обернулась мать.

- Не знаю... А пока дай мне рубаху, да похлёбки плесни. Может, до вечера перекусить будет некогда.

Во дворе и в помещении правления толпились старики и бабы, потому Филимон не сразу увидел за правленческим председательским столом Полину Хмелькову.

«Статная стала», - удивлённо подумал он.

Собрав людей, Полина разговор завела о делах так, будто вовсе никуда не уезжала, будто каждая мелочь колхозная ей была доподлинно известна. Но было видно по всему: тень грозных событий отразилась на всём её облике. Строгая деловитость Полины поставила Филимона в какие-то неведомые рамки, и ему оставалось теперь затворить себя в них.

Продолжение следует.

Новое имя

Виктор Кальсин
В ТВОЁ СЕРДЦЕ ПЕСЧИНКУ ПОЛОЖИМ...
(из первой книги)

Томь

Река в то время была томной –
 соответственно и назвали.
 Теперь же отмели, как скулы, проступают со дна.
 Словно старуха, оставшаяся одна,
 выползла на завалину.

Ни тебе варягов, ни греков, ни Троянской войны:
 из неведомой миру Шории
 от нечего делать волокля валуны –
 и жизнь прошла.
 В стороне от всеобщей истории.

1 марта 1998г.

Поговорим, Ванюшка

Поговорим, Ванюшка, хотя ты не можешь
 ответить достойно, а только внемлешь,
 как копилка, в которой итожишь
 пятаки и копейки, утешаясь тем лишь,
 что воздастся сторицей. Увы, не скоро, –
 все родители отвратительные банкиры,
 и можно сказать, не вдаваясь в споры:
 дети пришли, чтоб выжить нас из нашего мира.
 Вот и строжимся, якобы стоим на страже
 счастливого детства, имея в виду грядущую немощь,
 но, копилка, никто не предскажет –
 в черный день или в праздник
 вытрясем звонкую мелочь.
 Признаюсь честно, мне все еще внове
 чувство отцовства:
 и собственные долги не розданы,
 и удивительно тупое удовольствие воловье –
 тянуть и тянуть борозду.

Были бы таланты, а место, куда их зарыть, всегда
 найдётся.

Александр Ратнер

Поговорим? Не хочешь? Согласен, Ваня:
 все вокруг велико и огромисто,
 а что можно сделать маленькими словами?
 Но наступит весна, и без ложной скромности
 река – речь – забурлит,

заиграет всей грудью, всей ширию,
 постигая имена, глаголы и прочее.
 А ты улыбаешься, мой маленький Штирлиц,
 как перед Мюллером, глазками-многоточиями.
 Молчишь, Ванюшка. Верно, о многом
 стоило б помолчать;

многое попросту не имеет названия;
 многое не охватишь, не будучи осьминогом,
 да и слова – это еще не знание,
 тем более что не мудрость. Но то и мучает
 и в том весь фокус, что познание необратимо:
 может, выпадет тебе приключений и случаев
 поболее, чем было у деревянного Буратино.

Поговорим, Ванюшка. Однажды ты сможешь
 ответить достойно, как будет заслужено.
 А сейчас в твое сердце песчинку положим,
 надеясь, что она превратится в жемчужину.

Январь 2001г.

Дворник

Он слышен более, чем зрим,
 хвалим он редко – чаще хаем,
 он враг всех осеней и зим
 и друг просторов и окраин.

Еще владеет сон землей,
 но он выходит в эту пору,
 взмахнув метлой над головой,
 грозит космическому сору.

В твоё сердце песчинку положим...

Еще не брезжило в окне,
 мы пробудимся, чертыхаясь,
 а он – Георгий на коне,
 его копьем повержен хаос.

Он что-то скажет тишине –
 и тишина теряет силу,
 он знак покажет темноте –
 и разрешит взойти светилу.

Он заклинатель и пророк,
 слуга, и жрец, и маг порядка,
 и платим мы ему оброк,
 теряя совесть и перчатки,
 кулоны, пуговицы, броши,
 ключи, купюры, макинтоши.

Он сделал дело – и идет,
 метлой играя, как двустволкой.
 И двор его назавтра ждет,
 Глядит вослед –
 как пес на волка.

Февраль 2001г.

* * *

Песок аравийский струится, струится,
 листает пустыня пустые страницы,
 и юная пальма, стройна и крылата,
 печально плывет в зазеркалье заката.

И видится ей в чередѣ отражений
 березовых рощ золотое круженье, –
 размашисто осень идет по Сибири,
 вздымаются кедры все выше и шире.

Июнь 2002г.

Виктор Кальсин

Жили-были

Жили-были старик со старухой,
вспоминали былое, и думы
шебуршали в избушке угрюмо
в унисон с заторможенной мухой.

На портрете – усы и трехрядка,
Грудь девичья крылата, как парус:
ах, заря так бесстыже купалась,
жизнь светилась и ясно, и сладко.

А потом покатилося колечко
за леса, за высокие горы:
ни упрека судьбе, ни укора,
а душа оплывала, как свечка.

Отгремели железо и годы.
только зажили, здраво запели –
оперились птенцы, разлетелись, –
занавескам простор и свобода.

Коматозная муха, окошко,
водянистые зыбкие краски.
И мурлычет, и требует ласки
Голубая игривая кошка.

Декабрь 2002г.

Под занавес

**ПОХОЖДЕНИЯ ФАКТОРИНА
ИЛИ СТАМБУЛЬСКИЙ ЭНДШПИЛЬ
(рукопись, похищенная у известного
писателя)**

В редакционную коллегия
альманаха «Голоса Сибири»

Уважаемые дамы и господа!

Вчера, проникнув в квартиру московского писателя Бориса А-на, я обнаружил в незапертом ящике письменного стола наброски первых глав нового романа «*Похождения Факторина или Стамбульский эндшпиль*». Наслышанный о всеобщем благосклонном отношении к этому мэтру исторического жанра, я тут же похитил черновики с единственной целью оказать вам услугу, заранее уверенный в вашей горячей заинтересованности в судьбе рукописи, первым читателем которой, волею случая, довелось быть именно мне.

С уважением, -
литературный вор в законе
*[подпись неразборчива,
дата отсутствует].*

Если каждая фраза будет «стрелять», то появится много пострадавших.

Евгений Кудряц

Глава первая. ЗАДАНИЕ

Легкий хлопок и Анвар-паша с громким чваканьем покинул седло. Оставляя на ветках клочки шаровар, откатился в кусты. Притороченная к седлу, всклокоченная голова, отлетев в сторону, упала в кювет, откуда глубокомысленно изрекла: «Аллах акбар!» Башибузуки вначале испуганно перекрестились, а затем погладили бороду Магомета. Магомет, толстый, лет пятидесяти, с раннего детства не мытый евнух, борода которого заканчивалась где-то возле коленей, повизгивал от удовольствия и ухмылялся.

Анвар-паша украдкой выглянул из кустов. В окрестностях казаки плутали по закоулкам. Бесстрашный янычар Анвар судорожно сделал семь испуганных глотков трофейной водки и почти справился с колотившей его дрожью.

Чувствовалось, что совсем недолге произойдет освобождение болгар...

Агенту охраны – коллежскому филёру второго класса Передасту Факторину было нехорошо. Вчерашнее совещание в главной квартире уже почти закончилось к восьми утра, но стихийно продолжилось до обеда.

Факторин, которого местные болгарские острословы метко окрестили «факт-на-лицо» и лицо которого и в самом деле чем-то неуловимо напоминало факт, вылез из-под медвежьей шкуры посреди Вагенбурга¹ с брезгливой гримасой. Состояние было ужасным, а задание департамента полиции давило на него отвратительной обязанностью.

В поисках ближайшего стакана ракии² Факторин добрал до маркитантки Клавдии, спавшей в дальнем углу Вагенбурга, под открытым небом.

– Послушайте, похмельиться дайте! Сей час же! – Факторин ткнул маркитантку стволом револьвера «Ле Фоше» под ребра.

– Ась? – встrepенулась маркитантка, намеревшаяся участвовать в том же совещании в главной квартире, что и Передаст.

– Разуйте свои ясные очи, сударыня! – вспылil Передаст. – Водку давайте! Не ровён час, случится атака, а мы не готовы!

– Святители небесные! Пресвятые угодники! Понаехало тутa Вас – агентов жандармских! Где жа на всех водки то напасесьи! – маркитантка неуклюже зашевелилась и встала на четвереньки.

– Не жандармских, а по заданию Департамента полиции должен я султана жизни лишить, а гарем их султанский – всей чести. Обесчестить, стало быть, усих жен и наложниц султановых! – заверещал Передаст.

– Нешто справишься, болезная твоя душа! – засомневалась маркитантка. – Эвон, опосля совещания с одной мной

не смог совладать, а туда же – гарем ему цельный подавай!

– Опосля, как Вы изволили метко выразиться, совещания меня самого можно было это – того – самого, – робко молвил Передаст, но тут же, устыдившись своего смущения, закричал на весь Вагенбург. – Да дашь ли ты водки, или застрелить тебя наприклад!

– Стрелить он меня надумал! Смотрите, православные, какой разбой фараоны вершать! Водки ему подавай! Зальют гляделки свои с утра – честной женщине проходу нет! – маркитантка резко встала в третью позицию.

– Ну, так я Вам в ухо дам, сею секунду! – держа себя из последних сил в рамках приличий того века, просипел Факторин.

– Давал тутa один такой, да плохо, болезный, кончил. Отрубили ему башку башибузуки. Так что ты не очень-то руками размахивай, хунвейбин из Петербурга! – маркитантка вытащила из-за пазухи оплетенную лозой бутылку.

По тщедушному телу Факторина пробежала крупная дрожь, горящему взору на мгновение привиделась пожираемая белым бульдогом Пелагия, мертвенная бледность залила его одухотворенное чело, правая рука рефлекторно вытащила из широких штанин граненый стакан...

Клавдия аккуратно наполнила протянутый стакан до краев, украдкой перекрестилась, держа, однако, бутылку наготове.

Факторин на мгновение замер с широко открытыми глазами, резко выдохнул, изгнав воздух отовсюду, из самых-самых, что ни на есть потаенных уголков своего пострадавшего тела и резким движением влил в себя ракию. Зажмурился, передернулся и широко улыбнулся.

– Голубушка! Матушка родная! Спасительница! – мягким кротким голосом обратился он к Клавдии. – Позволь облобызать тебя всю, вседержательница! Я перед тобой виноват немного, ну ты уж прости меня, окаянного, постылого! Уж я отслужу тебе!

– То-то! А то – «стрелю наприклад»! Накось еще прими, от души! – с этими словами Клавдия налила Передасту второй

стакан.

Задание департамента полиции постепенно отходило на второй план...

Глава вторая. В ПЫЛИ ВАГЕНБУРГА

Задание департамента полиции отошло уже даже не на третий, а на примерно шестой – седьмой план, когда в Вагенбург на полном скаку с посвистом и гиканьем влетела рыжая девица в зеленой амазонке. Голубые глаза глядели дерзко и вызывающе блудливо. Коня под ней не было.

Тем временем, Факторин с Клавдией и присоединившимся к ним генералом Соболевым – великовозрастным бонвиваном в заляпанном винными пятнами придворном мундире, сидя по-турецки посреди Вагенбурга, разливали по-маленькой. Девица в клубах пыли подсакала к сидящим. Соболев вскочил и со всей отпущенной ему природой галантностью, предложил ей присоединиться к ним.

– Отойди, образина! – девица с неожиданной в столь хрупком теле силой оттолкнула генерала, и, дерзко заглядывая в глаза Факторину, произнесла:

– У тебя последний шанс! – после чего уселась рядом с Клавдией и одним глотком выпила всю Факторинскую ракию.

– Вы что?! – в немом изумлении выдал из себя Факторин. – Вы что наделали, пся Ваша крив?! То ж последняя в миру ракия была! – он горестно всплеснул руками и без сил повалился в пыль Вагенбурга.

Откуда-то, видимо, издалека, прилетел тяжелый турецкий снаряд и взрыхлил землю рядом с Факториным. Начался новый боевой день освободительного похода. Генерал Соболев мелкой рысцой помчался в штаб. Рыжая девица, в свою очередь, выхватила из-за пазухи маленький пистолетик, навела его на широкую фигуру убежавшего генерала и нажала на спуск. Из ствола вылетело облачко белого дыма, а генерал схватился обеими руками за правую ягодицу, но прыти не убавил, и через мгновение был в штабной палатке. Там сразу

что-то с грохотом упало, послышалась отборная матерщина. Клавдия в изнеможении повалилась в пыль, которую Факторин орошал горестными слезами. Девица, повертев головой, орлиным взором углядела иностранного корреспондента и вскачь понеслась в его сторону. Тот, заметив опасность, рванул прочь от Вагенбурга и скрылся в посевах кукурузы. Она проворно нырнула за ним. Факторин поднял заплаканное лицо к лазоревому небу и взвыл – неприятельский снаряд пропорол ему штаны.

Между тем, в посевах кукурузы с противоположной стороны проник отряд янычар, под предводительством бесстрашного Анвара. А с востока в кукурузу влез господин сомнительного происхождения и сомнительного же рода занятий. Шпион, наверное! Факторин, подстегнутый вторым турецким снарядом, опрометью бросился за девицей. В кукурузе что-то назревало! Там раздавались непотребные в приличном обществе крики на турецком языке, остроумные и мало кому понятные английские идиомы, странные русские выражения со словом «мать» и другие слова, сильно напоминающие английские местоимения.

Глава третья. В КУКУРУЗЕ

В кукурузе янычары нагнали корреспондента и, горланно гогоча, окружили его.

– Я есть британский подданный! – на ломаном турецком языке кричал корреспондент. – Я есть большой турецкий френд! Кунак!

Анвар в ответ только весело смеялся и подзадоривал подчиненных. Девица в это время подкралась, достала пистолетик, тщательно прицелилась и нажала на спуск. Последовал сухой щелчок, и Анвар, обладавший воистину кошачьим слухом, тут же его услышал. По-волчьи взвизгнув, он набросился на девицу. Она ответила ему очень болезненным пинком в пах. Анвар скрючился до размеров, дозволенных природой. Девица, воспользовавшись временным замешательством, проворно бросилась прочь, по пути налетев на Факторина, которого увлекла за собой.

Сразу подъехали казаки. Вышла большая сеча. Кукурузы посекали много. Жертв не было, вот только предполагаемого шпиона никто более не видел! Так Факторин и девица спасли государственные секреты от врага.

Глава четвёртая ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ИМПЕРИИ

Башни и минареты Стамбула призывно маячили на расстоянии полета стрелы, пущенной не очень искусной рукой. Факторин, который на шестидесятый день освободительного похода уничтожил все окрестные запасы ракии и потому находился в состоянии крайнего «не в себе», второй час пялился на Стамбул в компании рыжей девицы, очкастого вольноопределяющегося и увечного генерала Соболева. Генерал был болен на голову, но утверждал, что это у него с рождения и карьере никак не мешает!

– Жара! – задумчиво произнес Факторин. – Хорошо-то как! Ну, где эти, мать их так, ключи от города! Выпить охота, господда, мочи никакой нет!

Генерал всю ухаживал за девицей. Очкастый волонтер тоже имел на нее виды и потому отчаянно ревновал. Они не уделили словам Факторина должного внимания. А надо бы!

Вдали показался поезд. Факторин встрепенулся и, не в силах более сдерживаться, побежал ему навстречу. В то же мгновение со стороны Стамбула раздался одинокий ружейный выстрел. Факторин на бегу, как-то нелепо, по бабьи всплеснул руками, ноги его внезапно подкосились. Взор потухал, с последним вздохом уста, измученные нестерпимой жаждой, вымолвили:

– Вот Вам и гамбит, господда, Вашу мать!

Невыносимая мука исказила его холодные черты, гримаса из первой главы обезобразила губы.

Пал! Пал последний герой империи! Мир его праху!

А Болгария после, в каждой мировой войне, воевала против России! Не Факторинская ли то заслуга?!

*Подлинную рукопись подготовил к печати
Олег Курзанцев.*

Примечания

Дмитрий Шагуахметов
ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ «НАШЕЙ ГАЗЕТЫ»
Рабочий дневник (август-сентябрь 1989г.)

В старые добрые времена книги писали писатели, а читали все; теперь же книги пишут все, но не читает никто.

Оскар Уайльд

¹ (с.11) – *Региональный забастовочный комитет* создан 16 июля 1989г. из забастовочных комитетов отдельных городов и предприятий. 26 июля на второй конференции забастовочных комитетов переименован в Совет рабочих комитетов Кузбасса (*Л.Н. Лопатин. История рабочего движения Кузбасса 1989-1991гг. – Прокопьевск: Пласт, 1995. – С.89*). Положение о Совете официально зарегистрировал облисполком 2 августа (Там же. – С.90). О значении Совета: «Трудно переоценить факт регистрации новой для СССР общественной структуры. Читатель постсоциалистического времени вряд ли сумеет представить ту степень монополизации, которая существовала тогда в общественной жизни страны... В юридической практике Советского Союза отсутствовал даже прецедент регистрации не только альтернативной, но даже параллельной уже существующей под бдительным оком КПСС общественной организации...» (Там же. – С.90).

² (с.11) – *Герольд Юрий Анатольевич* – заместитель председателя регионального забастовочного комитета Кузбасса, один из сопредседателей конфедерации труда.

³ (с.11) – *Асланиди Александр Валентинович* – председатель кемеровской региональной организации «Партия Демократический Выбор России» (ДВР), член Совета Федерации в 1993-1995гг.

⁴ (с.11) – *Землянухин В.Н.* – член регионального забастовочного комитета, горный мастер.

⁵ (с.11) – *Лебедев Владимир Александрович* – сопредседатель, потом председатель Общественной палаты Кемеровской области, бывший секретарь обкома КПСС.

⁶ (с.11) – *Рудольф Юрий Леонидович* – заместитель председателя Совета рабочих комитетов Кузбасса. Именно *Рудольф*, а не *Авалиани* на первом этапе был фактическим главой Совета: «Судя по тому, что в среднем из 10 документов Регионального комитета как минимум 9 подписывались *Рудольфом*, можно заключить, кто в действительности был его председателем» (*Л.Н. Лопатин. Указ. соч. – С.64*).

⁷ (с.11) – Будущая «*Наша газета*», основанная 11 декабря 1989г. Возникла в результате непосредственного давления рабочих комитетов на органы власти. «...В условиях подконтрольности всех

средств массовой информации органам КПСС возможности журналистов были весьма ограниченные. Иные материалы публиковались с такими сокращениями или с таким опозданием, что утрачивали актуальность. Особенно отличалась в этом отношении газета обкома КПСС «Кузбасс», которая была в то время самым массовым областным периодическим изданием... Неоднократно рабочим комитетам приходилось упрекать эту газету в односторонности и необъективности в освещении материалов рабочего движения. Другая областная газета «Комсомолец Кузбасса» довольно охотно публиковала эти материалы. Но тираж ее в пору директивного распространения подписки был [меньше – Д.Ш.]... А рабочим комитетам нужна была большая аудитория. Поэтому лидеры рабочего движения настойчиво добивались права на издание своей газеты. Еще осенью 1989г., всего за один месяц постабастовочного существования, они на собственном опыте убедились в справедливости слов классика о том, что газета является агитатором, пропагандистом и организатором масс. 1 сентября 1989г. они обратились к высшему руководству страны с телеграммой, в которой настаивали на открытии «собственного печатного органа». Через несколько дней (5 сентября) 3 конференция рабочих комитетов Кузбасса обязала региональный рабочий комитет «принять меры к изданию газеты». В конце сентября рабочие комитеты организовали кампанию в поддержку своей идеи... Письма поддержки с десятками подписей шли как от шахтеров, так и строителей, химиков, металлургов, домохозяек, пенсионеров и др. По ним можно судить о широкой социальной базе рабочих комитетов, которая тогда не замыкалась на одних только шахтерах... 28 сентября 1989г. на бюро обкома КПСС обсуждалось ходатайство рабочих комитетов об открытии газеты. Как и следовало ожидать, члены бюро нашли «убедительные» аргументы, чтобы ее не открывать: «Сначала дайте Устав и Программу «Союза трудящихся Кузбасса»; «12 газет ждут открытия»; «Кузбасс» читают миллионы, а вашу газету будут читать несколько групп, значит, она будет карманной»; «В проектах названий «Трудовой Кузбасс», «Искра», «Подснежник» - двойной смысл»; «Надо использовать нашу партийную прессу»; «Вопрос преждевременный»... О взаимоотношениях, сложившихся между партийным руководством и журналистами, весьма красноречиво говорит встреча членов бюро обкома КПСС с работниками средств массовой информации, состоявшейся 12 октября 1989г. Одним из ключевых и характерных

на ней было выступление профессора *Н.П. Шуранова*. Ссылаясь на *Ленина*, профессор поучал журналистов, что они-де не должны увлекаться критической направленностью и «в целом должны увлечь людей положительно», что им надо «прежде всего повысить свой идейно-теоретический уровень», что «плюрализм следует понимать, как плюрализм социалистический и никакого капитализма». И вообще, заключил он: «что касается вольной прессы, о которой вы мечтаете, я думаю, вы должны быть все-таки партийной прессой». Это выступление как нельзя более точно отразило выработанную десятилетиями практику подчиненности прессы. Человеком, который «ни в чем, никогда не сомневается, ... все знает наперед – кому как жить, кому что думать, кому что говорить, как себя вести», назвал профессора один из участников той встречи. Но, как выяснилось, не всем журналистам нужна была свободная пресса. Во всяком случае, именно так, видимо, надо понимать журналиста *А. Каретина*, заявившего, что рабочая газета это «мина под наше будущее»... Справедливости ради надо заметить, что *Каретин* журналистом стал недавно, будучи до этого профессиональным комсомольским, а затем партийным работником. «Дальновидность» обкома партии в недопущении газеты рабочего движения вскоре оправдалась. Готовясь к очередной... конференции, рабочие комитеты не смогли опубликовать и сами документы состоявшейся конференции. Это создало, как писала «Сибирская газета», значительные трудности, так как многие делегаты ознакомились с проектами документов лишь на самой конференции... Из документов обкома партии не видно, что идея создания рабочими комитетами газеты воспринималась там серьезно. Судя по всему, этот вопрос воспринимался скорее в политической плоскости, чем в практической. Не было еще прецедента свободного издания во всем социалистическом лагере (кроме Польши). О каком свободном издании могла идти речь, когда вся полиграфическая база была в руках КПСС? Стоило только позвонить... и судьба любого печатного листка (даже тетрадного, со сводкой погоды) была предрешена. А бумага? А деньги на издание? А «Сюзпечать» для распространения? В обкоме знали, что даже из секретарского кабинета эти вопросы соскочивать было далеко не просто. Однако рабочие комитеты, несмотря на свой младенческий возраст, повели себя в этом вопросе (как, впрочем, и во многих других) удивительно настойчиво и политически профессионально. К отказам они были, по всему видно, готовы, воспринимали

их как естественную реакцию, но шаг за шагом продвигались к своей цели. *А.В. Асланиди, А.А. Белов, Ю.А. Герольд*, которым 3-я конференция поручила подготовительную работу к изданию газеты, уже к середине ноября провели переговоры с десятками журналистов на предмет сотрудничества с газетой рабочего движения. С 26 из них были подписаны соответствующие договоры. Было найдено помещение для редакции. Заручились поддержкой Кемеровского и Новокузнецкого полиграфкомбинатов. Заключен договор на поставку 260г. газетной бумаги... О том, что рабочие комитеты были организационно готовы к выпуску своей газеты, еще в ноябре 1989г., говорит тот факт, что материалы 4-й конференции они без труда, а главное – добротнo и оперативно опубликовали в специальном выпуске на двух полностраничных газетных листах (ответственный за выпуск *Дмитрий Маратович Шагиахметов*). 29 ноября 1989г. рабочие комитеты вновь обратились в ЦК КПСС с письмом о трудностях с публикациями материалов рабочего движения в партийных изданиях. По их мнению, это шло «вразрез с провозглашенным на последнем пленуме обкома КПСС призывом к консолидации и сотрудничеству областной парторганизации с рабочим движением»... Письмо это, похоже, было своеобразной политической подстраховкой. Ибо накануне, 28 ноября, расширенный СРКК принял решение об издании явочным порядком первого номера своей газеты, выделив на эти цели 1 тыс. рублей. Формально этот номер значился как... [многотиражка – *Д.Ш.*] завода «Карболит», носившей название «Химик» (редактор *Алла Ивановна Голованова*). 20 декабря вышел следующий номер (№2) на газетных площадях уже другой многотиражки – «Строитель». Затем был – «Железнодорожник Кузбасса», потом – «За большую химию». В рабочих комитетах шутили: «Многотиражки выстроились в очередь за право выпуска «информационного бюллетеня». Это была необычная по тем временам газета. Долгое время ее делали фактически три журналиста – *Д. Шагиахметов, В. Попок, В. Шишватов*. От рабочих комитетов организаторами выступали сначала *А. Асланиди* и *А. Белов*, затем – один *А. Асланиди*, который через несколько лет станет ее исполнительным директором. Газета была нестандартной как по форме, так и содержанию. Даже язык статей был непривычен советскому читателю, воспитанному на газетных штампах. Она тут же стала массовой. Тираж достиг 60 тыс. экземпляров. Несмотря на то, что ее цена была... [почти в 7 раз – *Д.Ш.*] выше других газет (держались-то

без дотаций), она мигом раскупалась. Каждый ее экземпляр по прочтении передавался коллегам, знакомым, соседям и т.п. Сначала газету распространяли сами активисты рабочего движения, затем заключили соответствующий договор на продажу ее через киоски «Союзпечати». «...Люди за этой газетой в очередь стояли, как за водкой», – с раздражением и упреком обкомовским идеологам говорил *А.Г. Тулеев* в феврале 1990г... (Водка тогда продавалась по талонам всего в нескольких магазинах даже крупных городов. Величина очереди и эмоциональный настрой в них были соответствующими). Без большого преувеличения можно сказать, что газета стала любимой в народе. Как были любимы в то время еженедельная газета «Московские новости» и журнал «Огонек». Потому-то редакторы очень скоро нашли ей блестящее по смыслу название «Наша газета». Однако только 9 февраля 1990г. обком партии, наконец-то, дал официальное разрешение на ее выпуск, сделав, таким образом, «Нашу газету» первым во всем Советском Союзе легальным, массовым, оппозиционным периодическим изданием. Сначала «НГ» выходила раз в неделю, затем – 2 раза, а с июля 1991г. – 3 раза. Кроме кузбассовцев ее подписчиками стали жители более 400 населенных пунктов СССР, посольства всех крупных стран в Москве, частные граждане, живущие в США, Канаде, Австрии, Австралии, Франции, ФРГ и др. Даже когда в СССР газетный бум упал, «НГ» продолжала долгое время оставаться самой массовой газетой Кузбасса. В статье под заголовком «Так победим!» (от 13 февраля 1990г.) соредакторы газеты *Д. Шагиахметов, В. Шишватов* и *В. Попок* писали: «Мы победили не только *Мельникова, Лютенко, Ленского* и других членов обкома, долго тянувших с разрешением... Мы победили вчерашние представления, стереотипы, собственный вчерашний страх». С первых дней существования «НГ» ее соредакторы установили совершенно нетрадиционные отношения со своим издателем – рабочими комитетами, чьим органом была газета... В соответствии с ленинскими принципами партийной литературы, высказанными Владимиром Ильичом еще в 1905г., в Советском Союзе сложилась практика жесткого подчинения редакции своему издателю, обычно – партийному комитету. Этот стереотип был сломан. Никакого диктата со стороны рабочих комитетов не наблюдалось по поводу «что писать» или «как писать» (хотя поползновения со стороны отдельных людей были). Никаких «вызовов на ковер». Было сотрудничество сторон. Творческое и доверительное. Содержание

материалов было полной прерогативой редакции. Лишь в постсоциалистическое время подобные отношения стали обычной практикой в работе периодических изданий. Но это будет потом. Редакция «Нашей газеты» была первой, кто имел возможность работать в «оранжерейных» условиях отсутствия не только идеологической цензуры со стороны властей, но и командных окриков со стороны издателя. Соредакторы, разумеется, допускали и просчеты. Тон статей был порой жестковатый и даже грубый, а иногда непозволительно вольный. В газете почти не появлялось статей, с содержанием которых редакция была несогласной. Газета порой увлекалась критикой одиозных политических фигур Кузбасса, хотя, по правде сказать, они заслуживали и более жесткой критики. Не всегда соблюдалось разумное соотношение негативного и позитивного материала. И тем не менее, роль «Нашей газеты» в формировании общественного сознания кузбассовцев трудно переоценить. Она помогала им преодолевать идеологические стереотипы, избавляться от навязчивых догм. Прошло несколько лет и выяснилось, что газета стала своеобразной документальной летописью политических событий не только Кузбасса, но и всей страны. Стало понятно, почему ее выписывали посольства...» (Л.Н. Лопатин. Указ. соч. – С.130-135).

⁸ (с.11) – Мельников Александр – секретарь кемеровского обкома КПСС.

⁹ (с.12) – Слюньков Н.Н. – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

¹⁰ (с.12) – Авалиани Теймураз Георгиевич – народный депутат СССР, депутат ГД РФ. В 1989г. – председатель Регионального забастовочного комитета. О нем: «Авалиани не часто бывал в штаб-квартире Регионального комитета (в Кемерове), ситуацией в рабочем движении, видимо, владел недостаточно, и считать его лидером рабочего движения Кузбасса нет оснований. Закономерно, что в один из самых ответственных моментов, на переговорах с правительственной комиссией в январе 1990г., он оказался лишь рядовым участником, причем не на стороне рабочих комитетов» (Лопатин Л.Н. Указ. соч. – С.64-65).

¹¹ (с.14) – Кислюк Михаил Борисович – один из консультантов при Совете, впоследствии – губернатор Кемеровской области.

¹² (с.17) – Лютенко А.Ф. – председатель Кемеровского облисполкома.

¹³ (с.18) – О социальном составе Регионального забастовочного комитета: «Почти половина членов... (из 26 чел. – 12)

имели высшее и среднеспециальное образование. Это само по себе было какой-то гарантией серьезной проработки принимаемых решений. Более половины состава комитета были коммунистами. А два человека: Ю.Н. Ефименко и Б.И. Иванов работали даже секретарями парткомов предприятий. Это говорит о том, что, с одной стороны, рабочие не очень-то интересовались анкетными данными избираемых лидеров, а с другой, – это было свидетельством равнодушия рабочих к партийной принадлежности. В коммунистах они не видели своих противников. Они интересовались только деловыми (а позднее и моральными) качествами избираемого лица. Потребуется год, прежде чем весной 1990г. рабочие впервые поставят вопрос о нецелесообразности использования интеллектуальной помощи одного из своих консультантов только на том основании, что он коммунист. Поставят, но не получат одобрения» (Лопатин Л.Н. Указ. соч. – С.64).

¹⁴ (с.18) – Сорокин А.Н. – местный журналист, одно время писал на «забастовочные» темы, редактировал специальные пресс-бюллетени, которые издавались Кемеровским горкомом КПСС совместно с рабочим комитетом. (Лопатин Л.Н. Указ. соч. – С.92).

¹⁵ (с.18, 25) – Попок Василий – бывший соредактор «Нашей газеты». Впоследствии «изменил ориентацию», работал на газету «Завтра», стал наиболее приметным оппонентом правой идеи в кузбасской журналистике. Автор скандальных статей «Еврей в России больше чем еврей», «Сагара – слуга Чубайса и Гайдара» и многих подобных.

¹⁶ (с.22, 27) – Протокол – сокращенное от: «Протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС». Принят 19 июля 1989г. (Лопатин Л.Н. Указ. соч. – С.67).

¹⁷ (с.25) – Голиков Вячеслав Михайлович, впоследствии многолетне – руководитель Совета рабочих комитетов Кузбасса, один из лидеров Союза правых сил в Кузбассе.

¹⁸ (с.25) – Золина Инна Яковлевна – журналист «Кузбасса», впоследствии – член редколлегии трехтомника «Страниц истории города Кемерово» (1997-1999).

¹⁹ (с.26) – Волнения на шахте имени Шевякова знаменовали переход от отдельных выступлений протеста к широкому забастовочному движению, подхваченному всеми шахтерскими городами Кузбасса.

²⁰ (с.26) – Трутнев А.В. – редактор газеты «Кузбасс».

²¹ (с.27) - *Колпаков Александр* – журналист местной телекомпании, позднее – зам. главного редактора телекомпании НТВ.

²² (с.27) - *Котляров Юрий* – корреспондент газеты «Труд» по Кузбассу.

²³ (с.28) - Прилетел в Кемерово спецрейсом 17 июля 1989г. (*Л.Н. Лопатин*. Указ. соч. – С.66).

²⁴ (с.30) - ОБХСС – отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности.

²⁵ (с.30) - О повестке и Уставе: «На 5 сентября рабочие комитеты назначили свою 3-ю областную конференцию. На ней предстояло определить курс движения. О том, какой это может быть курс, недвусмысленно говорила повестка дня конференции. Из пяти вопросов, планируемых для обсуждения, четыре – выходили на политические проблемы: о передаче власти Советам народных депутатов; об участии рабочих комитетов в выборах в Советы, о принятии Закона о забастовках, о создании общественно-политической организации рабочих Кузбасса... Правда, пункт о собственной организации был закамуфлирован под вопрос об Уставе Совета рабочих комитетов Кузбасса» (*Лопатин Л.Н.* Указ. соч. – С.100).

²⁶ (с.33) - *Щадов М.И.* – министр угольной промышленности СССР 1985-1991гг.

²⁷ (с.33) - Статья 6 Конституции – вопрос об ее отмене обсуждался на третьей конференции рабочих комитетов Кузбасса: «Конференция призвала созвать Съезд народных депутатов СССР для исключения из Конституции ст. 6 о направляющей и руководящей роли КПСС... [Делегаты конференции] посчитали, что эта статья противоречит ст. 2 о полновластии Советов народных депутатов... Это была первая в Советском Союзе резолюция массовой общественной организации, отвергающая руководящую роль КПСС. Для многих кузбассовцев (да и не только их) такая постановка вопроса о КПСС тогда была не очень-то понятной. Не многие в СССР понимали, что корень тоталитаризма, политическая и юридическая основа насилия государства над личностью лежит в том, что партия не только присвоила, но и законодательно оформила еще в 1936г. свою государственную власть над народом... Еще более удивительна резолюция конференции о проекте Закона по выборам народных депутатов в республиканские и местные Советы. Сравнивая предложения активистов рабочего движения Кузбасса с практикой выборов 1989г., а также с выборами

1990г., можно подумать, что в сентябре 1989г. шла конференция не людей «от станка», «от лопаты», а собрание государственных мужей. Видимо, таковыми они и были, эти парни из забоев. Их предложения потом вошли в Закон о выборах 1990г. Они предлагали: выдвигать кандидатов не только в трудовых коллективах, но и на собраниях избирателей, а также путем сбора подписей; отменить окружные собрания избирателей (на них-то путем открытого голосования и отсеивались самые неугодные чиновникам кандидатуры); вносить в бюллетени не менее двух кандидатов; проводить выборы Верховного Совета республики прямым голосованием избирателей (последнее предложение не прошло)» (*Л.Н. Лопатин*. Указ. соч. – С.103).

²⁸ (с.34) - *Сребный М.А.* – председатель ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности.

²⁹ (с.34) - ГРОЗ – горнорабочий очистного забоя.

³⁰ (с.34) - *Сергеев Юрий* – фотограф газеты «Кузбасс».

³¹ (с.34) - Один из лучших «экспериментальных» молодежных театров Москвы.

³² (с.34) - *Карзова Вера* – журналист.

³³ (с.35) - *Шагиахметов Марат* – корреспондент газеты «Кузбасс» в 1959-1965гг., отец автора дневника.

³⁴ (с.38) - *Лобанова Марианна* – корреспондент газеты «Кузбасс». Многолетне выступала против строительства Крапивинского водохранилища – авантюрного проекта, осуществление которого могло привести к экологической катастрофе. О Крапивинском гидроузле: «В день утверждения своего официального статуса рабочие комитеты объявили о проведении 3 августа забастовки в связи с невыполнением 33 пункта «Протокола» о прекращении строительства Крапивинского гидроузла. Этот пункт в «Протоколе» появился в связи с тем, что с пуском Крапивинской ГЭС в Кузбассе могла произойти экологическая катастрофа. Угроза новой забастовки была настолько реальной, что собрали экстренную сессию Кемеровского областного Совета народных депутатов (2 августа). В район строительства сессия отправила комиссию, которая должна была подтвердить или опровергнуть заверения властей Кузбасса, что работы прекращены. За всем происходящим на сессии кузбассовцы следили по прямой радиотрансляции. Они лишней раз смогли убедиться, что честное слово руководства Кузбасса абсолютно ничего не стоит. Комиссия доложила, что работы по строительству как шли, так и идут. И это можно

было установить без вылета комиссии на объект (примерно в 60 км от Кемерово), так как в зале заседаний сессии находилось почти все руководство стройки. Да и в обкоме и облисполкоме не могли не знать о действительном положении дел на строительстве... Эта история с крапивинским обманом показала неисправимость руководителей, для которых бесстыдная ложь была образом жизни, методом управления. Если уж через две недели после такой грандиозной забастовки, имея сильнейших оппонентов в лице рабочих комитетов, власти шли на откровенный обман, то чего от них еще было ожидать?» (*Лопатин Л.Н.* Указ соч. – С.91).

³⁵ (с.39) - О Союзе трудящихся Кузбасса: «...Самым выдающимся событием на конференции стало создание общественно-политической организации «Союз трудящихся Кузбасса» (точнее, его провозглашение). В эту организацию включались все структуры рабочих комитетов (региональный, городские, поселковые, предприятий). О том, насколько лидеры рабочего движения Кузбасса опережали время, создавая «Союз», говорит хроника создания подобных организаций в других регионах страны. Учредительная конференция «Союза трудящихся Донбасса» состоялась 10 февраля 1990г., «Союза трудящихся Инты» – 2 февраля, Караганды – в мае (как областной стачечный комитет)... Интересно, что на конференции в Кузбассе только один делегат голосовал против создания «Союза». Им был *Т.Г. Авалиани*» (*Л.Н. Лопатин.* Указ. соч. – С.103-104).

³⁶ (с.41) - *Зильбер Тамара* – журналист, впоследствии уехала на жительство в Великобританию.

Георгий Петрович
ПОД ФИГОВЫМ ЛИСТКОМ ЛАОКООНА
Рассказ

¹ (с.210) – Талант – вес серебра.

Петр Ореховский
БАЛЛАДЫ ОСЕНИ

¹ (с.276) – *В. Розанов.* Опавшие листья.

Сергей Папков
В ТУПИКЕ

Последние дни Академии Генштаба и Белой
Армии на Востоке России в описании
генерала Антоновича

¹ (с.376) – *Андогский Александр Иванович* (1878–1931) – генерал-майор; с 1917 г. по октябрь 1922 г. нач. Академии Генерального штаба. С началом гражданской войны эвакуировался вместе с личным составом Академии в Екатеринбург, затем в Томск. В Омске был помощником управляющего военным министерством по снабжению, 1-м генерал-квартирмейстером штаба армии *Колчака*, первым помощником нач. штаба Верховного Главнокомандующего. Затем эвакуировался с Академией из Томска во Владивосток. В 1921 г. преподаватель Владивостокского военного училища. В 1922 г. городской голова Владивостока. Уехал в Японию и оставался там после захвата Владивостока красными. В 11.1922 – 08.1923 был приглашен для чтения лекций по военной стратегии к японскому наследному принцу *Хирохито*. Позже переехал в Манчжурию. С 1923 г. жил в Харбине, читал лекции, писал статьи. Был директором 1-го реального училища, заведующим кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук. Умер в Харбине.

² (с.376) – ГАНО, ф.-Р. 1027, оп. 1, д. 658, л. 68 об.

³ (с.377) – *Гришин-Алмазов Алексей Николаевич* (1881-1919) – один из организаторов Белого движения в Сибири; с мая 1918 г. командующий войсками Омского военного округа, Командующий Сибирской армией; с июля – одновременно управляющий Военным министерством. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена. По другой версии – застрелен одним из большевиков.

⁴ (с.377) – ГАНО, ф.-Р. 1027, оп. 1, д. 658, л. 69.

⁵ (с.378) – Там же, л.70.

⁶ (с.378) – *Розанов Сергей Николаевич* (1869–1937) – генерал-лейтенант; в Белом движении с сентября 1918 г.: нач. штаба армии КОМУЧа и Уфимской Директории. Особый уполномоченный адмирала *Колчака* в Красноярске (генерал-губернатор Енисейской области). С июля 1919 г. по январь 1920 г. Командующий войсками и главный начальник Приамурского края. С 1920 г. в эмиграции в Китае и Франции. Умер в Медоне (Франция).

⁷ (с.378) – ГАНО, ф.-Р. 1027, оп. 1, д. 658, л. 70 об.

⁸ (с.379) – Там же, л. 71.

⁹ (с.379) – *Медведев Александр Иванович* – 1853 г.р.; генерал-лейтенант; в 1918-1920 гг. преподаватель Академии Генерального штаба. В 1920–1922 гг. исполнял обязанности начальника Академии. Остался в России. Умер в Красноярской тюрьме.

¹⁰ (с.379) – *Болдырев Василий Георгиевич* (1875–1933) – генерал-лейтенант; в сентябре–ноябре 1918 г. главнокомандующий войсками Уфимской Директории. После свержения *Колчака* Директории был выслан в Японию. В 1920 г. вернулся во Владивосток. Член правительства ДВР, в апреле–декабре 1920 г. Главнокомандующий войсками Временного правительства Приморской Областной Земской управы во Владивостоке. Остался в СССР; жил и работал в советских учреждениях в Новониколаевске (Новосибирске). В 1933 г. арестован ОГПУ и расстрелян.

¹¹ (с.379) – ГАНО, ф.-Р. 1027, оп. 1, д. 658, л. 71.

¹² (с.379) – Там же, л. 72.

¹³ (с.381) – Там же, л. 132.

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА АНТОНОВИЧА

¹ (с.382) – Речь идет об известном «доме Ипатьевева», в котором 17 июля 1918 г. большевиками была расстреляна семья императора *Николая II* и большинство сопровождавших ее лиц.

² (с.382) – Имеется в виду императрица *Александра Федоровна* – жена *Николая II*.

³ (с.383) – В июле 1918 г., накануне внезапного захвата Екатеринбурга белыми войсками, часть персонала Академии Генштаба и ее имущества успела эвакуироваться в Казань по приказу большевистского руководства и соответствующему решению членов конференции (совета) Академии; задержавшаяся часть (библиотека, склад учебных пособий и немногочисленный персонал) перешла в ведение белой Сибирской Армии. Поэтому оставшиеся на территории белых испытывали серьезные опасения, что их коллеги могут превратиться в заложников у красных. Воссоединение Академии произошло после освобождения Казани от большевиков в конце июля 1918 г.

⁴ (с.383) – Временное Сибирское правительство было образовано в Томске в январе 1918 г. из членов Сибирской областной думы под председательством *П.Я. Дербера*. К моменту, о котором пишет

Антонович (август 1918 г.), его преемником стала Уфимская Директория (Временное Всероссийское правительство), состоявшая из пяти лиц: *Н.Д. Авксентьев* (председатель), *П.В. Вологодский*, *В.Г. Болдырев*, *В.А. Виноградов* и *В.М. Зензинов*. С октября по ноябрь 1918 г. Директория («Пятерка») и ее аппарат находились в Омске.

⁵ (с.383) – *Попов Виктор Ильич* – генерал-майор, генерал-квартирмейстер Сибирской армии.

⁶ (с.383) – *Христиани Григорий Григорьевич* – 1863 г.р., генерал-лейтенант, профессор Академии Генерального штаба; в 1918-1920 гг. преподаватель Академии, некоторое время исполнял обязанности ее начальника. Остался в России. Умер в Красноярской тюрьме.

⁷ (с.383) – *Гришин-Алмазов Алексей Николаевич* – см. прим. к предисловию.

⁸ (с.386) – *Голицын Владимир Васильевич* – 1878 г.р., один из организаторов Вооруженных Сил Восточного фронта, летом 1918 г. нач. Екатеринбургского гарнизона Сибирской армии; генерал-лейтенант. В 1919 г. командующий Уральской группой; инспектор при штабе Верховного главнокомандующего. С 1920 г. в эмиграции в Китае.

⁹ (с.387) – Сергей - сын *А.Т. Антоновича* 1906 г.р.

¹⁰ (с.390) – В этом месте в дневнике Антоновича сделан переход от 1918 к январю 1920 г., к событиям, знаменующим падение власти *Колчака* на Дальнем Востоке (в лице генерала *С.Н. Розанова*) и переход ее к представителям земства при формальном главенстве эсеров. Причина, объясняющая отсутствие дневниковых записей за 1919 г., не установлена.

¹¹ (с.390) – Речь идет об антиколчаковском выступлении 31 января 1920 г., завершившимся переходом власти на Дальнем Востоке к Приморской Земской управе во главе с эсером *А.С. Медведевым*. Фактически власть оказалась под контролем большевиков, занявших основные посты в новых учреждениях: Областной Земской управе, Военном совете армии и др. (*Лазо, Сибирцев, Луцкий*.) Решающую роль в этом перевороте сыграли оккупационные силы интервентов, рассчитывавшие создать на Дальнем Востоке правительство не большевистского толка, способное объединить все конфликтующие стороны в этом очаге гражданской войны. Власть пробольшевистской Земской управы оказалась недолговечной и была свергнута при содействии японской армии уже 4-5 апреля 1920 г.

¹² (с.390) – Все это время *А.Т. Антоновича* сопровождала его семья – жена Анастасия Владимировна, дочь Евгения, сыновья Сергей и Александр.

¹³ (с.390) – *Антонович* сравнивает случившийся переворот на Дальнем Востоке с аналогичными событиями декабря 1919 г. в Иркутске, в результате которых *Колчак* оказался в руках чехов и эсеровского Политцентра, а затем был передан в руки большевиков.

¹⁴ (с.390) – *Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович* (1890–1946) – один из организаторов антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке. В 1918–1919 гг. командующий дивизией, корпусом, Восточно-Сибирской отдельной армией. Указом Верховного правителя *Колчака* от 4 января 1920 г. *Семенов* получил «всю полноту гражданской и военной власти на всей территории Российской восточной окраины»; с февр. 1920 г. Главнокомандующий войсками Российской восточной окраины, атаман казачьих войск Сибири и Урала; генерал-лейтенант. С 1921 г. в эмиграции в Китае. В 1945 г. арестован советскими войсками в Корее, вывезен в Москву, казнен (повешен).

¹⁵ (с.391) – Возможно, здесь опечатка. Очевидно, речь идет о генерале *С.Н. Розанове* – представителе *Колчака* на Дальнем Востоке (см. прим. к предисловию).

¹⁶ (с.391) – Генерал *М. Жанен* (1862-1946) – глава французской военной миссии в Сибири при правительстве *Колчака*, в 1918 г. главнокомандующий чехословацкими войсками в России. Генерал *А. Нокс* (1870-1964) – глава британской военной миссии при *Колчаке*. После поражения Белого движения служили для многих олицетворением иностранного вмешательства в дела России.

¹⁷ (с.392) – *Вериго Леонид Витальевич* – в 1918 г. нач. штаба Особого Манчжурского отряда атамана *Г.М. Семенова*, в дек. 1918 – апр. 1919 г. нач. штаба Восточно-Сибирской отдельной армии. В 1920 г. комендант Владивостокской крепости; генерал-майор. Позднее – в эмиграции в Китае.

¹⁸ (с.392) – *Смирнов Михаил Всеволодович* – 1893 г.р., полковник; с 1918 г. в белых войсках Восточного фронта; с дек. 1918 г. в Академии Генштаба; оберквартирмейстер штаба 1-го Сводно-Казачьего корпуса. Позднее в эмиграции в Китае, США.

¹⁹ (с.392) – Речь идет об антиколчаковском восстании, поднятом в ноябре 1919 г. во Владивостоке под руководством бывшего Командующего колчаковской армией *Р. Гайды*, и жестоко подавленным войсками генерала *Розанова*. Расправа с участниками этого восстания, заметную часть которых составляли солдаты

местного артиллерийского батальона, ускорила распад армии *Колчака* на Дальнем Востоке.

²⁰ (с.393) – *Грэвс Уильям* (1865–1940) – генерал-майор, командующий американскими войсками в Сибири в 1919 г. Автор известной книги «Американская авантюра в Сибири (1918-1920)» – М., 1932.

²¹ (с.393) – Вероятно, имеется в виду *Осипов Василий Георгиевич* – полковник, участник Белого движения в войсках Восточного фронта, бывший командир Иркутского стрелкового полка, 3-й стрелковой Сибирской дивизии.

²² (с.393) – *Дюсиметьер Лев Павлович* – полковник, служил в управлении полевого генерал-инспектора авиации и воздухоплавания, Георгиевский кавалер. Преподаватель Академии Генерального штаба. С конца 1917 г. находился в Добровольческой армии в распоряжении ген. *Корнилова*, затем в войсках Восточного фронта. Позднее – в эмиграции в Шанхае (Китай).

²³ (с.393) – *Оой* – командир 12 дивизии японской императорской армии.

²⁴ (с.394) – *Рябиков Павел Федорович* (1875–1932) – генерал-майор; профессор Академии Генерального штаба; в 1918 г. – 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. Позднее в эмиграции в Японии, Китае, Чехословакии.

²⁵ (с.396) – *Будберг Алексей Павлович*, барон (1869-1945) – генерал-лейтенант (1916). В белых войсках Восточного фронта с мая 1919 г.: помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, военный министр, начальник штаба Приамурского военного округа при командующем ген. *Розанове*. С 1921 г. в эмиграции в Китае, Франции, США. Автор мемуаров «Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея)».

²⁶ (с.405) – *Краковецкий Аркадий Антонович* (1884-1937) – бывший поручик, член партии эсеров, был судим и сослан в Сибирь на каторжные работы. После Февральской революции – председатель Иркутского Совета. В 1917 г. командующий войсками Иркутского военного округа. С января 1918 г. военный министр Сибирского Временного правительства (правительство *П.Я. Дербера*). После его ликвидации руководил партизанскими отрядами на Дальнем Востоке. В 1920 г. командующий войсками Приморской Областной Земской управы (Приморской области). В 1921 г. вернулся в Советскую Россию, стал сотрудником иностранного отдела ГПУ. В 1924-1925 гг. полномочный представитель СССР в Албании. В 1926 г. консул

СССР в Мукдене (Китай). В 1937 г. арестован и расстрелян.

²⁷ (с.405) – *Андогский Александр Иванович* – см. прим. к предисловию.

²⁸ (с.405) – *Медведев Александр Иванович* – см. прим. к предисловию.

²⁹ (с.405) – Бест (персидск.) – право убежища на территории некоторых священных и неприкосновенных мест (мечетей, гробниц); с XIX в. обозначение помещений иностранных посольств и других мест, пользующихся экстерриториальностью. Здесь: укрытие, убежище.

³⁰ (с.406) – В попытке не допустить распространения власти большевиков на Дальнем Востоке, японская оккупационная армия в марте 1920 г. предприняла действия по разгрому большевистских сил в крае. Первая их атака была проведена на партизанские отряды (фактически отряды Красной Армии, выступавшие под флагом партизан) в Николаевске-на-Амуре в ночь с 11 на 12 марта 1920 г. С 4 на 5 апреля японская армия выступила во всех городах Приморья. Партизанская армия Приморья вынуждена была уйти в тайгу. Вот как описывает эти события один из очевидцев, капитан *Ф. Клётиков*: «В ночь с 5-го на 6-ое апреля [у *Антоновича* – с 4 на 5 апреля – *С.П.*] с крыши японской гостиницы «Централь», фактически пользовавшейся правами экстерриториальности, раздалась пулемётная стрельба по зданию Приморской Земской управы, т. е. Верховной Власти. Все воинские части, которые находились во Владивостоке и не были захвачены, разбежались. Японский броненосец «Хизан», бывший русский «Ретвизан», открыл стрельбу по красноармейским казармам в Гнилом Углу. К утру всё было кончено, и красной армии во Владивостоке больше не существовало. Одновременно с выступлением японцев во Владивостоке подобные выступления произошли в Никольск-Уссурийске и Хабаровске, в один и тот же час, в одно и то же число. Официальные уверения, что всё это произошло вследствие нападения на японцев русских красных частей, конечно, не могут ввести в заблуждение. Итак, фактически с ночи с 5 на 6 апреля прекратилась власть красных в Приморской области.» (Гуверовские архивы: imperium.lenin.ru/LJ/gollie/2001/12).

³¹ (с.407) – 4-5 апреля 1920 г., таким образом, стали днями нового политического переворота в Приморье: при содействии японских сил полубольшевистская власть Областной Земской управы была свергнута. Ряд большевистских руководителей арестован и предан мучительной смерти. Формальная власть по-прежнему

оставалась в руках Земской управы, но уже в ином составе. В июне 1920 г. было созвано Народное собрание под председательством эсера *Мансветова*, на котором образовалось своеобразное коалиционное правительство с участием коммунистов, эсеров и представителей других партий.

³² (с.408) – *Болдырев Василий Георгиевич* – см. прим. к предисловию.

³³ (с.409) – *Доманевский Владимир Николаевич* (1878–1937) – генерал-лейтенант; в февр. 1920 г. нач. штаба Главнокомандующего сухопутных и морских сил временного правительства Приморской Областной Земской управы во Владивостоке. Затем в эмиграции во Франции.

³⁴ (с.411) – Имеется в виду *А.А. Краковецкий*.

³⁵ (с.412) – *Романов Герасим Федорович* – 1868 г.р.; генерал-майор, участник Белого движения. В 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего во Владивостоке, в 1921 г. нач. штаба Сухопутных и Морских сил Приморской области.

³⁶ (с.413) – Председатель Земской управы *А.С. Медведев*.

³⁷ (с.414) – *Чечек Станислав* – генерал-майор; командир 4-го Чехословацкого корпуса. В 1918 г. командующий Поволжским фронтом Народной армии. В 1920 г. командующий чехословацкими войсками.

³⁸ (с.416) – *Коллюбакин Борис Михайлович* – 1853 г.р.; генерал-лейтенант, профессор и преподаватель Академии Генштаба. Служил в белых войсках Восточного фронта; в янв. – июне 1919 г. и.д. начальника Академии. Остался в России. Умер в Красноярской тюрьме.

³⁹ (с.416) – *Коханов Николай Иванович* – 1875 г.р., генерал-майор (дек. 1918 г.), служил в белых войсках Восточного фронта, и.о. нач. Главного инженерного управления (Омск), затем профессор Академии Генштаба. В советское время профессор Военно-технической Академии в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г.

⁴⁰ (с.416) – *Иностранцев Михаил Александрович* (1872–1938) – сын академика, генерал-майор, профессор Академии Генштаба. Служил в белых войсках Восточного фронта, в 1918–1919 гг. преподаватель Академии, в 1919 г. генерал для поручений в Ставке Верховного Главнокомандующего, генерал для поручений при адмирале *Колчаке*. Позднее в эмиграции в Чехословакии. Умер в Праге.

⁴¹ (с.419) – В этот период на фоне международных переговоров Советской России с Японией и другими противостоящими

силами о судьбе ДВР и иностранных войск в Приморье, представители российской эмиграции в Харбине также развернули в печати активное обсуждение проблемы будущего устройства восточной части России.

⁴² (с.419) – Очевидно, имеется в виду *Рябиков Павел Федорович* – см. выше.

⁴³ (с.419) – *Дитерихс Михаил Константинович* (1874-1937) – видный военный деятель Белого движения, генерал-лейтенант. Начал борьбу в составе войск Чехословацкого корпуса (нач. штаба корпуса). В 1919 г. нач. штаба русских войск Западного фронта, Командующий Сибирской армией, нач. штаба Верховного Главнокомандующего, военный министр в правительстве *Колчака*. Затем в эмиграции в Харбине. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати. С 1923 г. вновь в эмиграции. Умер в Шанхае (Китай).

⁴⁴ (с.423) – *Травников Константин Авксентьевич* – 1874 г.р., генерал-майор. Состоял в белых войсках Восточного фронта. В 1920 г. комендант крепости Владивосток; в дек. 1920 – февр. 1921 г. вр.и.д. Командующего сухопутными и морскими делами временного правительства Приморской Областной Земской управы (после отставки генерал-лейтенанта *Болдырева*).

⁴⁵ (с.425) – *Цейтлин Р.А.* – большевистский представитель, присланный во Владивосток для урегулирования спорных вопросов с японской стороной и решения проблемы включения Приморья в состав «буферного государства» – Дальневосточной республики (ДВР); один из руководителей Приморской Областной Земской управы. Был убит на квартире доктора *Моисеева* в ходе военно-политического переворота.

⁴⁶ (с.430) – В осуществлении нового переворота и устранении власти теперь уже коалиционного правительства (с преобладанием в нем коммунистов) были заинтересованы многие силы: остатки бедствующих колчаковских войск, эмигранты, беженцы, представители различных партий, противостоящих большевикам, бывшие собственники, потерявшие имущество в результате революции и др. Источниками слухов о готовящемся свержении Приморского правительства служила информация, поступающая из Харбина, ставшего в этот период центром российской эмиграции на Дальнем Востоке.

⁴⁷ (с.431) – *Кругликов Аполлон Николаевич* – член партии эсеров, в 1917 г. председатель исполкома общественных организаций

Иркутской губернии, Иркутский краевой комиссар. В 1920 г. министр внутренних дел временного правительства Приморской Областной Земской управы.

⁴⁸ (с.435) – Речь идет о Командующем армией *В.Г.Болдыреве*.

⁴⁹ (с.436) – Нарсоб - Народное Собрание Приморской области.

⁵⁰ (с.436) – В этот период (лето 1920 г.) шли интенсивные переговоры большевиков с японскими оккупационными силами о включении Приморской области и других частей Дальнего Востока России в состав ДВР, центром которого была Чита.

⁵¹ (с.436) – В марте 1921 г. во Владивостоке состоялся Съезд представителей несоциалистического населения Дальнего Востока и полосы отчуждения КВЖД (I Несоциалистический съезд), принявший программу для небольшевистского правительства. А 26 мая 1921 г. с участием делегатов этого съезда во Владивостоке произошел государственный переворот. Власть перешла к совету Съезда несоциалистических организаций, состоящему к тому времени из шести человек: *С.Д.* и *Н.Д. Меркуловых*, *И.И.Еремеева*, *А.Я.Макаревича*, *Е.М.Адерсона* и *В.Ф.Иванова*. Таким образом, появилось правительство, известное как «правительство братьев Меркуловых». (*Меркулов Николай Дионисович* – крупный коммерсант, пароходовладелец; организатор переворота 26 мая 1921 г. при содействии японской армии.

Меркулов Спиридон Дионисович – присяжный поверенный; председатель Приморского временного правительства.)

«Правительство Меркуловых», породившее еще больший хаос и дальнейший развал экономики в крае, смогло просуществовать до июня 1922 г. Прекратило свою деятельность после приезда из Харбина во Владивосток генерала *М.К. Дитерихса* и полной эвакуации японских войск из Приморья.

⁵² (с.436) – Продолжение дневника не обнаружено.

ПОХОЖДЕНИЯ ФАКТОРИНА ИЛИ СТАМБУЛЬСКИЙ ЭНДШПИЛЬ (рукопись, похищенная у известного писателя)

¹ (с.796) – Вагенбург - укрепление в виде лагеря, к ГУЛАГу отношения не имеет.

² (с.796) – Ракия - водка такая, противная.

От редакции

Редакционная коллегия выносит благодарность лицам и организациям, оказавшим содействие в подготовке номера: московскому поэту **Лияну Яновичу Контеру**, кемеровскому веб-дизайнеру **Алексее Викторовичу Брагину**, заведующей новокузнецким музеем народного образования **Тамаре Васильевне Семеновой**, сотрудницам государственного архива Тверской области **Галине Викторовне Баруткиной** и **Галине Михайловне Дмитриевой**, сотруднице Российского государственного исторического архива **Людмиле Вячеславовне Белокопытовой**, генеральному директору Российской национальной библиотеки **Владимиру Николаевичу Зайцеву**, петербургским исследователям **Виктору Владимировичу Клейсту** и **Анне Леонтьевне Патраковой**, удомельскому краеведу **Дмитрию Леонидовичу Подушкову**, председателю кемеровского общественного фонда «Исторические исследования» **Леониду Николаевичу Лопатину**, коллективу издательства «Кузбассвузиздат», клубу региональной журналистики «Из первых уст», а также **Анастасии Владимировне Темниковой**, **Лидии Афанасьевне Малород** и семейству Литвиновых – **Евгении Павловне**, **Наталье** и **Татьяне**.

От редакции

Содержание

Слово к читателю. 5

Памятки истории

Дмитрий Шагиахметов. Из предыстории «Нашей газеты»: рабочий дневник 1989 г. 11
Егор Ревенко. К истории провинциального портрета (*записки барнаульского коллекционера*) 46
Марианна Фаликова. Древо с могучими корнями (*в продолжение темы*) 113

Изыщная словесность

Мэри Кушникова. Апокрифическая повесть. 119
Виктория Кинг. Данники грозного чувства (*из нового романа «Мачехи»*).... 167
Виктор Вайнерман. Головокружение. Рассказ. 189
Георгий Петрович. Под фиговым листком Лаокоона. Рассказ. 197
Николай и Светлана Пономарёвы. Город без войны 241
Евгений Асташкин. Пол-Коли.... 253
Наталья Елизарова. Бифштекс для кошки. 265
Пётр Ореховский. Баллады осени. 276

Рифмы и ритмы

Вероника Шелленберг. Нашла я подкову на счастье... 291
Владимир Азаров. Всё проходит в этом зыбком мире... 300
Игорь Егоров. Миниатюры. 305
Андрей Ключанский. Пишу и слушаю перо... 309
Дарья Решетникова. Мы спали на ветках еловых... 316

<i>Елена Чач.</i> Нет на земле одиночества... ..	320
<i>Пётр Кузнецов.</i> Вечности великих.	325

Из первых уст
(актуальные интервью «Нашей газеты»)

<i>Елена Сурикова.</i> Александр Яковлев: «Единственный путь - это говорить правду...»	333
<i>Елена Мухопад.</i> Евгений Ясин: «Зачем России демократия?»	343

Рецензии

<i>Виктория Кинг.</i> Народ безмолствует, но не покоряется (запоздалое размышление на тему романа <i>Светланы Василенко</i>).	355
<i>Лавиния Мятлева.</i> Прогулка по лунной дорожке (к экранизации романа <i>Михаила Булгакова</i> «Мастер и Маргарита», 2005г.)	357

Переводы

<i>Фабьенн Вердьё.</i> Пассажир тишины (продолжение. Начало см. «ГС» №2)	363
<i>Джон Китс.</i> О, странник на Земле, храни свой путь-узор!	370

Памяти белого генерала А.Т. Антоновича

<i>Сергей Папков.</i> В тупике. Последние дни Академии Генштаба и Белой Армии на Востоке России в описании генерала Антоновича	375
Дневник генерала Антоновича	381

К 185-летию Ф.М. Достоевского

<i>Шимон Токаржевский.</i> Семь лет каторги (окончание. Начало см. «ГС» №№ 1-2)	439
<i>Андре Суарес.</i> Лики Достоевского (из книги «Портреты без модели», Париж, 1935 г.).	506

Лев Толстой и Сибирь

<i>Юлий Егудин.</i> Слово об Анне Степановне Малород	521
<i>Анна Малород.</i> Дневник учительницы толстовской школы	524

Анатомия мифа

<i>Александр Водолазов.</i> Там, за далью непогоды. Описание жизни Александра Васильевича Светакова	609

По ту сторону реальности

<i>Алиса Поникаровская.</i> Ключ от одиночества	675
<i>Ирина Юсупова.</i> Научи себя любви.	679

О малых сих

<i>Наталья Лопатина.</i> Про kota Никиту	695
Из сказов деда Жумахана.	718
<i>Александр Аханов.</i> Балда	722

От межи, от сохи, от покоса...

<i>Михаил Шмүлёв.</i> Побег из колхоза	731
<i>Антонина Пегушина.</i> Пегушата (деревенские были).	736
<i>Валентина Кузина.</i> За гранью пашни. Повесть	773

Новое имя

<i>Виктор Кальсин.</i> В твоё сердце песчинку положим...(из первой книги)	789

Под занавес

Похождения Факторина, или Стамбульский Эндшпиль (рукопись, похищенная у известного писателя)	795
Примечания.	803
От редакции.	822

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ - В КУЗБАССЕ

Серия книг, изданных в 2003-2005гг.:

1. Виктория Кинг. Виктуар. Роман. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 540с.
2. Виктория Кинг. Отшельница. Роман. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 432с.
3. Голоса Сибири. Литературный альманах. – Вып. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 640с.
4. Голоса Сибири. Литературный альманах. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 768с.
5. М. Кушникова, В. Тогулев. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга первая. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 608с.

Основные сайты в сети Интернет:

www.golosasibiri.narod.ru
www.marykushnikova.narod.ru
www.kuzbasshistory.narod.ru
www.litsite.narod.ru
www.historypages.narod.ru

Электронная почта для переписки с читателями:

sprkem@mail.ru
litsite@rambler.ru
alexey_bragin@rambler.ru

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск третий

Подписано к печати   Формат
Бумага офсетная № Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж   экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48

---

internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru